КАТРИН БЕЛТОН

ЛЮДИ ПУТИНА

Как КГБ вернул себе Россию, а затем взялся за Запад

Перевод с английского

Моим родителям, Марджори и Дереку, а также Ричарду и Кэтрин Биркетт

ЭПИГРАФ

«Лидеры российской организованной преступности, члены их группировок и сообщники перебираются в Западную Европу: покупают недвижимость, открывают банковские счета, учреждают компании, вплетаются в ткань общества – и к тому времени, когда Европа это осознает, будет уже слишком поздно».

Бывший специальный агент ФБР Боб Левинсон

«Я хочу предупредить американцев. Как народ вы очень наивны в отношении России и ее намерений. Вы считаете, что раз Советского Союза больше нет, то Россия теперь ваш друг. Это не так, и я могу показать вам, как СВР пытается уничтожить США даже сегодня – и даже активнее, чем КГБ во время холодной войны».

Сергей Третьяков, бывший полковник российской внешней разведки (СВР), работавший в Нью-Йорке

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Внутренний круг Путина – силовики

Игорь Сечин – доверенный «привратник» Путина, бывший оперативник КГБ из Санкт-Петербурга. Поднявшись до должности заместителя руководителя путинской администрации, возглавил государственное поглощение российского нефтяного сектора. Позднее за безжалостную склонность к интригам получил прозвище «российский Дарт Вейдер».

Николай Патрушев – влиятельный бывший директор Федеральной службы безопасности (ФСБ), преемницы КГБ, ныне секретарь Совета безопасности.

Виктор Иванов – бывший офицер КГБ, служивший вместе с Путиным в Ленинградском управлении КГБ. В первый президентский срок Путина, будучи заместителем руководителя администрации, ведал кадрами и руководил первоначальной экспансией Кремля в экономику.

Виктор Черкесов – бывший высокопоставленный офицер КГБ, возглавлявший ФСБ по Санкт-Петербургу, наставник Путина. Переехал вместе с ним в Москву и оставался его близким советником – сначала в должности первого заместителя директора ФСБ, затем во главе Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Сергей Иванов – бывший офицер Ленинградского КГБ, в девяностые годы ставший одним из самых молодых генералов в истории российской внешней разведки. При президенте Путине занимал посты министра обороны, а затем руководителя администрации Кремля.

Дмитрий Медведев – бывший юрист. В двадцать с небольшим лет начал работать заместителем Путина в мэрии Санкт-Петербурга и затем неизменно шел по его стопам: заместитель руководителя администрации Кремля, руководитель администрации и, наконец, временный «сменщик» Путина на посту президента.

Хранители – бизнесмены, связанные с КГБ

Геннадий Тимченко – предполагаемый бывший оперативник КГБ. Сделал карьеру во внешней торговле СССР и еще до распада Союза стал соучредителем одной из первых независимых компаний по торговле нефтепродуктами. Тесно работал с Путиным с начала девяностых, а по словам некоторых соратников, – и до краха СССР.

Юрий Ковальчук – бывший физик, вместе с другими связанными с КГБ бизнесменами взявший под контроль петербургский банк «Россия», который, по данным Министерства финансов США, стал «личным банком» Путина и других высокопоставленных российских чиновников.

Аркадий Ротенберг – бывший партнер Путина по дзюдо, ставший миллиардером в годы его президентства, после того как государство заключило с его компаниями многомиллиардные строительные контракты.

Владимир Якунин – бывший высокопоставленный офицер КГБ, некоторое время работавший под прикрытием в ООН в Нью-Йорке, а затем вместе с Ковальчуком взявший под контроль банк «Россия». Путин поставил его во главе государственной железнодорожной монополии.

«Семья» – круг родственников, чиновников и бизнесменов, окружавших первого президента России Бориса Ельцина

Валентин Юмашев – бывший журналист, завоевавший доверие Ельцина, когда работал над его мемуарами; в 1997 году назначен руководителем администрации Кремля. В 2002 году женился на дочери Ельцина Татьяне.

Татьяна Дьяченко – дочь Ельцина, официально его советник по имиджу, а фактически – «привратник» президента.

Борис Березовский – бывший математик, сколотивший состояние на торговых схемах вокруг АвтоВАЗа, производителя угловатых «Жигулей» – символа советской эпохи, и сумевший втереться в доверие к Ельцину и его «Семье». Получив контроль над нефтяной компанией «Сибнефть», стал олицетворением олигархов ельцинской эпохи с их мощными политическими связями.

Александр Волошин – бывший экономист. Начинал работать с Березовским над приватизационными и другими схемами, в 1997 году перешел в Кремль заместителем руководителя администрации Юмашева, в 1999 году сам возглавил администрацию.

Роман Абрамович – нефтетрейдер, ставший протеже Березовского, а позднее переигравший его и забравший себе его бизнес-империю. «Кассир» ельцинской «Семьи», а затем и Путина.

Сергей Пугачев – православный банкир, мастер византийских схем финансирования ельцинского Кремля, впоследствии известный также как «банкир Путина». Соучредитель Межпромбанка, он находился на стыке двух миров – «Семьи» и силовиков.

Олигарх ельцинской эпохи, перешедший дорогу людям Путина

Михаил Ходорковский – бывший комсомольский функционер, ставший одним из первых и самых успешных российских предпринимателей эпохи перестройки и 1990-х годов.

Мафиози – «пехота» КГБ

Санкт-Петербург

Илья Трабер – бывший советский подводник, в годы перестройки торговавший антиквариатом на черном рынке, а затем ставший посредником между путинскими спецслужбами и тамбовской организованной преступной группировкой, которая контролировала самые стратегические объекты Санкт-Петербурга – морской порт и нефтяной терминал.

Владимир Кумарин – главарь тамбовской ОПГ, потерявший руку при покушении и прозванный «ночным губернатором» Санкт-Петербурга; вел совместный бизнес с людьми Путина, прежде всего с Ильей Трабером.

Москва

Семен Могилевич – бывший борец по прозвищу «Мозговитый дон». В конце восьмидесятых стал банкиром лидеров самых могущественных российских ОПГ, в том числе солнцевской, переправлял их наличные на Запад и выстроил собственную преступную

империю, торговавшую наркотиками и оружием. Завербованный КГБ еще в семидесятые, он был «преступной рукой российского государства».

Сергей Михайлов – предполагаемый лидер солнцевской ОПГ, самой могущественной в Москве, тесно связанный со многими близкими к КГБ бизнесменами, которые впоследствии наладили отношения с нью-йоркским магнатом недвижимости Дональдом Трампом.

Вячеслав Иваньков (Япончик) – мафиози, направленный Могилевичем на Брайтон-Бич в Нью-Йорке, чтобы управлять тамошней преступной империей солнцевских.

Евгений Двоскин – мафиози с Брайтон-Бич. Вернувшись вместе со своим дядей Иваньковым в Москву и объединив усилия с российскими спецслужбами, стал одним из самых известных «теневых банкиров» России, переправлявших на Запад десятки миллиардов долларов «черного нала».

Феликс Сатер – лучший друг Двоскина с детства. Стал ключевым деловым партнером Trump Organization и построил для Трампа ряд объектов недвижимости, сохраняя при этом связи на высоком уровне в российской разведке.

ПРОЛОГ

Московские правила

Был поздний вечер мая 2015 года. Сергей Пугачев листал старый семейный фотоальбом, которому было уже лет тринадцать, а то и больше. На одном снимке, сделанном на дне рождения на его подмосковной даче, сын Пугачева Виктор смущенно опускает глаза, а дочь Владимира Путина Мария, улыбаясь, что-то шепчет ему на ухо. На другом Виктор и второй сын, Александр, позируют вместе с двумя дочерьми Путина на деревянной винтовой лестнице в президентской библиотеке Кремля. С края снимка улыбается Людмила Путина – тогда еще жена российского президента.

Мы сидели на кухне последнего пристанища Пугачева – трехэтажного таунхауса в респектабельном лондонском районе Челси. Вечерний свет лился в огромные, как в соборе, окна, за окном в деревьях щебетали птицы, с близлежащей Кингс-роуд доносился негромкий гул машин. Жизнь, которой Пугачев когда-то жил в Москве, – сделки, бесконечные закулисные соглашения, «договоренности» между друзьями в кремлевских коридорах власти – казалась теперь бесконечно далекой. Но на самом деле Москва никуда не делась: ее влияние, словно тень, по-прежнему таилось за его порогом.

Накануне Пугачеву пришлось обратиться за защитой к британскому контртеррористическому подразделению. Его охранники обнаружили подозрительные коробки с торчащими проводами, прикрепленные к днищу его «Роллс-Ройса», а также машины, на которой в школу возили троих его младших детей – семи, пяти и трех лет. Теперь на стене гостиной Пугачевых, за лошадкой-качалкой, напротив семейных портретов, висел серый ящик с тревожной кнопкой, установленный сотрудниками контртеррористического подразделения SO15: в случае нападения достаточно было нажать на нее.

Пятнадцатью годами раньше Пугачев был кремлевским инсайдером, без устали маневрировавшим за кулисами, чтобы помочь Владимиру Путину прийти к власти. Его называли банкиром Кремля; он был мастером закулисных сделок и ловких комбинаций, при помощи которых тогда управляли страной. Долгие годы он казался неприкасаемым – членом узкого круга на самой вершине власти, который устанавливал правила и сам же гнул их в свою пользу, подчиняя своим нуждам правоохранительные органы, суды и даже выборы. Но теперь кремлевская машина, частью которой он когда-то был, обратилась против него.

Высокий православный верующий с темной бородой и общительной улыбкой стал очередной жертвой неуклонно расширявшегося влияния Путина. Сначала Кремль добрался до его бизнес-империи и прибрал ее к рукам.

Когда Кремль перешел в наступление, Пугачев уехал из России – сначала во Францию, затем в Англию. Люди Путина безо всякой компенсации отобрали у него проект гостиницы на Красной площади, в двух шагах от Кремля, который ему когда-то отдал сам президент. Затем его судостроительные заводы – два крупнейших в России, оценивавшиеся в 3,5 миллиарда долларов, – за малую долю этой суммы достались одному из ближайших соратников Путина, Игорю Сечину. Потом его угольный проект – крупнейшее в мире месторождение коксующегося угля в сибирском регионе Тува стоимостью 4 миллиарда долларов – за 150

миллионов долларов перешел к близкому соратнику Рамзана Кадырова, всесильного главы Чечни.[1]

Попутно люди Путина обвинили его в крахе Межпромбанка – банка, который он когда-то, еще в девяностые, учредил вместе с партнерами и который некогда был основой его могущества. Кремлевские власти возбудили уголовное дело, утверждая, что Пугачев довел банк до банкротства, переведя из него 700 миллионов долларов на счет в швейцарском банке в разгар финансового кризиса 2008 года. На заявления Пугачева о том, что это были его собственные деньги, Кремль не обращал внимания. И никого, похоже, не волновало, что главной причиной, по которой банку не хватило средств для расчетов с кредиторами, было приобретение Сечиным верфей за бесценок.[2]

Рука Кремля была видна невооруженным глазом. «Люди внутри государства манипулировали правилами против него, чтобы обрушить банк, и, что неудивительно, сами же на этом нажились», – говорит Ричард Хейнсворт, давний эксперт по российскому банковскому сектору.[3]

Это была типичная история для кремлевской машины, которая становилась все более неумолимой. Сначала она преследовала политических противников. Теперь же начала обращаться против бывших союзников Путина. Пугачев первым из ближнего круга попал в опалу. И теперь Кремль перенес свою кампанию против него из жестоких закрытых московских судов в респектабельный лондонский Высокий суд. Там он без труда добился ареста активов Пугачева, попутно запутав магната в судебных тенетах.

С тех пор как Пугачев покинул Россию, Кремль не оставлял его в покое. Во Франции ему угрожали подручные, присланные ликвидатором Межпромбанка. Трое членов московской мафиозной группировки вывезли его на яхте в море у берегов Ниццы и потребовали заплатить 350 миллионов долларов за «безопасность» его семьи. Это, сказали они, «цена мира» – цена того, чтобы российское уголовное дело о банкротстве Межпромбанка против него было закрыто; это подтверждают документальные свидетельства.[4]

В британских судах Пугачев чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег: действовать по чуждым ему правилам и процедурам он был не способен. Он слишком привык к закулисным сделкам своего кремлевского прошлого, слишком привык проскальзывать сквозь сети правил и норм благодаря своему положению и власти. И сам себе изрядно навредил. Убежденный в своей правоте – в том, что он стал жертвой очередного кремлевского захвата активов, – он ставил себя выше требований британских судов. Он нарушал

[1] Оценки стоимости перечисленных активов основаны на документах, с которыми ознакомился автор, поданных в рамках иска Пугачева к России на 12 миллиардов долларов по поводу предполагаемой экспроприации его активов. Из них следует, что западная аудиторская компания BDO оценила судостроительные верфи в 3,5 миллиарда долларов, а Nomura – в сумму от 2,2 до 4,2 миллиарда долларов. Ernst & Young оценила угольную компанию ЭПК в 4 миллиарда долларов. Более того, покупатели ЭПК, Руслан Байсаров и Игорь Алтушкин, поначалу объявили российской прессе, что купили ее за 4 миллиарда долларов.

[2] Копии переписки между кредиторами, интересы которых представлял инвестиционный банк Nomura, и Центральным банком России показывают, что пакеты акций верфей были заложены в обеспечение кредита Центробанка. Как указывается в переписке, их продажа по рыночной цене гарантировала бы удовлетворение всех требований кредиторов.

[3] Интервью автора с Ричардом Хейнсвортом, июнь 2014 г.

[4] Запись этого разговора была передана в Министерство внутренних дел Франции в рамках уголовного расследования по факту угроз. Автор ознакомился с этими материалами.

предписания, связанные с арестом активов, и растратил миллионы фунтов со счета, который скрывал от британского суда. Правила раскрытия информации он считал ниже своего достоинства – мелочью по сравнению с катастрофой, постигшей его бизнес-империю, и не более чем частью кремлевской кампании, призванной травить его и ставить ему палки в колеса на каждом шагу. Кремль же тем временем научился виртуозно преследовать своих врагов через британскую судебную систему, а отлаженная пиар-машина заполняла страницы британских таблоидов обвинениями в адрес российского олигарха, якобы присвоившего украденные богатства.

Впервые Кремль освоился в британской судебной системе, одержав победу над Борисом Березовским – олигархом в изгнании, ставшим самым яростным критиком Путина, – в деле, которое, казалось, перевернуло российскую историю с ног на голову. Березовский – говорливый бывший кремлевский инсайдер – пытался, но так и не смог, отсудить в лондонском Высоком суде 6,5 миллиарда долларов у своего бывшего делового партнера Романа Абрамовича, близкого союзника Кремля. Судья Элизабет Глостер, которая вела дело, весьма скептически отнеслась к утверждению Березовского о том, что он совместно с Абрамовичем владел «Сибнефтью», одной из крупнейших российских нефтяных компаний, и долей в «Русале», крупнейшем российском алюминиевом гиганте, и что Абрамович вынудил его продать свои доли за бесценок. Хотя вся Россия считала Березовского владельцем этих компаний, судья Глостер заявила, что находит его «по природе своей ненадежным свидетелем»[1], и встала на сторону Абрамовича, который утверждал, что Березовский никогда этими активами не владел, а лишь получал деньги за политическое покровительство. Позднее выяснилось, что пасынок судьи Глостер получил почти 500 000 фунтов стерлингов за то, что представлял интересы Абрамовича на ранних стадиях процесса. Адвокаты Березовского утверждали, что его участие было более значительным, чем сообщалось ранее.[2]

Еще больше Кремль отточил свои методы в британских судах, преследуя Мухтара Аблязова – казахстанского миллиардера, который оказался главным политическим противником президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, ключевого союзника Кремля. Аблязова преследовало российское государственное Агентство по страхованию вкладов, обвинившее его в хищении более 4 миллиардов долларов из казахстанского БТА Банка, который он возглавлял в качестве председателя совета директоров и у которого были филиалы по всей России. Российское агентство наняло команду юристов из ведущей лондонской

[1] Джейн Крофт и Нил Бакли. «Критик Кремля проиграл коллеге-олигарху иск на 6,5 млрд долларов» // Financial Times, 1 сентября 2012 г. Константин Кагаловский, бывший представитель российского правительства в международных финансовых институтах и один из архитекторов залоговых аукционов, позднее сказал мне, что «многие в России знали, что [Абрамович и Березовский] были партнерами 50 на 50». По его словам, он сам находил документы, свидетельствующие об этом, но тогда их уничтожил. (Кагаловский также занимал должность первого заместителя главы принадлежавшего Ходорковскому банка «Менатеп» и работал над планами слияния принадлежавшего Ходорковскому ЮКОСа и «Сибнефти».) «Во время процесса по делу [Березовского] никто из России не приехал давать показания о собственности Березовского, потому что никто не хотел портить отношения с российскими властями и с Ромой [Абрамовичем]», – отметил он.

[2] Березовский в свое время пытался обжаловать это решение. «Иногда у меня складывается впечатление, что это решение написал сам Путин», – говорил он («Роман Абрамович выиграл суд против Березовского» // BBC News, 31 августа 2012 г.). Позднее выяснилось, что пасынку судьи Глостер заплатили почти 500 000 фунтов стерлингов за представление интересов Абрамовича на ранних стадиях дела (Дэвид Леппард. «Березовский возмущен выплатой 3,5 млрд фунтов от Абрамовича в пользу пасынка судьи» // Sunday Times, 22 сентября 2012 г.). Судья Глостер от комментариев отказалась, а судебная служба, представляющая интересы судей, сообщила, что она заявила об этом обстоятельстве и что Березовский в тот момент не возражал.

юридической фирмы Hogan Lovells, которые подали против Аблязова в Великобритании одиннадцать гражданских исков о мошенничестве и добились ареста его активов. Частные детективы проследили, как выведенные 4 миллиарда долларов ушли в сеть офшорных компаний, подконтрольных казахстанскому магнату.[1]

Но в случае Пугачева никаких украденных или спрятанных активов, судя по всему, обнаружено не было. Ни в Великобритании, ни где-либо еще за пределами России против него ни разу не подавали исков о мошенничестве. Тем не менее, опираясь исключительно на решение российского суда, та же команда Hogan Lovells добилась ареста активов Пугачева и ловко обводила его вокруг пальца, пока он изнывал под градом сыпавшихся на него судебных постановлений. Его допрашивали о раскрытии активов и уличили в даче ложных показаний о том, кто продал его угольный бизнес – он сам или его сын. Судью, похоже, не волновало, что продажа была проведена принудительно, по цене, составлявшей меньше одной двадцатой от реальной стоимости бизнеса. Значение имело лишь то, соблюдал ли он процедуру и задекларировал ли все активы, оставшиеся под его контролем. Пугачева заставили сдать паспорта суду и запретили покидать Великобританию на все время затянувшихся допросов о раскрытии активов, а юристы Кремля тем временем затягивали юридическую петлю. Он сменил целый ряд адвокатов: одни недоумевали, сталкиваясь с делом, которое в Великобритании ни разу не рассматривалось по существу, другие беззастенчиво видели в нем легкую добычу. Избалованные потоком российских дел – московские магнаты готовы были платить любые деньги за то, чтобы их споры слушались в лондонском Высоком суде, – юридические фирмы, как свидетельствуют документы, раздували свои счета до астрономических сумм за работу, которая так и не была сделана. Пиар-агентства предлагали защищать имидж Пугачева за 100 000 фунтов стерлингов в месяц. «Теперь он на нашей территории», – говорил один из партнеров международной юридической фирмы, представлявшей его интересы.

Поначалу Пугачев считал, что дело против него раскручивают зарвавшиеся кремлевские чиновники рангом пониже, стремящиеся окончательно закрепить за собой отобранную у него бизнес-империю. Но по мере того как кампания ширилась, а сам Пугачев начал опасаться за свою жизнь, он убедился, что ею руководит лично Путин. «Как он мог так со мной поступить? Я ведь сделал его президентом», – говорил он в тот вечер, сидя на кухне своего дома в Челси, все еще потрясенный визитом сотрудников SO15 и подозрительными устройствами, найденными под его машинами.[2]

Бывший друг, присланный Кремлем в Лондон, сообщил ему, что Путин лично руководит каждым шагом кампании против него, и предупредил: «Здесь у нас все под контролем, все схвачено».

Пугачев давно замечал, как растет в Лондоне влияние кремлевских денег. По его словам, задолго до начала юридической атаки он встречался с целым рядом английских лордов, которые громко хохотали, жали ему руку и рассказывали, каким великим человеком считают Путина. Тогда они знали Пугачева как «банкира Путина», как его называла пресса, но все равно, ничуть не задумываясь, просили его сделать пожертвование в пользу Консервативной партии. Все его бывшие кремлевские друзья держали в Лондоне родственников и любовниц, к которым наведывались по выходным, наводняя город деньгами.

[1] Аблязов утверждал, что стал жертвой политической охоты на ведьм. Он был единственным реальным политическим противником Назарбаева. По его словам, банк рухнул потому, что Назарбаев отобрал его у него.

[2] Интервью автора с Пугачевым.

Здесь жила со своей дочерью бывшая жена Сечина Марина. Здесь был вице-премьер Игорь Шувалов, которому принадлежала самая престижная квартира в городе – пентхаус с видом на Трафальгарскую площадь. Здесь учились в одной из самых престижных частных школ страны сыновья Аркадия Ротенберга, миллиардера и бывшего партнера Путина по дзюдо, а его бывшая жена Наталья ходила по магазинам и судилась с мужем по поводу развода в лондонском Высоком суде. Здесь был и вице-спикер Государственной думы Сергей Железняк, один из самых громогласных российских патриотов, долгие годы обличавший влияние Запада, – при том что его дочь Анастасия уже много лет жила в Лондоне. Список чиновников, обосновавшихся в Лондоне, бесконечен, говорит Пугачев. «Они очень неплохо устроились на этом маленьком острове с ужасной погодой, – хмыкнул он. – В Великобритании главным всегда были деньги. Путин послал своих агентов развращать британскую элиту».

Город уже привык к потоку российских денег. Цены на недвижимость взлетели: сначала магнаты, а затем и российские чиновники скупали элитные особняки в Найтсбридже, Кенсингтоне и Белгравии. Череда размещений акций российских компаний во главе с государственными «Роснефтью», Сбербанком и ВТБ помогала оплачивать аренду и зарплаты в офисах преуспевающих лондонских пиар-агентств и юридических фирм. Лордам и бывшим политикам платили щедрые вознаграждения за места в советах директоров российских компаний, хотя реального контроля над деятельностью этих компаний им почти не давали. Российское влияние ощущалось повсюду. Александр Лебедев, бывший офицер КГБ и банкир, позиционировавший себя как защитника свободной прессы в России, купил самую читаемую и влиятельную лондонскую ежедневную газету Evening Standard и стал непременным гостем столичных светских приемов и самых желанных званых ужинов. Другой фигурой такого рода был Дмитрий Фирташ – украинский магнат, ставший излюбленным газовым трейдером Кремля: несмотря на связи с разыскиваемым ФБР крупным российским мафиози Семеном Могилевичем, он сделался миллиардером-благотворителем Кембриджского университета. Его главный лондонский порученец Роберт Шетлер-Джонс пожертвовал миллионы фунтов тори, а влиятельные партийные бонзы входили в правление учрежденного Фирташем Британско-украинского общества. Были и другие, менее заметные игроки. По меньшей мере одному из них удалось незаметно проскользнуть в близкие друзья Бориса Джонсона, тогдашнего мэра Лондона, входившего в верхушку консервативной элиты. «В кино все привыкли к шпионам в темных очках и с подозрительным видом, – говорил Пугачев. – А здесь они повсюду. Выглядят нормально. Их не отличишь».

Пугачев не знал, говорил ли посланник Кремля, уверявший, что в Великобритании у них все схвачено, правду или его прислали просто для того, чтобы запугать. Но в какой-то момент – после того как он нашел подозрительные устройства на своих машинах и впервые прослышал, что Россия собирается добиваться его экстрадиции из Великобритании, – он решил не дожидаться, пока это выяснится. Несмотря на былую близость к Путину и обширные связи с кремлевским кланом бывших сотрудников КГБ, известных как силовики, назначенную ему встречу с высокопоставленным чиновником британского Министерства иностранных дел в последний момент отменили. Вместо этого приезжий кремлевский агент сказал ему, что ему следует встретиться с человеком, которого российская разведка обхаживала в МИ-6. Все переворачивалось с ног на голову. Пугачев опасался, что британское правительство готовит с русскими сделку о его выдаче. Вспоминал он и о судьбе своего друга Бориса Березовского, непримиримого критика Кремля, которого в марте 2013 года нашли мертвым на полу ванной в его загородном особняке в Беркшире: на шее у него был его любимый черный кашемировый

шарф, а на месте происшествия остался неопознанный отпечаток пальца. По какой-то неведомой причине Скотленд-Ярд не стал расследовать это дело, оставив его местной полиции долины Темзы, которая признала смерть самоубийством и закрыла дело.[1] «Похоже, есть договоренность с Россией, чтобы не поднимать шума», – тревожился Пугачев.[2]

И вот однажды, в июне 2015 года, через несколько недель после нашей встречи в его доме в Челси, Пугачев внезапно исчез из Великобритании. Все его телефоны были отключены и выброшены по дороге. Он бежал, проигнорировав судебные постановления, запрещавшие ему покидать страну. Он даже не предупредил свою подругу, мать его троих маленьких детей, лондонскую светскую львицу Александру Толстую, которая до поздней ночи прождала его на восьмидесятилетнем юбилее своего отца. В последний раз его видели на встрече с адвокатами, которые предупредили его, что для внесения залога в связи с неминуемым российским запросом об экстрадиции ему понадобится 10 миллионов фунтов стерлингов, – денег, к которым у Пугачева не было доступа. Через несколько недель он объявился во Франции, гражданство которой получил в 2009 году и законы которой защищали ее граждан от выдачи России. Он укрылся в относительно безопасном месте – на своей вилле высоко на холмах над заливом Ниццы, в настоящей крепости, окруженной неприступным высоким железным забором, с бригадой телохранителей и батареей камер видеонаблюдения на каждом шагу.

Легкость, с которой Кремлю удалось провести свое дело против него в Лондоне, показалась Пугачеву, как говорят русские, первой ласточкой. Это был приход московских правил в Лондон, где Кремль мог искажать и выкручивать судебный процесс в своих интересах, где главный вопрос – экспроприация многомиллиардной бизнес-империи Пугачева – мог быть искусно похоронен под мелочами, касавшимися правил ареста активов и того, правильно ли Пугачев их соблюдал. Конечно, Пугачев не был ангелом. Совершенно неясно, что стало с 700 миллионами долларов, которые он, по версии обвинения, вывел из Межпромбанка. Однако ряд раскрытых им сведений об активах, не оспоренных Высоким судом Великобритании, показал, что 250 миллионов долларов из этой суммы вернулись в банк, а след остальных затерялся в компаниях, ликвидированных бывшим союзником Пугачева, который теперь тесно сотрудничал с Кремлем. Позднее швейцарские прокуроры, к которым Россия обратилась с просьбой заблокировать счета Пугачева в швейцарских банках, заявили, что не нашли никаких доказательств преступления в переводе 700 миллионов долларов со счетов компании Пугачева в Межпромбанке на счет в швейцарском банке в разгар кризиса 2008 года.[3]

---

[1] Коронер вынес по делу о смерти Березовского «открытый вердикт», несмотря на позицию полиции долины Темзы (Thames Valley Police – территориальная полиция графств Бакингемшир, Беркшир и Оксфордшир). Судебно-медицинский эксперт, привлеченный семьей Березовского, показал, что изучение посмертных фотографий убедило его в том, что Березовский не совершал самоубийства: на его шее не было V-образной борозды, которая должна была бы остаться, если бы он повесился. Полиции не удалось найти в базах данных ФБР и Интерпола отпечатков пальцев, совпадающих с обнаруженными на душевой штанге (Джейн Крофт. «Открытый вердикт не раскрыл тайну смерти кремлевского критика Березовского» // Financial Times, 28 марта 2014 г.).

[2] В марте 2018 года тогдашний министр внутренних дел Эмбер Радд заявила, что полиция Великобритании и МИ-5 пересмотрят ряд случаев гибели россиян на территории Великобритании, в том числе, по-видимому, и смерть Березовского («Отравление российского шпиона: Радд сообщает, что расследование распространится на другие смерти» // BBC News, 13 марта 2018 г.).

[3] Документы швейцарской прокуратуры, полученные автором. Следственный комитет России, однако, утверждает, что средства были переведены не с депозитов компании Пугачева «ОПК Девелопмент», а из кредитных ресурсов Центробанка. Российская прокуратура утверждает, что депозиты ОПК в Межпромбанке, куда поступили средства коммерческого кредита российского государственного банка ВТБ от 19 июня 2008 года

Но хотя кремлевские юристы так и не возбудили против него дела о мошенничестве в Великобритании и никаких следов похищенных средств, судя по всему, не было, юридическое преследование Пугачева не ослабевало. Юристы, работавшие на российское Агентство по страхованию вкладов, настаивали, что в банкротстве Межпромбанка он «пойман с поличным». «Если вы получаете деньги от регулятора, вы должны пустить их на спасение банка, а не на выплаты самому себе», – говорил человек, близкий к команде юристов.[1] Несмотря на то что Кремль отобрал у Пугачева бизнес-империю, а сам он начал опасаться за свою жизнь, суд признал его виновным в неуважении к суду за бегство из Великобритании и заочно приговорил к двум годам тюрьмы. Во время этих слушаний его не раз называли лжецом. Он нарушал условия ареста активов. Он не только бежал из страны, но и перевел во Францию деньги от продажи двух автомобилей. Одна из судей, Вивьен Роуз, заявила, что не может «с уверенностью полагаться ни на одно из данных им показаний». Новозеландский траст, который он учредил для владения недвижимостью стоимостью в десятки миллионов долларов, в том числе домом в Челси, впоследствии был признан фиктивным.

При всех своих недостатках Пугачев настаивал, что стал жертвой российской государственной вендетты, которую вели руками британских судов. Кремль, похоже, твердо вознамерился похоронить саму мысль о том, что Пугачев когда-либо имел в Кремле серьезные связи или мог знать что-то, способное Кремлю навредить. Устранить политическую подоплеку дела ему удалось, воспользовавшись тем, что британские спецслужбы, отвлеченные наблюдением за исламистской террористической угрозой, все хуже разбирались в России, а сам Пугачев держался в тени. До того как в Лондоне для него запахло жареным, он ни разу в жизни не давал интервью. Мало кто знал, кто он такой. Большинство людей считали, что Путину помог прийти к власти недавно умерший олигарх Борис Березовский. Юристам из Hogan Lovells сказали, что Пугачев – никто и дело против него не имеет никакого отношения к политике. «Я не видел никаких доказательств того, чем он занимался в Кремле, – говорил человек, близкий к команде юристов. – Нам нужно быть крайне осторожными. Пугачев, похоже, говорит все, что ему вздумается. Люди, с которыми я разговаривал, говорят, что он был откровенным жуликом».[2]

Но на самом деле Пугачев работал в самом сердце Кремля и был посвящен в некоторые из самых сокровенных его тайн – в том числе в то, как именно Путин пришел к власти. Похоже, это и было одной из главных причин, по которым Кремль так упорно его преследовал,

– задолго до получения кредита Центробанка, – были задним числом сфальсифицированы. Однако эти доказательства основывались на показаниях двух высокопоставленных руководителей Межпромбанка, согласившихся под давлением на сделку с прокурорами. Один из них, Дмитрий Амунц, согласился показать, что вклады были сфальсифицированы, после того как прокуроры пообещали освободить его из-под стражи, – об этом говорится в расшифровках записанных разговоров между женой Амунца и адвокатом Мариной Ярош со ссылкой на высокопоставленных сотрудников ФСБ. (Он дал показания, но освобожден не был.) Другой руководитель, Александр Диденко, также согласился сотрудничать с прокурорами и был досрочно освобожден. Сейчас он занимает руководящую должность в банке, находящемся под управлением государственного Агентства по страхованию вкладов, – то есть того самого госоргана, который ведет дело против Пугачева. Подробнее см.: Илья Рождественский. «Сбежавшие миллионеры: как банкир Пугачев вывел деньги из России» // РБК, 14 ноября 2016 г.

[1] Интервью автора с человеком, близким к российской государственной команде юристов, февраль 2018 г. Дело о банкротстве против Пугачева основывалось также на утверждениях о том, что он приказал другому высокопоставленному руководителю банка снять залог с акций своей угольной компании ЭПК в рамках подготовки к ее продаже, что также якобы ухудшило финансовое положение банка.

[2] Интервью автора с человеком, близким к команде юристов, февраль 2018 г.

стремясь опутать его юридическими сетями. Еще до того, как Кремль отобрал его бизнес-империю, он искал возможность уехать из России, чтобы вырваться из бесконечных деловых интриг. Союзники Путина по КГБ из Санкт-Петербурга к тому времени уже оттеснили его на второй план, и в 2007 году он начал добиваться французского гражданства. Для посвященных было очевидно: Пугачева наказывают именно за то, что он попытался выйти из спаянной системы, правившей Россией, – из мафиозного клана, покидать который не позволено никому. «Пугачев был как почка: без него система не могла функционировать. Но он потерял голову и решил, что может уйти и заниматься собственным бизнесом. Конечно, был отдан приказ его уничтожить», – говорит высокопоставленный российский банкир, участвовавший в финансовых операциях Кремля.[1]

В спешке бегства из Великобритании во Францию Пугачев оставил после себя немало красноречивых следов. Детективы, работавшие на кремлевских юристов, по решению суда, вынесенному через несколько дней после его исчезновения, нагрянули с обыском в его офис в Найтсбридже. Среди вороха документов обнаружилось несколько дисков. На одном из них были записи: российские спецслужбы с конца девяностых тайно записывали каждую встречу, которую Пугачев проводил в своем офисе в центре Москвы.

Одна из записей ярко передает откровенные и полные горечи чувства Пугачева в отношении Путина и собственной роли в его приходе к власти. На записи Пугачев сидит в своем кабинете с Валентином Юмашевым, зятем бывшего президента Бориса Ельцина и бывшим руководителем его администрации, и за ужином с хорошим вином они обсуждают напряженную обстановку, сложившуюся в Москве, которая переживала очередной политический кризис. Шел ноябрь 2007 года, и до окончания второго подряд президентского срока Путина оставалось всего несколько месяцев – после этого, согласно Конституции России, он должен был уйти. Путин туманно намекал, что после ухода с президентского поста может стать премьер-министром, но о его подлинных намерениях никто даже не догадывался. В лабиринтах кремлевских коридоров бывшие сотрудники КГБ и силовики, пришедшие к власти вместе с Путиным, боролись за место под солнцем, ссорились и подставляли друг друга в надежде, что преемником выберут их самих или их ставленника.

Пугачев и Юмашев неторопливо чокались, обсуждая это противостояние. Неопределенность с преемником живо напоминала им 1999 год, когда они помогали Путину подняться. Им казалось, что с тех пор прошла целая вечность. Теперь их затмили союзники Путина по КГБ из Санкт-Петербурга. Теперь они были почти реликтами совсем другой эпохи. Система власти необратимо изменилась, и они все еще пытались понять, что же натворили.

«Помнишь, как было, когда он пришел к власти? – говорит Пугачев на записи. – Он говорил: „Я менеджер. Меня наняли“». В те дни Путин, казалось, не стремился играть первую роль и выглядел покладистым и сговорчивым по отношению к тем, кто помог ему прийти к власти. «Между нами, поначалу, мне кажется, у него была мысль разбогатеть, пожить счастливой жизнью, решить свои личные вопросы, – продолжает Пугачев. – И в принципе эти вопросы он решил очень быстро… Но когда прошли четыре года его первого срока, он понял: произошло такое, что уже никогда не позволит ему уйти».

Первый срок Путина был залит кровью и полон потрясений. Он привел к коренной перестройке всей системы управления страной. Путину пришлось столкнуться с серией кровавых терактов, в том числе с захватом чеченскими террористами театрального центра на

[1] Интервью автора с российским банкиром, март 2018 г.

Дубровке в Москве в октябре 2002 года. Захват заложников закончился гибелью более ста человек: российские спецслужбы провалили штурм, отравив газом тех самых зрителей, которых пытались освободить. Война Путина с боевиками в неспокойной северокавказской республике Чечня унесла тысячи жизней, в том числе 294 человек, погибших в результате серии взрывов жилых домов. Многие в Москве шепотом говорили, что за этими кровавыми терактами стоят путинские спецслужбы, – не в последнюю очередь потому, что в итоге последовало закручивание гаек, укрепившее его власть. Вольницу олигархов 1990-х вскоре прибрали к рукам. Путину и его людям хватило одного громкого дела против самого богатого человека страны, чтобы покончить с рыночными свободами ельцинской эпохи и начать наступление государства на бизнес.

«Он бы с радостью ушел через четыре года, я думаю, – продолжает Пугачев. – Но потом случились все эти потрясения. С Западом сейчас такое серьезное противостояние – почти Карибский кризис. А теперь он увяз еще глубже… Он понимает, что если так пойдет дальше, то он уже никогда не выберется».

Обоим собеседникам выстроенная Путиным конструкция власти, при которой президент сосредоточил в своих руках столько полномочий, что от него теперь зависело все, казалась чем угодно, только не прочной. «Это пирамида. Достаточно один раз по ней стукнуть, и все рухнет… Он все это понимает, но не может себя переделать».

«У меня нет ощущения, что он что-то из этого понимает», – говорит Юмашев.

«Было бы странно, если бы он сказал: все, что я сделал, – это отсталость, – вставляет Пугачев. – Многие решения он принимает исходя из своих убеждений о том, как устроен мир. Тема патриотизма – он в это искренне верит. Когда он говорит, что распад Советского Союза был трагедией, он искренне в это верит… У него просто такие ценности. Что он делает, он делает искренне. Он искренне ошибается».

Путин часто оправдывал сосредоточение в своих руках всех рычагов власти – от отмены губернаторских выборов до подчинения судебной системы кремлевскому диктату – тем, что эти меры необходимы, чтобы открыть новую эпоху стабильности и покончить с хаосом и развалом 1990-х. Но за патриотическим биением себя в грудь, которое, казалось бы, определяло большинство решений, скрывался другой, куда более тревожный мотив. Путин и выходцы из КГБ, управлявшие экономикой через сеть преданных союзников, монополизировали власть и ввели новую систему, при которой государственные должности служили инструментом личного обогащения. Это было очень далеко от антикапиталистических, антибуржуазных принципов советского государства, которому они когда-то служили.

«Эти люди – мутанты, – говорит Пугачев. – Это смесь гомо советикуса с дикими капиталистами последних двадцати лет. Они столько наворовали себе в карманы. Все их семьи живут где-то в Лондоне. Но когда они говорят, что нужно раздавить кого-то во имя патриотизма, они говорят это искренне. Просто если целью окажется Лондон, они сначала вывезут оттуда свои семьи».

«По-моему, это ужасно, – говорит Юмашев. – Некоторые мои друзья, которые сейчас работают в Кремле, совершенно искренне говорят, как здорово, что там можно так разбогатеть. В девяностые это было недопустимо. Ты должен был либо идти в бизнес, либо работать на страну. А теперь идут работать на государство, чтобы зарабатывать деньги. Министры раздают лицензии, чтобы заработать. И, конечно, все это идет от начальника…

Первый разговор [Путина] с новым госслужащим: „Вот твой бизнес. Делись только со мной. Если кто-то на тебя наедет, я тебя защищу… А если ты не будешь [использовать должность как бизнес], ты идиот“».

«Путин сам это говорил, – подхватывает Пугачев. – Открыто. Помню, я с ним разговаривал. Он говорит: „Чего этот парень ждет? Почему он не зарабатывает? Чего он ждет? У него есть должность. Пусть зарабатывает себе“. Теперь они как люди, напившиеся крови. Они не могут остановиться. Теперь бизнесмены – это государственные чиновники».

«Настоящих бизнесменов осталось совсем мало, – соглашается Юмашев, печально качая головой. – Атмосфера… Атмосфера в стране так изменилась. Воздух изменился. Душно стало. Душно».

Оба вздыхают. Изменилось все – кроме их умения идеализировать собственную роль. «Чем были хороши девяностые – тогда не было лжи», – продолжает Юмашев.

«Абсолютно, – соглашается Пугачев. – Для меня всю жизнь правда была равнозначна свободе. Я зарабатывал деньги не ради богатства, а ради свободы. Сколько можно потратить? Хватает на две пары джинсов – и нормально. Но определенная независимость дала мне одно: мне не нужно врать».

Обоим казалось, что президента окружили поддакивающие, наперебой произносящие длинные тосты в честь Путина и уверяющие его, что он ниспослан Богом спасти страну, – а сами при этом служат исключительно по его милости. Однако Пугачеву казалось, что эти льстецы прекрасно понимают глубокое лицемерие системы, фиктивность демократии, которую олицетворяла правящая кремлевская партия «Единая Россия», и то, насколько коррумпированной она стала.

«Посмотри на людей вокруг ВВ [Путина], которые говорят: „Владимир Владимирович, вы гений!“ – продолжает Пугачев. – Я смотрю на них – а они ни во что не верят. Они понимают, что все это фигня. Что „Единая Россия“ – фигня, выборы – фигня, президент – фигня. Они все это понимают, а потом выходят на сцену и говорят, как все прекрасно. И все тосты, которые они произносят, – сплошное вранье. Они могут сидеть и рассказывать… чушь о том, как они всегда были вместе, еще со школьной скамьи. А в это же время ребята в соседнем кабинете говорят: „Как только он выйдет, давай его добьем“. Такой цинизм. Не думаю, что им уютно. Тем, у кого власть… Мне их жаль. Они воруют со всех сторон, а потом выходят и рассказывают, как Путин борется с коррупцией. Я смотрю на них и думаю: это конец. Мне их жаль… ВВ все время спрашивал: „Как это слово на «с»? Совесть“. У них нет рецепторов для этого. Они этого не понимают. Они забыли это слово и что оно значит. Они совсем запутались».

Все достижения путинской эпохи – экономический рост, рост доходов, богатства миллиардеров, превративших Москву в сверкающий мегаполис, где улицы заполнили иномарки, а на каждом углу открылись уютные кафе, – сводятся, соглашаются они, к резкому росту цен на нефть в путинские годы. «В 2000 году нефть стоила 17 долларов, и мы были счастливы, – говорит Юмашев. – Когда мы с тобой были у власти, она стоила 10 долларов, 6 долларов. Лучшее время для меня было, когда она на две-три недели поднялась до 16 долларов. А сейчас 150 долларов, и единственное, что они делают, – строят себе ужасные дома».

«Государство ничего не делает с этими деньгами. Можно было бы преобразовать инфраструктуру страны. Но он думает, что если строить дороги, все разворуют… Время так быстро летит, – говорит Пугачев. – Восемь лет прошло».

«В 2000 году мы передали шефу такую отлаженную машину. Все работало. И что мы получили?» – спрашивает Юмашев.

«Мы не поняли, что он не собирается двигать страну вперед. Я думал, он либерал, молодой», – отвечает Пугачев.

«Для меня было принципиально важно, что он молодой», – говорит Юмашев.

«Понимаешь, оказалось, что он другой породы».

«Да. Это другие люди», – соглашается Юмашев.

«Другие, особые люди. Вот этого мы не понимали. А очень хорошо это понимал Устинов [генеральный прокурор], – говорит Пугачев. – Он мне сказал: „Понимаешь, ребята из спецслужб – они другие. Даже если из них выкачать всю кровь и приставить другую голову, они все равно останутся другими. Они живут в своей системе. Ты никогда не станешь одним из них. Это абсолютно другая система“».

Эта запись – уникальная возможность услышать неподцензурные суждения двух людей, приведших Путина к власти, и увидеть их ужас перед системой, которую они помогли создать. Эта книга – история этой системы: восхождения к власти путинской когорты из КГБ и того, как они мутировали, чтобы обогатиться при новом капитализме. Это история спешной передачи власти от Ельцина Путину и того, как она позволила подняться «глубинному государству» силовиков из КГБ, которые в ельцинские годы всегда оставались в тени, а теперь вышли на свет, чтобы монополизировать власть по меньшей мере на двадцать лет – и в конечном счете создать угрозу для Запада.

Эта книга задумывалась как попытка проследить, как бывшие соратники Путина по КГБ захватили российскую экономику. Но она превратилась в расследование чего-то куда более зловещего. Сначала исследования, а затем и события показали, что клептократия путинской эпохи была нацелена не только на то, чтобы набить карманы друзей президента. В результате захвата КГБ экономики, а также политической и правовой системы страны возник режим, при котором миллиарды долларов, оказавшиеся в распоряжении путинских приятелей, должны были активно использоваться для подрыва и коррумпирования институтов западных демократий. Методички КГБ эпохи холодной войны, когда Советский Союз прибегал к «активным мерам», чтобы сеять на Западе рознь и раздоры, финансировать дружественные политические партии и подрывать позиции своего «империалистического» врага, теперь снова в полном ходу. Отличие лишь в том, что теперь эта тактика финансируется из куда более глубокого денежного колодца – Кремлем, который научился разбираться в рыночных механизмах и глубоко запустил свои щупальца в институты Запада. Часть КГБ, и Путин в том числе, взяла капитализм на вооружение как инструмент, позволяющий поквитаться с Западом. Этот процесс начался задолго до того – еще в годы, предшествовавшие распаду СССР.

Захват Путиным стратегических денежных потоков всегда был чем-то большим, чем просто установление контроля над экономикой страны. Для путинского режима богатство было связано не столько с благополучием граждан России, сколько с проецированием силы, с восстановлением позиций страны на мировой арене. Система, созданная людьми Путина, была гибридным «капитализмом КГБ», стремившимся накопить деньги для подкупа и развращения

чиновников на Западе, политики которого, успокоившиеся после окончания холодной войны, давно забыли о советской тактике недавнего прошлого. Западные рынки с распростертыми объятиями приняли новые богатства из России, почти не обращая внимания на стоявшие за ними криминальные силы и КГБ. КГБ давно заключил союз с российской организованной преступностью – еще накануне распада СССР, когда драгоценные металлы, нефть и другое сырье на миллиарды долларов перешли от государства к фирмам, связанным с КГБ. С самого начала сотрудники внешней разведки КГБ стремились накапливать «черный нал», чтобы поддерживать и сохранять сети влияния, которые, как долго считалось, были уничтожены распадом СССР. При Ельцине силы КГБ какое-то время оставались в тени. Но когда к власти пришел Путин, альянс КГБ и организованной преступности вышел на свет и показал зубы. Чтобы понять этот процесс, мы должны вернуться к самому началу – ко времени распада Советского Союза.

Для тех, кто помог Путину прийти к власти, реванш обернулся и расплатой. Пугачев и Юмашев начали передачу власти в отчаянной спешке, когда здоровье Ельцина пошатнулось, пытаясь обезопасить будущее страны – и собственную безопасность – от того, что они считали коммунистической угрозой. Но и они забыли о не столь далеком советском прошлом. Силовики, которых они привели к власти, не останавливались ни перед чем, чтобы продлить свое правление далеко за пределы всего, что они считали возможным.

«Надо было больше с ним разговаривать», – вздохнул Юмашев.

«Конечно, – ответил Пугачев. – Но времени не было».

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Операция «Луч»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. Начало февраля 1992 года. По главной улице города медленно едет служебная машина городской администрации. Серую слякоть с тротуаров кое-где счистили, и люди в одинаковых толстых пальто бредут сквозь холод, нагруженные сумками, ссутулившись от ветра. За облупившимися фасадами некогда величественных домов Невского проспекта стоят почти пустые магазины: после внезапного крушения Советского Союза их полки практически голы. С тех пор как Советский Союз перестал существовать – с того рокового дня, когда президент России Борис Ельцин и лидеры других советских республик одним росчерком пера упразднили свой союз, – прошло всего шесть недель. Городские торговые организации не поспевают за стремительными переменами: жесткие советские правила, десятилетиями управлявшие цепочками поставок и фиксировавшие цены, в одночасье исчезли.

Всю зиму в очередях на автобусных остановках и на стихийных рынках, выросших по всему городу, – жители пытаются заработать, распродавая обувь и другие вещи из дома, – говорят о нехватке продуктов, о карточках, и настроение у всех мрачное. В довершение всего гиперинфляция пожирает сбережения. Кое-кто даже предупреждает о голоде, и это сеет тревогу в городе, все еще живущем памятью о блокаде времен Второй мировой войны, когда от голода ежедневно умирало до тысячи человек.

Но городской чиновник за рулем черной «Волги» выглядит спокойным. Невысокий, собранный человек, пристально глядящий вперед, – это Владимир Путин. Ему тридцать девять лет, он заместитель мэра Санкт-Петербурга и недавно назначенный председатель городского комитета по внешним связям. Сцену снимают для серии документальных фильмов о новой городской администрации, и этот фильм посвящен моложавому вице-мэру, в обязанности которого входит обеспечение города импортным продовольствием.[1] Кадр переносится в его кабинет в Смольном, где размещается мэрия, и Путин сыплет цифрами – сколько тонн зерна в рамках гуманитарной помощи поступает из Германии, Англии и Франции. Беспокоиться не о чем, говорит он. Почти десять минут уходит на обстоятельный рассказ о мерах, принятых его комитетом для экстренных поставок продовольствия, в том числе о беспрецедентной сделке на поставку фуражного зерна на 20 миллионов фунтов стерлингов, достигнутой на встрече мэра города Анатолия Собчака с британским премьер-министром Джоном Мейджором. Без этого щедрого жеста Великобритании молодняк скота в регионе просто не выжил бы, говорит он.

Его знание деталей впечатляет. Как и понимание огромных проблем, стоящих перед экономикой города. Он свободно рассуждает о необходимости вырастить класс владельцев малого и среднего бизнеса как опору новой рыночной экономики. «Предпринимательский слой должен стать основой процветания всего нашего общества», – говорит он.

Он четко излагает проблемы перевода огромных оборонных предприятий региона, оставшихся от советской эпохи, на выпуск гражданской продукции, чтобы сохранить их на плаву. Гигантские заводы вроде Кировского, крупного производителя артиллерии и танков на юге города, были главными работодателями региона еще с царских времен. Теперь они стояли: бесконечные военные заказы, которые подпитывали советскую экономику и в конце концов

[1] Игорь Шадхан. «Власть», 1992.

довели ее до банкротства, внезапно иссякли. Нужно привлекать западных партнеров и встраивать заводы в мировую экономику, говорит молодой городской чиновник.

С неожиданной горячностью он рассуждает о вреде, который нанес коммунизм, искусственно отрезав Советский Союз от свободных рыночных связей, объединявших остальной развитый мир. Учение Маркса и Ленина «принесло нашей стране колоссальный ущерб», говорит он. «Был период в моей жизни, когда я изучал теорию марксизма-ленинизма, и она казалась мне интересной и, как многим из нас, логичной. Но чем старше я становился, тем яснее мне была истина: эти теории – не более чем вредные сказки». Именно большевики-революционеры 1917 года, смело заявляет он интервьюеру, повинны в «трагедии, которую мы переживаем сегодня, – трагедии распада нашего государства». «Они разрезали страну на республики, которых раньше не существовало, а потом уничтожили то, что объединяет людей цивилизованных стран: уничтожили рыночные отношения».

После назначения Путина заместителем мэра Санкт-Петербурга прошло всего несколько месяцев, но это уже сильное, тщательно выстроенное выступление. Он сидит непринужденно, оседлав стул задом наперед, но все остальное говорит о точности и подготовке. Пятидесятиминутный фильм показывает, как он бросает соперников через плечо на татами, свободно говорит по-немецки с приезжим бизнесменом и отвечает на звонки Собчака по поводу очередных сделок об иностранной помощи. Его скрупулезная подготовка распространяется и на человека, которого он лично попросил провести интервью и снять фильм: это документалист, известный и любимый по всему Советскому Союзу благодаря циклу, в котором он бережно прослеживал жизнь группы детей, – советской версии популярного британского телесериала «Семь лет». Игорь Шадхан – еврей; он недавно вернулся в Санкт-Петербург после работы над серией фильмов об ужасах ГУЛАГа на Крайнем Севере. Он до сих пор вздрагивает, вспоминая антисемитские оскорбления советских времен, и, по его собственному признанию, до сих пор невольно втягивает голову в плечи, проходя мимо бывшего здания КГБ на Литейном проспекте.

И все же именно этого человека Путин выбрал, чтобы с его помощью сделать весьма необычное признание: именно Шадхан должен был сообщить миру, что Путин служил офицером в наводившем страх и ненавистном КГБ. Это все еще первая волна демократического движения, время, когда подобное признание могло скомпрометировать его начальника – Собчака, пламенного оратора, ставшего мэром на волне разоблачений тайн старого режима и злоупотреблений КГБ. Шадхан и сегодня задается вопросом, не был ли выбор Путина частью тщательно продуманного плана реабилитации. «Я все время спрашиваю себя, почему он выбрал меня. Он понимал, что я ему нужен, и был готов сказать мне, что он из КГБ. Он хотел показать, что люди из КГБ тоже бывают прогрессивными». Путин выбрал правильно. «Один критик как-то сказал мне, что я всегда очеловечиваю своих героев, кем бы они ни были, – вспоминает Шадхан. – Я очеловечил его. Я хотел понять, кто он и что он видит. Я всегда критиковал советскую власть. Я от нее много натерпелся. Но он вызвал у меня симпатию. Мы подружились. Он показался мне человеком, который поведет страну вперед, который действительно что-то сделает. Он меня по-настоящему завербовал».[1]

На протяжении всего фильма Путин искусно пользуется любой возможностью подчеркнуть достоинства КГБ. Там, где он служил, утверждает он в ответ на деликатный вопрос о том, не злоупотреблял ли он положением, беря взятки, подобные поступки считались

[1] Интервью автора с Игорем Шадханом, июнь 2013 г.

«изменой Родине» и карались по всей строгости закона. Что же до слова «чиновник», то оно, по его словам, вовсе не обязательно должно звучать уничижительно. Он служил стране военным чиновником, а теперь стал чиновником гражданским и, как и прежде, служит своей стране «вне сферы политической конкуренции». К концу фильма Шадхан, похоже, окончательно проникается к нему доверием. Фильм завершается многозначительным подмигиванием в сторону героизированного прошлого КГБ: Путин в меховой шапке, укутанный от холода, смотрит на скованную льдом Неву, а затем, человек из народа, сидит за рулем белых «Жигулей», угловатой машины, вездесущей в те дни. Пока он стальным, покровительственным взглядом окидывает город, звучит мелодия из популярного советского телесериала «Семнадцать мгновений весны», сделавшего героем советского разведчика, глубоко внедрившегося в верхушку нацистской Германии. Это был выбор Шадхана. «Он был человеком именно своей профессии. Я хотел показать, что он, как оказалось, по-прежнему в той же профессии».

Однако в интервью Путин постарался создать впечатление, будто уволился из КГБ сразу после возвращения в Ленинград – так тогда назывался Санкт-Петербург – в феврале 1990 года. Он сказал Шадхану, что ушел «по разным причинам», а не по политическим, давая понять, что сделал это еще до того, как в мае того же года начал работать с Собчаком – тогда профессором юридического факультета Ленинградского государственного университета и стремительно восходящей звездой нового демократического движения в городе. Путин вернулся в бывшую царскую столицу после пяти лет службы в Дрездене, в Восточной Германии (Германской Демократической Республике, ГДР), где был офицером связи между КГБ и Штази, восточногерманской тайной полицией. Позднее родилась легенда, будто он признался коллеге, что боится, как бы по возвращении ему не пришлось работать таксистом.[1] Судя по всему, ему очень хотелось создать впечатление, что он порвал все связи с прежними хозяевами и что стремительно менявшийся российский порядок выбросил его за борт.

То, что Путин рассказал Шадхану, было лишь началом череды неправды и умолчаний, окружающих его карьеру в КГБ. В рушившейся империи, куда он вернулся из Дрездена, ничто не было тем, чем казалось. С высоты виллы КГБ на берегу Эльбы, откуда открывался вид на все еще элегантные кварталы Дрездена, Путин воочию наблюдал конец контроля советской империи над ГДР – крах так называемой социалистической мечты. Вокруг него рассыпался советский блок Варшавского договора: граждане восточноевропейских стран восставали против коммунистического руководства. Сначала издалека он наблюдал, как волны потрясений покатились по Советскому Союзу и как, вдохновленные падением Берлинской стены, по стране все стремительнее распространялись национальные движения, вынуждая коммунистического лидера Михаила Горбачева идти на все новые компромиссы с новым поколением демократических лидеров. Ко времени интервью Путина Шадхану один из этих лидеров, Борис Ельцин, вышел победителем из попытки государственного переворота, предпринятой сторонниками жесткой линии в августе 1991 года. Неудавшийся путч ставил целью повернуть вспять политические и экономические свободы, но закончился полным провалом. Ельцин запретил Коммунистическую партию Советского Союза. Казалось, старый режим в одночасье был сметен.

Но на смену ему пришла лишь частичная смена караула, и то, что произошло с КГБ, – наглядный тому пример. Ельцин обезглавил высшее руководство КГБ, а затем подписал указ о его разделении на четыре внутренние службы. Однако на его месте возникла многоголовая

[1] Владимир Усольцев. «Сослуживец», с. 239.

гидра: многие офицеры, подобно Путину, ушли в тень и продолжали служить подпольно, а могущественная служба внешней разведки осталась нетронутой. Это была система, где правила нормальной жизни, казалось, давно перестали действовать. Это было царство теней, полуправды и видимостей, а под всем этим группировки старой элиты продолжали цепляться за остатки бразд правления.

Путин впоследствии давал несколько разных версий того, когда и при каких обстоятельствах он ушел из КГБ. Но, по словам одного бывшего высокопоставленного офицера КГБ из его близкого окружения, ни одна из них не соответствует действительности. Журналистам, писавшим его официальную биографию, он говорил, что подал в отставку через несколько месяцев после того, как начал работать у Собчака в университете, но его рапорт якобы где-то затерялся. Тогда, утверждал он, Собчак в самый разгар августовского путча 1991 года лично позвонил тогдашнему председателю КГБ Владимиру Крючкову, чтобы добиться его увольнения. Эта история и стала официальной версией. Но она похожа на вымысел. Вероятность того, что Собчак сумел дозвониться до Крючкова посреди путча, чтобы добиться увольнения одного-единственного сотрудника, в лучшем случае ничтожна. По словам же близкого соратника Путина, тот продолжал получать жалованье от спецслужб по меньшей мере еще год после августовского путча. К тому времени, когда он уволился, его положение в верхушке нового руководства второго города России было прочным. Он глубоко внедрился в новое демократическое руководство страны и отвечал за связи администрации с правоохранительными органами, в том числе с преемником КГБ – Федеральной службой безопасности, ФСБ. Его работа в качестве вице-мэра, наглядно показанная в интервью Шадхану, уже отличалась гладкостью и уверенностью.

История о том, как и когда Путин на самом деле ушел из КГБ и как он оказался на работе у Собчака, – это история о том, как кадры КГБ начали видоизменяться в ходе демократических преобразований в стране и пристраиваться к новому руководству. Это история о том, как часть КГБ – прежде всего часть его внешней разведки – в бурные годы горбачевской перестройки давно и тайно готовилась к переменам. Похоже, Путин был частью этого процесса, еще находясь в Дрездене. Позднее, после объединения Германии, немецкие спецслужбы подозревали, что он входил в группу, работавшую над специальной операцией под названием «Луч», которую готовили по меньшей мере с 1988 года на случай краха восточногерманского режима.[1] Цель операции состояла в том, чтобы завербовать сеть агентов, которые могли бы продолжать работать на русских еще долго после падения режима.

* * *

ДРЕЗДЕН. Когда в 1985 году Путин приехал в Дрезден, дни Восточной Германии уже были сочтены. Стоявшая на грани банкротства страна держалась на плаву благодаря миллиардному кредиту в немецких марках от Западной Германии[2], а голоса недовольных звучали все громче. Путин, которому было тогда тридцать два года, приехал туда, по всей видимости, сразу после учебы в элитном Краснознаменном институте КГБ, готовившем кадры для внешней разведки, и приступил к работе на изящной вилле в стиле ар-деко с парадной лестницей и балконом, выходившим на тихую улочку с ярко выкрашенными домами. Вилла, окруженная тенистыми деревьями и рядами аккуратных особняков, где жили семьи

[1] Интервью автора с подполковником Хорстом Йемлихом, помощником начальника дрезденского управления Штази Хорста Бёма, март 2018 г.; Mark Franchetti. Germans Flush Out Putin's Spies // Sunday Times, 16 января 2000 г.

[2] Andreas Förster. Auf der Spur der Stasi-Millionen: Die Wien-Connection, S. 20–22.

руководителей Штази, находилась прямо за углом от серого комплекса управления Штази, где в крошечных камерах без окон содержались десятки политических заключенных. Местный руководитель правящей коммунистической партии СЕПГ Ханс Модров слыл реформатором. Но и он не церемонился, подавляя инакомыслие. По всему восточному блоку на фоне нищеты и дефицита плановой экономики и жестокости силовых структур нарастали протестные настроения. Почуяв открывшуюся возможность, американские спецслужбы при содействии Ватикана негласно начали переправлять полиграфическое оборудование, средства связи и деньги протестному движению «Солидарность» в Польше, где недовольство Советами всегда было особенно сильным.

* * *

Владимир Путин давно мечтал о карьере во внешней разведке. Во время Второй мировой войны его отец служил в НКВД, советской тайной полиции. Он действовал в глубоком тылу врага, совершая диверсии против немцев, едва избежал плена, а затем получил почти смертельное ранение. Вдохновленный подвигами отца, Путин с ранних лет увлекся немецким языком, а подростком так стремился в КГБ, что еще до окончания школы явился в ленинградское управление, чтобы предложить свои услуги, – и услышал, что сначала нужно окончить вуз или отслужить в армии. Когда, уже за тридцать, он наконец попал в элитную Краснознаменную школу внешней разведки, это достижение, казалось, гарантировало ему избавление от унылой борьбы за существование, которой была отмечена его юность. Детство он провел, гоняя крыс по лестничной клетке своего дома с коммунальными квартирами и дерясь с другими мальчишками на улице. Тягу к уличным дракам он научился направлять на освоение дзюдо – боевого искусства, построенного на тонком умении вывести противника из равновесия, подстраиваясь под его атаку. Он строго следовал рекомендациям местного управления КГБ о том, где учиться, чтобы попасть в органы, и поступил на юридический факультет Ленинградского университета. Окончив его в 1975 году, он некоторое время работал в контрразведке Ленинградского управления КГБ, поначалу под прикрытием. Но когда он наконец получил, как официально утверждалось, свое первое зарубежное назначение, дрезденская резидентура, куда он прибыл, оказалась маленькой и неприметной – ничего общего с блеском резидентуры в Восточном Берлине, где около тысячи оперативников КГБ сновали туда-сюда, стремясь подорвать позиции «империалистического» врага.[1]

Когда Путин приехал в Дрезден, там служили всего шесть офицеров КГБ. Он делил кабинет со старшим коллегой Владимиром Усольцевым, который называл его Володей, и каждый день отводил двух маленьких дочерей в немецкий детский сад из невзрачного многоквартирного дома, где жил с женой Людмилой и другими офицерами КГБ. Жизнь казалась скучной и провинциальной, далекой от шпионских страстей Восточного Берлина на границе с Западом. Судя по всему, он занимался спортом и обменивался любезностями с коллегами из Штази, которые называли своих советских гостей «друзьями». Он вел светские беседы о немецкой культуре и языке с Хорстом Йемлихом, обходительным помощником начальника дрезденского управления Штази, – главным «решалой», подполковником, который знал в городе всех и отвечал за организацию конспиративных квартир для агентов и осведомителей, а также за снабжение советских «друзей». «Его очень интересовали некоторые немецкие идиомы. Он очень любил изучать такие вещи», – вспоминал Йемлих. Путин казался ему скромным и вдумчивым товарищем: «Он никогда не выпячивал себя. Никогда не лез в

[1] John O. Koehler. Stasi: The Untold Story of the East German Secret Police, p. 75.

первые ряды». И был примерным мужем и отцом: «Он всегда был очень любезен».[1] Но отношения между советскими разведчиками и их коллегами из Штази порой бывали напряженными, а Дрезден был вовсе не тем захолустьем, каким мог показаться. Прежде всего, он находился на передовой контрабандной империи, которая долгое время служила системой жизнеобеспечения для экономики ГДР. Здесь располагался «Роботрон», крупнейший производитель электроники в Восточной Германии, выпускавший большие ЭВМ, персональные компьютеры и другие устройства, и потому город был центром борьбы СССР и ГДР за незаконное получение чертежей и комплектующих западной высокотехнологичной продукции – ключевым звеном в ожесточенном и безнадежном соперничестве восточного блока с бурно развивавшимися военными технологиями Запада. В семидесятые годы «Роботрон» успешно скопировал западные машины IBM и наладил тесные связи с западногерманской компанией Siemens.[2] «Большая часть восточногерманской контрабанды высоких технологий шла через Дрезден», – говорит Франц Зедельмайер, западногерманский консультант по безопасности, впоследствии работавший с Путиным в Санкт-Петербурге, а в восьмидесятые начинавший в семейной фирме в Мюнхене, которая продавала оборонную продукцию странам НАТО и Ближнего Востока.[3] «Дрезден был центром этой черной торговли». Здесь же находился один из центров «Коммерческой координации» – отдела министерства внешней торговли ГДР, специализировавшегося на контрабанде высокотехнологичных товаров, на которые Запад наложил эмбарго. «Они вывозили антиквариат и ввозили высокие технологии. Вывозили оружие и ввозили высокие технологии», – говорит Зедельмайер. «Дрезден всегда был важен для микроэлектронной промышленности», – говорил Хорст Йемлих.[4] Разведка, которую возглавлял легендарный восточногерманский шпион Маркус Вольф, «многое для этого делала», добавил Йемлих. Однако о том, что именно она делала, он предпочел умолчать. Начальник внешней разведки дрезденского управления Штази Герберт Колер одновременно возглавлял отдел научно-технической разведки[5] – красноречивое свидетельство того, насколько важна была для города контрабанда товаров, находившихся под эмбарго. С тех пор как после Второй мировой войны Германия была разделена на Восток и Запад, значительная часть восточного блока выживала за счет черного рынка и контрабанды. Казна Советского Союза после военного разорения опустела, и в Восточном Берлине, Цюрихе и Вене организованные преступные группировки рука об руку с советскими спецслужбами переправляли через черный рынок сигареты, алкоголь, алмазы и редкие металлы, пополняя валютные запасы спецслужб восточного блока. Поначалу торговля на черном рынке считалась временной необходимостью, и коммунистические лидеры оправдывали ее перед собой как удар по основам капитализма. Но когда в 1950 году Запад сплотился против советского блока и ввел эмбарго на все высокотехнологичные товары, которые могли использоваться в военных целях, контрабанда превратилась в образ жизни. Свобода выбора, присущая капитализму, и погоня за прибылью вызвали на Западе бум технологического развития. По сравнению с ним плановая социалистическая экономика восточного блока застыла далеко позади. Ее предприятия были обязаны лишь выполнять годовые производственные планы, а рабочим и ученым приходилось

[1] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г.

[2] Kristie Macrakis. Seduced by Secrets: Inside the Stasi's Spy-Tech World, p. 116.

[3] Интервью автора с Францем Зедельмайером, апрель 2018 г.

[4] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г.

[5] Förster. Auf der Spur, S. 111.

добывать даже самые элементарные вещи по неформальным каналам на сером рынке. В изоляции за железным занавесом контрабанда стала для восточного блока единственным способом поспевать за стремительно развивавшимися достижениями капиталистического Запада.[1]

Министерство внешней торговли ГДР создало «Коммерческую координацию» и назначило ее руководителем словоохотливого Александра Шальк-Голодковского. Ее задачей было добывать нелегальную валюту за счет контрабанды, чтобы финансировать приобретение Штази технологий, находившихся под эмбарго. «КоКо», как ее называли, поначалу подчинялась разведывательному управлению Штази Маркуса Вольфа, но затем превратилась в самостоятельную силу.[2] По всей Германии, в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне была создана сеть подставных компаний во главе с доверенными агентами, иные из которых имели по нескольку личностей; они добывали остро необходимую валюту за счет контрабандных сделок и нелегальной продажи оружия на Ближний Восток и в Африку.[3] Все это время советские хозяева пристально следили за этой деятельностью. КГБ имел доступ ко всем добытым Штази чертежам и образцам высокотехнологичной продукции, находившейся под эмбарго.[4] Штази нередко жаловалась, что обмен разведданными идет лишь в одну сторону.

Ко времени приезда Путина в Дрезден Западная Германия становилась все более важным источником высокотехнологичных товаров. КГБ все еще не оправился от тяжелого удара, полученного в начале восьмидесятых, когда Владимир Ветров, офицер управления «Т», специализировавшегося на добыче западных научно-технических секретов, предложил свои услуги Западу. Ветров передал имена всех 250 офицеров КГБ, работавших по «линии Х» – контрабанде технологий – в посольствах по всему миру, а также тысячи документов, раскрывавших структуру советского промышленного шпионажа. В результате из Франции были высланы сорок семь агентов, а США приступили к масштабной программе по срыву советских нелегальных каналов закупок.

КГБ удвоил усилия в Германии, вербуя агентов в таких компаниях, как Siemens, Bayer, Messerschmitt и Thyssen.[5] Путин явно участвовал в этом процессе, привлекая ученых и бизнесменов, способных помочь в контрабанде западных технологий в восточный блок. «Роботрон» как крупнейший производитель электроники в Восточной Германии притягивал приезжих бизнесменов с Запада. «Я знаю, что Путин и его группа работали с Западом, что у них были контакты на Западе. Но в основном они вербовали агентов здесь, – говорил коллега Путина по Штази Йемлих. – Они обхаживали студентов перед их отъездом на Запад. Старались их отобрать и понять, чем те могут быть им интересны».[6]

Но Йемлих был далеко не в курсе всех операций своих «друзей» из КГБ, которые, вербуя агентов – в том числе и в самой Штази, – нередко действовали за спиной товарищей из Штази. Йемлих, например, утверждал, что никогда не слышал, чтобы Путин пользовался оперативным псевдонимом для деликатных операций. Однако много лет спустя Путин

[1] Förster. Auf der Spur, S. 50, 51, 68–71.

[2] Там же, S. 23–25.

[3] Deutscher Bundestag. Beschlussempfehlung und Bericht, 27 мая 1994 г., S. 97–102, 117–128, 137–141, 176–211.

[4] Koehler. Stasi, p. 74, 76, 79–80.

[5] Кристофер Эндрю, Василий Митрохин. «Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе», с. 598, 285. (Авторы также указывают, что HVA было главным источником разведданных о западных технологиях.)

[6] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г.

рассказал студентам, что в то время для операций внешней разведки у него было «несколько технических псевдонимов».[1] Один из его знакомых тех лет говорил, что Путин называл себя «Платов» – этот псевдоним ему впервые дали еще в учебном заведении КГБ.[2] По имеющимся сведениям, он пользовался и фамилией «Адамов», под которой возглавлял Дом советско-германской дружбы в соседнем Лейпциге.[3]

Одним из сотрудников Штази, с которыми Путин тесно работал, был невысокий круглолицый немец Маттиас Варниг, которому впоследствии предстояло стать неотъемлемой частью путинского режима. Как позднее рассказывал один бывший офицер Штази, завербованный Путиным, Варниг входил в организованную Путиным в Дрездене ячейку КГБ, действовавшую «под видом консалтинговой фирмы».[4] В те годы Варниг был восходящей звездой: считалось, что в 1980-е он завербовал не менее двадцати агентов для кражи западных ракетных и авиационных технологий.[5] После вербовки в 1974 году он быстро продвигался по службе и к 1989 году стал заместителем начальника отдела научно-технической разведки Штази.[6]

Как рассказывает один человек, работавший тогда с Путиным, больше всего тот любил проводить время в маленьком полутемном баре Am Tor в историческом центре Дрездена, в нескольких остановках трамвая вниз по долине от его базы КГБ, – там он встречался с некоторыми из своих агентов.[7] Одним из главных «охотничьих угодий» была гостиница «Бельвю» на берегу Эльбы. Единственный в городе отель, открытый для иностранцев, служил важнейшим местом вербовки приезжих западных ученых и бизнесменов. Гостиница принадлежала туристическому отделу Штази, а ее роскошные рестораны, уютные бары и элегантные номера были напичканы скрытыми камерами и подслушивающими устройствами. Приезжих бизнесменов заманивали в «медовую ловушку» с помощью проституток, снимали в номерах, а затем шантажом вынуждали работать на Восток.[8] «Конечно, я понимал, что для этих целей мы использовали агентов-женщин. Это делают все спецслужбы. Иногда женщины могут добиться гораздо большего, чем мужчины», – со смехом говорил Йемлих.[9]

Мы, возможно, никогда не узнаем, распространял ли Путин свою «охоту» дальше, на Запад. Официальным рассказам его сослуживцев по КГБ доверять нельзя. Сам он настаивал, что ничего подобного не делал, а его коллеги предпочитали рассказывать о долгих, неспешных «туристических» поездках в соседние восточногерманские города. Но одной из главных задач

---

[1] https://www.youtube.com/watch?v=9PAQ_Y5ins8, 21.07.2017, ответы Путина на вопросы учащихся образовательного центра для одаренных детей «Сириус» в Сочи.

[2] Интервью автора с бывшим членом «Фракции Красной армии», март 2018 г.

[3] Michael Wines. Putin Was Once Decorated as a Spy. Few Agree on his Deeds // New York Times, 10 января 2000 г. См. также интервью автора с Францем Зедельмайером, апрель 2018 г.

[4] Guy Chazan, David Crawford. In From the Cold: A Friendship Forged in Spying Pays Dividends in Russia Today // Wall Street Journal, 23 февраля 2005 г.

[5] Там же.

[6] Варниг был завербован отделом ракетной науки и техники. К 1989 году он стал заместителем начальника отдела научно-технической разведки Штази. См.: Macrakis. Seduced by Secrets, p. 50; Карен Давиша. «Клептократия Путина: кому принадлежит Россия», с. 51–52.

[7] Интервью автора с бывшим членом «Фракции Красной армии», март 2018 г.

[8] Mark Franchetti. Germans Flush Out Putin's Spies // Sunday Times, 16 января 2000 г.; Geoffrey York. Putin Brings Spies in From the Cold // Globe and Mail, 8 мая 2000 г.

[9] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г.

Путина был сбор информации о НАТО, «главном противнике»[1], а Дрезден был важным форпостом для вербовки в Мюнхене и в Баден-Вюртемберге, в пятистах километрах от него, где были расквартированы американские военные и войска НАТО.[2] Много лет спустя один западный банкир рассказал мне историю своей тетушки, русской княжны Татьяны фон Меттерних, которая вышла замуж за немецкого аристократа и жила в замке под Висбаденом в Западной Германии, где находилась главная база армии США. Она рассказывала племяннику, какое впечатление на нее произвел молодой офицер КГБ Владимир Путин, который навещал ее дома и, несмотря на свое кагэбэшное прошлое, исправно ходил к исповеди.[3]

Пока Путин действовал незаметно, на заднем плане почва у него под ногами начинала уходить. Часть руководства КГБ все яснее сознавала, что силы Советского Союза в противостоянии с Западом иссякают, и исподволь начала готовиться к иному этапу. Советская казна пустела, и в борьбе за западные технологии, несмотря на все усилия КГБ и Штази, восточный блок неизменно оказывался в роли догоняющего, все больше отставая от Запада. В эпоху, когда президент США Рональд Рейган объявил о новой инициативе по созданию системы «Звездных войн», которая должна была защитить Соединенные Штаты от ядерного ракетного удара, советский блок вкладывал все больше сил в добычу западных технологий – лишь для того, чтобы все острее осознавать свое отставание.

С начала восьмидесятых несколько прогрессивно настроенных сотрудников КГБ работали над своего рода преобразованиями. Обосновавшись в Институте мировой экономики в Москве, они начали разрабатывать реформы, которые позволили бы ввести в советскую экономику некоторые рыночные элементы, чтобы создать конкуренцию, но при этом сохранить общий контроль. Когда в 1985 году генеральным секретарем Коммунистической партии стал Михаил Горбачев, эти идеи получили новый импульс. Горбачев начал политические и экономические реформы – гласность и перестройку, – нацеленные на постепенное ослабление контроля над политической и экономической системой страны. По всему восточному блоку нарастали протестные настроения против репрессий коммунистических правителей, и Горбачев убеждал своих коллег по Варшавскому договору проводить аналогичные реформы как единственный способ выжить и опередить волну недовольства и инакомыслия. Понимая, что крах тем не менее может оказаться неизбежным, небольшая горстка прогрессистов в КГБ начала готовиться к падению.

Словно прочитав письмена на стене, в 1986 году ушел в отставку почитаемый в Штази шеф шпионажа Маркус Вольф, завершив свое правление внушавшей страх восточногерманской внешней разведкой – Главным управлением разведки (HVA), где он больше тридцати лет безжалостно руководил операциями Штази, славясь умением неумолимо использовать человеческие слабости, чтобы шантажом и вымогательством заставлять агентов работать на себя. Под его руководством HVA глубоко проникло в западногерманское

[1] Наталья Геворкян, Наталья Тимакова, Андрей Колесников. «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным», с. 69.

[2] Förster. Auf der Spur, S. 111.

[3] Интервью автора с западным банкиром, февраль 2018 г. Позднее княжна появилась в Санкт-Петербурге, своем родном городе, когда Путин был там вице-мэром. Она возглавляла орден Святого Лазаря – благотворительный орден, который в первые месяцы после распада СССР отправлял в Санкт-Петербург гуманитарную помощь и продовольствие. Впоследствии говорили, что Путин относился к ней «с большим уважением» (некролог Татьяны фон Меттерних, Daily Telegraph, 19 августа 2006 г.). Путин также подписал благодарственное письмо фон Меттерних как главе благотворительного ордена Святого Лазаря Иерусалимского («Путин выразил благодарность главе германского благотворительного ордена», ИТАР-ТАСС, 25 февраля 2003 г.).

правительство и перевербовало многих агентов, считавшихся работающими на ЦРУ. А теперь он вдруг почему-то от всего этого отказался.

Официально он помогал брату Конраду писать воспоминания об их детстве в Москве. Но за кулисами он тоже готовился к переменам. Он начал тесно сотрудничать с прогрессивным «перестроечным» крылом КГБ, проводя в своей роскошной берлинской квартире тайные встречи, на которых обсуждалась постепенная либерализация политической системы.[1] Планы, о которых шла речь, напоминали реформы гласности, начатые Горбачевым в Москве, где постепенно разрешали неформальные политические движения и ослабляли ограничения для СМИ. Но хотя речь шла о демократии и реформах, план неизменно предполагал, что спецслужбы сохранят контроль из-за кулис. Позднее выяснилось, что все это время Вольф тайно продолжал получать жалованье в Штази.[2]

Все острее сознавая угрозу краха коммунизма, в середине восьмидесятых КГБ негласно начал операцию «Луч», чтобы подготовиться к возможной смене режима. Вольф был полностью в курсе, а его преемник на посту руководителя внешней разведки Штази – нет.[3] В августе 1988 года КГБ направил в величественное советское посольство в Восточном Берлине высокопоставленного сотрудника Бориса Лаптева, чтобы руководить операцией.[4] Официально задача Лаптева состояла в создании группы оперативников, которые тайно работали бы параллельно с официальной резидентурой КГБ, внедряясь в восточногерманские оппозиционные группы. «Мы должны были собирать информацию об оппозиционном движении, тормозить любое его развитие и не допускать никаких шагов к объединению Германии», – говорил он впоследствии.[5] Но на деле, по мере того как антикоммунистические протесты нарастали и тщетность подобных усилий становилась все очевиднее, его миссия превратилась почти в противоположную. Группа сосредоточилась на создании новой агентурной сети, которая проникла бы глубоко во второй и третий эшелоны политических кругов ГДР. Они искали агентов, не запятнанных руководящими должностями до краха и способных продолжать тайно работать на Советы даже в объединенной Германии.[6]

Есть признаки того, что Путина привлекли к участию в этом процессе. В те годы он был секретарем парткома[7] – а эта должность предполагала частые контакты с первым секретарем дрезденского окружкома СЕПГ Хансом Модровом. В КГБ, по-видимому, надеялись вырастить из Модрова возможного преемника многолетнего восточногерманского лидера Эриха Хонеккера и, судя по всему, даже верили, что тот сможет провести страну через умеренные

[1] Förster. Auf der Spur, S. 31.

[2] Koehler. Stasi, p. 411.

[3] Förster. Auf der Spur, S. 29.

[4] Там же.

[5] Там же, S. 31.

[6] Там же, S. 29–31.

[7] Архив Штази, Дрезден, BStU № 10448. В документе от 22 декабря 1988 года перечислены дни рождения советских товарищей в Дрездене. Путин значится в нем как офицер связи и секретарь парткома. Сам Путин в книге «От первого лица» (с. 73) утверждает, что не общался с Модровом, если не считать нескольких встреч на официальных приемах: «Вообще с партийными функционерами мы не работали, в том числе, кстати, и с нашими. Это было запрещено». Это утверждение опровергается его официальной должностью секретаря парткома.

реформы в духе перестройки.[1] Руководитель внешней разведки КГБ Владимир Крючков в 1986 году специально приезжал к Модрову в Дрезден.[2]

Но Хонеккер до последнего отказывался уходить, и КГБ пришлось копать глубже, вербуя агентов, которые продолжали бы действовать в его интересах и после падения восточного блока. Крючков всегда настаивал, что тогда с Путиным не встречался, и отрицал, что Путин играл какую-либо роль в операции «Луч»; то же говорил и Маркус Вольф.[3] Но западногерманская контрразведка – Федеральное ведомство по защите конституции, аналог британской МИ-5, – считала иначе. Позднее там часами допрашивали Хорста Йемлиха о том, чем тогда занимался Путин. Йемлих подозревал, что Путин его предал: «Они пытались вербовать людей из второго и третьего эшелона нашей организации. Они проникали во все органы власти, но не выходили ни на руководителей, ни на генералов. Все это они делали у нас за спиной».[4]

Готовились втайне и другие подразделения Штази. В 1986 году министр госбезопасности Эрих Мильке утвердил планы создания группы элитных офицеров – «офицеров особого назначения», – которые должны были остаться у власти на случай внезапного конца правления СЕПГ.[5] Важнейший этап обеспечения будущего Штази начался, когда по контрабандным каналам через паутину фирм на Запад стали переводить деньги, чтобы создать тайные денежные запасы, позволяющие продолжать операции после падения режима. По оценке одного высокопоставленного немецкого чиновника, начиная с 1986 года из Восточной Германии в сеть подставных компаний были выведены миллиарды западногерманских марок.[6]

Путинский Дрезден был одним из центральных узлов этих приготовлений. Глава дрезденского отделения HVA Герберт Колер принимал непосредственное участие в создании ряда таких подставных компаний – так называемых «оперативных фирм», которые должны были скрывать свои связи со Штази и хранить «черный нал», чтобы сети Штази могли уцелеть после краха.[7] Колер тесно работал с австрийским бизнесменом Мартином Шлаффом, завербованным Штази в начале восьмидесятых. Шлаффу поручили контрабандную поставку комплектующих, находившихся под эмбарго, для строительства завода по производству жестких дисков в Тюрингии, неподалеку от Дрездена. С конца 1986-го до конца 1988 года его фирмы получили от правительства ГДР на этот сверхсекретный проект, один из самых

[1] Förster. Auf der Spur, S. 33.

[2] Леонид Никитинский, Юрий Шпаков. «Путин в разведке», интервью с Владимиром Крючковым и Маркусом Вольфом // Московские новости, 20 января 2000 г., http://flb.ru/info/3508.html.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г. В книге «От первого лица» (с. 72–74) Путин также утверждает, что не участвовал в операции «Луч»: «Меня удивляет, когда я читаю, что западные страны ищут агентов, которых я завербовал. Это все ерунда. У наших друзей, как мы называли сотрудников госбезопасности ГДР, есть копии всего, что мы делали. Все это хранится в их архивах… Все прозрачно и понятно». Однако сам Путин и его коллеги рассказывали, как уничтожили все свои дела, в том числе хранившиеся у Штази, а сотрудники дрезденского архива Штази и Йемлих подтверждают, что русским удалось уничтожить почти все.

[5] Förster. Auf der Spur, S. 26.

[6] Там же, S. 9–10. (Высокопоставленный немецкий чиновник – д-р Клаус-Петер Вильд, отвечавший тогда за «особые активы» в государственном ведомстве, созданном для реприватизации восточногерманского имущества.)

[7] Там же, S. 36; см. также: Deutscher Bundestag, 2. Untersuchungsausschuss «DDR-Vermögen», протокол свидетельских показаний Герберта Колера, Бонн, 27.02.1997.

дорогостоящих в истории Штази, более 130 миллионов марок. Но завод так и не был достроен. Многие комплектующие так и не поступили[1], а сотни миллионов марок, предназначавшихся для завода или полученных от других нелегальных сделок, бесследно исчезли в подставных компаниях Шлаффа в Лихтенштейне, Швейцарии и Сингапуре.[2]

Эти финансовые переводы происходили в то время, когда Путин был главным офицером связи между КГБ и Штази в Дрездене, и в частности с подразделением HVA, которым руководил Колер.[3] Неизвестно, играл ли он в них какую-то роль. Но много лет спустя связи Шлаффа с Путиным стали очевидны, когда австрийский бизнесмен вновь всплыл в сети европейских компаний, игравших ключевую роль в операциях влияния путинского режима.[4] Еще в 1980-е годы Шлафф по меньшей мере однажды ездил в Москву на переговоры с советскими внешнеторговыми чиновниками.[5]

Большая часть того, чем Путин занимался в дрезденские годы, по-прежнему окутана тайной – отчасти потому, что КГБ оказался куда эффективнее Штази в уничтожении и вывозе документов накануне краха. «С русскими у нас проблемы, – говорит Свен Шарль, сотрудник архива Штази в Дрездене.[6] – Они уничтожили почти все». В извлеченных из архивов Штази делах сохранились лишь обрывки сведений о деятельности Путина. Его досье тонкое и зачитанное. Там есть приказ министра госбезопасности Эриха Мильке от 8 февраля 1988 года, где майор Владимир Владимирович Путин значится среди награжденных бронзовой медалью «За заслуги перед Национальной народной армией». Есть письма начальника дрезденского управления Штази Хорста Бёма с поздравлениями товарищу Путину с днем рождения. Есть схема рассадки гостей на ужине 24 января 1989 года по случаю семьдесят первой годовщины ЧК, как изначально называлась советская тайная полиция. Есть фотография, сделанная во время посещения более чем сорока офицерами Штази, КГБ и армии музея 1-й гвардейской танковой армии (Путин выглядывает оттуда, почти неразличимый в серой массе мужчин). И есть лишь недавно обнаруженные фотографии, на которых развязный и скучающий Путин в

---

[1] Доклад комиссии по делу Шальк-Голодковского: Beschlussempfehlung und Bericht des 2. Untersuchungsausschusses nach Artikel 44 des Grundgesetzes. Drucksache 13/10900, 1998, S. 221–223. См. также: Förster. Auf der Spur, S. 98–107; Macrakis. Seduced by Secrets, p. 130–132.

[2] Förster. Auf der Spur, S. 131. Допрошенный в 1997 году федеральными властями объединенной Германии, Колер утверждал, что планы создания сети оперативных фирм на случай краха так и не были приведены в действие, поскольку стремительность падения ГДР застала всех врасплох и сделала их ненужными. Однако документы из архива Штази, судя по всему, показывают, что дрезденское управление Штази под руководством Колера и после падения Берлинской стены одобрило целый ряд сделок по импорту комплектующих для завода жестких дисков, а сами комплектующие, похоже, так и не поступили. Еще сотни миллионов марок исчезли в подставных компаниях Шлаффа в Лихтенштейне, Швейцарии и Сингапуре в результате серии сделок. Компании Шлаффа, в свою очередь, выдали ряд необеспеченных кредитов компаниям, где работали бывшие сотрудники Штази, в том числе сети турагентств и сотруднику Штази, купившему элитный гостевой дом над Эльбой, где часто бывал Маркус Вольф. Колер тем временем стал советником Шлаффа. Что именно произошло с заводом жестких дисков, по-прежнему остается тайной. В конце девяностых правительство Германии подало в Швейцарии иск против Шлаффа о выводе десятков миллионов марок, предназначавшихся для завода. В 2002 году швейцарский суд иск отклонил. Шлафф отрицает, что когда-либо работал на Штази. На просьбу об интервью для этой книги он не ответил.

[3] Интервью автора с Йемлихом, март 2018 г.

[4] См. главу 11.

[5] Förster. Auf der Spur, S. 91.

[6] Интервью автора со Свеном Шарлем, архив Штази, Дрезден, март 2018 г.

светло-серой куртке и ярких замшевых ботинках держит цветы и выпивает на церемонии награждения руководства разведки Штази.

Единственный след какой-либо оперативной деятельности, связанной с Путиным, – его письмо Бёму с просьбой помочь восстановить телефонную связь осведомителю в немецкой полиции, который «нас поддерживает». Подробностей в письме нет, но сам факт прямого обращения Путина к Бёму, по-видимому, говорит о значимости его роли.[1] Йемлих впоследствии подтвердил, что Путин стал главным офицером связи КГБ со Штази от имени руководителя резидентуры КГБ Владимира Широкова. Среди недавних находок оказался еще один красноречивый документ – служебное удостоверение Путина, выданное Штази: оно давало ему прямой доступ в здания Штази и облегчало вербовку агентов, поскольку позволяло не упоминать о принадлежности к КГБ.

Много лет спустя, когда Путин стал президентом, Маркус Вольф и бывшие коллеги Путина по КГБ старательно подчеркивали, что в Дрездене он был никем. Путин был «довольно незаметной фигурой», сказал однажды Вольф немецкому журналу, а бронзовую медаль, которой его наградили, получали даже «уборщицы».[2] Коллега по КГБ, с которым Путин по приезде в Дрезден делил кабинет, Владимир Усольцев – ему почему-то позволили написать книгу о тех временах, – тщательно подчеркивал рутинность их работы, не раскрыв о самих операциях ровным счетом ничего. Хотя он признал, что они с Путиным работали с «нелегалами», как называли внедренных под прикрытием глубоко законспирированных агентов, по его словам, 70 процентов времени уходило у них на сочинение «бессмысленных отчетов».[3] Путину, утверждал он, за все пять лет в Дрездене удалось завербовать лишь двух агентов, а в какой-то момент он и вовсе перестал искать новых, поняв, что это пустая трата времени. Город был таким провинциальным захолустьем, что «сам факт нашей службы в Дрездене говорил о том, что карьерных перспектив у нас нет», писал Усольцев.[4] Сам Путин уверял, что пил там столько пива, что прибавил двенадцать килограммов.[5] Но фотографии тех лет никакой прибавки в весе не обнаруживают. Российское государственное телевидение впоследствии заявило, что Путин никогда не был причастен ни к чему противозаконному.

Однако одно свидетельство из первых рук позволяет предположить, что преуменьшение роли Путина в Дрездене было прикрытием для другой миссии – выходящей за грань закона. Из него следует, что Путина отправили туда именно потому, что это было захолустье, вдали от шпионских глаз Восточного Берлина, где за всем пристально следили французы, американцы и западные немцы. По словам бывшего члена ультралевой «Фракции Красной армии» (РАФ), утверждающего, что он встречался с Путиным в Дрездене, тот

[1] Досье Путина в Штази, Дрезден: BStU MfS BV Dresden 1. Stellvertr. d. LTR. 3, BStU 000004, 7 сентября 1989 г.

[2] Christoph Seils. Was tat Putin in Dresden? // Cicero Magazin, ноябрь 2004 г.; см. также: Никитинский, Шпаков. «Путин в разведке».

[3] Владимир Усольцев. «Сослуживец», с. 61–62. Впервые Путин признал свою работу с управлением нелегальной разведки в интервью государственному телеканалу «Россия» к 95-летию печально известного Управления «С», 24 июня 2017 г., https://ria.ru/politics/20170624/1497226538.html.

[4] Усольцев. «Сослуживец», с. 69–70, 109–110. Книга в основном описывает повседневную жизнь офицеров КГБ, служивших в Дрездене, и их семей – туристические поездки, рождественские ярмарки и другие дрезденские достопримечательности, пиво, которое они пили, и многочисленные торжественные мероприятия, которые им приходилось посещать «для протокола» вместе с «друзьями» из Штази. Об оперативной работе в ней почти ничего не говорится, подчеркивается лишь ее рутинность. См. также: «Интервью с бывшим сослуживцем Владимира Путина» // Радио Свобода, 11 ноября 2003 г.

[5] Путин. «От первого лица», с. 70.

оказывал поддержку членам этой группировки, которая в семидесятые и восьмидесятые годы сеяла террор по всей Западной Германии: «В Дрездене ничего не было, совсем ничего, кроме радикальных левых. Никто за Дрезденом не следил – ни американцы, ни западные немцы. Там ничего не было. Кроме одного: этих встреч с теми товарищами».[1]

* * *

В борьбе за господство между Востоком и Западом советские спецслужбы давно применяли то, что сами называли «активными мероприятиями», – меры по дезорганизации и дестабилизации противника. Скованный холодной войной и сознающий, что слишком отстал технологически, чтобы выиграть войну военную, Советский Союз еще с шестидесятых годов нашел свою силу в дезинформации: во вбросе в СМИ ложных слухов, дискредитирующих западных лидеров, в убийствах политических противников, в поддержке подставных организаций, разжигавших войны в странах третьего мира и сеявших рознь на Западе. В числе этих мер была и поддержка террористических организаций. На Ближнем Востоке КГБ наладил связи со многими террористическими группировками марксистского толка, прежде всего с Народным фронтом освобождения Палестины (НФОП) – отколовшейся от Организации освобождения Палестины группой, которая в конце шестидесятых и в семидесятые совершила серию угонов самолетов и взрывов. Совершенно секретные документы, извлеченные из архивов советского Политбюро, показывают, насколько глубокими были некоторые из этих связей. Из них видно, что тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов одобрил три запроса лидера НФОП Вадиа Хаддада на советское оружие и называл его «доверенным агентом» КГБ.[2]

В Восточной Германии КГБ активно поощрял Штази к содействию в своей «политической деятельности» в третьем мире.[3] Более того, поддержка международного терроризма стала одной из важнейших услуг, которые Штази оказывала КГБ.[4] К 1969 году Штази открыла под Восточным Берлином секретный учебный лагерь для членов ООП Ясира Арафата.[5] Внешняя разведка Штази под руководством Маркуса Вольфа глубоко увязла в сотрудничестве с террористическими группировками по всему арабскому миру, в том числе с печально известным членом НФОП Ильичом Рамиресом Санчесом, известным как Карлос Шакал.[6] Военные инструкторы Штази создали по всему Ближнему Востоку сеть лагерей для подготовки террористов.[7] А когда в 1986 году один офицер контрразведки Штази, ужаснувшись хаосу, который начал докатываться до немецкой земли, попытался сорвать планы взрывов, готовившихся группой ливийцев, действовавшей в Западном Берлине, министр госбезопасности Эрих Мильке велел ему не вмешиваться. «Америка – главный враг, –

[1] Интервью автора с бывшим членом РАФ, март 2018 г.

[2] Из архивов Политбюро, вывезенных советским диссидентом Владимиром Буковским: www.bukovsky-archives.net, документы № 0903, 0911, 0912.

[3] Koehler. Stasi, p. 359.

[4] Dr Marian K. Leighton. Strange Bedfellows: The Stasi and the Terrorists // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence, Vol. 27, 2014. (Согласно этой статье, Лейтон работала в разведывательном сообществе США с 1980 года – сначала аналитиком по СССР в ЦРУ, затем специалистом по борьбе с терроризмом в Разведывательном управлении Министерства обороны, а потом вновь в ЦРУ в качестве независимого подрядчика.)

[5] Koehler. Stasi, p. 360.

[6] Там же, p. 361–362, 368–371; см. также: Leighton. Strange Bedfellows.

[7] Leighton. Strange Bedfellows.

сказал ему Мильке. – Нам следует заниматься поимкой американских шпионов и не беспокоить наших ливийских друзей».[1] Несколько недель спустя прогремел взрыв на дискотеке La Belle в Западном Берлине, популярной у американских военных: погибли трое американских военнослужащих и одна гражданская, сотни людей были ранены. Позднее выяснилось, что КГБ знал о деятельности террористов и точно знал, как они провезли оружие в Берлин.[2] Судя по всему, в борьбе с американскими «империалистами» дозволялись любые методы.

Бывший генерал КГБ Олег Калугин, перебежавший в США, впоследствии называл эту деятельность «сердцем и душой советской разведки».[3] Бывший руководитель внешней разведки Румынии Ион Михай Пачепа, ставший самым высокопоставленным офицером разведки восточного блока, бежавшим в США, первым открыто заговорил об операциях КГБ с террористическими группировками. Пачепа писал, что бывший начальник внешней разведки КГБ генерал Александр Сахаровский часто повторял ему: «В современном мире, когда ядерное оружие сделало военную силу устаревшей, нашим главным оружием должен стать терроризм».[4] Пачепа также утверждал, что председатель КГБ Юрий Андропов начал операцию по разжиганию антиизраильских и антиамериканских настроений в арабском мире. Одновременно, по его словам, предполагалось развязать внутренний терроризм на Западе.[5]

Западная Германия жила в постоянном напряжении с тех пор, как в конце 1960-х ультралевая боевая «Фракция Красной армии», известная также как группа Баадера – Майнхоф по именам ее первых лидеров Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф, начала серию взрывов, убийств, похищений и ограблений банков. Во имя свержения «империализма и монополистического капитализма» в стране они убивали видных западногерманских промышленников и банкиров, в том числе в 1977 году – главу Dresdner Bank, взрывали американские военные базы, убивая и калеча десятки военнослужащих. Но к концу семидесятых, когда западногерманская полиция усилила аресты, Штази стала предоставлять членам группировки убежище на Востоке.[6] «Они укрывали не одного, а десяток человек. Те жили в типовых домах в окрестностях Дрездена, Лейпцига и Восточного Берлина», – говорит немецкий консультант по безопасности Франц Зедельмайер.[7] Штази снабжала их поддельными документами, а также содержала тренировочные лагеря.[8] Четыре года, с 1983-го по 1987-й, одна из них, Инге Фитт, жила под чужим именем в пригороде Дрездена, пока одна из соседок не съездила в Западный Берлин и не увидела ее лицо на плакате «Разыскивается». Фитт входила в число самых разыскиваемых в Западной Германии террористов – ее называли «бабушкой терроризма» – и обвинялась в участии в покушениях на главнокомандующего войсками НАТО и на главнокомандующего силами США в Европе генерала Фредерика Кроесена.[9]

---

[1] Koehler. Stasi, p. 333.

[2] Там же, p. 344.

[3] Олег Калугин, интервью CNN, 6 февраля 2007 г.

[4] Ion Mihai Pacepa. Russian Footprints: What does Moscow have to do with the recent war in Lebanon? // National Review Online, 24 августа 2006 г.

[5] Там же.

[6] Koehler. Stasi, p. 389.

[7] Интервью автора, апрель 2018 г.

[8] Koehler. Stasi, p. 392.

Поначалу, после падения Стены, западногерманские власти полагали, что Штази лишь предоставляла членам «Фракции Красной армии» убежище и фальшивые документы. Но по мере того как прокуроры продолжали расследовать роль Штази, они обнаружили свидетельства куда более тесного сотрудничества. Расследование привело к аресту пяти бывших офицеров антитеррористического подразделения Штази и предъявлению им обвинений в сговоре с группировкой с целью взрыва на американской базе Рамштайн в 1981 году и в покушении на генерала Кроесена.[1] Те же обвинения были предъявлены министру госбезопасности Эриху Мильке. Один бывший член «Фракции Красной армии» рассказал, что Штази часто использовала группировку для переправки оружия террористам в арабском мире.[2] Другой бывший член рассказывал, что в восьмидесятые был «куратором» печально известного Карлоса Шакала[3], который некоторое время жил под защитой Штази в Восточном Берлине, кутя в самых роскошных гостиницах и казино города.[4] Инге Фитт впоследствии призналась, что проходила подготовку в лагере в Восточной Германии перед покушением на генерала Кроесена в 1981 году.[5]

Но в суматохе объединения Германии не нашлось политической воли, чтобы искоренить зло прошлого ГДР и предать офицеров Штази суду. Было сочтено, что пятилетний срок давности по обвинениям в пособничестве «Фракции Красной армии» истек, и обвинения были сняты.[6] Память об их преступлениях поблекла, а связи КГБ с «Фракцией Красной армии» так и не были расследованы. Но все это время Советы контролировали операции Штази, имея офицеров связи на каждом уровне командования. На самом верху контроль КГБ был настолько жестким, что, по словам одного бывшего члена «Фракции Красной армии», «Мильке и пукнуть не смел, не спросив сначала разрешения в Москве».[7] «ГДР ничего не могла сделать без согласования с Советами», – говорил один перебежчик из высших эшелонов Штази.[8]

Именно в такой обстановке работал Путин – и история, которую рассказал о Дрездене бывший член «Фракции Красной армии», полностью в нее вписывается. По его словам, в те годы, когда Путин служил в Восточной Германии, Дрезден стал местом встреч «Фракции Красной армии».

Дрезден выбрали для встреч именно потому, что «там больше никого не было», рассказывал этот бывший член РАФ.[9] «В Берлине были американцы, французы, британцы –

---

[9] Butz Peters. Dresden Vergessen // Sächsische Zeitung, 1 августа 2017 г., https://web.archive.org/web/20170802045025/http:/www.szonline.de/sachsen/dresden-vergessen-3739077.html; см. также: Leighton. Strange Bedfellows.

[1] Koehler. Stasi, p. 392; см. также: Stephen Kinzer. Spy Charges Widen in Germany's East // New York Times, 28 марта 1991 г.

[2] Jeffrey Steinberg. Arrests Prove Stasi-KGB Control of Baader-Meinhof Terrorists // EIR, Vol. 17, No. 27, 29 июня 1990 г.

[3] Интервью автора с бывшим членом РАФ, март 2018 г.

[4] Koehler. Stasi, p. 370.

[5] Leighton. Strange Bedfellows.

[6] Koehler. Stasi, p. 392.

[7] Интервью автора, март 2018 г.

[8] Lally Weymouth. East Germany's Dirty Secret // Washington Post, 14 октября 1990 г. Перебежчик, интервью с которым приводится в статье, описан западногерманскими официальными лицами как «один из самых важных разведчиков восточного блока, эмигрировавших на Запад».

[9] Интервью автора с бывшим членом «Фракции Красной армии», март 2018 г.

все. Для того, что нам нужно было делать, требовалась провинция, а не столица». Еще одна причина, по которой встречи проводились там, состояла в том, что Маркус Вольф и Эрих Мильке хотели держаться от подобных дел подальше: «Вольф очень старался не быть замешанным. Последнее, чего хотел бы такой человек, как Вольф или Мильке, – это быть пойманным с поличным на поддержке террористической организации… Мы встречались там [в Дрездене] примерно полдюжины раз». Он и другие члены группировки приезжали в Восточную Германию поездом, их встречали агенты Штази в большом советском лимузине ЗИЛ и везли в Дрезден, где на конспиративной квартире к ним присоединялись Путин и еще один его коллега по КГБ. «Прямых указаний они никогда не давали. Просто говорили: „Мы слышали, вы планируете вот это, как вы хотите это сделать?“ – и вносили предложения. Предлагали другие цели и спрашивали, что нам нужно. Нам всегда нужны были оружие и деньги». Покупать оружие в Западной Германии «Фракции Красной армии» было трудно, поэтому они передавали Путину и его коллегам список. Каким-то образом этот список затем оказывался у агента на Западе, и запрошенное оружие закладывали в тайник, откуда его забирали члены РАФ.

По словам бывшего члена «Фракции Красной армии», Путин вовсе не держался на заднем плане, как это часто изображают, говоря о его дрезденских годах: он был среди ведущих участников этих встреч, а один из генералов Штази выполнял его распоряжения.

Пока «Фракция Красной армии» сеяла хаос по всей Западной Германии серией жестоких взрывов, ее деятельность, по словам бывшего члена группировки, стала важной составляющей усилий КГБ по дезорганизации и дестабилизации Запада. А когда конец советской власти и ГДР стал близок, возможно, она превратилась в оружие защиты интересов КГБ.

Одно из возможных нападений такого рода произошло всего через несколько недель после падения Берлинской стены. 30 ноября 1989 года, в половине девятого утра, председатель правления Deutsche Bank Альфред Херрхаузен выехал из своего дома в Бад-Хомбурге под Франкфуртом, как обычно, на работу. Первая машина его кортежа из трех автомобилей уже двигалась по привычному маршруту. Но когда следом рванула машина Херрхаузена, взрывное устройство, начиненное почти семьюдесятью килограммами взрывчатки, разворотило его бронированный лимузин, убив банкира на месте. Детонатор сработал, когда лимузин пересек инфракрасный луч, протянутый поперек дороги.[1] Нападение было совершено с военной точностью, а использованная техника отличалась высочайшей изощренностью. «Это наверняка было нападение, за которым стояло государство», – говорит один западный эксперт по разведке.[2] Позднее выяснилось, что офицеры Штази участвовали в работе тренировочных лагерей, где членов «Фракции Красной армии» обучали обращению со взрывчаткой, противотанковыми ракетами и подрыву взрывных устройств с помощью фотоэлектрических лучей – точно такого же, какой был использован при покушении на Херрхаузена.[3]

Херрхаузен был титаном западногерманского бизнеса и близким советником канцлера ФРГ Гельмута Коля. Покушение произошло именно тогда, когда объединение страны внезапно стало реальной перспективой. В этом процессе Deutsche Bank мог колоссально выиграть от приватизации восточногерманских государственных предприятий – а Dresdner

[1] Koehler. Stasi, p. 392; см. также: David Crawford. The Murder of a CEO // Wall Street Journal, 15 сентября 2007 г.

[2] Интервью автора с западным экспертом по разведке, март 2018 г.

[3] Koehler. Stasi, p. 392.

Bank, куда вскоре поступит на работу друг Путина, офицер Штази Маттиас Варниг, предстояло бороться с Deutsche за добычу. По словам бывшего члена «Фракции Красной армии», покушение на Херрхаузена было организовано в интересах Советов: «Я знаю, что эта цель пришла из Дрездена, а не от РАФ».[1]

Для бывшего члена РАФ те дни теперь кажутся далекими. Но он не может без сожаления вспоминать, что был всего лишь марионеткой в советских играх влияния. «Мы были для Советского Союза не более чем полезными идиотами, – говорит он с кривой усмешкой. – Вот где все началось. Они использовали нас, чтобы дезорганизовать, дестабилизировать Запад и сеять там хаос».

Когда речь заходит о поддержке «Фракции Красной армии» со стороны Штази и КГБ, по все еще моложавому лицу Хорста Йемлиха, бывшего главного «решалы» дрезденской Штази, пробегает тень. Мы сидим за обеденным столом в залитой солнцем ведомственной квартире Штази, где он живет еще со времен ГДР, – прямо за углом от управления Штази и виллы КГБ. К кофе выставлен лучший фарфор, стол накрыт кружевной скатертью. Членов «Фракции Красной армии» привозили в ГДР лишь для того, «чтобы отвратить их от терроризма», настаивает он. «Штази хотела предотвратить терроризм и не дать им вернуться к террористическим методам. Хотела дать им шанс перевоспитаться».

Но когда я спрашиваю, не КГБ ли на самом деле заказывал музыку, не с Путиным ли встречались в Дрездене члены «Фракции Красной армии» и не мог ли приказ о покушении на Херрхаузена исходить оттуда, тень на его лице становится еще темнее. «Я об этом ничего не знаю. Если что-то было совершенно секретным, я этого не знал. Я не знаю, была ли тут замешана русская разведка. Если это так, то КГБ постарался, чтобы никто не узнал об этих материалах. Они наверняка сказали, что это немецкая проблема. Им удалось уничтожить гораздо больше документов, чем нам».[2]

Рассказ бывшего члена «Фракции Красной армии» почти невозможно проверить. Большинство его бывших товарищей либо в тюрьме, либо мертвы. Другие предполагаемые участники тех встреч исчезли из поля зрения. Но один близкий соратник Путина по КГБ дал понять, что любые подобные обвинения крайне болезненны, и настаивал, что никакой связи между КГБ и «Фракцией Красной армии» или любой другой европейской террористической группировкой никогда доказано не было. «И не пытайтесь это доказывать!» – резко добавил он.[3] Вместе с тем история, которую он рассказал об уходе Путина из спецслужб, порождала тревожный вопрос. По словам этого бывшего соратника по КГБ, к моменту увольнения Путину оставалось всего полгода до права на пенсию КГБ – хотя в свои тридцать девять лет он был гораздо моложе официального пенсионного возраста в пятьдесят лет, установленного для его звания подполковника. Но КГБ назначал досрочные пенсии тем, чья служба была сопряжена с особым риском или особыми заслугами перед Родиной. Тем, кто служил в Соединенных Штатах, год службы засчитывался за полтора. Тем, кто отбывал срок в тюрьме, – за три. Не потому ли Путин был близок к досрочной пенсии, что год службы засчитывался ему за два – из-за высокого риска, связанного с работой с «Фракцией Красной армии»?

[1] Интервью автора, март 2018 г. Среди других терактов, к которым была причастна «Фракция Красной армии» в годы пребывания Путина в Дрездене, – взрывы на авиабазе ВВС США Рейн-Майн и убийство технического директора Siemens.

[2] Интервью автора с Хорстом Йемлихом, март 2018 г.

[3] Интервью автора с соратником Путина, октябрь 2018 г.

Много лет спустя Клаус Цухольд, один из завербованных Путиным сотрудников Штази, сообщил некоторые подробности об участии Путина в других активных мероприятиях того времени. Цухольд, перебежавший на Запад, рассказал немецкому изданию Correctiv, что однажды Путин пытался раздобыть исследование о смертельных ядах, почти не оставляющих следов, и планировал скомпрометировать автора этого исследования, подбросив ему порнографические материалы.[1] Неизвестно, была ли эта операция когда-нибудь осуществлена. Цухольд утверждал также, что в обязанности Путина входило курирование печально известного неонациста Райнера Зоннтага, который в 1987 году был выслан в Западную Германию, а после падения Стены вернулся в Дрезден и способствовал подъему ультраправых.[2] К тому времени, когда я попыталась разыскать Цухольда, чтобы расспросить его о предполагаемой работе Путина с «Фракцией Красной армии», он давно залег на дно и не отвечал на просьбы об интервью. По словам одного человека, близкого к западным спецслужбам, он находился под особой защитой Федерального ведомства по защите конституции.

* * *

Если работа с террористами «Фракции Красной армии» и могла стать для Путина школой активных мероприятий против империалистического Запада, то пережитое им при падении Берлинской стены он пронесет с собой через десятилетия. Хотя становилось все очевиднее, что восточный блок может не устоять, что социальные волнения способны разорвать его на части, а их отголоски – докатиться до самого Советского Союза, Путин и другие офицеры КГБ в Дрездене, застигнутые врасплох стремительностью краха, бросились спасать агентурные сети. В одно мгновение все было кончено. Внезапно не осталось никого, кто бы командовал. Десятилетия борьбы и тайных шпионских игр, казалось, ушли в прошлое. Граница исчезла, сметенная волной протеста, копившегося столько лет. Хотя до Дрездена протесты дошли лишь через месяц, когда это случилось, Путин и его коллеги оказались готовы лишь отчасти. Пока толпы на лютом морозе два дня стояли у здания Штази, Путин и другие сотрудники КГБ забаррикадировались на вилле. «Мы жгли бумаги день и ночь, – рассказывал потом Путин. – Мы уничтожили все – всю нашу переписку, списки контактов и агентурные сети. Я лично сжег огромное количество материалов. Мы жгли столько, что печка лопнула».[3]

К вечеру несколько десятков демонстрантов отделились от толпы и двинулись к вилле КГБ. Путин и его группа оказались почти брошенными на произвол судьбы расположенной поблизости советской военной частью. Когда Путин запросил подкрепление для охраны здания, войска добирались несколько часов. Он позвонил в советское военное командование в Дрездене, но дежурный лишь пожал плечами: «Мы ничего не можем сделать без приказа из Москвы. А Москва молчит».[4] Путину это показалось предательством всего, ради чего они работали: фраза «Москва молчит» еще долго звучала у него в голове. Один за другим сдавались форпосты империи; геополитическая мощь Советского Союза рушилась как карточный домик. «Вот это „Москва молчит“ – у меня тогда возникло ощущение, что страны больше нет. Что она исчезла. Стало ясно, что Союз болен. Причем болезнью смертельной,

[1] David Crawford, Marcus Bensmann. Putin's Early Years // Correctiv, 30 июля 2015 г.

[2] Там же.

[3] Путин. «От первого лица», с. 76.

[4] Там же, с. 79.

неизлечимой, под названием паралич власти», – говорил потом Путин.[1] «Советский Союз утратил позиции в Европе. Хотя умом я понимал, что позиция, построенная на стенах, не может держаться долго, мне хотелось, чтобы на ее месте возникло что-то другое. А ничего другого не предлагалось. Вот что было обидно. Просто бросили все и ушли».[2]

Но не все было потеряно. Хотя ярость протестов и сроки последовавшего краха, судя по всему, застали КГБ врасплох, часть его вместе со Штази готовилась к этому дню. Часть КГБ планировала более постепенный переход, при котором они сохранили бы определенное влияние и контроль из-за кулис.

Каким-то образом офицерам КГБ в Дрездене удалось добиться от одного из коллег по Штази, чтобы еще до того, как демонстранты ворвались в здание управления, он передал им подавляющую часть документов Штази об их работе с Советами. Сослуживец Путина по первым годам в Дрездене Владимир Усольцев рассказывал, что офицер Штази передал документы Путину целиком. «Через несколько часов от них ничего не осталось, кроме пепла», – писал он.[3] Кипы документов вывезли на ближайшую советскую военную базу и сбросили в яму, где их собирались уничтожить напалмом, но в итоге сожгли с бензином.[4] Еще двенадцать грузовиков тайно отправили в Москву. «Все самое ценное вывезли в Москву», – рассказывал впоследствии Путин.

В последующие месяцы, пока они готовились покинуть Дрезден, их особо прикрывал могущественный руководитель управления нелегальной разведки КГБ Юрий Дроздов – легендарный офицер, отвечавший за всю мировую сеть глубоко законспирированных агентов КГБ. Руководитель дрезденской резидентуры Владимир Широков рассказывал, что Дроздов позаботился о том, чтобы его охраняли с шести утра до полуночи. В конце концов глубокой ночью люди Дроздова вывезли Широкова с семьей в безопасное место через границу в Польшу.[5] Позднее один из бывших коллег Путина рассказал журналистке Маше Гессен, что перед возвращением на родину Путин встречался с Дроздовым в Берлине.[6]

«Друзья» из дрезденского КГБ растворились в ночи, почти не оставив следов и бросив коллег из Штази лицом к лицу с народным гневом. Начальник местного управления Штази Хорст Бём, похоже, не выдержал этого давления. В феврале следующего года он, по всей видимости, покончил с собой, находясь под домашним арестом. «Он не видел другого выхода, – говорил Йемлих. – Чтобы не пострадал дом, он вывернул все пробки, а потом отравился газом».[7]

Сообщалось, что покончили с собой и двое других руководителей Штази в соседних округах. Чего именно они боялись больше всего, мы, возможно, никогда не узнаем: они умерли прежде, чем их успели допросить о том, какую роль они играли. Но что касается КГБ,

---

[1] Там же.

[2] Там же, с. 80.

[3] Владимир Усольцев. «Сослуживец», с. 253: «Все документы, имевшие к нам хоть какое-то отношение, собрал Томас Мюллер и, выполняя распоряжение Бёма, передал их целиком Володе Путину. Через несколько часов от них ничего не осталось, кроме кучки пепла».

[4] Владислав Крамар. «Группа в Дрездене была небольшая, но мощная» // Военно-промышленный курьер, 14 декабря 2005 г.

[5] Там же.

[6] Маша Гессен. «Человек без лица: невероятное восхождение Владимира Путина», с. 97.

[7] Интервью автора с Йемлихом.

то, хотя его офицерам пришлось оставить свои посты, по крайней мере часть их наследия сохранилась. Часть их сетей – их нелегалы – осталась надежно скрытой от посторонних глаз.[1] Много позже Путин с гордостью рассказывал, что его работа в Дрездене в основном была связана с нелегалами. «Это уникальные люди, – говорил он. – Не каждый способен отказаться от своей жизни, от близких и родных и уехать из страны на много-много лет, чтобы посвятить себя служению Отечеству. Это могут только избранные».[2]

После того как в декабре того же года Ханс Модров при поддержке Советов[3] стал временным руководителем Восточной Германии, он без лишнего шума позволил внешней разведке Штази, HVA, самоликвидироваться.[4] В ходе этого процесса бесследно исчезли несметные активы, а сотни миллионов марок были выведены через лихтенштейнские и швейцарские подставные компании Мартина Шлаффа. В атмосфере ликования по поводу объединения голоса перебежчиков из Штази на Запад звучали редко. Но кое-кто все же высказывался. «При определенных условиях часть сети может быть вновь активирована, – говорил один такой перебежчик. – Никто на Западе не может быть уверен, что КГБ не реактивирует кого-то из этих агентов».[5]

* * *

Когда в феврале 1990 года Путин вернулся из Дрездена домой, в Россию, отголоски падения Берлинской стены все еще прокатывались по Советскому Союзу. Набирали силу национальные движения, грозившие разорвать страну на части. Михаил Горбачев оказался в обороне и был вынужден уступать все больше позиций новым демократическим лидерам. Коммунистическая партия Советского Союза постепенно утрачивала монополию на власть, ее легитимность ставилась под сомнение все чаще. В марте 1989 года, почти за год до возвращения Путина в Россию, Горбачев согласился провести первые в советской истории альтернативные выборы в новый парламент – Съезд народных депутатов. Разношерстная группа демократов во главе с Андреем Сахаровым, физиком-ядерщиком, ставшим диссидентом и моральным авторитетом, и Борисом Ельциным – тогда напористым и стремительно восходящим политиком, изгнанным из Политбюро за неустанную критику коммунистической власти, – получила места в парламенте и впервые вступила в открытую полемику с Коммунистической партией. Семь десятилетий коммунистического правления стремительно подходили к концу.

Посреди этой сумятицы Путин стремился приспособиться. Но вместо того чтобы зарабатывать на жизнь извозом или пойти по традиционному пути офицера, вернувшегося из загранкомандировки, – получить должность в «Центре», как называли московскую штаб-квартиру внешней разведки КГБ, – он приступил к выполнению совсем иной миссии. Его бывший наставник и начальник по Дрездену полковник Лазарь Матвеев велел ему не

[1] Впрочем, Цухольд почти сразу перебежал на Запад и, по данным Томаса Шаде («Сгоревшая птица» // Sächsische Zeitung, 15 октября 2015 г.), якобы выдал пятнадцать агентов в Берлине, Лейпциге, Дрездене и Эрфурте.

[2] «Путин рассказал о нелегальной разведке и своей работе в КГБ» // РИА Новости, 24 июня 2017 г.

[3] Weymouth. East Germany's Dirty Secret. Перебежчик утверждает, что Модров был определен преемником тогдашнего руководителя СЕПГ Эгона Кренца на секретном совещании в советском посольстве в Восточном Берлине 12 ноября 1989 года, в котором участвовали заведующий Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин, Маркус Вольф, Кренц и Модров.

[4] Förster. Auf der Spur, S. 122.

[5] Weymouth. East Germany's Dirty Secret.

задерживаться в Москве, а возвращаться в родной Ленинград.[1] Там он сразу попал в бурлящий город, где выборы в городской совет – благодаря горбачевским реформам тоже впервые альтернативные – столкнули нарастающую волну демократов с Коммунистической партией. Впервые демократы угрожали лишить коммунистов большинства. Вместо того чтобы защищать старую гвардию от натиска демократов, Путин постарался примкнуть к ленинградскому демократическому движению.

Почти сразу же он обратился к одному из самых непримиримых его лидеров – стойкой и бесстрашной Галине Старовойтовой, только что избранной народным депутатом СССР. Видная правозащитница, она славилась бескомпромиссной честностью, с которой обличала пороки советской власти. После того как она выступила с яркой речью накануне выборов в городской совет, Путин – тогда бледноглазый и ничем не примечательный человек – подошел к ней и сказал, что ее слова произвели на него большое впечатление. Он спросил, не может ли он чем-то ей помочь – например, поработать у нее водителем. Но Старовойтова, насторожившись от такого непрошеного предложения, судя по всему, решительно ему отказала.[2]

Вместо этого первой его должностью стала должность помощника ректора Ленинградского государственного университета, где он в молодости изучал право и откуда пришел в КГБ. Ему поручили курировать международные связи университета и присматривать за иностранными студентами и высокими гостями. Поначалу это выглядело резким понижением по сравнению с дрезденской должностью – возвращением к самой рутинной работе, к донесениям в КГБ о передвижениях иностранцев. Но не прошло и нескольких недель, как это место привело его на самый верх демократического движения страны.

Анатолий Собчак был харизматичным профессором права в университете. Высокий, эрудированный и красивый, он давно покорил студентов своей умеренно оппозиционной позицией и стал одним из самых зажигательных ораторов нового демократического движения, казалось, бросавшим вызов партии и КГБ на каждом шагу. Он входил в группу независимых депутатов и реформаторов, получивших контроль над городским советом после выборов в марте 1990 года, а к маю был избран председателем Ленсовета. Почти сразу же Путина назначили его правой рукой.

Путину предстояло стать для Собчака «решалой», его связным со спецслужбами, тенью, присматривающей за ним из-за кулис. С самого начала это назначение было организовано КГБ. «Путина туда поставили. У него была своя функция, – говорит Франц Зедельмайер, немецкий консультант по безопасности, который позднее с ним работал. – В КГБ сказали Собчаку: „Вот наш человек. Он о вас позаботится“». Работа на юридическом факультете была лишь прикрытием, считает Зедельмайер, полагавший, что и сам Собчак давно неофициально сотрудничал с КГБ: «Лучшим прикрытием для таких людей был юридический диплом».[3]

Несмотря на свою демократическую репутацию и громовые речи против злоупотреблений КГБ, Собчак прекрасно понимал, что без поддержки части истеблишмента

[1] Олег Блоцкий. «Владимир Путин. Дорога к власти», с. 281–286.

[2] Интервью автора с Андреем Илларионовым, бывшим советником президента Путина по экономическим вопросам и ленинградским другом Старовойтовой, сентябрь 2014 г.

[3] Интервью автора с Францем Зедельмайером, апрель 2018 г.

ему не удастся укрепить свою политическую власть. Он был тщеславен, любил щегольнуть, а больше всего хотел подняться наверх. Наряду с Путиным он привлек и видного представителя городской старой гвардии, назначив своим первым заместителем в Ленсовете коммуниста, контр-адмирала Вячеслава Щербакова. Соратники Собчака по городскому демократическому движению, сделавшие его своим лидером, пришли от этого выбора в ужас. Но, компромисс за компромиссом, Собчак карабкался наверх. Ко времени выборов мэра в июне 1991 года он был безусловным фаворитом и победил без особого труда.

Когда в августе того же года группа сторонников жесткой линии предприняла попытку переворота против советского лидера, Собчак опирался на часть старой гвардии – прежде всего на Путина и его связи в КГБ, – чтобы провести себя и город через противостояние путчу без единой капли крови. Встревоженные растущими уступками Горбачева демократам, добивавшимся перемен, путчисты объявили чрезвычайное положение и заявили, что берут на себя управление Советским Союзом. Стремясь не допустить подписания Горбачевым нового союзного договора, который отдал бы лидерам беспокойных советских республик контроль над их экономическими ресурсами и право собственности на них, они фактически взяли Горбачева в заложники в его летней резиденции в Форосе на берегу Черного моря.

Но в Санкт-Петербурге – как теперь вновь назывался Ленинград, – как и в Москве, демократические лидеры города восстали против путча. Пока депутаты горсовета держали оборону в штабе демократов, в обшарпанных залах Мариинского дворца, Путин и Собчак заручились поддержкой начальника городской милиции и шестидесяти бойцов из спецподразделения. Вместе они уговорили руководителя местной телекомпании выпустить Собчака в эфир в первый же вечер путча.[1] Речь, произнесенная Собчаком в тот вечер, в которой он назвал руководителей путча преступниками, наэлектризовала жителей города, и на следующий день сотни тысяч человек вышли на улицы и собрались у Зимнего дворца Романовых, чтобы выступить против переворота. Собчак воодушевлял толпу мощными призывами к единству и неповиновению, но главную и самую трудную миссию он в основном переложил на своих заместителей – Путина и Щербакова. В ту первую напряженную ночь путча, выступив по телевидению, он заперся в своем кабинете в Мариинском дворце, а Путину и Щербакову пришлось вести переговоры с начальником городского управления КГБ и командующим Ленинградским военным округом, чтобы не допустить в город двигавшиеся к нему танки сторонников жесткой линии.[2] Пока на следующий день Собчак выступал перед толпой, собравшейся на Дворцовой площади, переговоры Путина и Щербакова продолжались. А когда в тот же день танки с грохотом остановились на границе города, Путин вместе с Собчаком и отрядом спецназа скрылся в бункере глубоко под главным оборонным предприятием города – Кировским заводом, откуда они могли в безопасности продолжать переговоры с руководством КГБ и военными по шифрованной связи.[3]

Когда на следующее утро Путин и Собчак вышли из бункера, путч был окончен. Попытка сторонников жесткой линии захватить власть провалилась. В Москве элитные спецподразделения КГБ отказались выполнять приказ о штурме Белого дома, где Борис Ельцин, к тому времени избранный руководитель Российской республики, собрал десятки

[1] Архивные кадры в фильме Ксении Собчак и Веры Кричевской «Дело Собчака» (2018) показывают, как Путин вместе с Собчаком входит в телебашню перед выступлением.

[2] Интервью автора с Александром Беляевым, тогда заместителем председателя Ленсовета и очевидцем этих событий, июнь 2013 г.

[3] Там же.

тысяч сторонников против попытки путчистов повернуть вспять свободы горбачевских реформ. От легитимности Коммунистической партии остались одни лохмотья. Лидеры новой российской демократии были готовы взять власть. Каковы бы ни были мотивы Путина, он помог им оказаться в таком положении.

И все это время, верный выучке КГБ, Путин, словно зеркало, отражал взгляды каждого: сначала своего нового, так сказать, демократического хозяина, а затем и представителей старой гвардии, с которыми тоже работал. «Он так быстро менял окраску, что невозможно было понять, кто он на самом деле», – говорит Зедельмайер.[1]

[1] Интервью автора с Зедельмайером, апрель 2018 г.

ГЛАВА 2

Работа изнутри

«Мы обсуждали то, как самые темные силы никогда не сдаются. Французская революция, советская, все остальные поначалу выглядят освободительной борьбой. Но очень скоро перерождаются в военную диктатуру. Первые герои выглядят идиотами, головорезы показывают свое истинное лицо, и круг (а не это ли и означает слово „революция“) замыкается».

Кристиан Мишель

* * *

МОСКВА, 25 августа 1991 года. Был поздний вечер, когда Николай Кручина устало переступил порог своей квартиры в тщательно охраняемом доме для партийной элиты. Всего четыре дня назад, 21 августа, попытка переворота, предпринятая коммунистами – сторонниками жесткой линии, стремившимися сохранить советскую власть, закончилась провалом. А теперь у него на глазах разрушали институты, которым Кручина служил большую часть жизни. Накануне вечером у него прошла череда совещаний на высшем уровне с всесильным заведующим Международным отделом ЦК Валентином Фалиным, и он выглядел измученным.[1] Охранник КГБ у его дома заметил его потухший взгляд и явное нежелание разговаривать.[2]

Перемены за эти четыре коротких дня следовали одна за другой. Сначала демократический лидер России Борис Ельцин в прямом эфире подписал указ, приостанавливавший деятельность Коммунистической партии Советского Союза и тем самым положивший конец ее многолетнему правлению. Непреклонная позиция, которую Ельцин занял против путчистов, вознесла его на гребень волны. Теперь он намного затмевал Горбачева, робко стоявшего сбоку от трибуны, пока Ельцин выступал перед российским парламентом. Заявив, что ответственность за незаконный переворот лежит на Коммунистической партии, Ельцин распорядился немедленно опечатать огромное, похожее на лабиринт здание ЦК партии на Старой площади в Москве. В сотнях его кабинетов хранились тайны гигантской финансовой империи Советского Союза – сети, охватывавшей тысячи административных зданий, гостиниц, дач и санаториев, а также валютные счета партии и бессчетные сотни, а может быть, и тысячи иностранных фирм, созданных в виде совместных предприятий в последние дни режима. Через эти банковские счета и связанные с ними фирмы финансировались стратегические операции Коммунистической партии за рубежом – и операции дружественных ей политических партий. Это было машинное отделение советской борьбы за превосходство над Западом. Именно этой империей Кручина управлял с 1983 года в качестве управляющего делами ЦК КПСС. Ее внезапное опечатывание казалось символом всего утраченного.

---

[1] «Совершенно секретно». «Тайна золота партии», 2007. Интервью с Валентином Фалиным.

[2] Валентин Степанков. «Кремлевский заговор: версия следствия», с. 238–239. Этот рассказ генерального прокурора России, руководившего расследованием по делу о пропавших партийных деньгах, основан на показаниях жены Кручины и охранника КГБ, обнаружившего его тело. См. также: «Совершенно секретно». «Тайна золота партии».

Жена Кручины в тот вечер рано легла спать, оставив мужа одного: она полагала, что он проведет ночь на диване. Но рано утром ее разбудил стук в дверь. Это был охранник КГБ. Ей сообщили, что ее муж разбился насмерть, выпав из окна их квартиры на седьмом этаже.[1]

Видимых следов борьбы не было, а охранник сказал, что нашел на тротуаре рядом с телом Кручины скомканную записку. «Я не заговорщик, – говорилось в ней. – Но я трус. Пожалуйста, сообщите об этом советскому народу».[2] КГБ немедленно объявил его смерть самоубийством. Но и по сей день никто не знает, что именно произошло, – а если и знает, то не желает рассказывать. Те, кто находился тогда в центре событий, как, например, тогдашний председатель Госбанка СССР Виктор Геращенко, предпочитают ограничиваться загадочным «Он упал».[3] Другие, как всесильный в то время начальник аналитического управления КГБ Николай Леонов, настаивают, что Кручина стал жертвой «глубокой депрессии», охватившей его при крахе империи.[4]

Чуть больше месяца спустя то же самое случилось с предшественником Кручины на посту управляющего делами. Вечером 6 октября Георгий Павлов разбился насмерть, выпав из окна своей квартиры. Его смерть в возрасте восьмидесяти одного года тоже была зарегистрирована как самоубийство. Через одиннадцать дней после гибели Павлова с балкона упал и разбился еще один высокопоставленный сотрудник финансовой машины партии – на этот раз заведующий американским сектором Международного отдела ЦК КПСС Дмитрий Лисоволик. И снова это было записано как самоубийство.

Всех троих объединяло близкое знакомство с тайными системами финансирования Коммунистической партии в то время, когда КГБ готовился к переходу к рыночной экономике в ходе горбачевской перестройки. Имущество управления делами, которым руководили Кручина и Павлов, оценивалось в 9 миллиардов долларов.[5] Западные эксперты оценивали его зарубежные активы во много раз выше.[6] Но в первые же дни после краха Коммунистической партии новые правители России с изумлением обнаружили, что партийная казна почти пуста. Ходили слухи, что чиновники под руководством Кручины вывели миллиарды рублей и другой валюты через иностранные совместные предприятия, наспех созданные в последние годы режима.[7] Российские прокуроры, которым Ельцин поначалу поручил расследовать роль Коммунистической партии в августовской попытке переворота, вскоре были перенацелены на расследование того, что стало с партийными деньгами.

Хотя Ельцин приказал опечатать здание ЦК на Старой площади, Валентин Фалин, заведующий Международным отделом ЦК, ведавшим финансированием зарубежных

[1] Там же, с. 235–236.

[2] Там же, с. 236.

[3] Интервью автора с Геращенко, сентябрь 2013 г.

[4] Интервью автора с Леоновым, сентябрь 2013 г.

[5] Soviet Turmoil; New Suicide: Budget Director // New York Times, 27 августа 1991 г.

[6] Сергей Плужников, Сергей Соколов. «Как КГБ сводил счеты с КПСС» // Комсомольская правда, 1 января 1992 г.

[7] Peter Torday, Tony Barber. Communists Pillaged Party Gold – Officials Investigate Flight of Soviet Billions // Independent, 27 марта 1992 г.; John Rettie. Russian Government Launches Investigation into Missing Communist Party Billions // Guardian, 10 сентября 1991 г. Николай Рыжков позднее заявил на парламентских слушаниях, что, когда Горбачев пришел к власти, золотой запас Советского Союза составлял 1200 тонн, а к его уходу был близок к нулю. «Комсомольская правда» ссылалась на документы, якобы свидетельствовавшие о том, что партия перевела 280 миллиардов рублей (12 млрд долларов) на валютные счета в иностранных банках. Оригинальная статья с тех пор исчезла из интернета. «Совершенно секретно». «Тайна золота партии».

операций, немедленно приказал подчиненным начать уничтожение документов.[1] То, что хранилось в архивах, могло стать путеводителем по преступлениям коммунистического режима, а главное – к припрятанным деньгам.

Самые секретные операции велись из кабинета 516, где размещался особый сектор Международного отдела по «партийной технике». Им руководил Владимир Осинцев, специалист по тайным операциям, который вел кампании влияния Коммунистической партии, сеявшие раздор в странах, где компартии были запрещены, – таких как Сальвадор, Турция, Южная Африка и Чили. Когда спустя несколько месяцев, в октябре 1991 года, российские прокуроры наконец вошли в этот кабинет, пол был усеян горами измельченных в лапшу документов. Но следы того, на что шли партийные оперативники, чтобы управлять глубоко законспирированными агентами, сохранились. Прокуроры нашли кипы иностранных паспортов и печатей множества стран, груды других незаполненных проездных документов, официальные штампы и визы, ожидавшие подделки. Там был огромный фотоальбом со снимками людей всех типов и рас, набор париков и накладных бород и даже резиновые формы для подделки отпечатков пальцев.[2]

Один из сотрудников Международного отдела, Анатолий Смирнов, взбунтовался и вынес все, что смог.[3] Среди совершенно секретных документов, которые ему удалось вынести, были сведения о выплатах в сотни миллионов долларов связанным с коммунистами партиям за рубежом. Один из таких документов, датированный 5 декабря 1989 года, содержал распоряжение Госбанку СССР перевести 22 миллиона долларов непосредственно Фалину для партийного Международного фонда помощи левым организациям.[4] Другой, от 20 июня 1987 года, предписывал Госбанку перевести 1 миллион долларов партийному куратору по международным делам для выделения дополнительных средств Французской коммунистической партии.[5] Физическую доставку денег во Францию должен был организовать КГБ.

Для Смирнова то, что партия регулярно запускала руку в государственную казну для финансирования своих политических операций и операций влияния за рубежом, означало, что «совершается преступление против нашего народа».[6] Для него это была красная черта. Это противоречило советскому закону. Операции партии должны были финансироваться из членских взносов, а не из государственной казны.[7]

По подсчетам российских прокуроров, за последнее десятилетие существования СССР на финансирование связанных с коммунистами партий из Советского Союза было переведено

---

[1] Stephen Handelman. How Man's Conscience Overcame His Fear // Toronto Star, 14 февраля 1992 г.

[2] Степанков. «Кремлевский заговор», с. 313–314.

[3] Там же, с. 284; Handelman // Toronto Star, 14 февраля 1992 г.

[4] Степанков, с. 286–287.

[5] Там же, с. 290.

[6] Handelman // Toronto Star, 14 февраля 1992 г.

[7] На последующих допросах многие из высших партийных функционеров считали себя правыми, полагая, что интересы партии тождественны интересам государства. По сути, партия и была государством – и была им со времен большевистской революции. «В этой практике нет ничего необычного, – заявил позднее прокурорам бывший заместитель генерального секретаря партии Владимир Ивашко. – Поддержка общественных сил… с целью влияния на общественное мнение всегда была одной из важнейших функций государства». Показания Ивашко: «Кремлевский заговор», с. 295–296.

более 200 миллионов долларов; Смирнов называл сумму во много раз большую.[1] Суммы же, переведенные более скрытыми путями на более тайные цели, остались неизвестными.

Но по мере того как прокуроры прочесывали то, что осталось от архива ЦК, им стали попадаться документы, проливавшие свет на бесчисленные неофициальные тайные схемы, по которым, судя по всему, были выведены еще миллиарды долларов. Одна из таких схем была связана с так называемыми «дружественными» фирмами. Это были свои, «карманные» компании, находившиеся в самом сердце огромной системы теневых операций, на которой держался восточный блок. Многие из них занимались контрабандой технологий, находившихся под эмбарго. К ним относилась и сеть подставных компаний, развернутая восточногерманским торговым чиновником Александром Шальк-Голодковским в Восточной Германии, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. Другие продавали остро необходимое оборудование советской нефтяной, атомной и обрабатывающей промышленности по многократно завышенным ценам, а прибыль шла на финансирование деятельности коммунистических партий и других левых движений в Италии, Франции, Испании, Великобритании и других странах.[2]

Деньги, которые КПСС напрямую перечисляла на деятельность компартий, были ничтожны по сравнению с суммами, шедшими через дружественные фирмы, говорит Антонио Фаллико, видный итальянский банкир, тесно связанный с верхушкой советской элиты, а позднее и с путинским режимом. Официальные пожертвования, которые Итальянская коммунистическая партия ежегодно получала от Советского Союза, составляли «всего около 15–20 миллионов долларов. Это даже не деньги». Настоящее финансирование, по его словам, шло через посредников. «Все итальянские фирмы, желавшие вести бизнес в Советском Союзе, должны были платить этим фирмам… Это был колоссальный денежный поток».[3] Прокуроры, рывшиеся в архивах, обнародовали список из сорока пяти таких «дружественных фирм». Среди по большей части безвестных импортно-экспортных компаний было по меньшей мере одно громкое имя: Pergamon Press Роберта Максвелла – огромное издательство, давно служившее каналом продажи советской научной литературы на Запад.[4] Всего за несколько дней до публикации списка тело одиозного бывшего депутата-лейбориста и медиамагната было найдено в Атлантическом океане неподалеку от его яхты.

По словам бывшего оперативника КГБ, тесно работавшего с Путиным в девяностые, и еще одного бизнесмена, работавшего в «дружественных фирмах» в советское время, в числе компаний, сотрудничавших с советским режимом и остававшихся вне поля зрения, были и такие титаны европейской промышленности, как Fiat, Merloni, Olivetti, Siemens и Thyssen. Этот бизнесмен, согласившийся говорить лишь на условиях анонимности, рассказал, что его

[1] Степанков, с. 285; Смирнов, однако, говорил также, что в 1977–1989 годах на финансирование связанных с коммунистами партий из Советского Союза ежегодно переводилось не менее 200 миллионов долларов: Handelman // Toronto Star, 14 февраля 1992 г.

[2] Степанков, с. 301; Вадим Белых, Валерий Руднев. «Деньги партии: миллиарды обнаружены, но следствие, похоже, в тупике» // Известия, 10.02.1992, https://old.flb.ru/info/4896.html.

[3] Интервью автора с Антонио Фаллико, июнь 2013 г. Фаллико назвал три дружественные фирмы, через которые итальянскому бизнесу приходилось работать, чтобы заключать сделки в Советском Союзе. Одна называлась Restital, и даже если она не участвовала в сделке напрямую, итальянские фирмы, по его словам, были обязаны платить ей процент. Двумя другими были Italimpec и Esteuropa, а все туристы, желавшие поехать в Советский Союз, должны были обращаться в принадлежавшую компартии фирму Italturist.

[4] Mary Dejevsky. Maxwell's Former Firm on List of Soviet Favourites // Independent, 9 ноября 1991 г.; Peter Pringle. Soviets to Conduct Inquiry Over Friendly Firms // Independent, 11 ноября 1991 г.

фирма поставляла военную продукцию под видом медицинского оборудования: «Медицинское оборудование – это был фасад. За ним фирма производила очень серьезную военную технику. То же самое было с Siemens и с ThyssenKrupp. Все они поставляли Советам оборудование двойного назначения. Эти дружественные фирмы не были просто ширмами, как это бывает сейчас. Это были крупные европейские компании».[1]

Сеть дружественных фирм занималась не только импортом. По словам одного из бывших помощников Горбачева, некоторые из них участвовали в бартерных операциях, которые велись еще с 1970-х годов, при Брежневе.[2] Государственная монополия по экспорту нефти «Союзнефтеэкспорт», например, участвовала в хитроумной схеме обмена нефти на товары, находившиеся под эмбарго. По словам бывшего сотрудника «Союзнефтеэкспорта», сначала нефть через трейдеров доставлялась в огромные хранилища в Финляндии, где маскировалось ее происхождение, а затем паутина посредников продавала ее в обмен на технологии, находившиеся под эмбарго, и другие товары. Экспорт удобрений тоже давно был частью этих схем.

Для российских прокуроров, пытавшихся расследовать партийные финансы, следы этих схем были главным тревожным сигналом. Несметные богатства – нефть, металлы, хлопок, химикаты и оружие – вывозились из Советского Союза по бартерным схемам или экспортным сделкам и за бесценок продавались посредникам – дружественным фирмам на Западе. По экспортным сделкам дружественные фирмы покупали сырье по внутренним советским ценам, низким и фиксированным по правилам плановой экономики, что позволяло им получать огромную прибыль, перепродавая его по мировым ценам: мировая цена на нефть, например, в те годы была почти в десять раз выше внутренней советской.[3] Затем они могли спрятать деньги в паутине счетов в дружественных банках Европы – таких как швейцарский Banco del Gottardo – и в налоговых гаванях на Кипре, в Лихтенштейне, Панаме, Гонконге и на британских Нормандских островах. Сколоченные ими состояния можно было пустить на деятельность Коммунистической партии за рубежом, на активные мероприятия по дестабилизации Запада. И главное – весь этот процесс курировал КГБ, чьи люди работали в дружественных фирмах и контролировали значительную часть советского министерства внешней торговли. «Дружественные фирмы продавали то, что приобрели, по мировым ценам. Прибыль в Советский Союз никогда не возвращалась, – писал генеральный прокурор Валентин Степанков, руководивший расследованием. – Все контакты с дружественными фирмами осуществлял КГБ».[4]

---

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным оперативником КГБ, май 2013 г., и с посредником, руководившим одной из дружественных фирм, поставлявших медицинское и военное оборудование двойного назначения, март 2013 г. Кристофер Эндрю и Василий Митрохин («Архив Митрохина: КГБ в Европе и на Западе», с. 597–598), однако, предлагают более правдоподобное объяснение: в Thyssen, Siemens и другие компании проникли советские агенты, похищавшие западные технологии.

[2] Интервью автора с бывшим помощником Горбачева, июнь 2014 г.

[3] Белых, Руднев. «Деньги партии: миллиарды обнаружены, но следствие, похоже, в тупике» // Известия, 10 февраля 1992 г., https://old.flb.ru/info/4896.html; интервью автора с Томми Хелсби, бывшим председателем Kroll, март 2013 г. Подробнее о деятельности дружественных фирм и разграблении партийных средств оперативниками КГБ см. также превосходные показания Ричарда Палмера, бывшего руководителя резидентуры ЦРУ на территории бывшего СССР, о проникновении элементов российской организованной преступности в западную финансовую систему, данные Комитету по банковским и финансовым услугам Палаты представителей 21 сентября 1999 г.

[4] Степанков, с. 301.

В последние годы советского режима утечка сырья стремительно ускорилась. Позднее бывший начальник управления экономического анализа советской военной разведки Виталий Шлыков утверждал, что значительная часть огромных военных запасов сырья Советского Союза – буквально горы алюминия, меди, стали, титана и других металлов, предназначенные для того, чтобы военная машина СССР могла работать еще десятилетиями, – ко времени распада Союза стремительно таяла.[1] Прокуроры, однако, нашли лишь обрывки сведений. Сделки с сырьем почти не оставили следов.

Но, разбирая завалы и груды измельченной бумаги на полу, прокуроры нашли один важнейший документ, который, казалось, мог стать частичным ключом к тому, что происходило в сумеречные годы коммунистического режима. Это была записка от 23 августа 1990 года за подписью заместителя генерального секретаря Горбачева Владимира Ивашко, предписывавшая создать для Коммунистической партии «невидимую экономику».[2] Высшее партийное руководство явно сознавало острую необходимость создать сеть фирм и совместных предприятий, которые защитили бы и скрыли финансовые интересы партии, пока горбачевские реформы ввергали страну в хаос. Партия должна была вложить свои валютные ресурсы в капитал международных фирм, которыми управляли «друзья». Фонды и деловые объединения должны были иметь «минимум видимых связей».

Еще более красноречивый документ нашли в квартире Николая Кручины. Когда после его гибели туда прибыли следователи, они обнаружили на его письменном столе папку. В ней лежали документы, указывавшие на потенциально огромную сеть доверенных лиц, управлявших средствами режима.[3] В одном из найденных документов, как сообщалось, были оставлены пустые места для имени, номера партбилета и подписи члена партии, соглашавшегося стать доверенным лицом – хранителем партийных средств и имущества. «Я, _____, член КПСС с _____ года, партбилет № _____, настоящим подтверждаю свое сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять поставленные передо мной партией задачи на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь сохранять и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства и гарантирую их возврат по первому требованию. Все заработанное мною в результате хозяйственной деятельности с партийными средствами признаю собственностью партии и гарантирую его передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую конфиденциальность этих сведений и выполнять поручения партии, передаваемые мне уполномоченными на то лицами.

Подпись члена КПСС _____

Подпись лица, принимающего обязательство _____».[4]

Прокуроры бросились выяснять, что мог означать этот документ. Мало кто из допрошенных ими партийных руководителей и других представителей партийной элиты хоть что-то рассказал. Большинство утверждали, что ничего о подобных схемах не знали. Но

[1] Интервью автора с Виталием Шлыковым, сентябрь 2006 г.

[2] Степанков, с. 301–303.

[3] Степанков, с. 236; Белых, Руднев. «Деньги партии…» // Известия, 10 февраля 1992 г.; Соколов, Плужников. «Золото КПСС: десять лет спустя» // Московские новости, 18 сентября 2001 г., http://kompromat.flb.ru/material1.phtml?id=566.

[4] Соколов, Плужников. «Золото КПСС: десять лет спустя» // Московские новости, 18 сентября 2001 г.

команде прокуроров повезло, когда они вышли на Леонида Веселовского, бывшего полковника Первого главного управления (внешней разведки) КГБ. Опасаясь волны репрессий, Веселовский открыто рассказал, что был одним из нескольких высокопоставленных офицеров внешней разведки КГБ, привлеченных к управлению партийным имуществом и богатством и к его сокрытию.[1] Офицеров внешней разведки привлекли потому, что они знали, как работают западные финансовые системы. Они подчинялись управляющему делами Кручине, а также председателю КГБ Владимиру Крючкову, тогдашнему первому заместителю председателя КГБ Филиппу Бобкову и Владимиру Ивашко, казначею ЦК.

Специалиста по международной экономике Веселовского в ноябре 1990 года отозвали из Португалии, чтобы он работал над планом создания «невидимой экономики» для партийных богатств. Именно он предложил систему «доверенных лиц», которые держали бы средства и управляли ими от имени партии. Он подготовил для Кручины ряд записок с предложениями о том, как замаскировать партийные средства, чтобы уберечь их от конфискации. Предлагалось, в частности, вкладывать их в благотворительные или общественные фонды либо анонимно – в акции и ценные бумаги. Руководить процессом должен был КГБ.

«С одной стороны, это обеспечит стабильный доход независимо от будущего положения партии. С другой – эти акции в любой момент можно продать через биржи, а затем перевести в другие сферы, чтобы скрыть участие партии, сохранив при этом контроль, – писал он. – Для проведения таких мероприятий необходим срочный отбор доверенных лиц, способных выполнять отдельные пункты программы. Можно было бы создать систему тайных членов партии, которые обеспечат существование партии в любых условиях этого чрезвычайного времени».[2]

В другой записке он предлагал создать сеть компаний и совместных предприятий, включая брокерские и торговые фирмы, в налоговых гаванях вроде Швейцарии, акционерами которых выступали бы «доверенные лица».[3]

Подобно тому как Штази накануне падения начала готовиться, переводя деньги в сеть подставных компаний, КГБ готовил партию к смене режима, прекрасно понимая, что ее монополия на власть становится все более шаткой. Для некоторых оперативников внешней разведки, привлеченных к этой схеме, полученный от Крючкова приказ приступить к созданию частных компаний был ясным сигналом того, что коммунистический режим доигрался. «Как только это произошло, я понял, что это конец», – говорит Юрий Швец, до 1987 года старший офицер вашингтонской резидентуры КГБ.[4]

Но когда после провала путча в августе 1991 года Коммунистической партии Советского Союза внезапно не стало, было совершенно непонятно, что произошло со структурами, созданными для сохранения ее богатств, и кто ими распоряжается. Для российских прокуроров, которые вели расследование, документы, оставшиеся в архивах и в

[1] Степанков, с. 296; Соколов, Плужников. «Золото КПСС: десять лет спустя» // Московские новости, 18 сентября 2001 г.; показания Ричарда Палмера в Банковском комитете Палаты представителей, 21 сентября 1999 г.; интервью автора с Юрием Швецом, май 2018 г.

[2] Соколов, Плужников // Московские новости, 18 сентября 2001 г.

[3] Там же.

[4] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

квартире Кручины, обрисовывали лишь смутные контуры этой сети. Действующие лица и винтики схем – доверенные лица, управлявшие средствами, сеть компаний, совместных предприятий и брокерских фирм – оставались скрытыми.[1] На последующих допросах бывшие члены Политбюро настаивали, что крах наступил так стремительно и неожиданно, что никто не успел осуществить планы Ивашко по созданию «невидимой экономики».[2] Однако прокуроры обнаружили множество признаков того, что проект был по крайней мере частично запущен и давно уже работал – и что руководила им, судя по всему, внешняя разведка КГБ.

Карьера Веселовского была лишь одним из таких признаков. За две недели до августовского путча он уволился и уехал в Швейцарию, где поступил на работу в торговую фирму Seabeco – образцовую «дружественную фирму» под крылом КГБ[3], продававшую из Советского Союза огромные объемы сырья. Ее возглавлял советский эмигрант Борис Бирштейн, который в семидесятые уехал сначала в Израиль, а потом в Канаду, где создал ряд совместных предприятий, в том числе с одним из светил советской внешней разведки.[4] Взлет Seabeco, похоже, повсюду нес на себе отпечатки пальцев КГБ. «Ничего этого не могло бы произойти без покровительства КГБ», – говорит Швец.

На допросе бывший председатель КГБ Владимир Крючков признал, что торговая фирма создавалась как канал для средств Коммунистической партии. Но он снова настаивал, что планы так и не были осуществлены – до краха режима просто не хватило времени.[5] Однако всплыли красноречивые признаки того, что связь Seabeco с КГБ продолжалась. Утекла запись телефонного разговора сотрудника Seabeco с одним из руководителей российской внешней разведки, в котором оба открыто обсуждали созданную ими торговую сеть.[6] Этот сотрудник Seabeco, Дмитрий Якубовский, публично заявил, что Seabeco получала десятки миллионов долларов на финансирование операций КГБ в Европе.[7]

Однако последние шансы прокуроров пройти по денежному следу, похоже, окончательно испарились, когда Веселовский бесследно исчез со своего поста в Швейцарии. Без достаточного финансирования и со скудным бумажным следом прокуроры вскоре уперлись в глухую стену. Внутри России им удалось проследить перевод миллиардов рублей

---

[1] Соколов, Плужников // Московские новости, 18 сентября 2001 г. Уголовное дело российской прокуратуры о пропавших партийных богатствах впоследствии было засекречено – все двести томов. Обнародованы лишь фрагменты сведений.

[2] «Совершенно секретно». «Тайна золота партии», интервью с бывшим членом Политбюро Олегом Шениным, который утверждает, что Горбачев проигнорировал записку Ивашко и ничего сделано не было.

[3] Степанков, с. 303.

[4] Одно из совместных предприятий Seabeco в Торонто было создано с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов, чтобы «строить курорты, универмаг и даже пункт проката автомобилей» (Soviet Organisation, Toronto Group of Firms Join Forces in Projects // Globe and Mail, 12 октября 1988 г.); другое – с Георгием Арбатовым, директором Института США и Канады в Москве, который считался прикрытием российской разведки (Canada Newswire, 15 ноября 1988 г.).

[5] «Совершенно секретно». «Тайна золота партии». Интервью с Крючковым.

[6] «Совершенно секретно». «Тайна золота партии». Записанный разговор, по-видимому, состоялся между Дмитрием Якубовским, работавшим в Seabeco в начале девяностых, и Юрием Котовым, бывшим полковником СВР, внешней разведки, тесно работавшим с Примаковым в семидесятые.

[7] Ex-Aide to Gaidar Targets Rutskoi in Business Scandal // Agence France-Presse, 12 августа 1993 г. Швейцарская разведка впоследствии назвала Seabeco одной из фирм, предположительно находившихся в центре операций КГБ по переводу государственных и партийных богатств СССР, а Бирштейна – бывшим офицером КГБ.

из управления делами Кручины более чем в сотню партийных фирм и коммерческих банков.[1] Но все их попытки вернуть хоть что-то натыкались на глухое сопротивление.[2]

Новое ельцинское правительство в хаосе распада Советского Союза, похоже, вовсе не стремилось найти эти деньги. На короткий момент показалось, что ситуация меняется, когда Егор Гайдар, круглолицый новый премьер-реформатор Ельцина, с большой помпой объявил, что правительство наняло ведущую международную детективную фирму Kroll для поиска партийных денег. Но после контракта на 1,5 миллиона долларов и года поисков пропавших партийных средств по всему миру Kroll, похоже, продвинулась даже меньше, чем прокуроры. Сообщать, судя по всему, было нечего. «Они ничего не нашли, – говорит Петр Авен, министр, по инициативе которого Kroll и была привлечена. – Нашли лишь счета нескольких высокопоставленных бюрократов. На них было не больше полумиллиона долларов».[3]

Проблема, по-видимому, заключалась в том, что правительство не хотело, чтобы деньги нашлись. Kroll вернулась почти с пустыми руками потому, что не получила от российского правительства никакой помощи. Фирме не дали работать с российскими прокурорами. «Российское правительство не было заинтересовано в том, чтобы мы что-то нашли, поэтому мы ничего и не нашли, – говорит Томми Хелсби, бывший председатель Kroll, участвовавший в расследовании.[4] – Правительство хотело лишь использовать наше имя на пресс-конференции». Ему нужно было лишь создать видимость настоящих поисков.

Задачу осложняло то, что значительная часть богатств Советского Союза, судя по всему, была переведена не обычными банковскими переводами, а через торговлю сырьем – через дружественные фирмы вроде Seabeco. Еще одним крупным игроком на этом поле, по словам Хелсби, был одиозный сырьевой трейдер Марк Рич, основатель базирующейся в Женеве компании Glencore.[5]

Оперативники внешней разведки КГБ, стоявшие у истоков этой схемы, теперь держали в руках ключи от спрятанных богатств. «В конце концов, когда Советский Союз рухнул, когда музыка смолкла, именно эти люди из КГБ знали, где деньги, – говорит Хелсби. – Но к тому времени они были служащими несуществующего советского государства».

Некоторые из них, однако, остались на своих местах: фрагменты разведывательных сетей КГБ сохранялись. За кулисами, посреди хаоса, «некоторые из них продолжали управлять деньгами для КГБ», говорит Хелсби.

---

[1] Соколов, Плужников. «Золото КПСС: десять лет спустя» // Московские новости, 18 сентября 2001 г. Согласно «Совершенно секретно» («Тайна золота партии»), прокурорам удалось обнаружить шестьсот банков и фирм внутри Советского Союза и еще пятьсот за рубежом, в том числе десятки немецких, швейцарских и офшорных фирм.

[2] Андрей Иллеш, Валерий Руднев. «Поиск денег КПСС: пессимистический конец» // Известия, 1 апреля 1993 г., https://old.flb.ru/info/4910.html.

[3] Интервью автора с Петром Авеном, май 2015 г.

[4] Интервью автора с Хелсби, март 2013 г.

[5] Там же. Рич был обвинен в мошенничестве и рэкете, а впоследствии скандально помилован президентом США Биллом Клинтоном. Главный следственный судья Болоньи Паоло Джованьоли заявлял, что Марк Рич тесно работал с венской торговой фирмой Nordex, принадлежавшей Григорию Лучанскому, предполагаемому российскому мафиози. По словам Джованьоли, Nordex была еще одной структурой, созданной для вывода средств Коммунистической партии накануне распада Советского Союза (P. K. Semler. US Fugitive Rich Linked to Money Laundering; Russian-Mafia Prosecutors May Subpoena Him // Washington Times, 21 июня 2002 г.).

Ночь, когда Николай Кручина разбился насмерть, стала ночью, когда богатства Коммунистической партии перешли к новой элите – и часть их досталась оперативникам внешней разведки КГБ. Какая-то часть денег, несомненно, уже была украдена и припрятана партийными боссами и организованной преступностью. Но именно оперативники внешней разведки контролировали счета в тот момент, когда Ельцин росчерком пера отправил КПСС в историю. Возможно, Кручину терзало отчаянное осознание того, что люди, распоряжавшиеся средствами, ему больше не подчиняются. С тем же успехом его могли отправить на смерть те же самые люди, чтобы он уже никогда ничего не рассказал.

«Кручина, скорее всего, боялся, что его спросят, куда делось все имущество, – говорит Павел Вощанов, бывший пресс-секретарь Ельцина и журналист, много лет расследовавший историю похищенных партийных богатств. – Распоряжения давал Кручина, но теперь он не знал, где все это. Государство разрушалось. КГБ разрушался. И уже никто не знал, где эти ребята из КГБ – и кто они такие».[1]

* * *

История поисков пропавших партийных богатств быстро забылась в сумятице распада. Но то, что тогда обнаружили прокуроры, стало схемой всего, что произошло потом. Контрабандные схемы, дружественные фирмы и доверенные лица стали моделью, по которой будет действовать путинский режим и его операции влияния. Дело в том, что часть элиты внешней разведки КГБ начала готовиться к рыночному переходу еще с тех пор, как бывший председатель КГБ Юрий Андропов в 1982 году стал советским лидером. В начале восьмидесятых горстка советских экономистов исподволь заговорила о необходимости перехода к рынку – шепотом, на кухнях, обсуждая хроническую неэффективность советской экономики и выпуская подпольные трактаты о необходимости реформ. Одновременно в узкой сплоченной группе разведывательной элиты росло понимание того, что советская экономика несется по смертельной спирали, что удержать империю восточного блока невозможно – не говоря уж о том, чтобы вести масштабные кампании влияния и подрывной деятельности в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и на Западе. «Если хочешь проводить политику великой империи, нужно быть в состоянии тратить огромные деньги, – говорит один человек, тесно работавший в те годы с настроенными на реформы руководителями внешней разведки.[2] – Соревноваться с США было нам не по средствам. Это было очень дорого и очень трудно, может быть, даже невозможно». Еще до того, как прогрессивные элементы в КГБ начали осторожно готовиться к возможному переходному периоду в Восточной Германии, они добивались широких реформ в самом Советском Союзе.

Стремление наращивать военное производство и соперничать с Западом в ущерб всему остальному истощало ресурсы советской экономики. Теоретически коммунистическое государство успешно выполняло свое социалистическое обещание дать всем трудящимся бесплатное образование и здравоохранение. Но на практике плановая экономика просто не работала. Вместо этого существовала прогнившая система, при которой простые люди, которых коммунистическое государство должно было защищать, жили по большей части в бедности. Коммунистическое государство имело доступ к изобилию природных ресурсов для коррупционных торговых схем, но было не способно развить легкую промышленность, производящую конкурентоспособные потребительские товары. Не было ни частной

[1] Интервью автора с Павлом Вощановым, март 2013 г.

[2] Интервью автора с видным российским бизнесменом, май 2018 г.

собственности, ни даже понимания того, что такое прибыль. Вместо этого правительство спускало каждому предприятию производственные планы, контролировало все доходы и устанавливало цены на все. Ни у кого не было мотивации, и система попросту не работала. Цены на потребительские товары были зафиксированы на невероятно низком уровне, но именно поэтому ощущался острый дефицит всего – от хлеба, колбасы и других продуктов до автомобилей, телевизоров, холодильников и даже квартир. Дефицит означал очереди и карточки, порой месяцами. Неформальные связи и взятки чиновникам часто были единственным способом обойти многонедельные очереди за самым необходимым – за ремонтом обуви, за больничной койкой, за гробами и похоронными услугами. Всевластие советской бюрократии глубоко встроило коррупцию в систему, а в таких условиях процветал черный рынок.[1]

В конце шестидесятых дельцы теневого рынка, известные как цеховики, начали создавать подпольные цеха, где из запчастей и материалов, украденных с государственных заводов, производились товары вне регулируемой экономики. За такую деятельность можно было получить десять лет тюрьмы и больше, но продукция этих цехов все чаще становилась единственным способом хоть как-то восполнить дефицит советской плановой системы. Валютные спекулянты – фарцовщики – прочесывали холлы гостиниц «Интуриста», рискуя тюрьмой ради того, чтобы купить доллары у приезжих иностранных туристов по курсу, куда более выгодному для туриста, чем фиксированный советский. Выгодно это было и спекулянтам. В системе советского дефицита любой, у кого была валюта, был королем. Доллары открывали доступ в хорошо снабжавшиеся «Березки», предназначенные для советской элиты, где полки ломились от качественных продуктов и других западных предметов роскоши. На них можно было купить западную одежду, западную поп-музыку, все, что производилось за пределами застойной и унылой советской экономики, – а потом все это перепродать с огромной выгодой. Дефицит в советской экономике был настолько глубоким, что, по словам бывшего оперативника внешней разведки КГБ Юрия Швеца, продавалось все и вся. Директора заводов подделывали отчетность, чтобы передавать материалы цеховикам в обмен на долю в прибыли. Сотрудники правоохранительных органов закрывали глаза на валютчиков, хозяйничавших в советских гостиницах, в обмен на взятки и доступ к гостиничному буфету.[2] А на вершине пирамиды партийная элита еще с семидесятых годов получала свою долю от контрабандных и торговых схем. Все это сводило на нет любые попытки наладить производство. «Советский Союз не мог сделать даже пару колготок или туфель, – говорит Швец. – Проститутки отдавались на одну ночь за один чулок, а на следующую ночь – за второй. Это был кошмар».[3]

Яснее всего необходимость перемен видели сотрудники внешней разведки. Именно они могли ездить за границу и видеть, как работает рыночная экономика на Западе, как социалистическая система не поспевает за технологическим прогрессом западного мира. Среди них был легендарный советский военный разведчик Михаил Мильштейн – крепкий, лысый, как Коджак, человек с густыми кустистыми бровями, который десятилетиями работал в США, а затем вернулся в Москву и возглавил разведывательный факультет Военной

[1] David Remnick. Soviet Union's Shadow Economy – Bribery, Barter, Black Market Deals are the Facts of Life // Washington Post, 22 сентября 1990 г.; подробнее о дефиците в перекошенной советской экономике см. превосходную книгу Дэвида Хоффмана «Олигархи: богатство и власть в новой России», с. 11–20.

[2] Интервью автора с бывшим валютным спекулянтом.

[3] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

академии. В семидесятые он перешел в Институт США и Канады – мозговой центр, тесно сотрудничавший с влиятельным Международным отделом Фалина, где стал одним из тех, кто искал пути к сближению с Западом. В коридорах института – изящного дореволюционного особняка, укрывшегося в узком тенистом переулке за главными московскими магистралями, – Мильштейн вместе с другими представителями советской разведывательной элиты работал над предложениями по разоружению. Он наладил тесные связи с бывшим госсекретарем США Генри Киссинджером, ища выход из того, что он называл «порочным кругом» противостояния с Западом.[1]

На другом конце города, в южных районах, в мрачной громаде высотного здания семидесятых годов, группа экономистов Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) начала работать над реформами, которые должны были ослабить монополию советского государства на экономику. Среди них был Раир Симонян – одаренный молодой экономист лет тридцати с небольшим, сын высокопоставленного генерала советской военной разведки. Он тесно работал со своим заместителем Андреем Акимовым – оперативником внешней разведки, которого позднее направят руководить советским банком в Вене и который впоследствии станет одним из важнейших финансистов путинского режима. Симонян ездил в научные командировки в Восточную Германию, где ясно увидел, насколько отстает советская экономика. «Это был другой мир», – говорит он.[2]

Еще в 1979 году Симонян работал над реформой, которая должна была привлечь в советскую экономику иностранный капитал за счет создания совместных предприятий иностранного и советского бизнеса. Это была смелая мера, подрывавшая советскую монополию на всю внешнюю торговлю, и директор института немедленно ее заблокировал. Но когда в 1983 году, при Андропове, назначили нового директора, началась, как вспоминает Симонян, «совершенно другая жизнь». Новым директором стал Александр Яковлев, бывший посол в Канаде, которому предстояло стать наставником Горбачева и крестным отцом перестройки. Симонян тесно работал и с Евгением Примаковым – похожим на мандарина оперативником внешней разведки, много лет проработавшим на Ближнем Востоке под прикрытием корреспондента газеты «Правда» и установившим тесные связи с Саддамом Хусейном в Ираке и другими лидерами, входившими в систему советского покровительства в регионе. Все семидесятые годы Примаков работал в ИМЭМО, тесно сотрудничая с Мильштейном из Института США и Канады, а когда Яковлев был переведен в Политбюро, возглавил ИМЭМО. Теперь он руководил одним из главных гнезд прогрессистов из внешней разведки. ИМЭМО стал машинным отделением перестроечных реформ.

При Андропове росло новое поколение экономистов. Двадцатилетний с небольшим Егор Гайдар обсуждал с таким же молодым Петром Авеном далеко идущие рыночные реформы, которые, по его убеждению, были жизненно необходимы для выживания советского блока. В начале восьмидесятых оба работали в другом ключевом научном учреждении – Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований, и оба происходили из самого сердца советской элиты. Отец Авена был одним из самых уважаемых ученых страны, а отец Гайдара работал на Кубе под прикрытием корреспондента «Правды» и дослужился до звания адмирала. Фидель Кастро и Че Гевара бывали у него дома, а сын рос в

[1] Интервью автора с соратником Мильштейна, май 2018 г.; «Вести», программа «60 минут»: «Михаил Мильштейн: гениальный разведчик и борец с холодной войной», 15 сентября 2010 г., http://www.vesti.ru/doc.html?id=392836.

[2] Интервью автора с Раиром Симоняном, ноябрь 2013 г.

окружении высокопоставленных советских генералов. Гайдару и Авену предстояло сыграть ведущие роли в рыночных реформах новой России. «Все рыночные реформаторы, которые позже выдвинулись на первый план, – от Горбачева до молодых реформаторов, – выросли в институтах, созданных Андроповым, – говорит Владимир Якунин, близкий соратник Путина по КГБ, впоследствии высокопоставленный российский чиновник. – Первые рыночные реформы были разработаны именно в этих институтах».[1]

Когда Андропов стал руководителем страны, прогрессивные группировки в КГБ во главе с Первым главным управлением (внешней разведкой) и управлением по борьбе с экономическими преступлениями начали эксперименты по созданию нового класса предпринимателей, действующих вне рамок советской плановой экономики. Начали они с теневиков – цеховиков. «Настоящая перестройка началась при Андропове, – говорит Кристиан Мишель, финансовый управляющий, больше десяти лет распоряжавшийся средствами советского, а затем российского режима. – Была дана установка закрывать глаза на черный рынок. Он понимал, что иначе страна движется к массовому голоду».[2] «Черный рынок создавался сознательно, – соглашается Антон Суриков, бывший высокопоставленный офицер российской военной разведки. – Работать на черном рынке без связей в КГБ и без защиты КГБ было невозможно. Без них никакой теневой бизнес был невозможен».[3]

То, что начиналось как коррупция внутри системы, превратилось в выращенную КГБ питательную среду для будущей рыночной экономики и во временную меру, позволявшую хоть как-то восполнить дефицит командной экономики. Теневики в основном были выходцами из национальных меньшинств Советского Союза. Нередко у них просто не было выбора: карьерный путь им преграждали предрассудки партийной элиты. «В это шли только те, у кого не было перспектив в нормальной советской системе, кто уперся в стеклянный потолок и не мог двигаться дальше, – говорит Мишель. – Это были национальные меньшинства: грузины, чеченцы, евреи».

Эксперименты с черным рынком положили начало и резкому ускорению перекачки огромных богатств Советского Союза через связанные с КГБ дружественные фирмы. Так началось разграбление советского государства. Так же начинался и взаимовыгодный союз КГБ с организованной преступностью, протянувшийся от Seabeco Бориса Бирштейна в Швейцарии и венской фирмы Nordex до Нью-Йорка – через металлотрейдера Михаила Черного и его бруклинского партнера Сэма Кислина. По данным швейцарской разведки, Бирштейн и владелец Nordex Григорий Лучанский были советскими эмигрантами, завербованными КГБ для перевода государственных и партийных богатств накануне распада Советского Союза.[4] Позднее Бирштейн и Кислин станут частью сети, перекачивавшей деньги из бывшего Советского Союза в Америку – в том числе, косвенно, в бизнес-империю Дональда Трампа.

[1] Интервью автора с Владимиром Якуниным, август 2018 г.; см. также: Vladimir Yakunin. The Treacherous Path, p. 21.

[2] Интервью автора с Кристианом Мишелем, июнь 2004 г.

[3] Интервью автора с Антоном Суриковым, февраль 2005 г.

[4] В докладе швейцарской разведки от июня 2007 года, полученном автором, говорится, что Лучанский и Бирштейн были завербованы КГБ для перевода государственных и партийных богатств в частные руки накануне распада Советского Союза: «Деньги частично должны были использоваться для финансирования политических операций, но частично деньги были похищены для финансирования частной хозяйственной деятельности».

* * *

Пока Путин был в Дрездене, прогрессисты из КГБ в Москве приступили ко второму этапу своего рыночного эксперимента. Они начали выращивать и создавать собственных предпринимателей из рядов комсомола.

Вскоре их взгляд упал на Михаила Ходорковского – неистово целеустремленного молодого москвича двадцати с небольшим лет, дослужившегося до заместителя секретаря райкома комсомола. Ходорковский вырывался из детства, проведенного в коммуналке на севере Москвы, где он с ранних лет узнал, чем грозит падение на дно советского общества. Соседская семья, делившая с его родителями двухкомнатную квартиру, наглядно демонстрировала, как многое в жизни может пойти не так: отец, полусумасшедший старый большевик, бродил по квартире без штанов, пугая мать Ходорковского; сын пил[1], а дочь, по словам одного из бывших партнеров Ходорковского, занималась «древнейшей профессией». «Сама атмосфера там твердо подталкивала его следовать ленинскому принципу „Учиться, учиться и еще раз учиться“. Он понимал: если в жизни не стараться и не работать как следует, никуда не придешь».[2] Когда Ходорковский был подростком, семья выехала из коммуналки, но ее атмосфера оставила неизгладимый след. Его родители были инженерами, а сам Ходорковский начал работать с четырнадцати лет, подрабатывая после школы дворником.[3] Когда мы встретились много лет спустя – после его стремительного взлета и столь же головокружительного падения, – он рассказал мне, что в те годы мечтал стать директором советского завода, но боялся, что ему помешает еврейское происхождение отца.[4]

В те годы Ходорковский был похож на крепкошеего уличного ловкача: джинсы, джинсовая куртка, толстые очки, темные усы. Но благодаря железной целеустремленности он выдвинулся в верхушку местного комсомола, начав с организации дискотек для студентов Менделеевского химико-технологического института. Он проявил такую предпринимательскую жилку, что вскоре руководство московского горкома комсомола пригласило его возглавить амбициозную новую инициативу – центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ), которые должны были стать посредниками для ведущих научно-исследовательских институтов Москвы, находя способы превращать исследования в деньги и занимаясь программированием. Им также предстояло получить доступ к потенциально огромному источнику средств – так называемому безналу. В перекошенной, как в «Алисе в Стране чудес», советской плановой экономике прибыль ничего не значила, а все – от стоимости материалов до цены готовой продукции – определяли государственные плановики. Государственным предприятиям нужно было лишь неукоснительно выполнять спущенный государством годовой производственный план. Поэтому денег на счетах заводов не должно было быть больше, чем требовалось для выплаты зарплаты. Вместо этого у них были расчетные единицы – безналичные рубли. Настоящих наличных из-за этого так не хватало, что один реальный рубль мог стоить в десять раз больше безналичного.[5]

[1] Михаил Ходорковский, Наталья Геворкян. «Тюрьма и воля», с. 91–92.

[2] Интервью автора с бывшим партнером Ходорковского.

[3] Ходорковский, Геворкян, с. 94.

[4] Интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.

[5] Hoffman. The Oligarchs, p. 107–110; интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.; Ходорковский, Геворкян, с. 75–82.

Советский закон запрещал предприятиям обменивать безналичные средства на наличные. Но в рамках горбачевских реформ центрам НТТМ разрешили обналичивать безнал простым переводом средств с одного счета на другой. Это высвободило огромный капитал и приносило колоссальную прибыль. К тому времени Ходорковский объединился с выпускником-кибернетиком Леонидом Невзлиным – обходительным политическим животным с пронзительными зелеными глазами и непринужденными манерами – и с Владимиром Дубовым, сотрудником московского Института высоких температур. Им помогли сверху. Место работы Дубова было одним из самых засекреченных научно-исследовательских институтов Советского Союза – гигантским научным комплексом, глубоко вовлеченным в разработку лазерного оружия и гонку «звездных войн». Его директор Александр Шейндлин предоставил команде доступ к 170 000 безналичных рублей, стоивших почти два миллиона рублей наличными. Он даже не спросил, что они собираются делать с этими деньгами.[1]

Ходорковский и его партнеры оказались в авангарде нового движения, порожденного горбачевской перестройкой, создав один из первых в стране «кооперативов» – по сути, первых в Советском Союзе частных предприятий. Революционные законы, принятые в 1987 году, разрешили создавать частные предприятия в тех отраслях экономики, где дефицит ощущался острее всего, – потребительские товары, ремонт обуви, прачечные. Год спустя действие законов распространили и на самый прибыльный в Советском Союзе бизнес – торговлю сырьем. Ходорковский и его команда пустили безнал Института высоких температур в чрезвычайно выгодный оборот, обменивая его на валюту, заработанную государственными экспортерами леса, а затем ввозя на эти деньги компьютеры. Однако их действия по-прежнему отчасти направлялись сверху. Советская экономика остро нуждалась в западных технологиях, ее вычислительные системы безнадежно отставали. Но западное эмбарго на высокотехнологичные товары делало импорт компьютеров сложным делом. Ходорковскому и его партнерам приходилось пользоваться тайными торговыми каналами, созданными КГБ.[2]

«Новое поколение бизнесменов появилось не на пустом месте, – говорит Томас Грэм, бывший старший директор по России в Совете национальной безопасности США. – У них были люди, которые им помогали. В советском правительстве и в Первом главном управлении КГБ были определенные элементы, которые представляли себе, как устроен западный мир, и понимали необходимость перемен».[3]

«Горбачев это продвигал. Это была официальная политика, – говорит Кристиан Мишель, который к 1989 году стал управлять новыми деньгами Ходорковского. – Этим особенно интересовались два управления КГБ. Одно – управление по борьбе с черным рынком и экономическими преступлениями. Второе – внешняя разведка, потому что там лучше, чем в остальном Политбюро, понимали, что происходит, и потому что у них был доступ к большим деньгам. Им хотелось получать лучшую отдачу от того, что у них было, и они отдавали это людям вроде Ходорковского и говорили: „Идите поиграйте“».[4]

При нашей встрече Ходорковский настаивал, что не знал о своем участии в каком-либо эксперименте КГБ. Он утверждал, что был слишком молод и слишком одержим стремлением

[1] Hoffman. The Oligarchs, p. 107–108; интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.

[2] Интервью автора с Кристианом Мишелем, январь 2014 г.

[3] Интервью автора с Томасом Грэмом, июнь 2014 г.

[4] Интервью автора с Мишелем, сентябрь 2013 г.

преуспеть, чтобы заметить, что, возможно, был частью более широкого плана. По его словам, много лет его деятельность казалась ему просто работой, и лишь в 1993 году он осознал, что бизнес, которым он руководит, можно считать его собственным. Все это время он получал указания: «Спрашивали: „Можете поставить компьютеры туда, можете поставить компьютеры сюда? Можете сделать то, можете сделать это?“ Они имели право приказывать. Но всегда просили».[1] (Кто были эти хозяева, он, однако, не сказал.)

Сотни молодых предпринимателей начали создавать кооперативы. Большинство стремились импортировать компьютеры или торговать потребительскими товарами. Но самые успешные из них – те, кто вошел в торговлю сырьем или занялся банковским делом, – обладали самыми влиятельными связями. Одним из таких комсомольских теневиков был Михаил Фридман – исключительно одаренный и честолюбивый двадцатилетний парень с круглым лицом и задиристым видом, которому из-за негласных антисемитских квот фактически закрыли дорогу в лучшие московские вузы. Вместо этого он учился в Московском институте стали и сплавов. Окончив его, он вместо того, чтобы сосредоточиться на бесперспективной работе инженера на заводе «Электросталь», перепродавал ничего не подозревающим туристам билеты в Большой театр по спекулятивным ценам, добывая доллары для бартера и неизменно сотрудничая с КГБ, чтобы оставаться у него на хорошем счету.[2] Вместе с друзьями он создал еще один из первых кооперативов – «Альфа-Фото», который сначала мыл окна, потом ввозил компьютеры, а затем стал одним из очень немногих, кому позволили выйти на рынок сырья. Компания была переименована в «Альфа-Эко» и пустила глубокие корни в Швейцарии как одно из самых первых советско-швейцарских совместных предприятий. Ничего этого не могло бы произойти без покровительства КГБ. «Все было под советским контролем», – говорит бывший правительственный чиновник, хорошо знавший операции Фридмана.[3]

КГБ стремился держать экспорт сырья под жестким контролем, но после принятия в 1988 году закона, разрешавшего кооперативам заниматься торговлей, эта задача становилась все труднее. Директора государственных предприятий кинулись в золотую лихорадку, создавая собственные кооперативы для экспорта огромных запасов сырья – алюминия, стали, меди и удобрений, – хранившихся на заводах, которыми они руководили. Они перехватывали промышленные финансовые потоки, приватизируя свои предприятия изнутри задолго до того, как кто-либо произнес слово «приватизация». Хотя КГБ пытался удержать в руках самые стратегические виды сырья – прежде всего нефть, – часть сырьевой торговли стремительно превращалась в свободную игру без правил. Горбачевские реформы выпустили джинна из бутылки. Советское государство разворовывали, и, что важнее всего, власть Коммунистической партии над экономикой – и над самой страной – стремительно подтачивалась.

Малозаметная строчка в законе о кооперации разрешала создавать финансово-кредитные учреждения – иными словами, банки. Ходорковский был среди первых, кто обратил на нее внимание. Он пришел в местное отделение государственного Жилсоцбанка за кредитом для своего кооператива и услышал, что кредит ему дадут, но только если он сначала создаст банк. И снова сверху протянули дружескую руку помощи. Жилсоцбанк согласился

[1] Интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.

[2] По словам бывшего председателя комитета Государственной думы по безопасности Виктора Илюхина, который в письме министру внутренних дел России утверждал, что Фридман сотрудничал с КГБ еще со студенческих лет.

[3] Интервью автора с бывшим правительственным чиновником, июнь 2014 г.

стать одним из учредителей его банка, зарегистрированного в итоге как банк «Менатеп», а директор Института высоких температур вошел в его правление. Ходорковский внес капитал из прибыли НТТМ и вскоре начал выдавать самому себе кредиты для финансирования импорта компьютеров. Потом он нашел лазейку, открывшую ему путь в еще более доходный бизнес – обмен валюты. Вот тогда его дело по-настоящему пошло в гору. Он мог менять рубли на доллары по официальному государственному курсу – шестьдесят пять копеек за доллар, – а затем продавать компьютеры по цене, соответствующей сорока рублям за доллар.[1] Прибыль была колоссальной. Центральный банк СССР выдал «Менатепу» одну из первых лицензий на валютные операции, и вскоре банк уже переводил за границу огромные суммы.

Шлюзы для перевода сотен миллионов долларов на зарубежные счета через валютные операции открылись. Большая часть этого происходила как раз тогда, когда заместитель генерального секретаря Горбачева Владимир Ивашко подписывал план создания «невидимой экономики» для партийных богатств, а Леонид Веселовский из КГБ предлагал создать систему доверенных лиц. Многие годы в Москве ходила легенда, что банк «Менатеп» Ходорковского был одним из главных каналов вывода партийных богатств за границу. Ходорковский всегда это отрицал, но по меньшей мере один видный московский финансист и двое бывших высокопоставленных оперативников российской внешней разведки утверждают, что «Менатеп» был ключевым прикрытием для перевода партийных денег. «Из ЦК ушло много денег. Я точно знаю, что Ходорковский был одним из участников этого», – говорит финансист.

* * *

Впервые Горбачев дал понять, что напуган процессом, который запустили его экономические реформы, в начале 1989 года. Он и его правительство предложили ограничить доходы владельцев новых кооперативов. По замыслу, они – как и их работники – могли выплачивать себе лишь по сто рублей в день, а остальные заработанные деньги должны были храниться на специальном счете в государственном банке. Горбачев явно пытался остановить разграбление советского государства: уже становилось ясно, что казна пустеет. Но предложение немедленно вызвало отпор. Один из владельцев кооперативов, Артем Тарасов, первый в Советском Союзе открыто заявивший о себе рублевый миллионер, развернул публичную кампанию против него и заручился поддержкой половины Политбюро, включая Александра Яковлева и бывшего председателя КГБ Виктора Чебрикова.[2] Горбачев всегда хотел лишь постепенных реформ, которые удержали бы экономику в рамках социалистического государства. Но теперь, в погоне за богатством, трещину дало единство самого партийного руководства: раскол между прогрессистами и консерваторами старой гвардии углублялся. Один за другим прогрессисты переходили на сторону Бориса Ельцина – выскочки, бывшего члена Политбюро, который все решительнее бросал вызов власти Горбачева, – а к ним тайно присоединялись и сотрудники КГБ. Благодаря горбачевским же политическим реформам Ельцин получил трибуну самостоятельного лидера – сначала когда в 1990 году был избран председателем Верховного Совета РСФСР, а затем когда в июне 1991 года на первых в истории выборах стал президентом Российской Федерации.

Отобранные вручную молодые волки российского экономического перехода сплачивались вокруг Ельцина, на его сторону переходили и настроенные на реформы

[1] Интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.; Ходорковский, Геворкян, с. 82–86.

[2] Интервью автора с Артемом Тарасовым, ноябрь 2013 г.; см. также автобиографию Артема Тарасова «Миллионер. Исповедь первого капиталиста новой России», глава 5.

политические тяжеловесы вроде Александра Яковлева. Ходорковский и его команда частично финансировали президентскую кампанию Ельцина, помогали вести часть его медийной кампании и налаживали глубокие связи в его администрации.[1]

* * *

К тому времени, когда в тот роковой вечер 18 августа 1991 года пять черных «Волг» подъехали к кованым воротам летней резиденции Горбачева в Форосе на черноморском побережье, Коммунистическая партия Советского Союза, по сути, уже была конченой.

Часть КГБ, похоже, так и не поддержала путч сторонников жесткой линии. Заговорщики объявили, что председатель КГБ Владимир Крючков на их стороне, но Крючков уклонился от решительных действий по подавлению протестов против путча. КГБ не арестовал Ельцина, когда наутро после захвата власти заговорщиками тот прилетел в Москву из Казахстана; не задержала его и элитная спецгруппа КГБ «Альфа», бойцы которой прятались в кустах у его подмосковной дачи, пока он обдумывал свои дальнейшие шаги. Вместо этого Ельцин беспрепятственно добрался до Белого дома, резиденции российского парламента, где возглавил непокорный протест против путча, а на его поддержку стекались десятки тысяч людей. Когда на третий день путча заговорщики наконец отдали приказ штурмовать оплот Ельцина, «Альфа» отказалась стрелять по Белому дому. Крючков отменил приказ после того, как в предрассветные часы погибли трое человек: группа демонстрантов перегородила баррикадами соседнюю улицу на пути двигавшихся танков. Никто не хотел проливать больше крови.

Прогрессисты в партии и КГБ явно начали поддерживать демократических лидеров, потому что не хотели, чтобы поток денег иссяк.[2] «Часть КГБ поддерживала Ельцина, – говорит Андрей Илларионов, советник Путина по экономическим вопросам в первые годы его президентства. – Они видели в Ельцине альтернативу, которая проведет рыночные реформы».[3]

«Бизнес и люди, стоявшие у истоков перестройки, решили, что им нужно большее, – говорит Раир Симонян, молодой экономист со связями в военной разведке, руководивший разработкой реформ в Институте мировой экономики. – Это стало политическим процессом, потому что им стало ясно: иначе все их усилия зайдут в тупик. Горбачев был слишком нерешителен».[4]

Сторонники жесткой линии в КГБ долго твердили, что распад советской системы был подстроен агентами Соединенных Штатов. Многие были убеждены, что США воспользовались слабостями системы и помогли раздуть движения за независимость по всему Варшавскому договору, – и доля правды в этом была. Мрачно шептались, будто Александр Яковлев, крестный отец горбачевской перестройки, был внедрен в верхушку Политбюро как

[1] Интервью автора с Мишелем, январь 2014 г.

[2] Ключевым посредником в переговорах с КГБ о недопущении штурма был Аркадий Вольский – бывший советник председателя КГБ Юрия Андропова по экономическим вопросам, наладивший тесные связи с КГБ, а впоследствии, как глава влиятельного Российского союза промышленников и предпринимателей, считавшийся «дедушкой» нового класса российских магнатов. Вольский тоже участвовал в золотой лихорадке: его компании «Симако» разрешили обменивать рубли на доллары по особому партийному курсу 1,8 рубля за доллар, а также экспортировать большие партии оружия.

[3] Интервью автора с Андреем Илларионовым, сентябрь 2015 г.

[4] Интервью автора с Симоняном, ноябрь 2013 г.

агент ЦРУ, чтобы разрушить советскую империю, а Борис Ельцин был американской марионеткой. Но правда состоит в том, что революция, положившая конец семи десятилетиям коммунистического правления, прошла почти бескровно, потому что многие внутри системы не хотели, чтобы партия или социализм выжили. «Самый верхний эшелон советской номенклатуры был сметен, и страну взяла под контроль часть второго и третьего эшелонов, – говорит Томас Грэм из Совета национальной безопасности США. – Эти люди поняли, что если отбросить идеологию, можно жить еще лучше. Страна развалилась потому, что люди из второго и третьего эшелонов не были заинтересованы в ее выживании. Они нашли способ лучше устроиться в новой системе».[1]

В конечном счете крах, когда он наступил, был делом рук самой системы. Люди, стоявшие во главе внешней разведки КГБ, по словам одного бывшего высокопоставленного оперативника, решили «взорвать собственный дом».[2]

А когда российские прокуроры пришли искать пропавшие богатства Коммунистической партии, именно стражи внешней разведки сделали все возможное, чтобы им помешать. Сокрытие возглавил Евгений Примаков, бывший директор Института мировой экономики, исподволь игравшего ведущую роль в подготовке реформ, которого вскоре после путча Ельцин назначил новым руководителем российской внешней разведки.[3] «Примаков решительно саботировал единственную серьезную попытку раскрыть масштабное хищение, опустошившее казну России», – говорит Ричард Палмер, в начале девяностых руководитель резидентуры ЦРУ на территории бывшего Советского Союза.[4]

Все это время Примаков и его близкий соратник, бывший военный разведчик из Института США и Канады Михаил Мильштейн, работали над планами прекращения противостояния своей страны с Западом. Но под прикрытием советской эмиграции они отправляли на Запад и новую группу агентов – охранять и приумножать часть тайных денежных сетей российской внешней разведки.[5] Деньги выводились и откладывались для более поздней, более скрытой игры. Высокопоставленный оперативник российской внешней разведки Сергей Третьяков впоследствии утверждал, что на поддержание сетей внешней разведки КГБ были переведены десятки миллиардов долларов.[6] За год, предшествовавший путчу, были созданы сотни иностранных фирм-однодневок и советских совместных предприятий – одни учредили советские эмигранты, другие – отобранные эмиссары из комсомола.[7]

---

[1] Интервью автора с Грэмом, июнь 2014 г.

[2] Интервью автора с бывшим высокопоставленным оперативником КГБ, май 2013 г.

[3] Показания Ричарда Палмера в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей, 21 сентября 1999 г.; там же см. трезвое описание различных этапов планов КГБ по выводу партийных богатств из страны на Запад.

[4] Там же.

[5] См. главу 15; интервью автора с Юрием Швецом, май 2018 г.

[6] Pete Earley. Comrade J: The Untold Secrets of Russia's Master Spy in America After the End of the Cold War, p. 285–288.

[7] Один из крупнейших каналов – компания Fimaco – был тихо создан на Джерси высокопоставленными советскими банковскими чиновниками всего через несколько месяцев после указания Ивашко о создании «невидимой экономики». Позднее российский прокурор утверждал, что в девяностые через нее было выведено до 50 миллиардов долларов резервов Центробанка, включая миллиарды долларов кредитов Международного валютного фонда. («Восемь метрических тонн платины, 60 метрических тонн золота, запасы алмазов и, по

Советская империя, может быть, и была потеряна, но прогрессисты из внешней разведки понимали, что в условиях командной экономики продолжать борьбу с Западом все равно невозможно. Для них конец коммунистической империи означал не прекращение враждебных действий, а возможность со временем продолжить их под новыми знаменами.

Новый день

Когда днем 19 августа 1991 года, в разгар путча сторонников жесткой линии, Борис Ельцин, щурясь от солнца, решительно вышел из российского Белого дома, мир поверил, что обрел икону новой эпохи. Бросив вызов окружившей Белый дом военной технике, Ельцин неуклюже взобрался на один из танков, по пути пожимая руки солдатам из его экипажа.

В последовавшие за этим дни эйфории символ всесилия КГБ – памятник основателю советской тайной полиции Феликсу Дзержинскому – был снят лебедкой с постамента перед штаб-квартирой КГБ на Лубянской площади. Вскоре в Россию потянулись западные банкиры и правительственные чиновники, чтобы консультировать новое правительство Ельцина по созданию рыночной экономики. В новый кабинет отчасти вошли блестящие молодые экономисты, в том числе Егор Гайдар и Петр Авен. Россия должна была интегрироваться в западные рынки, и все приветствовали новую эпоху сотрудничества.

Хотя в октябре 1991 года Ельцин подписал указ об упразднении КГБ и разделении его на четыре внутренние службы, назначение Вадима Бакатина руководить организацией в последние месяцы перед ее разделением было ранним признаком того, что перемены будут косметическими. Бакатин был неопытным чужаком, недолго прослужившим министром внутренних дел в последние годы советского режима, и новые товарищи по КГБ без труда водили его за нос. Он сам признавался московской журналистке Евгении Альбац, что почти не контролирует своих подчиненных и знает, что они им манипулируют и утаивают от него информацию: «Я абсолютно убежден: то, чего комитетчики не захотят, чтобы я знал, я и не узнаю».[1] А когда КГБ официально разделили, могущественная служба внешней разведки, переименованная в СВР, под руководством Примакова осталась нетронутой. Хотя десятки тысяч, по всей видимости, деморализованных офицеров уволились из службы, чтобы ринуться в бизнес, часть системы просто ушла в подполье. Подобно Путину при Собчаке, «они остались в тени», говорит один бывший посредник КГБ, согласившийся говорить на условиях анонимности.[2] «По-настоящему они ни от чего не избавились. Поменяли фасад и поменяли вывеску. Но больше ничего по-настоящему не изменилось». Официальный бюджет СВР урезали до минимума, но вскоре нашлись неофициальные источники финансирования.

Хотя в хаосе распада Советского Союза российское правительство с трудом платило пенсии и зарплаты учителям, врачам и другим бюджетникам, новый премьер-министр Егор Гайдар позаботился о том, чтобы найти средства на содержание стратегических форпостов внешней разведки. Одним из таких платежей стали 200 миллионов долларов, выплаченные в 1992 году режиму Фиделя Кастро на Кубе за то, чтобы российская внешняя разведка могла и дальше пользоваться центром радиоперехвата в Лурдесе для прослушивания США. Платеж был проведен по запутанной бартерной схеме – обмену нефтепродуктов на импорт сахара, – в

оценкам, от 15 до 50 миллиардов долларов наличными были… переданы в неизвестные руки разведывательным подразделением КГБ в 1989–1991 годах», – показал впоследствии Палмер в Конгрессе США.)

[1] Евгения Альбац. «Мина замедленного действия: политический портрет КГБ», с. 303.

[2] Интервью автора с посредником КГБ, март 2013 г.

точности как контрабандные схемы, которые КГБ проворачивал через дружественные фирмы.[1] Перевод 200 миллионов долларов был сделан в то время, когда официальный государственный бюджет России на 1992 год составлял 148 миллионов долларов. В конце того же года Гайдар направил целый миллиардный кредит Международного валютного фонда, предназначенный для стабилизации российской экономики, на спасение одного из важнейших финансовых форпостов сети российской внешней разведки – «Евробанка», советского государственного банка в Париже.[2]

Первую половину девяностых КГБ оставался мощной силой за кулисами. Его оперативники по-прежнему были повсюду – работали советниками по внешнеторговым связям или связям с правительством, руководителями служб безопасности. До 1995 года большая часть нефтяного сектора оставалась в руках государства, а за ее экспортом присматривали оперативники внешней разведки КГБ. «Их можно было встретить практически везде – во всех компаниях, во всех государственных ведомствах, – говорит Кристиан Мишель. – Благодаря своим сетям они были гораздо больше, чем отдельные личности. Эти люди из КГБ контролировали сети, и без них ничего не двигалось».[3]

Поначалу многие высокопоставленные оперативники КГБ, участвовавшие в подготовке рыночного перехода России, пошли работать к молодым магнатам, которых сами же помогли вырастить в ходе горбачевской перестройки.[4] В основном они были там просто для того, чтобы получать свою долю, но в некоторых случаях держали все под контролем. «Им говорили: „Вы будете зарабатывать деньги и отстегивать нам“», – говорит бывший оперативник внешней разведки Юрий Швец.[5]

Но по мере того как молодые магнаты набирали богатство и власть в ходе рыночных реформ, начатых правительством Ельцина, они постепенно стали затмевать своих бывших

---

[1] Интервью автора с Андреем Илларионовым, сентябрь 2015 г. Платеж в 200 миллионов долларов образовался из разницы в цене между поставленными нефтепродуктами и полученным сахаром. Подробное описание схемы см.: Андрей Илларионов. «Трудный путь к свободе», ч. II // Континент, № 146, 4 мая 2011 г., с. 13–17.

[2] Интервью автора с Илларионовым, сентябрь 2015 г. Пропавший миллиардный кредит МВФ с 1992 года не давал покоя коллеге Илларионова Борису Федорову, тогдашнему министру финансов. Илларионову удалось выяснить, что с ним произошло, лишь после назначения советником президента по экономическим вопросам в 2000 году. Тогда, как член наблюдательного совета Центробанка, он получил доступ к счетам российских зарубежных госбанков, в том числе «Евробанка»: «Мы изучали счета после продажи сети „Евробанка“, и я спросил: „Откуда этот миллиард? Надо обратить внимание на эту сумму, которую он получил в конце 1992 года“. Оказалось, кредит МВФ был переведен на спасение „Евробанка“. Это был банк КГБ, и Гайдару удалось все это спасти». Правительство сначала перевело кредит из Центробанка во Внешэкономбанк, оттуда в «Евробанк», а затем в Fimaco в офшорной зоне Джерси, которая использовала эти средства для выкупа безнадежных долгов «Евробанка». Подробнее см.: Илларионов. «Трудный путь к свободе», ч. II // Континент, № 146, с. 150–156.

[3] Интервью автора с Мишелем, январь 2014 г.

[4] Филипп Бобков, бывший начальник пятого управления КГБ, ведавшего в том числе делами национальных меньшинств, пошел работать к своему близкому протеже Владимиру Гусинскому в «Мост-банк», возглавив его аналитическое управление. Леонид Шебаршин, руководитель внешней разведки КГБ в последние годы режима, стал начальником службы безопасности первого банка, получившего валютную лицензию, – Всероссийского биржевого банка. Николай Леонов, всесильный начальник аналитического управления внешней разведки, стал его вице-президентом. На бумаге банк возглавлял двадцатитрехлетний финансовый вундеркинд Александр Конаныхин. Но на деле банк был прикрытием КГБ. Леонов тесно работал и с человеком, который был тогда одним из самых незаметных банкиров страны, – Сергеем Пугачевым, чей Межпромбанк также одним из первых получил валютную лицензию.

[5] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

покровителей из КГБ. Казалось, рождается новая Россия, в которой бывшие комсомольцы стали дерзкими символами новой капиталистической эпохи. Ходорковский и его команда из «Менатепа» даже выпустили манифест – отпечатали 50 000 экземпляров воззвания, которое раздавали на улицах и которое прославляло достоинства богатства: «Наш компас – прибыль. Наш кумир – его финансовое величество капитал».[1] Их целью было «стать миллиардерами», и они хотели показать, что нет ничего дурного в том, чтобы богатеть, после десятилетий, когда получение прибыли считалось преступлением. Но путь к богатству был для них открыт изнутри с самого начала.

Рыночные реформы нового правительства Гайдара были нацелены на то, чтобы как можно быстрее привести Россию к рынку – независимо от последствий. Их поощряла команда американских экономистов из Гарварда во главе с Джеффри Саксом, надеявшихся повторить успех реформ «шоковой терапии» в Польше, где двумя годами раньше, казалось, удалось успешно начать быстрый переход к рынку.[2] Но в России наследие советского государства давило куда сильнее. Рыночные реформаторы Гайдара оставались в меньшинстве, а прогнившая система, в которой они начали реформы, лишь еще больше уродовала экономику. Выиграть могли только те, кто, как Ходорковский, создал банки в последние годы существования Советского Союза. Однако какое-то время американские экономисты, похоже, с этим мирились. Они верили, что помогают создать новый класс предпринимателей, и, казалось, были готовы на все, что поможет сломить хватку советской старой гвардии.[3]

Когда 1 января 1992 года правительство Ельцина в одночасье освободило цены, сняв многолетний советский контроль, молодые магнаты делали деньги, а население и правительство боролись за выживание. Либерализация цен вызвала разрушительную гиперинфляцию: поставщики и производители пытались преодолеть дефицит, давно встроенный в советскую экономику. В отличие от Польши, где после первоначального всплеска инфляция вскоре улеглась, Гайдару противостоял хитрый председатель Центрального банка из старой гвардии Виктор Геращенко, когда-то работавший на вершине советской сети зарубежных банков, финансировавшей операции КГБ, который теперь продолжал печатать деньги несмотря ни на что. Цены на потребительские товары подскочили на 400 процентов, а порой и во много раз больше. Пока гиперинфляция подрывала покупательную способность правительства и уничтожала скудные сбережения населения, Ходорковский и другие молодые магнаты могли страховаться от девальвации. Через свои банки они имели доступ к валюте и могли быстро переводить любые рублевые доходы в доллары.

Магнаты выиграли и от следующей запланированной правительством Гайдара рыночной реформы – приватизации государственных предприятий. Средства для участия в так называемой массовой приватизации были только у узкой элиты, которая уже прибрала к рукам значительную часть денежных потоков предприятий в ходе горбачевской перестройки: молодых бизнесменов из комсомола, теневиков, организованных преступных группировок, КГБ и красных директоров.

---

[1] Hoffman. The Oligarchs, p. 120–121.

[2] Jeffrey D. Sachs. Russia's Failure to Reform // Project Syndicate, 30 августа 1999 г.

[3] Janine R. Wedel. The Harvard Boys do Russia // The Nation, 14 мая 1998 г. (Уэдел ссылается на одного из этих гарвардских экономистов, Андрея Шлейфера, который отмечал в книге «Приватизация России», что «помощь может изменить политическое равновесие, открыто помогая сторонникам свободного рынка одержать верх над политическими противниками».)

Приватизация во время гиперинфляции могла лишь еще больше сосредоточить богатство страны в руках этой небольшой группы, говорит Григорий Явлинский, один из самых принципиальных российских экономистов, решительно выступавший за более постепенные реформы. «Как можно проводить приватизацию, когда деньги как институт уничтожены? Приватизация может быть только криминальной. Следующим шагом стала криминальная приватизация».[1]

«Когда Гайдар попытался провести первую приватизацию, все уже было захвачено, – говорит бывший советник Кремля Глеб Павловский.[2] – Самая большая ошибка Гайдара состояла в том, что, начиная реформы, он считал, будто перед ним все еще советская экономика 1987 года. А советской экономики уже не существовало». Правительство Гайдара пыталось сделать приватизацию открытой для всех, раздав работникам предприятий ваучеры для участия в распродаже. Но рабочих часто вынуждали обменивать ваучеры на деньги или даже на хлеб – просто чтобы пережить гиперинфляцию.

Больше всего новые магнаты из комсомола выиграли, когда правительство Ельцина открыло им доступ к огромным запасам денег, не требуя от них и пальцем пошевелить. Вместо того чтобы иметь собственное казначейство, правительство уполномочило банки магнатов, в том числе «Менатеп» Ходорковского и «Альфу» Фридмана, держать на депозитах стратегические средства российского бюджета. Это была схема быстрого обогащения для избранных фаворитов ельцинского режима. Они могли направлять сотни миллионов долларов государственных средств в высокодоходные вложения, порой даже на приватизационные аукционы, а правительство тем временем дожидалось, пока ему выдадут его же деньги. Жизненно важные программы – оборонные расходы или помощь людям, полуброшенным среди разваливающихся промышленных пустошей российского Крайнего Севера, – задерживались или вовсе не финансировались, а безжалостные новые банкиры отделывались от правительства векселями. Из правительства выкачивали все соки, а новые волки российской экономики изобретали хитроумные схемы уклонения от налогов и таможенных пошлин.

Более расторопные и ловкие в рыночных делах, чем их бывшие хозяева из КГБ, молодые магнаты из комсомола превращались в своего рода чудовище Франкенштейна, быстро обгонявшее своих создателей. Настоящий перелом, когда контроль над экономикой, казалось, безвозвратно перешел в руки новых магнатов, наступил ближе к середине 1995 года. Россия вступала в последний год перед первыми постсоветскими президентскими выборами, а государственная казна была пуста. Зарплаты и пенсии задерживались на месяцы, а рейтинг одобрения Ельцина опустился до пугающих 6 процентов. Магнаты боялись возвращения коммунизма, которое лишило бы их состояний и могло даже упрятать их за решетку. Что еще важнее, они давно присматривались к жемчужинам советской промышленности – крупнейшим государственным индустриальным гигантам. Все, что они приобрели до сих пор, было мелочью по сравнению с огромными ресурсами, все еще остававшимися под контролем государства.

Владимир Потанин, обходительный сын высокопоставленного советского дипломата, ставший одним из крупнейших новых банкиров страны, придумал на первый взгляд гениальную схему. Он предложил, чтобы молодые банкиры помогли испытывающему нехватку денег правительству Ельцина серией кредитов. В качестве залога магнаты получили

[1] Интервью автора с Явлинским, февраль 2014 г.

[2] Интервью автора с Павловским, май 2014 г.

бы пакеты акций горстки избранных крупнейших предприятий страны. Магнаты управляли бы этими предприятиями и могли бы продать свои пакеты, если правительство окажется не в состоянии вернуть кредиты. Когда идею впервые озвучили, сторонние наблюдатели посмеивались, что она никогда не получит хода. Слишком велик потенциал для коррупции, говорили они.[1] Банкирам слишком легко было бы просто продать акции самим себе.

Но у молодых магнатов были могущественные друзья в правительстве Ельцина. Главным среди них был Анатолий Чубайс – рыжеволосый вице-премьер и близкий соратник Гайдара, архитектор всей предшествующей программы приватизации. При мощной поддержке команды американских экономистов Чубайс был полон решимости любой ценой сломить хватку государства в экономике. Слишком большая часть промышленности все еще оставалась в руках государства, «красных» директоров советской закалки и КГБ, а угроза возвращения коммунизма казалась слишком реальной. Если бы правительство одобрило предложение банкиров, это в одночасье создало бы крупный новый класс собственников, а заодно наполнило бы пустую государственную казну кредитами на предполагаемые 1,8 миллиарда долларов. Тогда магнаты, чтобы сохранить новые богатства, всеми силами поддержали бы Ельцина против коммунистов. Чубайс считал, что это ознаменует окончательную победу либеральных реформаторов над силами старой гвардии.

Но эта схема станет одним из первородных грехов российского рыночного перехода. Она запятнала все и открыла путь постоянным угрозам оспорить законность собственности, приобретенной молодыми магнатами в то время. Она вошла в историю как залоговые аукционы – инсайдерская сделка, передавшая природные богатства страны в руки молодых банкиров за бесценок. Куда более проворные в финансовых делах и способные благодаря быстрому росту своих банков и державшимся в них государственным депозитам привлекать гораздо большие суммы свободных денег, молодые магнаты переиграли своих бывших хозяев из КГБ. Объединенным силам КГБ и бывших советских директоров удалось выиграть лишь два аукциона по нефтяным компаниям: 5 процентов нефтяной компании «Лукойл» и 40 процентов «Сургутнефтегаза», менеджеры которого пошли на все, чтобы не подпустить молодых банкиров. Ближайший аэропорт к сибирскому нефтяному городу Сургуту, где проходили торги, закрыли, а на главных подъездных дорогах выставили блокпосты с вооруженной охраной.[2]

Большая часть остальной советской промышленности перешла в руки молодых банкиров на аукционах, которые повсеместно считались подстроенными. Потанин получил давно желанный приз – контрольный пакет крупнейшего в мире производителя никеля и платины «Норильский никель», огромного комбината далеко за Полярным кругом, прибыль которого в 1995 году составила 1,2 миллиарда долларов. Для этого ему понадобилось лишь выдать правительству кредит на 170 миллионов долларов, а когда, как и ожидалось, все еще стесненное в средствах правительство после победы Ельцина на выборах не вернуло кредит, путь для Потанина был открыт: он выиграл пакет на аукционе, заплатив немногим больше суммы кредита. Ходорковский давно нацеливался на ЮКОС – нефтедобывающую компанию в Западной Сибири, контролировавшую одни из крупнейших запасов в России. Он получил над ней контроль, одолжив правительству 159 миллионов долларов под залог 45-процентного пакета, а затем вложив еще 150 миллионов долларов в виде инвестиций за дополнительные 33 процента. Другой нефтяной гигант, «Сибнефть», за 100 миллионов долларов достался Борису

[1] Chrystia Freeland. Sale of the Century, p. 169.

[2] Там же, p. 173–174.

Березовскому, который уже контролировал продажи крупнейшего в России автозавода и возглавлял собственный банк. Большинству этих банкиров едва перевалило за тридцать, но с помощью благосклонных государственных чиновников, проводивших аукционы, им удалось заложить основы состояний, которые через несколько лет будут исчисляться миллиардами, а затем и десятками миллиардов долларов. Вскоре Березовский уже похвалялся, что группа из семи банкиров контролирует 50 процентов экономики страны.[1]

Залоговые аукционы ознаменовали огромный сдвиг в контроле над экономикой. Именно в этот момент магнаты превратились из простых банкиров во владельцев крупнейших активов страны с доступом к самым прибыльным денежным потокам. «Тогда-то они и начали меняться, – говорит Кристиан Мишель. – Они приобрели реальные активы. Они стали гораздо большим, чем банки».[2]

К концу девяностых молодые магнаты начали переламывать советское наследие падающего производства, огромных долгов и запустения. Но для сотрудников спецслужб, помогавших создать этих новых миллиардеров, залоговые аукционы стали моментом, который они никогда не простят и не забудут и который станет зерном будущего реванша КГБ. До этого люди из КГБ, оставаясь в тени, все еще могли контролировать значительную часть денежных потоков от нефтяных богатств страны. Но теперь их перехитрили и обогнали, и финансовые бразды правления в значительной мере уплыли из их рук. «Это был переломный момент, когда [молодые магнаты] взяли контроль в свои руки, – говорит Раир Симонян, соратник Евгения Примакова, работавший над первыми перестроечными реформами. – Это изменило всю парадигму».[3]

Но в те дни магнаты нового российского порядка были опьянены своим новым богатством. Они стремительно превращались в олигархов, имевших немалое влияние на ослабленное правительство Ельцина. Последние представители старой гвардии спецслужб, служившие в правительстве, были со скандалом изгнаны накануне президентских выборов, и бразды правления перешли к западно ориентированным реформаторам вроде Чубайса. Только что успешно проведя залоговые распродажи, Потанин занял пост вице-премьера в правительстве Ельцина, а Березовский был назначен заместителем секретаря Совета безопасности. Чубайс стал руководителем администрации Ельцина. Это был апофеоз их эпохи. Страна, казалось, принадлежала им. Силы КГБ, по всей видимости, отступали на задний план.

Но, по словам бывшего высокопоставленного оперативника внешней разведки Юрия Швеца, олигархи «все забыли, кому они обязаны».[4] В спешке укрепления своих позиций, в борьбе за новые богатства Ходорковский и другие не заметили, что неподалеку, в Санкт-Петербурге, в воздухе повеяло холодом. Там все было устроено иначе. В стороне от золотой лихорадки московского экономического бума силы КГБ осуществляли куда более жесткий

[1] Chrystia Freeland, John Thornhill, Andrew Gowers. Moscow's Group of Seven // Financial Times, 1 ноября 1996 г. Показательно, что Ходорковский, например, сначала заключил соглашение с руководством ЮКОСа, включая двух бывших высокопоставленных оперативников КГБ, пообещав впоследствии выплатить им 30 процентов стоимости компании. Один из чиновников, отвечавших за проведение аукциона по ЮКОСу, позднее признал, что Ходорковский воспользовался своими связями там, чтобы под залог будущих продаж нефти ЮКОСа собрать деньги для участия в аукционе.

[2] Интервью автора с Мишелем, декабрь 2012 г.

[3] Интервью автора с Симоняном, ноябрь 2013 г.

[4] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

контроль – в городе, где экономика была суровее и мрачнее, а борьба за деньги шла с применением насилия.

ГЛАВА 3

«Верхушка айсберга»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. На юго-западной окраине Санкт-Петербурга, там, где Финский залив переходит в Балтийское море, нагромождение кранов и контейнеров заслоняет изящные фасады дореволюционных дворцов на другом берегу залива. На одном маленьком острове груды искореженного металлолома и штабеля леса дожидаются танкеров, а через протоку, среди тяжелой техники, каким-то чудом еще стоят полузаброшенные краснокирпичные здания бывшей таможни и складов лучших купцов дореволюционного города. Далеко на западной оконечности бетонный пирс ведет к месту, которое иногда называют «Золотыми воротами», – бетонному нагромождению нефтехранилищ, обозначающему самый стратегический объект Санкт-Петербурга, нефтяной терминал, ставший полем битвы в нескольких самых жестоких бандитских войнах 1990-х.

На этом архипелаге островов расположен морской порт Санкт-Петербурга, и через его протоки всегда проходило русло бурной российской истории. Когда в начале XVIII века Петр Великий основал Санкт-Петербург, он надеялся, что город станет величайшим морским портом России, жизненно важным связующим звеном между огромной евразийской территорией страны и рынками Запада. Тысячи крепостных трудились и гибли, воплощая его замысел – величественные барочные особняки и изящные каналы, поднимающиеся из ледяных, топких болот. Санкт-Петербург с самого начала задумывался как «окно в Европу» – портовый город, который любой ценой вытащит упирающуюся страну из ее средневекового и азиатского прошлого.

Из колониальных империй Запада все чаще приходили корабли с грузами сукна, чая, шелка и пряностей, а из России уходили на пароходах ее имперские богатства – лес, меха, пенька и поташ. Петербургские купцы и дворяне процветали, но по мере стремительного роста населения города его рабочие оказались среди самых угнетенных в мире. Портовые грузчики таскали грузы на кораблях и с кораблей на спине, ничем не защищенные ото льда и пронизывающих ветров, полгода сковывавших порт. Когда в 1917 году Владимир Ленин поднял рабочих города на свержение Временного правительства, грузчики были в первых рядах. Когда во время Второй мировой войны город, называвшийся тогда Ленинградом, оказался в нацистской блокаде, морской порт был на передовой душераздирающей борьбы за выживание под голодом и бомбами.

А когда Россия, содрогаясь, вышла из третьей революции XX века, петербургскому морскому порту вновь предстояло сыграть определяющую роль. Он стал эпицентром союза КГБ и организованной преступности, которому суждено было распространить свое влияние на всю Россию, а позднее и на западные рынки и институты. Отсюда начались деловые союзы вице-мэра города Владимира Путина, тесно работавшего с лидером организованной преступности, который контролировал порт, и с нефтетрейдером, получившим монополию на экспорт через его нефтяной терминал. Отношения, выкованные тогда в хитросплетении бартерных и экспортных сделок, стали моделью того, как будет управляться путинская Россия.

В начале девяностых порт был одним из самых мрачных мест в городе, раздираемом бандитскими перестрелками и жестокой борьбой за деньги. «История морского порта – очень криминальная и грязная история», – говорит один бывший высокопоставленный депутат

Ленсовета.[1] «Порт был полностью криминализирован. Там много стреляли», – рассказывает бывший член крупнейшей местной преступной группировки – тамбовской.[2]

Те, кто в итоге взял порт под контроль, входили в спайку организованной преступности и людей из КГБ, которая в девяностые стала заправлять в Санкт-Петербурге, и в центре этой спайки находился Владимир Путин. Если в Москве силы КГБ по большей части оставались в тени, то в Санкт-Петербурге они были куда заметнее. Экономика Санкт-Петербурга была гораздо меньше московской, борьба за деньги – куда ожесточеннее, а щупальца мэрии тянулись в большинство предприятий. Главная причина могущества КГБ в Санкт-Петербурге заключалась в том, что мэра Анатолия Собчака мало интересовало повседневное управление городом. Он оставил его Путину, руководившему комитетом по внешним связям, который курировал всю внешнюю торговлю и значительную часть остального городского бизнеса, и другому своему заместителю, Владимиру Яковлеву, отвечавшему за городское хозяйство.

Собчак и его заместители перевели мэрию из Мариинского дворца, где заседал демократический Ленсовет, в лабиринты Смольного, откуда Коммунистическая партия управляла городом со времен ленинского переворота. Доставшееся им наследство было удручающим. Городская казна была пуста. Платить за импорт было нечем, а полки магазинов стремительно пустели. Отечественное производство продовольствия находилось в плачевном состоянии. Неэффективные колхозы и совхозы бросали зерно гнить на обочинах дорог, а череда неурожаев только усугубляла положение. Им приходилось бороться не только с продовольственным кризисом, но и со взрывом преступности. В хаосе распада Советского Союза институты власти, казалось, таяли на глазах. Образовавшийся вакуум заполняли организованные преступные группировки, которые обкладывали местный бизнес данью и брали под контроль торговлю.

Из своего кабинета за величественными колоннами и облупившимся фасадом Смольного Собчак, казалось, был не в состоянии справиться с ухудшающимся положением. Убедительный и сильный оратор, гордившийся своей внешностью, он находился в натянутых отношениях с тем, что осталось от городских правоохранительных органов. «Собчак был придурком, – говорит один бывший высокопоставленный офицер КГБ, некоторое время работавший с Путиным в Санкт-Петербурге. – Ему хотелось носить самые шикарные костюмы, и он мог часами произносить речи. Он обожал все атрибуты власти, а его жена хотела жить как аристократка. Он любил ездить в лимузинах, но кто-то же должен был работать. Кто будет убирать дерьмо с улиц и разбираться с бандитами?»

Мало кто в правоохранительных органах вообще подходил к телефону, когда звонил Собчак. «Бывший начальник петербургского управления КГБ даже в одну комнату с ним не заходил, – говорит бывший офицер КГБ. – Объяснять ему, как устроена безопасность, было все равно что объяснять ядерную физику. А Путину можно было объяснить. Можно было сказать: „Володя, тут такая ситуация, а тут такая“. И когда ему приходилось звонить в милицию, чтобы уладить какие-то дела, ему трубку не бросали».

Так Собчак стал опираться на Путина, сохранившего сеть связей с верхушкой городского КГБ: его бывший наставник по внушавшему страх Пятому управлению Ленинградского КГБ, боровшемуся с диссидентами, Виктор Черкесов стал новым начальником ФСБ Санкт-Петербурга, преемницы КГБ. Путин стал ответственным за

[1] Интервью автора, февраль 2014 г.

[2] Интервью автора, июнь 2014 г.

отношения с правоохранительными органами. Он был «человеком, который мог кому-то позвонить и сказать: „Надо что-то делать, а то будет кошмар“, – говорит бывший офицер КГБ. – Он мог договориться с генералом, который раньше командовал спецназом, и тот мог подсказать, как действовать, а может, и подкрепление дать. Это были люди со связями. Система рухнула, но часть ее осталась».[1]

Из хаоса и развала – и из беспомощности Собчака – вырос союз Путина, его соратников по КГБ и организованной преступности, стремившийся управлять значительной частью экономики города в собственных интересах. Вместо того чтобы наводить порядок на благо жителей города, они наводили его в основном для самих себя. Прежде всего крах означал возможность обогатиться – а для Путина и его союзников из КГБ, в частности, возможность создать стратегический тайный фонд, который должен был на долгие годы сохранить их сети и обеспечить их положение. Корни этого «общака» уходили в бартерные схемы управлявшихся КГБ дружественных фирм. Позднее они протянулись к морскому порту, а затем и к самому нефтяному терминалу. И через все это проходила петербургская тамбовская организованная преступная группировка. По словам одного бывшего сотрудника местного управления ФСБ, это был бизнес, состоявший из «убийств и рейдерства»: «Руки тамбовских были по локоть в крови».[2]

* * *

Шел конец 1991 года, когда Марина Салье впервые заметила, что что-то не так. Пламенный демократ, одно время соперничавшая с Собчаком за роль лидера петербургских демократов, получила от председателя Ленсовета задание найти выход из продовольственного кризиса. Стойкая женщина-геолог лет пятидесяти пяти, с мягкими седеющими волосами и глубокими тенями под решительными глазами, Салье была неутомима. Той осенью она добилась введения в городе карточной системы. Впервые со страшных дней ленинградской блокады продукты стали выдавать по карточкам.[3] Теперь она решила добиться бартерной схемы, которая позволила бы городу обменивать сырье на импорт продовольствия. Это казалось единственным выходом из тупика. На федеральном уровне уже была создана система для борьбы с кризисом, охватившим всю страну. Московское правительство начало выдавать квоты, разрешавшие экспорт определенных объемов природных ресурсов, принадлежавших государственным предприятиям, – нефтепродуктов, металлов и леса – в обмен на продовольствие. Но когда Салье стала добиваться, чтобы мэрия подала заявку на экспортные квоты для Санкт-Петербурга, до нее дошли слухи, что путинский комитет по внешним связям уже их получил. «Какие квоты? Где квоты? Официально никто ничего не знал», – рассказывала она позднее в интервью.[4] Когда она попыталась добиться от мэрии подробностей, на ее письма никто не ответил. Схема, как она выяснила, действовала по меньшей мере с начала декабря, и никто об этом не был поставлен в известность.[5] Но главная

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, май 2013 г.

[2] Интервью автора с бывшим сотрудником местного управления ФСБ, июнь 2014 г.

[3] Марина Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!» // Фонд «Гласность», 18 марта 2000 г.

[4] Анастасия Кириленко. «Почему Марина Салье молчала о Путине 10 лет?», интервью с Мариной Салье // Радио Свобода, 2–4 марта 2010 г.; подробнее см. также превосходную статью: Владимир Иванидзе. «Спасая полковника Путина: попытка вторая» // Радио Свобода, 16 марта 2010 г.

[5] Иванидзе. «Спасая полковника Путина: попытка вторая» // Радио Свобода, 16 марта 2010 г. Согласно документам о сделках, собранным фондом Салье и изученным автором, 4 декабря 1991 года Путин направляет Авену письмо с просьбой выделить городу квоты на экспорт сырья на 124 миллиона долларов в обмен на импорт

проблема состояла в том, что ожидаемого импорта продовольствия нигде не было. К новому году продовольственных запасов у города оставалось лишь на месяц.[1]

Салье инициировала депутатское расследование, потребовав предоставить информацию о сделках.[2] Когда Путин наконец подчинился требованиям и выступил перед Ленсоветом – бледноглазый и вызывающе непреклонный, – он принес с собой всего две страницы записей и заявил депутатам, что все остальное составляет коммерческую тайну.[3] То, что он сказал депутатам, сильно расходилось с документами, которые Салье по мере расширения расследования в конце концов удалось получить в Государственном таможенном комитете и у других чиновников.[4]

К тому времени, когда она сложила все воедино, стало ясно, что комитет Путина раздал экспортных лицензий более чем на 95 миллионов долларов запутанной сети подставных компаний, а ожидаемого взамен продовольствия практически не поступило.[5] Еще на 900 миллионов долларов экспортных квот выделило федеральное правительство, в том числе квоту на алюминий стоимостью 717 миллионов долларов.[6] Выяснить, раздал ли Путин и эти дополнительные квоты на 900 миллионов долларов другим фирмам, которые тоже исчезли с выручкой, было невозможно: доступа к другим документам Салье получить не удалось. Но она подозревала, что раздал.[7]

По мере того как Салье и ее коллеги-депутаты разбирались в документах, скандал разрастался. Государственные таможенники и представитель министерства внешнеэкономических связей в Санкт-Петербурге писали Путину, жалуясь, что он выдал экспортные лицензии в нарушение законов, регулирующих подобные бартерные сделки.[8] В

продовольствия как единственный способ обеспечить снабжение города в первые два месяца 1992 года. В письме Путин просит предоставить его Комитету по внешним связям право выдавать экспортные лицензии фирмам, участвующим в сделках. Резолюция премьер-министра России Егора Гайдара о согласии датирована, по-видимому, 5 декабря 1991 года (некоторые комментаторы ставят подпись под сомнение, считая ее подделкой). Однако правительственное распоряжение, утверждающее схему, издано лишь 9 января 1992 года. При этом письмо представителя министерства внешнеэкономических связей в Санкт-Петербурге А. Пахомова Авену от 3 февраля 1992 года свидетельствует о том, что еще в ноябре для Санкт-Петербурга была утверждена другая бартерная схема, тоже провалившаяся. В письме говорится, что первая квота на продажу 100 000 тонн дизельного топлива была выдана Гайдаром 21 ноября 1991 года «Киришинефтеоргсинтезу», который продал топливо, но не передал городу никакой выручки на закупку продовольствия. Согласно письму Пахомова, затем правительство Гайдара выдало новый набор квот.

[1] Интервью автора с Александром Беляевым, бывшим председателем Ленсовета, июнь 2013 г.

[2] Марина Салье. «Настал черед Путина – „президента“ коррумпированного клана», 29 февраля 2012 г.; Иванидзе. «Спасая полковника Путина: попытка вторая»; письмо Беляева В. Путину от 14 января 1992 года с требованием выступить перед Ленсоветом и представить всю документацию по сделкам.

[3] Иванидзе. «Спасая полковника Путина»; Салье. «Настал черед Путина – „президента“ коррумпированного клана»; две страницы записей, переданные Путиным, также содержатся в документах комиссии Салье: Приложение 16 «О состоянии дел по выдаче лицензий под обеспечение города продовольствием», В. Путин; Таблица № 1 «Продовольствие, получаемое в счет выданных лицензий».

[4] Иванидзе. «Спасая полковника Путина».

[5] Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!»

[6] Там же.

[7] Там же; Салье. «Настал черед Путина – „президента“ коррумпированного клана».

[8] Документы комиссии Салье: письмо начальника Санкт-Петербургской таможни В. Т. Степанова Путину от 27 января 1992 года о том, что партия леса не может быть пропущена, поскольку экспортная лицензия не соответствует законам, регулирующим подобные бартерные схемы: на закупку продовольствия идет лишь 50

экспертном заключении, заказанном комиссией Салье, говорилось, что задействованные компании настолько безвестны, что могут в одночасье исчезнуть с выручкой от продаж.[1] Большинству из них полагались умопомрачительные комиссионные за услуги – от 25 до 50 процентов стоимости сделок вместо обычных 3–4 процентов.[2] Ряд контрактов, судя по всему, позволял компаниям покупать сырье намного дешевле рыночной цены. Одна выданная Путиным квота позволила фирме, созданной всего за два месяца до начала схемы, приобрести 13 997 килограммов редкоземельных металлов в две тысячи раз дешевле мировой рыночной цены, что позволяло ей получить огромную прибыль, перепродав все это на мировых рынках.

Раскрытая Салье схема почти в точности повторяла практику совместных предприятий КГБ в последние дни Советского Союза, когда государственные предприятия продавали сырье за границу потоком по низким внутренним советским ценам, а прибыль от последующей продажи по гораздо более высоким мировым ценам оседала на зарубежных банковских счетах. В те годы любой организации, желавшей экспортировать сырье, требовалась специальная лицензия министерства внешней торговли, в штате которого было полно людей, связанных с КГБ. Когда российское правительство запустило серию бартерных схем, призванных предотвратить надвигавшуюся после распада СССР гуманитарную катастрофу, сделки пошли по тому же пути. Но у Путина было особое разрешение самостоятельно выдавать квоты, лицензии и контракты по городским сделкам «нефть в обмен на продовольствие», не согласовывая каждую из них с министерством.[4] Это право предоставил ему сам министр внешнеэкономических связей Петр Авен – тот самый экономист в очках, что в начале восьмидесятых тесно работал над реформами с Гайдаром, – который затем и прикрыл Путина, когда сделки «нефть в обмен на продовольствие» оказались под пристальным вниманием.

Один из выданных Путиным контрактов достался советско-финскому совместному предприятию «Сфинкс», которое в конце декабря 1991 года получило квоту на продажу

процентов выручки, лицензия подписана ненадлежащим лицом, стоимость товара искусственно занижена; письмо заместителя полномочного представителя президента в Санкт-Петербурге Федора Шкруднева Путину от 12 февраля 1992 года о том, что лицензии содержат серьезные просчеты в стоимости экспортируемых товаров и в санкциях на случай невыполнения посредником условий; письмо представителя министерства внешнеэкономических связей в Санкт-Петербурге Александра Пахомова Авену от 3 февраля 1992 года, где указывается, что выданные Путину квоты не подтверждены министерством экономики и финансов, лицензии розданы безвестным фирмам, не специализирующимся на внешнеторговых операциях, а раздел выручки пополам – половина городу на импорт продовольствия, половина посредникам – не соответствует законам о бартерных схемах.

[1] Комиссия Салье; экспертное заключение, Приложение 12.

[2] Комиссия Салье: копии контрактов и лицензий; Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!»

[3] Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!»

[4] Там же; документы комиссии Салье: письмо Путина Авену от 4 декабря 1991 года с просьбой предоставить его Комитету по внешним связям право выдавать экспортные лицензии фирмам, участвующим в бартерных сделках. Резолюция премьер-министра России Егора Гайдара о согласии датирована, по-видимому, 5 декабря 1991 года (некоторые комментаторы ставят подпись под сомнение, считая ее подделкой). Однако правительственное распоряжение, утверждающее схему, было издано лишь 9 января 1992 года. Впоследствии Гайдар, по-видимому, отменяет право Путина выдавать такие лицензии, сообщая председателю Таможенного комитета, что согласно постановлению правительства от 31 декабря 1991 года таким правом обладают лишь министерство внешнеэкономических связей и его региональные представители. Но Авен, вновь прикрывая Путина, издает распоряжение от 25 марта 1992 года, предписывающее представителю министерства в Санкт-Петербурге А. Пахомову передать полномочия в сфере внешнеэкономической деятельности путинскому Комитету по внешним связям, – то есть комитет Путина сохраняет полномочия по выдаче лицензий.

дизельного топлива, цемента и удобрений в обмен на 200 000 тонн фуражного зерна.[1] Другой – советско-германскому предприятию «Тамиго», получившему лицензию на продажу пятисот тонн меди в обмен на поставки сахара и растительного масла.[2] Фирмой «Джикоп», получившей контракт на приобретение 13 997 килограммов редкоземельных металлов в две тысячи раз ниже рыночной цены[3], руководил, в частности, брат одного из университетских однокурсников Путина, разделявшего его любовь к единоборствам.[4] Еще одним получателем квот на дизельное топливо стала фирма «Интеркоммерц», которой руководил Геннадий Мирошник – ранее судимый участник схемы, в результате которой были похищены 20 миллионов немецких марок из средств, выделенных на вывод советских войск из Восточной Германии.[5] Позднее жена Путина Людмила рассказывала подруге, что «Интеркоммерц» был связан с восточными немцами, с которыми ее муж познакомился в Дрездене.[6]

Бартерные сделки «раздавались его друзьям», говорит Александр Беляев, тогдашний председатель Ленсовета, курировавший расследование Салье.[7] «Их нужно было отдавать людям, которым Путин доверял. Тогда не было никаких законных тендеров, поэтому было ясно, что их отдадут людям, которых он знает лично, людям, которых он может контролировать. Что касается продажи нефтепродуктов, то это в основном было связано с Киришами. Они были практически монополистами. Это были Тимченко, Катков, Малов».[8]

Люди, которым Путин, судя по всему, отдавал сделки, представляли собой нечто гораздо большее, чем просто круг друзей. Один из них, Геннадий Тимченко, – подвижный человек с обаятельной улыбкой, свободно говоривший по-немецки и по-английски и немного по-французски, – вместе с партнерами Андреем Катковым и Евгением Маловым создал нефтетрейдера «Киришинефтехимэкспорт», когда Горбачев в 1987 году впервые ослабил контроль над торговлей, предоставив семидесяти организациям, в том числе Киришскому нефтеперерабатывающему заводу под Ленинградом, право торговать в обход советской

[1] Документы комиссии Салье: Приложение 3, от 20.12.1991.

[2] Документы комиссии Салье: Приложения 30, 59, от 14.01.1992.

[3] Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!»

[4] Речь идет об азербайджанце Джандире Рагимове. «Он был очень близок с Путиным», – говорит бывший сотрудник фирмы (интервью автора с бывшим сотрудником «Джикопа», март 2014 г.). На бумаге фирма принадлежала немцу по имени Петер Бахман, о котором с тех пор никто ничего не слышал (Иванидзе. «Спасая полковника Путина»).

[5] Салье. «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!»; Иванидзе. «Спасая полковника Путина».

[6] Ирэна Пич. «Пикантная дружба», с. 171.

[7] Интервью автора с Беляевым, июнь 2013 г.

[8] Согласно документам комиссии Салье, полученным автором (Приложение 44, от 31.03.1992), квоты на экспорт 150 000 тонн дизельного топлива и мазута по схеме «нефть в обмен на продовольствие» были выданы «Киришинефтеоргсинтезу» – Киришскому НПЗ, которому тогда принадлежал «Киришинефтехимэкспорт», где Тимченко работал одним из руководителей. (Андрей Корчагин, бывший чиновник петербургской мэрии, сказал мне, что в 1991–1992 годах Тимченко был также финансовым директором «Киришинефтеоргсинтеза».) Согласно этим документам, однако, лицензия на продажу этого экспорта необычным образом была выдана фирме «Невский дом», а не «Киришинефтехимэкспорту» Тимченко, через который обычно шел весь экспорт Киришского НПЗ. Тем не менее один из бывших партнеров Тимченко по «Киришинефтехимэкспорту» сказал мне, что компания участвовала в схеме «нефть в обмен на продовольствие» и выполнила свои обязательства в полном объеме (см. примечание 34), а Беляев – высокопоставленный чиновник, обладавший более широкими полномочиями по надзору за схемой, чем Салье (комиссия Салье не имела доступа ко всем документам), и его утверждения о том, что Тимченко и его партнеры также участвовали в схеме, заслуживают доверия.

монополии.[1] На прежних должностях в советском министерстве внешней торговли Катков и Малов только ставили печати и подшивали бумаги по экспортным сделкам и ухватились за возможность заняться собственным бизнесом. С Тимченко, похоже, все обстояло иначе. Согласно его официальной биографии, он работал старшим инженером в министерстве внешней торговли. Но, по словам трех осведомленных людей, его путь был совсем другим. Он изучал немецкий язык вместе с Путиным в Краснознаменном институте КГБ, прежде чем Путина направили в Дрезден, а Тимченко – в Вену и Цюрих[2], где, по словам двух бывших высокопоставленных офицеров российской внешней разведки, он работал агентом под прикрытием в советских внешнеторговых организациях.[3] По словам третьего бывшего офицера, говорившего с газетой «Ведомости», не исключено, что его отправили туда вести банковские счета, через которые финансировались нелегальные сети КГБ.[4] «Не исключаю, что Тимченко знал Путина еще тогда», – многозначительно сказал мне один из бывших офицеров.[5] Тимченко неоднократно отрицал какую-либо связь с КГБ, называя подобные утверждения неправдой. Один высокопоставленный российский банкир, связанный со спецслужбами, также дал понять, что Тимченко был связан с Путиным в его дрезденские годы.[6]

Тимченко прежде также отрицал, что его «Киришинефтехимэкспорт» когда-либо участвовал в скандальных сделках «нефть в обмен на продовольствие», добавляя впоследствии, что вся деятельность его фирмы была «прозрачной и законной». Однако один из бывших партнеров Тимченко сказал мне, что его фирма в них участвовала; то же подтвердили еще двое его соратников. Они настаивали, что все продовольствие, которое им было поручено ввезти, было доставлено в Санкт-Петербург.[7] Но в целом схема закончилась катастрофой:

---

[1] Интервью автора с бывшим партнером Тимченко по «Киришинефтехимэкспорту», июнь 2013 г. «Мы решили создать внешнеторговую фирму для завода, – сказал бывший партнер Тимченко. – Так мы и начинали… Мы пошли [к руководству завода] и познакомились. Это была наша инициатива».

[2] Интервью автора с бывшим источником в западной разведке, июль 2013 г.

[3] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, март 2014 г.; интервью автора с другим бывшим высокопоставленным офицером КГБ и бывшим партнером Тимченко, сентябрь 2013 г.

[4] Ирина Мокроусова, Ирина Резник. «Человек с ресурсом» // Ведомости, 21 января 2013 г.

[5] Интервью автора с высокопоставленным офицером КГБ, март 2014 г.

[6] Интервью автора с высокопоставленным российским банкиром, связанным со спецслужбами, сентябрь 2017 г.; см. также: Александр Левинский, Ирина Малкова, Валерий Игуменов. «Как Маттиас Варниг стал самым надежным „экономистом“ Путина» // Forbes, 28 августа 2012 г.

[7] Интервью автора с бывшим партнером Тимченко, июнь 2013 г. В интервью бывший партнер Тимченко так рассказал об участии их фирмы в сделках «нефть в обмен на продовольствие»: «Мы продавали нефтепродукты – дизельное топливо и мазут – в обмен на продовольствие. Это были бартерные сделки по специальному постановлению правительства Гайдара… Конечно, мы не сами себя выбрали. Мы пришли в город и сказали: что вам нужно – мы для вас продадим, а что закупать для города, мы не знали. На это, конечно, нам давала заказы городская администрация… Сто процентов выручки шло на закупку продовольствия. Мы спрашивали, что необходимо. Я сейчас не помню, что мы закупали. Кажется, например, детское питание». Бывший партнер Тимченко сказал также, что учредители фирмы тогда встречались с Путиным: «В его ведении была внешнеэкономическая деятельность. Конечно, мы с ним сталкивались». В более раннем интервью российскому Forbes (Ирина Малкова, Игорь Терентьев. «У меня везде есть опционы», ноябрь 2012 г.) Тимченко отрицал, что «Киришинефтехимэкспорт», известный также как «Кинэкс», участвовал в сделках «нефть в обмен на продовольствие»: «„Кинэкс“ никогда не имел никакого отношения к этой истории. Я долго не понимал, откуда это все взялось. Нас все время проверяли. И недавно я наконец получил документы, из которых следует, что „Кинэкс“ не имел никакого отношения к истории с этой соляркой. Была просто компания с похожим названием». Кроме того, юристы Тимченко в комментарии для этой книги заявили, что любые утверждения о причастности

поступила лишь крошечная часть продовольствия, которое должно было быть ввезено. Вместо этого, подозревала Салье, сохранялись сети КГБ. Салье говорила подруге, что ее расследование вскрыло лишь «верхушку айсберга».[1] Под ней, считала она, скрывалась огромная структура, корни которой уходили в зарубежные тайные фонды КГБ, а схема была призвана сохранить их сети.

Как выясняется, Салье, скорее всего, была права.

* * *

«Салье была дура! Все это было. Но это абсолютно нормальные торговые операции. Как это объяснишь такой климактерической тетке!»[2] Шел май 2013 года, со времени создания схемы прошло больше двадцати лет, и Фелипе Туровер, бывший высокопоставленный офицер Первого главного управления КГБ, впервые рассказывал, как помогал Путину создать петербургскую схему «нефть в обмен на продовольствие».

Мы сидели на солнце на террасе кафе в Боадилья-дель-Монте, сонном городке в холмах под Мадридом. Схема, которую в начале девяностых публично преподносили как механизм для ввоза жизненно необходимого продовольствия, по словам Туровера, на самом деле преследовала другую цель. Никто, собственно, и не собирался, чтобы продовольствие пришло. Нужно было решать куда более серьезные проблемы: «Вся эта чушь насчет доклада Марины Салье. Это вообще к делу не относилось. Ситуация была – полный развал. Федерального финансирования проектов не было вообще, а Москва только пила и воровала. Чтобы все не рухнуло, надо было что-то делать. Это было как корабль без капитана: пытаешься повернуть штурвал, а он отваливается. Вот как это было. Если бы мы не начали работать, Санкт-Петербург утонул бы в дерьме».

Сложенный как культурист, с бритой головой и в темных очках, Туровер обладал демоническим смехом и неисчерпаемым запасом историй о распаде Советского Союза. Он принадлежал к элите советской внешней разведки. Его отец преподавал языки в Краснознаменном институте КГБ и работал переводчиком у Леонида Брежнева; в числе его друзей был многолетний премьер-министр Италии Джулио Андреотти. В советское время Туровер тесно работал с Владимиром Осинцевым – легендарным комитетчиком, возглавлявшим так называемый сектор «партийной техники» Международного отдела ЦК, который вел тайные операции и забрасывал нелегалов в страны, где Коммунистическая партия была запрещена. В хаосе, последовавшем за распадом Советского Союза, Туроверу поручили искать способы расплатиться по долгам с «дружественными фирмами», находившимися в самом сердце тайных схем финансирования КГБ и партийных операций влияния за рубежом, – многие из них к тому же поставляли Советскому Союзу по завышенным ценам важнейшее оборудование, в том числе для энергетики.

Проблема заключалась в том, что после распада СССР Россия согласилась принять на себя все внешние долги бывших советских республик в обмен на их зарубежную собственность – и тут же объявила себя банкротом. На все внешние долги России был объявлен международный мораторий. Туроверу нужно было обойти его, чтобы расплатиться с

«Кинэкса» к какому-либо незаконному или иным образом ненадлежащему или неэтичному поведению в этой связи – и тем самым о соучастии г-на Тимченко в подобных нарушениях – «совершенно не соответствуют действительности. Вся деятельность „Кинэкса“ была полностью прозрачной и законной».

[1] Интервью автора с соратником Салье, март 2014 г.

[2] Интервью автора с Фелипе Туровером, три дня, май 2013 г.

дружественными фирмами так, чтобы никто ничего не узнал, и, по его словам, бартерные схемы на самом деле создавались именно для этого. В конце концов, как свидетельствуют документы, он наладил канал платежей через небольшой швейцарский банк в Лугано. «Мы не могли сказать, что заплатили кому-то и не заплатили Philip Morris, – говорил он. – Дело было нешуточное. За кое-что нужно было платить сразу. Если бы мы не заплатили за оборудование для атомных электростанций, случилась бы катастрофа. Когда страна перестала существовать, поставки прекратили все».

По словам Туровера, его отправили в Санкт-Петербург помочь Путину создать собственную схему расчетов по долгам перед некоторыми из дружественных фирм. Одной из них, утверждал он, была итальянская фирма Casa Grande del Favore – одна из немногих инженерных компаний, способных выполнить тонкие работы по ремонту канализационной системы, пронизывающей бесчисленные каналы Санкт-Петербурга: «Мы должны были заплатить, потому что без завершения работ Санкт-Петербург был бы по самые купола в дерьме». По его словам, он посоветовал Путину создать схему «нефть в обмен на продовольствие», потому что «нам нужно было иметь оперативные инструменты, чтобы быстро с кем-то расплатиться».[1]

По сути, Туровер признавал, что с самого начала схема была призвана не обеспечить ввоз продовольствия, а создать для города тайный валютный фонд. Но в отсутствие какого-либо контроля невозможно было понять, пошла ли хоть часть средств действительно на погашение долгов перед дружественными фирмами или же их направили сетям агентов КГБ, все еще действовавшим за рубежом. Туровер утверждал, что действовать иначе было невозможно, поскольку государственный банк, ведавший внешнеэкономическими операциями, – Внешэкономбанк – находился в состоянии краха. Все его счета были заморожены 1 января 1992 года, когда российское правительство объявило, что у него кончились средства. «Это была чистая необходимость, – говорил Туровер. – Оплачивать расходы города иначе было невозможно».[2] Любые валютные счета, официально связанные с мэрией, были бы заморожены вместе с прочими счетами, арестованными после советского банкротства: «Если бы держали на счетах города, это было бы то же самое, что держать деньги во ВЭБе. А если у тебя есть средства где-то на зарубежных счетах, в Лихтенштейне, то можешь заплатить сразу».[3]

Тем же доводом воспользовался и Центральный банк России, пытаясь оправдаться за скандал, вспыхнувший в конце девяностых, когда выяснилось, что он перевел десятки миллиардов валютных резервов страны через маленькую офшорную фирму на Джерси под названием Fimaco, созданную в ноябре 1990 года, вскоре после того как Ивашко распорядился создать «невидимую экономику» партии. Тайные переводы через Fimaco, утверждал впоследствии председатель Центробанка, были необходимы, чтобы уберечь средства от ареста после объявления Советским Союзом банкротства и расплатиться по внешним долгам советской международной банковской сети.[4]

Но никакого контроля ни над одной из этих операций не было, и многие подозревали, что вместо погашения долгов большая часть денег пошла на финансирование зарубежных

[1] Там же.

[2] Второе интервью автора с Фелипе Туровером, март 2014 г.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с Виктором Геращенко, сентябрь 2013 г.

сетей КГБ. Во многих отношениях операции Центробанка через Fimaco и путинская схема «нефть в обмен на продовольствие» были скроены из одного материала. Похоже, что они были частью черной кассы российского режима и были настолько непрозрачны, что с тем же успехом могли служить личными тайными фондами чиновников, управлявших Россией. Туровер настаивал, что Путин никогда не воровал из тайных фондов, которые помог создать с помощью схемы «нефть в обмен на продовольствие». «Но тратил, конечно. Конечно, он тратил часть денег и как-то этими деньгами распоряжался, потому что ему нужно было ездить, платить за гостиницы, да и есть, наверное, тоже надо было».[1]

По сути, было создано то, что на русском блатном жаргоне называется «общаком» – общей кассой преступной группировки. Это была модель, основанная на раздаче богатств жестко контролируемой сети близких союзников, при которой граница между тем, что предназначалось для стратегических операций, и тем, что шло на личные нужды, всегда удобным образом размывалась. Эта модель стала основой клептократии путинского режима, а позднее и его операций влияния – и в ее основе лежали тайные сети и платежные системы КГБ.

Что касается Салье, то ее как политика оттеснили на обочину. Собчак заблокировал дальнейшее расследование сделок своего молодого протеже. В середине девяностых она переехала в Москву, где ее голос потонул в столичном политическом шуме. Однако накануне избрания Путина президентом она вновь появилась и опубликовала первую подробную расследовательскую статью об этих сделках под заголовком «В. Путин – „президент“ коррумпированной олигархии!». Хотя ее выводы вызвали бурю среди либералов, на страну в целом они почти не повлияли. Вскоре после выборов она уединилась в глуши у финской границы, за много километров тряской дороги от ближайшего города. Лишь горстка журналистов добралась туда, чтобы взять у нее интервью. Но схема и ее расследование оставались ее навязчивой идеей до самой смерти, наступившей всего через несколько недель после того, как Путин в 2012 году приступил к своему третьему сроку. Она знала, что в этих сделках разглядела истинную природу его режима.[2]

Подводник, солдат, коммерсант, разведчик

Сотрудники КГБ, взявшие Санкт-Петербург под контроль вместе с Путиным, были куда более коммерчески настроены, чем предыдущее поколение. Хотя они скорбели о распаде советской империи, многие представители младшего и среднего звена спецслужб, подобно Путину, быстро усвоили принципы капитализма и отвергли догмы Коммунистической партии. Для этого нового поколения именно коммунизм подвел империю, бросив их на произвол судьбы в Афганистане и оставив в Восточной Германии. «Они считали, что коммунизм их предал», – говорит бывший советник Путина по экономическим вопросам Андрей Илларионов.[3] Они были порождением операций, которые КГБ развернул в последние годы

[1] Интервью автора с Туровером, март 2014 г.

[2] Другие, кто копался в этих сделках, были запуганы, а то и хуже. Юрий Гладков, петербургский депутат, тесно работавший с Салье над депутатским расследованием, годами отказывался давать какие-либо интервью на эту тему. Когда в 2007 году он умер после долгой болезни, один из его знакомых сказал, что, по его мнению, Гладкова отравили: «Когда я видел его за год до смерти, его трясло. Как будто его чем-то накачали». Другой бывший помощник Собчака, Юрий Шутов, заклятый враг Путина, умер в одной из самых суровых и отдаленных российских колоний, куда попал после ареста в 1998 году, когда Путин поднимался по кремлевской лестнице. Множество тайн о работе Путина вице-мэром, которые он раскопал, исчезли вместе с ним навсегда.

[3] Интервью автора с Илларионовым, сентябрь 2015 г.

советской власти, создавая сети зарубежных фирм. Из-за секретности, окружавшей эту деятельность, методы сотрудников КГБ восьмидесятых с самого начала напоминали операции по отмыванию денег.

Покончив со схемой «нефть в обмен на продовольствие», соратники Путина взялись за морской порт, который поначалу вместе с нефтяным терминалом и флотом судов входил в огромную государственную холдинговую компанию – Балтийское морское пароходство (БМП). Для петербургских чекистов БМП давно было стратегическим активом, а история того, как люди Путина его захватили, неразрывно связана со сложившимся союзом путинской мэрии и самой одиозной организованной преступной группировки города – тамбовской. В советское время КГБ сажал своих людей на суда пароходства в качестве помощников капитанов по торговой части.[1] Они досконально знали его торговые маршруты, грузы, контрабанду и деньги, которые можно на этом заработать. В лучшие годы сотни судов уходили из Ленинграда с нефтепродуктами, металлами и зерном, а другие приходили из самой Южной Америки с фруктами, сахаром и контрабандными товарами, жизненно важными для подпольных операций и добычи наличных. В те годы БМП был самым стратегическим денежным потоком города. Даже в 1991 году, когда рухнул Советский Союз, его чистая прибыль исчислялась сотнями миллионов долларов.[2] Пароходству принадлежали не только почти две сотни пассажирских и грузовых судов – оно контролировало весь Ленинградский морской порт, включая нефтяной терминал, а также соседние порты в Выборге и Калининграде. В нем был ключ к богатству города.

Человек, руководивший Балтийским морским пароходством во время ельцинской революции, Виктор Харченко, был убежденным либералом, который в годы горбачевской перестройки добился от правительства разрешения превратить компанию в свою вотчину. Квадратная челюсть, сложение танка – Харченко становился все более независимым. Выросший в детском доме, он стал одним из самых уважаемых бизнесменов города. В 1990 году под его руководством БМП превратилось в предприятие, арендованное у государства, которое оставляло 50 процентов прибыли на реинвестирование.[3] Он сблизился с Ельциным, а когда после провала августовского путча коммунистический режим рухнул, бесцеремонно выгнал из пароходства всех людей из КГБ.[4]

Харченко создавал собственную базу власти именно тогда, когда петербургские чекисты больше всего хотели сохранить контроль над денежными потоками. В хаосе распада Советского Союза, когда урвать кусок порта и нефтяного терминала пытались и организованные преступные группировки, им понадобилось больше года, чтобы отомстить.

Один из первых ходов был сделан без шума. Поздним вечером в феврале 1993 года Виктор Харченко возвращался домой со встречи с Ельциным в Москве, когда милиция остановила поезд «Красная стрела», в котором он ехал, на подъезде к Санкт-Петербургу. Его сняли с поезда, обвинили в хищении 37 000 долларов из Балтийского морского пароходства и посадили в тюрьму.[5]

---

[1] Интервью автора с соратником Харченко, ноябрь 2013 г.

[2] С. Очинский. «Возрождение флота – залог стабильности развития России» // Конкуренция и рынок, 2013, № 4 (60). В 1991 году чистая прибыль Балтийского морского пароходства только от транспортных услуг достигла 571 млн долларов.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с соратником Харченко, ноябрь 2013 г.

Четыре месяца спустя Харченко освободили под залог, но от руководства БМП отстранили. Петербургские чекисты поставили своего директора, распродали суда пароходства одно за другим и переписали их на множество офшорных компаний. Попутно одного из директоров БМП застрелили.[1] «Это была настоящая рейдерская атака, – говорит один из соратников Харченко. – Суда продали за бесценок. Все исчезло. Все вывели из страны».[2]

Бывшие соратники Харченко до сих пор боятся говорить о том, что тогда произошло и кто стоял за этой атакой. Но следы местных чекистов были повсюду. «Им нужно было почистить сапоги и поесть, – говорит один из них. – Они ни на кого не обращали внимания. Просто взяли БМП и разграбили».[3]

Этот рейд стал предвестием будущих операций. Люди из КГБ подчинили своей воле правоохранительные органы Санкт-Петербурга, чтобы захватить важнейшее торговое звено города. Харченко отстранили от руководства БМП в решающий момент. В то же самое время порт и нефтяной терминал выделялись из Балтийского морского пароходства в самостоятельные предприятия и приватизировались путинской мэрией. «Они выдрали из БМП причальные стенки», – говорит бывший соратник Харченко.[4]

Подводник

Когда мэрия начала приватизировать часть своего пакета в морском порту, Илья Трабер – предполагаемый петербургский мафиози, которого испанские прокуроры впоследствии назовут членом тамбовской организованной преступной группировки, – не терял времени.[5] Как только началась распродажа, его люди стали скупать акции у портовых рабочих, получивших их по ваучерам. Процесс сопровождался насилием. «При приватизации порта были огромные нарушения. Но все это замяли», – говорит бывший соратник Трабера.[6] С самого начала Трабер, похоже, имел доступ к инсайдерской информации. На бумаге государство сохраняло в порту 49 процентов акций: 20 процентов через федеральное министерство имущества и 29 процентов через петербургскую мэрию. Но какой-то клерк из Комитета по управлению городским имуществом «ошибочным» росчерком пера каким-то

[5] Интервью автора с двумя соратниками Харченко, ноябрь 2013 г. и март 2014 г.; «Вместе работали, вместе и сядем» // Коммерсантъ, 24 октября 1996 г.

[1] «Убийство гендиректора пароходства» // Коммерсантъ, 4 октября 1995 г.

[2] Интервью автора с соратником Харченко, март 2014 г.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с соратником Харченко, ноябрь 2013 г.

[5] Документы испанского суда: протоколы предварительного расследования № 321/06, Центральный следственный суд № 5, Специальная прокуратура по борьбе с коррупцией и организованной преступностью (Fiscalía Especial contra la Corrupción y la Criminalidad Organizada); а также полученная автором справка Интерпола Монако от 3 июля 2006 года, согласно которой Траберу с апреля 2000 года запрещен въезд на территорию Монако в связи с его «деятельностью, связанной с российской организованной преступностью»; в записке руководителю аппарата князя Альбера Жан-Люку Аллавене от 10.04.2006, копия которой также имеется у автора, тогдашний глава разведслужбы Монако Роберт Эрингер пишет, что Трабер «связан с тамбовской российской организованной преступной группировкой» и «активно торгует от ее имени наркотиками, нефтью и металлами».

[6] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.

образом лишил мэрию права голоса по 29-процентному пакету, предоставив Траберу и его компаньонам полную свободу действий.[1]

«Рейдерский захват не мог бы состояться без помощи мэрии», – говорит бывший сотрудник городского управления ФСБ.[2] После серии ожесточенных схваток Трабер, ставший образцовым посредником между петербургскими чекистами и тамбовской группировкой, установил контроль и над нефтяным терминалом.[3] Впервые он появился в Ленинграде в начале восьмидесятых, бывшим офицером советского атомного подводного флота. Приземистый, плотный, с толстой шеей и близко посаженными глазами, он прибился к бару «Жигули» в центре города[4] – излюбленному месту ленинградской шпаны и начинающих фарцовщиков. Трабер работал там барменом и администратором, а в темных углах бара начал торговать валютой, а затем и богатым петербургским антиквариатом царских времен. Вскоре он прибрал этот рынок к рукам, заработав прозвище Антиквар. К концу восьмидесятых он выводил свой бизнес из тени на свет, открыв на Невском проспекте лучший в городе антикварный магазин. Там он завязал отношения с новоизбранным мэром Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком и его женой Людмилой Нарусовой, ставшими частыми покупателями, и подружился с ними – эта дружба продлилась и много лет после ухода Собчака с поста мэра.[5]

Трабер всегда тесно работал с городским КГБ: без его помощи контрабанда антиквариата была бы невозможна. «Было ясно, что у него глубокие связи в городских правоохранительных органах», – говорит бывший высокопоставленный депутат городского совета.[6] По словам бывшего сотрудника ФСБ, работавшего в петербургском подразделении по борьбе с контрабандой, он также «вел бизнес с тамбовскими».[7]

Солдат

В то время тамбовская становилась самой могущественной организованной преступной группировкой города. Ее лидер, Владимир Кумарин, в 1991 году отсидел срок после кровавой разборки с другой городской мафиозной группировкой. Когда он вышел из тюрьмы, тамбовская с помощью Путина, Трабера и его людей начала прибирать к рукам весь топливно-энергетический бизнес Санкт-Петербурга. Войны с соперничающими бандами продолжались: в 1994 году Кумарин потерял руку при взрыве бомбы. К тому времени, однако, он уже создавал Петербургскую топливную компанию (ПТК), ставшую монополистом розничной торговли нефтепродуктами в городе, а Илья Трабер от имени тамбовских брал под контроль морской

[1] Интервью автора с бывшим партнером Трабера, ноябрь 2015 г.; Телеканал «Дождь». «Министр порта: как петербургский авторитет Илья Трабер связан с Владимиром Путиным и его окружением», 25 августа 2017 г.

[2] Интервью автора с бывшим сотрудником ФСБ по Санкт-Петербургу, июнь 2014 г.

[3] Интервью автора с двумя бывшими соратниками Трабера, сентябрь 2015 г., а также март 2013 г. и ноябрь 2015 г.; и с бывшим городским чиновником, март 2014 г. Документы, полученные автором, показывают, что в мае 2001 года Траберу принадлежало 52,5 процента акций Петербургского нефтяного терминала через три кипрские компании: Hellman Holdings Ltd, Myra Holdings Ltd и Almont Holdings Ltd.

[4] Интервью автора с двумя бывшими соратниками Трабера, сентябрь 2015 г., а также март 2013 г. и ноябрь 2015 г.

[5] Интервью с Людмилой Нарусовой, июнь 2014 г., в котором она подтвердила, что ее муж поддерживал тесные отношения с Трабером после своего бегства из России в Париж в 1996 году и что они были там соседями.

[6] Интервью автора с бывшим городским чиновником, март 2014 г.

[7] Интервью автора с бывшим сотрудником подразделения ФСБ по борьбе с контрабандой в Санкт-Петербурге, июнь 2014 г.

порт и нефтяной терминал.[1] (Позднее испанские прокуроры назвали Трабера совладельцем ПТК вместе с Кумариным.[2]) Кумарин стал настолько могущественным, что его прозвали «ночным губернатором» Санкт-Петербурга. По сути, он был темной стороной мэрии.

Путин, похоже, находился в центре этих маневров, обеспечивая из мэрии логистическую поддержку. Вместе со своим доверенным помощником Игорем Сечиным, который, возвышаясь над конторкой в приемной перед кабинетом Путина, проверял всех входящих, именно он выдавал лицензии, позволившие Траберу контролировать порт и нефтяной терминал. Именно он предоставил ПТК Кумарина эксклюзивный контракт на поставку топлива для городских машин скорой помощи, автобусов, такси и милицейских автомобилей.[3] Первый признак его сотрудничества с тамбовской группировкой появился в конце лета 1992 года, когда его Комитет по внешним связям зарегистрировал российско-германское совместное предприятие St Petersburg Immobilien Aktiengesellschaft (SPAG) для инвестиций в городскую недвижимость. Много позже немецкие прокуроры заявят, что SPAG служил инструментом отмывания нелегальных денег тамбовской группировки, а также колумбийского наркокартеля.[4] В годы работы вице-мэром Санкт-Петербурга Путин входил в консультативный совет SPAG. Кремль утверждал, что это была всего лишь одна из многих подобных «почетных» должностей, которые он занимал как вице-мэр. Но один из соучредителей SPAG говорил, что встречался с Путиным пять или шесть раз, чтобы обсудить петербургский бизнес SPAG.

---

[1] В 1996 году Кумарин стал вице-президентом ПТК, а его близкий партнер Владимир Смирнов – председателем совета директоров: контроль Кумарина над ПТК стал открытым. В числе соучредителей ПТК в 1994 году был банк «Россия».

[2] Документы испанского суда: протоколы предварительного расследования № 321/06, Центральный следственный суд № 5, Fiscalía Especial contra la Corrupción y la Criminalidad Organizada.

[3] Роман Анин. «Друзья – не разлей нефть» // Новая газета, 15 апреля 2011 г.; интервью автора с Максимом Фрейдзоном, бывшим владельцем нефтетрейдера «Совэкс», сентябрь 2015 г. «Это была одна структура, и наверху был Путин. Без него создать ПТК было бы невозможно, а [Виктор] Черкесов как начальник ФСБ обеспечивал прикрытие», – говорит Андрей Корчагин, бывший чиновник петербургской мэрии.

[4] В 2003 году немецкие прокуроры возбудили уголовное дело об отмывании денег тамбовской группировки через SPAG. Тогда они весьма определенно высказывались о предполагаемых связях: «SPAG – это Кумарин. Все приказы исходят от Кумарина», – говорил тогда один из прокуроров. Одним из учредителей-акционеров SPAG был лихтенштейнский финансист Рудольф Риттер, арестованный в 2003 году и обвиненный в мошенничестве, отмывании миллионов долларов, полученных от наркоторговли, для колумбийского картеля Кали и переводе средств через SPAG для российской организованной преступности. В октябре 2003 года суд Лихтенштейна признал Риттера виновным в мошенничестве. Общее расследование по делу SPAG было прекращено в 2009 году за истечением срока давности после того, как российские коллеги стали противодействовать расследованию. Кремль отвергал роль Путина в наблюдательном совете SPAG как всего лишь одну из многих подобных «почетных» должностей в наблюдательных советах компаний, которые он занимал как вице-мэр Санкт-Петербурга, отвечавший за внешнеэкономические связи. Однако один документ, с которым ознакомился автор, судя по всему, указывает на более активную роль: подписанная Путиным в декабре 1994 года доверенность предоставляет Владимиру Смирнову, партнеру Кумарина по ПТК (Петербургской топливной компании) и близкому соратнику Путина, «право голоса в наше отсутствие» по 200 акциям SPAG, составлявшим тогда около 20 процентов компании. Кроме того, другой соучредитель SPAG, Клаус-Петер Зауэр, рассказал мне в 2003 году, что встречался с Путиным пять или шесть раз во Франкфурте и Санкт-Петербурге, чтобы обсудить дела петербургских дочерних компаний SPAG.

Коммерсант

Для Геннадия Тимченко – предполагаемого бывшего оперативника КГБ, который, судя по всему, знал Путина еще со времен совместной учебы шпионскому ремеслу в Краснознаменном институте, – доступ к нефтяному терминалу тоже всегда был ключевым. Он гордился своим даром убеждения и в позднейших интервью нередко с многозначительным подмигиванием объяснял свой успех умением продать что угодно кому угодно.[1] С детства он принадлежал к советской элите. Его отец занимал высокое положение в вооруженных силах, и часть ранних лет Геннадий провел в Восточной Германии. Знание немецкого помогло ему получить работу во внешней торговле СССР и, по словам бывших соратников, привело его в ряды КГБ, где он якобы работал под прикрытием торгового представителя в Вене и Швейцарии. Благодаря своим связям он вступил в партнерство с бывшим высокопоставленным офицером КГБ Андреем Панниковым – коренастым человеком с широкой улыбкой и ручищами размером с обеденную тарелку. Панников изучал офшорные финансы во Всесоюзной академии внешней торговли, а затем с благословения начальника внешней разведки КГБ Леонида Шебаршина создал первое совместное предприятие, получившее лицензию на экспорт нефтепродуктов в обход советской монополии.[2] Нефтетрейдер Тимченко «Киришинефтехимэкспорт» вступил в партнерство с Urals Trading Панникова, и некоторое время, начиная с 1990 года, Тимченко возглавлял финский филиал Urals. Согласно докладу французской разведки, компания изначально была создана КГБ в восьмидесятые как часть сети фирм для перевода активов Коммунистической партии[3], – это утверждение Тимченко отрицал.

Даже при всех своих связях Тимченко и Панников по меньшей мере два года не могли получить доступ к петербургскому нефтяному терминалу.[4] Терминал не только входил во владения Харченко, но и по мере того, как рушилась власть Советского Союза, превратился в арену жестокой борьбы враждующих криминальных группировок города. Нефтетрейдер, соучредителем которого был Тимченко, как собственное торговое подразделение расположенного неподалеку Киришского НПЗ, входившего в нефтяную компанию «Сургутнефтегаз», без труда получал нефтепродукты. Но без доступа к петербургскому терминалу ему приходилось отправлять их на экспорт по железной дороге в соседние порты Эстонии или Финляндии, что обходилось гораздо дороже.[5]

Контроль над экспортом через петербургский терминал стал настолько важен, что Тимченко обратился за помощью к Путину. В январе 1992 года вместе с Urals Trading Панникова Тимченко создал с путинским Комитетом по внешним связям совместное предприятие под названием «Золотые ворота».[6] Они намеревались обойти существующий терминал, раздираемый соперничающими бандами и в конечном счете подконтрольный

[1] См., например: Ирина Малкова, Игорь Терентьев. «Тот самый Тимченко: первое интервью богатейшего из друзей Путина» // Forbes (Россия), 26 октября 2012 г.

[2] Ирина Мокроусова, Ирина Резник. «Человек с ресурсом» // Ведомости, 21 января 2013 г.

[3] Этот доклад французской разведки, копия которого имеется у автора, цитировал тогдашний глава разведслужбы Монако Роберт Эрингер в записке руководителю аппарата князя Альбера Жан-Люку Аллавене от 10.04.2006, копия которой также имеется у автора.

[4] Интервью автора с бывшим партнером Тимченко, август 2019 г.

[5] Там же.

[6] Регистрационные документы Санкт-Петербурга, предоставленные Владимиром Прибыловским.

Харченко, и привлечь западное финансирование для строительства нового, современного терминала.[1]

Это был первый случай, когда связи между Путиным и Тимченко вышли на поверхность. Почти год Путин вел переговоры с французским банком BNP Paribas о кредитной линии для нового нефтяного терминала под обеспечение экспортом через Urals Trading.[2] Но переговоры сорвались, когда один из ключевых переговорщиков, бывший офицер КГБ Михаил Гандорин, работавший в Париже, умер незадолго до одобрения кредита.[3] «Было похоже, что ему что-то дали, – говорит один из бывших партнеров Тимченко, участвовавший в процессе. – Он позвонил мне за два дня до смерти и не мог говорить».[4] Тем же летом другому участнику группы «Золотые ворота», Сергею Шутову, пригрозили и велели держаться от проекта подальше.

Проект подвергался ожесточенным атакам: петербургские мафиозные группировки, в том числе тамбовская, воевали друг с другом за контроль над доходами существующего терминала. Давление стало настолько сильным, что, по словам двух видных западных банкиров, Путин ради безопасности отправил двух своих маленьких дочерей в Германию.[5] Ничто не указывает на то, что Тимченко имел какое-либо отношение к кровавой борьбе, сопровождавшей захват Трабером порта и нефтяного терминала. Но в конце концов вместо строительства нового терминала перед ним открылся путь к монополии на экспорт через существующий.[6]

Один бывший соратник Трабера, один бывший партнер Тимченко и один бывший соратник по КГБ утверждали, что Тимченко мог получить такую монополию, лишь наладив с Трабером своего рода рабочие отношения. «У Трабера всегда были хорошие отношения с Тимченко, – говорит один из бывших соратников Трабера. – Монополия на экспорт, которую получил Тимченко, была бы возможна только при таких связях».[7] «Если вам нужно отгружать нефть, а в порту полно бандитов, значит, надо договариваться, – говорит бывший высокопоставленный офицер КГБ, работавший с Путиным в девяностые. – Пройти без их согласия было невозможно».[8]

Юристы Тимченко заявили, что эти отношения были не более чем «коммерческими, на расстоянии вытянутой руки», а любые предположения о причастности Тимченко к организованной преступности, коррупции или любой иной ненадлежащей или незаконной

[1] Интервью автора с видным западным банкиром, участвовавшим в процессе, май 2014 г., и с бывшим партнером Тимченко, участвовавшим в процессе, май 2014 г. и август 2019 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с бывшим партнером Тимченко, май 2014 г. (по словам видного западного банкира, переговоры сорвались потому, что проект подвергался атакам со стороны организованной преступности).

[4] Там же.

[5] Интервью автора с двумя видными западными банкирами, май 2014 г. и июнь 2013 г. По их словам, человеком, гарантировавшим безопасность дочерей Путина в Германии, был немецкий банкир Маттиас Варниг – бывший офицер Штази, работавший с Путиным в Дрездене в составе ячейки КГБ. Варниг взял на себя юридическую опеку над дочерьми Путина, сказал один из них. «Путин боялся». Варниг приехал в Санкт-Петербург вскоре после назначения Путина вице-мэром, чтобы возглавить новое петербургское отделение Dresdner Bank, открывшееся в декабре 1991 года.

[6] Интервью автора с двумя бывшими партнерами Тимченко, июнь 2013 г., март 2014 г., май 2014 г., август 2019 г.

[7] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.

[8] Интервью автора с бывшим офицером КГБ, работавшим с Путиным в Санкт-Петербурге, май 2013 г.

деятельности в Санкт-Петербурге – «через г-на Трабера или каким-либо иным образом» – являются ложью и клеветой. В 2011 году представитель Тимченко сообщил «Новой газете», что Тимченко знаком с совладельцем морского порта и нефтяного терминала, партнером Трабера Дмитрием Скигиным, но никаких совместных деловых проектов у них не было.[1]

Одновременно для финансирования своих торговых операций Тимченко опирался на сеть связанных с КГБ иностранных банкиров. Прежде всего это был Dresdner Bank, петербургское отделение которого возглавлял один из бывших товарищей Путина по Штази – Маттиас Варниг, работавший с ним в Дрездене в составе ячейки КГБ.[2] Был и Андрей Акимов, работавший с Евгением Примаковым в Институте мировой экономики, а затем ставший самым молодым руководителем советского зарубежного банка в Вене, где за год до падения Советского Союза создал собственное частное предприятие IMAG, финансировавшее Тимченко.[3]

Все это время Путин помогал: выдавал лицензии, позволявшие Тимченко пользоваться нефтехранилищами в морском порту Трабера, и содействовал налаживанию поставок между «Киришинефтехимэкспортом» Тимченко и ПТК Кумарина.[4] Кумарин тем временем вошел в совет директоров поставщика обеих структур – Киришского НПЗ.[5]

«Все было очень хорошо организовано, – говорит Максим Фрейдзон, совладелец еще одного нефтетрейдера в городе. – Путин и его ребята обеспечивали поддержку мэрии. Благодаря своему прошлому в КГБ он мог помочь с организацией логистики. Это была одна команда».[6]

Союз, выкованный тогда, взял традиции КГБ, сложившиеся до распада СССР, и поставил их на еще более коммерческую основу. «Насколько я помню, симбиоз бандитов и КГБ существовал всегда, – говорит Фрейдзон. – КГБ работал с бандитами на валютном рынке и в сетях проституции. Те были источниками информации. Это был естественный симбиоз: ни у тех, ни у других не было никаких моральных ограничений. Бандиты были для них как пехота. Они брали на себя весь риск».[7]

Интерес Путина к петербургскому морскому порту и нефтяному терминалу зачастую казался куда более непосредственным, чем интерес государственного чиновника, отвечающего за городскую долю. Союз, который он выстроил с Ильей Трабером и его людьми, смущал даже приезжих бизнесменов. Когда одного из них пригласили помочь организовать финансирование порта, его прямо из аэропорта Пулково в бронированной машине, в сопровождении милиции и охраны Трабера, доставили в логово Трабера. Прибыв в обнесенную высоким забором усадьбу в глухом переулке, он прошел мимо вооруженных охранников и рычащих немецких овчарок. Миновав несколько комнат, увешанных иконами, он оказался во внутренних покоях, где его ждал Трабер – в тренировочных штанах и тапочках,

[1] Роман Анин. «Друзья – не разлей нефть» // Новая газета, 15 апреля 2011 г.

[2] Александр Левинский, Ирина Малкова, Валерий Игуменов. «Как Маттиас Варниг стал самым надежным „экономистом“ Путина» // Forbes (Россия), 28 августа 2012 г.

[3] По словам бывшего партнера Тимченко, интервью автора, июнь 2013 г. и март 2014 г.

[4] По словам Максима Фрейдзона, бывшего партнера Скигина по «Совэксу», интервью автора, сентябрь 2015 г.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Анастасия Кириленко. «Он просто писал сумму во время беседы», интервью с Фрейдзоном // Радио Свобода, 24 мая 2015 г.

с толстой цепью и огромным золотым крестом на шее: униформа городских бандитов. У бизнесмена не осталось никаких сомнений относительно того, с кем он встречается. «Это было как в кино, – говорит он. – Когда я его увидел, у меня сердце остановилось».[1]

Сцена была совсем не той, которую он ожидал, когда чиновник мэрии пригласил его помочь с финансированием порта. Но после напряженного разговора с Трабером он получил одобрение. На следующий день его отвезли в более благопристойную обстановку – в юридическую контору одного из деловых партнеров Трабера, Бориса Шарикова, в центре города, на одном из самых живописных петербургских каналов. На встрече присутствовали бывший офицер КГБ, ставший еще одним партнером Трабера, а также Путин, председатель городского Комитета по управлению имуществом Михаил Маневич и обходительный тридцатилетний Дмитрий Скигин, который, как предстояло узнать бизнесмену, владел портом совместно с Трабером. Скигин был приличным лицом порта – мягкий в обращении «ботаник», свободно владевший языком международных финансов, дисциплинированный бизнесмен, в свободное время ходивший в горы и говоривший по-английски и по-французски. Его отец Эдуард, по данным разведки Монако, был близок к Путину.[2] Но, по словам двух бывших деловых партнеров Скигина, он был также ширмой для другого петербургского криминального авторитета – драчливого бывшего боксера Сергея Васильева, с которым Трабер договорился о хрупком мире и совместном контроле над портом, а позднее и над его нефтяным терминалом.[3]

Союз, заключенный петербургской администрацией с тамбовской группировкой, глубоко врос в инфраструктуру города. С помощью людей Путина в мэрии морской порт стал крупным перевалочным пунктом для контрабанды наркотиков из Колумбии в Западную Европу, показал впоследствии в лондонском суде бывший высокопоставленный офицер КГБ Юрий Швец. По его словам, один из ближайших союзников Путина в петербургских

[1] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, март 2013 г.

[2] Записка тогдашнего главы разведслужбы Монако Роберта Эрингера руководителю аппарата князя Альбера Жан-Люку Аллавене от 10.04.2006.

[3] Интервью автора с двумя бывшими соратниками Трабера. По словам Фрейдзона, интерес Путина к нефтяному бизнесу распространялся и на плату за логистическую поддержку. По крайней мере, так, по его словам, обстояло дело с гораздо более мелким нефтетрейдером «Совэкс», совладельцем которого он был вместе со Скигиным. «Совэкс» покупал топливо у Тимченко и продавал его аэропорту Пулково. Путин предоставил «Совэксу» все необходимое для работы: лицензию на торговлю топливом, право пользоваться хранилищами в аэропорту, а также право пользоваться его трубопроводным терминалом. Фрейдзон утверждал, что за свои усилия Путин получил 4 процента в этом предприятии. По его словам, пакет держали двое ближайших деловых партнеров Трабера – Александр Уланов и Виктор Корытов, бывший офицер КГБ, тесно работавший с Путиным в Ленинградском управлении КГБ. Он был убежден, что такая же договоренность должна была распространяться и на другой бизнес, например на порт и нефтяной терминал, но доказательств у него никогда не было. Деньги, которые зарабатывал «Совэкс», переводились через Лихтенштейн, где Скигин зарегистрировал компанию. (Документы показывают, что Nasdor Incorporated, через которую Трабер и Скигин контролировали морской порт, была зарегистрирована там, а Хасслер представлял интересы Скигина в нефтяном терминале и порту вплоть до 2000 года и позднее.) То же касалось и пакетов Скигина и Трабера в морском порту и нефтяном терминале. Контрольные пакеты держала и управляла ими структура Fibeko Treuhandanstalt, где двое финансовых управляющих, в советское время распространявших в Западной Европе коммунистическую пропаганду, в качестве прикрытия держали антикварный книжный магазин. Некоторые из финансовых посредников, задействованных в советское время, остались на своих местах. «Эти сети никуда не делись, – говорит один бывший посредник КГБ, работавший с лихтенштейнскими финансистами (интервью автора с бывшим посредником КГБ, ноябрь 2015 г.). – Связи остались. Когда у людей налажены доверительные контакты, они не любят экспериментировать с новыми».

спецслужбах, Виктор Иванов, помог тамбовской группировке захватить морской порт, а Путин обеспечивал прикрытие из мэрии.[1] (Иванов категорически отверг это утверждение, но появились и другие признаки того, что петербургский порт был важнейшим каналом наркотрафика.[2])

Контроль над портом стал настолько стратегическим, что, когда в 1997 году председатель Комитета по управлению имуществом Михаил Маневич попытался вернуть мэрии права голоса по 29-процентному пакету, утраченные при приватизации, его застрелил снайпер, когда он ехал на работу.[3]

«Маневич добивался, чтобы все вернули государству, – говорит бывший соратник Трабера. – Рычаг у него был такой: он мог отказаться продлить лицензию на долгосрочную аренду порта, включая нефтяной терминал. И за это он заплатил жизнью».[4] Бывший депутат петербургского парламента и близкий соратник Маневича Вячеслав Шевченко, как сообщалось, показал на следствии по делу об убийстве, что в последние дни жизни Маневича глубоко тревожила ситуация в порту: «По его просьбе я дважды ездил в порт и разговаривал с начальником порта. Я предложил пригласить английскую страховую компанию Lloyd's проанализировать финансовое положение порта. Через неделю ко мне пришли двое бандитов Трабера и сказали, что если я еще раз поеду в порт, мне отрубят голову топором».[5]

Трабер отказался комментировать эту книгу, назвав обвинения «фантазиями и клеветой».[6] Всего через три месяца после убийства Маневича акционеры порта согласились продлить новый долгосрочный договор на управление портом с новой компанией Трабера – ОБИП, принадлежавшей лихтенштейнскому фонду Nasdor Incorporated.[7] Позднее

---

[1] В докладе, на который ссылался Юрий Швец, говорилось, что Виктор Иванов, близкий соратник Черкесова и Путина, возглавлявший в те годы подразделение ФСБ по борьбе с контрабандой, установил тесные связи с главой тамбовской организованной преступной группировки Владимиром Кумариным и через него приобрел интерес в порту. В докладе также утверждалось, что Путин был соучастником этих дел. Litvinenko Inquiry. Report into the Death of Alexander Litvinenko. Chairman: Sir Robert Owen, январь 2016 г., p. 100–101, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/493860/The-Litvinenko-Inquiry-H-C-695web.pdf; https://www.litvinenkoinquiry.org/files/2015/03/INQ006481.pdf.

[2] Компания «Олби-Джаз», совладельцем которой был российский бизнесмен, в начале девяностых находившийся под следствием ФБР по делу о ввозе кокаина в Санкт-Петербург, официально импортировала бананы. По данным «Ведомостей», компания была связана с Шабтаем Калмановичем – российским мафиози, который, по данным ФБР, тесно работал с КГБ и солнцевской группировкой.

[3] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.; Телеканал «Дождь». «Министр порта: как петербургский авторитет Илья Трабер связан с Владимиром Путиным и его окружением», 25 августа 2017 г.

[4] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.

[5] Константин Алексеев. «Заветы Ильича» // Версия в Питере, 28 сентября 2009 г., со ссылкой на статью в газете «Совершенно секретно – Версия» от 9 октября 2001 г., где показания Шевченко приводятся полностью. См. также: Надежда Иваницкая. «Намывное дело» // Forbes (Россия), 2 ноября 2012 г.; Дмитрий Матвеев. «Цапки министра Левитина» // Версия в Питере, 20 декабря 2010 г.; Аркадий Бутлицкий. «Роковая дружба» // Московская правда, 16 августа 2003 г.; Антон Гришин. «Воротилы „Золотых ворот“» // Версия, 9 октября 2001 г. В последней статье указывается, что эти показания Шевченко дал 19 февраля 1999 года заместителю начальника следственного управления прокуратуры Санкт-Петербурга Н. А. Литвиновой.

[6] В письме, присланном его московским адвокатом, Трабер отказался отвечать на ряд вопросов, связанных с выводами этой главы, заявив лишь: «Невозможно комментировать фантазии, клевету, выдумки и глупость».

[7] Согласно полученным автором документам порта, которые показывают также, что 50 процентов ОБИП принадлежали Nasdor. Интервью автора с бывшим партнером Трабера, ноябрь 2015 г. См. также: Анастасия Кириленко. «4% Путина. Как близкие к Кремлю криминальные авторитеты отмывают нефтяные деньги в

единственным, кто когда-либо осмелился публично высказаться о разграблении Балтийского морского пароходства, стал тот, кто был мэром города в то время, – Анатолий Собчак. Спустя долгое время после ухода с поста он написал газетную статью, в которой впервые и единственный раз публично раскритиковал действия постсоветского городского КГБ. «Прокуроры, сотрудники ФСБ и милиционеры, принимавшие в этом участие, должны быть привлечены к ответственности за злоупотребление служебным положением и нанесение стране огромного ущерба», – писал он.[1] Через четыре месяца его не стало. «Боюсь, именно это стоило Собчаку жизни», – говорит один из соратников Харченко.[2]

В глазах соратников Путина по КГБ союзы, заключенные тогда, были необходимы как единственный способ восстановить хоть какой-то контроль в хаосе распада Советского Союза. Организованные преступные группировки были пехотой, необходимой им, чтобы держать под контролем массы, людей на улицах – а также в тюрьмах, по словам одного из тогдашних соратников Путина. Это была типичная практика КГБ, сложившаяся в советском прошлом, когда Путин, к примеру, работал с нелегалами в Восточной Германии. «Они работали с людьми. Этим они и занимались, – говорит бывший офицер КГБ, работавший с ними. – Представьте, что вам нужно утихомирить толпу альфа-самцов. Если нельзя их перестрелять, это ужасно трудная работа».[3] Но довод о том, что все это было необходимо для наведения порядка, был лишь самооправданием захвата власти. Схема «нефть в обмен на продовольствие» тоже создавалась якобы для спасения города – то ли для ввоза продовольствия, то ли для погашения долгов. Но единственное, чего она добилась, – это создания сети черного нала для сохранения власти и сетей КГБ.

В клубке этих отношений еще одна нить вела к одной из структур, созданных для «невидимой экономики» Коммунистической партии в последние дни ее правления. Это был банк «Россия» – небольшой петербургский банк, ставший еще одним ключевым посредником в ряде бартерных сделок «нефть в обмен на продовольствие». Подобно многим учреждениям и фирмам, созданным партией в последние дни режима, когда августовский путч 1991 года провалился, а КПСС была запрещена, контроль над банком «Россия» бесшумно перешел в руки представителей КГБ. В числе его новых акционеров оказались высокопоставленный офицер КГБ и двое связанных с КГБ физиков, специализировавшихся на редкоземельных металлах – материалах настолько редких и стратегических, что торговать ими могли только люди из КГБ.

Разведчик

Когда в феврале 1991 года, через год после Путина, высокопоставленный офицер КГБ Владимир Якунин вернулся в Ленинград после работы под прикрытием в ООН в Нью-Йорке, его потрясло то, что он увидел. Из комфортабельной нью-йоркской резиденции он попал в грязь рабочего района Ленинграда, где фонари почти не горели, а жена возвращалась из

Монако» // The Insider, 19 декабря 2017 г.; Роман Анин. «Заводы, цистерны, офшоры, соседи» // Новая газета, 20 апреля 2011 г. Новым председателем Комитета по управлению городским имуществом, сменившим Маневича и подписавшим сделку, стал Герман Греф – близкий соратник Путина, ставший при нем высокопоставленным государственным чиновником и, по-видимому, сохранивший тесные связи с Трабером.

[1] Анатолий Собчак. «Как Россия потеряла флот на Балтике и кто в этом виноват?» // Московские новости, 6 октября 1998 г., https://web.archive.org/web/20131029211741/http://datarhiv.ru/51/85.

[2] Интервью с бывшим соратником Харченко, март 2014 г. О смерти Собчака см. главу 5.

[3] Интервью автора с бывшим офицером КГБ, май 2013 г.

магазинов в слезах, потому что на полках не было ничего, кроме соленых огурцов. «По сути, страны, которая отправила меня работать за границу, в которой я вырос и где родились мои дети, больше не существовало, – говорит он. – Как не стало и ценностей – социальных и нравственных, – которые были фундаментальной основой любого общества. Вся страна погрузилась в какую-то тьму».

Ему казалось, что рухнуло все, во что он когда-то верил: «Нас воспитывали в духе верности партии и народу. Мы действительно верили, что делаем что-то полезное для своей страны и для своего народа». Но, как и многие в разведке, он давно видел, что партийное руководство не справляется: «Не было никого, кто знал бы, как справиться с нарастающими проблемами… Разрыв между реальностью и идеологическими догмами привел к глубокому недоверию к руководителям страны».[1]

Хотя потеря империи и поражение в многолетней холодной войне больно ударили по людям вроде Якунина, он был среди тех, кто быстро принял новый российский капитализм. И хотя он, по его словам, тосковал по временам определенности, по нравственности и ценностям, лежавшим, как он считал, в основе коммунизма, это не помешало ему окунуться в бизнес еще до распада Советского Союза и прикарманить огромные деньги – как для себя, так и, что важнее, для сохранения сетей КГБ.

Четыре года после распада Советского Союза Якунин оставался офицером спецслужб, так и не уволившись. Хотя он настаивал, что не выполнял ничьих приказов, он признавал, что цель коммерческой деятельности его и его партнеров отчасти состояла в том, чтобы сохранить то, что можно: «Нам нужно было переориентироваться. Нужно было создавать коммерческие предприятия, которые зарабатывали бы деньги… Мы все были частью этого процесса. Традиции общения и сотрудничества сохранились».

Якунин объединился с коллегами из престижного петербургского Физико-технического института имени Иоффе, где он, прежде чем его отправили в Нью-Йорк, курировал международные связи института. Среди них был Юрий Ковальчук – тридцатидевятилетний ведущий физик своего времени, с высоким лбом и ястребиным взглядом. Он тесно работал с Андреем Фурсенко: оба были заместителями руководителя работ института Иоффе в области секретных полупроводниковых технологий, применявшихся в лазерных и спутниковых системах. Это была сфера особого интереса КГБ, где для обхода эмбарго и кражи технологий у Запада использовались всевозможные контрабандные схемы (считалось, что Якунин, работая под прикрытием в Нью-Йорке, занимался контрабандой технологий). Их квалификация принесла Якунину, Ковальчуку и Фурсенко выгодное поручение: сделку по продаже партии редкоземельных металлов, в том числе редких и стратегических изотопов, применяемых в авиакосмической и военной промышленности и в полупроводниковых технологиях.[2] По словам Якунина, эту сделку им дал высокопоставленный генерал КГБ. Когда они ее провернули, одно из созданных ими совместных предприятий, «Темп», получило 24 миллиона рублей прибыли.[3] По тем временам это была огромная сумма, и она помогла им взять под контроль банк «Россия».

[1] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г.

[2] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г. «Все, что было связано с редкоземельными металлами, было связано с институтом Иоффе, – говорит бывший председатель Ленсовета Александр Беляев. – Они были специалистами».

[3] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г.

В последние месяцы перед распадом Советского Союза, когда КГБ ускорил подготовку к переходу к рыночной экономике, эти трое создали ряд таких совместных предприятий и уже тесно работали с банком «Россия». После провала августовского путча, по словам Якунина, они ненадолго испугались, что разорятся, когда их счета в банке «Россия» заморозили вместе с остальным имуществом Коммунистической партии. Но их спасли связи и деньги, заработанные на сделке с редкоземельными металлами. Высокопоставленные люди в местной партийной организации и КГБ дали им добро на то, чтобы взять банк «Россия» под контроль и вернуть его к жизни. «Мы были людьми, хорошо известными в партийных структурах Ленинграда, – говорит Якунин. – У нас было много контактов, и нам доверяли. Нам позволили получить контрольный пакет банка „Россия“ именно потому, что эти люди нам доверяли и нас уважали».[1]

С самого начала банк «Россия» был стратегически связан с путинским комитетом по внешним связям. Его офис находился в Смольном, ставшем штаб-квартирой мэра, и он начал играть ключевую роль в создании общака – общей кассы людей Путина. Связанные с КГБ бизнесмены города, в том числе Якунин, Ковальчук и Фурсенко, почти благоговейно продолжали следовать предписаниям КГБ, выработанным в сумеречные годы коммунистического режима, когда торговлю полагалось вести через совместные предприятия с иностранными партнерами. Все совместные предприятия создавались с одобрения путинского комитета, и большинству из них было велено открыть счета в банке «Россия». В одном случае миллионы долларов были выведены из городского бюджета через счета банка «Россия» в сеть таких компаний, связанных с людьми Путина. Деньги прошли через фонд под названием «Двадцатый трест». В какой-то момент эта схема грозила втянуть Путина в уголовное дело. Как и многие тайные фонды, созданные людьми Путина, деньги шли как на стратегические нужды, например на финансирование избирательных кампаний, так и на личные приобретения – например, на роскошную недвижимость в Финляндии и Испании для городских чиновников.[2]

По мере того как Путин и его люди из КГБ все прочнее утверждались в контроле над экономикой города, у них появились собственные буржуазные мечты. Один перевод, в частности, оплатил поездку Путина и руководителя «Двадцатого треста» в пятизвездочный отель в Финляндии, где они встретились с архитектором из петербургского правительства и, по всей вероятности, обсуждали планы строительства группы дач, рассказывает высокопоставленный сотрудник милиции, расследовавший это дело.[3] «У советского человека всегда есть мечта о даче, – говорит один из тогдашних соратников Путина.[4] – Понимали, что важно не только иметь хороший участок земли, но и правильных соседей».

Место, которое Путин выбрал, чтобы проводить выходные в мире и покое, находилось далеко по шоссе, петляющему на север от Санкт-Петербурга через леса и озера Карелии. У

[1] Там же.

[2] Согласно полученной автором копии акта проверки «Двадцатого треста» Министерством финансов за 1993–1996 годы, проведенной с 12 декабря по 7 апреля 1997 года. Подробнее см.: Роман Шлейнов. «Уголовные дела, в которых упоминался Владимир Путин, объясняют кадровую политику президента» // Новая газета, 3 октября 2005 г.; Илья Барабанов. «Птенцы гнезда Петрова. Дело „Двадцатого треста“» // The New Times, 23 марта 2009 г.

[3] Сведения предоставлены подполковником Андреем Зыковым, бывшим старшим следователем МВД, руководившим уголовными расследованиями в отношении Путина и вывода средств бюджета Санкт-Петербурга через «Двадцатый трест». Интервью автора, март 2014 г.

[4] Интервью автора с бывшим соратником Путина, январь 2013 г.

самой границы с Финляндией дорога без указателей вела к уютной группе деревянных домов на берегу озера Комсомольское, славящегося отличной рыбалкой. До того как сюда переехал Путин, дорога была обычной грунтовкой. Но вскоре после приезда новых обитателей ее заасфальтировали и поставили фонари.

Жители деревни, поколениями мирно жившие на завидном участке озерного берега, увидели, как прокладывают новые, более мощные линии электропередачи, хотя к их домам электричество так и не дошло. Вместо этого их одного за другим попросили съехать: кому-то дали денег, кому-то – новые готовые дома подальше от берега. Их могущественные новые соседи построили внушительные шале в финском стиле на огромных участках. Они объединились в группу, ставшую известной как дачный кооператив «Озеро», и заняли берег, от которого бывших соседей отрезал высокий новый забор. Когда новоселы устраивали праздники, старожилы могли лишь издали наблюдать за весельем и фейерверками. Они знали, что возражать не стоит. «Мама сказала мне простую вещь: с сильным не борись, с богатым не судись», – говорит одна из них.[1] Единственная жительница, попытавшаяся бороться, проиграла все судебные инстанции.

Люди, переселившиеся вместе с Путиным на озеро Комсомольское, были голубой кровью его кагэбэшных знакомств. В основном акционеры банка «Россия», среди них были Якунин, Фурсенко и Ковальчук. Все они были связаны с Путиным еще до петербургских времен. «Это были люди, близкие к Путину с давних пор, – говорит один из бывших соратников Путина.[2] – Они оказались там не благодаря своей работе или знаниям, а просто потому, что были старыми друзьями».

Позднее этот принцип распространится на всю страну. Став президентом, Путин и его соратники по дачному кооперативу «Озеро» начали захватывать стратегические отрасли экономики, создавая тесно сплоченную сеть преданных подручных – доверенных лиц, взявших под контроль крупнейшие денежные потоки страны и не допускавших туда никого другого. Банк «Россия» станет ядром финансовой империи этой группы и раскинет свои щупальца по всей России, а также глубоко на Западе.

За Путиным, когда он взлетел к власти, последовали и те, кто работал с ним в морском порту и на нефтяном терминале. Главным среди них был Тимченко – сначала, по словам двух бывших соратников, остававшийся в тени в роли неофициального советника, а затем ставший крупнейшим нефтетрейдером страны. Люди, управлявшие петербургским морским портом под присмотром Трабера, займут первые руководящие должности в государственном газовом гиганте «Газпром», когда Путин начнет прибирать к рукам крупнейшие и самые стратегические активы страны. А когда Путин сделает первые шаги к возвращению нефтяной промышленности страны из рук западно ориентированных олигархов вроде Михаила Ходорковского, Тимченко и Акимов окажутся в ядре группы, которая на этом выиграет.

Но в те девяностые годы, когда они только начинали, трудно было представить, что они когда-нибудь зайдут так далеко. Члены дачного кооператива «Озеро» держались особняком и редко разговаривали с бывшими соседями, которых они отселили с берега озера. Но после переезда Путина в Москву приезды на выходные стали редкостью. Построенные ими дома

[1] Интервью автора с соседкой дачного кооператива «Озеро», июнь 2014 г.

[2] Интервью автора с бывшим соратником Путина, январь 2013 г.

опустели и стояли, как призраки, на краю озера. «Здесь им стало тесно. В Москве у них открылись совсем другие возможности», – говорит одна из соседок.[1]

* * *

Когда летом 1996 года Путина неожиданно назначили на высокую должность в Кремле, один из высокопоставленных генералов КГБ, пристально следивших за его петербургской карьерой, остался им доволен. «Он начинал свою чиновничью карьеру с нуля, – рассказывал впоследствии корреспонденту генерал Геннадий Белик. – Конечно, он совершал ошибки. Вопросы были для него абсолютно новыми… Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но к концу своей деятельности в Санкт-Петербурге Владимир Владимирович очень вырос».[2]

Белик был ветераном внешней разведки КГБ и курировал в Санкт-Петербурге сеть фирм, торговавших редкоземельными металлами. Он был своего рода наставником Путина, пока тот управлял экономикой города, а по словам одного близкого соратника, Путин поддерживал связь и с бывшим председателем КГБ Владимиром Крючковым.[3] Но хотя люди Путина господствовали в значительной части экономики города, суммы, с которыми они имели дело в Санкт-Петербурге, были ничтожны по сравнению с тем, что прибирали к рукам в Москве молодые западно ориентированные магнаты вроде Ходорковского. Они были далеко от главных событий, когда новые олигархи ельцинской эпохи начали делить промышленное богатство страны. Для многих петербургских чекистов происходящее в Москве означало крах российского государства. Владимир Якунин, например, считал, что страну захватила клика коррумпированных представителей партийной элиты и людей вроде Ходорковского, которых он называл «преступниками».[4] Люди из КГБ видели в Ельцине пьяного шута, партийного функционера средней руки, который пляшет под дудку Запада и теперь за бесценок отдает стратегические предприятия страны продажной шайке алчных дельцов. «Люди отдавали жизни. Они честно служили и рисковали жизнью. А получили только фигу от пьяного ублюдка, который, между прочим, был ничем не лучше секретаря обкома», – говорит бывший офицер КГБ, работавший с Путиным в Санкт-Петербурге.[5]

Хотя тогда это казалось маловероятным, переезд Путина в Москву стал первым шагом к изменению этого расклада. Повышение пришлось на момент, когда он, по идее, должен был оказаться не у дел. Летом 1996 года Анатолий Собчак только что проиграл выборы мэра Санкт-Петербурга. Путин, руководивший его избирательной кампанией, нес за это часть ответственности. Собчак проиграл с ничтожным отрывом – 1,2 процента, что, как говорила впоследствии его вдова Людмила Нарусова, соответствовало числу жильцов одного большого многоквартирного дома. Ходили слухи, что поражение Собчака организовал Ельцин, который хотел от него избавиться, поскольку яркий и харизматичный Собчак мог бы составить ему конкуренцию в борьбе за переизбрание президентом через несколько месяцев. Нарусова была в этом убеждена: «Он стал слишком независимым. Ельцин видел в нем конкурента, и поэтому был дан приказ превратить выборы в фарс».[6] Еще до начала кампании против Собчака было

[1] Интервью автора с соседкой дачного кооператива «Озеро», июнь 2014 г.

[2] Александр Бондаренко. «Об этом, может быть, когда-нибудь расскажут» // Красная звезда, 10 января 2002 г., интервью с Геннадием Беликом.

[3] Интервью автора с соратником Путина, август 2018 г.

[4] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г.

[5] Интервью автора с бывшим офицером КГБ, май 2013 г.

[6] Интервью автора с вдовой Собчака Людмилой Нарусовой, июнь 2014 г.

возбуждено уголовное дело по обвинению во взяточничестве. Многие считали, что это часть грязной кампании, развернутой окружавшими Ельцина силовиками старой закалки.[1]

Эти обвинения, несомненно, повлияли на исход выборов, и сразу после поражения Путин ушел из петербургской администрации. Кремлевские политтехнологи, излагая официальную версию его карьеры, всегда подчеркивали его верность Собчаку, проявившуюся в этом уходе, и риск остаться без работы, на который он пошел из принципа. Но на самом деле он был без работы меньше месяца, после чего его пригласили в Москву – поначалу на престижную должность заместителя руководителя администрации Кремля. По пути ему помог Алексей Большаков – динозавр из ленинградского оборонного истеблишмента, скорее всего связанный с КГБ, который каким-то образом стал вице-премьером в правительстве Ельцина.

Хотя назначение Путина неожиданно заблокировал Анатолий Чубайс, западно ориентированный «царь приватизации», ставший новым руководителем администрации Ельцина, его не бросили. Вместо этого ему предложили возглавить легендарное кремлевское управление зарубежной собственности, унаследовавшее после распада все огромные зарубежные владения Советского Союза – величественные здания торговых и дипломатических представительств, сеть военных баз и других военных объектов, тайных и явных. Хотя в этой империи многое уже бесследно исчезло, она представляла собой стратегическое ядро имперского богатства страны, и для Путина это было действительно престижное повышение.

Так начался головокружительный взлет. Не прошло и семи месяцев после переезда Путина в Москву, как он получил новое повышение. Сначала его назначили начальником Главного контрольного управления – одного из ключевых институтов кремлевской власти, – поручив следить за выполнением указаний президента в своевольных регионах страны. «Путина не с улицы взяли, – говорит один близкий соратник. – В Москве его знали как советника Собчака, как влиятельного человека в Санкт-Петербурге… Я думаю, этот перевод был спланирован».[2] Затем, через год, его повысили до первого заместителя руководителя администрации Кремля, курирующего регионы, – третьей по влиятельности должности в Кремле после президента. Всего через три месяца на этом посту его назначили директором ФСБ, преемницы КГБ, по всей России. Он был тогда всего лишь подполковником, а то, чтобы ФСБ возглавил кто-то, кроме генерала, было делом неслыханным. Говорили, что генералы ФСБ были в ужасе, но соратники Путина настаивали, что его статус первого заместителя руководителя администрации приравнивал его к генеральскому званию. Просто в гражданском исчислении, уверяли они.[3]

Зять Ельцина Валентин Юмашев, добродушный бывший журналист, ставший руководителем администрации Ельцина, настаивал, что чудесный взлет Путина объяснялся его выдающимися качествами. «Среди моих заместителей он был одним из самых сильных, – сказал он мне. – Он всегда работал блестяще. Точно формулировал свои взгляды. Точно анализировал ситуацию. Я всегда был рад, что у меня такой заместитель».[4] Но для других, знавших его по Санкт-Петербургу, возвышение Путина приобретало сюрреалистический

[1] Интервью автора с Нарусовой, июнь 2014 г.; фильм Ксении Собчак и Веры Кричевской «Дело Собчака», Москва, 2018.

[2] Интервью автора с соратником Путина, август 2018 г.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

характер. Некоторые из его бывших соратников задавались вопросом, не продвигают ли его генералы КГБ, опекавшие его карьеру с самого начала. «Можно предположить, что сначала ему поставили задачу внедриться в демократическую среду через работу с Собчаком», – говорит один из них. Когда Собчак стал не нужен, не сыграл ли Путин свою роль в том, чтобы тот проиграл? «Вполне возможно, что Путин выполнял приказы Кремля, а когда выполнил эту задачу, попал в Кремль и стал таким важным, – говорит бывший соратник. – Если предположить, что это была спецоперация по ликвидации Собчака как конкурента, то все становится ясно».[1] Но другие возражали, что Собчак и без того становился в Санкт-Петербурге все более спорной фигурой – прежде всего из-за того, что многие считали его высокомерием. Чтобы поставить его переизбрание под вопрос, многого не требовалось.

Как бы он туда ни попал, став директором ФСБ, Путин вскоре начал отмывать пятна своего петербургского прошлого. Одним из злейших его врагов тех лет был Юрий Шутов – бывший помощник Собчака, конфликтовавший с Путиным и собиравший на него компромат: о сделках «нефть в обмен на продовольствие», о приватизации городских активов, о связях с тамбовской группировкой. Вскоре после назначения Путина Шутова арестовали под дулами автоматов. Он давно был крайне одиозной фигурой, и о его связях с петербургским преступным миром ходили упорные слухи. Но когда Путин стал директором ФСБ, подозрения превратились в обвинения. Шутову вменили организацию четырех заказных убийств и двух покушений. Хотя местный суд ненадолго освободил его, постановив, что оснований для уголовного дела нет, Шутова вскоре снова арестовали и отправили в самую суровую колонию России – «Белый лебедь» в Пермском крае, в глубине страны. Оттуда он так и не вышел. Собранные им материалы о связях Путина с тамбовскими просто исчезли, говорит Андрей Корчагин, бывший городской чиновник, хорошо знавший Шутова: «Он был первым и единственным настоящим политическим заключенным в России».[2]

Еще более зловещее предзнаменование появилось всего через четыре месяца после назначения Путина директором ФСБ. Галину Старовойтову – ту самую плотную правозащитницу в твидовом костюме, с мягкими каштановыми волосами, к которой Путин обращался насчет работы после возвращения из Дрездена в Ленинград, – поздним вечером в ноябре 1998 года застрелили в подъезде ее дома. К тому времени она была ведущим демократом Санкт-Петербурга, самым громким борцом с коррупцией. После ее гибели весь город был в трауре, страна – в шоке. Многие комментаторы связывали убийство с напряженностью вокруг выборов в местный парламент, назначенных на следующий месяц. Но один из бывших помощников Старовойтовой, Руслан Линьков, который был с ней в момент убийства, но каким-то чудом остался жив, считал, что ее убили из-за ее антикоррупционных расследований.[3] Одна из ее ближайших подруг, другой видный демократ Валерия Новодворская, была убеждена, что убийство заказали петербургские силовики: «Они явно стояли за кулисами. Они держали руку убийц».[4] Бывший партнер Ильи Трабера говорил, что наибольшая угроза для Старовойтовой могла исходить от петербургских силовиков, контролировавших морской порт, пароходство и нефтяной терминал: «У нее было досье на группу людей, контролировавших нефтяной бизнес в Санкт-Петербурге. Мне об этом

[1] Интервью автора с бывшим соратником Путина, январь 2013 г.

[2] Интервью автора с Андреем Корчагиным, бывшим петербургским чиновником, январь 2015 г.

[3] Интервью автора с Линьковым, ноябрь 2013 г.

[4] Мария Калужская. «Десять лет без Старовойтовой», Валерия Новодворская о Старовойтовой // Грани.ру, 20 ноября 2008 г., https://graniru.org/Politics/Russia/m.144242.html.

рассказывал Трабер. Он говорил: „Какого черта она полезла в нефтяной бизнес?“ Вот за это ее и убили».[1] Позднее бывший сотрудник ФСБ, расследовавший ее гибель, сказал мне, что и сам подозревал, что убийство организовали тамбовские: «Мы понимали, что ничего не добьемся по этому делу».[2]

События, сопровождавшие восхождение Путина, были зловещими. Но страна неслась к очередному финансовому кризису, и предупреждающих знаков, похоже, никто не замечал. Здоровье Ельцина пошатнулось, и, если верить по крайней мере одному свидетельству, генералы КГБ готовились к возвращению. Однажды вечером в Москве, вскоре после финансового краха, уничтожившего российскую экономику в августе 1998 года, небольшая группа офицеров КГБ и один американец собрались на закрытый ужин. Среди них были бывший председатель КГБ Владимир Крючков; Роберт Эрингер, бывший руководитель службы безопасности Монако, подрабатывавший осведомителем ФБР; и Игорь Прелин – помощник Крючкова и один из старших преподавателей Путина в Краснознаменном институте разведки. По словам Эрингера, Прелин сказал остальным гостям, что скоро КГБ вернется к власти: «Он сказал: „Мы знаем одного человека. Вы о нем никогда не слышали. Мы не скажем, кто это, но он один из нас, и когда он станет президентом, мы вернемся“».[3]

[1] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.

[2] Интервью автора с бывшим сотрудником ФСБ, июнь 2014 г. В апреле 2019 года петербургская прокуратура наконец предъявила бывшему лидеру тамбовской группировки Владимиру Кумарину обвинение в организации убийства Старовойтовой. К тому времени Кумарин, рассорившийся с кремлевскими властями, уже отбывал двенадцатый год 24-летнего срока по ряду обвинений, включая руководство организованной преступной группировкой, а его место лидера тамбовских давно занял Геннадий Петров.

[3] Интервью автора с Эрингером, июнь 2016 г.; Эрингер опубликовал фотографию этой встречи. В открытом письме Путину Прелин писал, что на пресс-конференции весной 1999 года предсказал, что следующим президентом России станет малоизвестный человек, не входящий в нынешнюю политическую элиту. Прелин писал, что после того, как его предсказание сбылось, иностранная пресса утверждала, будто он заранее знал, кто станет президентом, и даже участвовал в спецоперации спецслужб по приведению «своего человека» к власти. Прелин пишет: «Как ни странно, после этих глупых публикаций я почувствовал определенную личную ответственность за ваши действия на посту президента России, как будто я действительно имел прямое отношение к вашему избранию на этот высокий пост». Прелин выражал надежду, что вдохновил Путина, и предполагал, что признаком этого может быть то, что Путин, будучи правшой, носит часы на правом запястье: «У меня есть некоторая надежда на это, потому что, насколько мне известно, после встречи со мной вы стали носить часы на правом запястье, как я всю жизнь». (Прелин носил часы на правой руке, потому что был левшой.) Копию письма можно найти по адресу: krasvremya.ru/veteran-vneshnej-razvedki-igor-prelin-otkrytoe-pismo-vladimiru-putinu/. На момент написания книги мне так и не удалось разыскать самого Прелина.

ГЛАВА 4

Операция «Преемник»: «Было уже за полночь»

«Все забыли. Все думали, что демократия просто будет. Каждый думал только о своих личных интересах».

Андрей Вавилов, бывший первый заместитель министра финансов в правительстве Ельцина[1]

* * *

План А

МОСКВА. Лето 1999 года. В Кремле воцарилась мертвая тишина. В лабиринтах коридоров главного административного корпуса слышно было лишь ровное жужжание электромоторов: уборщицы натирали паркет. Вдали по залам эхом разносился стук каблуков одинокого охранника из президентского полка, совершавшего обход. Кабинеты, когда-то переполненные просителями, выстраивавшимися в очередь за милостями, теперь почти пустовали: их бывшие хозяева отсиживались вдали от Москвы на дачах, нервно попивая чай. «Было как на кладбище, – говорит Сергей Пугачев, кремлевский банкир, который заодно был советником целого ряда руководителей кремлевской администрации. – Как будто компания обанкротилась. Вдруг там не стало ничего».[2]

Для Пугачева и других членов ближнего круга Ельцина, широко известного как «Семья», – немногих оставшихся обитателей Кремля – наступила новая, тревожная реальность. С октября Ельцин то и дело ложился в больницу, а за кремлевскими стенами, казалось, готовился переворот. Кирпич за кирпичом разбирался фундамент ельцинского правления – следствие катастрофической девальвации рубля прошлым летом и дефолта по государственному долгу на 40 миллиардов долларов. Легкие деньги, вольница для немногих избранных со связями, определявшая годы бума рыночных преобразований, закончились грандиозным крахом. Четыре года правительство финансировало бюджет за счет выпуска краткосрочных долговых обязательств, создав финансовую пирамиду, в которой выиграли лишь горстка олигархов – молодых волков ельцинской эпохи. Какое-то время магнаты, пользуясь взлетевшими процентными ставками по государственным облигациям и фиксированным валютным курсом, снимали сливки с беспроигрышной ставки, а Центробанк сжигал валютные резервы, поддерживая стабильность рубля. В августе 1998 года все рухнуло, и снова главный удар пришелся на население России. Многие банки олигархов лопнули во время кризиса, но если сами они сумели вывести большую часть состояний в офшоры, то сбережения простых людей сгорели. Парламент, где тогда еще господствовали коммунисты, бурлил. Загнанный в оборону, Ельцин был вынужден назначить премьер-министром выходца из высших эшелонов КГБ – Евгения Примакова, бывшего шефа шпионажа, руководившего Службой внешней разведки и давно стоявшего на страже сетей КГБ. Измученный болезнями, с развалившимся режимом, Ельцин удалился на черноморский курорт в Сочи, а Примаков ввел в свое правительство ряд коммунистов во главе с бывшим председателем советского Госплана.

[1] Интервью автора с Вавиловым, январь 2013 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

Ельцин раз за разом попадал в больницу, а один из кремлевских помощников мягко намекнул, что отныне президент будет оставаться на втором плане.[1]

Один за другим представители коммунистической старой гвардии рассаживались по насестам на вершине правительства, и теперь, когда они брали кабинет министров под контроль, стал вспыхивать финансовый скандал за финансовым скандалом, направленный против излишеств их противников из ельцинской правящей элиты. Наступление с обвинениями в коррупции возглавил генеральный прокурор России Юрий Скуратов – круглый, с виду мягкий человек. До начала того года он привлекал больше внимания умением тихо закрывать уголовные дела, чем их возбуждать. Но теперь, на фоне всеобщего возмущения, сопровождавшего финансовый крах страны, он взялся за коррупцию на самом верху. Сначала он обрушился на Центробанк. В письме спикеру Государственной думы, коммунисту, он сосредоточился на том, как банк тайно перекачал 50 миллиардов долларов валютных резервов страны через Fimaco – безвестную офшорную компанию, зарегистрированную на Джерси[2], – и это разоблачение открыло ящик Пандоры, полный инсайдерской торговли и выведенных через рынок госдолга средств.

За кулисами шли еще несколько куда более опасных расследований. Одно дело могло привести прямиком к финансовым счетам ельцинской «Семьи». Оно касалось Mabetex – малоизвестной компании из альпийского швейцарского городка Лугано у итальянской границы, которая на протяжении девяностых получила контракты на миллиарды долларов на реконструкцию Кремля, российского Белого дома и других престижных объектов. Поначалу расследование, начатое Скуратовым совместно со швейцарскими прокурорами, казалось, было сосредоточено на откатах, по всей видимости выплаченных посредникам, близким к Павлу Бородину, – жизнерадостному и простоватому сибирскому партийному начальнику, с 1993 года правившему огромным кремлевским Управлением делами. Но за этим скрывалось потенциально куда более крупное дело. И те в Кремле, кто правил вместо Ельцина, прекрасно это знали. «Все боялись того, что будет, – говорит Пугачев. – Никто не решался приходить на работу. Все тряслись как зайцы».[3]

Почва для дела готовилась без шума. Часть старой гвардии, особенно те, кто выжидал в тени спецслужб, искали способ сместить Ельцина с самого начала его правления. Его заигрывания с демократией давно вызывали у них отвращение, а его призыв к российским регионам брать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить, они восприняли как часть западного заговора с целью ослабить, а в конечном счете и уничтожить Российскую Федерацию. Все еще мыслившие в категориях игры с нулевой суммой времен холодной войны, они считали Ельцина рабом американского правительства, которое, как им нравилось думать, и помогло ему прийти к власти и разрушить Советский Союз. Они презирали его явную дружбу с президентом США Биллом Клинтоном и считали, что рыночные реформы, которые они сами разработали и которые помогли Ельцину прийти к власти, были извращены и привели к олигархическому правлению «семибанкирщины» – семи банкиров, обогнавших

[1] Arkady Ostrovsky. Ailing Yeltsin Will Not Stand Down // Financial Times, 30 октября 1998 г. Кремлевский помощник – заместитель руководителя администрации Олег Сысуев, оказавшийся близким союзником Примакова. Он сообщил газете, что в новогоднем послании парламенту Ельцин обрисует свою новую, сокращенную роль и передаст Примакову повседневное руководство экономикой.

[2] У автора есть копия этого шестистраничного письма председателю Государственной думы Геннадию Селезневу от 1 февраля 1999 года.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

своих бывших хозяев из КГБ и захвативших значительную часть экономики. Демократические достижения Ельцина их нисколько не волновали: в их глазах он был выжившим из ума алкоголиком, неспособным руководить страной, а ельцинская «Семья», в которую входили его дочь Татьяна, руководитель его администрации (и будущий зять) Валентин Юмашев и разные прислужники олигарха Бориса Березовского, – нечестивым союзом, незаконно захватившим власть за кулисами и ведущим страну к неминуемому краху. «Определенная группа людей понимала, что так дальше продолжаться не может, – говорит один из участников этого заговора, Фелипе Туровер, бывший оперативник КГБ, работавший с Путиным над петербургской схемой «нефть в обмен на продовольствие». – Вся операция была начата по необходимости. Другого выбора не было. Это нужно было сделать. Ельцин был пьяницей и тяжелым наркоманом. Это факт, что страной правила его дочь, кучка идиотов, заботившихся только о собственных интересах… Губернаторы не подчинялись Кремлю. Регионы начинали превращаться чуть ли не в независимые государства. Нам нужно было избавиться от этой мрази». Туровер отказался назвать имена сотрудников спецслужб из группы, замышлявшей отстранить Ельцина от власти. Но было ясно, что они намеревались заменить его Примаковым, который как бывший шеф разведки был одним из них. С самого начала группа искала доказательства, напрямую связывающие Ельцина с финансовой коррупцией, – нечто, что запятнало бы президента бесповоротно и преодолело бы широко распространенное и давнее русское убеждение, будто беды страны происходят от неверных решений и продажности придворных, бояр, окружающих царя, а не от самого царя. «Поскольку его восхваляли как великого демократа, никто не знал, как от него избавиться, – говорит Туровер. – Единственный ясный путь был правовым. Народу должно было стать ясно, что дело не в том, что царь хороший и ни в чем не виноват, а бояре плохие. Когда президент сам вор, тогда все понятно. Нам нужно было что-то конкретное».[1] Именно Туровер был тем информатором, который нашел, а затем раскрыл материалы, легшие в основу дела. Со своего поста, откуда он курировал тайные выплаты по стратегическим долгам советской эпохи, он годами собирал и просеивал компромат на внутреннее финансирование ельцинского режима, надеясь, что настанет подходящий момент. Близкий друг бывшего руководителя подразделения КГБ, ведавшего финансированием тайных операций за рубежом, он с восьмидесятых годов принадлежал к силовому истеблишменту КГБ. Туровер был тем самым острым на язык, резким в выражениях офицером внешней разведки, который в начале девяностых помог Владимиру Путину создать в Санкт-Петербурге схему «нефть в обмен на продовольствие» – схему, создавшую стратегический тайный фонд для Путина и его союзников из КГБ. Он помог создать и другие тайные схемы, которые, по его словам, должны были обеспечить выплату стратегических долгов Советского Союза так называемым «дружественным фирмам», но которые почти наверняка служили также тайными фондами КГБ.

Документы показывают, что многие из этих схем проходили через Banco del Gottardo – маленький банк, укрывшийся на окраине Лугано, советником которого был назначен Туровер.[2] Banco del Gottardo выбрали, по словам Туровера, потому, что «нам нужен был очень

[1] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

[2] Туровер передал автору ряд документов, показывающих, что Banco del Gottardo выступал посредником в выплате долгов советской эпохи – главным образом за поставки стратегического оборудования – через различные бартерные схемы. Один документ, подписанный 9 марта 1994 года первым заместителем министра финансов России Андреем Вавиловым и министром внешнеэкономических связей Олегом Давыдовым, объявляет о создании «Совместного российско-швейцарского банковского клуба Gottardo». На вопрос автора Вавилов ответил, что планы использовать Banco del Gottardo в качестве посредника для погашения советского долга так и

маленький банк с очень грязной репутацией».[1] Он был зарубежным подразделением Banco Ambrosiano – связанного с Ватиканом банка, со скандалом рухнувшего в восьмидесятые, когда его председателя Роберто Кальви нашли повешенным под лондонским мостом Блэкфрайерс. Теперь через его счета проходили многочисленные российские схемы финансирования черным налом, в том числе паутина бартерных и сырьевых экспортных схем, через которые были выкачаны миллиарды долларов.

Это был еще один признак того, что, несмотря на все попытки Ельцина провести рыночные реформы, несмотря на все его усилия построить новую Россию на обломках Советского Союза, за кулисами по-прежнему господствовали старые порядки комитетчиков. Хотя Ельцин пытался укомплектовать свое правительство так называемыми «молодыми реформаторами», стремившимися освободить российскую экономику от государственного контроля и управлять страной по прозрачным правилам, диктуемым западными институтами, правила игры в бизнесе по-прежнему были перекошены в пользу инсайдеров, близких к государству и к сообществу внешней разведки. Именно через эти схемы была скомпрометирована ельцинская «Семья», и тем более красноречиво, что удар по свободам, которые Ельцин стремился принести в Россию, нанес представитель истеблишмента внешней разведки КГБ. Ельцину не удалось вырвать из практик прошлого ни страну, ни собственную семью.

В Banco del Gottardo находились счета Mabetex – безвестной швейцарской компании, выполнявшей контракты на реконструкцию Кремля, и именно здесь всплыли связи с Ельциным и его семьей. Когда Туровер впервые обнаружил эти связи, он, по его словам, поначалу отказывался заниматься любыми денежными потоками, связанными с Ельциным или его семьей. «Но потом перестал, потому что решил, что все это может пригодиться в будущем».[2]

Среди счетов Banco del Gottardo, которые он курировал, Туровер обнаружил кредитные карты Ельцина и его семьи. Их выпустил основатель Mabetex Беджет Пацолли – задиристый косовский албанец, с семидесятых годов работавший в теневом мире финансирования и строительства для советского режима.[3] Пацолли, когда-то помощник руководителя югославской компартии, давно участвовал в схемах финансирования черным налом за счет продажи советскому режиму находившихся под эмбарго военных товаров двойного назначения, говорит Туровер.[4] Внешне кредитные карты выглядели как откровенная взятка

не были реализованы. Однако многочисленные документы, предоставленные Туровером, показывают, что Banco del Gottardo выполнял эту роль по меньшей мере три года. Роль Banco del Gottardo в этих платежах российское правительство никогда не раскрывало. Более того, официально в то время действовал международный мораторий на любые выплаты по внешнему долгу Российской Федерации. Другим иностранным кредиторам не платили. Другой документ от 4 марта 1994 года назначает Туровера советником Banco del Gottardo «по всем вопросам, касающимся наших отношений с государственными органами и ведомствами Российской Федерации и наших дел с финансовыми, коммерческими и хозяйственными организациями, компаниями и корпорациями Российской Федерации». Еще один протокол от 2 июня 1997 года предлагает, чтобы российское правительство погасило задолженность перед швейцарской торговой фирмой NOGA за счет продажи через NOGA российских систем ПВО производства Марийского машиностроительного завода [изготовителя высокостратегической российской системы ПВО С-300]. Об этой сделке российское правительство также никогда не сообщало.

[1] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

[2] Там же.

[3] Юрий Скуратов. «Кремлевские подряды „Мабетекса“», с. 63–64.

[4] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

Пацолли, положенная прямо в карман Ельцину и его семье, а то, что расходы по ним оплачивались с иностранного банковского счета, было прямым нарушением закона, запрещавшего российским чиновникам иметь такие счета. Больше всех тратила дочь Ельцина Татьяна – на 200–300 тысяч долларов в год.[1] Еще миллион долларов, по всей видимости, потратил сам Ельцин во время официального визита в Будапешт.[2]

По меркам нынешних многомиллиардных коррупционных скандалов эти суммы почти смехотворны. Но в те дни расклад был совершенно иным. Баланс сил уже стремительно смещался от Кремля к примаковскому Белому дому. Старая гвардия и коммунисты были на подъеме. После финансового краха рейтинг Ельцина упал до рекордно низких 4 процентов. Коммунистическая партия, по-прежнему господствовавшая в Думе, назначила слушания по импичменту, чтобы судить Ельцина за все, что она считала грехами его бурного правления: за катастрофическую войну в Чечне, унесшую жизни стольких российских солдат, за распад Советского Союза и за то, что она называла «геноцидом» русского народа, – рыночные реформы, приведшие к резкому падению уровня жизни и, как считали коммунисты, к преждевременной смерти миллионов россиян. Разоблачения, связанные с кредитными картами, должны были стать последней каплей. «Примаков должен был встать в Совете Федерации и сказать сенаторам, что президент – вор», – говорит Туровер.[3]

Расследование грозило также подобраться неприятно близко к куда более крупным суммам, прошедшим через нефтеэкспортера «Международное экономическое сотрудничество» (МЭС), который имел счета в Banco del Gottardo и был неразрывно связан с контрактом на реконструкцию Кремля. Российское правительство предоставило МЭС контракты на продажу более 8 процентов всего экспорта нефти и нефтепродуктов страны; годовой оборот компании в 1995 году приближался к 2 миллиардам долларов.[4] Она действовала с 1993 года, когда представители старой гвардии в правительстве Ельцина попытались вернуть себе контроль над нефтяной торговлей, восстановив систему спецэкспортеров, через которых все нефтяные компании были обязаны продавать нефть.[5] Это была инсайдерская игра, набивавшая карманы небольшой и темной группы трейдеров, по большей части близких к силовикам в ельцинской администрации. МЭС изначально создавалась как средство финансирования восстановления Русской православной церкви после десятилетий разрушений и гонений при советской власти. Но миллиарды долларов в виде нефти, которые российское правительство предоставило ей без экспортных пошлин, намного превышали любые суммы, когда-либо потраченные на восстановление церкви.

---

[1] Интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.; суммы, которые Скуратов называет в книге «Кремлевские подряды» (с. 185–186), однако, звучат гораздо скромнее. Он ссылается на документы по кредитным картам, присланные швейцарскими прокурорами, согласно которым Татьяна и ее сестра Елена в общей сложности потратили «многие десятки тысяч долларов». Татьяна, по его словам, однажды потратила 13 000 долларов за один день. Он добавляет также, что у него есть копии банковских счетов Татьяны Дьяченко, согласно которым она за три года потратила более 100 000 долларов.

[2] Интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.; и здесь в «Кремлевских подрядах» (с. 185) сумма, потраченная Ельциным, выглядит гораздо скромнее. Скуратов ссылается на слова Туровера газете New York Times о том, что сумма, потраченная самим Ельциным, была «чисто символической».

[3] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

[4] Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 76.

[5] Thane Gustafson. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012, p. 90.

МЭС была чем-то вроде форсированной версии тайных фондов, созданных путинской схемой «нефть в обмен на продовольствие». Ни одна из ее операций не была прозрачной, а граница между стратегическими расходами и тем, что можно было потратить на личные нужды и взятки, удобным образом размывалась. В основном она порождала черный нал, использовавшийся для того, чтобы политика шла так, как нужно группировке силовиков в Кремле, поддерживавшей Ельцина. «Власти всегда нужны деньги. Казалось бы, есть государственный бюджет. Но если нужны средства, чтобы обеспечить нужный исход голосования в парламенте, из государственного бюджета их не получишь», – говорил мне впоследствии Скуратов.[1] Деятельность МЭС была тесно связана с Mabetex и проектом реконструкции Кремля. Когда управляющий делами президента Павел Бородин впервые попросил у правительства денег на реконструкцию Кремля, ему ответили, что в бюджете средств нет.[2] Тогда он попросил, чтобы для финансирования проекта через МЭС продавалась нефть. Но все постановления о выделении МЭС нефтяных квот – сначала на два миллиона тонн, затем еще на 4,5 миллиона – были засекречены.[3] Никакой отчетности о том, как была потрачена выручка, так и не опубликовали. А затем, словно никаких продаж нефти через МЭС и не было, правительство официально объявило, что будет финансировать реконструкцию Кремля за счет международных кредитов на 312 миллионов долларов.[4] Похоже, МЭС присвоила до 1,3 миллиарда долларов выручки от продажи нефти, и никто не мог объяснить, куда делись эти деньги.[5]

В центре всего этого находился Сергей Пугачев – кремлевский банкир, который впоследствии бежит в Лондон, а затем в Париж. Высокий, общительный мастер закулисных сделок, он сблизился с Бородиным, пока банк, соучредителем которого он был, – Межпромбанк – был главным кредитором кремлевского Управления делами.[6] В те годы Управление делами было огромной вотчиной, распоряжавшейся оставшимся у государства после распада СССР имуществом стоимостью в миллиарды долларов.[7] С помощью Пугачева оно раздавало членам ельцинского правительства квартиры и дачи, медицинские услуги и даже путевки на отдых. Это была покровительственная сеть советского образца, которая, судя по всему, распространялась и на ельцинскую «Семью»: Пугачев говорит, что через Межпромбанк купил квартиру для дочери Ельцина Татьяны.[8]

---

[1] Интервью автора со Скуратовым, май 2014 г.

[2] Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 78–79.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 80.

[5] Там же, с. 78; Скуратов ссылается на слова швейцарского прокурора Даниэля Дево о том, что МЭС, возможно, заработала на продаже нефти до 1,5 миллиарда долларов, из которых лишь 200 млн пошли на финансирование реконструкции Кремля.

[6] Интервью автора с Пугачевым; Скуратов в «Кремлевских подрядах» (с. 95) описывает тесные отношения между кремлевским Управлением делами Бородина и Межпромбанком Пугачева. По его словам, Межпромбанк был главным кредитором Управления делами президента и обслуживал иностранные кредиты под гарантии Минфина, в том числе на реконструкцию Кремля.

[7] На пресс-конференции в январе 1999 года Бородин даже оценил его активы в 600 миллиардов долларов. Эта цифра почти наверняка завышена, но Бородин утверждал, что она основана на оценке, данной ему американскими экспертами.

[8] Интервью автора с Пугачевым, май 2014 г. (Юмашев говорил, что Бородин покупал квартиры «всем» – интервью автора, октябрь 2017 г.)

Зарплаты чиновников по-прежнему были мизерными по сравнению с тем, что можно было заработать в бизнесе во время бума рыночных преобразований, и Пугачев настаивал, что деятельность Управления делами была единственным способом сохранить государственных служащих честными и удержать их от взяток. Но по сути Управление делами было главным тайным фондом Кремля, и оно давало Бородину огромную власть, в том числе возможность возвышать и ломать карьеры. «К нему стояли в очереди, – говорит Пугачев. – Если ты министр, ты ничего не получал, если Бородин тебе этого не давал. Если нужна была квартира, машина, любые ресурсы – за всем надо было идти к Бородину. Это была очень влиятельная должность».[1]

Пугачев не стал объяснять, насколько глубоко он был связан с МЭС. Но его Межпромбанк помогал финансировать эту операцию[2], а сам он был близким другом главы Русской православной церкви патриарха Алексия II и тесно работал с ним с самого его избрания.[3] Пугачев пестовал проект реконструкции Кремля и направлял каждый его шаг. Он был знатоком византийских схем финансирования ельцинского Кремля и попутно сколотил себе состояние. В начале девяностых ему каким-то образом удалось создать финансовое подразделение Межпромбанка в Сан-Франциско[4], и значительную часть года он проводил в США. Прямой доступ к западной финансовой системе еще больше расположил к нему высокопоставленных чиновников ельцинского правительства. «Я мог объяснить им, как работает западная финансовая система», – говорит он. Он снимал самый дорогой дом в Сан-Франциско, а позднее купил расписанную фресками виллу на юге Франции, высоко на холмах над заливом Ниццы. Он сблизился с ельцинской «Семьей», в особенности с дочерью Ельцина Татьяной, когда в 1996 году входил в команду, обеспечивавшую переизбрание Ельцина: он привез команду американских политтехнологов, которые провели кампанию в американском стиле, помогшую поднять падающий рейтинг Ельцина и сделавшую упор на угрозу возвращения коммунистов.[5]

---

[1] Интервью автора с Пугачевым, июнь 2018 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.; см. также: Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 95.

[3] Один из документов, переданных Пугачевым автору, – письмо патриарха Алексия II Ельцину от 21 марта 1996 года, в котором Алексий II просит Ельцина назначить Пугачева его представителем при президенте России: «Во время одной из наших последних встреч (1 февраля) я поднимал вопрос о целесообразности иметь человека, который мог бы выступать посредником между Вами и мною для более оперативного решения вопросов между Церковью и президентом с учетом сложной внутренней обстановки в стране и судьбоносного времени, в которое мы живем. На мой взгляд, таким человеком, о котором я Вам говорил, мог бы стать председатель Межпромбанка Сергей Викторович Пугачев. Я хорошо знаю С. В. Пугачева как доброго христианина, много сделавшего для помощи Церкви в ее возрождении».

[4] Финансовое подразделение Межпромбанка в Сан-Франциско называлось International Industrial Bank Corp.

[5] Среди документов, с которыми ознакомился автор, – благодарственная записка Татьяны Дьяченко Пугачеву за помощь в избирательной кампании 1996 года, а также переписка Пугачева с Фредом Лоуэллом, юристом из Сан-Франциско, тесно связанным с Республиканской партией Калифорнии. Лоуэлл привлек Джорджа Гортона, бывшего помощника губернатора Калифорнии Пита Уилсона, который работал в кампании консультантом вместе с Джозефом Шумейтом и Ричардом Дреснером. Официально их нанял вице-премьер ельцинского правительства Олег Сосковец. Но первым и самым прямым связующим звеном с ними был Феликс Брайнин, один из сотрудников Пугачева в International Industrial Bank Corp в Сан-Франциско. История американских консультантов изложена в статье: Michael Kramer. Rescuing Boris // Time, 24 июня 2001 г. Роль американских консультантов в кампании по переизбранию впоследствии вызвала споры из-за заявления Татьяны Дьяченко о том, что они преувеличили свое значение. Впрочем, вполне возможно, что она хотела преуменьшить их влияние, поскольку политически было невыгодно, чтобы стало известно о помощи американских консультантов Ельцину. Их роль в кампании держалась в тайне до выхода статьи в Time в 2001 году.

Все это время Пугачев тесно работал с владельцем Mabetex Беджетом Пацолли. По его словам, он лично курировал весь проект реконструкции Кремля – от подписания контракта до самих ремонтных работ. С самого начала размах был щедрым. Хотя Пугачев настаивал, что старался добиться для Кремля наилучшей цены, похоже, на расходы не скупились. Для воссоздания узорчатого паркета Кремлевского дворца использовали древесину двадцати трех пород. Для отделки залов закупили более пятидесяти килограммов чистого золота, а для обивки стен – 662 квадратных метра лучшего шелка.[1] Кремлю предстояло вернуть царское великолепие после десятилетий коммунистического правления, когда все сокровища дореволюционной эпохи – мозаичные полы, драгоценный декор, золоченые зеркала и люстры – были содраны и заменены самой непритязательной отделкой. Две с половиной тысячи рабочих день и ночь трудились над созданием дворца, достойного нового русского царя.[2] Каждая мелочь должна была пройти через взгляд Пугачева. Когда Ельцин спросил, зачем у его кабинета поставили урну, бросив: «Мы здесь не курим», Пугачев немедленно велел ее убрать. А когда Ельцин спросил, почему новые полы скрипят, Пугачев мягко объяснил, что теперь под ними проходят целые тоннели кабелей для сверхсекретной кремлевской связи.[3]

Когда все было закончено, приезжавшие иностранные лидеры поражались увиденному великолепию. Президент США Билл Клинтон и канцлер Германии Гельмут Коль не могли сдержать возгласов изумления, когда им показали сводчатые, покрытые сусальным золотом потолки Екатерининского зала, увешанного золотыми люстрами. «И эти люди просят у нас денег?» – заметил Коль.[4]

Реконструкция обошлась примерно в 700 миллионов долларов[5] – в то время, когда Россия получала миллиарды долларов иностранной помощи, якобы для того, чтобы выжить. Но выделенное на нее государственное финансирование было во много раз больше. Одни лишь нефтяные квоты МЭС стоили до 1,5 миллиарда долларов, а Ельцин подписал официальный указ о привлечении 300 миллионов долларов иностранных кредитов. Пугачев также надавил на первого заместителя министра финансов Андрея Вавилова, чтобы тот утвердил дополнительные гарантии на 492 миллиона долларов по программе казначейских векселей для Управления делами – по всей видимости, еще одной схеме финансирования реконструкции.[6] Ни за что из этого не было отчета.

Пугачев узнал о кредитных картах ельцинской «Семьи» вскоре после того, как Пацолли их выпустил. «Я ему сказал: „Зачем ты это сделал?“ Он думал, что если даст им карты, то будет держать их на поводке. Он понимал, что это преступно, что это будет означать, что президент по сути берет взятки».[7] По его словам, он знал и о более крупных суммах, которые, судя по всему, ушли ельцинской «Семье». Позднее выяснилось, что 2,7 миллиона долларов были переведены на два счета в Bank of New York на Каймановых островах, открытые на имя

[1] Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 60–61.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[4] Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 62.

[5] Там же.

[6] Там же, с. 81; интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г., в котором он сказал, что надавил на Вавилова, чтобы тот предоставил гарантии Минфина по облигациям.

[7] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

тогдашнего мужа Татьяны Леонида Дьяченко.[1] Юрист нефтяной компании, которой руководил Дьяченко, впоследствии заявил, что это была оплата за его работу.

Поэтому, когда холодным серым утром в конце января 1999 года швейцарские прокуроры направили вертолеты и несколько десятков фургонов с вооруженными людьми на обыск в офисах Mabetex Пацолли в Лугано и уехали с грузовиком документов, это стало, мягко говоря, потрясением.[2] Пацолли немедленно сообщил Пугачеву и Бородину, и новость отравленной стрелой долетела до дочери Ельцина Татьяны, которая в отсутствие отца исполняла обязанности неофициального главы государства, и до человека, которому предстояло стать ее мужем, – Валентина Юмашева, ласково называемого Валей, до недавнего времени руководителя администрации Кремля.[3] Для Пугачева угроза состояла во всех тех суммах, что прошли через МЭС. Для Татьяны и Юмашева дело потенциально могло вывести на кредитные карты и другие, более крупные суммы, по-видимому переведенные на частные офшорные счета.

Тихо, никого не поставив в известность, генеральный прокурор Скуратов возбудил уголовное дело о возможном хищении средств, выделенных на реконструкцию Кремля, через Mabetex.[4] Последние несколько месяцев он негласно работал со швейцарской прокуратурой, но до обыска никто не знал, что он начал расследование. Первую партию документов по делу он получил в первые же недели после августовского дефолта 1998 года. Чтобы их не перехватили, генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте переслала их ему дипломатической почтой через посольство Швейцарии в Москве.[5] Несколько недель спустя, в конце сентября, Скуратов тайно встретился с дель Понте, ускользнув из Парижа, где был с официальным визитом, чтобы увидеться с ней в Женеве. Именно там он впервые встретился с Фелипе Туровером – информатором из КГБ, с которого все и началось; вскоре тот тайно приехал в Москву, чтобы дать официальные свидетельские показания.[6] В курсе был лишь ближайший заместитель Скуратова.[7] Он также негласно советовался с премьер-министром из старой гвардии КГБ Евгением Примаковым.[8] Но как только в январе Скуратов направил поручение об обыске в Лугано, тайна раскрылась. «Все наши усилия по обеспечению конфиденциальности дела пошли прахом, – говорит он. – По швейцарским законам дель Понте должна была предъявить Пацолли международное поручение, на основании которого проводился обыск. Конечно, он тут же связался с Бородиным».[9] Туровер тоже был расстроен

[1] Paul Beckett, David S. Cloud. Banking Probe Reaches Yeltsin Family – Cayman Accounts Now Draw US Scrutiny // Wall Street Journal, 22 сентября 1999 г. Газета сообщала, что деньги на счета перечислила Belka Energy – нефтетрейдинговая компания Дьяченко, которая, в свою очередь, вела дела с Runicom, базирующимся в Швейцарии нефтетрейдером Абрамовича. Юрист Belka сообщил Washington Post (Robert O'Harrow Jr. Bank Subpoenas Trading Firm // Washington Post, 1 октября 1999 г.), что средства были выплачены за работу Дьяченко на компанию и никакой связи с преступной деятельностью не имеют.

[2] «Подробности дела „Мабетекса“» // Время МН, 28 января 1999 г.; интервью автора с Туровером, май 2013 г.; интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[4] Интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.

[5] Скуратов. «Кремлевские подряды», с. 25.

[6] Там же, с. 34–44.

[7] Там же, с. 29.

[8] Там же, с. 54–55.

[9] Интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.

внезапным концом секретности: «Ей [дель Понте] не нужно было поднимать столько шума. Не нужно было посылать все эти вертолеты. Это был сигнал Москве, что они забрали бухгалтерию».[1] С этого обыска Пугачев начал напряженную игру в кошки-мышки, чтобы добиться отставки Юрия Скуратова с поста прокурора и закрытия дела. Тогда же Пугачев – и ельцинская «Семья» – начали шахматную партию за собственное выживание, которая помогла привести к власти Владимира Путина. Это был переломный момент, когда они поняли, что находятся в полной осаде. «Им понадобилось всего четыре дня, чтобы организоваться», – говорит Скуратов.[2]

* * *

Когда Пугачев оглядывается назад и вспоминает все это, говорит он, отдельные эпизоды сливаются в одно расплывчатое пятно: бесконечные телефонные звонки, встречи, затягивавшиеся далеко за полночь. Некоторые даты перепутались, запомнились лишь по времени года, по погоде за окном. Но сами встречи, важные встречи, он помнит отчетливо – они навсегда врезались ему в память. Другие записаны в его дневниках тех лет.[3] Это были дни, когда решалось будущее России, когда Пугачев, уверенный, что противостоит угрозе захвата власти союзом Примакова с коммунистами – и одновременно спасает собственную шкуру и шкуру ельцинской «Семьи», – действовал так быстро, что не заметил, как в конечном счете помогает возвращению КГБ. Рассказ Пугачева – это никогда прежде не звучавшая история о том, как Путин пришел к власти, увиденная изнутри. Та самая история, которую ельцинская «Семья» никогда не хотела предавать огласке. Ко времени обыска в Mabetex политическая звезда Примакова восходила, а союз, который он заключил с могущественным мэром Москвы Юрием Лужковым и другими губернаторами, уже грозил опустить занавес над ельцинским режимом. Уголовное дело Скуратова могло дать им еще более мощное оружие.

Годами Пугачев выстраивал собственную сеть в Генеральной прокуратуре. Как и любое могущественное российское ведомство, это был змеиный клубок, где заместители боролись за место под солнцем и собирали компромат друг на друга. Особым союзником Пугачева был Назир Хапсироков – хитроумный руководитель собственного управления делами прокуратуры, своего рода уменьшенной копии кремлевского Управления делами Бородина. Обладая правом раздавать прокурорам квартиры и другие блага, Хапсироков, мастер интриги, мог возвышать и ломать карьеры в прокуратуре так же, как Бородин и Пугачев – в Кремле. «По сути, он был моим человеком в прокуратуре, – говорит Пугачев. – Он приносил мне всю информацию. Он сказал мне, что против Ельцина готовится восстание. Потом он принес мне кассету. Сказал: „Там Скуратов с девочками“».[4] Поначалу, по словам Пугачева, он не поверил Хапсирокову: такая кассета была бы абсолютным компроматом, достаточно мощным, чтобы стоить Скуратову должности и закрыть дело Mabetex.

Пугачев отвез кассету к себе в офис, но, не привыкший сам обращаться с техникой, никак не мог запустить ее на видеомагнитофоне – он долго возился с настройками, пытаясь найти нужный канал. В конце концов пришлось позвать на помощь секретарш. Как только им

[1] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

[2] Интервью автора со Скуратовым, октябрь 2013 г.

[3] Среди записей в дневнике за этот период, с которыми ознакомился автор, – три дня встреч с «Таней» и «Валей», как ласково называли Дьяченко и Юмашева, начиная с 27 января 1999 года, сразу после обыска в Mabetex, а также многочисленные другие встречи с Валей, Таней, «Березой» (как называли Березовского), Путиным и Волошиным на протяжении всего года.

[4] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

удалось включить запись, он пожалел, что их в это втянул. Зернистые кадры, на которых круглый генеральный прокурор голым резвился на кровати с двумя девицами, по всей видимости проститутками, являли собой мрачное зрелище. Пугачев, покраснев, откашлялся. Но секретарши все-таки сделали копию кассеты. Пугачев считает, что это был решающий момент. «Если бы мы не сделали копию, ничего этого бы не случилось, – говорит он. – История пошла бы иначе. Путин не был бы у власти».

По его словам, оригинал кассеты он передал Валентину Юмашеву – зятю Ельцина и бывшему руководителю его администрации, который за кулисами фактически продолжал занимать ту же должность.[1] Юмашев должен был отнести ее Николаю Бордюже – бывшему генералу пограничных войск, недавно официально назначенному руководителем администрации Кремля вместо Юмашева. Бордюжа должен был вызвать Скуратова, рассказать ему о кассете и сообщить, что его поведение несовместимо с должностью генерального прокурора.

Всегда склонный преувеличивать свою роль, Пугачев говорит, что больше никто не знал, как действовать: «Они все еще тряслись». Бордюжа, испытывая неловкость, провел встречу со Скуратовым, и тот тут же согласился уйти в отставку. Затем Бордюжа отдал ему кассету, как бы давая понять, что все это следует забыть по-дружески.

Но вместо того чтобы обеспечить отставку Скуратова, та встреча в Кремле вечером 1 февраля привела к бесконечному противостоянию. Должность генерального прокурора была защищена особыми законами, призванными закрепить ее независимость. Чтобы отставка Скуратова вступила в силу, ее должен был принять Совет Федерации, верхняя палата парламента. Но многие сенаторы того времени уже вставали на сторону Примакова и мэра Москвы Юрия Лужкова против Кремля. Они были полны решимости защитить Скуратова. Пока он неделями не показывался на людях – по всей видимости, проходя лечение в Центральной клинической больнице, – Совет тянул с голосованием по его отставке.

К тому времени ельцинская «Семья» уже имела дело с началом возможного переворота. Всего через несколько дней после январского обыска в Mabetex Примаков бросил перчатку, публично оспорив власть Ельцина. При поддержке парламента он предложил политический пакт о ненападении – якобы для того, чтобы снять нараставшую напряженность между возглавляемой коммунистами Государственной думой и Кремлем.[2] Дума должна была согласиться прекратить процедуру импичмента и отказаться от своего конституционного права отправить правительство в отставку вотумом недоверия – по крайней мере до парламентских выборов в конце года. В обмен Ельцин отказался бы от права распустить Думу

[1] В интервью в октябре 2017 года Юмашев признал, что кассету, возможно, добыл Пугачев, но вдаваться в подробности не стал: «Я не знаю, кто нашел кассету. Наверное, это был Пугачев, потому что у него были хорошие отношения с Хапсироковым. А Хапсироков был начальником управления делами прокуратуры». Юмашев сказал, что «вполне возможно», это было важно для Пугачева, поскольку тот через работу с Бородиным был как-то причастен к делу Mabetex. Но он настаивал, что дело не повлияло на решение Кремля убрать Скуратова: «Повторяю, для Ельцина – и в наших разговорах с бизнесом, с Чубайсом, с Гайдаром – было важно то, что генеральный прокурор превратился в инструмент для бизнеса, вместо того чтобы заниматься настоящими уголовными делами. Скуратов из-за человеческих слабостей, связанных с тем, что он думал, будто может вести дела с людьми, которые давали ему взятки и проституток, потерял независимость. Позиция Кремля была такова: генеральный прокурор, которым можно манипулировать, не имеет права занимать такую должность». В 2000 году Хапсироков перешел на работу к Пугачеву в Межпромбанк, а в 2001 году был назначен помощником Волошина, тогда руководителя администрации Кремля.

[2] David McHugh. Primakov Plan Sees Sidelined President // Moscow Times, 27 января 1999 г.

и отправить в отставку правительство Примакова. Ельцина возмутило это предложение, согласованное и объявленное вообще без его ведома. «Поскольку все это произошло у него за спиной, он был совершенно ошеломлен, – говорит Юмашев, в те дни по-прежнему самый доверенный посланник Ельцина.[1] – Главное, что Примаков уже не скрывал от людей, работавших с Ельциным, что намерен стать следующим президентом». Хуже того, Примаков предложил также предоставить Ельцину иммунитет от будущего уголовного преследования за любые противоправные деяния, которые он мог совершить за восемь лет своего правления. Как будто он считал, что Ельцин уже согласился уйти.

Трения между Примаковым и ельцинской «Семьей» возникли сразу. Примаков нагнал на них холодный ужас, когда за несколько часов до того, как Скуратова вызвали в Кремль и предложили подумать об отставке из-за компрометирующей кассеты, призвал освободить место в российских тюрьмах для бизнесменов и коррумпированных чиновников.[2] «Мы понимали, что если он действительно придет к власти, у него в голове совершенно другая конструкция страны», – говорит Юмашев.[3] А когда на следующий день, в последнем жесте неповиновения, всего за несколько часов до объявления о своей отставке, Скуратов направил прокуроров с обыском в нефтяную компанию «Сибнефть», этот ход был явно направлен против них.[4] Давно ходили подозрения, что отношения «Сибнефти» с ельцинской «Семьей» слишком тесны, что компания стала для ее владельца Бориса Березовского основой, позволившей ему превратиться в образцового олигарха-инсайдера. «Сибнефть» продавала нефть через две торговые компании: одна из них, Runicom, принадлежала деловому партнеру Березовского Роману Абрамовичу; другой, более безвестной Belka Trading, владел и руководил тогдашний муж Татьяны Леонид Дьяченко.[5] «Обыск в „Сибнефти“ был смертельно опасен для ельцинской „Семьи“», – говорит один близкий соратник Березовского.[6] Явно стремясь ограничить ущерб, они начали дистанцироваться от Березовского, ставшего для них политически токсичным.

Юмашев ушел с поста руководителя администрации еще в декабре.[7] По его словам, он сделал это, когда впервые понял, что Примаков метит в президенты, а это далеко выходило за рамки их договоренности, когда Ельцин впервые выдвинул его на пост премьера. Они рассчитывали, что Примаков будет временным премьер-министром, пока Юмашев и Ельцин подыскивают подходящего преемника на президентский пост. «Это была моя личная ответственность, что Примакова привели, – говорит Юмашев. – А теперь он вел себя в нарушение всех наших договоренностей».[8] Высказывались и предположения, что замена Юмашева на посту руководителя администрации силовиком – офицером-пограничником Николаем Бордюжей – была частью попытки смыть с ельцинского правления пятно «Семьи».

---

[1] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[2] Simon Saradzhyan. Primakov to Clear Jails for Corrupt // Moscow Times, 2 февраля 1999 г.

[3] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[4] Simon Saradzhyan. Prosecutor Resigns as Sibneft Oil Raided // Moscow Times, 3 февраля 1999 г.

[5] Michael Wines. Yeltsin Son-in-law at Center of Rich Network of Influence // New York Times, 7 октября 1999 г.

[6] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[7] Юмашев уступил место Николаю Бордюже, также представителю спецслужб, у которого были гораздо более близкие отношения с Примаковым.

[8] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

Сергей Пугачев утверждает, что взял на себя попытку закулисно договориться с Советом Федерации, чтобы Скуратова убрали с глаз долой.[1] Но политически влиятельные губернаторы в Совете консолидировались вокруг Примакова и Лужкова против Кремля. Тем временем все нараставшее напряжение вокруг расследования Скуратова начинало доходить до верхних этажей ельцинского Кремля. В ужасе от того, куда оно может привести, его обитатели начали один за другим выбывать из строя. Сначала Ельцин снова попал в больницу – с кровоточащей язвой. Затем в Центральной клинической больнице после, по всей видимости, сердечного приступа оказался Николай Бордюжа, а вскоре к нему присоединился и Павел Бородин – простоватый управляющий делами Кремля и главная фигура расследования по Mabetex.[2] Кремль стремительно пустел, и в образовавшемся, казалось бы, вакууме Скуратов тихо вернулся на работу.[3]

9 марта, больше чем через месяц после того, как Скуратов должен был уйти, Совет Федерации наконец назначил голосование по его отставке.[4] И все же усилия Пугачева обеспечить голоса губернаторов за его смещение снова провалились. В день голосования, 17 марта, Скуратов неожиданно явился в Совет и выступил с разгромной речью, заявив, что подвергается нападкам могущественных врагов из окружения российского президента, и призвав сенаторов отклонить его отставку.[5] Сенаторы почти единогласно проголосовали против отставки. Слухи о кассете, компрометирующей Скуратова, уже просочились в СМИ. Но, уязвленные провалом голосования, Юмашев и все еще малоизвестный Владимир Путин, назначенный прошлым летом директором ФСБ, по словам Пугачева, взяли дело в свои руки. Они передали копию кассеты федеральному телеканалу, который показал ее миллионам зрителей по всей стране, нисколько не заботясь ни о стыдливости Скуратова, ни о чувствах его семьи. Им просто нужно было, чтобы он ушел. «Скуратов – идиот, – говорит Пугачев. – Мы хотели решить все прилично, а он уперся».[6] Именно тогда, по словам Пугачева, он впервые по-настоящему обратил внимание на Путина. На следующий день после показа видео Путин вместе с министром внутренних дел Сергеем Степашиным провел пресс-конференцию, на которой заверил, что запись подлинная. В отличие от ясной, напористой манеры Путина Степашин не отрывал глаз от пола, словно стыдясь своего участия в этом спектакле. Пугачев говорит, что именно тогда начал видеть в Путине человека, на которого можно положиться.[7] «Он говорил очень хладнокровно. По телевизору он выглядел героем. Тогда я впервые обратил на него внимание. Никто тогда о нем не думал. А я подумал: по телевизору он хорошо смотрится. Сделаем его президентом».[8] Несмотря ни на что, Скуратов по-прежнему оставался на своем посту и усиливал давление по делу Mabetex. 23 марта, когда швейцарский прокурор Карла дель Понте вновь была в Москве, напряжение достигло точки кипения. Скуратов

[1] Интервью автора с Пугачевым, январь 2015 г.

[2] Sarah Karush. Kremlin Rulers Set Up at Elite Hospital // Moscow Times, 17 марта 1999 г.

[3] Natalya Shulyakovskaya. Prosecutor Skuratov Slips Back to Work // Moscow Times, 10 марта 1999 г.

[4] Швейцарский прокурор Карла дель Понте позвонила Скуратову и сообщила, что обыски в Mabetex, как они и надеялись, позволили обнаружить копии кредитных карт ельцинской «Семьи», оплаченных и гарантированных Пацолли. Хотя прямые доказательства связи расследования с «Семьей» тогда не были преданы огласке, все было готово для бунта.

[5] David McHugh. Upper House Reinstates Prosecutor // Moscow Times, 18 марта 1999 г.

[6] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[7] Там же.

[8] Интервью автора с Пугачевым, июнь 2018 г.

направил группу прокуроров изымать документы в Управлении делами Бородина, а также в московском офисе Mabetex.[1] Обыск, проведенный прокурором в кремлевском ведомстве, был беспрецедентным. «Семья» – а также Бородин и Пугачев – были в шоке. Спектакль и без того выглядел зловеще, но старая гвардия хотела еще кое-что доказать. В тот же день видный депутат-коммунист Виктор Илюхин еще на одну ступень усилил давление, созвав пресс-конференцию, на которой заявил, что получил доказательства того, что часть кредита Международного валютного фонда в 4,8 миллиарда долларов, выданного России в разгар финансового кризиса 1998 года, была выведена в компании, связанные с ельцинской «Семьей», в том числе 235 миллионов долларов – через, по всей видимости, австралийский Bank of Sydney – в компанию, 25 процентов которой принадлежали Леониду Дьяченко.[2] Шумиха в СМИ достигла апогея; политологи говорили, что уже не уверены, сможет ли Ельцин рассчитывать на поддержку армии.

По словам Пугачева, он снова отправился в Совет Федерации добиваться повторного голосования по отставке Скуратова.[3] Но бывший сенатор-коммунист, возглавлявший Совет, вновь дал понять, что у него есть более могущественные покровители. Тогда Пугачев пошел к мэру Москвы Лужкову, чье слово имело все больший вес у сенаторов верхней палаты. Но Лужков с самого августовского финансового кризиса пытался настроить парламентское голосование против Кремля. У него появились собственные властные амбиции, говорит Юмашев: «Лужков активно работал в Совете Федерации. Он говорил главам регионов: „Я буду президентом, и я дам вам вот это и сделаю для вас вот это. Мы боремся с президентом, и генеральный прокурор для нас – мощный ресурс“. По сути, шла борьба за будущее президентства».[4] «Лужков хвастался, что за ним стоят 40 000 человек из московского ГУВД, а также местное ФСБ, – говорит Пугачев.[5] – Примаков и Лужков работали над тем, чтобы заручиться поддержкой десятков тысяч человек из среднего звена армии. Это начинало походить на настоящий государственный переворот». Один российский магнат, близкий к Лужкову, говорит, что политический вес московского мэра действительно стремительно рос: «На фоне барахтающегося Ельцина было ясно, что он – новый центр власти. К нему стали приходить маршалы и генералы. Приходили поклониться новому царю. Просили у него указаний».[6]

То, что произошло дальше, по уверениям Пугачева, было продиктовано самыми благими намерениями. По его словам, он не мог позволить Примакову и его команде прийти к власти и поставить под угрозу свободы ельцинских лет; он почувствовал запах советского застоя и коррупции, как только Примаков и его люди вошли в Белый дом: «Первое, что они сделали, – стали просить взятки. Я потратил столько сил на то, чтобы демократы остались у власти, а коммунистов не пустили», – говорит он, имея в виду свои усилия в избирательной кампании Ельцина 1996 года. «Нужно понимать, что ельцинская „Семья“ были нормальные люди. Это ничто по сравнению с коррупцией, которую вы видите сегодня. Моя идея была в том, чтобы не дать всему рухнуть».[7] Но страх перед денежным следом, по которому шел Скуратов, и перед тем, куда он может привести, несомненно, весил еще больше.

[1] Sarah Karush. Prosecutor Steps Up Pressure on Yeltsin // Moscow Times, 24 марта 1999 г.

[2] «Илюхин нашел счета Ельцина» // Коммерсантъ, 24 марта 1999 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[4] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[5] Интервью автора с Пугачевым, январь 2015 г.

[6] Интервью автора с российским магнатом, близким к Лужкову, апрель 2018 г.

Утром 1 апреля Скуратов передал Ельцину доклад о том, что он назвал незаконными швейцарскими банковскими счетами двадцати четырех россиян.[1] К вечеру ельцинский Кремль предпринял новую попытку сместить Скуратова. Заместителя Скуратова Юрия Чайку и главного военного прокурора Юрия Демина вызвали в кабинет руководителя администрации Кремля, которым к тому времени был соратник Березовского Александр Волошин – щуплый бородатый экономист.[2] Там, по словам Пугачева, Волошин вместе с Путиным, Николаем Патрушевым, который поднимался вместе с Путиным по ступеням петербургского КГБ и последние четыре года занимал высокие должности в ФСБ, и самим Пугачевым стали давить на них, чтобы те возбудили уголовное дело против Скуратова. Они хотели, чтобы его отстранили за развлечения с проститутками. Чайка и Демин были напуганы. «Они не понимали, зачем их позвали. Это было как совещание глухих и слепых, – говорит Пугачев. – Оба были перепуганы. „Как мы можем возбудить уголовное дело против генерального прокурора?“ – говорили они. Они смотрели, кто был на совещании. Путин тогда был никто, Патрушев был никто. Они смотрели на нас и думали: „Окажемся крайними, а потом нас обвинят в организации государственного переворота“. Я видел, как у них это крутится в головах. Я это понял за пять минут. Поэтому я стал вызывать их по одному». По его словам, он прошел в переговорную напротив кабинета Волошина. Сначала вызвал Чайку. «Я спросил его: „Что вы хотите, чтобы возбудить уголовное дело?“ Но увидел, что шансов нет. Тогда я вызвал Демина и спросил: „Вы готовы стать генеральным прокурором?“» Видя, что его предложения щедрых наград и повышений в обмен на сотрудничество почти не действуют, Пугачев попросил их хотя бы подробно объяснить, что нужно, чтобы возбудить уголовное дело. «Мы разговаривали шесть часов, перебирая все. Они говорили, что только генеральный прокурор может возбудить дело против генерального прокурора. Я сказал Чайке: „Смотрите, вы первый заместитель и станете исполняющим обязанности генерального прокурора. Вы можете возбудить дело против бывшего генерального прокурора“. Но он сказал: „Нет, это должен утвердить Совет Федерации“. Я сказал, что если не будет уголовного дела, Совет Федерации ничего не утвердит. И мы часами ходили по кругу. Я понял, что с ними иметь дело невозможно, что ничего не выйдет». Было уже за полночь, и варианты у Пугачева стремительно заканчивались. Оставалась одна возможность. Глубокой ночью он позвонил домой прокурору Москвы. «Я сказал: „Вы мне нужны“. Он сказал: „Да, Сергей Викторович, что вам нужно?“ Я ответил, что не могу сказать по телефону. Но он снова спросил, в чем проблема. Сказал: „Вы должны мне сказать“. Тогда я отправил к нему домой одного из своих людей с запиской».[3] Но московский прокурор, похоже, не горел желанием откликаться лично. Пугачев считает, что ему позвонил Чайка и предостерег его. Когда немного позже Пугачев снова ему позвонил, тот посоветовал вместо этого обратиться к дежурному прокурору.

Им оказался Вячеслав Росинский – бесцветный человек в очках, который в ту ночь был в ужасном состоянии. Он пил: его дочь недавно покончила с собой, повесившись в своей квартире, и он все еще горевал. Но Пугачев все равно послал за ним машину, чтобы привезти его в Кремль. Когда Росинского везли через кремлевские ворота, говорит Пугачев, «он был ошарашен. Он понятия не имел, куда его везут. Когда он добрался до моего кабинета, он сидел в пьяном оцепенении. Был совсем подавлен. Но я сказал ему: „Смотрите, все очень просто. Вы

[7] Интервью автора с Пугачевым, январь 2015 г.

[1] Позднее выяснилось, что среди них был и Бородин.

[2] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[3] Там же.

можете возбудить уголовное дело против генерального прокурора“. Я показал ему постановление», – которое, разумеется, было подготовлено заранее. «Он сказал, что нужно изменить. А потом подписал».[1]

Пугачев стал думать, что можно предложить взамен. «Я сказал ему, что не могу сразу сделать его заместителем генерального прокурора. Но он сказал: „Ничего. Я этого не хочу. Если можно, я бы хотел стать прокурором Москвы“». Пугачев пообещал это устроить. И хотя в итоге ему это не удалось, это уже не имело значения. Уголовное дело обвиняло Скуратова в превышении должностных полномочий и повлекло его немедленное отстранение Ельциным. Его позиции пошатнулись еще больше, когда проститутки с записи показали, что за них заплатил родственник бизнесмена и банкира, находившегося под следствием Скуратова.

Некоторое время Скуратов еще отчаянно сопротивлялся отстранению. Он называл запись фальшивкой, а уголовное дело – политической подставой, призванной помешать ему расследовать коррупцию на кремлевском верху. Он заявлял, что дело было возбуждено незаконно, – и военная прокуратура Москвы, привлеченная к расследованию, с ним согласилась. Совет Федерации и при повторном голосовании, уже после возбуждения уголовного дела, отклонил его отставку. Недавно назначенный руководитель администрации Волошин выступил с провальной речью, спотыкаясь и запинаясь под выкрики сенаторов. Второе поражение Кремля на следующий день все газеты подали как конец ельцинской власти. «Сегодня, 21 апреля 1999 года, президентская власть в России рухнула», – заявил один из видных губернаторов.[2]

Казалось, Примаков и его коалиция возглавляемой коммунистами Думы и региональных губернаторов в Совете Федерации – а также люди из КГБ, раскручивавшие дело Mabetex, – загнали «Семью» в угол. Но в какой-то момент они, похоже, зашли слишком далеко. По словам Пугачева, он пытался запугать Лужкова и Примакова, чтобы те отступили, грозя обвинениями в организации государственного переворота, и одновременно договорился с Юмашевым, что на всякий случай сможет предложить Лужкову пост премьер-министра.[3] Но маневры Пугачева ни к чему бы не привели, если бы на политическую сцену не вернулся и не взревел Ельцин.

Месяцами Ельцин то ложился в больницу, то выписывался, еще больше ослабляя свои позиции по отношению к Примакову, который, как считалось, в его отсутствие взял бразды правления в свои руки. Но к апрелю он собрался с силами для последней схватки. Всего за три дня до начала слушаний по импичменту в Думе Ельцин со звериным инстинктом выживания и любовью к эффектным политическим ходам решил, что пора действовать. Он вызвал Примакова в Кремль и объявил ему об отставке. Его место должен был занять министр внутренних дел Сергей Степашин, близкий соратник Ельцина еще с первых дней

[1] В «Кремлевских подрядах» (с. 354–356) Скуратов излагает события той ночи несколько иначе. По его словам, позднее он узнал (от заместителя, говорившего с Росинским), что Росинского действительно привезли сотрудники ФСБ в Кремль в 2 часа ночи, но провели к Волошину, который показал ему запись, а затем заранее подготовленное уголовное дело. Волошин велел ему поработать над ним в пустовавшем кабинете Татьяны Дьяченко и сказал, что если возникнут трудности, под рукой есть два заместителя генерального прокурора. Согласно этой версии, в кабинете у Волошина находились Путин и Степашин, а машины Чайки и Демина в ту ночь видели припаркованными в Кремле. Пугачев не упоминается. Впрочем, возможно, что Росинский не упомянул Пугачева, если именно тот обещал ему вознаграждение. (Скуратов также считает, что все это произошло потому, что на следующий день прокуратура планировала арестовать Березовского.)

[2] Valeria Korchagina. Yeltsin Loses Vote to Oust Skuratov // Moscow Times, 22 апреля 1999 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2015 г.

демократического движения, одним из первых возглавлявший ФСБ. Хотя СМИ давно гадали, не сделает ли Ельцин такой ход, это все равно стало потрясением. Ельцин выжидал до последнего. «Он понимал, что если подождет еще три дня, может быть слишком поздно», – говорит Пугачев.[1] «Дума была абсолютно не готова, – говорит Юмашев. – Многие наши коллеги в Кремле считали, что это самоубийство, что мы еще больше настроим Думу против себя. Но на самом деле произошло обратное. Мы показали всю силу Ельцина. Он совершенно спокойно увольнял такую мощную силу, как Примаков, и Дума присмирела перед этой демонстрацией силы».[2] Примаков ничего не мог поделать, а его отставка выбила почву из-под ног Думы.[3] На фоне опасений, что Ельцин может распустить парламент, голосование по импичменту несколько дней спустя провалилось.

План А КГБ провалился. «В этой схеме президентом должен был стать Примаков, – вздыхает Туровер. – Во время второго голосования в Совете Федерации по Скуратову он должен был встать и сказать: „Президент – вор“. Он должен был предъявить доказательства. Этого было бы достаточно. Слушания по импичменту уже были назначены. Ему достаточно было встать и сказать: „У меня есть законные полномочия, чтобы все это прекратить“. У него были все доказательства. Но у него не хватило духу. В последний момент он струсил».[4]

Хотя Скуратов настаивал, что никогда не вел политической игры, а лишь стремился положить конец коррупционным делам в Кремле, он прекрасно понимал, что Примаков мог бы покончить с правлением Ельцина: «Тогда было два центра власти. С одной стороны – законодательная власть, Совет Федерации и правительство России во главе с Примаковым, и московская мэрия. А с другой – Ельцин на вершине власти и „Семья“. И конечно, если бы Совет Федерации и Примаков договорились и надавили, „Семья“ бы уползла. Все поддержали бы Примакова. Спецслужбы поддержали бы. „Семья“ разбежалась бы, как тараканы. А Ельцин по состоянию здоровья передал бы президентские полномочия Примакову, и страна была бы другой. Но Примаков… он очень осторожный человек. Возможно, ему не хватило решительности. Он не боролся за страну до конца».[5]

План Б

Евгений Примаков всегда был человеком консенсуса, искушенным дипломатом, не любившим раскачивать лодку. Ему уже шел семидесятый год, и он на время отступил в тень, по-видимому смирившись с временным поражением. Казалось, ельцинский Кремль получил передышку.

Но если Примаков был планом А для возвращения КГБ к власти, то наготове ждала другая возможность. Случайно или намеренно, сочетание юридических угроз, страхов, соперничества и чистого политического расчета привело к захвату России куда более безжалостным поколением людей из КГБ. «Семья» застряла в убеждении, что заменить

[1] Там же.

[2] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[3] Ельцин хотел уволить Примакова еще несколькими месяцами раньше, зимой. Но помощники, по словам Юмашева, его удержали: «Мы понимали, что зимой за Примаковым еще стояли мощные силы, а Кремль был еще слаб. Зимой последствия дефолта еще не прошли. А к весне стало ясно, что мы выходим из кризиса и можно делать жесткие политические шаги».

[4] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

[5] Интервью автора со Скуратовым, июнь 2014 г.

Примакова может только выходец из силовых структур. «После Примакова невозможно было назначить либерала, – говорит Юмашев. – Нужен был кто-то, кого Дума – и общество – воспримут как сильную фигуру, как Степашин, который был генералом».

Но Сергей Степашин был, пожалуй, самым либеральным из всех руководителей российских силовых структур – он даже вступал в прогрессивную думскую партию «Яблоко». Несмотря на службу в МВД в советское время, по образованию он был историком и давно был близок к Ельцину. Они работали вместе с тех пор, как Ельцин поручил ему возглавить федеральное расследование роли КГБ в провалившемся августовском путче. Но для Юмашева и Пугачева Степашин всегда был лишь временной кандидатурой. Степашин, по словам Пугачева, был «вялым». Он не верил, что Степашин достаточно решителен, чтобы предпринять действия, необходимые для их защиты: «Мне казалось, что он будет идти на компромиссы с коммунистами».[1] Юмашев говорит, что у него тоже стали возникать сомнения насчет Степашина. Их раздражала близость Степашина к Анатолию Чубайсу – бывшему руководителю администрации Кремля и «царю приватизации», давнему сопернику в борьбе за благосклонность Ельцина. До конца июня часть ельцинской «Семьи» носилась с идеей другого кандидата – министра путей сообщения Николая Аксененко, который, как они считали, будет решительнее защищать их интересы. Но Ельцин вскоре его сильно невзлюбил.

Тем временем, по словам Пугачева, он давно продвигал своего кандидата – человека, которого считал самой надежной и преданной парой рук. Он ставил на Владимира Путина, в котором впервые увидел возможного преемника, когда тот так хладнокровно разобрался с кассетой Скуратова и проституток. Впервые они мельком встретились в Санкт-Петербурге в начале девяностых, а ближе познакомились, когда Путина назначили заместителем Бородина в кремлевском Управлении делами. Там, по словам Пугачева, они работали вместе каждый день. Межпромбанк Пугачева участвовал в привлечении средств для управления зарубежной собственностью, которое возглавлял Путин (хотя чем именно занимался банк, Пугачев уточнить отказался).[3] Из своего кабинета – маленькой комнаты в бывшем здании ЦК на Старой площади – Путин должен был разбираться в огромных зарубежных владениях, доставшихся России после распада Советского Союза. Там были дворцы торгпредств, через которые шла кровь экспортной экономики СССР. Там были посольства и стратегические военные базы, склады оружия и тайные конспиративные квартиры КГБ. Многие из этих владений в хаосе распада разграбили КГБ и организованная преступность. Они должны были числиться на балансе Министерства иностранных дел, но никакого учета никогда не велось. Задача Путина состояла в том, чтобы вернуть эту собственность на баланс, но удалось ли ему это, неизвестно. Управление зарубежной собственности находилось в самом сердце стратегических интересов КГБ, и хотя Пугачев утверждал, что Путин не имел ни малейшего представления о махинациях с тайными фондами через Mabetex или МЭС – нефтетрейдера, получившего экспортные сделки на миллиарды долларов, – это далеко не очевидно.

---

[1] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г. Беспокоило и то, что Степашин продолжал поддерживать отношения с Примаковым, с которым был близок еще с тех пор, как возглавлял ФСБ.

[2] Степашин впоследствии утверждал, что ему с самого начала дали понять, что его могут заменить Аксененко (интервью Степашина «Независимой газете», 14 января 2000 г.); Пугачев, однако, утверждает, что Аксененко всегда был лишь маргинальным кандидатом, а Ельцину не нравилась его агрессивная манера, напоминавшая манеру советского директора завода.

[3] Там же; в «Кремлевских подрядах» Скуратова также говорится, что банк Пугачева был крупнейшим кредитором Управления делами.

Они оставались близки, пока Путин продолжал свое головокружительное восхождение в Кремле – сначала начальником Главного контрольного управления, а затем, с июля 1998 года, директором ФСБ. Все это время, по словам Пугачева, Путин был его протеже. Его привлекательность состояла в том, что Пугачев знал его как человека, которому можно отдавать приказы: «Он был послушен, как собака».[1]

Поначалу, по утверждению Юмашева, он «вообще не думал о Путине» как о кандидате и продвигал Аксененко.[2] Но о способностях Путина он знал всегда. Как руководитель администрации Кремля, он курировал и одобрял каждый ключевой этап восхождения Путина, и между ними сложились близкие отношения. К марту 1997 года Путин был заместителем руководителя администрации Кремля. Но он всегда казался скромным, говорит Юмашев, и, в отличие от большинства других чиновников, не стремился к карьерному росту: «Среди моих заместителей он был одним из самых сильных. Он всегда работал блестяще. Но в какой-то момент он пришел ко мне и сказал, что хочет уйти. Я попросил его не уходить. Он сказал мне: „Я в этой работе разобрался. Хотел бы найти что-то новое“».[3] Вскоре после этого, в мае 1998 года, Юмашев назначил Путина на третью по влиятельности должность в Кремле – первого заместителя руководителя администрации, курирующего регионы, – что сделало его контакты с Ельциным более частыми. А всего через два месяца Юмашев перевел Путина на пост директора ФСБ.

Это было первое свидетельство абсолютного доверия Юмашева – и «Семьи» – к Путину. В те дни, всего за месяц до финансового кризиса августа 1998 года, над ельцинской администрацией уже стремительно сгущались тучи. Страну охватила волна забастовок шахтеров из-за невыплаченных зарплат, начинавшая перекидываться и на атомную отрасль. Шахтеры перекрыли Транссибирскую магистраль – жизненно важную артерию российской экономики. Предшественника Путина на посту директора ФСБ считали близким к коммунистам, и тем летом, когда забастовки ширились, нависала угроза экономического кризиса, а в парламенте уже заговорили об импичменте, для ельцинского Кремля было крайне важно иметь во главе спецслужб своего человека.[4] То, что Путин был всего лишь

[1] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[2] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г. Юмашев имел в виду период с декабря 1998 по март 1999 года, сразу после того, как он ушел с поста руководителя администрации, уступив место Бордюже, а затем Волошину: «Главной задачей в это время было найти человека, который будет президентом… А Путин в этот момент – я вообще не думал о Путине. По ходу у меня было несколько мыслей о том, кто может быть президентом. Например, у меня была идея, что это может быть [Сергей] Ястржембский. Если бы не этот кризис [связанный с поддержкой Ястржембским Лужкова], одним из сильнейших кандидатов мог бы быть Ястржембский. Он блестяще говорил. Он был красивый и интересный. Он был абсолютный либерал… И, честно говоря, я смотрел, кто есть в правительстве, а в правительстве были кандидаты, которые могли бы стать президентом. Например, был Аксененко [министр путей сообщения], абсолютный трудоголик. Единственная отрасль, которая, несмотря на страшный кризис, продолжала хорошо работать, была железная дорога – благодаря организаторским талантам Аксененко… По своему пониманию того, что нужно делать с рынком, и идеологически он подходил». Кроме того, по словам Юмашева, к тому времени, когда Ельцин в мае назначил Степашина премьер-министром, Путин «был кандидатом. Но не главным кандидатом… Степашин возник в этот момент потому, что Ельцин считал, что у него есть политический опыт, и Чубайс очень активно его поддерживал. Мнение Чубайса было очень важно для Бориса Николаевича. Путин продолжал работать секретарем Совета безопасности и, конечно, не мечтал стать президентом».

[3] Там же.

[4] Еще более темные силы во главе с мятежным генералом Львом Рохлиным, разочарованным напрасными потерями и кровопролитием чеченской войны, подозревались в подготовке переворота против Ельцина в начале

подполковником, а не генералом, замяли, объявив его первым гражданским директором ФСБ. Тем кризисным и мутным летом это сошло им с рук.

Юмашев настаивал, что всегда был убежден в демократических убеждениях Путина. Больше всего его поразила, по его словам, упорная верность Путина своему бывшему наставнику и начальнику, бывшему мэру Санкт-Петербурга Анатолию Собчаку. Один эпизод в ноябре 1997 года запомнился ему больше всех других: «Почему я так настойчиво рекомендовал его [на пост директора ФСБ]? Потому что был эпизод, когда он работал начальником Контрольного управления, пришел и сказал: „Собчака собираются арестовать, и я должен его спасти“. Он сказал: „Я должен вывезти его из страны, потому что силовики – прокуратура, МВД и ФСБ – должны арестовать его в ближайшие два-три дня“. И ему, и мне было абсолютно ясно, что шансы, что его поймают, пятьдесят на пятьдесят. Я сказал ему: „Владимир Владимирович, вы понимаете, что если вас поймают, вы лишитесь должности и, возможно, никогда больше не найдете работу. Вы идете против закона“».[1]

Путин, однако, стоял на своем. Он настаивал, что дело против Собчака сфабриковано и является лишь частью кампании по его очернению, развернутой силовиками старой закалки еще в 1996 году, перед выборами мэра Санкт-Петербурга, потому что они ненавидели его идеологически. Тогда против Собчака было возбуждено уголовное дело по обвинению во взяточничестве.[2] Но о чем не говорили ни Путин, ни Юмашев, пересказывая эту историю, так это о риске, что арест Собчака может вывести на самого Путина. Невозможно было предсказать, куда это приведет, если бы какая-нибудь соперничающая группировка вознамерилась его достать.[3]

Путин организовал тайный вывоз Собчака из больницы в праздничный день, когда никто ничего не замечал. Он вывез его на частном самолете, который, по словам одного осведомленного человека, принадлежал его близкому соратнику Геннадию Тимченко – предполагаемому бывшему оперативнику КГБ, получившему монополию на экспорт через петербургский нефтяной терминал. Когда Путин после недолгого отсутствия вернулся в Кремль, Юмашев испытал огромное облегчение: «Два-три дня я был между тревогой и ужасом, потому что был бы грандиозный скандал, если бы ФСБ или МВД поймали Путина и Собчака при пересечении [российской] границы. Для меня было важно, что человек готов пожертвовать карьерой ради справедливости, и когда он вернулся, я рассказал об этом Борису Николаевичу [Ельцину]».[4]

того же года – пока Рохлина не остановило его загадочное и жестокое убийство всего за несколько недель до назначения Путина директором ФСБ. В этих обстоятельствах «ельцинской „Семье“ действительно нужен был свой человек во главе ФСБ», говорит Леонид Невзлин, еще один олигарх ельцинской эпохи из «Менатепа» Ходорковского.

[1] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[2] Интервью автора с вдовой Собчака Людмилой Нарусовой, июнь 2014 г.; фильм Ксении Собчак и Веры Кричевской «Дело Собчака», Москва, 2018.

[3] Юмашев сказал также, что, по его мнению, Путин рассказал ему о помощи Собчаку в бегстве потому, что «у нас были достаточно открытые отношения. И, по-моему, он считал, что если мне не скажет, то подставит меня. Когда заместитель совершает такой самоубийственный поступок – а я рекомендовал его Ельцину, и он работал в моей команде, – он считал, что не вправе так поступить, не предупредив меня». Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[4] Там же.

По утверждению Юмашева, на его восприятие Путина повлиял и другой случай. В конце 1998 года, когда премьером был Примаков, Путин позвонил Юмашеву из машины, сказал, что только что был у Примакова, и попросил о срочной встрече. «Когда он приехал, он сказал мне: „Очень странная ситуация“. Сказал: „Примаков вызвал меня и попросил как директора ФСБ начать прослушивать Явлинского“». Григорий Явлинский был одним из лидеров либеральной оппозиции в Думе и открыто говорил о коррупции в кабинете Примакова. Примаков, по всей видимости, объяснил Путину, что прослушка необходима потому, что Явлинский якобы американский шпион. «Путин сказал мне, что отказал ему, потому что это абсолютно недопустимо. Он сказал, что если мы вернем ФСБ в советские времена, когда она преследовала инакомыслящих в политике, то уничтожим спецслужбы. Сказал, что если Ельцин разделяет позицию Примакова, то он готов из-за этого уйти в отставку».[1]

Ничто из этого никак не вязалось с деятельностью Путина на посту вице-мэра Санкт-Петербурга, когда в городе заправлял безжалостный союз КГБ и организованной преступности. Не вязалось это и с работой Путина в Дрездене, где он вел нелегалов против Запада. Но Юмашев утверждал, что воспринимал его всерьез. Даже сейчас, после всего, что последовало за двадцать лет правления Путина, Юмашев говорит, что не изменил этого мнения: «Я на сто процентов уверен, что он со мной не играл. В этом случае Путин действительно ушел бы в отставку, потому что он был абсолютно агрессивно против. Но, конечно, Борис Николаевич никогда бы на это не дал добро».[2]

Юмашев полагал, что за годы работы Путина вице-мэром Санкт-Петербурга пламенные демократические речи Анатолия Собчака просто не могли на нем не отразиться. Но он, похоже, не знал – или не хотел знать – подробностей того, как на самом деле управлялся Санкт-Петербург.

Путин был непревзойденным мастером вербовки. По словам одного его бывшего близкого соратника, в КГБ это было его специальностью.[3] «В школе КГБ учат производить приятное впечатление на собеседников. Путин овладел этим искусством в совершенстве, – говорит один высокопоставленный оперативник российской внешней разведки. – В узком кругу он мог быть чрезвычайно обаятельным. Он мог очаровать кого угодно. А как заместитель он был чрезвычайно эффективен. Любые задачи выполнял быстро и творчески, не особенно заботясь о методах».[4]

Если Юмашев был наивен, то, возможно, наивен был в тот год напряженного давления и атак Примакова на ельцинскую «Семью» и Борис Березовский – хитрый, быстро говорящий олигарх, ставший олицетворением инсайдерских сделок ельцинских лет, когда узкий круг бизнесменов за кулисами выторговывал себе лучшие активы и государственные посты. Бывший математик сколотил состояние на торговых схемах вокруг АвтоВАЗа, производителя угловатых «Жигулей», ставших символом советской эпохи, – в то время, когда автомобильная отрасль насквозь пропиталась организованной преступностью. Он пережил покушение, при котором его водителю оторвало голову. И все же каким-то образом он проложил себе дорогу в Кремль. Он часами пил чай в кабинете начальника охраны Ельцина Александра Коржакова, а

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с бывшим близким соратником Путина.

[4] Интервью автора с видным российским банкиром и оперативником внешней разведки, декабрь 2018 г.

затем втерся в доверие к самому президенту и его «Семье». Все это время он поддерживал связи с лидерами чеченских сепаратистов. Клуб «ЛогоВАЗа» Березовского в отреставрированном особняке в центре Москвы стал неофициальным центром принятия правительственных решений. На пике его могущества в 1996 году «молодые реформаторы» ельцинского правительства и олигархи собирались там ночи напролет, замышляя контрперевороты против сторонников жесткой линии.

Но к 1999 году Березовский стал политически токсичным. Под удар попали его отношения с членами ельцинской «Семьи». Обыск в его нефтяной компании «Сибнефть» не только грозил раскрыть сделки с нефтетрейдинговой компанией тогдашнего мужа дочери Ельцина Татьяны Леонида Дьяченко – велось еще и уголовное расследование его деловых операций через «Аэрофлот», национальную авиакомпанию, где он владел значительным пакетом, а президентом был муж второй дочери Ельцина, Елены. «Семья» стремилась избавиться от отношений с ним. Поползли слухи, что его служба безопасности прослушивала кабинеты «Семьи», а в апреле его сместили с кремлевского поста исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств, как тогда называлось аморфное объединение бывших советских республик. Юмашеву, например, надоело иметь с ним дело. «Сколько можно было слушать, как Березовский говорит ему, что он ничего не понимает, – говорит один близкий соратник Березовского.[1] – Он стал действовать ему на нервы». Казалось, Березовского бросили все. И поэтому, когда в начале 1999 года Владимир Путин пришел на день рождения его жены Лены, тот был глубоко тронут этим проявлением солидарности, когда все остальные точили на него ножи.

Жест Путина помог Березовскому отбросить сомнения насчет его кагэбэшного прошлого.[2] Поначалу он в основном поддерживал в качестве преемника Ельцина министра путей сообщения Аксененко: его отношения с Путиным в тот год заметно охладели после того, как Путин в качестве директора ФСБ распорядился арестовать и в марте 1999 года посадить в тюрьму самого близкого к нему офицера ФСБ – Александра Литвиненко. Но под постоянной угрозой ареста Березовский в конце концов встал в строй за кандидатурой Путина. Позднее Березовский, всегда творивший мифы о масштабах своего влияния в ельцинском Кремле, любил утверждать, что это он помог Путину прийти к власти, предложив его Юмашеву на пост директора ФСБ летом 1998 года. Он рассказывал, что затем тайно встречался с Путиным в лифте внушительного здания ФСБ на Лубянке, где они обсуждали возможное выдвижение Путина в президенты.[3] До этого они встречались лишь мельком, когда Березовский в начале девяностых приезжал в Санкт-Петербург и Путин помогал ему открыть там автосалон «ЛогоВАЗа». Это был бизнес, насквозь пронизанный мафией, и Березовский наверняка знал о связях Путина с тамошней организованной преступностью, говорит один соратник Березовского: «Путин помогал ему во всех вопросах, связанных с продажей машин „ЛогоВАЗа“ в Санкт-Петербурге. Этот бизнес был мафиозным, бандитским, и в Москве Березовский организовал его с помощью чеченцев и коррумпированной бюрократии. В Санкт-

[1] Интервью автора с близким соратником Березовского, октябрь 2019 г.

[2] Березовский поначалу также поддерживал кандидатуру Аксененко на пост премьер-министра.

[3] Маша Гессен. «Человек без лица: невероятное восхождение Владимира Путина», с. 18–19. Интервью автора с Леонидом Невзлиным, июль 2018 г., в котором Невзлин сказал также, что, по его мнению, Березовский вполне мог сыграть роль в продвижении Путина на пост директора ФСБ. Березовский знал, что предшественник Путина на посту директора ФСБ Николай Ковалев его ненавидел. «Ковалев был неплохой парень, – говорит Невзлин. – Но он очень ненавидел Березовского. Поэтому его и заменили… Он ненавидел его так, что вы не представляете. Березовский несколько раз встречался с Ковалевым и всегда видел в нем врага».

Петербурге он организовал его с помощью Путина. Поэтому он все понимал о его связях и его положении. Он не был ребенком».[1]

Но хотя Березовскому, несомненно, предстояло сыграть огромную роль в поражении Примакова в конце того года, он никогда не знал Путина так хорошо и не работал с ним так тесно, как Пугачев. И, по словам одного из его ближайших соратников, Алекса Гольдфарба, он никогда не утверждал, что это он познакомил Путина с дочерью Ельцина Татьяной или предложил его на замену Степашину либо в преемники Ельцину.[2]

* * *

Момент, когда все изменилось, наступил в середине июля, в самый разгар московского лета, когда Кремль пустел, а многие, включая Ельцина, были в отпуске. Именно тогда швейцарские прокуроры преподнесли ельцинской «Семье» новый удар. Они-то думали, что с делом Mabetex покончено: к тому времени Скуратов уже несколько месяцев был отстранен от должности из-за уголовного дела, которое помог возбудить Пугачев. Но швейцарцы продолжали действовать – как и заместители Скуратова. 14 июля швейцарские прокуроры объявили, что возбудили уголовное дело об отмывании денег через швейцарские банковские счета двадцатью четырьмя россиянами, в том числе Павлом Бородиным и другими высокопоставленными кремлевскими чиновниками, и заявили, что средства могли быть получены в результате «коррупции или злоупотребления властью». На вопрос, есть ли в списке дочь Ельцина Татьяна, один из швейцарских следственных судей ответил: «Пока нет».[3] Было ясно, что кольцо сжимается, и, по словам Пугачева, началась новая волна паники.

Женевские прокуроры заявили, что их российские партнеры все еще ведут параллельное расследование. Именно тогда, по словам Пугачева, он решил действовать: «Нам нужен был человек, который смог бы со всем этим справиться. Степашин этого делать не стал бы. А тут был Путин с ФСБ, Совбез, Патрушев. Была целая команда».[4] Пугачев вспомнил хладнокровие Путина в истории с кассетой Скуратова и, по его словам, решил познакомить его с дочерью Ельцина Татьяной, которая в те дни оставалась главным каналом доступа к президенту. Словно по сигналу, днем позже путинская ФСБ начала действовать, возбудив уголовное дело в отношении строительного бизнеса жены политического противника Ельциных – мэра Москвы Юрия Лужкова.[5] Сначала Пугачев постарался поколебать мнение Татьяны о Степашине, показав ей, как тот, в отличие от Путина, не смог решительно отстоять подлинность кассеты Скуратова с проститутками после ее показа по телевидению. «Я сказал ей: „Таня, смотри. Тебе нужен человек, который тебя спасет. Степашин пойдет на компромиссы с коммунистами. Он сдаст нас у нас же на глазах. Посмотри, какой он сейчас“».

[1] Интервью автора с соратником Березовского, июль 2018 г.

[2] Интервью автора с Алексом Гольдфарбом, июль 2015 г. Впрочем, в интервью Гессен («Человек без лица») Березовский утверждал, что в середине июля 1999 года пришел к Путину и предложил ему стать президентом. Однако подробностей он никогда не приводил, а Юмашев и Дьяченко утверждают, что к тому моменту решение уже было принято.

[3] Melissa Akin, Natalya Shulyakovskaya. Swiss Tie Kremlin to Money-Laundering // Moscow Times, 15 июля 1999 г.; Andrew Higgins. Yeltsin Aide is Focus of Corruption Probe – Swiss Investigators Allege Money-Laundering // Wall Street Journal, 16 июля 1999 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, август 2019 г.

[5] «Лужков считает „политической провокацией“ возбуждение ФСБ уголовного дела, в котором фигурирует фирма его жены» // Интерфакс, 17 июля 1999 г.

[6] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

Затем, по его словам, он привел к ней Путина из его кабинета в Совете безопасности. «Я сказал ей, что Путин гораздо более понятный человек. Он молодой и внимательно слушает. Степашин уже не слушает». По словам Пугачева, затем Юмашев уговорил ее пойти к отцу и убедить его произвести замену.

Юмашев, однако, настаивал, что Пугачев не играл никакой роли в возвышении Путина, а уголовное дело в Швейцарии и расследование в США вообще не представляли никакой угрозы: «Конечно, полная чушь, что это было опасно, – говорит Юмашев. – Единственная мысль, которая у меня была, – и Волошин ее разделял, и Ельцин тоже, – что власть передается человеку, который ментально, идеологически и политически точно такой же, как мы. Мы работали вместе в Кремле одной командой. С Путиным было абсолютно общее понимание того, как должен быть устроен мир и как должна быть устроена Россия».[1]

Но это были дни, когда решалось все. Мир Степашина – и шансы на более либеральную администрацию – вот-вот будут сметены. Не было никакой насущной причины рисковать, заменяя Степашина Путиным, сравнительно малоизвестным чиновником, если только ельцинской «Семье» не требовался человек, которого она считала более преданным – и более безжалостным, – из-за опасности, исходившей от разраставшегося расследования по Mabetex. Юмашев пытался объяснить замену неубедительными доводами – например, тем, что Степашин находился под каблуком у жены. Он любил рассказывать длинные запутанные истории о многочисленных аргументах, которые приводил в те дни в пользу того, что действовать нужно быстро, пока не стало слишком поздно заменить Степашина, который просто не подходил. Но никакое другое объяснение, кроме нараставшей паники из-за швейцарского расследования, не имеет смысла. Именно этот мотив ельцинская «Семья» никогда не хотела предавать огласке, ибо он показывал, как стремление «Семьи» спастись невольно стало причиной возвышения Путина и гибели ее собственного мира. Им нужен был жесткий человек для защиты их интересов, а получили они больше, чем рассчитывали. В своем «авторизованном» изложении Юмашев не желал признавать ничего из этого. Пугачев оказался рассказчиком, отступившим от официальной кремлевской версии, и, похоже, сказал правду.[2]

---

[1] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г. Юмашев отрицал, что Пугачев мог играть какую-либо роль в приходе Путина к власти, и настаивал, что тот все преувеличивает. «На самом деле он играл самую минимальную роль во всех политических историях того времени, – сказал он. – Мы с ним разговаривали, да. Но я как руководитель администрации разговаривал и с десятками других бизнесменов – с Потаниным, с Ходорковским, с Алекперовым… Нам было важно, чтобы они были нашими союзниками». Он все же признал, что Пугачев хорошо знал Хапсирокова – сотрудника Генпрокуратуры, добывшего кассету Скуратова, и что кассету вполне мог добыть Пугачев. Он признал также, что Пугачев тесно работал с Бородиным, в том числе по контрактам Mabetex. Но, по утверждению Юмашева, идея выдвинуть Путина на смену Степашину исходила изначально от Волошина, тогдашнего руководителя администрации Кремля. «Главным инициатором был Волошин. Он считал, что, поскольку ситуация на Кавказе обострялась – была постоянная угроза терроризма, – идти на выборы, когда до президентских выборов меньше года, с премьером, который под каблуком у жены… и которому опасно отдавать страну… Было ясно, что снять премьера за три месяца до выборов невозможно. Тот, кто это сделает, проиграет выборы. У нового премьера должен быть хотя бы год, чтобы страна его узнала. Было ясно, что надо делать это достаточно быстро, а не тянуть до осени. Поэтому мы, конечно, участвовали в этих обсуждениях. Это были я, Татьяна, Волошин и Чубайс. У нас были довольно бурные обсуждения. Чубайс считал это ошибкой… Он считал, что снять Степашина сейчас, когда он проработал всего три месяца, значит продемонстрировать полную неадекватность Кремля. Он считал, что Дума не утвердит Путина, потому что его не знает».

[2] Другие бизнесмены не были советниками целого ряда руководителей кремлевской администрации, как Пугачев (это подтверждают документы, с которыми ознакомился автор). Не вели они и таких задушевных бесед с Юмашевым, как та, что записана на пленку, – о том, как они спешили привести Путина к власти. Записи в дневнике свидетельствуют о частых встречах Пугачева в то время с Юмашевым и Дьяченко. Журнал телефонных

Поначалу Ельцин колебался. Но в последнюю неделю июля чеченские боевики начали вооруженные нападения на границе с Дагестаном – горной республикой, соседствующей с мятежной Чечней, – и, по утверждению Юмашева, Степашин, похоже, с трудом с этим справлялся.[1] Перед своей первой поездкой в Вашингтон в качестве премьер-министра 27 июля он публично пообещал, что новой войны с Чечней не будет. Но почти каждый день в течение недели после его возвращения на границе вспыхивали столкновения. В выходные, 8 августа, боевые действия резко обострились: от двухсот до трехсот вооруженных чеченских боевиков захватили два села в Дагестане. Возможности Ельцина сохранить его на посту премьер-министра иссякали. Даже тогда, в последний момент, Анатолий Чубайс, тесно работавший со Степашиным, едва не сорвал планы Пугачева и ельцинской «Семьи», прослышав, что готовится замена. В выходные перед объявлением Чубайс пытался дозвониться до Ельцина на дачу, чтобы отговорить его. Но дозвонился только до охранника, который тут же передал его просьбу Пугачеву.

Взбешенный этой попыткой сорвать его планы, Пугачев, по его словам, позаботился о том, чтобы охранник так и не передал Ельцину о звонке Чубайса: «Я восемь месяцев без устали работал над тем, чтобы привести Путина к власти. Я превратил Путина из полного ничтожества, бывшего директора ФСБ, вот в это – в настоящего претендента на власть. Я без конца все отслеживал и проверял. А где был Чубайс, когда нам пришлось разбираться со скандалом вокруг Mabetex? – бушевал он. – Где он был? Что он сделал? Он совершенно исчез».[2]

Даже тогда, когда рано утром в понедельник, 9 августа, все они собрались в кабинете Ельцина, тот все еще колебался, говорит Пугачев. Степашин отказывался уходить без голосования в парламенте, и Ельцин вышел из кабинета, чтобы еще раз подумать. «Я помню всю эту историю, – говорит Пугачев. – Степашин сказал Ельцину, что Путин – никто, что он

звонков из московского офиса Пугачева показывает, что в 1999 году он и Юмашев разговаривали не менее восьмидесяти восьми раз только по служебной линии Пугачева, не считая звонков с мобильных телефонов и из кремлевского кабинета Пугачева. Журнал свидетельствует и о глубине других связей Пугачева в Кремле: там есть звонки между ним и Путиным, между ним и Татьяной Дьяченко; встречи с Волошиным, звонки с генеральным прокурором Владимиром Устиновым и сообщения о том, что звонило «Дерево» – прозвище Березовского.

[1] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г. Чубайс признавал, что сделал все возможное, чтобы помешать назначению Путина. Людмиле Телень («Поколение Путина», с. 53) он сказал: «Я считал, что у кандидата Степашина больше шансов быть избранным, чем у кандидата Путина. Я отстаивал свою точку зрения до конца. Вплоть до того момента [9 августа], когда Ельцин сообщил Степашину о его отставке». Ельцин в «Президентском марафоне» (с. 332) также пишет, что Чубайс в выходные предпринял последнюю попытку остановить назначение, но сам он узнал об этом гораздо позже. «Чубайс мог все изменить, – признал Пугачев. – Для Ельцина Юмашев был семьей. Но Чубайса он уважал как большого профессионала. Если бы тому удалось сказать ему: не трогайте Степашина, то, вероятно, [назначения Путина] не случилось бы». (В «Президентском марафоне», с. 329, Ельцин пишет также, что впервые вызвал Степашина и Путина (по отдельности) в свой кабинет, чтобы сообщить о своем решении, 5 августа. Но затем взял выходные, чтобы еще подумать.) В книге «Время Березовского» российский олигарх, президент «Альфа-банка» Петр Авен также рассказывает о последней попытке Чубайса в то воскресенье собрать «совещание олигархов», чтобы сформировать консолидированную позицию крупного бизнеса. «Было понятно, что Степашина, скорее всего, снимут в понедельник утром, но в выходные можно было попытаться что-то сделать, – говорит Авен. – На этом совещании Чубайс очень четко высказался против кандидатуры Путина». Авен рассказывает также, что Чубайс попросил его встретиться с Путиным и уговорить его отказаться от назначения. По словам Авена, в то воскресенье вечером он поехал на дачу к Путину, но при встрече Путин сказал ему, что уже согласился.

этого не потерпит. Но все уже было решено. Это был редкий случай, когда Ельцин сам ничего не решал. Это был вопрос жизни и смерти».[1]

Когда позднее в тот же день Ельцин наконец сделал объявление, страна была ошеломлена тем, кто стал новым премьер-министром. Путин был малоизвестным бюрократом, серой фигурой, редко появлявшейся в новостях. СМИ страны лихорадочно собирали его биографии. Больше всего страну потрясло то, что Ельцин открыто назвал его человеком, который, как он надеется, станет его преемником на посту президента. В телевизионном обращении он заявил: «Я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом, XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор Федеральной службы безопасности Владимир Владимирович Путин».[2]

Путин совершил самый головокружительный скачок своей головокружительной карьеры. Российский парламент был в шоке, хотя большинство считали его никем, кого впоследствии легко будет победить, и это помогло протащить его кандидатуру на пост премьер-министра через голосование об утверждении.[3] К тому времени Примаков вернулся с политической обочины и заключил смелый новый союз с могущественным мэром Москвы Юрием Лужковым для участия в предстоящих парламентских выборах. В сравнении с ним, говорит Юмашев, «Путин выглядел ребенком».[4] Но многие в Кремле все еще опасались, что Ельцин зашел слишком далеко, назвав его своим предпочтительным преемником. «Многие наши коллеги считали, что Ельцин категорически не должен этого делать – потому что Путин был неизвестной величиной, а у Ельцина было всего 5 процентов политической поддержки. Они думали, что после такого объявления Путин никогда не победит», – говорит Юмашев.

Со стороны казалось, что ельцинская «Семья» идет на огромный риск. Но готовились и другие планы. Наращивание российского военного наступления на Чечню, как позднее рассказывал Степашин, обсуждалось уже давно.[5] Главной задачей для кремлевских

[1] Интервью автора с Пугачевым, август 2019 г. «В данном случае он действовал не как президент и не как царь. Он действовал как дедушка, который больше всего боялся за Таню и за внуков», – сказал Пугачев.

[2] Brian Whitmore. Yeltsin Sacks Stepashin, Anoints Putin // Moscow Times, 10 августа 1999 г.

[3] Кандидатура Путина едва набрала необходимое большинство – с перевесом всего в шесть голосов.

[4] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[5] Имеются сведения, что «Семья» действительно планировала вторую чеченскую войну: французская разведка якобы засекла руководителя администрации Кремля Волошина на встрече с лидером чеченских боевиков Шамилем Басаевым на вилле под Ниццей 4 июля – за месяц до того, как чеченцы начали вооруженное вторжение в Дагестан (John Dunlop. The Moscow Bombings of September 1999, p. 66–68). Позднее Степашин дал серию интервью, в которых признал, что план новых военных действий против Чечни – вплоть до захвата чеченской территории – обсуждался в Кремле за несколько месяцев до этого, когда он еще был премьер-министром, и даже намекнул, что эти планы были частью обсуждений по дестабилизации ситуации и введению чрезвычайного положения. Данлоп приводит три интервью Степашина: газете Frankfurter Rundschau в феврале 2000 года, в котором он сказал, что с марта велась подготовка к закрытию чеченской границы и созданию вокруг Чечни «санитарного кордона», «как Берлинская стена»: «В июле мы решили захватить территорию [Чечни] к северу от Терека». Тем самым он признавал, что планы вторжения в Чечню были санкционированы еще до того, как в августе чеченцы начали вооруженные вылазки в Дагестан. Второе – Майклу Гордону (Michael Gordon. A Look at How the Kremlin Slid into the Chechen War // New York Times, 1 февраля 2000 г.), где Степашин сказал, что в марте план предусматривал лишь охрану границ Чечни, но к июлю расширился до захвата северной трети Чечни с проведением спецназом операций против боевиков. Третье – газете «Московский комсомолец» в сентябре 1999 года, где он, по данным издания, дал понять, что Березовский стремился спровоцировать ограниченный

бюрократов и политтехнологов было превратить доставшегося им неловкого с виду кандидата в силу, с которой придется считаться. На первый взгляд материал казался не слишком многообещающим. На совещаниях Путина все еще перебивали. План состоял в том, чтобы вылепить его по образу одного из самых популярных вымышленных телегероев советского времени. Ему предстояло стать современным Максом Отто фон Штирлицем – разведчиком, глубоко внедрившимся в тыл врага, в командные сети нацистской Германии. Путин должен был стать «кандидатом-резидентом», шпионом-кандидатом, патриотом, который восстановит российское государство.[1] Главная задача состояла в том, чтобы отделить его от ельцинской «Семьи» – чтобы общество видело в нем самостоятельного политика. Его молодость на фоне стареющего и больного Ельцина должна была сразу дать ему преимущество, а связанные с Кремлем телеканалы старались показывать, как решительно он действует против вторжения сепаратистов в Дагестан. За кулисами Березовский был вполне способен попытаться организовать маленькую победоносную войну, чтобы ускорить восхождение Путина к власти, говорят двое его близких соратников.[2]

В спешке, помогая обеспечить его взлет, Пугачев почти не обращал внимания на тревожные признаки двуличия Путина. Тем июлем, когда Пугачев пытался справиться с последствиями дела швейцарских прокуроров и до глубокой ночи вел в Кремле переговоры с Путиным, Патрушевым и Волошиным, чтобы убедить исполняющего обязанности генерального прокурора Юрия Чайку уступить место еще более преданному человеку, Путин, судя по всему, вел двойную игру. Чайка поначалу сопротивлялся, но через несколько дней согласился после отдельного разговора с Пугачевым, в ходе которого предупредил его, что преданность Путина Кремлю, возможно, не так однозначна: «С Путиным надо быть осторожнее, – сказал он. – Когда вы все встречались со мной в Кремле и шесть часов уговаривали меня уйти, Путин после всего проводил меня из Кремля. Он сказал, что я правильно сделал, что не согласился. Сказал, что если бы я согласился, это было бы преступлением».[3]

Но Пугачев быстро забыл предупреждение Чайки. Скандал вокруг Mabetex, несмотря на все маневры, никак не утихал, а в конце августа грянула беда: подробности того, как расследование связано с ельцинской «Семьей», наконец вышли наружу. Итальянская газета Corriere della Sera опубликовала статью, в которой рассказывалось, как владелец Mabetex Беджет Пацолли выпустил кредитные карты для ельцинской «Семьи» и оплачивал расходы по ним.[4] Газета писала, что швейцарские прокуроры подозревают в этих платежах взятки за контракт на реконструкцию Кремля. Главным свидетелем по этим обвинениям был назван Фелипе Туровер.

конфликт, который позволил бы Ельцину ввести чрезвычайное положение: «Что касается версии заговора, [нужно понимать, что,] спровоцировав войну, в этом регионе трудно быстро добиться победы… Другое дело, что были возможны определенные договоренности, чтобы дестабилизировать ситуацию и ввести чрезвычайное положение. Вот это версия».

[1] Глеб Павловский. «Экспериментальная родина». Москва, июль 2018 г.

[2] Интервью автора с двумя близкими соратниками Березовского, октябрь 2019 г. Оба подтвердили, что Березовский был знаком с чеченским лидером Шамилем Басаевым.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[4] Carlo Bonini, Giuseppe D'Avanzo. Svizzera, carte di credito accusano Eltsin // Corriere della Sera, 25 августа 1999 г.

Новость сильно ударила по ельцинскому Кремлю.[1] До тех пор лишь они – и прокурор – знали, как далеко может зайти расследование. Пугачев вновь бросился на помощь. «Таня была совершенно ошеломлена, когда появились публикации, – говорит он. – Но я пообещал ей, что все улажу».[2] Он предложил членам ельцинской «Семьи» открыть счета в его Межпромбанке, а затем сообщил СМИ, что речь идет о картах, которые были выпущены еще много лет назад через его банк. Этот ход был призван запутать прессу и снять вопросы о том, не нарушил ли Ельцин закон, имея счет в иностранном банке.[3]

В глазах Пугачева все это дело было несправедливым. Ельцин, по его словам, вообще никогда не понимал, что такое деньги. Однажды, будучи пьяным, он попросил начальника охраны Александра Коржакова купить ему водки и вытащил из сейфа в своей комнате пачку купюр. Там, по словам Пугачева, он хранил гонорары за книги, которые написал вместе с Юмашевым. Ельцин вытащил 100 долларов. «Он спросил Коржакова, хватит ли этого. Он понятия не имел, что такое деньги и сколько что стоит. Он никогда сам этим не занимался». С карты, выпущенной на имя Ельцина, почти ничего не тратилось – только кое-что во время официального визита в Будапешт. Его дочери, однако, тратили гораздо больше. «Таня могла тратить по 100 000 долларов в месяц на меха», – говорит Пугачев. Но никто из них не понимал, что такое кредитная карта, как она работает и что означает: «Они просто выходили с этим куском пластика и покупали на него вещи. Они не понимали, что кто-то должен за это платить».[4]

Юмашев говорит, что они были убеждены, будто расходы по картам покрываются гонорарами Ельцина за мемуары. Так им сказал управляющий делами Бородин: «Они абсолютно искренне тратили эти деньги, считая, что это гонорары за книги. Но я не сомневаюсь, что эта глупость Бородина могла быть использована против нас всевозможными силами, в том числе Примаковым и Скуратовым».[5]

Тучи на горизонте все сгущались, а денежный след мог повести еще дальше. В первую годовщину финансового кризиса августа 1998 года New York Times сообщила о новом российском финансовом скандале.[6] Американские правоохранительные органы расследовали подозрительные операции на миллиарды долларов, проведенные российской организованной преступностью через Bank of New York с целью отмывания денег. Месяц спустя появились сообщения о связи с ельцинской «Семьей». Следователи проследили перевод 2,7 миллиона долларов на два счета в Bank of New York на Каймановых островах, открытые на имя тогдашнего мужа Татьяны Леонида Дьяченко.[7] Позднее документы швейцарской прокуратуры показали, что расследовался и куда более крупный перевод через Banco del Gottardo на счет, бенефициаром которого была Татьяна.[8] Никаких обвинений так и не было предъявлено, а

[1] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[3] Andrew Higgins. Former Legislator Clears Yeltsin Family // Wall Street Journal, 28 сентября 1999 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[5] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[6] Raymond Bonner, Timothy L. O'Brien. Activity at Bank Raises Suspicion of Russian Mob Tie // New York Times, 19 августа 1999 г.

[7] Paul Beckett, David S. Cloud. Banking Probe Reaches Yeltsin Family – Cayman Accounts Now Draw US Scrutiny // Wall Street Journal, 22 сентября 1999 г. Юрист Дьяченко заявил, что средства были оплатой за работу на нефтетрейдинговую фирму Belka Trading и не связаны ни с какой противоправной деятельностью.

Юмашев назвал любые предположения о том, что Татьяна когда-либо получала такие средства, «абсолютной ложью».

Но в нараставшем напряжении и в лихорадочных попытках спастись от атак Пугачев отмахнулся от предупреждения бывшего наставника Путина Анатолия Собчака, сказавшего ему, что он совершает огромную ошибку: «Я подумал, может, он ревнует. Но он, конечно, все знал».[1] Он забыл и о сомнениях самого Березовского, который сказал ему: «Сергей, это самая большая ошибка в твоей жизни. Он из порченого круга. Комитетчик не может измениться. Ты не понимаешь, кто такой Путин».[2] Забыл он и о собственной глубокой ненависти к КГБ – о том, как когда-то давно, подростком торгуя валютой в ленинградских интуристовских гостиницах, бегал и увертывался от его сотрудников. Он забыл о предупреждении Чайки, и никто – даже Пугачев – не заметил, что Путин и после отставки Примакова с поста премьер-министра продолжал часто встречаться с ним, хотя тот должен был быть заклятым врагом. Выяснилось, что Путин возил все высшее руководство ФСБ на дачу к Примакову, где они поднимали за него тосты, а в октябре того же года Путин побывал на праздновании семидесятилетия Примакова и выступил с речью, восхваляя его.[3]

Пугачев и ельцинская «Семья» закрывали на все это глаза. Больше всего им хотелось верить, что Путин – один из них. Лето усиливавшихся расследований заставило их отчаянно искать среди силовиков преемника, способного их защитить. Каким-то образом они уверились, что Путин – единственный кандидат, на это способный. Все сильнее страдавший от болезни Ельцин, похоже, был вынужден с ними согласиться. С тех пор как после финансового кризиса августа 1998 года премьер-министром был назначен Примаков, ельцинская «Семья» считала, что выбора нет и сменить его может только выходец из силовиков. В финансовом крахе либеральные идеалы и молодые реформаторы, среди которых Ельцин когда-то искал преемника, оказались скомпрометированы. «Мы глотнули столько свободы, что отравились ею», – с горькой иронией говорил позднее Юмашев.[4] Показная приверженность Путина рыночным и демократическим принципам помогла «Семье» поверить, что он продолжит их курс. Но главную роль в их расчетах сыграла его отчаянная операция по вывозу бывшего наставника Анатолия Собчака из России, подальше от угрозы ареста. «Эта демонстрация верности была засчитана… как весомый фактор при выборе», – говорит Глеб Павловский,

[8] Документ швейцарской прокуратуры от 28 июля 2000 года показывал, что прокуроры расследовали перевод 235 млн долларов через Banco del Gottardo на счет в люксембургском East-West United Bank, принадлежавший компании Questor Corporation Ltd, бенефициаром которой, по данным прокуроров, была Дьяченко. Отвечая на письменные вопросы, Юмашев назвал любые предположения о том, что Татьяна когда-либо получала такие средства, «абсолютной ложью. У Татьяны никогда не было никаких офшорных компаний – никаких компаний ни за границей, ни в России. И если этот перевод имел место, то Татьяна никогда не имела никакого отношения к этой компании».

[1] Интервью автора с Пугачевым, май 2014 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[3] Примаков. «Восемь месяцев плюс…», с. 222–223. Примаков пишет, что после его отставки с поста премьер-министра Путин позвонил ему и предложил встретиться с руководством ФСБ. Путин привез все высшее руководство ФСБ на дачу к Примакову, где они поднимали за него тосты. «Это был серьезный жест, и не думаю, что Путин с кем-либо согласовывал детали», – пишет Примаков. Затем, когда Путина, в свою очередь, назначили премьером, он принял приглашение на празднование семидесятилетия Примакова и вновь выступил с речью. «Я, конечно, не пригласил ни одного человека из ближайшего окружения Ельцина», – пишет Примаков. По его словам, после избрания Путина президентом они поддерживали тесный контакт.

[4] Валентин Юмашев. «Мы глотнули свободы и отравились ею», интервью «Московскому комсомольцу», 31 января 2011 г.

тогдашний кремлевский советник и политтехнолог.[1] «Семья» знала, что Путин, в гораздо большей степени, чем Степашин, достаточно безжалостен, чтобы при необходимости нарушить закон ради защиты своих союзников. К тому же, говорит Пугачев, Путин казался преданным и послушным. Он по-прежнему считал его человеком, который ходит за ним, как собака, и по-прежнему отождествлял его с либеральными и демократическими убеждениями Собчака: «У меня было ощущение, что раз он был близок к Собчаку, значит, он должен быть человеком либеральных взглядов. Я не изучал пристально, что он собой представляет». Более того, Путин, казалось, не горел желанием занимать пост премьер-министра. По словам Пугачева, ему пришлось его уламывать и говорить, что это ненадолго, только пока ситуация не стабилизируется. Чего Пугачев не знал, так это того, что Путин когда-то тесно работал с одним из главных участников попытки свергнуть ельцинский режим. Он не знал, что Фелипе Туровер – офицер КГБ, стоявший за утечками о Mabetex и счетах Ельцина, связанный с верхушкой легендарного подразделения КГБ по тайным операциям, – помогал Путину создавать бартерную схему «нефть в обмен на продовольствие» в Санкт-Петербурге. Он никогда не слышал истории, которую рассказал мне Туровер: после того как в августе его имя просочилось в итальянскую газету, начальник охраны Ельцина якобы отдал приказ его ликвидировать, и тогда Путин пришел к своему старому соратнику, находившемуся в то время в Москве, предупредил его о приказе и посоветовал срочно уехать из страны: «Он сказал мне уезжать, потому что у него есть приказ президента меня прикончить. Сказал, что я могу уехать под его гарантию». Пугачев не знал, что все это время Путин играл на всех сторонах. «Он всегда держал свое слово, – говорит Туровер. – Он никогда не работал на „Семью“ против Примакова. А против Скуратова работал только формально».[2]

Пугачев не догадывался и о том, что Путин мог представлять собой нечто вроде плана Б КГБ после того, как захват власти Примаковым провалился. Он всегда утверждал, что считал Путина человеком, которого может контролировать. Он не понимал, что тот, возможно, лгал «Семье», делая вид, что ее поддерживает. Путин «их обманул, – говорит Туровер. – Война – это путь обмана. Это стратегия Сунь-цзы. Он написал „Искусство войны“ 2600 лет назад», – добавил он, имея в виду древний китайский военный трактат. «Путин хорошо усвоил свои уроки дзюдо».

[1] Глеб Павловский. «Экспериментальная родина». Москва, июль 2018 г.

[2] Интервью автора с Туровером, май 2013 г.

ГЛАВА 5

«Детские игрушки в лужах грязи»

Вместо того чтобы пасть жертвой переворота, который, как им казалось, готовили силы коммунистического прошлого, ельцинская «Семья» на самом деле уступила ползучему перевороту силовиков. Осажденные со всех сторон, они почти не имели выбора, кроме как прийти к соглашению с КГБ. «Им нужно было найти компромиссную фигуру, – говорит один бывший высокопоставленный офицер КГБ, близкий к Путину.[1] – Была огромная армия бывших и действующих сотрудников правоохранительных органов, которые все еще оставались на своих местах. Им нужен был человек, который смог бы наладить отношения с этой силой после ухода Ельцина. Их режим атаковали со всех сторон. У них не было выбора. Это было вынужденное решение, основанное на том, что они очень боялись, что уход Ельцина от власти может привести к настоящей контрреволюции и потере всего, чего они добились с таким трудом. Это был вопрос безопасности и договоренностей. Они думали, что Путин – временная фигура, которой они смогут управлять. Единственным, кто был категорически против, был Чубайс. Он опасался, что прошлое Путина – служба в КГБ – не позволит ему быть послушной марионеткой в руках „Семьи“. Интуиция его не подвела». Долгое время Путина изображали «случайным президентом» России. Но ни его восхождение в Кремле, ни его прыжок в президентское кресло, похоже, не имели особого отношения к случаю. «Когда его перевели в Москву, уже начали проверять, подходит ли он», – говорит близкий соратник Путина по КГБ.[2] Если для внешнего мира Россия при Ельцине была страной эпохальных перемен, где власть спецслужб давно сломлена, то внутри России, под поверхностью, силовики по-прежнему оставались силой, с которой приходилось считаться. В ельцинском Кремле и на должностях второго эшелона в учреждениях и компаниях по всей стране сидели представители КГБ, некоторые из которых десятью годами раньше поддерживали усилия по внедрению рынка в России, прекрасно понимая, что в условиях плановой экономики Советский Союз не может соперничать с Западом. Они наблюдали из тени, как начатые ими реформы при Ельцине вышли из-под их контроля. Они оказались по большей части на обочине, когда свободы ельцинской эпохи привели к все более стремительному возвышению олигархов, к середине девяностых обогнавших своих бывших хозяев из КГБ. Эти свободы породили разбойничий капитализм, при котором в конечном счете силовикам удалось скомпрометировать Ельцина и его семью. С крахом рынка их час пробил. Ельцин и его семья были уязвимы из-за счетов Mabetex и тесных деловых связей с Березовским, а люди, стоявшие за кулисами в Кремле, давно готовили державный реванш.

«Институты, в которых работали силовики, не развалились, – говорит Томас Грэм, бывший старший директор по России в Совете национальной безопасности США. – Личные сети не исчезли. Им просто нужен был человек, который смог бы снова собрать эти сети воедино. Таково было будущее. Если бы это был не Путин, это был бы кто-то другой вроде него».[3]

Широкая каста силовиков, стоявших за кулисами в Кремле, стремилась лишь закрепить собственность и экономические завоевания, полученные при переходе к рынку. В Кремле

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, близким к Путину, август 2018 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с Грэмом, июнь 2014 г.

господствовало убеждение, что после хаоса ельцинских лет новый президент, кто бы он ни был, должен олицетворять державный реванш – реванш проигравших в ельцинские годы, когда больше всего пострадали бюджетники: учителя, врачи, правоохранители. «Мы искали клей для прокремлевской коалиции, – говорит Глеб Павловский, тогдашний кремлевский советник и политтехнолог.[1] – Должен был прийти политик другого стиля и завершить постсоветский переход».

«Режим в любом случае должен был перейти к КГБ», – говорит бывший советник президента по экономическим вопросам Андрей Илларионов.[2]

Если Примаков как план А олицетворял угрозу реванша в коммунистическом духе и вполне реальный риск того, что тандем Примакова и Лужкова приведет к тому, что Ельцин и его «Семья» проведут остаток дней за решеткой, то Путин был силовиком, который должен был их спасти, – обаятельным человеком, все это время уверявшим «Семью» в своей прогрессивности, в том, что он один из них. «Путин – выдающийся политик, и он провел очень успешную операцию по завоеванию доверия „Семьи“, – говорит Илларионов. – Главным врагом Ельцина считался Примаков. Силовики точно рассчитали, что Ельцин просто так власть не отдаст».[3]

Но, спеша обеспечить свое положение, ельцинская «Семья» передавала бразды правления группировке более молодых людей из КГБ, которым предстояло в борьбе за власть проявить куда большую безжалостность, чем кто-либо из старшего, более государственно мыслящего поколения Примакова. В сумятице кремлевских интриг и войн кланов – даже внутри спецслужб – они передавали власть клану силовиков, выковавших свои союзы в кровавых схватках Санкт-Петербурга, куда более жадных до власти и готовых на все, чтобы доказать свою преданность.

Кремлевские политтехнологи без устали показывали, как решительно Путин действует против вторжений чеченцев в Дагестан. Но за первый месяц его премьерства рейтинг одобрения Путина почти не вырос. Его по-прежнему часто называли бесцветным. Он оставался серым, безвестным бюрократом, а только что объявленный союз Примакова с Лужковым набирал силу: один за другим к нему присоединялись могущественные российские губернаторы. Тем временем новости о зарубежных расследованиях били тревогу. Разоблачения, связанные с расследованием по Bank of New York, и его возможный выход на ельцинскую «Семью» были подобны бомбе с часовым механизмом, а новость о связи расследования по Mabetex с кредитными картами ельцинской «Семьи» еще больше усилила давление. Где-то в сейфе в кабинете заместителя генерального прокурора, в величественном особняке на Петровке, лежали подписанные ордера на арест.

Предстояла еще одна решающая метаморфоза.

Именно тогда, рассказал мне Пугачев, он предложил самый дерзкий шаг. Он начал убеждать Татьяну и Юмашева, что Ельцину следует уйти досрочно, чтобы Путин мог сменить его до следующих выборов. Только так можно было обеспечить его прыжок в президентское кресло. «Мы не сможем удержать власть до президентских выборов следующим летом, – сказал он им. – То, что Ельцин сказал, что хочет видеть его своим преемником, не поможет.

[1] Павловский. «Экспериментальная родина», июль 2018 г. «С 1996 года и до конца президентства Ельцина мы в Кремле говорили не о „преемнике“, а об укреплении власти», – говорит Павловский.

[2] Интервью автора с Илларионовым, сентябрь 2015 г.

[3] Там же.

Нам еще нужно его туда довести». Обсуждения длились часами. Юмашев, например, был убежден, что Ельцин не согласится. «Я сказал ему: это вопрос твоей личной безопасности, безопасности его семьи, твоей и всех нас. Это вопрос будущего страны. Но он сказал: „Ты же понимаешь, что он никогда не отдаст власть“».

В конце концов, по словам Пугачева, Юмашев сказал, что пойдет к Ельцину. Они расстались поздно вечером, а на следующий день, когда Пугачев снова был в Кремле, ему, по его словам, позвонил Юмашев: «Он сказал мне, что вопрос решен».[1] Юмашев, однако, настаивал, что никакого решения тогда принято не было. Официальная кремлевская версия всегда гласила, что Ельцин решил уйти досрочно гораздо позже, ближе к концу года.

Но двое других бывших кремлевских чиновников также дали понять, что решение было принято раньше[2], а один из близких соратников Путина по КГБ заметил, что затевается что-то серьезное. В конце августа Путин с одним из ближайших товарищей на несколько дней уединился на своей старой даче в кооперативе «Озеро». Он поехал туда, чтобы побыть одному, говорит близкий соратник.[3] Он был погружен в раздумья, и что-то его явно тяготило.

Лишь после трех недель трагедий и террора в сентябре общественное восприятие Путина переменилось. Заголовки о Mabetex были сметены, Путин поднялся, чтобы взять командование на себя, а Ельцин исчез из виду.

* * *

Поздно вечером 4 сентября 1999 года в дагестанском городе Буйнакске заминированный автомобиль разворотил жилой дом, убив шестьдесят четыре человека, в основном членов семей российских военнослужащих. Взрыв восприняли как ответ на эскалацию вооруженной борьбы с чеченскими боевиками, которые в те же выходные предприняли новое вторжение в Дагестан и захватили несколько сел – всего через день после того, как только что назначенный премьер-министр Путин объявил о победе федеральных сил в Дагестане. Казалось, это лишь очередной трагический поворот в эпизодических столкновениях, в которые Россия была вынуждена вступать с тех пор, как Ельцин в 1994 году начал войну против чеченских сепаратистов.

Когда всего четыре дня спустя еще один взрыв вырвал центральную часть жилого дома в сонном рабочем районе на юго-востоке Москвы, убив во сне девяносто четыре человека, казалось, что военное противостояние России на Кавказе приобрело новый смертоносный размах. Поначалу следователи говорили, что это мог быть взрыв бытового газа.[4] Мало у кого из живших в доме семей было хоть что-то общее с мятежной Чечней. Какое отношение этот взрыв мог иметь к далекой военной борьбе? Но один за другим, не представив никаких доказательств, официальные лица стали объявлять взрыв делом рук чеченских террористов.

[1] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г., август 2018 г.

[2] Утверждение Пугачева о том, что решение было принято раньше – почти сразу после назначения Путина премьер-министром и объявления его преемником Ельцина, – гораздо лучше согласуется с тем, что произошло на самом деле. Двое других кремлевских чиновников также дали понять, что решение было принято задолго до этого. В интервью Newsweek International (10 января 2000 г.) бывший руководитель администрации Кремля и «царь приватизации» Анатолий Чубайс сказал, что идея давно была известна и обсуждалась, а кремлевский политтехнолог Глеб Павловский – что решение было принято в начале года («Экспериментальная родина», июль 2018 г.).

[3] Интервью автора с близким соратником Путина, август 2018 г.

[4] Oksana Yablokova, Simon Saradzhyan, Valeria Korchagina. Apartment Block Explodes, Dozens Dead // Moscow Times, 10 сентября 1999 г.

Спасатели едва закончили извлекать из-под обломков дома № 19 по улице Гурьянова последние обугленные тела, когда через четыре ночи еще один взрыв начисто снес унылый девятиэтажный жилой дом на Каширском шоссе на юге Москвы. Погибли сто девятнадцать человек. Единственным, что, казалось, осталось от человеческой жизни, были детские игрушки, плавающие в лужах грязи.[1]

Москву охватила паника. Еще никогда за почти десятилетие то затухавшей, то вспыхивавшей войны с сепаратистами на юге она не докатывалась до сердца столицы. По мере того как в стране нарастало ощущение чрезвычайной ситуации и страха, финансовые скандалы вокруг ельцинской «Семьи» исчезли с первых полос, а на первый план выдвинулся Владимир Путин. Это был переломный момент, когда Путин принял бразды правления у Ельцина. Внезапно он стал главнокомандующим страны, ведущим громогласную кампанию авиаударов по Чечне в отместку за теракты.

То, что произошло той осенью, когда число жертв взрывов жилых домов перевалило за триста, а Кремль разворачивал тщательно продуманную пиар-кампанию, стало самой зловещей и центральной загадкой путинского восхождения. Могли ли силовики Путина взрывать собственных граждан в циничной попытке создать кризис, который обеспечил бы ему президентство? Этот вопрос задавался часто, но ответов на него было мало. Все, кто всерьез занимался расследованием этого вопроса, похоже, погибли или были неожиданно арестованы.[2] И все же без взрывов и последовавшей за ними масштабной военной кампании невозможно представить, чтобы Путин когда-нибудь заручился поддержкой, достаточной, чтобы всерьез бросить вызов Примакову и Лужкову. Ельцинская «Семья» так и увязла бы в расследованиях по Mabetex и Bank of New York, а вместе с ней перемололи бы и Путина как избранного Ельциным преемника. Теперь же, словно по сигналу, он вдруг предстал уверенным и подготовленным. Он был героем действия, который к 23 сентября начал авиаудары по чеченской столице Грозному, тогда как Ельцин совершенно исчез из виду. Путин говорил с русскими людьми на языке улицы, обещая «мочить» террористов «в сортире»[3], обрушиваясь на мятежную республику как на преступное государство, где свободно разгуливают «бандиты» и «международные террористы», порабощающие, насилующие и убивающие ни в чем не повинных русских.[4] Россиянам это показалось глотком свежего воздуха. По сравнению с больным, немощным Ельциным у них вдруг появился лидер, который держит все в руках.

В серии гладко снятых телесюжетов о встречах с военным руководством в Дагестане Путин выпрыгивал из приземлившегося военного вертолета, одетый по-походному – в брюки цвета хаки и легкую куртку. Его показывали, как он торжественно поднимает тост в полевой палатке с военачальниками. «Мы не имеем права ни на секунду проявить слабость, потому что если мы это сделаем, значит, все те, кто погиб, погибли напрасно», – с твердой убежденностью

[1] Valeria Korchagina, Simon Saradzhyan. Tensions Grow as Toll Rises to 118 // Moscow Times, 15 сентября 1999 г.

[2] Сергей Юшенков, видный депутат-либерал, был застрелен у своего дома в апреле 2003 года, через год после того, как вошел в независимую общественную комиссию по расследованию взрывов жилых домов. Юрий Щекочихин, известный журналист-расследователь, также вошедший в комиссию, умер три месяца спустя от загадочной болезни, имевшей признаки отравления радиоактивными веществами. Бывший полковник ФСБ Михаил Трепашкин, тоже входивший в комиссию, был арестован в октябре 2003 года и приговорен к четырем годам в военной колонии за якобы ненадлежащее обращение с секретными материалами – вскоре после того, как поделился с журналистом сведениями, указывавшими на возможную причастность агента ФСБ к взрыву дома № 19 по улице Гурьянова.

[3] Said Islamyev. Thousands Flee Grozny as Bombs Fall // Moscow Times, 25 сентября 1999 г.

[4] Brian Whitmore. Real Target of Airstrikes May Be PR // Moscow Times, 28 сентября 1999 г.

заявлял он.[1] Его представляли спасителем страны, русским Джеймсом Бондом, который восстановит порядок и вернет надежду.

Кампания стала инъекцией бодрости для униженного национального самосознания россиян. Она сразу же отделила Путина от хаоса и развала ельцинских лет. Тотальный воздушный штурм дал выход копившемуся десятилетие националистическому раздражению, обострившемуся в начале того же года, когда силы НАТО вторглись в традиционную восточноевропейскую сферу интересов России, бомбя Косово в бывшей Югославии. По мере того как авиаудары продолжались всю осень, разрушая все большую часть Чечни и без разбора убивая тысячи мирных жителей, рейтинг одобрения Путина взлетел с 31 процента в августе до 75 процентов к концу ноября.[2] Если это был план, то операция «Преемник», как ее позднее назовут, работала: образовалось огромное пропутинское большинство.

Но мучительные сомнения насчет московских взрывов высказывались почти сразу. Одним из первых забил тревогу депутат-коммунист Виктор Илюхин, заявивший, что за взрывами может стоять Кремль, стремящийся раздуть истерию и дискредитировать Лужкова.[3] Месяцами в Москве ходили слухи, что Кремль может спровоцировать какой-нибудь кризис как предлог для отмены выборов. Спикер Думы Геннадий Селезнев сообщил депутатам о взрыве жилого дома в южном российском городе Волгодонске за три дня до того, как он действительно произошел.[4] Самый тревожный сигнал прозвучал поздно вечером 22 сентября в Рязани, недалеко от Москвы, когда один из жителей сообщил в местную милицию, что видел, как трое подозрительных людей заносили мешки в подвал его дома. К приезду милиции подозреваемые уехали на машине с частично заклеенными бумагой номерами.[5] Милиционеры обыскали подвал и вышли оттуда потрясенные и побелевшие: они нашли три мешка, подсоединенные к детонатору и часовому механизму.[6] Всех жильцов дома срочно эвакуировали; перепуганным людям не разрешали вернуться в свои квартиры до вечера следующего дня. Поначалу милиция сообщила, что анализ обнаружил в мешках следы гексогена[7] – мощного взрывчатого вещества, использованного при других взрывах жилых домов. Начальник местного управления ФСБ сказал, что таймер был установлен на 5:30 утра, и поздравил жильцов с тем, что они спаслись буквально за несколько часов до взрыва.[8]

---

[1] Путин в вертолете и в палатке: https://www.youtube.com/watch?v=8Xn7pJQmATI; www.ntv.ru/video/1749560.

[2] Brian Whitmore. Prime Minister's Popularity Rating Skyrockets // Moscow Times, 30 ноября 1999 г.

[3] Brian Whitmore, Simon Saradzhyan. Moscow Awash in Explosion Theories // Moscow Times, 14 сентября 1999 г.

[4] «Геннадия Селезнева предупредили о взрыве в Волгодонске за три дня до теракта» // Newsru.com, 21 марта 2002 г.

[5] John Dunlop. The Moscow Bombings of September 1999: Examination of Russian Terrorist Attacks at the Onset of Vladimir Putin's Rule, p. 170–171; «Таймер остановили за семь часов до взрыва: теракт предотвратил водитель автобуса» // Коммерсантъ, 24 сентября 1999 г.; «Независимое расследование: рязанский сахар» // НТВ, 24 марта 2000 г.: еще до путинского наступления на СМИ НТВ показало почти часовую дискуссионную программу о событиях в Рязани, где жильцы, в том числе сообщивший обо всем Алексей Картофельников, говорили, что не верят в учения, и требовали ответов от ФСБ.

[6] Там же, p. 170–171; см. также: Павел Волошин. «Что было в Рязани: сахар или гексоген?» // Новая газета, 14 февраля 2000 г.; «Таймер остановили за семь часов до взрыва…» // Коммерсантъ, 24 сентября 1999 г.

[7] Dunlop. The Moscow Bombings of September 1999, p. 172–177; Simon Saradzhyan. Police Find Dummy Bomb in Ryazan // Moscow Times, 24 сентября 1999 г.; «Таймер остановили за семь часов до взрыва…» // Коммерсантъ, 24 сентября 1999 г.

[8] «Независимое расследование: рязанский сахар», https://www.youtube.com/watch?v=K-lEi_Uyb_U.

Рязанское управление ФСБ и милиция развернули масштабную операцию по поиску предполагаемых террористов, оцепив весь город. Днем позже, 24 сентября, министр внутренних дел России Владимир Рушайло доложил руководителям правоохранительных органов в Москве, что предотвращен еще один взрыв жилого дома. Но всего через полчаса Николай Патрушев – жесткий, острый на язык директор ФСБ, тесно работавший с Путиным в Ленинградском КГБ, – заявил телерепортеру, что в мешках был всего лишь сахар, а весь эпизод был не более чем учениями, проверкой бдительности населения.[1] Патрушев был столь же безжалостен, сколь и неутомим в закулисных маневрах[2], и его новые объяснения не только противоречили словам Рушайло, но, похоже, удивили и рязанское ФСБ, которое, судя по всему, было на грани поимки людей, подложивших мешки.[3] Житель, первым обратившийся в милицию, позднее рассказал, что вещество, которое он видел в мешках, было желтым и по текстуре больше напоминало рис, чем сахар, – а это описание, по словам экспертов, соответствовало гексогену.[4]

Еще много месяцев жильцы дома № 14 по улице Новоселов были возмущены, сбиты с толку и травмированы противоречивыми версиями. Некоторые настаивали, что не верят, будто это могли быть просто учения.[5] Позднее появились сведения, что местные правоохранители перехватили телефонный звонок, который, по их мнению, предполагаемые террористы сделали на связанный с ФСБ номер в Москве.[6] Если это правда, то начинало казаться, что Патрушев объявил инцидент учениями для того, чтобы расследование не пошло дальше. Местные власти, участвовавшие в расследовании, замолчали, отказываясь от комментариев прессе, кроме подтверждения официальной версии об учениях. Милицейского эксперта-взрывотехника, проводившего первые анализы, перевели в специальное подразделение, сотрудникам которого запрещено общаться с прессой.[7] Материалы дела немедленно засекретили.[8]

---

[1] Там же: в программе показаны кадры, где Рушайло 24 сентября выступает перед сотрудниками правоохранительных органов в здании МВД и сообщает, что взрыв в Рязани предотвращен. Там же – кадры, на которых Патрушев через тридцать минут говорит телерепортеру, что это были лишь учения и в мешках был только сахар.

[2] Патрушев начинал вместе с Путиным в контрразведке Ленинградского КГБ, а затем возглавил городское подразделение по борьбе с контрабандой. К 1994 году он перебрался в Москву, где возглавил важнейшее Управление собственной безопасности ФСБ.

[3] Александр Литвиненко, Юрий Фельштинский. «ФСБ взрывает Россию». Авторы приводят заявление, по-видимому опубликованное рязанским управлением ФСБ вскоре после того, как Патрушев назвал инцидент учениями: «Как стало известно, обнаруженное 22.09.99 устройство, имитирующее взрывное, было частью межрегиональных учений. Это известие стало для нас неожиданным и поступило уже после того, как ФСБ установила в Рязани место проживания лиц, заложивших взрывное устройство, и готовилась к их задержанию». Там же приводятся слова начальника следственного отдела УФСБ по Рязанской области Юрия Максимова от 21 марта 2000 года: «Мы восприняли события той ночи очень серьезно, как боевую обстановку. Известие о том, что это были учения ФСБ, стало для нас полной неожиданностью и пришло тогда, когда мы установили места проживания лиц, заложивших муляж (как потом оказалось) устройства, и готовились к их задержанию». Anatoly Medetsky. Sacks in the Basement Still Trouble Ryazan // Moscow Times, 24 сентября 2004 г.

[4] «Независимое расследование: рязанский сахар»; Medetsky. Sacks in the Basement Still Trouble Ryazan.

[5] «Независимое расследование: рязанский сахар».

[6] Литвиненко, Фельштинский. «ФСБ взрывает Россию»; документальный фильм «Покушение на Россию» (Blowing up Russia), продюсеры Жан-Шарль Денио и Шарль Газель, 2002.

[7] Medetsky. Sacks in the Basement Still Trouble Ryazan.

[8] «Независимое расследование: рязанский сахар».

Несколько лет спустя, в 2003 году, отважный бывший полковник ФСБ Михаил Трепашкин, рискнувший заняться расследованием московских взрывов, был осужден и приговорен к четырем годам в военной колонии. Его арестовали всего через несколько дней после того, как он рассказал журналисту, что фоторобот одного из подозреваемых в первом взрыве – на улице Гурьянова, 19 – похож на человека, в котором он узнал агента ФСБ.[1] (Фоторобот, составленный по описанию одного из очевидцев, управляющего домом, впоследствии заменили на более подходящий – чеченца, утверждавшего, что его подставили. Первоначальный фоторобот исчез из милицейских дел.[2])

Если в этом действительно и состояла смертоносная тайна путинского восхождения, то это было первым леденящим свидетельством того, на что готовы пойти люди из КГБ. Годами вокруг взрывов клубились вопросы, а журналисты-расследователи писали исчерпывающие отчеты обо всем, что тогда произошло, лишь натыкаясь на стену отрицания со стороны путинского Кремля. Но недавно в кремлевской версии появилась одна из первых трещин. Бывший кремлевский чиновник утверждает, что слышал, как Патрушев сам рассказывал о том, что на самом деле произошло в Рязани. Однажды Патрушев негодовал по поводу того, что министр внутренних дел Владимир Рушайло – оставшийся с ельцинских времен и тесно связанный с Березовским – едва не раскрыл причастность ФСБ к взрывам: его подчиненные были близки к поимке агентов, работавших на ФСБ и заложивших взрывчатку. Рушайло, стремившийся добыть компромат на ФСБ и Патрушева, едва не провалил всю операцию. ФСБ пришлось дать задний ход и заявить, что в мешках был всего лишь сахар, чтобы предотвратить дальнейшее расследование.[3]

Патрушев, судя по всему, не выказывал никакого раскаяния – лишь злость оттого, что ФСБ грозило разоблачение. Бывший кремлевский чиновник говорит, что до сих пор не может до конца осмыслить то, что, как он помнит, услышал: «Не было никакой нужды во взрывах. Выборы у нас и так были в кармане». Кремлевская пропагандистская машина и без того была достаточно мощной, чтобы обеспечить победу Путина. Но Патрушев, по его словам, «хотел привязать Путина к себе и измазать его кровью».[4]

Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков назвал это утверждение «полной чушью». А Валентин Юмашев и по сей день настаивает, что за взрывами жилых домов никак не мог стоять заговор ФСБ: «Я абсолютно уверен, что это не так. Страна категорически не хотела второй чеченской войны».[5] Первая война была настолько унизительной – некогда великая российская армия потеряла столько жизней в крошечной республике, которую едва найдешь на карте, – что «быть инициатором войны в Чечне было самоубийством». «Организовывать взрывы жилых домов, чтобы начать вторую войну, – говорит Юмашев, – значило бы полностью уничтожить политическое будущее человека, которого ты пытаешься поддержать». Но кампания, которую вел Путин, разительно отличалась от войны Ельцина,

[1] Игорь Корольков. «Фоторобот не первой свежести» // Московские новости, 11 ноября 2003 г.; М. И. Трепашкин. «На первом фотороботе был агент ФСБ» // chechenpress.com, 18 сентября 2003 г.; см. также: Scott Anderson. None Dare Call It Conspiracy // GQ, сентябрь 2009 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с бывшим кремлевским чиновником, декабрь 2014 г. Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков назвал утверждения бывшего кремлевского чиновника «полной чушью»: «Не обращайте внимания на этого инсайдера. Он ничего не знает».

[4] Там же.

[5] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

унесшей столько жизней. Она состояла в основном из авиаударов, а не из ввода сухопутных войск, и Путин с самого начала ясно обозначил это различие: «На этот раз мы не будем подставлять наших ребят под огонь», – сказал он.[1] Кремлевский политтехнолог Павловский тоже отрицал, что какой-либо заговор мог существовать: «Взрывы жилых домов… казались нам электорально выгодными для Лужкова. Но вдруг он исчез из виду… Тем гексогеновым сентябрем мэр Москвы утратил шанс на лидерство в России».[2]

Но у Лужкова как мэра Москвы не было полномочий отдавать приказы об авиаударах по Чечне в отместку за теракты. Хотя его поддерживал канал НТВ медиамагната Владимира Гусинского, он никогда не смог бы мобилизовать пропагандистскую машину, подобную государственному телеканалу РТР и ОРТ Березовского, которые раболепно восхваляли каждый шаг Путина. Все кремлевские контраргументы выглядели слабыми. Если взрывы были заговором ФСБ, их могли осуществить без ведома и участия ельцинской «Семьи». Люди Путина из КГБ вполне могли безжалостно проявить инициативу сами. «Мы все думали, что это теракт. Нам и в голову не приходило, что это может быть что-то другое», – говорит один человек, близкий к ельцинской «Семье».[3] Но если заговор ФСБ существовал, то он выходил далеко за рамки даже методичек КГБ, который с 1960-х годов поддерживал террористические группировки на Ближнем Востоке и в Германии как средство дезорганизации и раскола Запада. Немецкие террористические группировки, которые курировали Штази и КГБ, взрывали американских военнослужащих в берлинских ночных клубах и немецких банкиров по дороге на работу[4], а Владимир Путин – если верить рассказу одного бывшего члена немецкой «Фракции Красной армии» – курировал членов этих группировок, служа в Дрездене.[5] Совсем другое дело, конечно, – направить такую тактику против собственных граждан. «Тогда я не мог поверить, что какой-либо гражданин России будет готов убить столько мирных людей ради своих политических целей, – говорит один российский магнат, близкий к Березовскому. – Но теперь, хотя я не знаю, участвовали они в этом или нет, я знаю одно: они действительно способны и на большее».[6] «Как ни посмотри, он начал предвыборную кампанию со взрывов жилых домов», – говорит один видный российский банкир, связанный с внешней разведкой.[7]

---

[1] Brian Whitmore. Real Target of Airstrikes May Be PR // Moscow Times, 28 сентября 1999 г.; статья во «Времени МН» от 27 сентября 1999 года, в которой Путин заявляет: «На этот раз мы не будем подставлять наших ребят под огонь… Мы будем использовать все современные силы и средства для уничтожения террористов. Мы уничтожим их инфраструктуру. Спецподразделения будем использовать только для зачистки территории. Мы будем беречь наших людей. Конечно, это требует времени и терпения».

[2] Павловский. «Экспериментальная родина», июль 2018 г.

[3] Интервью автора с человеком, близким к ельцинской «Семье», июль 2018 г. Согласно одной из версий, «Семья» могла вместе с Путиным и ФСБ спровоцировать вторжение чеченцев в Дагестан, чтобы развязать вторую чеченскую войну, которая вознесла бы Путина к власти, а сентябрьские взрывы жилых домов стали самодеятельностью ФСБ – а именно Патрушева, – зашедшей далеко за рамки всего, что изначально планировалось для продвижения Путина. Один близкий соратник Березовского (интервью автора, октябрь 2019 г.), однако, предположил также, что взрывы могли устроить чеченцы в отместку за то, что им не заплатили за более ранние вооруженные вторжения в Дагестан, – если эти вторжения действительно планировались как способ ускорить восхождение Путина к власти.

[4] См. главу 1.

[5] Интервью автора с бывшим членом «Фракции Красной армии», март 2018 г.

[6] Интервью автора с российским олигархом, июль 2018 г.

[7] Интервью автора с видным российским банкиром, связанным с внешней разведкой, январь 2019 г.

Путин предстал жестким лидером нового поколения. «Кампания приобрела стилистическую маску национально-освободительной революции, – говорит Павловский. – Простой парень из ленинградской коммуналки от имени народа брал Кремль… Решение Путина начать войну в отместку за взрывы было спонтанным, но оно не разрушило нашу модель. Оно вписывалось в идею сильного нового режима».[1]

* * *

Еще долгие годы Бориса Березовского – быстро говорящего математика, бывшего главным олигархом-инсайдером ельцинской эпохи, – преследовали взрывы жилых домов. Позднее, рассорившись с путинским Кремлем и оказавшись в изгнании в Лондоне, он неоднократно заявлял о причастности ФСБ к этим взрывам.[2]

Но в те дни Березовский еще был в одной лодке с Кремлем, и по мере приближения парламентских выборов в декабре 1999 года он отбросил сомнения насчет кагэбэшного прошлого Путина[3] и твердо поддержал путинскую кампанию. Несмотря на то что он лежал в больнице с гепатитом, той осенью он развернул через свой федеральный телеканал ОРТ сокрушительную медийную кампанию, стремившуюся уничтожить репутацию Примакова и Лужкова. Те создали мощный парламентский союз «Отечество – Вся Россия», и думские выборы должны были стать первой решающей проверкой его силы. С больничной койки Березовский поздно вечером звонил на ОРТ с инструкциями для Сергея Доренко[4] – популярного ведущего с низким голосом, который в еженедельных передачах громил Примакова и Лужкова, переходя все границы даже по меркам российских информационных войн с поливанием грязью. В одной из передач Доренко обвинил Лужкова в получении 1,5 миллиона долларов откатов от коррумпированного мэра испанского приморского городка, а его жену Елену Батурину, крупнейшего строительного магната Москвы, – в выводе сотен миллионов за границу через цепочку иностранных банков.[5] Шестидесятидевятилетний Примаков, говорил Доренко в другой передаче, не годится в президенты из-за недавно перенесенной в Швейцарии операции на тазобедренном суставе. Чтобы подкрепить этот довод, показывали натуралистичные кадры с кровью и костями во время подобной операции, проводившейся другому пациенту в Москве. Добивая лежачего, Доренко утверждал, что, будучи руководителем российской внешней разведки, Примаков мог быть причастен к двум покушениям на президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. В программе также почти без перерыва крутили запись Скуратова с проститутками – чтобы дискредитировать губернаторов, вступивших в «Отечество – Вся Россия» и поддержавших Скуратова.[6]

---

[1] Павловский. «Экспериментальная родина».

[2] Patrick E. Tyler. Russian Says Kremlin Faked «Terror Attacks» // New York Times, 1 февраля 2002 г.

[3] Александр Гольдфарб, Марина Литвиненко. «Саша, Володя, Борис… История убийства», с. 180–182. В книге приводится рассказ Березовского о сомнениях, охвативших его, когда в конце августа 1999 года, после назначения Путина премьер-министром, он побывал у него в новом кабинете и увидел на столе статуэтку Феликса Дзержинского, основателя советской тайной полиции. Он забеспокоился, что Путин по-прежнему привязан к КГБ, и подумал, не поздно ли еще найти другого преемника. Лишь после того, как он отправил Абрамовича на день рождения Путина 7 октября, а тот доложил, что других шпионов на празднике не было, он решил поддержать Путина.

[4] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[5] Brian Whitmore. Agendas Clash on Sunday TV News // Moscow Times, 12 октября 1999 г.

[6] Andrei Zolotov Jr. Media Wars Turn to Blood and Guts // Moscow Times, 26 октября 1999 г.

Березовский, как всегда кипевший энергией, говорил, что намерен уничтожить Примакова и Лужкова. Однажды ранней осенью он ночью ушел из больницы, чтобы навестить соратника и организовать логистику кампании. «Он был весь закутан. Выглядел как сумасшедший, – говорит этот соратник.[1] – Как обычно, при нем было три мобильных телефона, и он говорил без умолку. Все повторял: „Я разобью их на мелкие куски. От них ничего не останется“». Хотя рейтинг одобрения Путина неуклонно рос, ставки были высоки. Уголовные расследования деловых операций Березовского, начатые при Примакове, все еще продолжались. Над ним по-прежнему висела угроза ареста.[2]

Доренко был чрезвычайно эффективным медийным «псом нападения», и поддержка «Отечества – Всей России» начала медленно падать. Но обвинения против Примакова и Лужкова могли показаться безобидными по сравнению с финансовыми скандалами вокруг ельцинской «Семьи», которые во всех подробностях освещал конкурирующий канал НТВ, поддерживавший Примакова и Лужкова. И хотя Березовский помогал сколачивать новую прокремлевскую парламентскую партию «Единство» в противовес «Отечеству – Всей России», она казалась не более чем аморфной массой безвестных и безликих бюрократов. В середине ноября рейтинг «Единства» составлял всего 7 процентов против почти 20 процентов у «Отечества – Всей России».[3]

Лишь когда в конце ноября Путин публично заявил о поддержке «Единства», рейтинг партии взлетел. К тому времени сплошное телевизионное освещение решительных действий Путина против Чечни превратило его в политического царя Мидаса, и за неделю рейтинг «Единства» подскочил с 8 до 15 процентов.[4] Рейтинг «Отечества – Всей России» упал примерно до 10 процентов, несмотря на сохранявшуюся высокую личную поддержку Примакова, а лидировали коммунисты с 21 процентом. Собственный рейтинг Путина был заоблачным – 75 процентов.[5] Даже при геркулесовых усилиях Березовского и Доренко Кремль мог бы проиграть парламент, если бы не поддержка «Единства» Путиным.

В день голосования, 18 декабря, «Единство» получило неожиданно высокий результат – 23 процента, всего на один процентный пункт меньше коммунистов. И что еще важнее, «Отечество – Вся Россия» Примакова и Лужкова потерпело сокрушительное поражение, набрав лишь 12,6 процента голосов.[6] Юмашев утверждал, что лишь тогда Ельцин окончательно убедился в силе Путина как восходящей политической фигуры и принял решение уйти досрочно, чтобы уступить ему дорогу. Он настаивал, что Ельцин принял решение сам, а роль Пугачева была минимальной.[7]

В мемуарах, которые Юмашев написал за Ельцина, российский президент рассказывает, как 14 декабря, за четыре дня до выборов, вызвал Путина, чтобы сообщить ему о

[1] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[2] Один человек, близкий к Березовскому, рассказал, что тот ранее перехватил переписку Примакова и Скуратова, из которой следовало, что он значится первым в списке на арест (интервью автора, июль 2018 г.).

[3] Michael McFaul. Russia's 1999 Parliamentary Elections: Party Consolidation and Fragmentation, demokratizatsiya.pub/archives/081_McFaul.PDF. Приводимые Макфолом данные опросов показывают, что в июле рейтинг «Отечества – Всей России» составлял 28 процентов.

[4] Andrei Zolotov Jr. Shoigu's Unity Rides on Putin's Coattails // Moscow Times, 4 декабря 1999 г.

[5] Putin Soars High on War's Wings // Moscow Times, 1 декабря 1999 г.

[6] Sarah Karush. Pro-Kremlin Parties Sweep into Duma // Moscow Times, 21 декабря 1999 г.

[7] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

своем решении уйти. По словам Ельцина, Путин, казалось, не горел желанием брать власть. Ельцин пишет, что, встретившись с ним в тот день, сказал Путину: «Я хочу уйти в этом году, Владимир Владимирович. Именно в этом. Это очень важно. Новый век должен начаться с новой политической эпохи, эпохи Путина. Понимаете?» По словам Ельцина, Путин долго молчал, прежде чем ответить: «Я не готов к этому решению, Борис Николаевич. Это довольно тяжелая судьба».[1]

Но ни история о мнимом нежелании Путина, ни то, что Ельцин якобы решил уйти лишь в последний момент, не согласовывались с тем, как развивались события. Не согласовывались они и с рассказом Пугачева и двух других кремлевских чиновников о том, что решение было принято гораздо раньше. За месяцы, предшествовавшие парламентским выборам, Путин по сути уже взял под контроль армию и всю правоохранительную систему, включая спецслужбы, а Ельцин отошел в тень. Путин не мог бы действовать так решительно и так по-президентски, как он действовал в военной кампании против Чечни, если бы не получил определенных гарантий того, что вот-вот станет президентом.

Даже если Путин лично и не стремился к президентству, в те дни он был лишь одним из группы силовиков, приходивших к власти. Выступая в последние дни 1999 года перед сотрудниками ФСБ на ежегодном праздновании Дня чекиста, как называли работников тайной полиции, он ясно дал понять, что их час настал: «Группа сотрудников ФСБ, направленная для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется», – сказал он.[2] Он произнес это с невозмутимым лицом, но не смог сдержать ухмылки, заканчивая речь. Если это и было шуткой, то глубокие тени под глазами Путина и его бледный, изможденный вид говорили о другом. По сути, Путин сообщал силовикам, что страна наконец принадлежит им.

Это высказывание Путина прошло незамеченным. Но поддерживавшие его силовики в Кремле исподволь готовились. За три дня до конца года Путин опубликовал на новом правительственном портале статью, звучавшую как манифест силовых структур. Под названием «Россия на рубеже тысячелетий»[3] он впервые изложил свое видение страны.

Статья сигнализировала, что Путин намерен принять мантию современного наследника Андропова. Он изложил программу новой эпохи государственного капитализма, при которой Россия соединит сильную руку государства с элементами рыночной экономики. Цель состояла в модернизации и повышении эффективности за счет поощрения экономического роста и дальнейшей интеграции в мировую экономику, но также в стремлении к стабильности и сильной государственной власти. С одной стороны, это был решительный отказ от догм коммунизма, который Путин назвал «путем в тупик», обошедшимся стране «непомерной ценой» и обрекшим ее на отставание от экономически развитых стран. Но это был и отказ от пути, на который Ельцин когда-то стремился вывести Россию, – пути либеральной демократии западного образца. Стране предстояло искать третий путь, опирающийся на ее традиции сильного государства. «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции, – писал Путин. – Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует

[1] Борис Ельцин. «Президентский марафон» (англ. изд.: Midnight Diaries, p. 6).

[2] Выступление Путина в ФСБ, декабрь 1999 г.: https://www.youtube.com/watch?v=6xkLdzrniyo.

[3] Владимир Путин. «Россия на рубеже тысячелетий», 27 декабря 1999 г. Статья больше недоступна на правительственном портале www.government.gov.ru, где была опубликована, но ее можно прочесть здесь: myruwin.ru/Vladimir-putin-rossija-na-rubezhe-tysjacheletij.

бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен».[1]

В предновогодней суете, накануне нового тысячелетия, этого почти никто не заметил. Лишь одна общенациональная газета откликнулась на статью Путина комментарием.[2] В остальном она не привлекла ничьего внимания. По всей России семьи бегали за последними подарками. На заснеженных площадях продавали елки. Улицы, как обычно, стояли в пробках. В большинстве домов семьи собирались у телевизора, чтобы послушать ежегодное новогоднее обращение российского президента. Но в этом году ровно в полночь смена тысячелетий началась с потрясения. Нетвердо держась, с одутловатым лицом, но с достоинством Ельцин объявил народу, что уходит досрочно и назначает Путина исполняющим обязанности президента. Он сделал это заявление со всем размахом и драматизмом, которыми отличалось его бурное правление. Его решение держалось в тайне до самого конца. «Я много раз слышал: Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст. Это – вранье, – сказал он. – Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми. А мы, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти».

Но Ельцин ушел и с поразительным проявлением смирения – извинившись за почти десятилетие хаоса, развернувшегося, пока он пытался демонтировать советский режим, и за то, что в конечном счете так и не смог в полной мере дать своей стране свободу: «Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком – и все одолеем. Одним рывком не получилось».[3]

Это был горький возглас о том, что могло бы быть, – и, возможно, пророчество о том, что ждало впереди. Он передавал страну, измученную одним экономическим кризисом за другим. Но он отдавал ее человеку, которому помогла прийти к власти группа силовиков, считавших, что главное достижение ельцинской эпохи – утверждение базовых демократических ценностей – поставило страну на грань краха. Когда Ельцин передал президентство Путину, демократические ценности казались прочными. Губернаторы избирались. СМИ были в основном свободны от вмешательства государства. Верхняя и нижняя палаты парламента служили площадкой для критики правительственной политики. Но те, кто поддержал восхождение Путина, считали, что Ельцин зашел со свободами, доставшимися стране с таким трудом, слишком далеко, что под влиянием Запада он породил режим беззакония, приведший к власти коррумпированную олигархию и выставивший на продажу само государство. Вместо того чтобы укреплять демократические институты, обуздывая безудержные излишества ельцинских лет, они намеревались демонтировать демократию – исключительно ради укрепления собственной корыстной власти.

Если Ельцин и догадывался, что Путин находится под влиянием этого образа мыслей, что тот вот-вот повернет стрелки назад, к мрачному эху серого тоталитарного прошлого, он

[1] Путин. «Россия на рубеже тысячелетий».

[2] «Владимир Путин обнародовал свою программу» // Независимая газета, 30 декабря 1999 г.

[3] Новогоднее обращение Ельцина, YouTube: https://www.youtube.com/watch?v=q0Zb8QqXo0A.

изо всех сил старался этого не показывать. Но по сути он передавал власть комитетчику, ставшему избранным «лицом» тех кадров внешней разведки, которые когда-то сами начали переход Советского Союза к рынку, понимая, что для выживания нужно меняться. Для этих людей выдвижение Путина в преемники Ельцина означало, что революция, начатая ими ради прихода рынка в Россию, может быть завершена. Фрагменты сетей КГБ, сохраненные ими после распада СССР, когда они следовали указаниям Политбюро о создании скрытой экономики, были готовы к оживлению и восстановлению. Финансовый крах при Ельцине дал им сильные позиции для возвращения себе лидерства. Путинская программа сильного государства нашла отклик у населения, глубоко разочаровавшегося в безудержной вольнице ельцинской эпохи. Люди устали от десятилетия, в течение которого их бросало от одного финансового кризиса к другому, а горстка близких к власти бизнесменов сколотила невообразимые состояния. При правильной хореографии путь для силовиков был открыт. «Возвышение Путина было естественным следствием девяностых», – говорит один бывший высокопоставленный правительственный чиновник, тесно связанный со спецслужбами.[1]

Как только Ельцин объявил об уходе и назначил Путина исполняющим обязанности президента, Примаков и Лужков отступили в тень, уступив Путину дорогу. После поражения «Отечества – Всей России» на парламентских выборах ни один из них не стал баллотироваться в президенты. Вместо этого они отбросили видимое прежнее соперничество и поддержали Путина. Примаков – бывший руководитель российской внешней разведки, стоявший в центре советских усилий по перестройке и прекращению идеологического противостояния с Западом, – уступил дорогу представителю младшего поколения КГБ. Тем самым он освобождал место для группы, которая будет искуснее в завершении перехода России к государственному капитализму, глубоко проникающему на международные рынки. Люди Путина не были бы запятнаны, как был бы запятнан Примаков своим коммунистическим прошлым, которое, несмотря на его роль в первоначальном переходе России, по-прежнему глубоко окрашивало его взгляды и поступки. Они принадлежали к куда более коммерческому поколению, которое поначалу любило изображать себя прогрессивным. Они были моложе, и престарелые генералы во главе российской внешней разведки все еще думали, что смогут ими управлять. Однако Примаков передавал эстафету группе гораздо более безжалостной, чем его собственная, готовой на все ради собственного восхождения к власти.

Хотя Примаков так же непременно стремился бы восстановить мощь российского государства и мощь КГБ, ему не пришлось карабкаться через пропитанные криминалом руины Санкт-Петербурга девяностых. Он не был частью сплава КГБ и организованной преступности, безжалостно захватившего морской порт и топливные сети города, делившего плоды приватизации городской собственности с тамбовской организованной преступной группировкой, а затем отмывавшего деньги. Он не принадлежал к младшему поколению КГБ, пробивавшемуся в восьмидесятые, перекачивая деньги и технологии через западные системы и сочетая сети КГБ со свирепой капиталистической хваткой. Он был старшим, более принципиальным государственным деятелем эпохи холодной войны, стоявшим намного выше захвата активов в девяностые. Он не был похож на людей Путина, оставшихся в стороне от дележа девяностых и жаждавших урвать для себя кусок национального богатства.

Последствия решения ельцинской «Семьи» поддержать Путина, чтобы спастись от атак Примакова и прокуроров, будут ощущаться в России и во всем мире еще десятилетиями. Мы

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным правительственным чиновником, близким к спецслужбам, январь 2014 г.

никогда не узнаем, что было бы, если бы президентом стал Примаков. Но можно с уверенностью сказать, что его вариант реванша КГБ никогда не продлился бы так долго, как путинский, и в конечном счете он не действовал бы на международной арене столь безжалостно. Привязанность к коммунистической эпохе сделала бы его мишенью для ответного удара. Он выглядел бы динозавром из прошлого[1], а президентство Степашина было бы гораздо мягче и вряд ли привело бы к такому свертыванию свобод, какое повлек за собой путинский режим.

* * *

Согласившись уйти досрочно, Ельцин открыл путь к немедленному сворачиванию части демократических завоеваний своего правления. Он почти предрешил избрание Путина президентом. Как исполняющий обязанности президента, Путин имел за спиной всю мощь администрации и мог тратить государственный бюджет почти как хотел. Накануне выборов, назначенных на 26 марта, он подписал указ о повышении зарплат учителям, врачам и другим бюджетникам на 20 процентов.[2] Никто не сомневался, что он победит.

Ему почти не пришлось вести кампанию, и ко всему избирательному процессу он относился с пренебрежением. «Я никогда в самом страшном сне не мог представить, что буду участвовать в выборах, – сказал он журналистам в ночь выборов. – Мне кажется, это абсолютно постыдное дело… Всегда нужно обещать больше, чем соперник, чтобы выглядеть успешным. Я никогда не мог представить, что мне придется давать обещания, заранее зная, что их нельзя выполнить. Слава богу, то, как была построена эта президентская кампания, позволило мне этого избежать. Мне не пришлось обманывать огромную часть населения».[3]

Он отказался участвовать в телевизионных дебатах с другими кандидатами – стойким лидером коммунистов Геннадием Зюгановым и пламенным националистом из ЛДПР Владимиром Жириновским, – оба уже проигрывали Ельцину в 1996 году, а против Путина имели еще меньше шансов. Он отказался от телевизионных роликов в западном стиле и шумных мероприятий, которыми отличалась кампания Ельцина. «Эти ролики – реклама, – сказал он журналистам. – Я не собираюсь в ходе своей избирательной кампании выяснять, что важнее – „Тампакс“ или „Сникерс“», – презрительно добавил он.[4]

Дело в том, что в те дни Путин вряд ли пережил бы какие-либо телевизионные дебаты. Публичным политиком он никогда не был. Но ему предоставили легкий выход. Вместо предвыборной кампании роль исполняющего обязанности президента обеспечила ему подобострастное сплошное освещение по телевидению, изображавшее его решительным лидером нации. Его показывали в разъездах по стране, на заводах, в полете в Чечню на истребителе Су. Все это, настаивали сотрудники штаба, было частью его рабочего графика и

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным кремлевским чиновником, ноябрь 2017 г., в котором он сказал, что при руководстве Лужкова и Примакова «то, на что у Владимира Владимировича ушло семнадцать лет, произошло бы за четыре года. Все это растянулось». Также интервью автора с бывшим советником президента по экономическим вопросам Андреем Илларионовым, сентябрь 2015 г.: «Если бы это был Примаков, не было бы начального периода экономических реформ, как при Путине. Но Примаков и не был бы так жесток в ликвидации оппозиции. Его режим было бы легче свергнуть через два, три или четыре года. Возник бы союз демократов и олигархов против КГБ, и был бы шанс свергнуть режим КГБ. Примаков не был бы в состоянии привести младшее поколение КГБ и не смог бы поддерживать стабильность режима».

[2] Catherine Belton. Putin Campaign Cranks Through Regions // Moscow Times, 22 марта 2000 г.

[3] Путин в ночь выборов: https://www.youtube.com/watch?v=DhQynqCXWAk.

[4] Catherine Belton. Putin Walks his Way into Women's Hearts // Moscow Times, 9 марта 2000 г.

не имело никакого отношения к избирательной кампании. Такая тактика нашла отклик у избирателей, разочаровавшихся в ельцинском позерстве и политических драмах. Им просто нужен был кто-то, кто будет руководить. Соперники Путина остались далеко позади – маргинальные фигуры, не имевшие значения на выборах, исход которых стремительно становился предрешенным. За два дня до голосования Путин и Лужков вместе появились на московской стройке, выставив свое перемирие на всеобщее обозрение.[1]

Кремль был преподнесен Путину на блюдечке. «Это было как рождественский подарок. Просыпаешься утром – а он уже лежит, – говорит Пугачев. – Настоящих выборов не было, а вся система уже была выстроена».[2]

Но в спешке, с которой Путина водворяли во власть, одно тревожное предзнаменование почти никто не заметил. Он начал свою кампанию с прощания с человеком, который был его наставником и который в глазах ельцинской «Семьи» определял его как прогрессиста и демократа. Бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак скоропостижно скончался как раз тогда, когда должна была официально начаться избирательная кампания. Он вернулся в Россию из вынужденной эмиграции в Париже незадолго до того, как прошлым летом Путина назначили премьер-министром. Уголовное дело, обвинявшее его во взяточничестве в бытность мэром, было прекращено, возможно, по инициативе Путина. А теперь, когда его бывший протеже стремительно становился руководителем страны, ему не нужно было опасаться, что это дело снова всплывет. Внешне он поддержал кампанию Путина. Но, по словам Пугачева, Собчак предупреждал его, что тот совершает ошибку, выдвигая Путина, а в ноябре 1999 года он позволил себе редкий выпад против петербургского ФСБ и других правоохранительных органов за агрессивный захват Балтийского морского пароходства, заявив, что виновных в его банкротстве нужно посадить.[3] Это был единственный раз, когда он публично критиковал постсоветские правоохранительные органы города, и больше он этого никогда не делал.

В день его смерти, 20 февраля 2000 года, его сопровождал человек из российского преступного мира, из теневой спайки спецслужб и организованной преступности. Это был Шабтай Калманович – оперативник КГБ, в 1988 году приговоренный в Израиле к пяти годам за шпионаж в пользу Советов, а после освобождения наладивший тесные связи с лидерами самой могущественной российской организованной преступной группировки – солнцевской. Калманович был близким партнером бизнесмена, ввозившего южноамериканские фрукты через петербургский морской порт, и, по словам одного бывшего городского чиновника, занимался также южноамериканской контрабандой. Для вдовы Собчака Калманович был другом семьи.[4] Но для ФБР он был «влиятельным членом Солнцевской организации… эмигрантом-миллионером из России… связанным с бывшими агентами КГБ и высокопоставленными российскими, израильскими и иными государственными чиновниками по всему миру».[5]

[1] Catherine Belton. Luzhkov Shows Putin About Town // Moscow Times, 24 марта 2000 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[3] Анатолий Собчак. «Как Россия потеряла флот на Балтике и кто в этом виноват?» // Московские новости, 6 октября 1998 г., https://web.archive.org/web/20131029211741/http://datarhiv.ru/51/85.

[4] Елена Масюк. «Володя, только не бронзовей», интервью с Людмилой Нарусовой // Новая газета, 9 ноября 2012 г.

[5] Доклад ФБР об империи и соратниках Семена Могилевича, 1995 г., получен автором.

Петербургский морской порт, казалось, преследовал Собчака повсюду. Когда он жил в Париже, его близким соседом был Илья Трабер[1] – видный член тамбовской организованной преступной группировки, контролировавший морской порт и подружившийся с Собчаками еще в начале девяностых, когда торговал антиквариатом. А когда Собчак умер, Калманович, похоже, снова привел к нему морской порт. Пожаловавшись на боли в груди, Собчак рано ушел в свой гостиничный номер в Калининграде, куда приехал читать курс лекций в местном университете. Полчаса спустя его нашел без сознания «человек, проживавший в соседнем номере».[2] Дверь его номера была не заперта. Почему-то скорую вызвали лишь еще через тридцать минут, а когда она приехала спустя еще десять минут, Собчак был мертв.[3] Как позднее рассказала вдова Собчака, нашел его именно Калманович.[4]

Поначалу местные власти начали расследование по подозрению в отравлении, но позднее объявили, что Собчак умер естественной смертью. У него и раньше был инфаркт. Но некоторые соратники до сих пор задаются вопросом, не знал ли он слишком много для спокойствия людей Путина. Собчак был посвящен в некоторые из самых темных дел путинского Петербурга: схему «нефть в обмен на продовольствие», отмывание денег тамбовской группировки через компанию по недвижимости SPAG, приватизацию и развал Балтийского морского пароходства, приведшие к захвату Трабером морского порта и нефтяного терминала. Никто не смог объяснить, почему скорую не вызвали сразу же, как только его нашли без сознания. «Я не верю, что он умер своей смертью, – говорит один бывший соратник Трабера. – Он слишком много знал обо всем этом. Конечно, от него избавились, но они слишком умны, чтобы оставлять следы».[5]

Путин утешал вдову Собчака Людмилу Нарусову, плакавшую в петербургском Таврическом дворце, где проходило прощание. Он публично осудил тех, кто преследовал Собчака по обвинениям в коррупции, заявив, что тот умер жертвой травли.[6] Нарусова – эффектная блондинка, которая впоследствии сама станет политиком, сенатором в Совете Федерации, – похоже, цеплялась за веру в то, что Путин все это время оставался верен ее мужу. Но лишь однажды, много лет спустя, она позволила себе высказать сомнения насчет его смерти. Это было в ноябре 2012 года, вскоре после того как ее сенаторская карьера внезапно оборвалась: ее неожиданно сняли с выдвижения на переизбрание. По мере того как путинское правление выкорчевывало последние остатки парламентской свободы, она стала слишком откровенной и критичной. Ее отставка и закручивание гаек в политике страны, свидетелем которого она стала, «разрушили определенные иллюзии», сказала она журналистке.[7] Она настаивала, что знает Путина как «абсолютно честного, порядочного и преданного человека», но испытывает «отвращение» к его окружению. Когда ее муж умер, она заказала независимое вскрытие. По ее словам, оно показало, что он умер от остановки сердца. Но как именно это произошло, она не сказала – лишь то, что анализы показали: причиной был не инфаркт. «Рубцы на сердце были старыми, от инфаркта, который он перенес в 1997 году. А почему

[1] Интервью автора с Нарусовой, июнь 2014 г.

[2] «Собчак оставил дверь открытой» // Коммерсантъ, 22 февраля 2000 г.

[3] Там же; Kommersant Speculates about Sobchak's Death // Moscow Times, 23 февраля 2000 г.

[4] Масюк. «Володя, только не бронзовей».

[5] Интервью автора с бывшим соратником Трабера, ноябрь 2015 г.

[6] Catherine Belton. Thousands Say Farewell to Sobchak // Moscow Times, 25 февраля 2000 г.

[7] Масюк. «Володя, только не бронзовей».

сердце остановилось – это другой вопрос», – сказала она журналистке. Она утверждала, что знает ответ, но не может его раскрыть, потому что боится за жизнь дочери: «Я вижу, на что способны эти люди, которые не хотят слышать ни слова правды. Все документы хранятся в сейфе за границей. Даже если со мной что-то случится, они все равно там будут». На вопрос, кого она имеет в виду под «этими людьми», она ответила: «Некоторые из них во власти». Больше она этого утверждения никогда не повторяла.[1]

* * *

Став исполняющим обязанности президента, Путин постепенно начал сбрасывать кожу своего петербургского прошлого и привыкать к новой жизни. Ельцин с семьей еще какое-то время оставались в огромном президентском комплексе «Горки-9» в подмосковном лесу, а Путину, все еще жившему на государственной даче премьер-министра, нужна была президентская резиденция. Пугачев повез его посмотреть три свободные государственные резиденции советских времен.[2] Одна была слишком близко к дороге, другая вообще не годилась. Но третья – огромная усадьба, построенная еще до революции, в XIX веке, – казалось, подходила. Для Пугачева резиденция под названием Ново-Огарево имела историческое и духовное значение. На рубеже веков здесь жили великий князь Сергей Александрович, сын императора Александра II, и его жена Елизавета Федоровна. В бурные предреволюционные годы бомба террориста унесла жизнь великого князя, ультраконсерватора, занимавшего пост московского генерал-губернатора. Его жена молча собрала с мостовой его руки, ноги и другие части тела и посвятила остаток жизни заботе о нуждающихся, в конце концов приняв монашество. После прихода большевиков к власти ее убили, сбросив живой в шахту, а в 1981 году она была канонизирована Русской православной церковью за рубежом. В глазах православного Пугачева Ново-Огарево было значимо как религиозная реликвия царского прошлого. Путина же дом, выстроенный в стиле неоготического шотландского замка, с огромной лужайкой, спускающейся к Москве-реке, привлек совсем другим: в нем был пятидесятиметровый бассейн. Когда Путин его увидел, говорит Пугачев, «глаза у него стали такие большие и круглые. Я понял, что больше ему в жизни ничего не нужно. Я думал, это предел его мечтаний».

Пугачев, все еще, похоже, веривший, что Путин у него под контролем, думал, что того легко будет впечатлить атрибутами президентской жизни: «До распада Советского Союза он большую часть жизни прожил в коммуналках. Ему было сорок, когда он начал работать в мэрии». Путин родился и вырос в тесной ленинградской коммуналке, и до того как КГБ отправил его в Дрезден, они с женой Людмилой продолжали жить в коммунальной квартире. «Люде сказали, что она может пользоваться кухней только с трех до пяти, – говорит Пугачев. – Можете себе представить, каково попасть вот сюда после такой жизни?»[3]

В советское время усадьбу Ново-Огарево перестроили в гостевую резиденцию для приезжавших правительственных делегаций из-за рубежа. Неподалеку, через оранжерею, построили второй дом – копию первого – для приемов ЦК. Именно там руководители советских республик собирались, работая над историческим новым союзным договором Горбачева – роковой реформой отношений между советскими республиками, ставшей одной

[1] Во время интервью с автором в июне 2014 года Нарусова отказалась отвечать на вопросы о своих прежних высказываниях «Новой газете».

[2] Интервью автора с Пугачевым, август 2016 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, май 2015 г.

из причин августовского путча 1991 года. Пугачев видел, что, кроме мелкого ремонта, для переезда Путиных нужно лишь построить достаточно высокий забор.

Пугачев, похоже, по-прежнему считал Путина лидером поневоле. Путин часто называл себя «наемным менеджером» и, казалось, был убежден, что пробудет у власти лишь несколько лет. С самого начала своей карьеры в Санкт-Петербурге, с самого первого интервью Игорю Шадхану, он неизменно представлял себя «слугой государства».

Когда вечером 26 марта 2000 года начали поступать результаты президентских выборов, Путин внешне все еще казался ошеломленным своим внезапным возвышением. Даже когда число поданных за него голосов перевалило за 50 процентов, необходимых для победы в первом туре, он, казалось, робел перед стоящей перед ним задачей. «Каждый имеет право мечтать, – сказал он журналистам, набившимся в зал его предвыборного штаба. – Но никто не должен надеяться на чудеса. Уровень ожиданий действительно очень высок… люди устали, жизнь тяжелая, и они ждут перемен к лучшему… Но я не имею права сказать, что с сегодняшнего дня начнутся чудеса».[1]

А за кулисами, на подмосковной даче Ельцина, его дочь Татьяна уже праздновала. Кадры, снятые для документального фильма Виталия Манского, показывают семью Ельцина, собравшуюся вокруг массивного дубового обеденного стола.[2] Когда число голосов за Путина переваливает за 50 процентов, начинается празднование. Разливают шампанское. Татьяна ликует больше всех, чуть ли не подпрыгивая от радости. «Можно начинать пить шампанское – маленькими глоточками! – улыбается она. – Мы победили!» Но сам Ельцин, похоже, тяжело переживает утрату власти и возможную утрату своего наследия. Одутловатый, ослабленный болезнью, он, кажется, с трудом понимает, что происходит. «Папа, а почему такое грустное лицо?» – спрашивает его в какой-то момент Татьяна. «Папа, ты рад? …Ты все сделал. Ты посмотрел на человека и увидел, что он подходит».

Но когда в ту ночь Ельцин позвонил поздравить преемника, его ждало величайшее оскорбление. Человек, которому он передал президентство, был слишком занят, чтобы подойти к телефону. Он уже был никем – стариком, который с трудом говорит и неловко возится с телефонной трубкой. Облегчение же Татьяны было очевидным. Позднее тем вечером она улыбалась и прижималась к Юмашеву в предвыборном штабе Путина, где оставшиеся с ельцинских времен Волошин, Павловский, Чубайс праздновали вместе с некоторыми из петербургских силовиков Путина. Победа была общей.

Ельцинская «Семья» по-прежнему чувствовала себя в безопасности, веря, что Путин защитит их безопасность и состояния от нападок. Когда Ельцин согласился уйти досрочно, они за кулисами заключили с его преемником пакт, говорят близкий соратник Путина и бывший высокопоставленный правительственный чиновник.[3] Одним из первых актов Путина в качестве исполняющего обязанности президента стал указ о предоставлении Ельцину иммунитета от уголовного преследования. Но за кулисами была заключена и более широкая сделка. «Переговоры, которые шли вокруг прихода Путина и ухода Ельцина, были о собственности, – говорит Андрей Вавилов, тогдашний первый заместитель министра финансов. – Предметом этих переговоров была собственность, а не устройство общества…

[1] Catherine Belton. Putin Wins, Promises No Miracles // Moscow Times, 28 марта 2000 г.

[2] Виталий Манский. «Свидетели Путина», 2018.

[3] Интервью автора с соратником Путина, март 2015 г.; интервью автора с бывшим высокопоставленным правительственным чиновником, январь 2013 г.

Все забыли. Все думали, что демократия просто будет. Каждый думал только о своих личных интересах».

Сделка должна была гарантировать ельцинской «Семье» иммунитет от преследования и сохранить финансовые империи их приближенных, прежде всего огромный бизнес делового партнера Березовского Романа Абрамовича, которого СМИ давно называли кассиром ельцинской «Семьи». Среди этих активов были нефтяная компания «Сибнефть» и алюминиевый гигант «Русал», созданный незадолго до прихода Путина к президентству и получивший разрешение взять под контроль более 60 процентов российской алюминиевой промышленности, – мощный символ сохранявшейся силы «Семьи».[1] Сделка также давала ставленникам ельцинской «Семьи» право продолжать управлять экономикой в первый срок Путина, говорит близкий соратник Путина.[2]

Юмашев, однако, отрицает, что какая-либо подобная сделка заключалась. По его словам, в указе Путина об иммунитете для Ельцина ельцинская «Семья» не упоминалась, а у «Семьи» не было никакого бизнеса, который требовалось бы сохранить. Что же до состава правительства, то «Путин был абсолютно свободен в выборе кого угодно. Он мог уволить всех». Единственная причина прихода Путина к власти, по его словам, в том, что Ельцин верил в его приверженность демократии.[3]

Пугачев тоже рассказал о любопытном эпизоде. Он настаивает, что договорился с Юмашевым и Татьяной, что они уедут из страны и предоставят Путину полную свободу действий. Единственное, что им оставалось обеспечить, по его мнению, – это гарантии иммунитета. Но Путин в последний момент, когда вскоре после выборов они встретились у него на даче, чтобы отметить официальную передачу власти, передумал и настоял, чтобы ельцинская «Семья» и ее люди в правительстве остались, говорит Пугачев: «Я этого не понял. Он все время говорил о необходимости начать с чистого листа. А тут сказал им: „Мы должны делать все это вместе. Мы одна команда“».[4]

Несмотря на этот кажущийся поворот, Пугачев все же понимал, что происходит смена режима. Люди Путина, выходцы из КГБ, приходили к власти, и он старался снискать их расположение. «В любом случае было ясно, что к власти приходят люди силы – силовики и разведчики», – говорит он.[5]

Для многих, в том числе для соратника Ходорковского Леонида Невзлина, после всего, что последовало, до сих пор остается загадкой, как ельцинская «Семья» могла заключить пакт с такими, как Путин: «Когда у них под контролем были все источники информации, как они

[1] Catherine Belton. Aluminum Sale Gets Stamp of Approval // Moscow Times, 10 марта 2000 г.

[2] Интервью автора с соратником Путина, март 2015 г. Позднее он уточнил: «Одно условие мне было ясно: четыре года он не должен был вмешиваться в управление экономикой. Это было очень ясно, но я могу только предполагать».

[3] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

[4] Представляется очевидным, что Путин и ельцинская «Семья» срослись. Один из символов слияния домов людей Путина и ельцинской «Семьи» появился вскоре после его прихода к власти. Всего через несколько месяцев после выборов родился малозаметный нефтетрейдер Urals Energy, принадлежавший двум деловым партнерам Геннадия Тимченко и Леониду Дьяченко (Sky's the Limit for Reborn Urals Energy // Platts Energy in East Europe, 31 марта 2006 г.).

[5] Интервью автора с Пугачевым, июль 2015 г.

могли привести его в Кремль? Он уже в Санкт-Петербурге был мафиози. Как они могли сделать его преемником?»[6]

[6] Интервью автора с Невзлиным, июль 2018 г.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 6

«Его создал ближний круг»

Когда Владимир Путин в одиночестве шагал по сводчатым залам Большого Кремлевского дворца, он казался крошечным на фоне величия президентской инаугурации. Серьезный, с легкой улыбкой, опущенным взглядом и чуть кособокой походкой, он был одет в темный костюм, мало чем отличавшийся от одежды обычного офисного служащего. Его учили быть неприметным и невыразительным, растворяться в любой обстановке. Но в этот день его выход возвещали трубачи в имперской бело-золотой форме, а государственные чиновники, заполнившие позолоченные залы дворца, аплодировали каждому его шагу по бесконечной красной ковровой дорожке, ведущей в сверкающий Андреевский зал.

Шло 7 мая 2000 года, и «кандидат-резидент» прибыл в Кремль. Бывший офицер КГБ, который всего восемь месяцев назад был лишь еще одним безликим бюрократом, готовился принять мантию президента России. Золото, стекавшее со стен и люстр, свидетельствовало и о планах людей из КГБ по имперскому возрождению России, и о сомнительных контрактах Mabetex, благодаря которым Кремль был восстановлен в великолепии, намного превосходящем дореволюционное, – и которые помогли Путину прийти к власти.

Никогда прежде кремлевская инаугурация не обставлялась с такой пышностью – впервые недавно отреставрированные залы дворца были открыты для государственного мероприятия, – и никогда прежде в истории страны власть не переходила от одного президента к другому мирным путем. Должно быть, Борису Ельцину было горько стоять среди блеска и золота, ставших причиной его собственного падения. Но он стоял мужественно и прямо, с трудом сдерживая волнение, превознося свободу, доставшуюся стране такой ценой. «Мы можем гордиться тем, что передача власти происходит мирно, без революций и путчей, достойно и свободно, – сказал он. – Такое возможно только в свободной стране, в стране, которая перестала бояться не только других, но и самой себя… Это возможно только в новой России, где люди научились жить и мыслить свободно. Мы писали историю новой России с чистого листа… Было много трудных испытаний, много сложностей. Но теперь нам всем есть чем гордиться. Россия изменилась. Она изменилась потому, что мы ее берегли… и твердо отстаивали наше главное завоевание – свободу… Мы не дали стране скатиться к диктатуре».[1]

Прощальные слова Ельцина звучали почти как предостережение. Но человек, принимавший в тот день мантию, был решителен и сосредоточен, и когда он заговорил, то заговорил о возрожденном российском государстве, в котором вся история страны – какой бы жестокой она ни была – должна чтиться и сохраняться. Хотя на словах он отдал должное демократическим достижениям России, главная направленность его речи отличалась от ельцинской как ночь от дня: «Через стены Кремля веками проходила история нашей страны. Мы не имеем права быть Иванами, не помнящими родства. Мы не должны ничего забывать. Мы должны знать нашу историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, сохраним связь времен… и все лучшее из нашей истории передадим потомкам. Мы верим в свои силы, в то, что действительно можем преобразить нашу страну… Могу вас заверить, что в своих действиях я буду руководствоваться только интересами государства… Считаю своим святым долгом

[1] Речь Ельцина на инаугурации Путина в 2000 году: www.youtube.com/watch?v=Q2AF_2gHHeQ.

объединять народ России, сплачивать граждан вокруг ясных целей и задач и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас одна Родина, один народ и одно общее будущее».[1]

В первых рядах аплодировавших ему в тот день стояли чиновники ельцинской «Семьи», помогавшие ему прийти к власти. Первым среди них был Александр Волошин – ловкий бывший экономист, служивший руководителем администрации Ельцина. Рядом с ним стоял басовитый Михаил Касьянов с бочкообразной грудью – еще один человек, оставшийся от Ельцина, который поднялся по служебной лестнице до поста министра финансов, ведал выплатами по стратегическим внешним долгам России и был назначен исполняющим обязанности премьер-министра, когда в новогоднюю ночь Ельцин передал бразды правления Путину. В знак пакта о преемственности, заключенного Путиным с ельцинской «Семьей», первым его актом в качестве президента стало повторное назначение Касьянова премьер-министром, а позднее в мае он вновь назначил Волошина руководителем администрации Кремля.

Но, незамеченные в массе чиновников, заполнивших золотой Андреевский зал, стояли люди из КГБ, которых Путин привез с собой из Санкт-Петербурга. В те дни их редко видели и еще реже слышали. Но это были те самые силовики, которым предстояло сначала в союзе с ельцинскими чиновниками, а затем и самостоятельно поиграть мускулами и громко заявить о себе. Уже через несколько дней после инаугурации они дадут ясный сигнал, что десятилетию свободы, которым так гордился Ельцин, приходит конец.

Среди них были связанные с КГБ бизнесмены вроде Юрия Ковальчука – бывшего физика, ставшего крупнейшим акционером петербургского банка «Россия», созданного Коммунистической партией в сумерках Советского Союза. Был там и Геннадий Тимченко – предполагаемый бывший оперативник КГБ, тесно работавший с Путиным над контролем городского нефтяного экспорта. Эти люди закалились в жестокой борьбе за деньги в петербургской экономике и теперь жаждали богатств, которые сулила Москва. Затерявшись в безликой толпе, стояла и группа малоизвестных соратников, с которыми Путин когда-то служил в Ленинградском КГБ и которых он сделал своими заместителями, став в июле 1998 года директором ФСБ. Мало кто обращал на них внимание.

Среди них был Николай Патрушев – матерый, опытный оперативник, который, по словам одного бывшего кремлевского чиновника, был в ярости оттого, что его поймали с поличным на рязанском заговоре со взрывом жилого дома. Патрушев сменил Путина на посту директора ФСБ, как только тот был назначен премьер-министром, и оставался на этом посту все два первых путинских срока. Он занимал высокие должности в ФСБ в Москве с 1994 года, задолго до начала путинского восхождения. Годом старше Путина, он служил с ним в контрразведке Ленинградского КГБ в конце семидесятых. Когда Путина назначили заместителем Собчака, Патрушев возглавлял отдел по борьбе с контрабандой только что созданного петербургского управления ФСБ – как раз тогда, когда группа бывших сотрудников КГБ во главе с Путиным начала прибирать к рукам главный канал контрабандных товаров города – Балтийское морское пароходство и стратегический морской порт.

Вскоре Патрушева перевели в Москву, где он быстро поднялся на вершину ФСБ. Сильно пьющий чекист, он сочетал крепкую капиталистическую установку на накопление богатства с широким видением восстановления Российской империи. «Он довольно простой

[1] «Инаугурационная речь Владимира Путина 7 мая 2000 года» // Московские новости, www.mn.ru/blogs/blog_reference/80928.

парень, советский человек старой закалки. Он хочет Советский Союз, только с капитализмом. Он видит в капитализме оружие» для восстановления имперской мощи России, говорит один близкий к нему человек.[1] С этим согласен и другой близкий соратник Путина: «У него всегда были очень сильные самостоятельные взгляды».[2] Патрушев всегда был визионером, идеологом восстановления Российской империи. «Он сильная личность. Он тот, кто по-настоящему верит в восстановление империи. Это он втянул Владимира Владимировича во все эти идеи», – говорит близкий к нему человек.[3] Но хотя Патрушев хорошо знал основополагающие тексты российских геополитических амбиций[4], он был безжалостным и неутомимым дельцом, который ни перед чем не останавливался, чтобы добиться своего. Он не мог говорить без мата, и если ему не отвечали тем же, он не уважал собеседника. «По-другому он не понимает, – говорит близкий к нему человек. – Он не может по-другому ни говорить, ни вести себя. Он придет на совещание и скажет: „Ну что, …, что вы опять там на…?“» Другой близкий соратник Путина сказал лишь, что Патрушев всегда был жестким, тогда как Путин поначалу был либеральнее его. Близкий к Патрушеву человек говорит, что тот всегда считал себя умнее и хитрее Путина: «Он никогда не считал Путина своим начальником». Патрушев вел вендетту против боевиков мятежной Чеченской республики – он люто ненавидел «чехов» и всех, кто с ними работал.

Среди малозаметных силовиков, аплодировавших на инаугурации Путина в Андреевском зале, был и Сергей Иванов, служивший высокопоставленным оперативником внешней разведки КГБ. Его светские манеры и свободный английский скрывали острый язык и порой жестокий нрав. Он тоже тесно работал с Путиным в Ленинградском КГБ. Два года они сидели в одной тесной комнате в штаб-квартире КГБ, Большом доме – монолитной гранитной громаде на Литейном проспекте, – пока Иванова не повысили и не перевели за границу, задолго до того, как Путин попал в Краснознаменный институт. Иванов служил в Финляндии и, возможно, в Великобритании, а затем его срочно отправили резидентом в посольство в Кении после того, как шпион, перебежавший в Великобританию, раскрыл его прикрытие.[5] В девяностые он служил непосредственно под началом Примакова заместителем начальника европейского департамента Службы внешней разведки (СВР) и стал самым молодым генералом после распада СССР. Став директором ФСБ, Путин назначил Иванова одним из своих заместителей вместе с Патрушевым, а после того как Путин занял пост премьер-министра, Иванов стал секретарем Совета безопасности России – должность, ставшая второй по влиятельности в Кремле. В путинском режиме его влияние будет расти.

Затерявшись в серой массе людей в костюмах, стоял и Виктор Иванов – усатый офицер КГБ старой закалки, смотревший на мир исключительно сквозь призму холодной войны. На два года старше Путина, он был партийным работником, прежде чем его завербовал Ленинградский КГБ. Он поступил на службу вскоре после Путина и почти два десятилетия поднимался через кадровое управление КГБ, пока не возглавил отдел по борьбе с

[1] Интервью автора с человеком, близким к Патрушеву, февраль 2015 г.

[2] Интервью автора с соратником Путина, август 2018 г.

[3] Интервью автора с человеком, близким к Патрушеву, февраль 2015 г.

[4] Например, с трудами Хэлфорда Маккиндера – английского ученого, на рубеже XIX–XX веков написавшего ряд основополагающих работ по геополитической теории, повлиявших на внешнюю политику эпохи холодной войны.

[5] Один бывший член «Фракции Красной армии», однако, говорил, что Иванов часто появлялся в Дрездене вместе с Путиным.

контрабандой петербургского управления ФСБ, приняв этот важный пост от Патрушева как раз тогда, когда люди Ильи Трабера захватывали морской порт. По словам бывшего коллеги по отделу ФСБ по борьбе с контрабандой, Иванов был печально известен тем, что палец о палец не ударял против контрабанды: «Его любимые слова были „потом“ и „не сейчас“».[1] В одном аналитическом докладе, написанном бывшим высокопоставленным офицером КГБ, высказывалось предположение, что для бездействия Иванова могла быть очень веская причина: он помогал тамбовской группировке (членом которой был Трабер) в ее усилиях захватить морской порт, когда тот использовался для контрабанды наркотиков из Колумбии в Западную Европу.[2] В докладе, впоследствии оглашенном в лондонском суде и решительно опровергнутом Ивановым, утверждалось также, что все время, пока Иванов работал в Санкт-Петербурге, Путин обеспечивал ему прикрытие.

Став директором ФСБ, Путин сразу же сделал Иванова своим заместителем, а придя к президентству, назначил его заместителем руководителя своей администрации. Его задачей было внимательно присматривать за всеми, и, по словам одного близкого к нему человека, у него была «феноменальная память» и он знал все странности каждого.[3] Доклад Юрия Швеца отзывался об этом куда менее благосклонно. Задача кадровой службы, писал он, состояла в сборе компромата на коллег и его использовании для уничтожения их карьер: «Где бы ни работал Иванов, он намеренно стравливал людей друг с другом, создавая враждебную обстановку, в которой мог доминировать, разрешая им же порожденный конфликт. Он мастерски понимает соотношение сил вокруг себя».[4]

Но, пожалуй, ближе всех к новому президенту был Игорь Сечин. На восемь лет моложе Путина, он следовал за ним как тень с самого его назначения вице-мэром. Он был его секретарем – стоял, словно часовой, за конторкой в приемной перед кабинетом Путина в Смольном, грозный страж у дверей для всех. Он контролировал доступ к Путину и все бумаги, которые тот видел. Любому, кому для создания бизнеса требовалась подпись Путина, сначала приходилось иметь дело с Сечиным. Когда одному петербургскому бизнесмену понадобилась подпись Путина для создания совместного предприятия с голландской компанией, торговавшей углем и нефтепродуктами, друзья устроили ему встречу с Путиным. После обсуждения Путин отправил бизнесмена к своему секретарю Игорю Сечину, сказав: «Он скажет, какие документы принести, и я подпишу». «Я вышел из кабинета и пошел к Сечину, не задумываясь, кто он такой, – вспоминает бизнесмен Андрей Корчагин. – Я только удивился, что это парень, а не девушка, как обычно бывают секретари. Мы тогда очень пренебрежительно относились к чиновникам. Начали говорить о том, какие документы мне понадобятся, и тут Сечин вдруг стал что-то писать на листочке. Он сказал: „И принесите…“ – и показал мне, что написал на листочке „$10 000“. Меня это страшно разозлило. Я сказал: „Что?! Ты совсем с ума сошел?!“ А он сказал: „У нас тут так делается бизнес“. Я послал его куда подальше – и все: мы так и не зарегистрировали это предприятие. Тогда было совсем другое время. Я понятия не имел, кто такой Сечин. Вот так они собирали мелкие взятки».[5]

---

[1] Интервью автора с бывшим коллегой Иванова по ФСБ, июнь 2014 г.

[2] Доклад, написанный Юрием Швецом при участии бывшего офицера ФСБ Александра Литвиненко и оглашенный в ходе расследования лондонским Высоким судом убийства Литвиненко. Доступен по адресу: webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160613091026/https://www.litvinenkoinquiry.org/files/2015/03/INQ006481.pdf.

[3] Интервью автора с человеком, близким к Иванову, июнь 2018 г.

[4] Доклад Юрия Швеца (см. выше, примеч. к словам о докладе, оглашенном в лондонском суде).

[5] Интервью автора с бывшим петербургским бизнесменом Андреем Корчагиным, январь 2015 г.

Сечин всегда выступал барьером перед своим начальником и организовывал встречи для тех, кто хотел с ним увидеться, говорит бывший близкий соратник Путина. Даже если встреча уже стояла в графике, Сечин говорил, что ее нужно организовывать через него: «Так он брал под контроль связь. А если оказывалось, что человек не выполнял указаний Сечина, тот становился его врагом, подлежащим уничтожению».[1]

По словам двух близких к нему людей, Сечин давно служил в КГБ, а не в военной разведке, как ему часто приписывают.[2] Его завербовали в конце семидесятых, когда он изучал языки в Ленинградском государственном университете, и попросили писать донесения на однокурсников, говорит один близкий к нему человек. Родители Сечина развелись, когда он был маленьким, и он упорно учился, движимый неуемным стремлением преуспеть и вырваться из нищеты детства, проведенного на унылой окраине Ленинграда. «У него всегда была обида на весь мир. У него всегда был комплекс неполноценности, – говорит бывший кремлевский чиновник, хорошо его знавший. – Он был из такого бедного района Ленинграда, а на филфаке, где он учился, было полно детей дипломатов».[3]

Сечин всегда служил в КГБ под прикрытием, и об этом периоде в его официальной биографии никогда не упоминалось. Вместо этого там говорилось, что его направили работать переводчиком – сначала в Мозамбик, где его знание португальского было востребовано: там бушевала гражданская война, а советские военные обучали и вооружали национальную армию. Затем его, снова официально переводчиком, направили в Анголу, где советские военные, все еще разыгрывавшие в Африке большую игру холодной войны, консультировали и вооружали повстанцев в другой гражданской войне. Вернувшись, он получил должность в Ленинградском государственном университете, где познакомился и работал с Путиным, курируя международные связи, а затем в горсовете, где занимался работой с городами-побратимами, – все это время оставаясь оперативником КГБ под прикрытием. С тех пор он держался рядом с Путиным, неизменно выступая его подобострастным слугой: носил за ним сумки, когда тот ездил, следовал за ним по пятам повсюду. Он был его заместителем в кремлевском управлении зарубежной собственности, работал в том же маленьком кабинете в бывшем здании ЦК, а затем по мере взлета Путина переходил на все более высокие посты в администрации. Став президентом, Путин сделал Сечина заместителем руководителя своей администрации. Но за его угодливой манерой скрывались неуемная жажда контроля и бесконечная склонность к интригам. И, по словам двух близких к нему людей, он ненавидел своего хозяина и таил на него обиду.

Пока Сечин тихо и незаметно стремился вкладывать мысли в голову Путина, тот видел в нем лишь тень, не более чем слугу своего режима. «Он всегда видел в нем парня, который носит его сумки», – говорит бывший кремлевский чиновник, близкий к обоим.[4] В голове Путина всегда царила мелочная одержимость рангом и положением. В начале их кремлевской карьеры, в середине девяностых, управляющий делами Кремля Павел Бородин выделил обоим квартиры в центре Москвы, но возникла проблема, когда Путин понял, что квартира Сечина больше его собственной. Вскоре после переезда Сечин пригласил Путина в новую квартиру и показал ее, демонстрируя виды на Москву. Путин спросил, какова площадь квартиры, и,

[1] Интервью автора с бывшим близким соратником Путина, январь 2017 г.

[2] Интервью автора с двумя людьми, близкими к Сечину: одно в феврале 2015 г., другое в августе 2018 г.

[3] Интервью автора с человеком, близким к Сечину, февраль 2015 г.

[4] Там же.

сверившись с документами, Сечин ответил: 317 квадратных метров. Путин тут же вздрогнул. «У меня только 286», – сказал он. Он поздравил Сечина, но затем отстранился, словно Сечин что-то у него украл или цинично предал его. «У Путина проблема с завистью, – говорит чиновник, знающий об этом эпизоде.[1] – Нужно хорошо его знать, чтобы понять, что это значит. Игорь рассказывал мне, что в этот момент понял: все кончено, что, когда Путин сказал „Поздравляю“, на самом деле ему хотелось его застрелить – контрольным выстрелом в голову. Он говорил, что потом неделями не мог с ним разговаривать. Такая банальная, крошечная вещь… Но у Путина такие комплексы. При встрече с ним всегда лучше рассказывать, как все плохо. Игорь этому научился очень быстро».[2]

Это красноречиво говорило о складе ума Путина – о том, как быстро он будет обижаться на мнимые унижения в последующие годы. Как и Сечин, он поднялся на вершину из бедности, из ленинградских подворотен, где ему приходилось драться, чтобы заслужить уважение. Обида на весь мир, след комплекса неполноценности, никуда не делась.

Последним в сплоченной группе бывших сотрудников Ленинградского КГБ, которых Путин привел с собой в Кремль, был Виктор Черкесов, возглавлявший городское управление ФСБ все время, пока Путин был вице-мэром. На два года старше Путина, он почти восемь лет занимал высокие посты в Ленинградском КГБ и был старше Путина по положению еще до того, как того отправили учиться в Москву. В последние годы советского режима Черкесов возглавлял одно из самых жестоких подразделений КГБ, расследовавшее деятельность диссидентов. Но после краха режима он принял новый теневой капитализм, правивший Санкт-Петербургом, став важнейшим связующим звеном между мэрией, спецслужбами и организованной преступностью. Он был одной из ключевых фигур, стоявших за захватом тамбовской группировкой Балтийского морского пароходства и морского порта[3], и Путин всегда относился к нему с величайшим почтением. «Он был старшим, когда Путин был никем, – говорит человек, близкий к обоим. – Он из самого ближнего круга. Он элита».[4] Став премьер-министром, Путин хотел, чтобы его на посту директора ФСБ сменил Черкесов, но Патрушев позаботился о том, чтобы назначили его. Юмашеву сказали, что не стоит исполнять любое желание Путина, что нужны какие-то противовесы. Черкесова вместо этого назначили заместителем директора.

* * *

Первые несколько лет путинского президентства эти выходцы из Ленинградского КГБ – силовики – делили непростую власть с оставшимися от ельцинского режима людьми. Они наблюдали и учились, пока Волошин – хитроумный руководитель администрации Кремля, которого Путин оставил на этом посту, – помогал обеспечить, чтобы Путину досталась «хорошо отлаженная машина». Волошин был главным представителем «Семьи» в Кремле – либералом в экономических взглядах, но государственником в политических. Он был среди тех, кто помог организовать передачу власти КГБ. Экономист, он окончил Всесоюзную академию внешней торговли, всегда связанную с Первым главным управлением, внешней

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с соратником Харченко, бывшего руководителя Балтийского морского пароходства, март 2014 г.; интервью автора с бывшим соратником Путина, август 2018 г.

[4] Интервью автора с человеком, близким к Черкесову, ноябрь 2015 г.

разведкой КГБ[1], а в годы перестройки был заместителем руководителя ее Центра конъюнктурных исследований. Позднее Путин отправлял Волошина, свободно говорившего по-английски, специальным посланником для обсуждения военных вопросов с высшими генералами в США. Поначалу он оказался ценнейшим союзником силовиков, помогая Путину вытеснять политических противников.

Волошин работал в тандеме и с другой ведущей фигурой, оставшейся с ельцинской эпохи, – Михаилом Касьяновым, которого Путин вновь назначил премьер-министром. Отвечавший на прежнем посту первого заместителя министра финансов за внешний долг, Касьянов был глубоко погружен в мутные долговые сделки, составлявшие ядро теневого финансирования режима. Хотя он был прозападным экономическим либералом, его считали надежной парой рук. Но на деле он был олицетворением ельцинских лет – басовитый, добродушный человек с репутацией (которую он решительно отвергал) того, кто смазывает колеса за кулисами, что принесло ему прозвище «Миша Два Процента».

В соответствии с относительно рыночной риторикой, которой он воспользовался, чтобы завоевать доверие ельцинской «Семьи», а затем и в своей президентской программе, Путин объявил ряд либеральных реформ, снискавших ему похвалы экономистов по всему миру и убедивших инвесторов в его приверженности рынку. Он ввел одну из самых конкурентоспособных в мире ставок подоходного налога – плоскую шкалу в 13 процентов, одним махом устранившую многие проблемы с неуплатой, преследовавшие ельцинский режим. Он начал земельную реформу, разрешившую куплю-продажу частной собственности на землю и снявшую еще один крупный тормоз инвестиций. Своим советником по экономическим вопросам он сделал Андрея Илларионова, которого многие считали одним из самых принципиальных либеральных экономистов страны. На фоне рыночных шагов наконец начали расти цены на нефть, от которых так сильно зависел российский бюджет. И, воодушевленное растущими поступлениями, правительство Путина начало погашать огромные долги перед МВФ, накопленные ельцинской администрацией. Казалось, нестабильности и хаосу ельцинских лет наконец приходит конец.

Мир радовали и попытки Путина добиться сближения с Западом. Одним из первых его шагов на посту президента стало закрытие центра радиоперехвата в Лурдесе на Кубе, за сохранение которого так боролся Егор Гайдар. Он стремился выстроить близкие отношения с президентом США Джорджем Бушем-младшим и первым из мировых лидеров позвонил, чтобы выразить соболезнования после терактов 11 сентября 2001 года. Он даже пошел против совета собственного министра обороны – к тому времени им был Сергей Иванов – и предоставил США доступ к военным базам в Центральной Азии, откуда они могли наносить удары по соседнему Афганистану. Кагэбэшное прошлое Путина отошло на второй план, когда Джордж Буш сказал, что, глубоко заглянув ему в глаза, «почувствовал его душу».

Но все это длилось недолго. Первые дни путинского президентства теперь кажутся эпохой самообмана и великой наивности. По словам Пугачева, попытки сближения с Западом предпринимались вовсе не из великодушия: Путин рассчитывал что-то получить взамен.[2] Поэтому, когда в июне 2002 года Джордж Буш после месяцев ухаживаний со стороны Путина объявил об одностороннем выходе США из Договора по противоракетной обороне – ключевого соглашения о вооружениях, восходящего ко временам холодной войны, – Путин и

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным американским чиновником, июнь 2014 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

его советники почувствовали себя преданными. Выход из договора позволял США начать испытания системы противоракетной обороны, которую они предлагали разместить в бывших странах Варшавского договора. США утверждали, что она предназначена для защиты от иранских ракет, но администрация Путина считала, что она направлена непосредственно против России. «Совершенно ясно, что противоракетный щит не может быть направлен ни против какой другой страны, кроме России», – говорил журналистам Волошин. У американских чиновников, по его словам, «тараканы холодной войны в голове».[1] Одновременно НАТО продолжало неуклонное продвижение на восток. Заверения, которые целый ряд западных лидеров давал Горбачеву в том, что расширения на восток не будет, грубо попирались. В последний год правления Ельцина НАТО поглотило Польшу, Венгрию и Чехию. В ноябре 2002 года НАТО пригласило вступить еще семь стран Центральной и Восточной Европы.[2] Кремлю казалось, что США тычут их носом в превосходство Запада.

С самого начала за видимостью либеральной экономики скрывалось мощное подводное течение, направленное на усиление контроля государства. Ранние реформы Путина на деле были призваны установить правление в духе Аугусто Пиночета, при котором экономические реформы проводились бы «тоталитарной силой» сильного государства. Почти сразу после избрания Путина Петр Авен – экономист в очках, учившийся сначала у Гайдара, а затем в связанном с КГБ экономическом институте в Австрии, – призвал Путина править страной так, как Пиночет правил Чили.[3] Авен был тем самым бывшим министром внешнеэкономических связей, который прикрывал Путина и одобрил петербургские схемы «нефть в обмен на продовольствие», а также нанял международную детективную фирму Kroll для поиска пропавшего золота партии, не дав ей доступа к сведениям, которыми располагали российские прокуроры. К тому времени он объединил силы с Михаилом Фридманом – одним из молодых комсомольцев, выпестованных КГБ, чтобы стать первыми предпринимателями страны. Авен был президентом «Альфа-банка» Фридмана, составлявшего ядро одного из крупнейших российских финансово-промышленных конгломератов с активами в нефтяной отрасли и телекоммуникациях. В центре финансовой сети «Альфа-Групп» сидел директор одной из ее главных холдинговых компаний на Гибралтаре Франц Вольф – сын Маркуса Вольфа, безжалостного бывшего шефа разведки Штази.[4] Судя по всему, Фридман и Авен чтили и сохраняли связи с КГБ. Путин, ясно намекал Авен, теперь в состоянии завершить рыночный переход России так, как задумывал Андропов, – до того, как процесс вышел из-под контроля.

Признаки того, что Путин стремится выстроить власть иного рода, были видны с самого начала. Оптимисты поначалу надеялись, что он балансирует на канате, уравновешивая относительно либеральное, относительно прозападное крыло ельцинской «Семьи» в своем режиме с петербургскими силовиками. Но влияние людей из КГБ стало намного перевешивать все остальное. Их мировоззрение было пропитано логикой холодной войны, и постепенно оно стало определять и формировать и самого Путина. Стремясь восстановить мощь России, они видели в США силу, вечно стремящуюся к развалу их страны и ослаблению ее могущества.

[1] Catherine Belton. A Russian Volley over the ABM Treaty // BusinessWeek, 9 ноября 2001 г.

[2] Обсуждение этих заверений см. в анализе Светланы Савранской и Тома Блантона из Университета Джорджа Вашингтона недавно рассекреченных документов Архива национальной безопасности: NATO Expansion: What Gorbachev Heard, 12 декабря 2017 г., https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early.

[3] Ian Traynor. Putin Urged to Apply the Pinochet Stick // Guardian, 31 марта 2000 г.

[4] Hans Leyendecker, Frederik Obermaier. Diskrete Geschäfte am Affenfelsen // Süddeutsche Zeitung, 11 апреля 2013 г.

Для них экономику следовало запрячь как оружие – сначала для восстановления мощи российского государства и их самих как руководителей КГБ, а затем против Запада. Путин в какой-то мере сохранял влияние либерального Собчака. Но в конце концов, говорит Пугачев, «его создал ближний круг. Они превратили его в другого человека. Он разочаровался в США, а потом просто захотел разбогатеть. Это ближний круг подтолкнул его к восстановлению государства».[1]

Директор ФСБ Патрушев, в частности, стремился привязать Путина к силовому клану КГБ и его мировоззрению времен холодной войны. Внутри ФСБ он был старше Путина по положению: большую часть девяностых он занимал высшие посты в московских спецслужбах, и когда Путина возвысили сначала до директора ФСБ, а затем до президента, Патрушев относился к нему скептически и считал, что сможет им манипулировать. «Он всегда был самым решительным. Путин по сравнению с ним был ничто», – говорит один кремлевский инсайдер.[2] Патрушев хотел намертво привязать Путина к президентству, чтобы тот уже никогда не смог отойти в сторону. Он начал делать это с самого начала президентской гонки Путина – со взрывов жилых домов, приведших к чеченской войне. Но первый год ельцинская «Семья», казалось, не замечала этой стороны путинского прошлого – или, считая собственное положение обеспеченным, не хотела о ней знать.

Все это время Пугачев действовал в тени, ястребом наблюдая за своим протеже и пытаясь уравновесить влияние на президента противоборствующих сил – ельцинской «Семьи» и силовиков. По его словам, он пытался оградить Путина от попыток его подкупить, оплачивая все необходимое сам. В первый год пребывания Путина у власти, говорит Пугачев, он потратил 50 миллионов долларов на удовлетворение всех нужд семьи Путина – вплоть до покупки столовых приборов для их дома. Он покупал квартиры прокурорам, чтобы гарантировать, что они находятся под контролем президента – и его собственным. Он настаивал, что это было необходимо, чтобы президент и его прокуроры не были коррумпированы: «Все время находились люди, которые предлагали ему взять деньги за то или за это. В основном это шло через Юрия Ковальчука», – говорит он[3], имея в виду петербургского соратника, взявшего под контроль банк «Россия» – главную кассу петербургских союзников Путина. Пугачев утверждал, что пытался положить конец эпохе, когда олигархи ельцинских лет считали, что контролируют Кремль, делая «пожертвования» кремлевским чиновникам, – не сознавая, быть может, что по сути сам делал то же самое.

«Я просто старался, чтобы этого не происходило. Правила должны были измениться», – говорит он.

* * *

Когда Путин занял президентский пост, могущество олигархов ельцинских лет все еще было велико. Московские бизнесмены, выдвинувшиеся в ходе первых рыночных экспериментов перестройки при поддержке КГБ, к тому времени давно вырвались из-под опеки бывших хозяев и оказались на вершине российской власти. Они прибрали к рукам значительную часть экономики страны, воспользовавшись уязвимостью Ельцина накануне выборов 1996 года и убедив его отдать им жемчужины отечественной промышленности. Залоговые аукционы сосредоточили почти 50 процентов богатства России в руках семи

[1] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2013 г.

[2] Интервью автора с кремлевским инсайдером, декабрь 2014 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2015 г.

бизнесменов, а Ельцин становился все более зависимым и слабым. Отчасти он зависел от денег олигархов, обеспечивших его переизбрание в 1996 году, и они привыкли к роли, при которой не только поддерживали режим, но и диктовали ему часть правил.

По оценкам, с 1994 года на банковские счета на Западе ежегодно утекало около 20 миллиардов долларов, а казна ельцинского правительства была обескровлена.[1] Средства, которые олигархи вроде Ходорковского и Березовского прятали за границей, настолько ослабили российское государство, что люди Путина из КГБ утверждали, будто страна находится на грани краха. В девяностые росли задолженности по зарплатам, а налоги почти повсеместно не платились. Россия глубоко увязла в долгах перед западными институтами вроде МВФ и Всемирного банка, а дефолт по долгу в 40 миллиардов долларов, больше трети которого приходилось на иностранных кредиторов, еще сильнее подорвал финансы страны. По мнению людей из КГБ, политические свободы, предоставленные Ельциным регионам, подвели страну к самому краю пропасти. В политической сумятице последнего года ельцинского правления некоторые губернаторы отказывались перечислять федеральному правительству часть собранных налогов. «Мы видели, как распадается страна, – говорит Сергей Богданчиков, близкий соратник Путина, возглавлявший единственную оставшуюся государственную нефтяную компанию «Роснефть» и бывший также близким к Примакову.[2] – Путину достались лишь обломки государства. Дошло до того, что некоторые губернаторы заговаривали о введении собственной валюты… Если бы Путин не пришел и прошло еще два-три года, у нас не было бы Российской Федерации. Были бы отдельные государства, как на Балканах. Для меня распад был абсолютно очевиден».[3]

Люди из КГБ давно внимательно следили за ситуацией. Владимир Якунин – грубоватый бывший высокопоставленный офицер КГБ, работавший под прикрытием в ООН в Нью-Йорке, а по возвращении в Ленинград взявший под контроль банк «Россия», – подготовил исследование о собственности в российской экономике, согласно которому в 1998–1999 годах почти 50 процентов валового внутреннего продукта страны производили компании, принадлежавшие всего восьми семьям. «Если бы все так и осталось, они вскоре контролировали бы больше 50 процентов, – говорит Якунин сейчас, почти двадцать лет спустя. – Вся прибыль уходила в частные карманы. Налоги не платились. Это был грабеж, чистый и простой. Без большего участия государства, мне было ясно, это был путь в никуда». Якунин, близкий к Путину еще с тех пор, как они жили по соседству в дачном кооперативе «Озеро», говорит, что вскоре после прихода Путина к президентству передал ему этот доклад со своими комментариями.

Но для путинских силовиков то, что олигархи ельцинской эпохи переводили деньги на Запад, было удобным доводом для укрепления собственной власти. Они могли утверждать, что господство олигархов угрожает национальной безопасности, хотя в основном оно угрожало их собственным позициям. Они видели себя помазанными стражами восстановления

[1] По оценкам Международного валютного фонда; см.: Prakash Loungani, Paolo Mauro. Capital Flight from Russia // International Monetary Fund Policy Discussion Paper, 1 июня 2000 г.

[2] Интервью автора с Богданчиковым, август 2013 г.

[3] Тогдашний руководитель администрации Кремля Александр Волошин говорит: «Республики не платили налоги. В Чечне шла война. Некоторые республики отказывались отправлять призывников в армию. Росли долги по зарплатам и пенсиям, а рейтинг президента был всего 4 процента. На этом фоне коммунисты были сильны, Примаков и Лужков тоже. Враги были сильны, а мы слабы. Был реальный риск развала страны».

[4] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г.

России как имперской державы и считали, что возрождение государства и их собственные судьбы неразрывно – и весьма удобно – связаны.

Вскоре после инаугурации Путина, вспоминает Якунин, Збигнев Бжезинский, советник США по национальной безопасности эпохи холодной войны, насмешливо заметил по поводу денег, которые российская элита держит на зарубежных счетах: если все эти деньги на счетах на Западе, то чья это элита – российская или западная?[1] Слова Бжезинского обожгли уши людей из КГБ. Тем обиднее было слышать их от такого воина холодной войны, которого они считали одним из архитекторов усилий Запада по демонтажу советского режима.

Ни одна из схем олигархов не казалась людям из КГБ более одиозной, чем миллиарды, проходившие через Valmet – офшорный фонд, совладельцем которого был советник Ходорковского Кристиан Мишель. Имея отделения в Лондоне, Женеве и на острове Мэн, он управлял зарубежными банковскими счетами группы «Менатеп» Ходорковского, а также швейцарского нефтетрейдера Runicom, экспортировавшего нефть «Сибнефти» – российской нефтяной компании, принадлежавшей Борису Березовскому и Роману Абрамовичу. Ходорковский и Березовский были двумя самыми независимыми олигархами, и во многих отношениях Valmet стал олицетворением нового порядка после холодной войны, при котором безраздельно господствовали США, а российские деньги к тому времени независимых олигархов утекали на западные банковские счета. Этот статус подчеркнуло то, что один из старейших и самых почтенных банков США, вашингтонский Riggs National Bank, купил 51 процент Valmet. Банк, десятилетиями обслуживавший счета посольств США по всему миру, стремился расшириться в Восточную Европу и Россию, и Valmet стал для этого его инструментом. Символика победы Запада в холодной войне была глубокой. Руководитель международного банковского направления Riggs Алтон Г. Кил, бывший посол США при НАТО, видел свою миссию в том, чтобы помогать «развитию частного предпринимательства в прежде враждебной среде».[2] А Кристиан Мишель, убежденный либертарианец, был уверен, что операции Riggs Valmet вносят вклад в освобождение российских предпринимателей от тяжелой руки российского государства. И когда «Менатеп» Ходорковского тоже приобрел долю в Riggs Valmet, Мишель счел это вложение «замечательным символом нового мирового порядка, которым так гордился президент Буш-старший… Старейший американский банк и восходящий российский банк вместе в капитале Valmet. Я считал это большой удачей».[3]

Но в глазах петербургских чекистов и поддерживавших их генералов союз Riggs и «Менатепа» был символом ельцинской эпохи – бандитского капитализма при поддержке Запада, при котором олигархи вроде Ходорковского могли диктовать власти свою волю. Особенно они считали западной марионеткой архитектора российской программы приватизации Анатолия Чубайса.

В мышлении людей из КГБ, сформированном холодной войной, где почти любое действие было частью игры с нулевой суммой, американские экономисты, слетевшиеся в Россию консультировать Чубайса, наверняка были агентами ЦРУ, задавшимися целью уничтожить то, что осталось от российской промышленности, пока она с их помощью переходила в частные руки, а оборонный комплекс по кусочку разбирали. КГБ стремился

[1] Интервью автора с Якуниным, ноябрь 2016 г.

[2] Alan A. Block, Constance A. Weaver. All is Clouded by Desire. Westport, Conn.: International and Comparative Criminology, 2004, p. 125.

[3] Интервью автора с Кристианом Мишелем, май 2005 г.

сохранить контроль над промышленными денежными потоками, но при Чубайсе предприятия страны были раздроблены и переданы в независимые руки. «США прислали в Россию высокопоставленных сотрудников ЦРУ, чтобы помочь в переговорах о приватизации, – говорит один близкий соратник Путина, который и через двадцать с лишним лет после начала чубайсовской программы приватизации все еще кипел от возмущения. – Они воспользовались этим процессом и заработали на нем. Они не имели права зарабатывать на этой приватизации».[1]

Несмотря на все свои заявления о поддержке дальнейшего перехода России к рыночной экономике, Путин с самого начала предвыборной кампании ясно дал понять, как он относится к олигархам. Первый намек прозвучал в конце февраля, когда он ответил на вопрос одного из участников кампании о том, когда он собирается «мочить» «пиявок» – то есть олигархов, присосавшихся к власти. Он ответил, что его режиму нужно не «просто уничтожить их»: «Крайне важно создать равные условия для всех, чтобы никто не мог присосаться к власти и использовать эти преимущества для себя… Ни один клан, ни один олигарх… все должны быть равноудалены от власти».[2] Следующее предупреждение прозвучало за неделю до выборов, когда он сказал одной московской радиостанции, что хочет покончить с олигархами: «Такой класс, как олигархи, перестанет существовать… Если мы не обеспечим равные условия для всех, мы не сможем вытащить страну из нынешнего состояния».[3]

Подобные заявления, разумеется, встречали одобрение населения, уставшего от излишеств ельцинских лет и ежедневно питавшегося историями о коррупции от относительно свободных СМИ, которые их независимые владельцы-магнаты использовали как дубину против соперников. Путин повторял линию, впервые обозначенную Примаковым, когда тот призвал освободить место в тюрьмах страны для бизнесменов и коррумпированных чиновников.

Но если заявление Примакова нагнало холоду на ельцинскую «Семью», то, когда подобное говорил Путин, она, казалось, ничего не замечала. Он был их агентом в Кремле, и они были уверены, что он никогда их не тронет. «Ближний круг и олигархи думали, что он временная фигура, и действительно думали, что смогут взять его под контроль», – говорит один близкий к Путину человек. Накануне президентских выборов один из олигархов, по-видимому, пришел к Путину в Белый дом, резиденцию российского правительства, где у того еще оставался кабинет, и недвусмысленно дал ему понять, что без их поддержки его никогда не изберут, а потому ему следует понимать, как себя вести. Путин и глазом не моргнул и лишь ответил: «Посмотрим». «Он никого не выгнал из кабинета. Но, конечно, он с ними играл. Они его абсолютно недооценили».[4]

Вероятно, к Путину ходил Борис Березовский. Тогда он, похоже, был единственным, кто начал задумываться, не совершили ли они роковую ошибку. Завершив работу по уничтожению тандема Примакова и Лужкова, он большую часть президентской кампании провел на Ангилье с новой подругой. Вернувшись, он был явно встревожен увиденными переменами. «Он вернулся из отпуска, и случилось что-то, что ему не понравилось, – говорит один близкий к нему человек. – Он пошел к Путину договориться о том, кто будет президентом

[1] Интервью автора с соратником Путина, май 2013 г.

[2] Andrew Jack. Putin Appears to Distance Himself from Oligarchs // Financial Times, 29 февраля 2000 г.

[3] Oligarchs Will Become Extinct, Putin Vows // Agence France-Presse, 18 марта 2000 г.

[4] Интервью автора с человеком, близким к Путину, август 2018 г.

в 2004 году. Он предложил, чтобы Путин был президентом только четыре года, а он, Березовский, займется созданием оппозиционной партии. Он хотел, чтобы была настоящая демократия».[1] Но если такой разговор и состоялся, он явно прошел неудачно. За несколько дней до инаугурации Путина газета Березовского «Коммерсантъ» забила тревогу, опубликовав статью с утечкой того, что, по ее словам, было планами слияния Кремля с ФСБ с целью заткнуть рот оппозиционным партиям, всем критикам и свободной прессе. Хотя официально такое слияние так и не произошло, описанные в статье планы сегодня кажутся зловеще пророческими. Приход Путина к власти, конечно же, и был захватом Кремля КГБ. Две структуры действительно предстояло сплавить воедино. Похоже, Березовский вдруг осознал всю глубину своей ошибки. «Новому президенту, если он действительно хочет обеспечить порядок и стабильность, не нужна саморегулирующаяся политическая система, – говорилось в предполагаемом кремлевском плане. – Ему нужна политическая структура в его администрации, способная четко контролировать политические и социальные процессы в Российской Федерации. К работе по контролю за политическим процессом следует привлечь интеллектуальный, кадровый и профессиональный потенциал ФСБ». ФСБ предполагалось использовать для «ликвидации ущерба», когда всплывала информация, не отвечающая интересам президента или его ближнего круга.[2]

Кремль отрицал, что подобные предложения обсуждались. Но всего через четыре дня после инаугурации Путина первый этап плана, похоже, был запущен. Он явно был нацелен на то, чтобы обуздать СМИ. Полицейский спецназ в масках с автоматами наводнил офисы Владимира Гусинского – магната, владевшего империей «Медиа-Мост», в которую входил телеканал НТВ, самый громкий критик Путина.[3] НТВ был вторым по популярности каналом России, и Гусинский никогда не стеснялся использовать его в политических целях, поддержав с его помощью лужковское «Отечество» на парламентских выборах. Канал был и решительным голосом независимости, расследовавшим путинскую чеченскую войну. Накануне президентских выборов он показал в прайм-тайм дискуссию о подозрительном рязанском инциденте и открыто задался вопросом, не стоит ли ФСБ за взрывами жилых домов. Его еженедельная сатирическая программа «Куклы» была постоянной занозой для Путина. Не раз она язвительно изображала его в виде нескладного карлика Цахеса из сказки Э. Т. А. Гофмана, получившего готовое богатое королевство без каких-либо усилий со своей стороны.

Налет на Гусинского был не единственным мощным сигналом от новых кремлевских хозяев из КГБ в первые дни путинского правления. Через десять дней после инаугурации Путин обнародовал масштабные планы урезать полномочия российских губернаторов – меры, явно призванные гарантировать, что избранные губернаторы больше никогда не объединятся против Кремля, как это было на стороне Лужкова и Примакова. Предлагаемый закон лишал губернаторов мест в Совете Федерации, верхней палате парламента, где они так долго окапывались, блокируя отставку генерального прокурора Скуратова, и по сути превратились в самостоятельную политическую силу.[4] Лишение губернаторов мест в Совете Федерации отнимало у них иммунитет от уголовного преследования, а предлагаемые меры позволяли также президенту отстранить от должности любого губернатора, в отношении которого

[1] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[2] Николай Вардуль. «Как Путин будет управлять страной» // Коммерсантъ, 3 мая 2000 г.

[3] Maura Reynolds. Russia Raids Media Company Critical of Kremlin // Los Angeles Times, 12 мая 2000 г.

[4] David Hoffman. Putin Moves to Bolster Central Rule; Plan Would Rein in Regional Governors // Washington Post, 18 мая 2000 г.

возбуждено уголовное дело, – ход, явно рассчитанный на то, чтобы они больше никогда не отступали от кремлевской линии. В качестве дополнительного элемента кремлевского контроля Путин предложил также учредить семь назначаемых Кремлем полномочных представителей – своего рода супергубернаторов, курирующих семь обширных территорий. На эти посты тут же назначили пятерых генералов из армии и ФСБ и двух других кремлевских лоялистов.

Для Березовского этот закон означал опасный демонтаж демократических завоеваний ельцинской эпохи. 31 мая он написал Путину открытое письмо, в котором заявил, что предложения представляют «угрозу территориальной целостности России и демократии».[1] Письмо попало на первые полосы почти всех московских газет, а подконтрольный Березовскому телеканал ОРТ поставил его первым сюжетом вечерних новостей. Один из его друзей, бизнес-магнат, всегда близкий к силовикам, в особенности к Примакову, предостерег его, чтобы тот поумерил пыл: «Я сказал: „Хватит, Боря. Что ты делаешь? Твой парень стал президентом. Чего тебе еще надо?“» Но Березовский ответил: «Он диктатор». «Он увидел, что это диктатор, раньше всех».[2]

Но тогда Березовский был одинокой канарейкой в угольной шахте, предупреждавшей о гибели демократии. Близкие к ельцинской «Семье» чиновники, управлявшие Кремлем, – руководитель администрации Александр Волошин и его заместитель с лицом младенца Владислав Сурков – были в числе главных архитекторов проекта по обузданию губернаторов. За кулисами они поддержали и планы обуздать СМИ. Они словно мстили силам, которые всего двенадцать месяцев назад едва не упекли их за решетку и доставили им столько страданий. Юмашев настаивал, что, когда Путин поднял с ним этот вопрос, он сказал ему, что любое нападение на НТВ противоречит принципу свободы слова. Но ни он, ни Волошин ничего не сделали, чтобы остановить то, что превратится в кампанию по установлению государственного контроля над телеканалами, а Волошин активно в ней участвовал. «Путин сказал мне, что Ельцин будет запятнан в учебниках истории, – вспоминает Юмашев.[3] – Он сказал, что во всех книгах будет написано о „Семье“, и это будет одна ложь за другой из-за НТВ. Путин сказал: „С какой стати я должен это терпеть? Почему мы должны позволять им дискредитировать власть? Почему я должен это терпеть, если они будут врать каждый день?“ Я сказал ему, что свобода слова – важнейший институт власти. Нужно об этом помнить. Но он сказал, что такое ни в коем случае нельзя терпеть, когда власть слаба. Когда власть сильна, это можно терпеть, но когда она слаба – никогда. А потом он поступил так, как считал нужным».

То, как Путин повел разговор, было типичной кагэбэшной манипуляцией: он разжигал утробную неприязнь ельцинской «Семьи» к НТВ после того, как прошлым летом канал безжалостно высвечивал коррупционные скандалы, мучившие и унижавшие «Семью» и в конце концов вынудившие ее к поспешной передаче власти. Он сыграл на ее страхах за свое наследие, чтобы манипуляцией добиться ее поддержки нападения на канал. «Он считал, что это телекомпания, которая занимается не информированием людей, а лоббированием интересов своего владельца, – говорит Юмашев. – Он сказал: „Они попались. Они взяли кредит у государства“. Сказал: „Если бы не было этого кредита, я бы их не тронул. Но они себя скомпрометировали, и поэтому нам нужно этим воспользоваться“».[4]

[1] Gregory Feifer. Berezovsky's Letter Dominates News // Moscow Times, 1 июня 2000 г.

[2] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[3] Интервью автора с Юмашевым, октябрь 2017 г.

Налет на «Медиа-Мост» Гусинского стал началом тотальной кампании путинского Кремля – с участием Волошина и чиновников ельцинской «Семьи» – против многих олигархов ельцинской эпохи. Это был старт усилий Путина по искоренению вызовов своей власти. Нужно было лишь, чтобы мишень была чем-то скомпрометирована, – а теперь, когда люди Путина взяли под контроль правоохранительный аппарат, найти, за что зацепиться после сумбурного переходного периода ельцинских лет, было нетрудно.

Тем летом последовала хорошо спланированная серия скоординированных налетов, нацеленных на то, чтобы запугать магнатов и заставить их уйти из политики, – проведенных с кагэбэшной точностью. Сначала, меньше чем через месяц после налета на «Медиа-Мост», посадили Гусинского. Хотя его продержали всего три ночи в печально известной московской Бутырке по обвинению в хищении 10 миллионов долларов у государства, для олигархов, привыкших при Ельцине к своему почти неприкосновенному статусу, случилось немыслимое. Гусинский – говорливый, яркий человек – всегда мог использовать свои СМИ для критики власти, и это сходило ему с рук. Магнаты сплотились и отправили совместное письмо протеста против ареста Гусинского, назвав его «актом мести… политическому оппоненту».[1] Но если кто-то из них и подумывал о бунте против нового режима, то вскоре получил новое предупреждение. Неделю спустя московская прокуратура подала иск, оспаривающий приватизацию в 1997 году «Норильского никеля» – огромного никелевого производителя стоимостью 1,5 миллиарда долларов, проданного за жалкие 170 миллионов на скандальных залоговых аукционах Владимиру Потанину, архитектору этой приватизационной схемы. Первый заместитель председателя совета директоров «Медиа-Моста» Гусинского Игорь Малашенко предупредил, что иск означает: любой бизнесмен, участвовавший в приватизации, «может завтра оказаться в тюрьме… В стране создается новый порядок, который в глазах нового руководства означает, что все должно быть под контролем Кремля».[2]

Словно для того, чтобы еще раз подчеркнуть приход нового режима, при котором ни одна империя магнатов не находится в безопасности, в начале июля люди Путина провели еще три налета за два дня. Сначала они взялись за «Лукойл» – огромный энергетический конгломерат, которым владел и руководил хитрый советский чиновник из Азербайджана Вагит Алекперов, обвинив его в фальсификации налоговых возвратов. Затем снова нагрянули в «Медиа-Мост» Гусинского и впервые – на его телеканал НТВ.[3] На следующий день настала очередь еще одного мощного символа капитализма ельцинской эпохи – огромного АвтоВАЗа, крупнейшего автопроизводителя страны, контролируемого соратниками Березовского. Глава налоговой полиции заявил, что компания уклонилась от уплаты налогов на сотни миллионов долларов.[4]

Паника в деловом сообществе достигла апогея. В тот же день, когда налоговая полиция наводнила АвтоВАЗ, Путин дал телевизионное интервью, оправдывая налеты и обещая призвать к ответу тех, кто сколотил состояния в «мутной воде» после распада Советского Союза. «Нельзя путать демократию с анархией, – предупредил он.[5] – У нас есть поговорка о ловле рыбы в мутной воде. Есть рыбаки, которые уже наловили много рыбы и хотели бы

[4] Там же.

[1] Guy Chazan, Alan Cullison. Russia's Oligarchs Protest Arrest of Media Magnate // Wall Street Journal, 15 июня 2000 г.

[2] Igor Semenenko. Suit Filed to Undo Norilsk Auction // Moscow Times, 21 июня 2000 г.

[3] Dmitry Zaks. Tax Police Raid Russian Business Giants Following Putin Threat // Agence France-Presse, 11 июля 2000 г.

[4] Andrew Kramer. Tax Police Open Case against Auto Giant // Associated Press, 12 июля 2000 г.

сохранить систему такой, какая она есть. Но я не думаю, что такое положение дел ценит наш народ». На следующий день он дал газетное интервью, в котором утверждал, что последние шаги не означают возврата к полицейскому государству. Но добавил, что бизнес должен соблюдать «правила игры» – особенно теперь, когда он внес новую плоскую ставку подоходного налога в 13 процентов, призванную поддержать либерализацию.[1]

Это была типичная кагэбэшная тактика приманки и подмены, и хорошо отлаженная кремлевская машина разворачивалась в пользу Путина. Кремлевская пропагандистская машина и правоохранительные органы работали почти в идеальном тандеме, а магнаты, отчаянно пытаясь понять новые правила игры, умоляли о встрече с ним. Ходорковский негромко предупреждал, что любой из них может оказаться не в ладах с постсоветскими законами, поскольку они написаны противоречиво, а судебная власть слаба.[2] Березовский снова был единственным голосом протеста. Он демонстративно сложил с себя депутатские полномочия, заявив на переполненной пресс-конференции, что не хочет участвовать в «развале России и установлении авторитарного правления».[3] Его позиция была отчаянным призывом к другим московским магнатам сплотиться. Но этот призыв прозвучал слишком поздно.

Когда в конце июля двадцать один из самых могущественных магнатов встретился с Путиным, встреча за овальным столом в роскошном Екатерининском зале Кремля разительно отличалась от уютных тайных встреч, которые они проводили с Борисом Ельциным. Это было официальное мероприятие – и публичная выволочка. Слова Путина транслировались на всю страну: он заявил магнатам, что в волне налоговых налетов и уголовных расследований им некого винить, кроме самих себя: «Вы должны помнить, что сами сформировали это государство через политические и квазиполитические структуры, которые контролировали». И, процитировав русскую пословицу, добавил: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».[4] В итоге, заверив их, что не станет пересматривать итоги приватизации девяностых, он призвал их поддержать его экономическую программу и перестать использовать свои СМИ для «политизации» правовых расследований против крупного бизнеса. Когда телекамеры ушли, он ясно изложил им новые правила игры. Они должны держаться подальше от политики – иначе пусть пеняют на себя. Двое магнатов бросались в глаза своим отсутствием: Березовский и Гусинский, оба публично выступавшие против политики Путина и использовавшие для этого свои медиаимперии.

Зато еще один человек бросался в глаза своей близостью к президенту. По правую руку от Путина, время от времени что-то шепча ему на ухо, сидел Сергей Пугачев. Пока остальные трепетали, он казался невозмутимым. В те дни, пока Путин осваивался в новой роли, они разговаривали по многу раз в день. Позднее в тот же день по предложению Пугачева Путин собрал олигархов еще раз, вдали от телекамер, – и эта встреча была полна символизма. Пугачев убедил Путина встретиться с ними в более неформальной обстановке, чтобы показать, что он не хочет войны. Но место, которое Путин выбрал для «дружеского» барбекю, тоже было

[5] Dmitry Zaks. Putin Vows to Punish Russian Oligarchs as Tax Police Strike Again // Agence France-Presse, 12 июля 2000 г.

[1] Sergei Shargorodsky. Russian President Defends his Heavy-Handed Policies // Associated Press, 13 июля 2000 г.

[2] Marielle Eudes. Russian Business Barons Want Frank Talk with Putin // Agence France-Presse, 14 июля 2000 г.

[3] Nick Wadhams. Berezovsky's Announcement He Will Resign from Russia's Parliament Another Riddle // Associated Press, 17 июля 2000 г.

[4] Maura Reynolds. Putin Reaches Out to Oligarchs // Los Angeles Times, 29 июля 2000 г.

многозначительным сигналом. Спрятанная в лесу на окраине Москвы сталинская дача сохранялась почти нетронутой со дня его смерти в 1953 году. Телефоны, в которые диктатор рявкал приказы, оставались на своих местах. Диван, на котором он предпочитал спать, вместо того чтобы ложиться в постель, по-прежнему стоял в его кабинете. Время, казалось, остановилось с тех пор, как Сталин проводил здесь дни и ночи, составляя списки врагов из числа элиты страны. Олигархов пригласили туда, откуда Сталин отправлял на смерть тысячи людей во время того, что вошло в историю как Большой террор. Путин был в футболке и джинсах и старался выглядеть раскованным и доступным. Многих магнатов он до этого видел только по телевизору, говорит Пугачев, и все еще волновался, как вести себя с ними. Но если Путину было не по себе, то магнатам – тем более. Никто не собирался там бросать вызов новому президенту. «Хорошо уже то, что он нас отпустил», – вспоминает Пугачев слова одного из них.

Все это время Пугачев действовал за кулисами. В те дни, пока другим олигархам грозили налеты и налоговая полиция, он верил, что повелевает всем, что видит. Он посадил своего человека в президентское кресло, а союзника – в кресло директора ФСБ. Он лично привел нового руководителя Федеральной налоговой службы Геннадия Букаева – соратника из Башкортостана, где у него были интересы в нефтяной отрасли. Он помог назначить генеральным прокурором Владимира Устинова, стремясь замять расследование вокруг Mabetex. Пугачеву нравилось думать, что он контролирует их всех. Через свой Межпромбанк он раздавал деньги направо и налево. Квартиру Устинову здесь, квартиру его заместителю там. Другие магнаты выстраивались в очередь, чтобы работать с ним. «Они постоянно ко мне приходили и говорили: „Давай наедем на этого парня и заберем бизнес“», – смеялся он, с глубокой ностальгией вспоминая те дни.[1] Даже Роман Абрамович – с виду застенчивый, небритый нефтетрейдер, начинавший как протеже Бориса Березовского, но теперь переигравший его и снискавший благосклонность ельцинской «Семьи», – склонялся перед ним: много позже Абрамович жаловался другому магнату, что в те дни ему приходилось все согласовывать с Пугачевым. Одна московская газета провозгласила Пугачева новым «фаворитом» Кремля, другие называли его новым серым кардиналом, который вместе с путинскими людьми из петербургского КГБ прибирает к рукам финансовые потоки.[2] Его считали идеологом новой политики «равноудаленности» олигархов от власти – идеи, к которой он теперь никогда бы не признался, но которую тогда, похоже, разделял, пока сам стоял выше всех.

Пока одни олигархи, вроде Пугачева и Абрамовича, явно были «равнее» других, главные угрозы путинской власти устранялись одна за другой. Всего за несколько дней до кремлевской встречи Путина с московскими магнатами Гусинскому сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Новый министр печати Путина Михаил Лесин сказал ему, что он должен согласиться продать свою империю «Медиа-Мост» подконтрольной государству газовой монополии «Газпром» за 473 миллиона долларов долгов и 300 миллионов долларов наличными, иначе ему грозит тюрьма.[3] Долги, на которых Путин сосредоточился в разговоре с Юмашевым, в основном причитались государственному газовому гиганту, и

[1] Интервью автора с Пугачевым, декабрь 2013 г.

[2] Андрей Савицкий. «Фаворит» // Независимая газета, 6 ноября 2001 г.; см. также: «Семейная копилка» // Московский комсомолец, 28 июня 2000 г.; «Секретные друзья Путина» // Московский комсомолец, 4 апреля 2001 г.; Константин Ремчуков. «Бодрым шагом к BoNY-2» // Ведомости, 27 ноября 2001 г.; Андрей Савицкий. «Сын отвечает за отца» // Независимая газета, 30 ноября 2001 г.; Михаил Козырев. «Тувинец Пугачев» // Ведомости, 26 декабря 2001 г.

«Медиа-Мост» задерживал платежи. Гусинский быстро согласился – он не хотел рисковать новыми ночами в обветшалой Бутырке. К тому времени, когда магнаты собрались в Кремле, прокуратура объявила о снятии всех обвинений с Гусинского.

Но вскоре Гусинский бежал из страны, а позднее объявился и заявил, что был вынужден подписать сделку под давлением, практически «под дулом пистолета».[1] Поэтому, сказал он, он от нее отказывается. Когда впервые появились сведения о сделке, элита страны была потрясена. Это был первый признак того, как далеко готов зайти путинский режим, чтобы получить контроль над независимыми медиасетями. Люди Путина использовали уголовное правосудие как оружие «грубого шантажа», чтобы протолкнуть захват. Для них подобная тактика была делом обычным.

Но для Путина окончательная схватка с медиамагнатами была еще впереди. С самого начала Кремль сосредоточил усилия на них. Путин стал одержим властью СМИ, прекрасно зная, как с помощью телеканала Березовского он превратился из никого в самого популярного лидера страны. Он понимал, что без контроля над федеральными телеканалами страны это может измениться в любую минуту.

* * *

Больше всех остальных магнатов для людей Путина архетипическим олигархом ельцинской эпохи был Борис Березовский, которого они в равной мере поносили, ненавидели и боялись. Он был олицетворением инсайдерских сделок ельцинских лет, когда узкий круг бизнесменов за кулисами выторговывал себе лучшие активы и государственные посты. Связи, которые он поддерживал с лидерами чеченских сепаратистов, делали его ненавистным в глазах людей из КГБ – особенно Патрушева, ненавидевшего всех, кто был связан с чеченцами. Березовский поддерживал лидера сепаратистов Аслана Масхадова и помог заключить мирное соглашение после катастрофической первой чеченской войны Ельцина, унесшей жизни тысяч российских солдат – и еще большего числа чеченских мирных жителей. Соглашение предоставило Масхадову широкую автономию для республики, которая в глазах путинских людей из КГБ превратилась в черную дыру для людей и денег. Березовский умел лавировать среди коварных кланов чеченских полевых командиров и зарабатывал не только на переговорах об освобождении заложников, но и на бизнесе войны. «Он военный преступник. Он воровал людей, – утверждал один соратник Путина. – Все это – война, чеченские полевые командиры – было делом рук Березовского».

Но больше всего люди Путина боялись власти СМИ, которыми он руководил. Хотя на бумаге его телеканал ОРТ контролировало государство, владевшее 51 процентом акций, на деле всем распоряжался Березовский, которому принадлежала остальная часть и который заполнил совет директоров своими союзниками.

К началу августа Березовский перешел в открытую оппозицию новому режиму. На следующий день после того, как бомба террористов разворотила подземный переход в центре Москвы, убив семь человек и ранив девяносто, он созвал пресс-конференцию и объявил о создании оппозиционного блока для борьбы с тем, что он называл растущим авторитаризмом Путина. Он предупредил, что подобные взрывы могут повториться, если Кремль продолжит

[3] Henry Meyer. Russian Media Magnate Says Government Forced Sale in Prosecution Deal // Agence France-Presse, 18 сентября 2000 г.

[1] Там же.

«опасный» курс на уничтожение боевиков в Чечне.[1] Учитывая связи Березовского с чеченскими боевиками, казалось, он бросает перчатку путинскому режиму.

Когда в конце того же месяца разразилась катастрофа и Путин столкнулся с первым крупным кризисом своего молодого президентства, вытеснить Березовского из медийной игры стало для кремлевских людей еще более насущной задачей. Торпеда на борту одной из атомных подводных лодок страны, «Курска», каким-то образом сдетонировала; взрыв разворотил лодку и отправил ее вместе с экипажем на дно. Березовский бросил всю мощь своего телеканала ОРТ на критику того, как Путин справлялся с катастрофой. Шесть дней царила неразбериха: Путин так и не обратился к народу по поводу трагедии, оставаясь в своей летней резиденции под Сочи на черноморском побережье и появляясь – на кадрах, показанных ОРТ, – лишь резвящимся на гидроцикле. Путин хранил полное молчание, пока ВМФ днями напролет напускал туману насчет случившегося, даже после того как признал, что лодка затонула. Семьи членов экипажа были в отчаянии, спасательная операция развертывалась лишь урывками, а от предложений международной помощи Россия поначалу отказывалась, опасаясь раскрытия секретов о состоянии своего атомного флота.

Все еще неопытный лидер, несмотря на годы работы с нелегалами против Запада и решительные военные действия в Чечне, Путин поначалу был парализован страхом, говорит один близкий к нему человек. «Он был в ступоре. Совсем побелел. Он не знал, как с этим справиться, и поэтому пытался этим не заниматься. Мы сразу знали, что она взорвалась… Мы с самого начала считали, что все погибли. Путин просто не знал, что с этим делать, и когда все приходили и спрашивали: „Что вы хотите, чтобы мы сделали – начали спасательную операцию, объявили войну США?“ [одна из версий гласила, что „Курск“ столкнулся с американской подлодкой], он тянул время. Хотя мы считали, что все погибли, мы начали спасательную операцию, и появились все эти истории о жалобных криках подводников, стучащих по переборкам. Норвежцы и другие звонили, предлагая помощь. Но он не хотел, чтобы они обнаружили, что все погибли, и поэтому просто отказался от помощи – что, конечно, все только ухудшило. Вся эта ложь только все ухудшила».[2]

На седьмой день Путин тихо вернулся в Москву. Но публично он появился лишь три дня спустя. После долгих уговоров советников он полетел в Видяево – закрытый военный городок за Полярным кругом, место базирования «Курска», где несколькими днями ранее собрались убитые горем родственники экипажа в тщетной надежде на добрые вести, давно сменившейся горем, гневом и отчаянием. Накануне российские власти наконец признали, что все 118 членов экипажа погибли, и Путина уже нещадно критиковали в СМИ за бездействие. Атаку возглавляло ОРТ Березовского, бравшее интервью у убитых горем родственников, обрушивавшихся на Путина за неспособность руководить. Путин пришел в ярость от этих кадров и заявил, что его силовики представили ему доклад, согласно которому женщины на экране – не жены и не родственницы, а проститутки, нанятые Березовским, чтобы его дискредитировать.

Но, прибыв в Видяево, Путин столкнулся со шквалом самого настоящего гнева: жены и родственники набросились на него. Ярость, показанная на канале Березовского, была подлинной: ни о какой постановке не могло быть и речи. Первоначальная реакция Путина стала еще одним признаком его глубоко укоренившейся паранойи и отсутствия эмпатии. Три

[1] Berezovsky Warns About More Possible Terrorist Acts in Russia // Интерфакс, 10 августа 2000 г.

[2] Интервью автора с бывшим близким соратником Путина, январь 2015 г.

часа он разговаривал с ними, пытаясь унять их гнев. Хотя он сказал, что готов отвечать за все, что произошло в стране за сто дней его президентства, за предыдущие пятнадцать лет он отвечать не может: «За это я готов сесть рядом с вами и задать эти же вопросы другим».[1] Провал спасательной операции он объяснил плачевным, жалким состоянием армии, которую при Ельцине бросили разлагаться почти без финансирования. Но больше всего он возложил вину на медиамагнатов. Явно метя в Березовского и Гусинского, он обрушился на них как на истинную причину бедственного положения армии – за то, что они обворовывали страну, а теперь еще и пытаются заработать на трагедии политические очки: «Есть люди на телевидении сегодня, которые… последние десять лет разрушали ту самую армию и флот, где сегодня гибнут люди… Они деньги украли, купили средства массовой информации и манипулируют общественным мнением».[2] В конце концов Путину, похоже, удалось переломить настроение родственников. Но его слова, выставившие медиамагнатов ворами, подорвавшими государство, означали, что любым надеждам Березовского или Гусинского сохранить свои независимые телеканалы пришел конец. Соратник Березовского, сохранявший связи со спецслужбами, снова отчитал друга и посоветовал ему отступить.[3] «Я сказал: „Боря, зачем ты его подрываешь и не даешь ему шанса? Как можно винить его в этой подлодке?“» Но Березовский не раскаивался: он боялся подъема государства КГБ и хотел сделать все возможное, чтобы его подорвать. После истории с «Курском» Волошин сказал Березовскому, что с его владением ОРТ покончено, поскольку выяснилось, что он использует канал, «чтобы работать против президента».[4] Затем, по словам Березовского, он заявил, что тот должен отказаться от своего пакета в течение двух недель или последовать за Гусинским в Бутырку. Березовский расценил это как ультиматум, который приведет к «концу телевизионной информации в России»: «Ее заменит телевизионная пропаганда, контролируемая [кремлевскими] советниками».[5] Некоторое время он вел с Кремлем непростую игру в кошки-мышки, объявив, что передал свой пакет ОРТ в доверительное управление журналистам канала, и все это время заявляя, что не позволит стране скатиться в авторитарную пропасть. Но при всей прозорливости Березовского оставшиеся в Кремле люди Ельцина действовали заодно с Путиным и правоохранительными органами. Кремлевская машина была едина против Березовского и Гусинского, и у них не было ни единого шанса. Кремлевский политтехнолог Глеб Павловский, помогавший выстраивать часть пропаганды путинской избирательной кампании, участвовал в разработке новой кремлевской «Доктрины информационной безопасности», которая, по его словам, позволит правительству устранить «теневых информационных брокеров» вроде Гусинского и Березовского, представляющих «серьезную угрозу национальным интересам страны».[6]

В середине октября прокуратура вновь открыла дело по обвинениям в том, что Березовский вывел сотни миллионов долларов из российской государственной авиакомпании «Аэрофлот», частью которой он владел, через швейцарские компании. Давление стало невыносимым. Когда 13 ноября прокуратура объявила, что вызывает его на допрос и готова

[1] Guy Chazan. Putin Lambasts the Media Over Coverage of Sub Disaster // Wall Street Journal, 31 августа 2000 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с соратником Березовского, июнь 2018 г.

[4] Гольдфарб, Литвиненко. «Саша, Володя, Борис…», с. 210.

[5] Vladimir Isachenkov. Oligarch Says Kremlin Moves to Take His Share in Television Station // Associated Press, 4 сентября 2000 г.

[6] Pavlovsky Outlines Kremlin's Information Security Plans // IPR Strategic Information Database, 26 сентября 2000 г.

предъявить обвинение, Березовский бежал из России и заявил, что никогда не вернется. «Меня вынудили выбирать между положением политического заключенного и политического эмигранта», – говорилось в его заявлении, сделанном из места, которое он отказался раскрыть.[1]

Та же тактика была применена и против Гусинского. Его вызвали на допрос в тот же день. Но и его давно след простыл: вскоре после того как в июле он подписал сделку о передаче своих акций «Медиа-Моста», он бежал из-под досягаемости прокуроров на свою виллу в Испании. Затем он отказался от сделки, заявив, что подписал ее под давлением в обмен на гарантию свободы. Но от длинной руки российских прокуроров ему было не уйти. Они заочно обвинили его в искажении сведений о своих активах в «Медиа-Мосте» при получении кредитов «Газпрома» и выписали международный ордер на его арест через Интерпол.

Даже в изгнании давление стало для обоих невыносимым. В феврале 2001 года по настоянию Волошина Березовский продал свои акции ОРТ Роману Абрамовичу, который бросил бывшего партнера, став финансовым мостом между ельцинской «Семьей» и людьми Путина, и тут же продал акции государству. В апреле того же года «Газпром» захватил контроль над НТВ Гусинского, устроив переворот в совете директоров и потребовав возврата кредита «Медиа-Мосту» на 281 миллион долларов.

Путин и его люди применяли испытанную тактику петербургских времен, когда для захвата городского порта и Балтийского пароходства им достаточно было бросить его директора в тюрьму. Но на том раннем этапе своего правления они мало что смогли бы сделать без помощи оставшихся в Кремле людей Ельцина. «Это они [ельцинская „Семья“] придумали схемы перевода всех СМИ в руки государства, которые привели к фактическому уничтожению всех независимых СМИ, – говорит Леонид Невзлин, бывший магнат из «Менатепа», внимательно наблюдавший за происходящим со стороны. – Они дали это Путину… Нам надо было понять, к чему все идет, еще в первый год правления Путина. Но мы хотели и дальше смотреть сквозь розовые очки, потому что в экономике вроде бы все было в порядке».[2]

За занавесом волшебника из страны Оз, каким был путинский Кремль, за громогласной демонстрацией силы Путин, по словам Пугачева, все еще нервничал. В январе 2001 года, еще до захвата НТВ «Газпромом», он пригласил в Кремль ведущих журналистов канала, чтобы попытаться заверить их в благих намерениях государства. Перед тем как войти в кремлевскую библиотеку, чтобы поприветствовать их, он заметно волновался, вспоминает Пугачев: «Перед встречей он боялся. Он не хотел идти к ним и разговаривать. Мне пришлось говорить ему, что сказать. Это были сливки московской интеллигенции, люди, известные каждому».[3]

Путин так волновался, что отвел одну из журналисток в отдельную комнату и спросил, что она хотела бы услышать, говорит Пугачев. Последние четыре года Светлана Сорокина была лицом самого популярного политического ток-шоу НТВ «Глас народа». «Он сказал ей: „Мы с вами оба из Петербурга, у нас есть это общее, скажите, как бы вы хотели, чтобы это было“», – говорит Пугачев. Другие журналисты, ожидавшие снаружи, думали, что Путин отвел Сорокину в сторону, чтобы сбить их с толку, выбить у них почву из-под ног. Но Пугачев утверждал, что тот просто понятия не имел, что сказать. Это был и классический прием вербовки союзников. Когда Путин наконец вошел в обшитую деревом кремлевскую

[1] Russian Tycoon Berezovsky Fears Return to Russia // Agence France-Presse, 14 ноября 2000 г.

[2] Интервью автора с Невзлиным, июль 2018 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.

библиотеку, чтобы поприветствовать журналистов, он, словно хамелеон, уже впитал образ мыслей Сорокиной и мог сказать им именно то, что они хотели услышать. Это была очередная операция КГБ. В течение следующих трех с половиной часов он заверял их в благих намерениях Кремля. Борьба, говорил он, идет только с Гусинским. Он не хочет, чтобы менялась редакция канала. Он приветствовал бы иностранного инвестора в канале. Он хочет, чтобы они сохранили редакционную независимость. «Газпром», заверял он, – это не государство. А что до прокуратуры, которая теперь обратила внимание на финансовые отношения отдельных журналистов с Гусинским, то он ее не контролирует – она ему неподвластна.

«Мы узнали в тот день, что прокуратура – абсолютно независимая организация, Путин сказал это несколько раз, – вспоминал впоследствии один из журналистов, Виктор Шендерович, с трудом веря своим ушам. – Он сказал, что готов нам помочь и считает некоторые действия прокуратуры чрезмерными».[1] Путин сказал им: «Вы мне не поверите, но я ничего не могу сделать. Вы хотите, чтобы я вернулся к временам телефонного права?»[2] – намекая на то, как советское Политбюро сверху диктовало решения судам и прокурорам.

Это было образцовое представление, типичное для многих, которые Путин устроит впоследствии, настаивая на соблюдении официального, правового статуса институтов и маскируя реальные властные игры. Лучше всего ему удавалось перенимать образ мыслей и заботы других. Этот прием он отточил в Дрездене. «Он был как зеркало, – говорит Пугачев. – Он просто говорит всем то, что они хотят услышать».[3]

Тем не менее журналисты покинули Кремль с тяжелым чувством. Как можно было верить тому, что они только что услышали? И когда в начале апреля «Газпром» поставил новое руководство на том основании, что Гусинский не расплатился по долгам, они устроили сидячую забастовку, чтобы сохранить контроль над каналом, и продолжали выпускать критические по отношению к Кремлю репортажи, словно все еще наполовину надеясь, что Путин говорил всерьез.

Но рано утром на одиннадцатый день их забастовки истинные намерения Путина стали кристально ясны. Он вовсе не собирался сохранять редакционную независимость канала. В четыре утра в здание тихо вошли люди из службы безопасности и заменили охрану канала. Журналистов, приходивших утром на работу, пускали внутрь, только если они присягали на верность новому руководству. Ведущие журналисты в знак протеста против силовых методов, отнявших у них с таким трудом завоеванную независимость, массово уволились. «В стране происходит ползучий переворот, – заявил один из основателей канала Игорь Малашенко. – Эта операция проводится по той же схеме, что и попытка путча в августе 1991 года, и ее проводят те же люди – сотрудники спецслужб».[4] «Мы все виноваты, потому что позволили КГБ вернуться к власти», – сказал журналистам известный правозащитник Сергей Ковалев.[5]

Путинский Кремль вернул себе контроль над эфиром. Вольных СМИ ельцинских лет больше не существовало.

---

[1] Andrei Zolotov Jr. Putin Backs Foreign Investor at NTV // Moscow Times, 30 января 2001 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.

[4] Media Most Chief Compares NTV Seizure to August 1991 Coup // BBC Monitoring, по материалам интервью «Эху Москвы», 14 апреля 2001 г.

[5] NTV Raid Shows «KGB in Power» in Russia: Ex-Dissident // Agence France-Presse, 14 апреля 2001 г.

ГЛАВА 7

Операция «Энергия»

Далеко на восток от Москвы, за Уральскими горами, где березовые леса сменяются еловой тайгой и болотами, лежит огромная равнина Западно-Сибирского нефтегазоносного бассейна. С тех пор как в шестидесятые годы советские геологи обнаружили здесь огромные запасы нефти и газа, регион стал движущей силой глобальных амбиций советской империи. В нем был ключ к имперской мощи страны.

Инженеров, буровиков и геологов, осваивавших почти безлюдную территорию, прославляли как советских героев. Они сражались со льдом и лютыми зимними морозами, возводя буровые вышки и прокладывая трубопроводы по местности, которая летом превращалась в непроходимые озера и кишащие комарами болота. Их труд помог на какое-то время превратить Советский Союз в экономическую державу, к концу восьмидесятых ставшую крупнейшим в мире производителем нефти и газа. Добычу безрассудно наращивали, чтобы удовлетворить все растущие требования Политбюро. Скважины заводняли, чтобы выжать нефть, питавшую ненасытный советский военно-промышленный комплекс. Здесь добывалось две трети всей советской нефти. Это была жемчужина советской системы, которой в целом принадлежали 40 процентов мировых запасов газа и 12 процентов запасов нефти за пределами Ближнего Востока.

Большая часть добытой нефти и газа продавалась внутри страны по фиксированным низким ценам, субсидируя массовое производство танков и другого оружия, которым советская империя вооружалась против Запада.[1] Но экспорт нефти был еще стратегичнее: это было черное золото, на котором держался глобальный размах советской империи. Экономика ГДР финансировалась в основном за счет продажи советской нефти и газа по ценам, составлявшим лишь малую долю мировых, а остальной восточный блок подпирали аналогичные сделки.[2]

За экспортом нефти особенно ревниво следил КГБ. Прибыль, которую государственная монополия-экспортер «Союзнефтеэкспорт» получала на разнице между советскими и мировыми ценами – в шесть раз более высокими, – помогала наполнять валютную казну советской империи, финансируя вылазки на Ближний Восток и в Африку, разжигание вооруженных конфликтов и восстаний и активные мероприятия по дестабилизации Запада.

Когда Советский Союз рухнул и вертикаль министерства нефтяной промышленности рассыпалась, отрасль поначалу раскололась на четыре отдельные вертикально интегрированные добывающие компании: «Лукойл», ЮКОС, «Сургутнефтегаз» и на какое-то время «Роснефть». Хотя номинально они оставались под контролем государства, в основном их прибрали к рукам директора – нефтяные генералы, руководившие ими в советское время, а бесчинствовавшие в российской провинции организованные преступные группировки пытались силой пролезть в бизнес.[3] Добыча повсеместно рухнула: месторождения Западной

[1] Более 70 процентов добытой нефти и 87 процентов газа шли на внутренний рынок, главным образом для поддержки военной промышленности: Сергей Ермолаев. «Формирование и эволюция нефтегазовой зависимости Советского Союза», 29 марта 2017 г., Фонд Карнеги за международный мир.

[2] Ермолаев. «Формирование и эволюция нефтегазовой зависимости Советского Союза».

[3] Thane Gustafson. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012, p. 76. В книге рассказывается, как Ельцин в ноябре 1992 года подписал указ о создании первых трех вертикально интегрированных нефтяных компаний – «Лукойла», ЮКОСа и

Сибири были в значительной мере истощены десятилетиями советской бесхозяйственности. Но, незаметно, в тени, в первой половине девяностых сотрудники внешней разведки КГБ сохраняли контроль над большей частью экспорта нефти. Производителям было предписано продавать до 80 процентов добычи государству по фиксированной низкой внутренней цене, а затем система спецэкспортеров – специально назначенных экспортеров, тесно связанных с КГБ или с приближенной организованной преступностью, – получала разницу с мировой ценой.[1] Нередко полученные таким образом средства уходили в черную кассу КГБ и Кремля – на финансирование избирательных кампаний и обеспечение нужного Кремлю исхода парламентских голосований – или попросту разворовывались.

Когда в середине девяностых самые стратегические и доходные отрасли советской промышленности были распроданы на залоговых аукционах, многие из этих золотых жил для сетей КГБ перешли в частные руки. ЮКОС и «Сибнефть», соседний западносибирский нефтедобытчик, достались близким к ельцинскому правительству молодым банкирам – Ходорковскому и партнерству Березовского и Абрамовича – всего за 300 и 100 миллионов долларов соответственно. Доступ к капиталу, который молодые магнаты получили благодаря управлению их банками счетами государственного казначейства, дал им преимущество в битве за ресурсы страны. Оперативникам КГБ таких сумм было никогда не собрать.

Последствия были огромными. Нефть – несмотря на тогдашние низкие мировые цены – по-прежнему составляла крупную долю экспортной выручки страны.[2] Люди Ходорковского, например, создали собственные торговые сети для ЮКОСа сразу же, как только взяли компанию под контроль в 1996 году. Прибыль оседала на частных офшорных счетах группы «Менатеп» Ходорковского, вне досягаемости российского государства, а «Менатеп» находил лазейки в законах, чтобы свести к минимуму налоговые платежи. Баланс сил решительно смещался в сторону магнатов ельцинской эпохи. Приватизация денежного потока от экспорта нефти изменила все. Она превратила таких, как Ходорковский и Березовский, в полноценных олигархов, способных подкупать людей Ельцина и обеспечивать нужный себе исход парламентских голосований. По словам бывшего офицера КГБ, ставшего нефтетрейдером, Андрея Панникова, передача нефтяной торговли в независимую собственность была угрозой целостности российского государства, которой ни в коем случае нельзя было допускать: «Я бы никогда не разрушил государственную монополию. Я бы оставил всю экспортную торговлю в руках государства».[3]

Для Путина и его людей из КГБ этот вопрос, разумеется, сразу оказался в центре внимания. Мировые цены на нефть начали стремительно расти почти сразу после того, как летом 1999 года Путина назначили преемником Ельцина. К середине 2002 года Ходорковский, начинавший как сосредоточенный, тихий студент-химик, устраивавший дискотеки для комсомола, объявил всему миру о личном состоянии в 7 миллиардов долларов благодаря

«Сургутнефтегаза», в которых государство на три года сохраняло 45-процентный пакет, после чего должно было быть принято решение об их приватизации. Остальная отрасль вошла во временную государственную компанию «Роснефть», которую быстро растащили корпоративные рейдеры, охотившиеся за лучшими добывающими подразделениями.

[1] Gustafson. Wheel of Fortune, p. 90.

[2] Нефтяные доходы составляли 35,5 процента всех федеральных доходов в 1996 году и 27,4 процента в 1997 году: Goohoon Kwon. The Budgetary Impact of Oil Prices in Russia // IMF Working Paper, 1 августа 2003 г., p. 4, www.imf.org/external/country/rus/rr/2003/pdf/080103.pdf.

[3] Интервью автора с Панниковым, апрель 2008 г.

владению 36 процентами группы «Менатеп».[1] Это был колоссальный скачок по сравнению с теми днями, когда «Менатеп» приобрел ЮКОС за 300 миллионов долларов на залоговых аукционах 1995 года, когда сам ЮКОС по уши увяз в долгах.[2] Это раскрытие официально сделало Ходорковского самым богатым человеком России – в то время, когда весь государственный бюджет страны составлял 67 миллиардов долларов, а рыночная капитализация крупнейшей подконтрольной государству компании «Газпром» – 25 миллиардов долларов.

Ходорковский и его партнеры по «Менатепу» первыми из российских магнатов публично раскрыли свои деловые активы. Большинство олигархов скрывали свою собственность за паутиной подставных компаний, все еще опасаясь возмездия государства после споров о приватизации девяностых. Ходорковский высунул голову из окопа отчасти потому, что приход Путина к президентству должен был означать легализацию хаотичного рыночного перехода страны, закрепление завоеваний девяностых. Это была одна из причин, по которым Путин заручился такой широкой поддержкой, и прежде всего поддержкой ельцинской «Семьи». Хотя он безжалостно расправился с медиамагнатами, ничто не указывало на его желание увеличить государственную собственность где-либо еще. И хотя он немало грозился обуздать олигархов, он настаивал, что не станет пересматривать итоги приватизации девяностых. Казалось, раскрытие Ходорковским своего состояния знаменует дальнейшее продвижение России к более зрелой и развитой рыночной экономике. Этот шаг приветствовали как прорыв в прозрачности, но, возможно, это была и ставка Ходорковского на то, что рынок его защитит. Он рассчитывал действовать по западным рыночным правилам игры.

Но для силовиков, пришедших к власти вместе с Путиным, новый статус Ходорковского как самого богатого человека страны, действующего вне их контроля, был еще одним тревожным сигналом. Они выжидали в тени со времени распада СССР, лелея амбиции восстановить мощь России. Восхождение Путина к президентству благодаря его тонкому обману и обещаниям ельцинской «Семье» должно было стать первым шагом к этому. Люди из КГБ всегда видели в нефтяной отрасли страны валюту геополитических игр. По их мнению, установление контроля над нефтяными ресурсами России было решающим как для закрепления их собственного положения у власти, так и для восстановления позиций России в противостоянии с Западом. И, разумеется, не мешало и то, что в процессе они смогут набить собственные карманы.

Вопрос был в том, как они за это возьмутся. В отличие от коммунистов, новое поколение силовиков – из рядов КГБ, которое само когда-то начало рыночные реформы, – никогда не стало бы объявлять кампанию ренационализации: они всегда заявляли о своей приверженности рынку. Но они собирались использовать и искажать рынок как оружие. Они хотели установить своего рода квазигосударственный капитализм, который укрепил бы их собственную – и, как им виделось, российскую – мощь.

Газовая отрасль представляла собой задачу куда проще нефтяной. В отличие от нефтяной, она почти целиком сохранилась как огромная подконтрольная государству монополия. Государственный газовый гигант «Газпром» был самым стратегическим активом

[1] Robert Cottrell. Russia's Richest Man Reveals Himself // Financial Times, 21 июня 2002 г.

[2] Компания была финансово на коленях, потому что в первой половине девяностых по действовавшим тогда правилам нефтяной торговли была вынуждена продавать большую часть добычи государству по фиксированным низким внутренним ценам, а часть нефти обменивала по бартеру в оплату услуг.

страны. Опираясь на крупнейшие на планете запасы газа, он был крупнейшим в мире производителем газа и обеспечивал крупнейший поток налоговых поступлений в стране. Он не только снабжал российские дома теплом и светом, но и покрывал 25 процентов потребностей Европы в газе. Роль преобладающего поставщика значительной части Центральной и Восточной Европы, а также Украины и Белоруссии позволяла использовать его как инструмент политического влияния, а его огромные денежные запасы и финансовые активы открывали людям Путина богатые возможности. При Ельцине высшее руководство «Газпрома» в значительной мере прибрало компанию к рукам, превратив ее в свою вотчину. Но Путин сделал замену руководства своими союзниками одним из первоочередных приоритетов, начав масштабную чистку после того, как проверки акционеров показали, что руководители ельцинской эпохи вывели из «Газпрома» целый ряд газовых месторождений и других активов в связанные с ними компании. Все назначенные им вместо них люди занимали руководящие должности в петербургском морском порту – стратегическом активе, захваченном путинскими силовиками, которые набирались опыта в союзе с тамбовской организованной преступной группировкой. Это был первый признак того, что выкованный тогда союз будет захватывать активы уже в федеральном масштабе. Новым председателем правления «Газпрома» стал тридцатидевятилетний Алексей Миллер – невысокий усатый человек, бывший заместителем Путина в Комитете по внешним связям петербургской мэрии, а затем директором в морском порту.[1]

Частная нефтяная отрасль представляла куда более трудную задачу. В Санкт-Петербурге силовикам удавалось легко подчинять своей воле городские правоохранительные органы, чтобы вытеснять соперников. Но схватиться с московскими олигархами было совсем другим делом. Несмотря на всю власть, которой они располагали через ФСБ, сторонники Путина еще не установили контроль над всей правоохранительной системой, а московские магнаты были влиятельными фигурами, хорошо известными на Западе, создавшими компании, акции которых торговались на западных рынках. На кону стояла способность страны привлекать внешние инвестиции, которые, как понимал прагматичный Путин, по-прежнему были необходимы для ускорения экономического восстановления России после краха девяностых.

Силовики начали то, что стало известно как операция «Энергия», без шума. Ельцинская «Семья» по-прежнему чувствовала себя в безопасности, веря, что Путин – человек рынка. Для них он был президентом-стажером, все еще осваивавшим азы управления. В первый год правления он, по словам одного видного банкира, связанного с КГБ и знакомого с ситуацией, брал интенсивные уроки английского языка, скорочтения огромных кип документов, а также управления и истории российского государства: «Система подготовки руководителей развалилась».[2]

---

[1] Миллер был директором морского порта по инвестициям и развитию с 1996 по 1999 год – в то самое время, когда порт находился под контролем Ильи Трабера, российского мафиози, служившего ключевым посредником между путинскими силовиками и тамбовской организованной преступной группировкой в целом. Миллер привел с собой еще одного человека из морского порта – Александра Дюкова, работавшего генеральным директором порта в 1998–1999 годах, а затем руководителем его нефтяного терминала; Дюкова назначили сначала главой нефтехимического гиганта «Сибур», а затем, во второй президентский срок Путина, главой только что созданного нефтяного подразделения «Газпрома» – «Газпром нефти». Еще один из ближайших соратников Трабера, кагэбэшник Виктор Корытов, стал заместителем председателя правления Газпромбанка.

[2] Интервью автора с видным банкиром, близким к спецслужбам, май 2016 г.

Ельцинская «Семья» по-прежнему твердо верила в преданность и послушание Путина. Похоже, они также считали, что в первый путинский срок им отдана на откуп большая часть экономики, а сам Путин поначалу давал понять, что не собирается оставаться у власти дольше. «Семья» чувствовала себя настолько уверенно и так мало подозревала о возможных амбициях петербургских чекистов в отношении нефтяной отрасли, что начала вынашивать планы приватизации последней оставшейся государственной нефтяной компании – «Роснефти». Роман Абрамович давно на нее заглядывался: он и Березовский надеялись присоединить ее к «Сибнефти», когда ее впервые собирались приватизировать в 1997 году. Теперь, когда, как им казалось, их будущее обеспечено, говорит Пугачев, Волошин даже подготовил указ о приватизации «Роснефти», ожидавший лишь подписи Путина. За кулисами Абрамович тихо лоббировал, расчищая путь. В прихожей резиденции Путина в Ново-Огарево внезапно появился ряд дорогих итальянских костюмов и туфель – любезность Абрамовича, по словам Пугачева. «Я сказал: „Володя, зачем тебе все это? Ты президент одной из крупнейших стран мира. Неужели ты сам не можешь купить себе костюмы! Тебе не нужны эти взятки. За них попросят что-нибудь взамен“».[1]

Для Пугачева заигрывания Абрамовича стали последней каплей. Пугачев считал необходимым не допустить, чтобы последняя государственная нефтяная компания досталась «Семье». По мере того как росло его влияние благодаря роли в приведении Путина к власти, он начал свободно переходить из союза с путинскими людьми из петербургского КГБ в союз с ельцинской «Семьей» и обратно, в зависимости от политической необходимости, нередко скрывая свои истинные пристрастия. Но на этот раз он решительно склонился на сторону силовиков. «Они пригласили президента на дачу к Волошину. Вызвали его к себе. Это было совершенно неприлично, – вспоминает он. – Я сказал: „Зачем ты туда едешь? Зачем ее приватизировать, о чем вы думаете? В бюджете нет денег. Без „Роснефти“ как ты собираешься жить, откуда будешь брать на зарплаты?“»[2]

Тем временем петербургские силовики уже выстраивали собственную оборону, чтобы не допустить перехода «Роснефти» в частные руки. За спиной ельцинской «Семьи» они тихо создавали параллельную систему власти, говорит видный банкир, близкий к спецслужбам.[3] Возглавлял этот процесс Игорь Сечин – преданный коллега Путина по петербургскому КГБ, назначенный заместителем руководителя его администрации, а еще глубже за кулисами, по словам этого банкира, – Геннадий Тимченко, предполагаемый бывший оперативник КГБ и близкий соратник Путина по петербургскому нефтяному терминалу. В те дни, говорит банкир, Тимченко был одним из самых влиятельных игроков в окружении Путина: «Он стал влиятельным сразу, как только Путина назначили президентом». Но Путин держал его в тени. «Он был как человек-невидимка. Его никогда не было видно», – говорит другой близкий к Путину человек.[4] (Тимченко через своих юристов заявил, что любые предположения о его участии в каком-либо проекте по созданию параллельной системы власти «совершенно ложны до абсурда». Тимченко «просто никогда не занимался политическими вопросами и не обсуждал их ни с г-ном Путиным, ни с кем-либо из его сотрудников или министров».)

[1] Интервью автора с Пугачевым, декабрь 2014 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, июнь 2018 г.

[3] Интервью автора с видным банкиром, близким к спецслужбам, май 2016 г.

[4] Интервью автора с человеком, близким к Путину, январь 2015 г.

Одной из первых задач этой группы было обеспечить переизбрание Путина на второй срок, независимо от того, был ли он сам уже убежден, что хочет этого. Для этого им нужно было укрепить свое положение у власти. «Их задачей было прибрать к рукам побольше денежных потоков, – говорит банкир. – Их беспокоило, что „Семья“, Абрамович контролируют определенные секторы экономики».[1]

Тем временем более широкая каста людей из КГБ давно составляла списки мишеней в нефтяной отрасли.[2] Поначалу первым в списке значился «Сургутнефтегаз» – западносибирский нефтедобытчик, которым еще с советских времен руководил Владимир Богданов. Но Богданов и «Сургутнефтегаз» уже наладили тесные отношения с путинскими людьми из КГБ через Тимченко, нефтетрейдер которого обладал почти монополией на экспорт продукции принадлежавшего «Сургуту» Киришского НПЗ. «Тимченко привел Богданова в Кремль на чай к Путину, – говорит видный банкир, связанный со спецслужбами. – Там Богданов сказал Путину: „Это ваша компания. Я в любом случае за вас. Только скажите, как тратить деньги“».

Затем силовики нацелились на «Лукойл» – в то время крупнейшую нефтяную компанию России, созданную при распаде Советского Союза из трех западносибирских нефтедобывающих объединений бывшим заместителем министра нефтяной и газовой промышленности СССР Вагитом Алекперовым. Алекперов, хитрый азербайджанец, был одним из отцов-основателей раздела российской нефтяной отрасли. Он всегда был близок к сетям российской разведки – поначалу «Лукойл» продавал нефть через Urals Trading, нефтетрейдера, созданного бывшим офицером КГБ и партнером Тимченко Андреем Панниковым, – и людям Путина не понадобилось много времени, чтобы поставить «Лукойл» на место.

Первый залп по «Лукойлу» прозвучал летом 2000 года, во время первой волны кремлевских расследований против олигархов. Налоговая полиция объявила о возбуждении уголовного дела против Алекперова по подозрению в уклонении от уплаты налогов, назвав его частью общеотраслевой проверки, которая, как утверждалось впоследствии, выявила в общей сложности 9 миллиардов долларов налогов, не уплаченных через специальные офшорные зоны внутри России.[3] Но лишь в сентябре 2002 года давление на «Лукойл» по-настоящему усилилось. Однажды рано утром в том месяце первого вице-президента «Лукойла» Сергея Кукуру похитили люди в милицейской форме и масках, которые, по-видимому, обездвижили его и водителя, вколов им героин, а затем надели им на головы мешки.[4] Кукура объявился лишь через тринадцать дней и, судя по всему, понятия не имел, кто стоял за нападением. Четыре месяца спустя российская милиция таинственным образом прекратила расследование похищения.[5] За неделю до этого правительство объявило, что «Лукойл» согласился выплатить 103 миллиона долларов недоимок – ровно столько, сколько, по утверждению правительства, оно потеряло из-за операций «Лукойла» через внутренние офшорные зоны.[6]

---

[1] Интервью автора с видным банкиром, близким к спецслужбам, май 2016 г.

[2] Там же; интервью автора с руководителем нефтяной компании, близким к спецслужбам, январь 2014 г.

[3] Melissa Akin. Tax Police Target Boss of Lukoil // Moscow Times, 12 июля 2000 г.; см. также: Elizabeth LeBras, Natalya Neimysheva. Report – Oil Evades $9 Billion in Taxes // Moscow Times, 29 ноября 2000 г.

[4] Anna Raff. Lukoil Financial Officer Abducted // Moscow Times, 13 сентября 2002 г.

[5] Lukoil Case Closed // Moscow Times, 13 февраля 2003 г.

[6] Наталья Неймышева. «Иллюзия льгот» // Ведомости, 6 февраля 2003 г.

Если Алекперов и «Лукойл» пришли к какому-то компромиссу с новым правительством Путина, то, как и в случае с «Сургутом», никакого формального захвата государством не требовалось. Позднее один высокопоставленный руководитель нефтяной отрасли сказал мне, что Алекперов согласился держать часть своего пакета от имени Путина – это было частью системы номинального владения в интересах Кремля, которой предстояло укорениться в самых стратегических отраслях России.[1] («Лукойл» отрицает существование подобной системы.)

Но если «Лукойл», похоже, быстро склонился перед волей новых хозяев, то значительная часть нефтедобычи все еще оставалась далеко вне досягаемости Кремля. Стремясь это исправить, силовики шли к противостоянию, которому предстояло стать определяющим моментом путинского правления: оно изменит облик российской нефтяной отрасли и окончательно повернет страну к форме кланового государственного капитализма, при которой стратегические денежные потоки перенаправляются в руки близких союзников. Власть путинских людей из КГБ укрепится, что поможет им вернуться в качестве силы на мировой арене. Этот конфликт погубит и самого богатого бизнесмена России, и подорвет всю российскую правовую систему.

Из всех московских олигархов Михаил Ходорковский активнее всех стремился интегрировать свою компанию в западный мир, откровеннее всех добивался поддержки западных инвесторов и лидеров. После многих лет репутации «плохого парня» в дарвиновской российской деловой среде он шел впереди в стремлении привить своей компании западные методы корпоративного управления и прозрачность. Конфликт, разгоревшийся, когда путинские силовики боролись за то, чтобы вырвать у Ходорковского контроль над западносибирскими месторождениями ЮКОСа, был одновременно столкновением представлений о будущем России и битвой за империю. Ему предстояло определить имперское возрождение России и стремление Путина восстановить страну как самостоятельную силу в противостоянии с Западом. Но это было и глубоко личное столкновение. Его корни уходили в конфликт конца девяностых, когда Ходорковский отнял один из последних оставшихся каналов черного нала у ближайших союзников Путина, в свое время стоявших в центре операций КГБ по переводу средств Коммунистической партии на Запад.

Захват Ходорковским ВНК – Восточной нефтяной компании – был одной из последних крупных приватизаций в нефтяной отрасли девяностых, и то, что ее увели у них из-под носа, стало для людей Путина последней каплей. «Это был первый конфликт между группой Путина и ЮКОСом, и самый серьезный, – говорит Владимир Милов, бывший заместитель министра энергетики России. – Вот тогда все и началось».[2]

* * *

Сегодня, когда мы сидим в обшитом дубом конференц-зале его лондонского офиса с видом на листву Ганновер-сквер – после десяти лет заключения и в вынужденном изгнании, – Михаил Ходорковский утверждает, что тогда не знал о связях ВНК с путинскими людьми из КГБ. «Если бы я знал, насколько ВНК была структурой, в которой у ФСБ были интересы, я бы, наверное, не рискнул туда идти», – говорит он[3], одетый теперь в простую стеганую рубашку,

[1] Интервью автора с высокопоставленным руководителем нефтяной отрасли, март 2014 г.

[2] Интервью автора с Миловым, сентябрь 2013 г.

[3] Интервью автора с Ходорковским, сентябрь 2015 г.

не так уж непохожую на ватники, которые ему приходилось носить в сибирской колонии, – словно это привычка, от которой он не может избавиться.

Шел конец девяностых, когда Ходорковский пробился на вершину сумбурного российского перехода к рынку, а ВНК была одним из последних призов российской нефтяной отрасли. Когда в 1997 году ее выставили на приватизацию, продажу преподносили как решительный разрыв со скандальными залоговыми аукционами со скидкой. Компанию, созданную из месторождений «Томскнефти» вокруг благородного университетского города Томска в Центральной Сибири и Ачинского нефтеперерабатывающего завода, предполагалось продать за сумму до 1 миллиарда долларов – почти вдесятеро больше, чем годом раньше выручили на залоговых аукционах за ЮКОС и «Сибнефть».[1] Непреклонный «царь приватизации» Анатолий Чубайс был полон решимости показать миру, что Россия превращается в настоящую рыночную экономику, основанную на правилах. Он хотел, чтобы ВНК была продана по своей истинной рыночной стоимости.[2]

Проблема заключалась лишь в том, что люди, управлявшие компанией, похоже, считали, будто Чубайс обещал ее им. ВНК должна была стать утешительным призом для стоявших за ней людей из КГБ после того, как они наблюдали, как большую часть остальной российской нефтяной отрасли проглотили независимые магнаты. С момента своего создания в 1994 году она служила для них источником денег – общаком. Значительная часть ее нефтяного экспорта шла через компании, связанные с малоизвестной австрийской компанией IMAG, которой руководил Андрей Акимов – высокопоставленный офицер внешней разведки, до самого распада СССР возглавлявший зарубежный банк СССР в Австрии, Donau Bank.[3] Акимов стал самым молодым в истории руководителем советского банка, возглавив Donau Bank в тридцать четыре года, – его назначили как раз тогда, когда КГБ начал создавать схемы перекачки богатств Коммунистической партии через зарубежные банковские счета, а Вена давно была стратегическими воротами для советских денег на Запад.[4]

---

[1] Jeanne Whalen. Oil Tender Pricing Formula Proposed // Moscow Times, 16 августа 1997 г.; Boris Aliabayev. Kremlin Pledges Fair Oil Auctions // Moscow Times, 12 ноября 1997 г.

[2] Интервью автора с видным западным банкиром, участвовавшим в продаже, сентябрь 2013 г.

[3] На связь Акимова с советской внешней разведкой указали три источника: «Он служил офицером действующего резерва, – говорит один видный российский банкир, хорошо знающий Акимова. – Его отец был полковником КГБ»; «Занимать высокий пост в одном из зарубежных советских банков без таких связей с КГБ было невозможно», – говорит бывший заместитель министра энергетики Владимир Милов; по словам одного руководителя, тесно работавшего с Акимовым, тот мог получить такую должность лишь благодаря тесным связям с КГБ. В те годы зарубежная банковская сеть СССР была ключевым каналом финансирования советских стратегических операций. Когда в 1979 году из советского зарубежного банка в Париже, «Евробанка», украли восемь мешков для мусора с документами, через несколько месяцев на их основе вышла книга, подробно описывавшая, как банк финансировал Коммунистическую партию Франции. Должность в этой системе была престижной и желанной. Первое назначение Акимов получил в 1985 году – заместителем руководителя отделения Внешторгбанка СССР в Цюрихе, – и быстро продвигался по служебной лестнице.

[4] Владимир Прибыловский, биография Акимова, Anticompromat.org/akimov/akimbio.html; см. также: Irina Reznik, Anna Baraulina. Cold War Banker to Putin Billionaires Walks Sanctions Wire // Bloomberg, 24 октября 2014 г.; Ирина Мокроусова. «Банкир под прикрытием» // Forbes (Россия), 2 апреля 2015 г.; Александр Бирман. «Орден национального достояния» // Компания, 16 мая 2005 г. Акимов создал IMAG с полной санкции Политбюро и Верховного Совета РСФСР – и использовал ее средства для первого внешнего финансирования петербургского нефтетрейдера Тимченко «Киришинефтехимэкспорт», по словам партнера Тимченко по этой компании Андрея Каткова. Акимов также водил близкое знакомство с партнером Мартина Шлаффа – агента Штази, работавшего с начальником дрезденской внешней разведки Гербертом Колером над выводом средств для сохранения сетей Штази через фиктивные поставки находившейся под эмбарго электроники во время падения Берлинской стены.

Связи Акимова в сетях российской внешней разведки были обширными и глубокими.[1] Его заместителем в IMAG работал экономист, участвовавший в разработке первых перестроечных реформ при Примакове в Институте мировой экономики – улье оперативников внешней разведки. Это был Александр Медведев, которому предстояло стать ближайшим доверенным лицом Акимова[2], а IMAG – одним из самых ранних источников финансирования торговых операций Тимченко.

Акимов был настолько уверен в победе на распродаже ВНК, что еще до продажи добился назначения Медведева вице-президентом ВНК по финансам.[3] Для IMAG на кону стояли нефтяные контракты на сотни миллионов долларов. Почти с самого своего создания ВНК продавала большую часть нефти через трейдера East Petroleum Ltd, зарегистрированного рядом с офисами IMAG и возглавлявшегося еще одним близким соратником Акимова – Евгением Рыбиным.

Когда 84-процентный государственный пакет ВНК выставили на аукцион и Ходорковский решил за него побороться, он сунул руку в осиное гнездо. При помощи американского банкира Чарли Райана, связанного с Путиным еще с тех пор, как он в начале девяностых поработал в Европейском банке реконструкции и развития в Санкт-Петербурге, Акимов был полон решимости победить любой ценой. Оба с самого начала знали, что Ходорковский торгуется против них. «Мы решили, что купим ВНК, – говорит Райан. – Саша [Медведев], Андрей и я собирались организовать заявку с надлежащим финансированием».[4]

Но продажа обернулась жестоким противостоянием Ходорковского и людей Акимова, а ее итог оказался почти таким же мутным, как залоговые аукционы. 84-процентный пакет

Тесные связи Акимова и Шлаффа проявились гораздо позже, во время президентства Путина, когда они создали в Австрии центральноевропейский торговый узел для газа «Газпрома». Заместителем Акимова в Donau Bank, а затем в IMAG был бывший полковник австрийских спецслужб Петер Хенселер. Хенселер вел хозяйство – автопарк Donau Bank, содержание офисов, оформление паспортов, – выполняя попутно другие «особые поручения», говорит человек, работавший с Акимовым.

[1] Два источника – человек, тесно работавший с Акимовым (январь 2014 г.), и высокопоставленный оперативник КГБ, работавший с Путиным (март 2014 г.), – также указали, что Donau Bank играл роль в переводе средств Коммунистической партии за границу накануне распада СССР. Человек, тесно работавший с Акимовым, сказал также, что Акимов продолжал работать в Donau Bank и после распада Союза, и после создания IMAG в 1990 году, после своего официального ухода из банка. См. также «Историю советских и российских банков за рубежом», главу, написанную бывшим руководителем OstWestHandelsbank Сергеем Бочкаревым. Бочкарев рассказывает, что, когда осенью 1991 года руководители советских зарубежных банков съехались во Франкфурт, чтобы срочно обсудить выживание своих учреждений, приехал и Акимов. Человек, тесно работавший с Акимовым, сказал, что Акимов хорошо знал Григория Лучанского, главу венской торговой группы Nordex, предполагаемого лидера организованной преступности, действовавшего на стыке с КГБ в выводе денег из Советского Союза накануне его распада. Позднее Лучанский создал и совместный бизнес со Шлаффом. «То, что Лучанский хорошо знал Акимова, общеизвестно. Они познакомились в Вене», – говорит человек, тесно работавший с Акимовым. Бывший заместитель министра энергетики Владимир Милов утверждал также, что Акимов был близок к другой крупной фигуре организованной преступности, тесно работавшей с КГБ, – Семену Могилевичу (интервью автора, ноябрь 2013 г.). Газпромбанк Акимова впоследствии создаст венского газового трейдера «РосУкрЭнерго» вместе с Дмитрием Фирташем, близким соратником Могилевича.

[2] Интервью автора с Раиром Симоняном, близким коллегой Медведева по Институту мировой экономики, сентябрь 2013 г.; см. также: Бирман. «Орден национального достояния» // Компания, 16 мая 2005 г.; Reznik, Baraulina. Cold War Banker to Putin Billionaires Walks Sanctions Wire // Bloomberg, 24 октября 2014 г.

[3] Интервью автора с видным западным банкиром, участвовавшим в заявке Акимова; см. также официальную биографию Медведева: https://www.gazpromneft.ru/company/management/board-of-directors/medvedev/.

[4] Интервью автора с Чарли Райаном, ноябрь 2013 г.

государства в ВНК предстояло продать двумя частями: 50 процентов минус одна акция – на денежном аукционе, а остальное – на инвестиционном конкурсе. Но первая часть продажи прошла за закрытыми дверями, без всякой возможности контроля, а вторую в итоге отменили, поскольку на нее подал заявку только один участник – фирма-однодневка, представлявшая ЮКОС Ходорковского.[1]

Вместо того чтобы установить новый стандарт прозрачности, продажа в итоге выглядела такой же подстроенной, как и предшествовавшие ей приватизации. Правительство объявило, что ЮКОС Ходорковского выиграл денежный аукцион, предложив 775 миллионов долларов за 45-процентный пакет. Еще 9 процентов он уже скупил на открытом рынке, что сделало его пакет контрольным.[2] ЮКОС согласился заплатить гораздо больше, чем кто-либо предлагал на любой из предыдущих приватизаций, но, по словам Райана, Ходорковский все равно склонил исход в свою пользу, не оставив команде Акимова никаких шансов. По словам Райана, люди Ходорковского угрожали Акимову и его команде, а затем, между первым и вторым аукционами, заплатили части российских спецслужб за налет на Российский фонд федерального имущества, организовывавший продажу.[3] Во время налета изъяли документы, касавшиеся заявки Акимова, а затем подтасовали результат, утверждает Райан. «Они увидели нашу информацию и узнали, что мы предложили больше. Тогда они попытались занять еще денег под гарантию собственного нефтяного экспорта, включая экспорт ВНК, еще до того, как получили контроль над компанией». Ходорковский и его команда смогли собрать больше денег, чем команда Акимова, и вышли победителями. Участвовать во втором аукционе они вообще не собирались.

Ходорковский отрицал свою причастность к подобным действиям. Но затем последовала затяжная битва за экспорт ВНК, который команда Акимова в качестве дополнительной защиты от перехода денежного потока компании в чужие руки обязалась на ближайшие двадцать лет продавать через East Petroleum Евгения Рыбина.[4] Ходорковский отказался продолжать этот контракт, и противостояние вышло за пределы зала заседаний совета директоров – сначала в суды, а затем и на улицу. На Рыбина дважды покушались. Первое покушение произошло поздним снежным вечером в ноябре 1998 года, когда в него стрелял киллер на московской улице. Второе – в марте следующего года, когда взрыв бомбы убил водителя Рыбина. Потрясенный до глубины души Рыбин бежал из России и следующие пять лет скрывался.

Захват Ходорковским ВНК стал для Акимова и его людей болезненным ударом и глубоким унижением. История борьбы за компанию почти не привлекла внимания в хаосе, последовавшем за финансовым кризисом августа 1998 года, но именно она определила будущую битву за российский нефтяной сектор. С тех пор Акимов жаждал мести. А Рыбин, скрываясь в Вене, начал собирать компромат на группу «Менатеп» Ходорковского и

[1] Там же; Eastern Oil Bidding Has Begun // Moscow Times, 11 октября 1997 г.

[2] Russia's Yukos Pays $775 million for 45 per cent Stake in Eastern Oil // Dow Jones, 8 декабря 1997 г.; John Thornhill. Russian Oil Group Wins Control of Rival // Financial Times, 9 декабря 1997 г.

[3] Интервью автора с Райаном, ноябрь 2013 г.

[4] Интервью автора с человеком, тесно работавшим с Акимовым; см. также: Илья Жегулев. «Невзлин попросил защиты у генпрокурора» // Газета.ру, 21 июля 2004 г.; «Дело о двух покушениях на убийство директора австрийской компании East Petroleum Евгения Рыбина» // Время новостей, 4 июля 2003 г.; интервью с Рыбиным: Олег Лурье // Вслух, 10 сентября 2003 г.

передавать его российским правоохранительным органам, прежде всего дружественным сотрудникам ФСБ.[1]

Поначалу усилия Рыбина, казалось, ни к чему не приводили. Но после прихода Путина к власти атмосфера изменилась. Сечин и один из партнеров Акимова развернули кампанию, чтобы убедить президента, что Ходорковский представляет опасность для его власти, говорит видный банкир, осведомленный об этом деле. Рыбин привлек также Егора Лигачева – видного представителя старой гвардии Политбюро, депутата от Томской области в Сибири, где находились месторождения ВНК.[2] Лигачев передал Путину жесткое послание: Ходорковский угрожает существованию его режима; его люди держат под контролем все финансовые потоки страны, и скоро у них будет больше денег, чем у самого государства, – уже сейчас он купил больше половины чиновников во власти.[3]

Это послание нашло живой отклик у Путина, стремившегося укрепить свою власть перед лицом соперничающих групп. Но, несмотря на все маневры, он поначалу не хотел следовать призывам взяться за ЮКОС. Компания была слишком большой и слишком прочно укоренилась на западных рынках – задача казалась слишком сложной, говорит видный банкир, близкий к спецслужбам.[4] Это была самая узнаваемая, самая широко торгуемая компания страны. Она стала символом рыночного прогресса России.

Разгрома могло бы и не случиться, если бы не поведение самого Ходорковского. Вместо того чтобы склониться перед волей Кремля, как раньше «Лукойл» и «Сургутнефтегаз», Ходорковский все повышал ставки, пока дело действительно не превратилось в битву за то, кто будет править Россией и каким путем пойдет страна. Он был готов поставить на кон свою жизнь, полагая, что люди Путина не осмелятся его арестовать: он считал, что они недостаточно сильны и не станут рисковать неустойчивым рыночным переходом России. Во многих отношениях это было для него типично. «Он строил свою империю как маньяк, – вспоминает его советник Кристиан Мишель. – Остановить его могла только пуля».[5]

* * *

Ходорковский и сам теперь признает, что он адреналинщик с сильно сниженным восприятием риска. Впервые он осознал это задолго до битвы за ЮКОС, когда был студентом-химиком Менделеевского института в Москве и специализировался на взрывчатых веществах. «Я человек, у которого по непонятной мне причине нет чувства страха, – сказал он мне с кривой усмешкой в подвальном баре в Цюрихе вскоре после освобождения из заключения, длившегося десять лет. – У меня никогда не было чувства опасности, когда я делал бомбу или держал ее в руках. Моим любимым занятием всегда было лазанье по скалам без страховки. Не потому, что я как-то преодолел страх, а потому, что его у меня не было. Все эти годы в тюрьме я спал абсолютно спокойно. Даже когда бывали ситуации, когда на меня нападали с ножом, я возвращался на нары, где лежал, и спокойно засыпал. Мне самому иногда было смешно, когда люди спрашивали, знаю ли я, что у меня за спиной может быть нож. Я просто не боялся».[6]

[1] Интервью автора с человеком, близким к Рыбину, январь 2014 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Интервью автора с видным банкиром, близким к спецслужбам, май 2015 г.

[5] Интервью автора с Мишелем, май 2005 г.

[6] Интервью автора с Ходорковским, май 2014 г.

Впервые Ходорковский услышал, что ему может грозить опасность, ближе к середине 2002 года. «Лукойл» уже находился под ударом, и бывшие сотрудники КГБ, работавшие в его собственной службе безопасности, предупредили его, что ФСБ начала операцию «Энергия» по сбору компромата на энергетических гигантов страны. В случае ЮКОСа, сказали они, целью являются операции компании с акциями ВНК. Но Ходорковский решил, что это не более чем рядовая операция по сбору информации, которая позволит поставить нефтяных баронов на место. «Это была не первая такая операция, и мы не считали ее такой уж радикальной», – сказал он, когда мы встретились в безопасности его офиса на Ганновер-сквер.[1]

В 2002 году Ходорковский раскрыл свое состояние в 7,6 миллиарда долларов благодаря владению 36 процентами «Менатепа». Он стал, по российским меркам, маяком прозрачности среди византийских правил, все еще определявших большую часть делового климата России. Он ставил свою компанию и свое будущее на интеграцию России с Западом. Всего тремя годами раньше он олицетворял разбойничий капитализм дикого российского Востока и обвинялся в нарушении прав западных миноритарных акционеров. Но теперь он искал легитимности и защиты на будущее на западных рынках, прокладывая путь к лучшим, западным стандартам корпоративного управления в ЮКОСе.

Он оставался таким же сосредоточенным и целеустремленным, как в те дни, когда начинал бизнес в комсомоле. Но тяжелые очки с толстыми линзами середины девяностых он сменил на легкие дизайнерские очки, которые своей прозрачностью словно олицетворяли его новое стремление к открытости. Хотя он по-прежнему одевался просто – джинсы и темные свитера с высоким воротом, – густая черная шевелюра девяностых теперь была коротко острижена и стала стально-седой, а от усов давно не осталось и следа. Он нанял целый ряд западных менеджеров для руководства финансами и добычей в ЮКОСе, возглавив общеотраслевой подъем, который наконец помог вернуть добычу на западносибирских месторождениях к уровню, существовавшему до распада СССР. По всей отрасли частные нефтяные компании нанимали западных производителей бурового оборудования, совершенствовали технологии, вкладывали деньги в оборудование и нанимали западных аудиторов. ЮКОС к тому времени добывал больше нефти, чем Кувейт.

По мере того как Ходорковский снискал похвалы на Западе за свое преображение, а акции ЮКОСа продолжали стремительно расти, он еще больше углублял связи с Западом. Он устраивал обеды и приемы для вашингтонской элиты и создал благотворительную организацию «Открытая Россия», в правление которой вошли Генри Киссинджер и бывший посол США в России. Он отправил в Техас первый в истории танкер российской нефти, доставленный прямо к американским берегам, и начал лоббировать строительство независимого от российского государства нефтепровода из северного порта Мурманска для поставок в США.

Все это лишь еще сильнее раздражало путинских людей из КГБ. Заигрывание Ходорковского с Западом было прямым вызовом их власти, а его попытки убедить других частных нефтяных баронов объединиться и строить частные нефтепроводы – еще большей угрозой.[2] Система нефтепроводов всегда была заповедной вотчиной российского государства, и доступ к ней считался одним из немногих стратегических рычагов, все еще остававшихся у

[1] Интервью автора с Ходорковским, сентябрь 2015 г.

[2] Catherine Belton. Kremlin, Big Oil on Collision Course // Moscow Times, 28 января 2003 г.; Jeanne Whalen. In Russia, Politics vs Pipelines – Kremlin Hesitates to Give Oil Firms Power to Invest in Infrastructure // Wall Street Journal, 29 января 2003 г.

правительства для того, чтобы держать нефтяных баронов в узде. К началу 2003 года, когда путинские силовики стали активнее готовить месть, Ходорковский в частных разговорах признавал, что у него может быть проблема. Однажды хмурым февральским утром мы сидели в тусклом свете ламп в его просторном кабинете в похожей на крепость бетонной громаде на одной из главных московских магистралей, где размещалась штаб-квартира «Менатепа». Говоря все тише, он сказал, что становится ясно: «в Кремле есть группа людей, которые хотят забрать мою компанию». По его словам, эти люди хотят еще раз проверить, могут ли государственные компании быть эффективнее частных. Но он настаивал – более того, был уверен, – что Путин никогда этого не допустит, что тот говорил всерьез, обещая не пересматривать итоги приватизации девяностых. «Путин держит слово, – сказал он. – Я абсолютно не беспокоюсь».[1] Настроение того темного, серого февральского утра скрывало напряжение и закулисную подготовку к предстоящей битве. Ходорковский явно все еще надеялся, что у Путина, несмотря на его прошлое в КГБ, есть другая сторона личности, взращенная работой в Санкт-Петербурге с либеральным и демократичным Собчаком. И уже через несколько недель Ходорковский словно бы приготовился бороться за «лучших ангелов» Путина, решив напрямую к нему обратиться. Еще месяцем раньше он предупреждал, что Россия стоит на распутье: страна может пойти либо по пути государственной бюрократии, как Саудовская Аравия, где половина бюджета уходит на зарплаты государственных бюрократов, либо по пути западных экономик – роста производительности и постиндустриальных обществ с растущим сектором услуг.[2] Когда позднее в том же феврале российские олигархи собрались на ставшую уже регулярной встречу с Путиным за огромным овальным столом в Екатерининском зале Кремля, Ходорковский решил поставить вопрос о постепенно растущем участии государства в экономике еще острее. Он решил поговорить о государственной коррупции и начал с презентации под смелым названием «Коррупция в России: тормоз экономического роста». Он сказал, что уровень коррупции в стране достиг 10 процентов ВВП, или 30 миллиардов долларов в год, тогда как годовые налоговые поступления оцениваются примерно в 30 процентов ВВП.[3] Почему, спросил он, абитуриенты рвутся учиться на работников налоговой службы, где официальная зарплата составляет всего 150–170 долларов в месяц, тогда как гораздо меньше желающих стать нефтяными инженерами, зарплаты которых вчетверо выше.[4] «Это может навести на определенные мысли», – сказал он, взглянув на президента, сидевшего напротив за огромным столом. Затем он поставил вопрос еще острее, обратившись к сделке, в ходе которой государственный нефтяной гигант «Роснефть» совершил первое за последние годы крупное приобретение, заплатив 600 миллионов долларов за нефтяную компанию «Северная нефть», владевшую огромными запасами на Крайнем Севере России. Частные нефтяные компании месяцами к ней присматривались, но «Роснефть» их переиграла, заплатив вдвое больше общепринятой оценки. Вопрос, намекнул Ходорковский, в том, куда делись 300 миллионов долларов переплаты. Нужно провести расследование, сказал он президенту, чтобы выяснить причину переплаты.[5] Уже несколько недель ходили слухи, что разница – это откат, прикарманенный чиновниками.

[1] Интервью автора с Ходорковским, февраль 2003 г.

[2] Dmitry Zhdannikov, Andrew Hurst. Standing at a Crossroads // Reuters, 27 января 2003 г.

[3] Valeria Korchagina. Cabinet Agrees to Slash Tax Burden // Moscow Times, 24 апреля 2003 г.

[4] Диалог Ходорковского с Путиным на встрече РСПП: https://www.youtube.com/watch?time_continue=20&v=u6NKb79VN8U.

[5] Torrey Clark. Tycoons Talk Corruption in Kremlin // Moscow Times, 20 февраля 2003 г.

Ставка Ходорковского обернулась против него самого. Он задел один из самых болезненных нервов Путина. Обсуждение транслировалось в прямом эфире, и хотя Путин улыбался, было видно, что он уязвлен. «"Роснефть" – государственная компания, и ей нужно наращивать запасы, – сказал Путин. – А некоторые другие компании, например ЮКОС, имеют сверхзапасы, и как они их получили – это тоже один из вопросов, которые мы сегодня будем обсуждать, в том числе и вопросы неуплаты налогов… Так что я вам возвращаю вашу шайбу!»[1]

«Когда я увидел это по телевизору, я понял, что для нас это конец, – говорит руководитель аналитического управления Ходорковского, бывший генерал КГБ Алексей Кондауров. – Заранее мы это не обсуждали. Когда он вышел со встречи, я сказал: "Михаил Борисович, почему нельзя было поручить презентацию о коррупции кому-нибудь другому?" Он ответил: "Как я мог поручить это кому-то другому? Бойцов среди нас так мало". И с этого у нас начались проблемы. Я знал, что он [Путин] этого ему никогда не простит. Люди Путина взяли себе 300 миллионов долларов».[2]

Если путинские люди из КГБ действительно прикарманили откат в 300 миллионов долларов, это была первая с момента его прихода на президентский пост крупная сделка, на которой им удалось обогатиться. Сделка была выстроена через одного из первоначальных владельцев «Северной нефти» – бывшего первого заместителя министра финансов Андрея Вавилова, который признавал, что владел компанией не целиком. (На бумаге «Северная нефть» принадлежала шести малоизвестным компаниям.) По словам одного человека, знакомого со сделкой, Вавилов вернул деньги Путину через президента «Роснефти» Сергея Богданчикова.[3] В разговоре со мной Вавилов отрицал, что речь шла о каких-либо откатах[4], и Кремль также горячо отрицал какие-либо нарушения.

Но, судя по реакции Путина, Ходорковский попал в больное место. Для Путина было немыслимо, чтобы Ходорковский открыто бросил ему вызов из-за этой сделки. Его глубоко возмутило обвинение в коррупции со стороны человека, который, по его убеждению, сам приобрел свое состояние, и прежде всего ЮКОС, коррупционным путем.

Ходорковский распахнул перед Кремлем дверь для атаки на свое состояние еще шире. Но он бросил перчатку отчасти потому, что у него не было выбора. Сделка с «Северной нефтью», расширившая возможности «Роснефти», показала, что правила игры заметно смещаются в пользу государства, а это ставило под сомнение всю бизнес-модель Ходорковского. «Он понимал, что действовать иначе невозможно, – говорит Кондауров. – Развивать свой бизнес иначе он не мог. Поэтому он пошел ва-банк. Поставил на кон все. Он понимал, что впереди в любом случае может быть только тупик».[5]

С этого момента Ходорковский словно бы выложил на стол все свои фишки. Он ускорил расширение своей империи, проведя сделку на 36 миллиардов долларов по слиянию ЮКОСа со «Сибнефтью» Абрамовича, в результате которой должен был возникнуть четвертый по величине производитель нефти в мире и второй по запасам.[6] Сделку объявили

[1] https://www.youtube.com/watch?time_continue=20&v=u6NKb79VN8U.

[2] Интервью автора с Кондауровым, май 2014 г.

[3] Интервью автора с человеком, ранее близким к Путину, июнь 2018 г.

[4] Интервью автора с Вавиловым, январь 2013 г.

[5] Интервью автора с Кондауровым, май 2014 г.

[6] Catherine Belton. $36 Billion YukosSibneft Joins the Global Elite // Moscow Times, 23 апреля 2003 г.

без всякого предупреждения в конце апреля, во вспышках фотокамер в элегантном холле новейшей московской гостиницы высшего класса «Хаятт» – прямо за углом от здания ФСБ на Лубянке. Ходорковский словно бы полагал, что слияние даст ему дополнительный слой защиты, поскольку он объединял свою компанию с ельцинской «Семьей». Но его деловой партнер Леонид Невзлин и по сей день считает, что Абрамович расставлял ловушку, рассчитывая через слияние завладеть ЮКОСом и вытеснить Ходорковского.

Ходорковский, несмотря ни на что, продолжал. Он усилил стремление к интеграции с Западом, начав исторические закулисные переговоры о продаже доли в объединенной компании «ЮКОС-Сибнефть» американской нефтяной компании – ExxonMobil или Chevron.[1] Это стало бы еще одним слоем защиты для ЮКОСа, выведя его из-под досягаемости российского государства. Всего тремя месяцами раньше другая группа олигархов во главе с Михаилом Фридманом из «Альфа-Групп», тоже бывшим комсомольцем, договорилась о беспрецедентном партнерстве с British Petroleum на 6,75 миллиарда долларов, по которому британская компания получала 50 процентов их Тюменской нефтяной компании, ТНК. Казалось вполне естественным, что «ЮКОС-Сибнефть» последует тем же путем. Поначалу Путин, похоже, благосклонно относился к этим переговорам и, по словам одного осведомленного человека, даже вынашивал грандиозные планы, что с помощью кредитов российских государственных банков «ЮКОС-Сибнефть», наоборот, сама получит контроль над одним из американских энергетических гигантов.[2]

Но если Фридман и его деловой партнер Петр Авен, когда-то тесно работавший с Путиным над петербургскими сделками «нефть в обмен на продовольствие», держались в тени и делали все возможное, чтобы продемонстрировать лояльность путинскому режиму, то Ходорковский начал активизироваться и на политическом поприще. Через свой фонд «Открытая Россия» он вкладывал средства в благотворительность: в ежегодных молодежных лагерях и в созданном им под Москвой лицее для детей погибших военнослужащих российских подростков учили принципам демократии. Незадолго до объявления о слиянии ЮКОСа и «Сибнефти» он ясно дал понять, что у него есть и личные политические амбиции, объявив всему миру, что хочет уйти с поста главы ЮКОСа, когда ему исполнится сорок пять лет.[3] Это должно было произойти в 2007 году – как раз накануне президентских выборов, назначенных на 2008 год. Казалось, он дает понять, что намерен баллотироваться.

Ходорковский уже давно вел переговоры с руководителями парламента о превращении России в парламентскую республику – шаг, который устранил бы то, что многие критики считали роковым изъяном политической системы страны: чрезмерную концентрацию власти в руках президента. Система, позволявшая президенту по существу управлять страной указами, была смещена в пользу президента после кровавого противостояния Ельцина с парламентом в 1993 году. Переход к парламентской республике лишил бы президента ключевых исполнительных полномочий и передал бы власть премьер-министру, избираемому парламентом. Ходорковский сегодня настаивает, что эти переговоры велись на глазах у Путина и с его согласия.[4] По его словам, их целью было не ограничение власти Путина, а создание более сбалансированной системы после того, как в 2008 году Путин уйдет, отбыв два

[1] Andrew Jack, Carola Hoyos. Yukos Eyes Up Western Partnership // Financial Times, 24 сентября 2003 г.

[2] Интервью автора с бывшим акционером ЮКОСа, сентябрь 2013 г.

[3] Arkady Ostrovsky. Yukos to Expand Beyond Russia // Financial Times, 28 сентября 2003 г.

[4] Интервью автора с Ходорковским, сентябрь 2015 г.

срока, – тогда это считалось конституционным пределом. Но многие считали, что Ходорковским движет растущая мания величия и что он сам метит на пост премьер-министра.

Как и многие российские магнаты, Ходорковский финансировал политические партии в Думе. Это активно поощряли руководитель администрации президента Александр Волошин и его заместитель Владислав Сурков[1], надеявшиеся, что это поможет превратить коммунистов в нечто вроде партии левой буржуазии. Но росли опасения, что Ходорковский заходит в этой практике слишком далеко. Он вкладывал десятки миллионов долларов в финансирование коммунистов и двух либеральных партий – «Яблока» и Союза правых сил. Двое топ-менеджеров группы ЮКОС возглавляли список кандидатов от Коммунистической партии, а один из его ближайших деловых соратников, один из основателей группы «Менатеп» Владимир Дубов, был избран в Думу еще в декабре 1999 года и возглавлял влиятельный парламентский комитет по налогам.[2]

Влияние, которым Ходорковский располагал в парламенте, начинало бросать вызов власти Кремля. Это слишком наглядно проявилось в мае 2003 года, когда магнату удалось собрать достаточно голосов в Думе, чтобы заблокировать попытки Кремля провести масштабную налоговую реформу нефтяного сектора, которая впервые была направлена на перестройку российской экономики и избавление ее от чрезмерной зависимости от нефтяных доходов.[3] Стремительный рост мировых цен на нефть – с 12 долларов за баррель в 1998 году до 28 долларов в 2003-м – помог быстро наполнить государственную казну и погасить внешний долг. Но рост цен на нефть еще больше усиливал зависимость России от нефтегазовых доходов – и в наполнении бюджета, и в экономическом росте. В 2003 году на добычу нефти и газа приходилось 20 процентов ВВП России, 55 процентов всей ее экспортной выручки и 40 процентов всех налоговых поступлений.[4] Международный валютный фонд подготовил доклад, из которого следовало, что к 2003 году зависимость России от мировых цен на нефть впятеро превысила уровень, существовавший до дефолта августа 1998 года, – когда шаткость положения страны, зависевшей от мировых цен на нефть, проявилась самым катастрофическим образом.[5] Если цены на нефть вернутся к уровню 12 долларов за баррель, последний раз наблюдавшемуся в 1998 году, Россия может недосчитаться 13 миллиардов долларов бюджетных доходов – эквивалент 3 процентов ВВП, говорилось в докладе МВФ.

Всеобъемлющая зависимость России от мировых цен на энергоносители, которые она не контролировала, давно заставляла более либеральное крыло путинского правительства искать выход. В ельцинские годы правительство было слишком занято, перескакивая от кризиса к кризису, чтобы уменьшать зависимость России от нефтегазовых доходов: оно нуждалось в любом источнике дохода, с трудом собирая налоги. Но теперь, когда цены на нефть стремительно росли, либеральная фракция в правительстве – во главе с министром финансов Алексеем Кудриным, служившим вместе с Путиным у Собчака в Санкт-Петербурге, и министром экономики Германом Грефом, тоже работавшим в Санкт-Петербурге, где он возглавлял комитет по управлению федеральным имуществом, – наконец могла попытаться

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным сотрудником Кремля, ноябрь 2013 г.

[2] Gregory L. White, Jeanne Whalen. Why Russian Oil is a Sticky Business – Energy Barons are Wielding More Clout in Parliament at a Critical Time for Putin // Wall Street Journal, 1 августа 2003 г.

[3] Интервью автора с видным западным банкиром, ноябрь 2013 г.

[4] Moises Naim. Russia's Dilemna: It's Sinking While it's Swimming in Oil // The Australian, 15 декабря 2003 г.

[5] Goohoon Kwon. The Budgetary Impact of Oil Prices in Russia. Working Paper, 1 августа 2003 г., www.imf.org/external/country/rus/rr/2003/pdf/080103.pdf.

воспользоваться более стабильной ситуацией и растущими доходами, чтобы перестроить экономику. Еще в феврале 2003 года Греф объявил о мерах по дальнейшему увеличению изъятия сверхприбыли нефтяной отрасли, чтобы затем направить государственные инвестиции в высокотехнологичные и оборонные отрасли.[1]

Правительство стремилось повысить налогообложение нефтяной отрасли как за счет увеличения экспортных пошлин, так и за счет рентного налога на добычу. Но Ходорковский всеми силами сопротивлялся рентным налогам. Когда в мае его люди в Думе сумели сорвать одну из первых попыток правительства его ввести, либералы в путинском правительстве – Греф и Кудрин – восприняли это как личное оскорбление. До тех пор, по словам одного видного банкира, близкого к Кудрину, они пытались защищать Ходорковского от растущих аппетитов силовиков-государственников, стремившихся на него напасть. Но он не только подорвал их планы – он подорвал и их доводы в свою защиту. «Он стал крупным инвестором в Думу, – говорит банкир. – Он финансировал половину Думы. Стало ясно, что утверждать, будто он не представляет угрозы, – полная чушь. Сделку, которую он сколотил, чтобы провалить голосование о повышении налоговой нагрузки, поддержала не только коалиция пробизнесовых депутатов, но и упертые коммунисты, оголтелые националисты-антисемиты, либералы и консерваторы. Это была самая причудливая смесь людей, когда-либо голосовавших против повышения налогов. Кудрин позвонил ему и сказал: "Миша, ты все портишь. Нельзя покупать органы государственной власти. Есть люди, которые хотят поднять налоги до 90 процентов. Тебе надо было соглашаться". И знаете, что он ответил Кудрину? Он сказал: "Да кто ты такой? Пошел ты. Я тебя сниму"».

Ситуация, считали Греф и Кудрин, становилась невыносимой. По словам банкира, Ходорковский усугубил ее еще больше, когда, торжествуя после голосования, начал обзванивать будущих кандидатов на пост премьер-министра и говорить им, что свою программу им придется согласовывать с ним. «Он говорил им, что голосование стало объективной демонстрацией его контроля над Думой. Он говорил, что теперь у него есть право выбирать следующего премьера».[2]

Ходорковский отрицает, что когда-либо делал подобные звонки. Но через несколько недель в прессе был опубликован доклад, утверждавший, что он возглавляет «опасную» группу прозападных олигархов, стремящихся подорвать президентскую власть. Их цель, говорилось в докладе, – купить большинство в парламенте и превратить страну в парламентскую республику, в которой президент будет играть не более чем церемониальную роль. Доклад, почти дословно описывавший недавние действия Ходорковского, явно был призван еще больше оправдать паранойю путинских людей. Действия группы олигархов в нем назывались «антинациональными». Их собственность была зарегистрирована в офшорных зонах, чтобы защитить ее от российского государства: «Можно сказать, что олигархи… апеллируют к ресурсам других государств как к гаранту своих политических и экономических интересов в России. Добившись приватизации основных активов национальной экономики, они переходят теперь к приватизации политической власти в России».[3]

---

[1] Victoria Lavrentieva. Gref Says it's Time to Squeeze Big Oil // Moscow Times, 20 февраля 2003 г. Чистая прибыль нефтяного сектора росла гораздо быстрее налоговых поступлений, что оставляло правительству большой простор для увеличения изъятия. См.: «Российские нефтяные компании разбогатели на 20 миллиардов долларов» // Финансовые известия, 24 января 2003 г.

[2] Интервью автора с видным западным банкиром, ноябрь 2013 г.

Доклад в точности отражал образ мыслей путинских людей и, по словам его автора и одного видного банкира, близкого к спецслужбам, отражал также то, что они услышали, прослушивая телефоны и кабинеты Ходорковского и его соратников. «Многие из тех, кто сегодня сидит в тюрьме, сидят там потому, что силовики услышали, что именно те о них думают. Они слышали оскорбления в свой адрес», – говорит известный политолог Станислав Белковский, один из соавторов доклада.[1]

Вскоре и Путин начал ясно выражать свои чувства. Позже в том же мае он пригласил Ходорковского, Абрамовича и нескольких их ближайших помощников на закрытый ужин в обшитый дубом приемный зал своей резиденции в Ново-Огарево. По словам одного из присутствовавших, за ужином обсуждали сделку с Exxon или Chevron, но когда перешли к отличному коньяку, Путин велел Ходорковскому прекратить финансировать коммунистов. Тот возразил, что согласовал это финансирование с Волошиным и Сурковым, руководителем администрации и его заместителем, но Путин сказал ему: «Оставь это. У тебя большая компания, тебе многое надо доделать в бизнесе. У тебя нет на это времени». Ходорковский продолжал упорствовать, говоря, что даже если сам он перестанет финансировать Коммунистическую партию, он не может запретить другим акционерам ЮКОСа финансировать кого они хотят. «Он сказал: "Если мы открытая и прозрачная компания, то я не могу запретить акционерам и сотрудникам придерживаться определенной политической линии". Он пытался объяснить Путину, что социальные проекты и поддержка демократии в России так же важны для него, как и бизнес».[2]

Разговор оборвался, и гости разъехались. Но Путин не собирался на этом останавливаться. В июне, готовясь отправиться с первым в своем президентстве государственным визитом в Великобританию – с почестями, пышностью и церемониями, где его должны были чествовать премьер-министр Тони Блэр и королева, – он впервые дал понять, что впереди неприятности. На ежегодной пресс-конференции он обрушился на бизнес-баронов за то, что они блокируют в парламенте реформы по увеличению налогового изъятия в энергетике. Хотя он не назвал Ходорковского по имени, намек был очевиден. «Мы не должны допустить, чтобы отдельные представители бизнеса влияли на политическую жизнь страны в своих групповых интересах», – сказал он.[3] Впервые Путин также публично высказался против реформы политической системы, которая превратила бы страну в парламентскую республику. Об этом не может быть и речи, сказал он, это даже «опасно».

Всем было ясно, в чей адрес были направлены эти заявления. И пока он находился за границей, посещая роскошный банкет в Букингемском дворце и подписывая соглашение между BP и ТНК, которое Блэр приветствовал как знак «долгосрочного доверия» Великобритании к России, государственная машина пришла в движение. Все было устроено так, чтобы казалось, будто Путин не имеет к этому никакого отношения: российские прокуроры тихо сделали первый роковой шаг в атаке на ЮКОС. Они арестовали начальника службы безопасности компании Алексея Пичугина, а затем, в день сорокалетия его шефа Ходорковского, предъявили ему обвинение в убийстве супружеской пары, которая, по версии

[3] «Доклад Совета по национальной стратегии: "Государство и олигархия"», https://web.archive.org/web/20150325094708/http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201631.shtml; доклад был опубликован на новостном сайте utro.ru 26 мая 2003 г.

[1] Интервью автора с Белковским, май 2016 г.

[2] Интервью автора с одним из участников встречи, бывшим акционером ЮКОСа, май 2015 г.

[3] Стенограмма пресс-конференции Путина 23 июня 2003 г., www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22028.

следствия, пыталась шантажировать его, узнав о его приказе убить другого сотрудника «Менатепа».[1] Более сильной угрозы со стороны Кремля трудно было представить. Но арест Пичугина мог бы пройти незамеченным, если бы через неделю за ним не последовал гораздо более громкий арест. Был арестован Платон Лебедев – остроумный давний правая рука Ходорковского, председатель группы «Менатеп» и человек, стоявший за значительной частью ее бизнеса. Мир Ходорковского внезапно охватило пламя.

Лебедева в наручниках забрали прямо с больничной койки и обвинили в хищении 20-процентного пакета акций «Апатита» – гиганта по производству удобрений, первого крупного предприятия, приватизированного «Менатепом».[2] Новость об аресте облетела все газеты, и за один день рыночная капитализация ЮКОСа сократилась на 2 миллиарда долларов.[3] Параллельно было возбуждено еще одно уголовное дело, связанное с приватизацией ВНК, и на допрос вызвали еще одного топ-менеджера ЮКОСа. Наступление на ЮКОС началось.

Все то лето заголовки шли нескончаемым потоком. Акции ЮКОСа обваливались по мере того, как прокуратура наращивала расследования. В конце июля, через четыре дня после того, как Ходорковский вернулся из поездки в США, где искал поддержки инвесторов, прокуратура объявила о четырех новых уголовных делах об убийствах и покушениях на убийство, в которых обвинялся Пичугин.[4] Эти объявления подняли со дна все худшие кошмары Ходорковского. Расследовались не только нападения на Евгения Рыбина из-за акций ВНК, но и убийство в июне 1998 года мэра Нефтеюганска – западносибирского нефтяного города, где находилась штаб-квартира ЮКОСа. Мэра, с которым Ходорковский находился в конфликте после перехода ЮКОСа под контроль «Менатепа», застрелили утром по дороге на работу – в день рождения Ходорковского, – и тут же поползли слухи, что его убил ретивый подчиненный, желавший преподнести Ходорковскому подарок ко дню рождения.[5] ЮКОС, стремясь упорядочить свои денежные потоки, готовился выделить из своего основного добывающего подразделения сервисные компании, на которых работали почти 30 тысяч жителей Нефтеюганска, и мэр лично протестовал в письме Ельцину против резкого падения налоговых поступлений в городскую казну после прихода ЮКОСа. Тысячи горожан вышли на улицы, открыто обвиняя Ходорковского в том, что он заказал убийство. Но Ходорковский, по словам журналистки Financial Times, беседовавшей с ним вскоре после этого, выглядел искренне потрясенным этим убийством.[6]

Ходорковский категорически отрицал какую-либо причастность к убийствам и покушениям – как свою, так и своих соратников. В деле мэра Нефтеюганска его адвокаты указывали на опасные чеченские преступные группировки, державшие под контролем часть экспорта ЮКОСа, пока люди Ходорковского их не вытеснили.[7] А позднее, когда прошлое людей из КГБ, с которыми Ходорковский боролся за ВНК, стало известно, один близкий к

[1] Simon Saradzhyan, Valeria Korchagina. Head of Yukos's Parent Company Arrested // Moscow Times, 3 июля 2003 г.

[2] Там же.

[3] Yukos Value Falls $2 Billion on Arrests // Moscow Times (по материалам Reuters и MT), 4 июля 2003 г.

[4] Valeria Korchagina. Four Yukos Murder Probes Opened // Moscow Times, 21 июля 2003 г.

[5] Catherine Belton. The Oil Town that Won't Forget Yukos // Moscow Times, 25 апреля 2006 г.

[6] Chrystia Freeland. A Falling Tsar // Financial Times, 1 ноября 2003 г.

[7] Belton. The Oil Town that Won't Forget Yukos.

нему человек предположил, что убийства на самом деле организовали кагэбэшные покровители ВНК, чтобы запятнать имя Ходорковского.[1]

Ходорковский искал убежища и защиты у Соединенных Штатов. Сразу после ареста своего ближайшего соратника Лебедева он направился прямо в посольство США, где среди флажков и звездно-полосатых знамен, вывешенных ко Дню независимости, уверял журналистов, что, по его мнению, конфликт между ним и властью не может длиться долго.[2] Вскоре после этого он побывал на конференции в Сан-Валли, штат Айдахо, где у всех на виду общался с такими людьми, как Билл Гейтс и Уоррен Баффет.[3] Вернувшись в Москву, он вновь попытался повысить ставки, заявив по общенациональному телевидению, что продолжение атаки на его структуру приведет к усилению бегства капитала из России, которое погубит инвестиционный климат и отбросит страну назад, в тоталитарное прошлое.[4]

Но заигрывания Ходорковского с США лишь еще больше настроили против него Кремль. В сентябре, готовясь к крупному визиту в США, где ему предстояли переговоры с президентом Джорджем Бушем в Кэмп-Дэвиде, Путин сделал жесткое заявление для всех, кто думал, что он может придержать прокуроров. В этих делах речь идет об убийствах, многозначительно сказал он американским журналистам. «Как я могу в таком случае вмешиваться в работу прокуратуры?» – спросил он.[5]

Если у Ходорковского и был когда-то шанс избежать всей мощи кремлевской кампании, то последней каплей для Путина стал его визит в Америку. Его пригласили на Нью-Йоркскую фондовую биржу, где он выступил перед десятками ведущих американских руководителей и заверил их в приверженности России рыночной экономике, в которой итоги приватизации не будут пересматриваться. В кулуарах он встретился наедине с главой ExxonMobil Ли Рэймондом – рослым уроженцем Среднего Запада, который провел Exxon через слияние с Mobil, сделав ее крупнейшей в мире компанией стоимостью 375 миллиардов долларов. Известный своей напористой манерой, Рэймонд не стал подбирать слова в разговоре с Путиным и сказал ему, что в итоге хочет купить контроль над «ЮКОС-Сибнефтью» – после первого этапа сделки, на котором Exxon купит миноритарный пакет.[6]

Путин был совершенно ошеломлен. Ни с Ходорковским, ни с Абрамовичем он никогда не обсуждал сценарий, при котором американский энергетический гигант мог бы получить контроль над российскими запасами. У него сложилось впечатление, что Exxon или Chevron должны получить миноритарный пакет, а «ЮКОС-Сибнефть» в свою очередь получит долю в одном из американских энергетических гигантов. «Для Путина важен был обмен акциями, – говорит один человек, знакомый с ходом переговоров. – Это был бы энергетический мост между Россией и США».[7] Но по мере того как тем летом давление на ЮКОС усиливалось, акционеры стали торопить продажу. Они хотели полностью обналичить свои доли, а не обмениваться акциями.

---

[1] Интервью автора с человеком, близким к акционерам ЮКОСа, май 2014 г.

[2] Valeria Korchagina. Prosecutors Summon Khodorkovsky // Moscow Times, 4 июля 2003 г.

[3] Catherine Belton. Stocks See Blackest Day Since 1998 // Moscow Times, 17 июля 2003 г.

[4] Catherine Belton. Khodorkovsky Sees Totalitarian Threat // Moscow Times, 22 июля 2003 г.

[5] Putin Says Yukos Case All About Murder // Moscow Times, 22 сентября 2003 г.

[6] Интервью автора с бывшим акционером ЮКОСа, сентябрь 2013 г.

[7] Там же.

Для Путина продажа контрольного пакета «ЮКОС-Сибнефти» ExxonMobil была абсолютно исключена. Он никак не мог одобрить передачу контроля над стратегическими запасами России Соединенным Штатам. Это противоречило всему, за что выступали люди из КГБ в своем стремлении восстановить имперскую мощь России. Фридману и Авену, возможно, и позволили заключить партнерство с BP на паритетных началах, но они, в отличие от Ходорковского, сохраняли абсолютную лояльность Кремлю и делали все возможное, чтобы удержаться у руля совместного предприятия ТНК-ВР.

Ли Рэймонд прилетел в Москву всего через неделю – по-видимому, в надежде скрепить сделку. В тот день Financial Times вынесла на первую полосу новость о том, что Exxon ведет углубленные переговоры о приобретении 40-процентного пакета «ЮКОС-Сибнефти» за 25 миллиардов долларов и что впоследствии эта доля может превысить 50 процентов.[1] Но вместо рукопожатий и тостов Рэймонда встретило известие о том, что более пятидесяти следователей с автоматами и в бронежилетах проводят обыски на связанных с ЮКОСом объектах по всей Москве, в том числе в домах ближайших партнеров Ходорковского, других основных акционеров «Менатепа», которые жили вместе в охраняемом поселке за высоким металлическим забором в элитной подмосковной Жуковке, – среди них был и уже сидевший в тюрьме Лебедев.[2] Когда жена позвонила Ходорковскому и сказала, что у дверей толпится полиция, он торопливо извинился перед Рэймондом и уехал.

Яснее сигнал из Кремля быть не мог. Сделки ExxonMobil не получить. Когда жена позвонила Ходорковскому, они с Рэймондом находились на конференции, организованной Всемирным экономическим форумом, на которой Путин должен был выступить с программной речью. Но пока Ходорковский мчался домой, чтобы защитить свой дом от обысков, Рэймонду оставалось лишь предупредить участников конференции, что Россия не должна «произвольно» ограничивать инвесторов, если хочет участвовать в мировых рынках.[3] Путин же, словно в блаженном неведении относительно обысков, продолжал уверять инвесторов, что делает все возможное для устранения препятствий для инвестиций.[4] Это было типичное двоемыслие, к которому он прибегал с самого начала своего восхождения к власти. На словах он восхвалял рынок, а за кулисами его силовики делали все, чтобы захватить контроль в свои руки.

И все же Ходорковский отказывался отступать, объявив всему миру, что готов сесть в тюрьму, если это потребуется для защиты его компании.[5] Он не уедет из страны и не прекратит борьбу. Однако в частном порядке он отчаянно искал выход и даже ездил к Пугачеву, своему старому сопернику по девяностым, к тому времени близкому к петербургским силовикам, чтобы расспросить его о мотивах Кремля. Пугачев, наведя справки, передал ему недвусмысленное послание. Если он хочет остаться на свободе, ему надо уехать из страны. Иначе, сказал он ему, он сядет.[6] Ходорковский ответил, что не верит в это. Кремль не посмеет его арестовать – а если посмеет, то за него вступятся Соединенные Штаты.

---

[1] Andrew Jack, Carola Hoyos. ExxonMobil May Offer $25 Billion for 40 Per Cent of Yukos // Financial Times, 2 октября 2003 г.

[2] Catherine Belton. Yukos Targeted in Three New Raids // Moscow Times, 6 октября 2003 г.

[3] Там же.

[4] Caroline McGregor. President Reassures Investors // Moscow Times, 6 октября 2003 г.

[5] Catherine Belton. Yukos Chief – "It's Just Not Fair" // Moscow Times, 7 октября 2003 г.

[6] Интервью автора с Пугачевым, май 2014 г.

Это было проявлением его гордыни – он переоценивал, как далеко готовы зайти США, чтобы защитить олигарха, стремившегося навести с ними мосты.

* * *

Когда это случилось, Ходорковский, демонстрируя непокорность, находился в деловой поездке по Сибири. Накануне прокуратура вызвала его на допрос, но он был далеко от Москвы. Незадолго до рассвета в субботу, 25 октября 2003 года, его частный самолет приземлился на дозаправку в аэропорту Новосибирска, и на борт силой ворвалась группа вооруженных бойцов спецназа ФСБ. Ходорковский находился в салоне первого класса, когда они ворвались к нему с криками: «ФСБ! Оружие на пол! Не двигаться, будем стрелять!»[1] Он был арестован по обвинению в мошенничестве в особо крупном размере и уклонении от уплаты налогов, а к вечеру уже находился в печально известном московском следственном изоляторе «Матросская тишина».

Это был момент, когда политический и экономический курс России бесповоротно отвернулся от глобальной интеграции под руководством Запада и пошел собственным путем, который вел к столкновению с Западом. Это была точка невозврата для группы силовиков-государственников, которые лоббировали, плели интриги и в конце концов убедили Путина, что нет иного способа обеспечить возрождение российского государства – и свое собственное финансовое могущество. Но для них это была такая же неизведанная территория, как и для страны. Хотя мало кто ожидал, что дело зайдет так далеко, многие в деловом сообществе надеялись, что путь назад есть, что Ходорковского можно будет освободить, а стороны смогут договориться. Даже Пугачев говорил, что долгое время ожидалось – и даже некоторыми силовиками, – что Ходорковский и его соратники согласятся заплатить Путину и его людям значительную сумму, чтобы обвинения сняли. «Все ждали отката, – говорит он. – К этому никто по-настоящему не был готов. Никто не знал, что делать с компанией. Опыта управления у них тогда не было».

Арест Ходорковского поверг все деловое сообщество в шок. Он был самым богатым человеком страны, самым видным сторонником рынка, человеком, который вот-вот должен был провести сделку века – продать свою компанию за 25 миллиардов долларов всего через семь лет после того, как приобрел ее за 300 миллионов. Если можно свалить его, то это может случиться с любым из них. В день ареста Ходорковского ведущие члены Российского союза промышленников и предпринимателей, ставшего главным официальным представительным органом олигархов, собрались на экстренное совещание в московской гостинице «Балчуг». Многие слишком боялись говорить с прессой напрямую, но сообща они написали Путину сдержанное и неуверенное письмо, осуждавшее арест и содержавшее просьбу о встрече: «Только ясная и недвусмысленная позиция президента России Владимира Путина способна исправить положение. Ее отсутствие сделает ухудшение инвестиционного климата необратимым и превратит Россию в страну, неблагоприятную для развития бизнеса».[2] Анатолий Чубайс, «царь приватизации» и автор либеральных реформ в России, пошел еще дальше. В телеинтервью в те выходные он предупредил, что арест Ходорковского и неясность в вопросе о том, не станут ли следующими другие бизнесмены, могут привести к «неуправляемому» расколу элиты, который способен втянуть в себя все общество.[3]

---

[1] Catherine Belton. Khodorkovsky Arrested on Seven Charges // Moscow Times, 27 октября 2003 г.

[2] Там же.

[3] Valeria Korchagina. The Elite Demand Some Answers // Moscow Times, 27 октября 2003 г.

Но Путин не собирался теперь отступать. Хотя он неизменно отрицал свою причастность к аресту Ходорковского, такие вещи не происходили без явного кивка сверху. Прежде всего арест Ходорковского показал, что тот не усвоил основополагающий принцип путинского правления, который впоследствии другие олигархи – на его примере – поняли слишком хорошо. «Когда ты покупаешь в России крупную нефтяную компанию за 150 миллионов долларов с помощью депозитов Министерства финансов, ты должен играть по российским правилам, – говорит Дмитрий Гололобов, юрист, когда-то работавший на Ходорковского, но в конце концов выступивший против него. – Ты не можешь говорить, что ты законный собственник. Приватизация не создала законной собственности. Другие олигархи это хорошо понимали. Никто из них не утверждал, что они на самом деле владельцы бизнеса. Они понимали, что они только держатели».[1]

Такой образ мыслей противоречил всему, за что, по его собственным словам, выступал Путин, когда баллотировался в президенты. Это был обман, коренившийся в убеждении КГБ, что именно они создали магнатов, когда Россия начала переход к рынку, и что всем завоеванным новые миллиардеры обязаны им. То, что произошло с Ходорковским, было местью за девяностые, когда КГБ пришлось ждать в стороне, оттесненным растущим влиянием прозападных московских магнатов. «То, что сейчас происходит при Путине, – это реванш КГБ, – сказал тогда один бывший высокопоставленный офицер военной разведки. – КГБ создал олигархию, а потом был вынужден ей служить. Теперь они берут реванш».[2]

Битва дошла до той точки, когда в КГБ сочли, что могут оправдать захват активов, убеждая себя, будто предотвращают передачу богатейших нефтяных активов страны Западу. «ЮКОС намеревался передать бóльшую часть своих активов Западу, – говорит один из них. – Капитализация, которую [Ходорковский] выстроил молниеносно, – все эти активы уплыли бы за границу через фиктивные офшорные компании. Если бы мы это не остановили, мы не сохранили бы контроль над нашей нефтегазовой отраслью. Мы надолго стали бы слугами западных промышленников».[3]

И вот в последующие после ареста Ходорковского дни остальные миллиардеры страны с ужасом наблюдали, как прокуратура арестовывает его пакет в «ЮКОС-Сибнефти» стоимостью 15 миллиардов долларов. Путин твердо заявил им, что никакого диалога по поводу ареста не будет, и фондовый рынок рухнул. В понедельник, сразу после ареста, Путин дал резкий и недвусмысленный ответ на призыв олигархов внести ясность: «Никаких встреч, никаких торгов по поводу деятельности правоохранительных органов не будет, если, конечно, эти органы действуют в рамках законодательства Российской Федерации. Все должны быть равны перед законом, независимо от того, сколько миллиардов долларов у человека на личном или корпоративном счете. Иначе мы никогда не приучим и не заставим никого платить налоги и не победим организованную преступность и коррупцию».[4]

Наступила новая эпоха. Путин отбросил бóльшую часть той нерешительности, которая отличала первые два года его президентства. Новые хозяева Кремля были готовы поделить между собой стратегические активы страны. Пути назад не было – ни для Путина, ни для его людей.

---

[1] Интервью автора с Гололобовым, август 2018 г.

[2] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером ГРУ, апрель 2005 г.

[3] Интервью автора с руководителем нефтяной компании, связанным с ФСБ, январь 2014 г.

[4] Valeria Korchagina, Maria Danilova. Putin Defends Attack on Yukos // Moscow Times, 28 октября 2003 г.

ГЛАВА 8

«Террор и имперское пробуждение»

«Это как узел из трех элементов»

Владимир Путин, казалось, начинал свое президентство как лидер поневоле. Когда его вознесли к власти, он сказал Борису Ельцину, что не был готов к этой работе, а членам ельцинской «Семьи» называл себя наемным менеджером, давая понять, что прослужит лишь несколько лет. Когда случалась беда – как гибель подводной лодки «Курск», – он имел привычку уходить в себя, парализованный бездействием, порой белый как полотно. Но теперь, когда он отдал приказ арестовать самого богатого человека России, пути назад не было. Даже если бы он этого хотел, он не чувствовал, что может отступить. Его ближний круг, прежде всего силовики, которых он привел с собой из Санкт-Петербурга, настаивали, чтобы он остался. «Они его пугали, – говорит Пугачев. – Они говорили ему: "Тебе не простят ни ЮКОС, ни захват НТВ. Если ты уедешь на Запад, тебя там сразу арестуют"».[1] Вкусив власти, люди из КГБ не собирались отходить в сторону. Они готовили дальнейший захват страны; после переизбрания Путина в 2004 году они освободятся от некоторых договоренностей, которые он заключил с ельцинской «Семьей», приняв от нее власть.[2]

Путин устранил медиамагнатов Владимира Гусинского и Бориса Березовского. Первые реформы его администрации резко сократили власть региональных губернаторов благодаря созданию федеральных округов во главе с назначаемыми Кремлем полномочными представителями. Эти меры, проводившиеся под руководством Дмитрия Козака – бывшего офицера военной разведки и прокурора из Санкт-Петербурга, – обратили вспять политику ельцинских лет, когда президент призывал губернаторов «брать столько суверенитета, сколько смогут проглотить». Либералы и бывшие медиамагнаты мрачно предупреждали о реванше КГБ, о все более авторитарной хватке Кремля. Арест Ходорковского и арест его пакета в «ЮКОС-Сибнефти» вызвали потрясения на фондовом рынке и в деловом сообществе. Но Путин и Кремль стремились представить это как единичный случай, наказание одного зарвавшегося олигарха, зашедшего слишком далеко. Остальная страна наслаждалась плодами стремительного роста цен на нефть, которые с прихода Путина к власти поднялись с 12 до 28 долларов за баррель. Его рейтинги на протяжении всего первого срока неизменно держались около 70 процентов, отражая одобрение обществом конца хаоса девяностых и его усилий поставить олигархов на место.

Все предвещало, что он без труда пройдет на второй срок. Но захват НТВ и арест Ходорковского были не единственными событиями, омрачившими его первый срок скандалами, – и, согласно одному свидетельству изнутри, ранее никогда не предававшемуся огласке, некоторые ведущие силовики стремились не оставлять ничего на волю случая. Вечером в среду, 23 октября 2002 года, по меньшей мере сорок вооруженных чеченских боевиков ворвались в здание театрального центра на Дубровке на юге Москвы, стреляя из автоматов в воздух, – как раз в тот момент, когда на сцену в начале второго акта популярного

[1] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2016 г.

[2] Путину больше не придется делить управление экономикой с наследием ельцинской эпохи. По словам одного бывшего близкого союзника, это было частью договоренности, которую Путин заключил с ельцинской «Семьей», придя к власти.

нового российского мюзикла «Норд-Ост» вышли чечеточники.[1] Зал был заполнен почти девятьюстами зрителями – представителями среднего класса, начинавшего процветать в путинской России, – пришедшими на спектакль, воспевавший мужество советских людей во время блокады Ленинграда во Второй мировой войне. Чеченцы начали минировать здание, а часть захватчиков – женщины в черных хиджабах, так называемые «черные вдовы», на телах которых, по-видимому, были закреплены пояса со взрывчаткой, – расположились среди перепуганных зрителей, пока боевики блокировали зал.

Захват заложников, разыгравшийся в следующие три дня, казался худшим кошмаром Путина. Чеченские боевики во главе с Мовсаром Бараевым, племянником одного из самых известных чеченских полевых командиров, требовали прекратить войну России в республике, продолжавшуюся с тех самых взрывов жилых домов 1999 года, которые подстегнули восхождение Путина к власти. Они дали России семь дней на вывод войск, пригрозив в противном случае взорвать здание.[2] В тот вечер, когда пришло известие о захвате, оппозиционные политики и представители силовых структур собрались у театра в темноте под холодным дождем, потрясенные тем, что такое могло произойти всего в пяти с половиной километрах от Кремля. Как столько боевиков, до зубов вооруженных взрывчаткой, смогли проникнуть в театр, по-видимому, у всех на виду?

Следующие три дня Путин не покидал свой кабинет на верхнем этаже Кремля, охваченный паникой от событий, выходивших из-под контроля в мире внизу. Ища выход из кризиса, он отменил запланированную поездку в Мексику, где должен был встретиться с мировыми лидерами, в том числе с президентом США Джорджем Бушем. Захватчики впустили в театр для переговоров нескольких известных людей, в том числе депутата Госдумы и знаменитого певца Иосифа Кобзона, либеральных оппозиционных политиков и журналистку Анну Политковскую, известную своими бесстрашными репортажами о войне в Чечне. Хотя им удалось добиться освобождения нескольких заложников, в том числе детей и иностранных граждан, нападавшие отказывались отступить от требования прекратить войну.

На третий вечер захвата в здание впустили съемочную группу НТВ, чтобы записать интервью с Бараевым. «Наша цель – мы ее объявляли не раз – остановить войну и вывести войска», – сказал он.[3] Одна из террористок, на которой, по-видимому, был пояс шахида, сказала журналисту: «Мы идем по пути Аллаха. Если мы здесь умрем, на этом все не закончится».

И вновь Путин был парализован страхом. Нападавшие ясно дали понять, что убьют заложников и взорвут здание, если силовики попытаются вмешаться[4], и жертвы уже были: двое гражданских и полковник ФСБ, пытавшиеся войти в театр, были застрелены.[5]

---

[1] Natalia Yefimova, Torrey Clark, Lyuba Pronina. Armed Chechens Seize Moscow Theater // Moscow Times, 24 октября 2002 г. См. также описание в книге: Steven Lee Myers. The New Tsar: The Rise and Reign of Vladimir Putin. London: Simon & Schuster, 2015.

[2] Michael Wines. Chechens Kill Hostage in Siege at Russian Hall // New York Times, 25 октября 2002 г.

[3] Russian NTV Shows Previously Filmed Footage with Hostage-Takers' Leader // BBC Monitoring Former Soviet Union, 26 октября 2002 г.

[4] Eric Engleman. Armed Chechens Hold Hundreds of People Hostage in Moscow Theater // Associated Press, 23 октября 2002 г.

[5] «События, факты, выводы – расследование "Норд-Оста" не завершено». Региональная общественная организация поддержки пострадавших от террористических актов.

Российские спецслужбы наконец начали действовать в субботу, 26 октября, незадолго до рассвета. Чтобы захватчики не успели привести в действие взрывные устройства, через вентиляционную систему театра в зал пустили газ. Но, отключив заложников и часть чеченских боевиков, он погубил и многих заложников, а экстренные службы были плохо оснащены и не готовы помогать тем, кто остался в живых: их укладывали на обочине – кого-то рвало, кто-то был без сознания, кто-то задыхался, западая языком.[1] Прошло девяносто минут, прежде чем их доставили в больницы.[2] Ожидая увидеть кровавую бойню от взрывов и стрельбы, 80 процентов прибывших на место машин скорой помощи были оснащены лишь для помощи при травмах, а не при отравлении газом.[3] К концу следующего дня число погибших среди заложников составило по меньшей мере 115 человек. Лишь двое были убиты огнестрельным оружием. Остальные погибли от газа.[4]

Какое-то время Путин сталкивался с волной возмущения тем, как была проведена операция. Как такое вообще могло случиться? Почему экстренные службы не были должным образом проинформированы о природе газа? По словам нескольких выживших свидетелей, газ просачивался в зал из-под сцены: он отключил ближайших к ней захватчиков, но проникал в зал настолько медленно, что некоторые успели почувствовать едкий запах и заметить зеленоватый газ.[5] Под растущим давлением с требованием назвать газ министр здравоохранения России в конце концов заявил, что это аэрозольное производное анестетика фентанила – мощного опиоида, широко применяемого как обезболивающее, – которое, по его словам, «само по себе не может быть названо смертельным».[6] Заложники, утверждал он, погибли потому, что были ослаблены тремя днями сильнейшего стресса, обезвоживания и голода. В итоговом заключении московской прокуратуры, появившемся год спустя, газ был обозначен лишь как «неустановленное химическое вещество».[7]

То, что происходило в Кремле в ночь штурма театра, с тех пор скрыто за стеной секретности. Но теперь один человек из ближнего круга, по его словам, участвовавший тогда в обсуждениях в Кремле, начал приоткрывать завесу. Он утверждает, что произошедшее было смертоносным крахом плана, пошедшего не так, как задумывалось. По его версии, нападение на театр спланировал матерый глава ФСБ Николай Патрушев, чтобы еще прочнее закрепить Путина на президентском посту. Задумывалось оно не более чем как инсценировка, которая укрепила бы авторитет Путина, когда он успешно ее завершит, и усилила бы поддержку начинавшей терять популярность войны в Чечне. По словам этого человека, Патрушев сказал Путину, что у наемных террористов нет настоящих бомб и что после окончания захвата их под защитой ФСБ вывезут самолетом в Турцию, а Путин выйдет из этой истории героем –

---

[1] Luc Perrot. Russia Marks Anniversary of Moscow Theater Hostage Siege // Agence France-Presse, 23 октября 2003 г.

[2] Michael Wines. Hostage Toll in Russia Over 100; Nearly All Deaths Linked to Gas // New York Times, 28 октября 2002 г.

[3] Сергей Тополь, Александр Жеглов, Ольга Алленова. «Антракт после теракта» // Коммерсант, 23 октября 2003 г.

[4] Susan B. Glasser, Peter Baker. Gas in Raid Killed 115 Hostages; Only 2 Slain by Rebels; More than 600 Remain Hospitalised in Moscow // Washington Post, 28 октября 2002 г. Прошло по меньшей мере два дня, прежде чем власти были готовы раскрыть полное число погибших, и еще два, прежде чем они назвали газ. Врачи, пытавшиеся лечить заложников, до тех пор оставались в неведении относительно того, с чем имеют дело; запасов стандартного антидота не хватало или не было вовсе.

[5] Valeria Korchagina, Lyuba Pronina, Torrey Clark. Man, a Bottle, a Shot, Then Gas // Moscow Times, 28 октября 2002 г.

[6] Michael Wines. Russia Names Drug in Raid, Defending Use // New York Times, 31 октября 2002 г.

[7] Тополь, Жеглов, Алленова. «Антракт после теракта» // Коммерсант, 23 октября 2003 г.

единственным мировым лидером, сумевшим закончить захват заложников без единой жертвы среди мирных жителей, – и затем сможет усилить контроль над Чечней.

Но все пошло прахом в первый же день захвата, когда один из чеченцев застрелил гражданского, пытавшегося войти в театр. Путин впал в панику, говорит этот человек из ближнего круга: «Все вышло из-под контроля. Никто не знал, кому и чему верить».[1] К тому времени, как силовики приготовились штурмовать здание, захват заложников уже рассматривался как настоящий теракт. Для урегулирования ситуации привлекли Игоря Сечина, ближайшего коллегу Путина по КГБ из Санкт-Петербурга, и Патрушев, зная склонность Сечина к чрезмерному усердию, подстегивал его, говорит бывший чиновник, знакомый с обсуждениями. «Он сказал ему: "Вот, Игорь, у тебя есть военный опыт. Помоги нам с этим разобраться"». Идея применить газ, согласно этой версии, принадлежала Сечину. Он поговорил с бывшим командующим войсками химической защиты России, который сказал ему, что газ старый и есть вероятность, что он не подействует. «Сечин сказал мне, что поэтому приказал применить десятикратную дозу», – говорит бывший чиновник. Он утверждает, что Путин, придя в ужас от того, как развернулись события, подписал заявление об отставке. Но к тому времени он уже был слишком глубоко втянут, и ему сказали, что он должен остаться. Патрушев, судя по всему, намеренно оставил и планирование нападения, и ответные действия силовиков двусмысленными. Кровопролитие и человеческие жертвы тоже привяжут Путина к президентскому посту. «Это было организовано так, чтобы Путину пришлось остаться на второй срок». Если что-то пойдет не так, его придется втянуть еще глубже. «Если бы Путина заменили, это был бы конец для Коли [Патрушева]. Поэтому он устроил так, чтобы замарать его кровью».[2] Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков отверг эту версию как «полную чушь», заявив, что этот человек «ничего не знает». Возможно, проверить ее полностью не удастся никогда. Как развивались эти события, знает лишь очень узкий круг на самой вершине власти, но бывший чиновник, изложивший мне эту версию событий, был достаточно близок к нему, чтобы знать. Если бы не малозамеченное заключение московской прокуратуры, появившееся через год после захвата, его рассказ легко было бы отмести как очередную из диких конспирологических теорий, которые обычно возникали вокруг принимаемых за закрытыми дверями кремлевских решений, особенно после мутной истории со взрывами жилых домов. Но когда прокуратура наконец завершила расследование, выяснилось, что две главные бомбы, установленные в зале, по существу были муляжами. По меньшей мере одна часть рассказа человека из ближнего круга звучала правдоподобно. «Бомбы не были приведены в боевую готовность: в детонаторах не было элементов питания, – говорилось в заключении. – Батареек не было… Бомбы оказались безопасными болванками».[3] То же касалось и поясов шахидов на некоторых женщинах, а также других взрывных устройств. Многие из женщин с поясами находились вместе с заложниками в зале, но вместо того чтобы привести устройства в действие, как они грозили, потеряли сознание от газа. А затем российские спецслужбы, вместо того чтобы доставить их на допрос и докопаться до сути террористического замысла, застрелили всех до единой.[4] Хотя газу потребовалось от пяти до десяти минут, чтобы подействовать, установила прокуратура, террористы не взорвали ни

[1] Интервью автора с бывшим сотрудником Кремля, март 2015 г.

[2] Там же, март 2015 г. и июнь 2018 г.

[3] Тополь, Жеглов, Алленова. «Антракт после теракта» // Коммерсант, 23 октября 2003 г.

[4] David McHugh. Doctors Say Knockout Gas Killed All But Two of the Victims of Moscow Hostage Crisis // Associated Press, 27 октября 2002 г.

одной бомбы. Неужели они действительно вообще не собирались ничего взрывать, а применение газа повлекло за собой напрасные жертвы? Неназванные источники в ФСБ и МВД сообщили «Коммерсанту» – по-видимому, единственной российской газете, написавшей о выводах прокуратуры, – что террористы сами распорядились извлечь детонаторы, опасаясь случайных взрывов.[1] Но и либеральный политик Ирина Хакамада, входившая в здание для переговоров, высказывала сомнения насчет этого захвата: «Я пришла к убеждению, что взрывать театральный центр в планы террористов не входило, а власти не были заинтересованы в освобождении всех заложников. Но руководитель администрации президента угрожающим тоном приказал мне не лезть в эту историю».[2]

Вопросы возникали и относительно некоторых террористов. Их предполагаемый главарь Мовсар Бараев, по имеющимся сведениям, был арестован властями всего за два месяца до этого.[3] Как он попал из тюрьмы в число участников нападения? То же касалось одной из предполагаемых террористок-смертниц, которую мать узнала на телевизионных кадрах захвата.[4] Могли ли власти быть причастны к тому, что их переместили из заключения в театр?

Это был не первый теракт в России, оставивший неразрешенные вопросы о причастности спецслужб, – самым известным предыдущим примером были взрывы жилых домов, которые помогли подстегнуть восхождение Путина к власти. Но в этом случае нападение вызвало гораздо меньше споров. Большинство вопросов касалось применения газа, а выводы прокуратуры о том, что бомбы были муляжами, оказались погребены в конце статьи «Коммерсанта», главной темой которой была поимка предполагаемой террористической группы, готовившей другие теракты.[5]

После захвата вопросы о том, как он развивался, в основном были отметены, и большинство населения просто вздохнуло с облегчением оттого, что число погибших не оказалось выше. Путина хвалили и международные лидеры, и отечественные политики за то, как он справился с ситуацией.[6] Его рейтинги взлетели до самого высокого уровня с момента

---

[1] Тополь, Жеглов, Алленова. «Антракт после теракта» // Коммерсант, 23 октября 2003 г.

[2] Ирина Хакамада, в то время вице-спикер Госдумы. «Обращение Ирины Хакамады», 14 января 2004 г., https://graniru.org/Politics/Russia/President/m.56704.html (Хакамада сделала это заявление в ходе своей неудачной кампании на президентских выборах 2004 года). Это заявление цитируется также в докладе родственников погибших заложников: «События, факты, выводы – расследование "Норд-Оста" не завершено». Региональная общественная организация поддержки пострадавших от террористических актов.

[3] Anne Nivat. Chechnya: Brutality and Indifference // Crimes of War Project, 6 января 2003 г. На свидетельство Нива ссылается Джон Данлоп, старший научный сотрудник Гуверовского института по советской и российской политике, в докладе о захвате для RFE/RL Organised Crime and Corruption Watch, 8 января 2004 г. Нива сообщает, что ГРУ, российская военная разведка, объявило об аресте Мовсара Бараева за два месяца до захвата.

[4] Юрий Щекочихин. «Незамеченные новости недели, которые меня удивили» // Новая газета, 20 января 2003 г. Щекочихин сообщал, что мать одной из террористок рассказала ему, что ее дочь, которую она узнала на телевизионных кадрах среди террористов, долгое время находилась в заключении в российской колонии. «Она не может понять, как ее дочь из тюремной камеры попала в Москву в качестве террористки». Подробнее об этом см. также у Данлопа, а также у Нива, которая приводит слова двух матерей из чеченского села в районе, откуда были родом люди Бараева: по их словам, их дочери были арестованы в конце сентября 2002 года, а позднее объявились в роли смертниц.

[5] «Коммерсант» поместил вывод о том, что бомбы были муляжами, в самый конец статьи, первая половина которой была посвящена предъявлению обвинения группе чеченцев, подозревавшихся в подготовке серии терактов в Москве, в том числе захвата на Дубровке, – и больше никто его не подхватил.

[6] Политики наперебой хвалили успешную операцию. Применение газа было единственным выбором. «Мы оказались в ситуации между страшной трагедией с гибелью всех заложников и невероятным позором, если бы мы

избрания.[1] Вместо того чтобы подвергнуться встряске за то, что допустили группу вооруженных террористов в центр Москвы, российские спецслужбы были вознаграждены увеличением финансирования.[2] А теракт позволил путинским людям активизировать военные действия в Чечне, отменив планы сокращения численности войск.[3] Бесчисленные чеченцы начали бесследно исчезать из своих домов после ночных рейдов, а давление на Кремль с требованием начать мирные переговоры с чеченским лидером Асланом Масхадовым, нараставшее до того, исчезло в одночасье. Война вновь пользовалась поддержкой общества, а Масхадов был полностью дискредитирован. Российские власти обвинили его в организации теракта[4], но так и не представили никаких доказательств, кроме старой видеозаписи с угрозами нового наступления, а сам Масхадов отрицал какую-либо причастность.

Захват заложников также дал Кремлю возможность представить свою войну в Чечне как аналог войны Запада с террором. Попытки установить связи между чеченскими боевиками и исламскими радикалами из-за рубежа начались еще за несколько месяцев до теракта[5], и захват еще больше усилил это восприятие: «Аль-Джазира» показала видеозапись людей, которых она назвала сообщниками чеченцев, на фоне плакатов с надписью по-арабски «Аллах велик», а Путин назвал нападение «чудовищным проявлением терроризма», спланированным «зарубежными террористическими центрами».[6] В последующие месяцы США начали менять свое отношение к чеченским повстанческим силам, признав три группировки, причастные, по их данным, к захвату, террористическими организациями, связанными с «Аль-Каидой»[7], а Масхадова перестали считать умеренным. «Наша политика по Чечне сблизилась с российской, – сказал вскоре после теракта один высокопоставленный американский дипломат. – Этот теракт нанес [чеченскому] делу существенный ущерб».[8]

выполнили все требования террористов», – говорил мэр Москвы Юрий Лужков.

[1] Caroline Wyatt. Moscow Siege Leaves Dark Memories // BBC, 16 декабря 2002 г. В репортаже приводятся данные опросов, согласно которым 83 процента россиян были удовлетворены правлением Путина.

[2] Valeria Korchagina. Duma Seeks Probe of Theater Attack // Moscow Times, 30 октября 2002 г.

[3] Timur Aliyev. Chechens Vanish in Veil of Darkness // Moscow Times, 23 декабря 2002 г.

[4] Moscow Gunmen Threaten to Begin Killing Hostages Sat // Dow Jones, 25 октября 2002 г. В сообщении приводятся слова заместителя министра внутренних дел России Владимира Васильева о том, что за нападением стоит Масхадов; российские телеканалы при этом показали видеозапись, на которой Масхадов говорит, что боевики перешли от партизанской войны к «наступательной» стратегии, и добавляет: «Я уверен, что на завершающем этапе будет еще более уникальная акция, подобная джихаду, которая освободит нашу землю от российских агрессоров». Подконтрольный государству Первый канал позднее утверждал, что запись была сделана за пять дней до захвата заложников, но выяснилось, что на самом деле ее сделали несколькими месяцами раньше, летом. См. также: John B. Dunlop // RFE/RL Organised Crime and Corruption Watch, 8 января 2004 г.; Данлоп приводит слова пресс-секретаря Масхадова о том, что тот имел в виду военную операцию против федеральных сил, а не захват заложников. Данлоп цитирует и помощника Путина Сергея Ястржембского, заявившего, что Масхадова больше нельзя считать «легитимным представителем этого сопротивления». В интервью НТВ Бараев, предполагаемый главарь захватчиков, сказал, что они действуют по приказу «нашего верховного военного эмира», названного им повстанческим командиром Шамилем Басаевым, а Масхадов – президент, и «мы во многом находимся под его командованием».

[5] Steven Lee Myers. Russia Recasts Bog in Caucasus as War on Terror // New York Times, 5 октября 2002 г.

[6] Andrew Jack. Moscow Siege May be Linked to Al Qaeda // Financial Times, 24 октября 2002 г. Российские силовики сообщили также, что перехватили звонки чеченских захватчиков в Объединенные Арабские Эмираты и Турцию.

[7] Steven R. Weisman. US Lists 3 Chechen Groups as Terrorist and Freezes Assets // New York Times, 1 марта 2003 г.

[8] Nabi Abdullaev. There are No Rebels Left for Peace Talks // Moscow Times, 1 ноября 2002 г.

* * *

Если путинские люди из КГБ и стремились привязать его к президентскому посту, то правда заключалась в том, что, не считая страшных событий вроде теракта на Дубровке, он в любом случае привыкал к своей роли. «Ему начало нравиться – все эти церемонии, "Большая восьмерка", признание», – говорит Пугачев.[1] Ближний круг превозносил его как спасителя России. Он спас страну от неминуемого распада, говорили они, от власти олигархов и разрушительной силы Запада. Даже те, кто когда-то стоял над ним в КГБ, теперь склонялись перед ним. Однажды, в начале первого срока, когда Путин собрал небольшой круг друзей на свой день рождения, один из его бывших начальников по Дрездену, Сергей Чемезов, поднял тост за его восхождение к власти. «Это был очень близкий человек, который в прошлой жизни, до того как Путин стал президентом, был старше его и выше по званию и которого Путин уважает, – говорит Пугачев. – Он сказал ему: "Владимир Владимирович, я хочу поднять бокал. Знаете, прошло много времени с тех пор, как я впервые услышал, что вы президент, но чувство, которое я тогда испытал, остается со мной до сих пор. Я подумал, что это как солнце, взошедшее над Россией… Теперь я понимаю, что это чувство разделяют со мной сто процентов населения"». Пугачеву от этой речи стало неловко. Он перебил, желая перейти к обсуждению политической ситуации, всех грандиозных задач, стоявших впереди. Но Путин, по его словам, сверкнул на него глазами и велел дать другу закончить речь. «Он смотрел ему прямо в глаза и говорил, что он дар Божий. Он говорил ему, что Бог дал стране правителя, который кладет конец великим страданиям русского народа. И это говорил человек, знавший его пятнадцать лет и бывший когда-то его начальником… Я видел такое впервые… Так было с самого начала, чуть ли не с первого дня. Он чрезвычайно тщеславный человек». Чтобы задать Путину вопрос, стало принято сначала долго ему льстить. «Сечин очень хорошо умел это делать. Он говорил ему с глубоким поклоном: "Владимир Владимирович, я помню, как вы это сделали и преобразили мир". Когда я впервые все это услышал, я подумал, что нахожусь в психиатрической больнице. Ему говорили что-нибудь вроде: "Вы потрясли самую суть человечества. Вы потрясающий человек"».[2]

Постепенно непрерывное низкопоклонство вскружило Путину голову. Начиная верить в свое могущество нового царя, он осмелел и стал принимать более жесткие и авторитарные решения, в том числе решение взяться за Ходорковского и его людей. «Вся олигархия по существу склонялась перед ним, что-то ему предлагала, приходила к нему за разрешением по малейшему поводу, – говорит Пугачев. – И ему это очень нравилось. И как-то это вошло ему в голову. Это был ползучий процесс. Такие наклонности у него были всегда, но в какой-то момент он изменился, и им овладела эта грандиозная вера в себя как в царя».[3]

Если поначалу Путин делил государственную машину с представителями ельцинской «Семьи», то после ареста Ходорковского государственный аппарат действительно стал его собственным. Потрясенный поворотом событий и тем, что его держали в неведении, Александр Волошин – хитроумный наследник ельцинской эпохи, руководивший администрацией президента с марта 1999 года, – подал в отставку. Волошин несколько раз говорил с Путиным о правовом наступлении на Ходорковского, но до последнего считал, что его удастся сдержать: «Я честно не думал, что его посадят. Я думал, что это какое-то недоразумение. Было ясно, что это кампания, и что это плохо. Я считал, что это вредно для

[1] Интервью автора с Пугачевым, февраль 2015 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, март 2013 г.

[3] Там же.

развития страны».[1] Путин заменил его своим человеком, коллегой из Санкт-Петербурга, – Дмитрием Медведевым, негромким юристом, работавшим для Путина по правовым вопросам, в том числе над тем, чтобы погасить последствия скандала с программой «нефть в обмен на продовольствие». У него была репутация человека ревностно точного, но и робкого. А главное, Путин практически вырастил его, когда тот пришел в петербургскую мэрию в возрасте всего двадцати пяти лет. «Путин вырастил Медведева, – говорит Валерий Мусин, также бывший юридическим советником мэрии Собчака. – Медведев всегда смотрел на Путина снизу вверх, как на человека, у которого можно учиться».[2]

Самого влиятельного представителя ельцинской эпохи сменил петербургский исполнитель, имевший немногим более трех лет опыта работы в Кремле в должности заместителя руководителя администрации. В тот же день, когда было объявлено о назначении Медведева, петербургские силовики заявили о своих намерениях громче, чем когда-либо. Прокуратура объявила, что арестовала акции ЮКОСа на 15 миллиардов долларов – 44 процента объединенной «ЮКОС-Сибнефти», которыми Ходорковский владел опосредованно, – чтобы помешать ему их продать.[3] Потрясенный рынок воспринял этот шаг как явный знак того, что силовики нацелены не только на арест Ходорковского, но и на захват самого ЮКОСа. Кроме того, этот шаг расценили как конец олигархов ельцинской эпохи, конец «Семьи», чьи интересы почти четыре года тщательно уравновешивались с интересами силовиков. Если у кого-то еще оставались сомнения, Алексей Кудрин, сравнительно либерально мыслящий министр финансов Путина, высказался еще яснее, публично приветствовав уход Волошина как конец ельцинской эпохи. «Византия закончилась! – провозгласил он. – При всем уважении к Александру Волошину хочу подчеркнуть, что его уход совпал с окончанием ельцинской эпохи… [Олигархи] возвращены в деловую среду, где успеха можно добиться, только играя честно».[4]

Казалось, будто машина параллельного правительства, над которой Сечин и другие тихо работали за кулисами, постепенно выкатывается на свет, а вместе с ней запускается и пиар-кампания. В тот же день, когда были арестованы акции ЮКОСа, а Медведев назначен руководителем администрации, Путин провел встречу в узком кругу с руководителями ряда крупнейших финансовых институтов мира, в том числе CitiGroup, Morgan Stanley и ABN Amro.[5] Донести его намерения помогал уроженец США, глава местной брокерской компании United Financial Group Чарли Райан, работавший с Путиным еще с петербургских времен начала девяностых. Райан с самого начала был жизненно важным каналом, по которому путинский Кремль передавал свои сигналы мировому финансовому сообществу и всему миру. Путин сказал инвесторам, что кампания против ЮКОСа ни в коей мере не предвещает более широкого наступления на частный бизнес[6] и что арест акций – это не конфискация, а лишь обеспечение обязательств. Кампания – не более чем утверждение верховенства закона. В

[1] Интервью автора с Волошиным, ноябрь 2013 г.

[2] Catherine Belton. Anointed Enigma: The Quiet Rise of a Dedicated Dmitry Medvedev // Financial Times, 28 февраля 2003 г.

[3] Catherine Belton, Valeria Korchagina, Alex Nicholson. Yukos Shares Frozen, Voloshin is Out // Moscow Times, 31 октября 2003 г.

[4] Петр Нетреба. «Отставка Волошина совпала с концом эпохи Ельцина» // Коммерсант, 3 ноября 2003 г., интервью с Кудриным.

[5] Belton, Korchagina, Nicholson. Yukos Shares Frozen, Voloshin is Out.

[6] Там же.

какой-то мере глобальные банки, часть которых, в том числе CitiBank, имела миллиардные вложения в долги ЮКОСа, были убеждены. Они не стали отзывать кредиты. Если бы они это сделали, самые мрачные предсказания Ходорковского о последующем крахе экономики могли бы сбыться. Власть в Кремле сместилась, и путинские люди уже выстраивали систему связей с мировыми финансами, титаны которых однажды будут стоять на коленях ради активов на сотни миллиардов долларов, находящихся под контролем Путина.

Если уход Волошина знаменовал переход власти от ельцинской «Семьи» к петербургским силовикам Путина, то парламентские выборы чуть больше месяца спустя еще больше упрочили их политическую власть. Прозападные либеральные партии на протяжении всей ельцинской эпохи сохраняли важный плацдарм в парламенте – Союз правых сил Анатолия Чубайса и «Яблоко» Григория Явлинского. Но на выборах в декабре 2003 года они были разгромлены.[1] Монополизированные теперь государством телеканалы выкинули их из эфира, а Кремль оказал поддержку партии нового путинского поколения – националистическому блоку «Родина», которому государственное телевидение уделяло обширное эфирное время. Его лидеры Сергей Глазьев и Дмитрий Рогозин провозглашали твердый государственнический курс, созвучный новому настроению в Кремле – забрать прибыль у олигархов и вернуть ее государству: «Вернем народу богатства страны!» – гласил один из лозунгов партии.[2] Это точно соответствовало настроению момента, когда государственные телеканалы без конца крутили новости об аресте Ходорковского. У либерального Союза правых сил и «Яблока» не было ни единого шанса. Им не удалось преодолеть пятипроцентный барьер для прохождения в Думу, тогда как «Родина», возникшая из ниоткуда, получила 9 процентов голосов.[3] Прокремлевская партия «Единая Россия», созданная всего четырьмя годами раньше как инструмент, который помог бы привести Путина к власти, получила абсолютное большинство в парламенте, хотя ее предвыборная кампания была почти лишена какого-либо содержания, кроме лояльности президенту.[4] Коммунисты же, главный враг ельцинской эпохи, вяло доплелись до финиша с жалкими 12,6 процента голосов.

Было ясно, что отныне руки Путина будут развязаны для проведения любой политики, какой он пожелает. Никакого противовеса со стороны либералов не будет. Прокремлевские партии получили явное и безоговорочное большинство. Россия вступила в эпоху парламента, который штампует решения. В такой обстановке переизбрание Путина на второй срок казалось почти предрешенным. Его рейтинг превышал 70 процентов. Но даже тогда он и его люди ничего не оставляли на волю случая.

* * *

С тех пор как в июле был арестован соратник Ходорковского Платон Лебедев, нарастала напряженность между Путиным и Михаилом Касьяновым – общительным премьер-министром, последним остававшимся у власти наследником ельцинской эпохи. Касьянов был министром финансов в ельцинское время, и его связи с «Семьей» были давними и глубокими. Когда Путин пришел к власти, Роман Абрамович настоял на назначении Касьянова премьер-

[1] Catherine Belton, Lyuba Pronina. The Duma of a New Political Era // Moscow Times, 9 декабря 2003 г.

[2] Catherine Belton. Homeland a Force to be Reckoned With? // Moscow Times, 5 декабря 2003 г.

[3] Belton, Pronina. The Duma of a New Political Era.

[4] Francesca Mereu, Oksana Yablokova. United Russia Set to Get 300 Seats // Moscow Times, 22 декабря 2003 г. «Единая Россия» получила 37,6 процента голосов, а большинство мест – после того как к ней присоединились независимые депутаты.

министром как их представителя.[1] Касьянов не очень-то стремился к этой роли, которую считал опасной. Он привык к своему комфортному положению в Министерстве финансов, где был заместителем министра по внешнему долгу. Оказаться в центре того, что выглядело шатким переходом власти, и отвечать одновременно и перед «Семьей», и перед Путиным не входило в его планы. Но его уговорили, и постепенно он освоился в новой роли. «Три с половиной года я считал, что мы правильные люди в правильном месте и делаем правильное дело, – говорит он. – Но когда посадили Лебедева и начался ряд других скандалов, я понял, что всё».[2]

Правительство Касьянова провело внешне либеральные экономические реформы путинского первого срока – снижение подоходного налога до плоской ставки в 13 процентов и амбициозную земельную реформу, наконец разрешившую приватизацию земли. Как премьер-министр он также возглавлял переговоры с Ли Рэймондом из Exxon о возможной продаже «ЮКОС-Сибнефти» ExxonMobil. «В те времена, – говорит он, – мы жили с США в дружбе. Были прекрасные отношения с Бушем и с [вице-президентом] Чейни. Я постоянно разговаривал с Чейни об энергетических активах. После трагедии 11 сентября у нас было прекрасное сотрудничество, а по транзиту в Афганистан между двумя правительствами существовал канал взаимодействия… Если бы состоялся обмен активами между ЮКОСом и ExxonMobil, весь энергетический сектор был бы другим. Он был бы гораздо либеральнее».

Но к 2003 году между Касьяновым и путинскими людьми из КГБ начались частые столкновения. Поначалу конфликты разгорались вокруг «Газпрома». Путин поставил во главе государственного газового гиганта своего человека, Алексея Миллера, и начал использовать компанию как средство поиграть кремлевскими мускулами и установить контроль над бывшими советскими республиками, которые Россия собственнически любила называть своим «ближним зарубежьем». По приказу Путина «Газпром» стал гораздо жестче требовать оплаты поставок газа в Белоруссию и на Украину – Кремль стремился заставить бывшие советские республики подчиниться.

Касьянов же проводил реформу «Газпрома», за которую либералы в правительстве выступали еще с ельцинских лет: либерализовать газовый рынок и разделить «Газпром» на добывающее и транспортное подразделения, отделив газодобывающие компании от сети трубопроводов. Эта реформа давно считалась жизненно важной для развития конкуренции в экономике. Но теперь, когда путинские люди укрепляли свою хватку, ее сняли с повестки дня на неопределенный срок – в тот самый момент, когда Касьянов полагал, что вот-вот объявит об этой эпохальной реформе.[3] В сентябре пресса собралась на заседание правительства, где газовая реформа стояла первым пунктом повестки, когда Касьянову позвонил Путин. «Он сказал мне: "Я настаиваю, чтобы вы сняли этот вопрос с повестки дня", – вспоминает Касьянов. – Мы были так близко. Мы в этом даже опережали Европу. Мы были готовы. Но Путин позвонил мне буквально за несколько минут».

Положение Касьянова становилось невыносимым. Когда через месяц арестовали Ходорковского, Касьянов был одним из всего двух высокопоставленных российских чиновников, осмелившихся высказаться против. Но на заседании правительства, при всех,

[1] Интервью автора с видным банкиром, близким к спецслужбам, май 2016 г.

[2] Интервью автора с Касьяновым, январь 2013 г.

[3] Gazprom Off Reform Agenda // Reuters, Moscow Times, 29 сентября 2003 г.

Путин прямо велел ему «прекратить истерику».[1] «Это было своего рода предупреждение мне», – говорит Касьянов.[2] Однако, не испугавшись, он вновь выступил публично, когда в январе 2004 года Министерство по налогам и сборам открыто подтвердило давно ходившие слухи о том, что предъявляет ЮКОСу задним числом требование об уплате 3 миллиардов долларов недоимок за 2000 год. Касьянов сказал газете «Ведомости», что применять налоговые законы задним числом несправедливо.[3] Все это, сказал он, плохо выглядит с точки зрения верховенства права.

Касьянов был почти единственным голосом во власти, выступавшим против путинского захвата энергетического сектора. Они еще разговаривали друг с другом, но Путин говорил с Касьяновым со все большей холодностью и подозрительностью, словно с трудом мог на него смотреть. А затем, в середине февраля, при температуре минус 24 градуса, «Газпром» впервые в истории прекратил поставки газа соседу – в данном случае Белоруссии[4], – и напряженность между двумя людьми переросла в открытое противостояние.[5] «Газпром» вел с Белоруссией жесткие переговоры о прекращении субсидирования цен на газ для бывшей советской республики и о получении доли в ее газотранспортной сети. Российский газовый гигант давно грозил прекратить поставки, чтобы силой продавить переговоры, но Касьянов упорно противился этому шагу. «Я запретил Миллеру [главе "Газпрома"] отключать газ Белоруссии. В Минске было минус 25. Но утром в середине февраля мне позвонили премьер-министр Польши и премьер-министр Литвы и сказали: "У нас нет газа". Мне даже никто не сказал. Был публичный скандал». Миллер сказал ему, что действовал по приказу Путина. «Мы просто кричали друг на друга – и на Путина. Все остальные министры готовы были залезть под стол». Путину это надоело. Чуть более чем через десять дней Касьянова уволили.[6] «У него накопилось, – говорит Касьянов. – Ходорковский, Exxon, газовая реформа, Белоруссия и Украина. А тут еще я начинаю этот скандал. Он больше не мог меня выносить».[7]

До президентских выборов оставалось всего две недели, и ожидалось, что Путин изменит состав правительства после голосования. Но он и его люди ничего не оставляли на волю случая. Теперь, когда они предпринимали шаги для укрепления своей власти, они не могли допустить никаких случайностей. Согласно конституции, если бы с Путиным что-то случилось, управление страной перешло бы к премьер-министру.

В избирательной гонке, которая едва ли вообще была состязанием, Путин устранил последний элемент риска – последнего остававшегося у власти представителя ельцинских лет, способного бросить ему вызов. На место Касьянова он назначил Михаила Фрадкова, малоизвестного технократа, десятилетиями работавшего в тени силовых структур.[8] До назначения он был специальным представителем России при Европейском союзе, и мало кто

[1] «Президент Путин требует прекратить истерику и спекуляции вокруг ареста Ходорковского» // ntv.ru, 29 октября 2003 г.

[2] Интервью автора с Касьяновым, январь 2013 г.

[3] Александр Беккер, Владимир Федорин. «Интервью: Михаил Касьянов, председатель правительства РФ: Реформы во всех сферах будут продолжены» // Ведомости, 12 января 2004 г.

[4] Valeria Korchagina. Gazprom Cuts Supplies to Europe // Moscow Times, 19 февраля 2004 г.

[5] Там же.

[6] Caroline McGregor. Putin Fires Kasyanov 19 Days Before Vote // Moscow Times, 24 февраля 2004 г.

[7] Интервью автора с Касьяновым, январь 2013 г.

[8] Caroline McGregor. Putin Picks Fradkov for Prime Minister // Moscow Times, 2 марта 2004 г.

когда-либо слышал его имя. Но он зарекомендовал себя как надежный союзник путинских людей из КГБ, с начала восьмидесятых работая ключевым винтиком в стратегических операциях во внешней торговле, в том числе с так называемыми «друзьями» – фирмами, поддерживавшими советский режим из-за рубежа. Во времена петербургской схемы «нефть в обмен на продовольствие» он был заместителем министра внешнеэкономических связей. Как человек Петра Авена в Санкт-Петербурге, он одобрял контракты, которые Путин раздавал узкому кругу союзников и «дружественных» фирм, в конечном счете создавших стратегический резерв черного нала для Путина и городских силовиков.

Даже после своего бесцеремонного увольнения Касьянов еще думал, что путь Путина можно изменить. Ему было трудно осознать, что весь курс, которым Россия шла после распада СССР, поворачивают вспять. «Даже после того как я ушел из правительства, еще месяцев шесть я верил, что Путин ошибается, что все это можно исправить и что это будет исправлено. Только позже – после теракта в Беслане – я понял, что все это было спланировано, чтобы изменить всю политическую систему».[1]

* * *

Президентские выборы в марте почти не отложились в общественном сознании. Путин легко победил, набрав более 71 процента голосов. Главные политические противники ельцинской эпохи – лидер Коммунистической партии Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский из националистической ЛДПР – даже не нашли в себе воодушевления баллотироваться. Вместо себя они выставили доверенных лиц, и кандидат от коммунистов, малоизвестный Николай Харитонов, с большим отрывом занял второе место с 13 процентами голосов.[2] Это даже не было состязанием. Но и при этом Кремль мало что оставил на волю случая. Государственное телевидение почти не давало эфирного времени кандидатам от оппозиции: Харитонов подсчитал, что его встречи с избирателями показали в эфире всего четыре минуты пятьдесят секунд – в сравнении со сплошным освещением, которое получал Путин. Путинские люди из КГБ вскоре заняли все самые влиятельные посты в правительстве. Они начинали второй срок у власти без сдержек и противовесов в лице влиятельных фигур ельцинской эпохи. Единственным человеком, высказавшим хоть какое-то возражение против второго срока Путина, была его жена Людмила. Она выросла в захудалом поселке в Калининграде. Ее отец сильно пил, и ей было трудно привыкнуть к пристальному вниманию и атрибутам президентской жизни. «Она хотела уйти от него, когда он сказал ей, что идет на второй срок, – говорит Пугачев, сблизившийся с ней: они часто часами сидели на кухне президентской резиденции, дожидаясь возвращения Путина. – Она говорила, что соглашалась на четыре года, не больше. Ему пришлось уговаривать ее остаться. Это плохо сказалось бы на рейтингах. Он не мог баллотироваться в президенты в то время, когда она пытается с ним развестись. Она всегда много пила».[3] Людмиле было трудно привыкнуть к постоянному отсутствию Путина. На протяжении всей своей карьеры он подолгу пропадал на работе, но теперь это длилось все дольше и дольше. Словно стесняясь ее, Путин держался на расстоянии, все реже брал ее с собой в официальные визиты и поездки. А когда возвращался домой, часто глубокой ночью, то сидел в тапочках перед телевизором, смотря незамысловатые юмористические передачи, вместо того чтобы проводить время с женой.

[1] Интервью автора с Касьяновым, январь 2014 г.

[2] Simon Saradzhyan. Early Returns Give Putin 70 Per Cent // Moscow Times, 15 марта 2004 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.

Все это время Пугачев наблюдал за растущей властью людей из КГБ со смутным беспокойством. В восьмидесятые он боролся с КГБ в родном Ленинграде. Тогда он был валютчиком на черном рынке, и его заклятым врагом был КГБ, стремившийся перекрыть ему кислород и грозивший тюрьмой. Но он научился и подкупать кагэбэшников. А теперь он водил дружбу с новыми людьми у власти, часто приглашал их к себе домой, был на короткой ноге с Витей (Ивановым) и Игорем (Сечиным), смеялся с ними. Он стал членом Совета Федерации. Но его по-прежнему считали закулисным посредником во власти. Какое-то время он сохранял за собой кабинет в Кремле, напротив кабинета руководителя администрации. И какое-то время Путин оставался его постоянным спутником.

Но все это время, говорит теперь Пугачев, его тревожило то, куда все движется, – государственнический крен, удушение свободы, события, упрочившие хватку Путина на власти. Хотя, по его словам, он часто поднимал эти вопросы, он решил ничего не предпринимать, полагая, что может оказывать больше влияния изнутри, чем возражая и уходя в сторону. Он думал, что сможет лучше сдерживать авторитарные наклонности Путина и его людей, если останется рядом с ними. Но на самом деле он наслаждался своей властью и положением не меньше любого из них. И в любом случае он считал, что выбора у него особенно нет: «Это история, когда ты садишься в машину, двери закрываются, и ты видишь, что водитель на грани безумия, – говорит он. – Но двери закрыты, и машина уже несется на скорости. И ты должен решить, что опаснее – оставаться внутри или прыгать. Момент, когда можно было спокойно выйти из машины, прошел».[1]

Возникала новая идеология, которую продвигали люди из КГБ, чтобы восстановить величие российского государства и укрепить имперские связи с бывшими советскими республиками. Одним из первых президентских шагов Путина – к великому огорчению таких наследников ельцинской эпохи, как Пугачев и Волошин, – было восстановление советского гимна «Союз нерушимый республик свободных».[2] Могучая музыка Александра Александрова была больше чем ностальгией – это был призыв возродить империю советского прошлого, музыка, рожденная как гимн Сталину и подвигам, которых страна достигла как мировая сверхдержава, – а также великим и страшным жертвам, принесенным на этом пути. Вместе с этим призывом к советскому прошлому правящую элиту, казалось, охватило новое рвение к православной церкви. Путин поведал миру о своей вере в книге интервью, опубликованной всего за несколько месяцев до его первого избрания президентом, с гордостью рассказав, как мать и соседка по ленинградской коммуналке тайно крестили его, скрыв это от отца, члена партии, который не мог одобрить религиозную веру.[3] Он рассказывал, как в начале девяностых, когда он, будучи вице-мэром Санкт-Петербурга, собирался в Израиль, мать дала ему его крестильный крестик, чтобы он освятил его у Гроба Господня. «С тех пор я его ни разу не снимал», – говорил он. А потом, во время первой встречи с Джорджем Бушем в 2001 году, он очаровал американского президента рассказом о том, как спас свой крестик из пожара, уничтожившего его дачу в середине девяностых. Буш потом сказал, что «почувствовал его душу».[4]

[1] Интервью автора с Пугачевым, май 2013 г.

[2] Valeria Korchagina. Duma Set to Revive the Soviet Anthem // Moscow Times, 6 декабря 2000 г.

[3] Наталья Геворкян, Наталья Тимакова, Андрей Колесников. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, с. 11–12.

[4] Ana Uzelac. Putin, Bush Reach Across the Divide // Moscow Times, 18 июня 2001 г.

Казалось странным, что офицер КГБ, всю карьеру служивший государству, которое преследовало православную церковь, исповедует религиозную веру. Но один за другим люди из КГБ, пришедшие к власти вместе с Путиным и стоявшие за его возвышением, последовали его примеру. С самого начала они искали новую национальную идентичность. Догматы православной церкви давали мощное объединяющее вероучение, восходившее через советскую эпоху ко временам имперского прошлого России, говорившее о великих жертвах, страданиях и стойкости русского народа и о мистической вере в то, что Россия – Третий Рим, следующая правящая империя мира. Это был идеальный материал для того, чтобы заново построить нацию из лишений и утрат. По словам одного олигарха, скептически смотревшего на этот всплеск религиозности, все это было удобно устроено для того, чтобы вновь превратить русских в крепостных и удержать их в Средневековье, чтобы царь Путин мог править с абсолютной властью: «Двадцатый век в России – и теперь двадцать первый – был продолжением шестнадцатого века: царь выше всего, и это сакральная, небесная роль… Эта сакральная власть создает вокруг себя абсолютно непроницаемый кордон безгрешности. Власть ни в чем не может быть виновата. Она служит по абсолютному праву».[1]

По словам Пугачева, который с юности был ревностным православным верующим, Путин мало что понимал в подлинной православной вере. Пугачев часто винил себя за то, какой оборот приняли события, потому что именно он познакомил Путина с отцом Тихоном Шевкуновым, священником, который стал известен как «духовник» Путина. Но этот союз, по словам Пугачева, был обоюдно удобным. Шевкунову он позволил добиться известности для православной церкви и ее учения, а также богатства и финансирования для своего Сретенского монастыря. Для Путина это было частью его притягательности для масс – и не более того. «Я никогда не познакомил бы Путина с Церковью, если бы знал, чем все это кончится», – говорит Пугачев. Однажды, когда Путин и Пугачев вместе были на службе в Прощеное воскресенье, последнее воскресенье перед Великим постом, Пугачев сказал Путину, что, как велит обычай, ему следует поклониться священнику до земли и попросить прощения. «Он посмотрел на меня с изумлением. "С какой стати? – сказал он. – Я президент Российской Федерации. С какой стати я должен просить прощения?"»[2]

Путину и его сторонникам, искавшим новую идею, которая сплотила бы нацию после десятилетия распада, давно было ясно, что коммунизм потерпел крах. «Коммунистическая идея… наглядно продемонстрировала свою неспособность к здоровому саморазвитию, обрекая нашу страну на постоянное отставание от экономически развитых стран. Это был путь в тупик, который проходит в стороне от магистрального пути развития цивилизации», – говорил Путин накануне своего восхождения на президентский пост. И когда в первые годы его правления к новому президенту привлекли учителей и других специалистов, чтобы привить ему знание истории российского государства, они опирались на имперское православное прошлое России. Путину рассказывали о белых эмигрантах, бежавших из России во время большевистской революции и проведших годы в изгнании, пытаясь выработать новую идеологию для возрождения страны на случай, если Советский Союз когда-нибудь рухнет. Были, например, сочинения религиозного философа Ивана Ильина, считавшего, что новая национальная идентичность России должна основываться на православной вере и патриотизме, – к этим постулатам Путин будет обращаться в речах во время своего второго срока. Кроме того, были труды лингвиста Николая Трубецкого и Льва

[1] Интервью автора с российским магнатом, ноябрь 2013 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, март 2016 г.

Гумилева – советского историка и этнолога, учившего об уникальной природе России как сплаве славянской, европейской и тюркской культур после веков нашествий монгольских орд. Эти мыслители подчеркивали особый евразийский путь России, продвигая философию евразийства как альтернативу западному атлантизму. Путин вновь и вновь обращался к этой философии, стремясь создать сначала евразийское единое экономическое пространство, которое втянуло бы Белоруссию, Украину и Казахстан, а затем и более обширную империю на основе союзов бывших советских государств, которая, как он надеялся, однажды дотянется и до Европы.[1]

Цель состояла в том, чтобы выковать для путинского режима идентичность, которая укрепила бы его против внутреннего распада и нападения извне. Прямых потомков белых эмигрантов, многие из которых были тесно связаны с КГБ, ввели в ближний круг Путина, чтобы они возглавили работу по наведению моста с имперским прошлым России. Один из них описал философию путинского правления так: она – «как узел из трех элементов. Первый – самодержавие: сильная власть, сильный человек, папа, дядя, начальник. Это самодержавный режим. Второй элемент – территория, отечество, любовь к стране и так далее. Третий элемент – Церковь. Это элемент, который соединяет все воедино. Это, если хотите, цемент. Неважно, Церковь это или Коммунистическая партия. Большой разницы нет. Если посмотреть на историю России, эти элементы всегда были соединены. Путин очень бережно соединяет эти три элемента. Это единственный способ сохранить страну целой. Если убрать один из элементов, она рухнет».[2]

Эта философия была прямой копией государственной доктрины «Православие, самодержавие, народность» Николая I – одного из самых реакционных царей, известного жестоким подавлением одного из первых демократических восстаний в России. Теперь путинские люди из КГБ стремились пустить его идеологию в оборот заново, чтобы обосновать свое правление и оправдать подавление любой оппозиции.

Но это были лишь зачатки преображения. Лишь к концу 2004 года, когда они столкнулись с угрозой кремлевскому контролю над жизненно важной бывшей советской республикой – Украиной, и когда Россию потряс еще один ужасающий теракт, Путин и его союзники пошли ва-банк. Только тогда Путин, опираясь на сочинения имперского православного прошлого России, вступил на путь, разрушивший остатки демократии в стране, и стал сплачивать ее, противопоставляя Западу.

Причины кризиса на Украине были для путинских людей совершенно ясны: они считали, что Запад замышляет увести Киев от Москвы. Но неясными оставались причины еще одного ужасающего теракта – теракта, унесшего жизни более трехсот заложников и подтолкнувшего путинский Кремль еще сильнее закрутить гайки.

* * *

Утром 1 сентября 2004 года дети по всей России собирались в школу на первый урок. Девочки были в лучших платьях, с огромными разноцветными бантами в волосах. Мальчики шли с цветами для учителей, а родители толпились у школьных ворот, хлопотали и с

[1] В апреле 2004 года российский парламент ратифицировал договор о создании единого экономического пространства четырех бывших советских республик; ранее правительство Путина предлагало сделать рубль единой валютой этого союза. Askold Krushelnycky. Parliaments Ratify Treaty on Single Economic Space // RFE/RL, 21 апреля 2004 г.

[2] Интервью автора с близким к Путину потомком белых эмигрантов, май 2014 г.

гордостью фотографировали своих чад. Но в Беслане, небольшом городе на Северном Кавказе примерно в ста с небольшим километрах от Чечни, традиционная торжественная линейка была прервана. Хотя опустошительная путинская война в Чечне официально закончилась, российские войска все еще оккупировали республику, и весь регион был пороховой бочкой. Ожесточенные стычки с российскими войсками продолжались почти ежедневно, а вооруженные вылазки в соседние республики все еще случались.[1]

Примерно в 9:10 утра, когда дети Беслана толпились у школьных ворот перед линейкой, к школе на полицейском грузовике подъехали десятки вооруженных террористов, открыв огонь по горстке полицейских, охранявших школу. Они захватили школу, взяв в заложники более 1100 родителей, детей и учителей. Несколько заложников позднее рассказывали, как террористы доставали из-под половиц школы целые запасы боеприпасов, которые, по словам одного высокопоставленного полицейского чина, спрятала там группа рабочих во время ремонта перед учебным годом.[2] Террористы согнали заложников в спортзал и заминировали все здание школы. Бомбы подвесили на тросе, натянутом между двумя баскетбольными кольцами в разных концах зала, а еще две были подсоединены к педальному механизму под ногами у двух сидевших террористов. Вокруг школы натянули растяжки, чтобы помешать попыткам освобождения. Чтобы их не вывели из строя газом, как на Дубровке, террористы запаслись противогазами и выбили в спортзале все окна. Следующие два дня заложникам, несмотря на страшную жару, не давали ни еды, ни воды. Дети умоляли дать им попить мочи друг друга и ели цветы, которые принесли учителям.[3] Время от времени вспыхивала стрельба, а на второй день террористы обстреляли из гранатометов две машины, которые, как им показалось, подъехали к школе слишком близко.[4] Террористы вновь требовали немедленного вывода российских войск из Чечни, признания независимости Чечни и прекращения военных действий в республике.[5]

Вскоре начались переговоры: на второй день захватчики впустили в школу Руслана Аушева, бывшего президента соседней Ингушетии, и ему сразу удалось добиться освобождения двадцати шести матерей с младенцами.[6] Советник президента по Чечне Асламбек Аслаханов, чеченец по национальности, говорил, что договорился войти в школу в три часа дня на следующий день.[7] Он предлагал, чтобы семьсот известных российских добровольцев пошли в школу заложниками в обмен на освобождение детей, и летел из Москвы

[1] В начале того же года недавно поставленный прокремлевский лидер Ахмат Кадыров погиб при мощном взрыве на футбольном стадионе, а подсчет голосов на выборах его преемника – бывшего министра внутренних дел Чечни, еще одного верного Кремлю человека, – едва завершился. Накануне теракта в Беслане было объявлено, что Алу Алханов избран, получив 74 процента голосов. Эти выборы, как и организованный Кремлем годом ранее референдум о сохранении Чечни в составе Российской Федерации, правозащитные организации широко осуждали как сфальсифицированные. Бóльшая часть инфраструктуры республики все еще лежала в руинах после многолетних ковровых бомбардировок в ходе путинской военной кампании.

[2] Simon Ostrovsky. Over 300 Killed in School Carnage // Moscow Times, 6 сентября 2004 г.

[3] Там же.

[4] Simon Saradzhyan. 30 Women and Children Freed in Beslan // Moscow Times, 3 сентября 2004 г.

[5] «Требования захватчиков заложников в Северной Осетии не изменились» // Интерфакс, 1 сентября 2004 г.; см. также: Peter Baker, Susan B. Glasser. Hundreds Held Hostage at School in Russia; Many Children Seized in Town near Chechnya // Washington Post, 2 сентября 2004 г.; Kim Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis // Los Angeles Times, 17 сентября 2004 г.

[6] Andrew Jack. Siege Gunmen Release 26 Mothers and Babies // Financial Times, 2 сентября 2004 г.

[7] Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis.

в Беслан в надежде осуществить этот план. Позднее выяснилось, что местные власти даже обращались к Аслану Масхадову, который в середине девяностых был президентом Чечни, когда она была сепаратистским государством.[1] Для Кремля он по-прежнему оставался персоной нон грата, заклятым врагом, которого объявили террористом и ответственным за захват на Дубровке. Но положение было настолько отчаянным, что помощник заместителя председателя парламента Северной Осетии позвонил ближайшему соратнику Масхадова в Лондоне, и тот сказал, что договорился с Масхадовым: тот приедет в школу вести переговоры с захватчиками. Единственным условием Масхадова была гарантия безопасного проезда. В полдень третьего дня это сообщение было передано непосредственно президенту Северной Осетии.

Но всего через час после этого разговора в спортзале внезапно прогремел взрыв. За ним последовал второй, а затем целая серия взрывов.[2] Раздалась стрельба и разрывы реактивных снарядов: российский спецназ начал обстреливать школу из реактивных пехотных огнеметов «Шмель».[3] Вскоре загорелась крыша. Около 14:30, по свидетельствам очевидцев, по меньшей мере один российский танк выдвинулся вперед и открыл огонь по стенам школы.[4] Когда огонь распространился, террористы выгнали многих заложников из горящего спортзала в столовую, где заставили их стоять у окон живым щитом.[5] Независимое расследование позднее установило, что там погибло до 110 заложников.[6] Тем временем пожар в спортзале продолжал бушевать, но пожарные прибыли лишь через два часа после его начала.[7] К тому времени крыша уже обрушилась. Многие заложники, в том числе дети, сгорели заживо, а другие, пытавшиеся выбежать из школы, гибли под перекрестным огнем. Для перевозки раненых в больницы на месте было лишь несколько машин скорой помощи.[8] Стрельба продолжалась до ночи.

---

[1] «Свидетель на процессе по делу Кулаева утверждает, что Масхадов был готов приехать в Беслан для переговоров с террористами об освобождении заложников» // Интерфакс, 22 декабря 2005 г.

[2] Там же; см. также: Simon Ostrovsky. Over 300 Killed in School Carnage // Moscow Times, 6 сентября 2004 г.

[3] C. J. Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege // New York Times, 26 августа 2005 г.; Kim Murphy. Aching to Know // Los Angeles Times, 27 августа 2005 г. Поначалу Россия отрицала, что обстреливала школу из термобарических огнеметов «Шмель», но в 2005 году высокопоставленный российский прокурор признал их применение: см. также Anatoly Medetsky, Yana Voitova. A Reversal Over Beslan Only Fuels Speculation // Moscow Times, 21 июля 2005 г. Прокурор Николай Шепель отрицал, что огнеметы могли вызвать пожар, охвативший школу. Он утверждал, что использованный тип, РПО-А, не обладает зажигательным действием. Однако независимое расследование, проведенное Станиславом Кесаевым по поручению властей Северной Осетии, обнаружило на телах следы фосфора – признак того, что применялись зажигательные снаряды РПО-3.

[4] Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege; о применении танков см. также слова очевидца Кесаева: Russia: Beslan Reports Compared // Radio Free Europe/Radio Liberty, 3 января 2007 г.: «Как глава республиканской комиссии и как человек, находившийся на месте трагедии, я продолжаю утверждать, что танки начали стрелять задолго до того, как заложники покинули здание»; а также показания помощника Кесаева Израиля Тотоонти на процессе одного из участвовавших в захвате террористов: «Зарема, а кого нам сейчас убивать?» // Коммерсант, 23 декабря 2005 г. Тотоонти сказал: «Первые выстрелы из танка я услышал около двух часов дня. Это было до того, как мы начали вытаскивать заложников из школы».

[5] Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege.

[6] Там же. В независимом расследовании говорилось, что террористы заставили заложников размахивать одеждой, давая федеральным силам знак прекратить огонь. Но стрельба не прекратилась.

[7] Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege.

[8] Там же.

Асламбек Аслаханов прибыл в Беслан лишь для того, чтобы стать свидетелем самой кровавой развязки теракта в истории.[1] «Когда я туда летел, я был в предвкушении огромной радости от того, что мы сейчас освободим детей, – говорил он. – А когда я вышел из самолета, я просто растерялся. Я подумал: как такое могло случиться?»[2]

Всего погибли 330 заложников, больше половины из них – дети. До сих пор остаются вопросы о том, от чего наступила смерть, почему российский спецназ начал обстреливать здание из реактивного и стрелкового оружия и, главное, что вызвало первый взрыв в спортзале. Никто не знал, привели ли его в действие террористы намеренно или российские военные случайно. Был ли пожар, унесший столько жизней, вызван взрывом внутри школы или огнеметами военных?

Путин нехотя согласился на парламентское расследование, но его возглавил близкий союзник – сенатор Александр Торшин, давно связанный с ФСБ. Независимым его едва ли можно было назвать, и когда больше чем через два года работа была наконец закончена, комиссия пришла к выводу, что разрушение школы вызвал один из террористов, намеренно подорвав одну из бомб.[3] Он, как утверждалось, «действовал по заранее разработанному плану», тогда как федеральные власти действовали в полном соответствии с законом.[4] «По мере развития трагических событий были приняты все возможные меры для спасения жизни людей», – говорилось в докладе, где утверждалось, что танки и огнеметы применили лишь после того, как все заложники покинули здание. Это совершенно не согласовывалось со свидетельствами очевидцев[5], а вывод о том, что первый взрыв намеренно устроил террорист, расходился с выводами других независимых расследований. Одно из них возглавил заместитель председателя парламента Северной Осетии Станислав Кесаев, присутствовавший на месте захвата. В нем приводились показания захваченного террориста о том, что первый взрыв произошел, когда снайпер убил одного из террористов, державшего ногу на детонаторе.[6]

Комиссии Торшина было сравнительно легко поставить это утверждение под сомнение, поскольку окна школы были непрозрачными и снайпер практически не мог видеть, что происходит внутри.[7] Но гораздо труднее было отмести выводы третьего расследования, которое провел специалист по вооружениям и взрывчатым веществам, независимый депутат Госдумы Юрий Савельев. Он установил, что первые взрывы могли быть вызваны только реактивными снарядами, выпущенными снаружи школы.[8] В его докладе делался вывод, что

[1] Kim Murphy. Critics Detail Missteps in School Crisis // Los Angeles Times, 17 сентября 2004 г.

[2] Там же.

[3] Николай Сергеев, Заур Фарниев. «Комиссия завершила теракт» // Коммерсант, 23 декабря 2006 г.

[4] Там же.

[5] Chivers. For Russians, Wounds Linger in School Siege; подробный рассказ бывших заложников о том, как начала трястись крыша, пока они еще находились в школе, см.: Kim Murphy. Aching to Know // Los Angeles Times, 27 августа 2005 г. В статье приводятся слова одного из бывших заложников, армейского специалиста-взрывотехника, считавшего, что это был танковый огонь, «потому что все здание тряслось, и это были не гранаты, а что-то посерьезнее… К тому времени я уже больше боялся своих, чем террористов»; см. также: Russia: Beslan Reports Compared; «Зарема, а кого нам сейчас убивать?».

[6] Russia: Beslan Reports Compared.

[7] Николай Сергеев, Заур Фарниев. «Комиссия завершила теракт» // Коммерсант, 23 декабря 2006 г.

[8] Юрий Савельев. «Беслан: правда заложников», www.pravdabeslana.ru/doklad/oglavlenie.htm; Maria Danilova. Russian Lawmaker Makes Beslan Claims // Associated Press, 30 августа 2006 г.

спецназ без предупреждения открыл огонь из реактивных гранатометов, когда переговоры еще продолжались.[1] По существу, установил он, именно вмешательство российских силовиков привело к череде взрывов, повлекших столько напрасных жертв.

Савельев пользовался большим уважением в своей области. Поначалу он входил в комиссию Торшина, где был единственным специалистом по баллистике и вооружениям, но вышел из нее, когда стало ясно, что официальные выводы будут сильно расходиться с его собственными. Его заключения согласовывались с видеозаписью, обнародованной почти через три года после событий в Беслане, – по-видимому, на ней армейские саперы разговаривают с прокурорами после окончания захвата.[2] Саперы осматривают несколько самодельных взрывных устройств, изготовленных террористами и лежащих неразорвавшимися на столе в школе. Это пластиковые бутылки, начиненные поражающими элементами и шариками от подшипников. «Отверстия внутри [на стенах школы] не могли быть сделаны этими взрывчатками, – говорит один из саперов. – Как они все говорят, все эти [шарики] разлетелись бы вокруг, но у детей, которых мы выносили, таких ранений не было. И вокруг тоже». «Значит, взрыва внутри здания не было?» – спрашивает другой сапер. «Внутри здания взрыва не было», – отвечает первый.

Масштаб бойни, разразившейся в тот день, не позволял представить доказательства как абсолютно неопровержимые. Но утверждение о том, что первые выстрелы прозвучали снаружи школы, повторяли выжившие заложники, с которыми беседовали журналисты Los Angeles Times. Одна из них рассказала о том, как потрясены были лица захватчиков, когда начались взрывы: «Они не ожидали этого взрыва. И эту фразу – я ее никогда не забуду – "Вас взорвали ваши же". Один из захватчиков повторил ее несколько раз очень низким голосом. Я этого никогда не забуду».[3] Могло ли быть так, как предположил один бывший человек из кремлевского круга, что российские власти отдали приказ открыть огонь, с которого началась атака на школу, потому что не хотели рисковать приездом на переговоры Масхадова – бывшего лидера повстанцев и их заклятого врага?[4] Первые взрывы прогремели всего через час после того, как его помощник передал, что Масхадов приедет вести переговоры. Этот слух был слишком страшен, чтобы даже допустить его мысленно.

На Путина обрушилась волна гнева из-за того, как была проведена операция. Вместо похвал, которые он снискал за развязку захвата театра на Дубровке, нарастали вопросы не только о кровавой бойне, разразившейся при штурме школы российскими силами, но и о том, как террористы вообще смогли туда добраться – вновь вооруженные до зубов и вновь у всех на виду. Немногие оставшиеся независимые депутаты Госдумы задавались вопросом, способен ли он обеспечить безопасность страны. Одним из ключевых элементов общественного договора, который Путин предложил российскому народу, придя к власти, был конец терроризму, принесшему взрывы жилых домов, – через его войну в Чечне. Но его спецслужбы не извлекли уроков из захвата на Дубровке, говорили критики. Известный политолог Сергей Марков, считавшийся близким к Кремлю, назвал происходящее «колоссальным кризисом».[5] Даже коммунисты, давно запуганные и безмолвные как оппозиционная сила, начали

[1] Andrew Osborne. Kremlin to Blame for Beslan Deaths, Claims Russian MP // Independent, 30 августа 2006 г.

[2] Video Rekindles Russian Debate on Blame for Beslan Death Toll // Associated Press, 31 июля 2007 г.

[3] Murphy. Aching to Know.

[4] Интервью автора с бывшим человеком из кремлевского круга, август 2017 г.

[5] Catherine Belton. Putin is Facing his Biggest Challenge // Moscow Times, 9 сентября 2004 г.

утверждать, что путинская расправа с политической оппозицией отвлекла его режим от решения более серьезной проблемы терроризма. «Они выстроили вертикаль власти, которая оказалась бесполезной перед лицом этих террористических угроз», – говорил заместитель лидера Компартии Иван Мельников.[1] Рейтинги Путина неуклонно снижались с момента его переизбрания по мере того, как накапливалась усталость от бесконечной чеченской войны, а после Беслана опустились до самого низкого за четыре года уровня – 66 процентов.[2]

Но ответ, с которым вышел Путин, бледный и решительный, когда стало ясно, что число погибших достигло катастрофических масштабов, состоял в том, что нападение организовали силы за пределами России, стремящиеся подорвать территориальную целостность страны и привести ее к распаду. В прямом обращении к нации на следующий день после окончания захвата он назвал трагические события «вызовом всей России, всему нашему народу. Это нападение на всех нас». «Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников», – сказал он. Вместо того чтобы указать на террористов в Чечне, он заявил, что нападение было частью более широкого заговора, исходившего, как он, по-видимому, считал, с Запада: «Одни хотят оторвать от нас кусок "пожирнее", другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия – как одна из крупнейших ядерных держав мира – еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения этих целей».[3]

Нападение, утверждал он, стало прямым продолжением распада Советского Союза, который, как считали он и его люди из КГБ, был подстроен Западом. Россия, ядро некогда «огромного, великого государства», не смогла «понять сложность и опасность процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогли адекватно на них отреагировать. Проявили слабость. А слабых – бьют. Мы просто не можем и не должны жить так беспечно, как раньше. Обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности… Но главное – это мобилизация нации перед общей опасностью». На ежегодной встрече с западными учеными он пошел в своих утверждениях еще дальше, проведя прямые параллели между нападением в Беслане и противостоянием с Западом времен холодной войны: «Это повторение менталитета холодной войны… Есть определенные люди, которые хотят, чтобы мы были сосредоточены на внутренних проблемах, и они дергают здесь за ниточки, чтобы мы не поднимали голову на международной арене».[4]

Несмотря на то что последующие расследования, по-видимому, показали, что бóльшая часть жертв в Беслане погибла в результате вмешательства самих российских силовиков, то, что произошло дальше, стало началом коренного перелома в путинской России, поскольку его люди из КГБ стремились еще больше усилить свою хватку. Ответом, объявил он, станет крупнейшее конституционное изменение в постсоветской истории страны. Через десять дней после теракта в Беслане он объявил, что Россия отменяет выборы региональных губернаторов. Это шло гораздо дальше уже предпринятых Кремлем попыток ограничить полномочия губернаторов. Теперь их не будут избирать – их будет назначать Кремль, а утверждать региональные парламенты. Этот шаг укрепит систему против внешних угроз, говорил Путин:

[1] Там же.

[2] Poll: Putin's Popularity at 4-Year Low // Moscow Times, 23 сентября 2004 г.

[3] Обращение Владимира Путина, 4 сентября 2004 г., www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22589.

[4] Belton. Putin is Facing his Biggest Challenge.

«Организаторы и исполнители теракта стремятся к развалу государства, к распаду России… Система государственной власти должна не просто приспособиться к работе в кризисных ситуациях, а обязана предотвращать их повторение».[1]

Независимые политологи, такие как Николай Петров, и независимые депутаты Думы предупреждали, что это возврат к советской практике, равносильный возвращению к однопартийной системе, при которой безраздельно правит Кремль.[2] Это был полный отказ от одной из важнейших свобод, завоеванных в ельцинские годы, и ликвидация системы, которая дала и избирателям, и региональным элитам один из важнейших уроков местной демократии. Но Кремль утверждал, что ликвидирует коррумпированную систему, позволявшую покупать губернаторские выборы тем, кто мог потратить на них больше всего денег. Молодая российская демократия слишком слаба, чтобы позволить себе риск прямых выборов. Внешняя угроза ее единству слишком велика. Путинские люди строили крепость Россию, представляя страну осажденной внешней угрозой. Но на самом деле они стремились лишь к сохранению собственной власти. Внешнеполитический истеблишмент Путина давно обрушивался на Запад за то, что тот укрывает некоторых людей, которые, по его мнению, поддерживают чеченских террористов, – Ахмеда Закаева в Великобритании и Ильяса Ахмадова в США.[3] Он задавался вопросом, не используют ли чеченские боевики Панкисское ущелье – узкую долину между Грузией и Северным Кавказом – как маршрут для терактов на российской земле. Но до того момента путинские люди редко публично намекали на то, что Запад стремится расколоть Россию.

Доказательства причастности Запада к теракту в Беслане, по словам одного человека из кремлевского круга, представил Путину Патрушев, и тот, разумеется, принял их без вопросов: «Путин поверил, потому что это было ему удобно. Главное было создать миф, свалить все на Запад. Так они смогли все это замять. Только после того как это случилось, они решили, что это хороший повод отменить заодно и выборы губернаторов».[4] На самом деле этот шаг давно стоял на повестке. Силовики лишь ждали момента, чтобы ввести его в действие.

После захвата на Дубровке Путин ничего подобного о причастности Запада не заявлял. Более того, никаких доказательств участия каких-либо западных сил в теракте в Беслане так и не было представлено. В докладе, утечку которого допустили российские спецслужбы, утверждалось, что в захвате участвовали трое жителей Великобритании: один – прихожанин известной радикальной мечети в лондонском районе Финсбери-парк, двое других – алжирцы, жившие в Лондоне.[5] Но вскоре об этом перестали упоминать, и подтверждения этому так и не последовало.

Тем временем, однако, нарастала угроза влиянию России на ее важнейшего ближайшего соседа. Той осенью на Украине приближались президентские выборы. Подходил

[1] Nabi Abdullaev. Putin: Scrap Popular Vote for Governors // Moscow Times, 14 сентября 2004 г.

[2] Nikolai Petrov. Putin's Reforms are Dangerous for Russia // Moscow Times, 15 сентября 2004 г.

[3] Simon Saradzhyan. Putin Lashes Out at the US // Moscow Times, 8 сентября 2004 г.; Guy Faulconbridge. Putin Targets Terrorist Financing // Moscow Times, 6 октября 2004 г.

[4] Интервью автора с бывшим человеком из кремлевского круга, август 2017 г.

[5] Jason Burke. London Mosque link to Beslan // Observer, 3 октября 2004 г. Российский чиновник Илья Шабалкин, представитель федеральных сил на Северном Кавказе, подтвердил Moscow Times, что прихожанин мечети Камель Рабат Буралха был задержан российскими силовиками при попытке пересечь российско-азербайджанскую границу, но отказался комментировать, играл ли тот какую-либо роль в теракте в Беслане (см.: Valery Dzutsev. Report: 3 British Residents Assisted in Beslan Attack // Moscow Times, 5 октября 2004 г.).

к концу конституционный срок Леонида Кучмы, бывшего партийного руководителя, с 1994 года балансировавшего между Востоком и Западом. Прокремлевский кандидат Виктор Янукович – тогдашний премьер-министр, бывший заключенный и руководитель промышленного предприятия родом из Донецка, пророссийского оплота на востоке Украины, – сталкивался со все более серьезным вызовом со стороны кандидата, выступавшего за гораздо более тесную интеграцию с Западом. Это был Виктор Ющенко, тоже успевший побыть премьер-министром, и все, за что он выступал, было анафемой для путинских планов в отношении Украины.

Из всех бывших советских республик потерю Украины после распада СССР Москва всегда переживала острее всего – словно фантомную конечность империи, которую Россия все еще считала своей. Украина была третьей по величине бывшей советской республикой после самой России и Казахстана. Почти 30 процентов ее населения считали родным языком русский, а ее экономика с советских времен была тесно связана с российской. Политбюро вложило огромные средства в индустриализацию Украины, некогда аграрного края, превратив ее в крупного производителя оборонной продукции, жизненно важного для снабжения России. Ее металлургические комбинаты были связаны с российскими в советской командной экономике, а ее заводы по-прежнему оставались ключевыми поставщиками сырья для российской алюминиевой промышленности. А главное, Украина была жизненно важной транзитной зоной для самого стратегического российского экспорта. Через украинскую трубопроводную сеть – артерии империи, построенные в советские времена, – шло 85 процентов российского экспорта газа в Европу, а на украинском Крымском полуострове на Черном море по-прежнему находилась стратегически важная российская военно-морская база.

Стремясь утвердить российское имперское возрождение, Путин меньше всего нуждался в том, чтобы Украина повернулась к Западу. Но страна давно была расколота – перекресток между Востоком и Западом еще с дореволюционных времен. Польша и Литва контролировали обширные территории Западной Украины начиная с 1686 года, когда Россия и Польша после тридцати лет войны поделили страну между собой. Хотя советская власть покончила с какими-либо остатками этого, западное влияние неизгладимо отпечаталось на западе Украины, и проевропейское движение за независимость было там сильным. В годы своего правления Кучма искусно балансировал между прозападными и пророссийскими силами страны. Но теперь появился Ющенко, бросивший вызов путинским планам более тесного союза через создание евразийского единого экономического пространства. Парламенты обеих стран ратифицировали создание единого экономического пространства в апреле. Но, по убеждению Путина, Ющенко поддерживали западные правительства, полные решимости сорвать возрождение России.

Ющенко решительно выступал за интеграцию Украины в Европейский союз и НАТО – Кучма уволил его с поста премьер-министра за западнический уклон. Его жена, американка украинского происхождения, выросла в Чикаго и затем работала в Государственном департаменте США. Они познакомились, оказавшись соседями по креслам в самолете, – и Путин считал, что это указывает на вербовку Ющенко ЦРУ.

Путин и его люди были в ужасе от того, что воспринимали как явное вторжение на их территорию, прямую угрозу более тесной евразийской интеграции, которую они замышляли. Первое предупреждение Западу насчет Украины Путин сделал еще летом, за несколько месяцев до теракта в Беслане. На кону стояли кремлевские планы первого шага к воскрешению российской империи – так называемого Единого экономического пространства России,

Украины, Белоруссии и Казахстана. «Сближаясь, мы повышаем свою конкурентоспособность. И это понимаем не только мы, но и серьезные люди, наши партнеры за рубежом, – заявил Путин в июле на встрече с Кучмой.[1] – Их агенты как внутри наших стран, так и за их пределами делают все возможное, чтобы скомпрометировать интеграцию России и Украины». Место для этого заявления Путин выбрал тщательно: встреча с Кучмой проходила в том самом историческом Ливадийском дворце в Ялте, где Сталин, Рузвельт и Черчилль в конце Второй мировой войны разделили Европу на сферы влияния между Востоком и Западом. Путин заявлял о возрожденном историческом праве – российской сфере влияния в ближнем зарубежье.

Но его предупреждение, похоже, не возымело никакого действия. Популярность Ющенко росла с каждым днем, несмотря на то что в Киев направили кремлевских политтехнологов, чтобы мобилизовать избирателей в пользу Януковича. 5 сентября, всего через день после того, как Путин в речи о Беслане заявил, что внешние силы пытаются оторвать от России куски пожирнее, противники Ющенко перешли в наступление. Ющенко поехал ужинать на дачу к главе Службы безопасности Украины генералу Игорю Смешко. На следующий день он почувствовал себя плохо, а в последующие дни его лицо покрылось страшными кистами. Врачи в Австрии, куда он вылетел на лечение, пришли к выводу, что он был отравлен высокотоксичным диоксином. Но махина его кампании продолжала двигаться. Хотя Ющенко временно выбыл из строя, Юлия Тимошенко – грозный политический игрок и украинская националистка – продолжала кампанию в его отсутствие. Их кампания была запоминающейся и отточенной. Лозунг состоял всего из одного слова – «Так!», то есть «Да!», – а их оранжевые знамена и плакаты, казалось, были повсюду. Попытки Путина вмешаться – он даже приехал в Киев за несколько дней до голосования, чтобы призвать голосовать за прокремлевского кандидата Януковича, – похоже, давали обратный эффект.[2] Сплошная поддержка российского государственного телевидения грубоватому Януковичу – партийному начальнику и бывшему заключенному из российского оплота на востоке Украины, который временами, казалось, едва мог связать два слова, – раздражала избирателей, жаждавших независимости после десятилетий советской гегемонии. Янукович бледнел в сравнении с эрудированным Ющенко, ставшим героем, пережив покушение с отравлением, которое изуродовало его и все еще могло угрожать его жизни.

Когда в конце ноября страна пошла на выборы, вмешательство Путина вновь, похоже, дало обратный эффект. Он поздравил Януковича с победой еще до того, как поступили результаты, хотя экзит-поллы указывали на противоположный исход.[3] Официальный подсчет курировал близкий союзник Путина, и когда в итоге он совпал с поспешным поздравлением Путина, оппозиция заявила, что выборы были сфальсифицированы. Десятки тысяч сторонников Ющенко вышли на улицы, в том числе целые легионы молодежи, многие из которых объединились в молодежное движение «Пора!», построившее палаточный городок на главной площади Киева, Майдане.[4] Несмотря на лютый холод, протесты разрастались – на Майдане собиралось до миллиона человек, – и Кучма в конце концов был вынужден согласиться на повторное голосование. На этот раз голосование, проведенное в декабре под

[1] Valeria Korchagina. Putin Tells West not to Meddle in Ukraine // Moscow Times, 27 июля 2004 г.

[2] Simon Saradzhyan. Putin Goes on Stump in Ukraine // Moscow Times, 27 октября 2004 г.; Francesca Mereu. Putin's Campaign has Kiev on Edge // Moscow Times, 28 октября 2004 г.

[3] Anatoly Medetsky. Outrage as Yanukovych Takes the Lead // Moscow Times, 23 ноября 2004 г.

[4] Oksana Yablokova. Youthful Pora Charges Up the People // Moscow Times, 3 декабря 2004 г.

пристальным вниманием местных и международных наблюдателей, завершилось победой Ющенко. Победил кандидат Запада.

Для Путина и его сторонников это было сокрушительное поражение, которое многие не забыли до сих пор. Последствия того, что стало известно как «оранжевая революция», были столь велики, а удар по планам Кремля столь сокрушителен, что, по словам двух близких к нему людей, Путин пытался уйти в отставку.[1] Но дело было в том, что никто из его ближнего круга не хотел занять его место, никто не был готов взять на себя огромную ответственность. Это была вторая прозападная революция на задворках России. Всего годом раньше к власти в бывшей советской республике Грузии стремительно пришел получивший образование в Колумбийском университете прозападный Михаил Саакашвили. Путину и его союзникам казалось, что силы Запада активизируются повсюду вокруг них, вторгаясь в российскую сферу влияния и грозя дотянуться до самой страны. Худшим кошмаром путинских людей из КГБ было то, что, вдохновившись событиями в соседних странах, российские оппозиционеры на западные деньги попытаются свергнуть и путинский режим. Именно эта мрачная паранойя окрашивала и направляла многие их действия с тех пор.

И вновь Путин и его ближний круг ответили тем, что пошли ва-банк, представляя Россию осажденной страной. События на Украине и в Грузии будут определять действия путинского Кремля на многие годы вперед. Видя себя участниками одновременно битвы за империю и битвы за самосохранение, они не могли допустить появления никакого внешнего влияния – и это, несомненно, сказалось на их решении отменить выборы губернаторов.

В декабре, всего за несколько дней до повторного голосования на Украине, Путин воспользовался своей ежегодной пресс-конференцией, чтобы обрушиться на Запад, который, по его словам, пытается изолировать Россию, раздувая революции в ее ближнем зарубежье. И вновь он связал это с потрясениями в Чечне: «Если это так, то тогда становится более понятной и политика Запада в отношении Чечни… как политика, направленная на создание элементов, которые бы дестабилизировали Российскую Федерацию». Революции в бывших советских республиках, утверждал он, были «спланированы в других местах», добавив, что американский миллиардер Джордж Сорос оплачивает зарплаты нового грузинского правительства.[2]

К тому времени, когда в апреле следующего года Путин выступил с ежегодным посланием Федеральному собранию, темы, которые он почерпнул у белых эмигрантов имперского прошлого, явно выходили на первый план. Щедро цитируя Ивана Ильина, религиозного философа, бежавшего от большевистской революции, и ссылаясь на Сергея Витте, реформатора и председателя правительства при последнем русском царе, Путин сказал, что Россия идет своим особым путем, к своей собственной судьбе. Ее демократия не будет следовать западным образцам. Распад Советского Союза, впервые сказал он нации, стал величайшей трагедией двадцатого века. «Многие думали тогда или делали вид, что думали, что наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом, является затянувшейся агонией советской системы. Ошиблись», – сказал он. Теперь страна выходила на новый этап развития: «Наше общество генерировало не только энергию самосохранения, но и волю к новой свободной жизни… Нам надо было найти

[1] Интервью автора с двумя близкими к Путину людьми: с одним в марте 2014 г., с другим в ноябре 2014 г.

[2] Simon Saradzhyan. President Lashes Out at the West // Moscow Times, 24 декабря 2004 г.

свой собственный путь для строительства демократического, свободного и справедливого общества и государства».[1]

До этого послания Путина почти целиком были посвящены экономике – мерам по удвоению ВВП, созданию «комфортной» жизни для российских граждан и более тесной интеграции страны в мировую экономику и в Европу. «Расширение Евросоюза должно не просто приблизить нас друг к другу географически, но и экономически, и духовно», – говорил он в послании всего годом раньше.[2] Но в речи этого года был иной поворот: «Россия должна продолжать свою цивилизаторскую миссию на евразийском континенте. Считаем исключительно важным международное обеспечение прав соотечественников за рубежом, и оно не может быть предметом политического и дипломатического торга».[3]

Россия размечала свою сферу влияния, пусть и с опозданием, в бывших советских республиках. Она вступила на новую траекторию – наводила мост к своему имперскому прошлому.

[1] Владимир Путин. Ежегодное послание Федеральному собранию, 25 апреля 2005 г., www.kremlin.ru/events/president/news/33219.

[2] Владимир Путин. Ежегодное послание Федеральному собранию, 26 мая 2004 г., www.kremlin.ru/events/president/news/31034.

[3] Владимир Путин. Ежегодное послание Федеральному собранию, 25 апреля 2005 г., www.kremlin.ru/events/president/news/33219.

ГЛАВА 9

«Аппетит приходит во время еды»

Когда в июне 2004 года Михаила Ходорковского в наручниках ввели в тесный зал московского суда, начался процесс, которому предстояло изменить курс российской экономики и подчинить судебную систему страны интересам путинских людей. Ходорковского не видели с момента его ареста на рассвете на сибирской взлетной полосе. Но теперь он был здесь, за решеткой металлической клетки, в которой, по драконовским правилам российских судов, сидят подсудимые, и его падение было очевидно всем. С фанерной трибуны сурово взирали три судьи-женщины с пышными прическами, а клетку окружала вооруженная охрана.[1]

В тот летний день в крошечном зале стояла удушающая жара. Адвокаты в строгих костюмах сидели плечом к плечу на наскоро сколоченных деревянных скамьях вместе с журналистами и родными Ходорковского, в том числе его пожилыми родителями. В воздухе висела пыль. Время от времени через открытое окно безнадежно долетали крики горстки протестующих: «Свободу!» Просто одетый, в джинсах и коричневом пиджаке, Ходорковский выглядел, как всегда, спокойным и сосредоточенным, когда просил освободить его под залог. Его содержание в течение последних восьми месяцев в печально известной московской «Матросской тишине», тихо сказал он, – это незаконное злоупотребление властью, которое придаст государству смелости преследовать других: «Мое дело – это прецедент для правосудия в целом; оно приведет к тому, что сотни людей будут содержаться под стражей до суда».[2]

Из одиннадцати месяцев разбирательства, из сотен часов перекрестных допросов и показаний в суде возникло дело, заложившее основы путинского государственного капитализма. Оно открыло путь путинским людям из КГБ к контролю над стратегическими «командными высотами» экономики страны и создало прецедент превращения судебной системы страны в продолжение длинной руки путинских силовиков. Процесс помог превратить всю правоохранительную систему – полицию, прокуратуру и суды – в хищническую машину, которая захватывала бизнес и устраняла политических соперников в интересах путинской правящей элиты. К тому времени, когда он закончился, тысячи бизнесменов ежегодно содержались под стражей до суда, и многих из них выпускали, только когда они соглашались отдать свой бизнес.[3] Это было самое грубое оружие в правовом арсенале силовиков, который в конце концов был поставлен на поток для сотрудников ФСБ и правоохранительных органов по всей стране – в крупных и мелких масштабах. Расправа с Ходорковским даст путинским силовикам такой карт-бланш, что к 2012 году более 50 процентов ВВП России оказалось под прямым контролем государства и тесно связанных с Путиным бизнесменов, – огромный и стремительный разворот со времен процесса над

[1] Catherine Belton. Ex-Yukos Chiefs Face Trial Together // Moscow Times, 17 июня 2004 г.

[2] Peter Baker. Russian Oil Tycoons Lose Bid for Release // Washington Post, 17 июня 2004 г.

[3] См.: Leonid Ragozin. When Russian Officials Nightmare Your Business, You Can Lose Everything – Even Your Life // Bloomberg, 29 января 2018 г. Ситуация обострится до такой степени, что к 2015 году будет возбуждено 200 тысяч уголовных дел, связанных с бизнесом, из которых до суда дойдут лишь 46 тысяч. Тем не менее 83 процента бизнесменов, фигурировавших в этих 200 тысячах дел, лишились своего бизнеса. Дополнительные данные о содержании предпринимателей под стражей до суда, достигшем пика в 2016 году – 6856 человек, см. также: Kathrin Hille. Business Behind Bars // Financial Times, 10 августа 2018 г.

Ходорковским, когда более 70 процентов экономики находилось в частных руках.[1] Это также подпитывало огромную теневую экономику черного нала для возрождающихся спецслужб, частично получаемого из взяток при вымогательстве, – она обеспечивала целому легиону сотрудников ФСБ и других правоохранительных органов навороченные «Хаммеры» и дворцовые квартиры, стоимость которых намного превышала их официальные зарплаты. Она давала силовикам беспрепятственный доступ к инсайдерским сделкам, приносившим им триллионы рублей наличными, которые припрятывались, а затем отмывались на счета на Западе.

Процесс, мягко говоря, изменил все. Он проходил в то самое время, когда путинские люди закреплялись на позициях в борьбе за то, что они считали воскрешением своей страны вопреки силам Запада, – на фоне Беслана и революций на Украине и в Грузии. С их точки зрения, захват ЮКОСа был ключевым элементом восстановления имперской славы страны, усиления контроля над нацией – и над ее финансовыми потоками. По крайней мере, так они оправдывали это перед собой тогда. «КГБ увидел, что создал чудовище Франкенштейна, живущее собственной жизнью и называющееся капитализмом, – говорит бывший советник Ходорковского Кристиан Мишель. – Они видели, как олигархи, которых они помогли создать, теперь зарабатывают миллиарды, а им ничего не достается. И тогда они начали забирать ресурсы обратно во имя страны. Они говорили себе: "Мы возвращаем ресурсы, которые принадлежат нации. Иначе контроль купят американцы"».[2]

Это удобное мифотворчество было не только движущим мотивом – оно и позволяло им действовать как вздумается. В их представлении они были хранителями возрождения России; они говорили себе, что они спасители России и заслуживают того, чтобы сколотить собственные состояния. Как и советские руководители до них, они были олицетворением государства, их интересы полностью совпадали. Но если раньше государство было синонимом партии, то теперь они собирались открыть эпоху государственного капитализма, при которой границы между стратегическими интересами государства и их собственными личными интересами станут почти неразличимыми. «Они представляли все это как служение высшей цели. Но это была и личная алчность, и вот здесь начались проблемы», – говорит Мишель.

Идея о том, что государство вернет себе командные высоты экономики, нашла готовую поддержку у населения, которое возмущалось миллиардерами ельцинской эпохи не меньше путинских людей из КГБ. Путин выразил это всеобщее недоброжелательство, когда всего за неделю до ареста Ходорковского вновь обрушился на магнатов девяностых за попытки создать систему «олигархического правления»: «У нас есть категория людей, которые стали миллиардерами, как у нас говорят, в одночасье. Их государство назначило миллиардерами. Просто раздало огромное количество имущества практически бесплатно. А потом по ходу пьесы у них возникло впечатление, что боги спали у них на голове, что им все дозволено».[3] Кремль даже пытался представить борьбу с ЮКОСом как часть борьбы с терроризмом. Через

[1] По данным ЕБРР и Владимира Милова, бывшего заместителя министра энергетики и независимого экономиста; интервью автора с бывшим государственным чиновником, 2012 г.; см. также: «Российский антимонопольный регулятор говорит о росте присутствия государства в экономике» // Ведомости, 6 мая 2019 г. В материале приводятся слова Федеральной антимонопольной службы о том, что к 2013 году доля государства в ВВП России превысила 50 процентов.

[2] Интервью автора с Мишелем, январь 2013 г.

[3] Интервью Владимира Путина газете New York Times, 5 октября 2003 г., www.nytimes.com/2003/10/05/international/06PTEXT-CND.html.

три недели после теракта в Беслане уже подконтрольное государству НТВ показало странный заказной сюжет, утверждавший – без каких-либо доказательств, – что Ходорковский и его партнеры финансировали чеченских террористов.[1]

Первым открыто дал понять, что грядет, Сергей Иванов, близкий соратник Путина по КГБ из Санкт-Петербурга, к тому времени министр обороны. «Государство не должно терять контроль над стратегическими отраслями экономики, – сказал он в ноябре 2003 года, через месяц после ареста Ходорковского. – Мы должны контролировать уровень добычи нефти и разведку… Советский Союз вложил огромные средства в разведку и разработку месторождений, а теперь руководители нефтяных компаний получают от этого огромные прибыли. В любом случае нефтяные скважины и ресурсы – это государственная собственность, а не частная. Поэтому государство имеет полное право контролировать этот процесс».[2]

Но хотя сигналы о грядущем повороте в управлении Россией были ясными, западные правительства, похоже, не думали, что он окажется настолько далеко идущим, каким он оказался. Поначалу американские официальные лица не могли понять, нацелена ли кампания только на Ходорковского или же она знаменует более широкие усилия по установлению контроля над энергетическим сектором.[3] Они не осознавали, что это начало захвата всей правовой и политической системы и что ресурсы, которые накопят путинские люди из КГБ, в конечном счете будут обращены против Запада. Хотя Сергей Иванов ясно дал понять об их стремлении усилить контроль государства, он и остальные путинские люди старательно настаивали, что это не означает пересмотра приватизаций девяностых, что дело против Ходорковского касается одного зарвавшегося олигарха, что права собственности будут соблюдаться и что Россия по-прежнему остается рыночной экономикой, нацеленной на интеграцию с Западом.

Резкой реакции американской администрации на его арест, на которую рассчитывал Ходорковский и которая, как он полагал, приведет к его скорому освобождению, так и не последовало. Реакция, напротив, была приглушенной. Отдельные политики, такие как сенатор-республиканец Джон Маккейн, а также Джордж Сорос – миллиардер, валютный спекулянт, ставший филантропом, – призывали исключить Россию из элитной «Большой восьмерки» промышленно развитых стран, которая расширилась, включив ее, лишь после того, как Путин стал президентом. Но только Маккейн, похоже, сознавал возможные последствия государственного наступления на ЮКОС: «Ползучий переворот против сил демократии и рыночного капитализма в России угрожает основам американо-российских отношений и вызывает призрак новой эпохи холодного мира между Вашингтоном и Москвой, – заявил он в Сенате США в ответ на арест Ходорковского. – Соединенные Штаты не могут поддерживать нормальные отношения, не говоря уже о партнерстве, со страной, у которой, похоже, все больше общего с ее советскими и царскими предшественниками, чем с тем современным государством, которое, по словам Владимира Путина, он стремится построить».[4]

---

[1] Catherine Belton. NTV Speculates on Yukos, Terrorists // Moscow Times, 27 сентября 2004 г.

[2] Илья Булавинов. «Сергей Иванов: Это не смена эпох, а наведение порядка» // Коммерсант, 17 ноября 2003 г.

[3] Catherine Belton. Kremlin Playing Oil Game for Keeps // Moscow Times, 29 декабря 2003 г.

[4] John McCain. Выступление в Сенате, 4 ноября 2003 г., https://www.aei.org/research-products/speech/senator-mccain-decriesnew-authoritarianism-in-russia/.

Но для администрации Джорджа Буша все в основном шло своим чередом. В те дни, после терактов 11 сентября, в центре внимания было сотрудничество в борьбе с терроризмом. Поэтому важно было сохранять открытыми каналы связи с Россией, особенно теперь, когда Россия начала убеждать Запад в связях чеченских повстанцев с глобальным терроризмом. США также все больше зависели от помощи Москвы в Афганистане, в том числе от предоставления транспортного маршрута через Россию для военных грузов. «Как минимум администрация не хотела, чтобы Россия мешала тому, что хотели делать США, – говорит Томас Грэм, тогдашний директор по России в Совете национальной безопасности США. – Например, были разногласия по Ираку, и в лучшем случае она хотела помощи в борьбе с терроризмом, как мы видели в Афганистане».[1]

Тем не менее администрация выражала обеспокоенность заключением Ходорковского и захватом ЮКОСа государством в нескольких обращениях к Кремлю, говорит Грэм. «Но администрация тогда не особенно сосредотачивалась на внутренних событиях в России». По его словам, тогда не казалось, что Россия отступает от демократии, а усилия Путина по восстановлению мощи государственного аппарата после хаоса ельцинских лет не считались чем-то плохим. Вынужденный отъезд медиамагнатов Владимира Гусинского и Бориса Березовского и передача их телеканалов государству рассматривались как внутреннее дело. Ни того ни другого не считали сторонником демократии, говорит Грэм. Они использовали свои медиаимперии для продвижения собственных интересов.[2] Ходорковский же, однако, поднялся до олигарха иного класса с тех пор, как начал избавляться от образа «барона-грабителя» и стремиться к лучшему корпоративному управлению – а также к продаже своей нефтяной компании американцам. «Но с точки зрения администрации это не было чем-то настолько серьезным, чтобы заставить нас отступить и изменить политику в отношении России».[3] По сути, несмотря на все его усилия по налаживанию связей в Америке, правительство США бросило Ходорковского на съедение волкам.

Для мировых инвесторов, сделавших ставку на рыночное преобразование России, арест Ходорковского и последующий захват его компании были, однако, гораздо более значимыми. С момента ареста и заморозки государством 44-процентного пакета Ходорковского в ЮКОСе взоры инвесторов были прикованы к компании и к тому, попытается ли государство использовать процесс над Ходорковским, чтобы ее раздробить. ЮКОС был крупнейшим производителем нефти в России, добывавшим больше нефти, чем Кувейт. Он стал самой известной компанией страны, флагманом западных инвестиций, и любой шаг государства против него мог предвещать более широкий пересмотр рыночных реформ. Инвесторы опасались, что чем дольше Ходорковский остается в тюрьме, тем выше риск, что силовики захватят его компанию, а это погубит инвестиционную привлекательность всего российского рынка.[4] Они боялись повторения того, как обошлись с Гусинским из-за НТВ, и того, что заключение Ходорковского используют, чтобы вынудить его отдать свои акции, – тактики, впервые отточенной путинскими людьми из КГБ в Санкт-Петербурге. Несмотря на высокие

[1] Интервью автора с Томасом Грэмом, сентябрь 2018 г.

[2] Грэм, например, всегда был трезвым скептиком, который еще в девяностые, раньше своих коллег, указывал на опасность рассматривать российскую политику ельцинской эпохи как черно-белую борьбу между молодыми реформаторами Ельцина и коммунистами. Будучи тогда дипломатом в Москве, он указывал на риски, которые клановая политика олигархов несет демократии. Подробнее см.: Hoffman. The Oligarchs, pp. 322–323.

[3] Интервью автора с Грэмом, сентябрь 2018 г.

[4] Belton. Kremlin Playing Oil Game for Keeps.

мировые цены на нефть и подъем экономики, российский фондовый рынок в тот год был одним из худших в мире по динамике, а акции ЮКОСа потеряли более половины стоимости по сравнению с пиком предыдущей осени.[1] Ближайший партнер Ходорковского Леонид Невзлин уже предложил, чтобы акционеры «Менатепа» уступили контроль над ЮКОСом государству в обмен на освобождение «заложников», пояснив, что предает огласке то, что ежедневно слышит от посредников, предлагающих закулисные сделки.[2]

Но в этом случае подобные предложения провалились с треском в путинском Кремле, который все еще отчаянно стремился удержать на своей стороне западных инвесторов – и Запад в целом. Люди из КГБ понимали, что каждый их шаг должен быть тщательно продуман. Процесс заключения Ходорковского под стражу по обвинению в мошенничестве и уклонении от уплаты налогов должен был выглядеть законным – как часть процесса, оправдывающего раздробление и захват ЮКОСа государством и способного под определенным углом зрения показаться приемлемым в глазах Запада. В те дни путинское окружение еще опасалось последствий международных судебных разбирательств. Они стремились обеспечить более глубокую интеграцию России в мировые рынки и знали, что им нужны западные инвестиции для продолжения экономического подъема страны и для построения такой разновидности государственного капитализма, при которой они могли бы расширяться – и проникать – на Запад, не воспринимаясь как угроза.

Поэтому вместо того чтобы грубо захватить принадлежавшие «Менатепу» акции ЮКОСа, они развернули изощренную правовую кампанию, в которой процесс над Ходорковским был лишь одним из элементов «смерти от тысячи порезов». Так зарождался изощренный процесс, при котором жестко контролируемые судебные постановления и судебная система служили прикрытием для экспроприации, проводимой силовиками.[3]

Этот процесс намного облегчал переход девяностых, проходивший без всяких правил, когда олигархи, в том числе Ходорковский, могли перекраивать среду в свою пользу, попирая права миноритарных инвесторов и других, а приватизации подтасовывались. Большинство бизнесменов действовало тогда почти в правовом вакууме: государство настолько ослабло, что едва могло обеспечивать исполнение каких-либо законов. Судебную систему и правоохранительные органы по сути можно было купить. Но теперь, когда путинские люди из КГБ захватили Кремль, они начали полностью переворачивать ситуацию. В деле Ходорковского суть заключалась в том, что судебные решения по существу диктовал Кремль. Слушания изобиловали процессуальными нарушениями, законы применялись задним числом и избирательно. Вместо того чтобы укреплять институты и искоренять злоупотребления прошлого, союзники Путина просто захватили их, присвоив себе монополию на злоупотребление властью.

Им помогало то, что многие российские законы были полны лазеек, позволявших легко обвинить кого угодно в их нарушении. В такой среде законы допускали произвольное толкование и значили гораздо меньше, чем система мафиозных «понятий», или

[1] Andrew Jack. Facing Judgment: Turmoil at Yukos Drains Investors of Their Confidence in Putin's Russia // Financial Times, 16 июня 2004 г.

[2] Catherine Belton. Nevzlin Offers Shares for Freedom // Moscow Times, 17 февраля 2004 г.

[3] Подробнее об изощренном использовании судебных постановлений в России и о том, как оно укоренилось, см. статью Томаса Файрстоуна (бывшего постоянного юридического советника Министерства юстиции США при посольстве США в Москве): Thomas Firestone. Criminal Corporate Raiding in Russia // The International Lawyer, Vol. 42, No. 4 (Winter 2008), pp. 1207–1229.

договоренностей между своими, по которой, чтобы выжить, нужно было оставаться в ладу с Кремлем.

К тому времени, когда Ходорковский предстал перед судом в первый день процесса, ЮКОС предупредил, что находится на грани банкротства. Прокуратура предприняла параллельную атаку, чтобы взять компанию в осаду, предъявив ей задним числом требование об уплате 3,4 миллиарда долларов недоимок за 2000 год. Инвесторы опасались, что цель состоит в том, чтобы намеренно обанкротить ЮКОС и позволить государству взять его под контроль. Иностранные кредиторы уже опасались, что компания не сможет выплатить кредит в 1 миллиард долларов.[1] Правительственные чиновники во главе с министром финансов Алексеем Кудриным, технократом либерального толка, давно были недовольны использованием нефтяными компаниями внутренних офшорных зон для минимизации налоговых платежей. Но ЮКОС был далеко не единственной компанией, применявшей такие схемы, законные в то время по российскому праву. Эффективная налоговая ставка ЮКОСа была на уровне других частных нефтяных компаний, таких как «Сибнефть» Романа Абрамовича и ТНК-ВР.[2] Хотя инвесторы опасались, что подобные налоговые претензии могут быть предъявлены и другим, Кремль и послушные западные банкиры старательно настаивали, что дело касается одного лишь Ходорковского.

Показателем изощренности Кремля было то, что на следующий день после первого появления Ходорковского за решеткой в московском суде Путин выступил публично с редкими для этого дела заверениями для инвесторов. Находясь с официальным визитом в соседней бывшей советской республике Узбекистане, он сыграл роль великодушного лидера, еще больше подчеркнув поворот в судьбе Ходорковского. «Официальные власти Российской Федерации, правительство, экономические власти страны не заинтересованы в банкротстве такой компании, как ЮКОС», – сказал он. Испытавшие облегчение инвесторы за один день подняли курс акций ЮКОСа на 34 процента. Но Путин оставил себе лазейку, благодаря которой видимость надлежащей правовой процедуры в независимой судебной системе служила прикрытием для захвата активов государством: «Правительство будет делать все, чтобы не допустить развала компании. А что происходит в судах – это отдельный вопрос. Суды должны сами об этом говорить».[3]

Он, разумеется, не упомянул, что все происходящее в судах к тому времени находилось под непосредственным контролем его ближайшего соратника, заместителя руководителя администрации Игоря Сечина, который с самого начала курировал и двигал вперед правовую атаку на Ходорковского. Словно для того, чтобы обеспечить тесную координацию, Сечин даже породнился с генеральным прокурором Владимиром Устиновым: его дочь вышла замуж за сына Устинова в ноябре 2003 года – как раз тогда, когда началась правовая атака. Сутулый бывший офицер КГБ, со своего наблюдательного поста руководивший кампанией, не видел в ней ничего, кроме возможностей.

Для Сечина дело ЮКОСа было уникальным шансом подняться над положением вечно угодливого слуги Путина. Годами он носил за Путиным портфель и стоял на страже доступа к нему; теперь он мог обратить свое положение себе на пользу. Один человек из кремлевского

[1] Catherine Belton. Banks Warn that Yukos May Default // Moscow Times, 27 апреля 2004 г.

[2] Jack. Facing Judgment. Несмотря на то что руководство ЮКОСа настаивало на законности всех своих действий, накануне начала процесса над Ходорковским оно дало понять, что предложило правительству сделку, по которой компания могла бы выпустить акции, чтобы погасить налоговый долг.

[3] Catherine Belton. Putin Tip Powers Yukos Recovery // Moscow Times, 18 июня 2004 г.

круга как-то пожаловался мне, что Сечин намеренно «потерял» указ, который тот согласовал с Путиным: «Все спрашивали, где он. Его не опубликовали. Путин сказал, что подписал его и отдал Игорю… Я пошел к Сечину, а он говорит: "Ой, наверное, за шкаф завалился. У меня тут столько бумаг". И так продолжалось и дальше. Он делал это, чтобы показать, что решения принимает он и он решает, будет что-то сделано или нет, и что решать вопросы я должен идти к нему».[1]

Дело ЮКОСа давало Сечину возможность расширить свою опору во власти и создать собственную вотчину. «Он понимал, что это шанс убить двух зайцев одним выстрелом, – говорит Александр Темерко, один из бывших крупных акционеров ЮКОСа. – Забрать актив и использовать дело, чтобы взять под контроль правоохранительную систему». Когда дочь Сечина вышла замуж за сына генпрокурора, «это стало семейным бизнесом».[2]

Темерко был единственным акционером ЮКОСа, оставшимся в Москве, чтобы попытаться найти выход из тупика. Все остальные деловые партнеры Ходорковского, с которыми он основал империю «Менатеп», в том числе Невзлин, опасаясь ареста, бежали из России, в основном в Израиль. Но Темерко был иным. Когда-то под его началом работали генерал-полковники и генералы армии, и он был, по существу, неприкасаем.[3] В начале президентства Ельцина он возглавлял государственный военный комитет. Он сблизился с рядом министров обороны ельцинской эпохи и руководил стратегическим государственным оружейным концерном. Он знал Ходорковского еще с комсомольских времен и помог ЮКОСу получить крупный контракт на поставку топлива армии.[4] Темерко был лоббистом высшей пробы – обаятельный и вспыльчивый, с круглым брюшком и густыми усами. Если кто-то и мог договориться о выходе из противостояния с Кремлем, то именно он. Он стоял одной ногой в мире Ходорковского, а другой – в мире мутных силовиков, управлявших путинским Кремлем: его деловые партнеры говорили, что он близок к ястребиному главе ФСБ Николаю Патрушеву.

Западные инвесторы возлагали надежды на переговоры на двух американских нефтяников, остававшихся в руководстве ЮКОСа: Стивена Тиди, ранее работавшего в ConocoPhillips, и Брюса Мизамора, техасца из Marathon Oil. Оба хорошо разбирались в западных методах управления, это были трудолюбивые американцы, ездившие на работу на московском метро. Но в византийских лабиринтах кремлевских переговоров они были совершенно не в своей стихии. Для этого годился только Темерко. За кулисами он взял на себя роль закулисного посредника, порой просиживая по восемь часов подряд в кремлевской приемной Сечина в ожидании возможности поговорить. Однажды он попытался обойти Сечина и выйти со своим делом прямо на Путина, договорившись с одним высокопоставленным кремлевским чиновником, что сможет выскользнуть через черный ход с заседания Совета безопасности, чтобы перехватить президента. Но Сечин узнал об этом плане и в гневе преградил ему путь. «Передавать президенту лично разумные предложения было работой Сечина, – говорит Темерко. – Но он все время говорил: "Это некорректно, это неразумно". И мы возвращались к исходной точке».[5]

[1] Интервью автора с человеком из кремлевского круга, июнь 2017 г.

[2] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

[3] Там же. Темерко сказал, что, работая с Министерством обороны, был гражданским лицом, но под его началом работали генерал-полковники и генералы армии.

[4] Там же.

[5] Там же.

С самого начала люди Ходорковского вели заведомо проигранную битву. В начале июля, менее чем через три недели после успокаивающих заявлений Путина, давление на ЮКОС усилилось еще больше. Система, которую строил президент, показала свое истинное лицо. Десятки государственных агентов провели обыск в штаб-квартире ЮКОСа в одной из самых сверкающих новых московских офисных башен, изъяли компьютерные серверы, а затем заморозили банковские счета компании.[1] Словно для пущей убедительности, налоговики с оружием лично вручили Стивену Тиди новое требование об уплате 3,4 миллиарда долларов недоимок за 2001 год. Это удваивало налоговые претензии к компании в тот момент, когда она не смогла оплатить и предыдущие, а срок вот-вот истекал. «Это ее убьет», – сказал Игорь Юргенс, видный член лоббистской организации олигархов.[2]

В последующие после обыска дни Ходорковский из своей тюремной камеры публично выступил с новым предложением передать долю «Менатепа» в ЮКОСе для погашения налогового долга.[3] Высшее руководство ЮКОСа во главе с Тиди и Мизамором предложило план реструктуризации, который позволил бы компании выплатить 8 миллиардов долларов недоимок за три года – если бы только правительство разморозило счета ЮКОСа, чтобы это стало возможным.[4]

Все эти усилия ни к чему не привели. Переговоры продолжались весь июль, как вдруг правительственная сторона объявила, что вместо принятия какого-либо из планов реструктуризации намерена продать главное добывающее подразделение ЮКОСа, «Юганскнефтегаз», чтобы покрыть налоговые долги.[5] На него одно приходилось 60 процентов всей добычи ЮКОСа – больше нефти, чем добывала Ливия. Это решение вновь потрясло рынок. Раздробление ЮКОСа стало реальностью. Всего через несколько дней после этого объявления Сечин, координировавший атаку из-за кулис, раскрыл свои карты. Его назначили председателем совета директоров государственной нефтяной компании «Роснефть»[6], и слухи о том, что «Роснефть» охотится за активами ЮКОСа, внезапно обрели вес.

С каждым скоординированным ударом по ЮКОСу власть Сечина росла. Из верного заместителя Путина, свирепого привратника, контролировавшего информацию и доступ к президенту, он превращался в самостоятельного могущественного игрока. На протяжении всех переговоров он играл роль услужливого помощника, предлагая поговорить с Министерством по налогам и сборам и Министерством юстиции и передать предложения Путину, чтобы помочь переговорам «Менатепа». «Поначалу он старался дистанцироваться. Он никогда не говорил, что руководит процессом, – говорит Темерко. – Но каждый раз, когда нам казалось, что мы приходим к пониманию, они арестовывали еще один счет, чтобы мы не могли заплатить». Сечин с сожалением качал головой и говорил Темерко, как ему жаль, что они не смогли договориться. «Он говорил нам, что мы не способны договариваться. Но на самом деле его позиция состояла в том, чтобы толкать нас на все новые уступки и раскрытие информации».[7]

---

[1] Catherine Belton. Police Surround Yukos Headquarters // Moscow Times, 5 июля 2004 г.

[2] Peter Baker. Court Defeat Brings Yukos to Verge of Bankruptcy // Washington Post, 4 июля 2004 г.

[3] Catherine Belton. Khodorkovsky Offers Deal, Deadline Passes // Moscow Times, 8 июля 2004 г.

[4] Erin E. Arvedlund. Yukos Says it Offered to Pay $8 Billion in Back Taxes // New York Times, 12 июля 2004 г.

[5] Valeria Korchagina. Yukos Production Unit to be Sold // Moscow Times, 21 июля 2004 г.

[6] Denis Maternovsky. Putin Aide Named Head of Rosneft // St Petersburg Times, 30 июля 2004 г.

[7] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

Тем не менее правительство старалось удержать западных инвесторов на своей стороне. Оно обещало продать главное добывающее подразделение ЮКОСа, «Юганск», по справедливой рыночной цене; но проведение оценки было поручено московскому отделению Dresdner Bank, которое возглавлял один из ближайших союзников Путина, Маттиас Варниг, бывший агент Штази, работавший с ним в Дрездене.[1] Под капель новостей и непрерывный поток новых атак западный рынок привыкал к мысли, что ЮКОС будет раздроблен, и к тому времени, когда правительство объявило о продаже «Юганска», западные нефтяные мейджоры уже предлагали помочь забрать его у Ходорковского. Эти предложения подрывали предостережения американской администрации Кремлю по делу ЮКОСа. «Проблема была в том, что каждый раз, когда мы говорили русским, что их действия отрицательно скажутся на инвестиционном климате в России, какая-нибудь из западных компаний выступала с предложением купить ЮКОС, – говорит Томас Грэм. – Тогда в Кремль поступило два или три предложения купить акции ЮКОСа и помочь смягчить проблемы, которые возникнут у России с имиджем».[2]

Эти предложения также подтверждали давний циничный взгляд Путина на то, что на Западе можно купить кого угодно и что коммерческие соображения всегда перевесят любые моральные и прочие. И вскоре Кремль начал новое масштабное наступление обаяния, чтобы заручиться поддержкой западных инвесторов в захвате активов государством.

* * *

К тому времени Кремль начал действовать довольно ловко. За кулисами западные инвестиционные банкиры, в том числе американский гражданин Чарльз Райан, возглавлявший другую московскую брокерскую компанию, United Financial Group, консультировали правительство по захвату ЮКОСа. Когда в середине сентября Путин объявил, что в ответ на трагедию в Беслане отменяет одно из крупнейших достижений российского перехода к демократии – выборы губернаторов, – эта новость могла бы выглядеть зловеще на фоне все более явных усилий государства раздробить и захватить ЮКОС.

Но у Путина был для иностранных инвесторов приятный сюрприз. На следующий день после того, как Кремль объявил об отмене губернаторских выборов, он сообщил рынку о планах создать крупнейшую энергетическую компанию мира, объединив подконтрольный государству газовый гигант «Газпром» с последней оставшейся у государства крупной нефтяной компанией «Роснефть». Возникший колосс контролировал бы вторые по величине запасы в мире после саудовской Aramco и был бы впятеро крупнее своего ближайшего западного аналога ExxonMobil. В отличие от Aramco, западные инвесторы могли бы приобрести в нем долю.[3]

Предлагаемая сделка свидетельствовала о дерзких глобальных амбициях Путина и его окружения в то время, когда из-за потрясений на Ближнем Востоке на Западе рос интерес к роли России как поставщика энергоносителей. Это был крутой разворот по сравнению с ситуацией всего полугодовой давности, когда премьер-министр Михаил Касьянов хотел в рамках либеральных реформ разделить «Газпром», чтобы ослабить его монопольное положение в газовом секторе. Путин наотрез это отверг, и новый план слияния газовой

[1] Guy Faulconbridge. Dresdner Will Set a Price for Yugansk // Moscow Times, 13 августа 2004 г.

[2] Интервью автора с Грэмом, сентябрь 2018 г.

[3] Gregory L. White, Chip Cummins. Russia to Form Energy Giant Open to West But Led by Kremlin // Wall Street Journal, 15 сентября 2004 г.

монополии с «Роснефтью» был ярким символом намерения правительства установить господство государства в энергетике.

И все же для западных инвесторов новость была хорошей. Усиление государственного контроля над экономикой, которого они давно опасались, сочеталось с заманчивой перспективой получить кусок огромного нового энергетического гиганта. Сделка увеличила бы долю государства в объединенной компании «Газпром-Роснефть» до контрольных 51 процента, автоматически сняв ограничения на объем акций «Газпрома», которыми могли владеть иностранные инвесторы. Планы снять эти ограничения – так называемый «забор» – путинское правительство обдумывало давно; теперь, похоже, они наконец получили зеленый свет, что немедленно подняло курс акций. Западные инвесторы облизывались, предвкушая, сколько денег они заработают на торговле акциями предполагаемого нового государственного колосса. «Это будет крупнейшая в мире нефтегазовая компания, в которую могут инвестировать иностранцы, в то время когда цены на нефть и газ взлетают до небес», – говорил Уильям Браудер, глава Hermitage Capital Management, владевшей значительным пакетом акций «Газпрома»[1], добавляя, что это «своего рода сахар, чтобы легче было проглотить лекарство ЮКОСа».[2] Иэн Хейг, глава нью-йоркского фонда Firebird, описал кремлевское предложение прямее: «Они покупают лояльность сообщества иностранных инвесторов, создавая то, что выглядит как политическая диктатура. И это работает».[3]

Для некоторых это было началом прекрасной дружбы: Кремль давал понять, что иностранные инвестиции приветствуются, пока контроль остается в руках путинских людей. Беспокойство по поводу разгрома ЮКОСа улеглось, и инвесторы выстроились в очередь, чтобы присоединиться к новому государственному гиганту. Единственным, кого эта перспектива, похоже, не обрадовала, был председатель совета директоров «Роснефти» Игорь Сечин: планируемое объединение «Роснефти» с «Газпромом» грозило поставить крест на его мечтах о собственном государственном энергетическом гиганте.

Пока Сечин кипел от злости, драма вокруг предполагаемой продажи «Юганска» была далека от завершения. Согласно утечке, Dresdner Bank оценил добывающее подразделение в сумму от 15,7 до 17,3 миллиарда долларов, что, похоже, соответствовало справедливой, по мнению рынка, цене[4], и западные менеджеры ЮКОСа поверили, что после продажи «Юганска» у компании останутся средства, чтобы сохранить остальную ее часть. Но в конце ноября того же года всякая надежда на это была безвозвратно разрушена, когда Министерство юстиции не только объявило стартовую цену государственного аукциона по «Юганску» в 8,65 миллиарда долларов – гораздо ниже диапазона Dresdner, – но и предъявило ЮКОСу еще два огромных налоговых требования за 2002 и 2003 годы.[5] Налоговый счет ЮКОСа вырос до колоссальных 24 миллиардов долларов – более чем вчетверо больше изрядно потрепанной рыночной капитализации компании. Руководству ЮКОСа стало слишком ясно, что игра окончена и что остальную часть компании раздробят и продадут за бесценок.

[1] Там же.

[2] Peter Baker. Russia State Gas, Oil Firms Merge; Aim is to Create Dominant International Supplier // Washington Post, 15 сентября 2004 г.

[3] Catherine Belton. Gazprom to Grab Rosneft, Alter Market // Moscow Times, 15 сентября 2004 г.

[4] Guy Faulconbridge. Second Leak Puts Fair Price on Yugansk // Moscow Times, 4 октября 2004 г.

[5] Guy Faulconbridge. Yugansk Goes on the Block for $8.6 Billion // Moscow Times, 22 ноября 2004 г.

Если послание было еще недостаточно громким, то в ночь перед объявлением новых налоговых претензий вооруженная полиция провела обыски в домах десятков менеджеров ЮКОСа, которые говорили, что это напоминает сталинские чистки 1937 года. Они «боятся ночевать дома, боятся за своих родных», говорил один из менеджеров.[1] Это послание было донесено и до западных нефтяников, которых Ходорковский привел в ЮКОС как символ перехода к лучшему управлению. Добродушный финансовый директор из Техаса Брюс Мизамор в тот день был в Лондоне. Пока он раздумывал, рискнуть ли лететь обратно в Россию, ему позвонил Темерко и предупредил, что по прилете его арестуют.[2] Мизамор так и не вернулся. То же касалось и Стивена Тиди, занимавшего пост президента ЮКОСа с июня 2004 года. Он тоже был в тот день за границей по делам, но обыск полиции в его кабинете ясно дал понять, что возвращаться в Москву ему не следует. Низкая цена продажи «Юганска», объявленная правительством, по его словам, представляла собой «организованную правительством кражу для сведения политических счетов».[3]

Брюсу Мизамору стало ясно, что все усилия руководства добиться урегулирования были напрасны. Шквал налоговых претензий в последний момент, доведший общую сумму до более чем 24 миллиардов долларов, позволит распродать все активы ЮКОСа по частям подконтрольным государству компаниям. Мизамор считал, что такова и была с самого начала цель Кремля. Заморозка активов и банковских счетов гарантировала, что компания никогда не сможет погасить долги. «Сначала мы думали, что если заплатим деньги, они, может быть, отстанут, – говорил он. – Мы использовали самые разные способы, чтобы выйти на нужных людей в Кремле и договориться об урегулировании. Они водили нас за нос, и нам казалось, что мы уже очень близки к урегулированию, но потом кто-нибудь встречался с Путиным, и все снималось с повестки».[4]

И Александру Темерко наконец стало очевидно, что переговоры были дорогой в никуда, что Сечин, Путин и его люди использовали их как прикрытие для захвата, поскольку им нужно было усыпить рынок и иностранных лидеров, внушив им веру в соблюдение надлежащих процедур. Но в конечном счете, говорит Темерко, «нам лгали. Они посылали все эти ложные сигналы. Некоторые высокопоставленные люди из окружения Путина говорили мне: "Это все игра". Они говорили: "Если уж начали грызть компанию, то будут грызть до конца, пока не доберутся до костей". Они, наверное, считали, что надо показать какой-то процесс, какую-то готовность к переговорам. Но когда все привыкли к происходящему, они рассудили: "А зачем нам договариваться? Все и так наше"». Оценка Dresdner Bank, постоянные приманки в виде возможных сделок были «типичными чекистскими маневрами. Они выдавали ложную информацию, а сами тем временем занимались своими делами».

Эту тактику путинский Кремль будет повторять снова и снова – вплоть до захвата Россией Крыма у Украины много лет спустя, в 2014 году. Тогда они поначалу утверждали, что внезапно появившиеся в Крыму войска не имеют к ним никакого отношения. Но как только аннексия Крыма была обеспечена, Путин признал, что это были российские силы. «Они лгали западным главам государств, – говорит Темерко. – Они говорили им, что мы преступники, но что они не собираются отбирать у нас компанию, просто хотят найти общий язык. Путин

[1] Там же.

[2] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

[3] Faulconbridge. Yugansk Goes on the Block for $8.6 Billion.

[4] Martin Sixsmith. Putin's Oil: The Yukos Affair and the Struggle for Russia, p. 175 (автор также беседовала с Мизамором).

много раз говорил: "Мы не хотим банкротить ЮКОС". А потом обанкротили. На ЮКОСе они впервые научились лгать. Теперь ложь уже профессиональная».[1]

Пока Россия готовилась продать «Юганск», между двумя главными группировками путинских силовиков разгоралась борьба за добычу. Ободренный поддержкой Путиным слияния с «Роснефтью», государственный газовый гигант «Газпром» вознамерился приобрести и «Юганск». Его поддерживали более либерально настроенные технократы в путинском правительстве во главе с министром финансов Алексеем Кудриным, стремившиеся не допустить дальнейшего роста власти Сечина – председателя совета директоров «Роснефти», их главного соперника и ведущего, самого ястребиного члена силового блока. Они добивались продажи «Юганска» по справедливой рыночной цене и хотели, чтобы «Газпром» получил для этого приобретения западный знак одобрения – поддержку западных институтов, предоставляющих многомиллиардные кредиты.[2] Они считали, что такой исход даст более приемлемую версию государственного капитализма, а Запад был более чем готов взаимодействовать на таких условиях. К тому времени, когда должен был состояться аукцион, «Газпром» договорился о крупнейшем кредите в корпоративной истории России – более 13 миллиардов долларов от синдиката банков во главе с немецкими Deutsche Bank и Dresdner Bank.[3] Он заручился и поддержкой тех самых американских энергетических мейджоров, Chevron и Exxon, которые когда-то были на пороге сделки с Ходорковским, а теперь были готовы обернуться против него. По словам двух осведомленных людей, теперь они обсуждали получение доли в «Юганске» в консорциуме с «Газпромом»[4], а британо-голландская Royal Dutch Shell также вела переговоры о доле.

Для Путина это был еще один пример того, как на Западе коммерческие соображения перевешивают озабоченность судьбой демократии. Но для партнеров Ходорковского в этой продаже не могло быть даже налета респектабельности, а попытки Кудрина придать ей легитимность участием западных институтов и компаний были не более чем прикрытием и предательством Западом собственных принципов. По их мнению, продажа «Юганска» была откровенной кражей, и они должны были сделать все, что в их силах, чтобы ее сорвать.

Все было готово к тому, что обещало стать продажей нового века для Кремля, – аукциону, на котором один из крупнейших призов нефтяной отрасли должен был вернуться в руки государства, да еще с одобрения и участием западных банковских институтов и нефтяных мейджоров. Но всего за четыре дня до намеченной продажи «Юганска» высшее руководство ЮКОСа, по-прежнему возглавляемое Тиди и Мизамором из лондонского изгнания, решилось на последний акт сопротивления. Удар последовал без всякого предупреждения: они тихо подали в суд Хьюстона заявление о банкротстве ЮКОСа по главе 11 американского Кодекса о банкротстве и добились временного запрета на продажу.[5] Западные покровители «Газпрома» внезапно отпали.[6] Менеджеры ЮКОСа утверждали, что компания находится под защитой американской правовой системы, поскольку американским

[1] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

[2] Интервью автора с Чарльзом Райаном – американским банкиром, возглавлявшим тогда Deutsche-UFG, московскую брокерскую компанию, 40 процентов которой принадлежало Deutsche Bank, и тесно работавшим с «Газпромом» и Кудриным над привлечением западных банков.

[3] Catherine Belton. Foreign Banks to Lend Gazprom $13.4 Billion // Moscow Times, 8 декабря 2004 г.

[4] Интервью автора с двумя осведомленными людьми: сентябрь 2018 г. и ноябрь 2013 г.

[5] Catherine Belton. Yukos Files for Bankruptcy Protection in Houston // Moscow Times, 16 декабря 2004 г.

[6] Catherine Belton. Report: Gazprom Loan Put on Hold // Moscow Times, 17 декабря 2004 г.

миноритарным инвесторам принадлежит 10 процентов ее акций, а сама нефтяная компания ведет в США «значительную деятельность».[1]

Этот шаг в последнюю минуту привел Путина в злобную ярость. «Я не уверен, что [судья] вообще знает, где находится Россия», – огрызнулся он.[2] Настаивая на том, что американские суды не обладают юрисдикцией над происходящим в России, Кремль продолжил подготовку к продаже. Но для «Газпрома» риски участия в аукционе стали слишком высокими. Принадлежавшая ему на Западе сеть активов – газовые хранилища, торговые узлы, совместные предприятия по распределению газа в Европе – делала его уязвимым для исков, если бы он попытался участвовать в торгах в нарушение американского постановления. Вместо этого был расчищен путь для новой попытки получить «Юганск» Игоря Сечина – силовика, которого многие в банковском сообществе стали называть «темным властелином» за склонность к интригам и безжалостное честолюбие. У его «Роснефти» на Западе не было никаких активов. Продажа «Юганскнефтегаза» должна была стать противоположностью закулисным залоговым аукционам, передавшим жемчужины советской промышленности в руки горстки магнатов с хорошими связями по бросовым ценам. Хотя ЮКОС называл ее кражей, российское правительство стремилось представить продажу как подчиняющуюся обычным правилам рынка. Словно для того, чтобы подчеркнуть отличие от закрытых продаж девяностых, журналистов пригласили наблюдать за аукционом, который транслировался в прямом эфире на два экрана в роскошном красном конференц-зале Российского фонда федерального имущества.[3] Это должно было стать новым прецедентом прозрачности. Но подача заявления о банкротстве в хьюстонский суд в последний момент обратила продажу в фарс. Ее по-прежнему транслировали для журналистов, но заявка была только одна, и никто не знал, кто за ней стоит. Из двух групп людей в строгих костюмах, сидевших за столами в небольшом обшитом деревом зале, опознать удалось только одну. Это были представители «Газпромнефти» – нефтяного подразделения «Газпрома», созданного всего за несколько недель до того. Двое других – высокий мужчина в сером костюме и полная женщина в очках – были совершенно неизвестны. Их компания зарегистрировалась для участия в аукционе всего за три дня до него, однако только они и сделали ставку. Высокий мужчина торжественно поднял табличку, предложив 9,37 миллиарда долларов – всего на 500 миллионов больше стартовой цены, а представители «Газпромнефти», позвонив куда-то по телефону, ставки так и не сделали. Долгожданная продажа закончилась внезапным ударом молотка аукциониста почти сразу после начала. Нефтедобывающее подразделение, добывавшее больше нефти, чем Ливия, было продано структуре, впоследствии названной «Байкал Финанс Груп», о которой никто никогда не слышал. Даже председатель Российского фонда федерального имущества Юрий Петров не имел о ней никакого представления. «Мы ничего не знаем об этой компании», – сказал он.[4] Выяснилось, что «Байкал Финанс Груп» была создана всего за две недели до того в дореволюционном здании над баром «Лондон» в провинциальной Твери.[5] Никто, казалось, не знал, кто ее владельцы. Но Путин точно знал, кто

[1] В том числе танкер сырой нефти, отправленный в Хьюстон в 2002 году.

[2] Alex Nicholson. Putin Defends Yukos Unit Sale // Associated Press, 23 декабря 2004 г.

[3] Guy Faulconbridge. Mystery Bidder Wins Yugansk for $9.4 Billion // Moscow Times, 20 декабря 2004 г.; Catherine Belton. Putin Says He Knows Mystery Buyer // Moscow Times, 22 декабря 2004 г.

[4] Belton. Putin Says He Knows Mystery Buyer.

[5] Andrew Osborn. Rumours Abound as Mystery Buyer is Tracked Down to London Bar // Independent, 21 декабря 2004 г.

стоит за победившей заявкой, и велел всем не беспокоиться. Люди, стоящие за компанией, имеют «многолетний опыт работы в энергетическом секторе», сказал он.[1] Выяснилось, что они связаны с двумя его ближайшими союзниками, одного из которых Ходорковский растоптал, захватив в девяностые Восточную нефтяную компанию, ВНК: Геннадием Тимченко, нефтетрейдером, работавшим с Путиным в Санкт-Петербурге, и Андреем Акимовым, бывшим советским государственным банкиром, финансировавшим нефтетрейдинговую компанию Тимченко и выдвинувшим конкурирующую заявку на ВНК. Людей, фактически делавших ставку от их имени на аукционе, опознали как менеджеров среднего звена «Сургутнефтегаза» – лояльной Кремлю нефтяной компании.[2] «Сургутнефтегаз» был главным поставщиком нефтетрейдинговой компании Тимченко, и к моменту продажи «Юганска» тот контролировал в нем значительный пакет, по словам бывшего заместителя министра энергетики Владимира Милова, бывшего партнера Тимченко и видного российского банкира, работавшего с Тимченко.[3] Тимченко заявлял, что никогда не владел пакетом «Сургутнефтегаза» более 0,01 процента. Его адвокаты заявили, что он не имел ни связи с «Байкал Финанс Груп», ни доли в ней.

Путинские союзники из КГБ наконец отомстили Ходорковскому за то, что он вытеснил их из ВНК. Они получили первый и самый крупный кусок ЮКОСа после более чем годичного закулисного маневрирования, в ходе которого убеждали Путина взяться за Ходорковского. Похоже, они наспех сколотили «Байкал Финанс Груп» как подставную компанию, чтобы свести к минимуму прозрачность своего участия в продаже и избежать правовых последствий постановления американского суда. Через четыре дня после продажи «Байкал Финанс Груп» перепродала «Юганск» сечинской «Роснефти».[4]

В одночасье «Роснефть» выросла из мелкой рыбешки стоимостью не более 6 миллиардов долларов в нефтяного гиганта мирового масштаба с активами стоимостью почти 30 миллиардов, попутно усилив позиции Сечина. Вместо того чтобы остановить распродажу, иск ЮКОСа о банкротстве привел к созданию новой силы для того силовика, который организовал бóльшую часть правовой кампании по уничтожению ЮКОСа.

Если бы «Газпром» смог приобрести «Юганск» чисто, без правовых рисков, то «Роснефть», скорее всего, тоже влили бы в «Газпром», выведя ключевой актив из-под влияния Сечина. Сечин, при всем своем могуществе, остался бы бюрократом. Но теперь компания, советом директоров которой он руководил, стала новым государственным нефтяным чемпионом, а сам он превратился из закулисного кремлевского игрока в самостоятельную экономическую силу. Его возросший вес предвещал проблемы для широко разрекламированного слияния «Роснефти» с «Газпромом». Сечин хотел, чтобы «Роснефть» осталась самостоятельной силой.

[1] Belton. Putin Says He Knows Mystery Buyer.

[2] Екатерина Дербилова, Ирина Резник, Светлана Петрова. «Победитель, похожий на "Сургутнефтегаз"» // Ведомости, 21 декабря 2004 г. Участниками торгов были названы Игорь Минибаев и Валентина Комарова, оба – менеджеры среднего звена «Сургутнефтегаза».

[3] Интервью автора с Миловым, ноябрь 2013 г., с бывшим деловым партнером Тимченко, июнь 2014 г., и с видным российским банкиром, май 2015 г.; согласно корпоративным документам, «Байкал Финанс Груп» была учреждена другой малоизвестной компанией, ООО «Макоил», принадлежавшей еще одному руководителю «Сургутнефтегаза», Александру Жерновкову, впоследствии вошедшему в совет директоров «Сургута». «"Байкал Финанс Груп" была структурой Геннадия Тимченко», – говорит один из бывших деловых партнеров Тимченко.

[4] Anna Raff. State-Owned Rosneft Buys Mystery Buyer of Yukos Unit Auction // Dow Jones Newswires, 23 декабря 2004 г.

Для одного из западных банкиров, тесно работавших с «Газпромом» над привлечением средств на покупку «Юганска», подача иска в Хьюстоне была не чем иным, как катастрофой, сместившей весь процесс в сторону усиления силовиков. Он считал, что либеральные технократы во главе с Кудриным, поддерживавшие «Газпром», были более благожелательной силой, которая обеспечила бы в будущем более дружественный инвесторам климат в России. «Мы готовили сделку, которая могла бы повысить прозрачность и усилить западное влияние, – говорит он. – Мы собирались привлечь к сделке одну из компаний, изначально собиравшихся прийти, – Exxon, Chevron или Shell, – чтобы она получила в ней долю. Мы собирались привести одну из этих компаний в качестве стратегического партнера. Но потом последовал судебный запрет, и плохие парни снова ворвались в игру. Власть, влияние и карьера Игоря [Сечина] должны были резко сократиться. Это была одна из безумных вещей, связанных с тем глупым американским судьей».[1]

Если западный банкир действительно верил, что продажа «Юганска» «Газпрому» улучшила бы соблюдение правовых процедур, он, вероятно, заблуждался. Важно было то, что эта продажа по сути была государственной экспроприацией, запущенной избирательным применением правительством налоговых претензий на десятки миллиардов долларов за схемы, законные в то время. Любое участие западных банков было бы не более чем показухой, а разочарование технократов, вероятно, было лишь проявлением кремлевской грызни за добычу. Продажа «Газпрому», возможно, выглядела бы для Запада приемлемее, но конечный результат был бы тем же.

Для Сечина, однако, это несомненно была победа. Для прозрачности – и для российского бюджета – это несомненно была еще одна потеря. Продажа, которую должны были финансировать западные банки, в итоге была оплачена через мутную схему с привлечением средств из российского бюджета. Хотя продажу «Юганска» якобы провели для погашения многомиллиардной налоговой задолженности перед российским бюджетом, данные Центрального банка показали, что федеральное казначейство в итоге перевело через государственный Внешэкономбанк 5,3 миллиарда долларов «Роснефти», чтобы помочь ей оплатить покупку.[2] Одним из крупнейших скандалов залоговых аукционов девяностых было широко распространенное убеждение, что олигархи финансировали покупки из средств федерального казначейства, хранившихся на счетах в их банках. Теперь оказалось, что «Роснефть» поступила почти так же. Но на этот раз скандалом почти не пахло. Об этой схеме написала лишь одна газета, деловой ежедневник «Ведомости», и лишь один государственный чиновник возвысил голос. Средства были возвращены в казначейство только в 2005 году, когда «Роснефть» и Внешэкономбанк заключили экстренную сделку о финансировании на 6 миллиардов долларов от китайских банков в рамках соглашения о поставках нефти, условия которого так и не были раскрыты.[3]

---

[1] Интервью автора с западным банкиром, работавшим с «Газпромом» над заявкой на «Юганск», ноябрь 2013 г.

[2] «Кто оплатил "Юганск"» // Ведомости, 3 июня 2005 г.; Catherine Belton. The Money Trail Leading to Yugansk // Moscow Times, 6 июня 2005 г. Данные Центрального банка показали, что 30 декабря 2004 года 5,3 миллиарда долларов было переведено со счета федерального казначейства в Центральном банке в государственный Внешэкономбанк. В тот же день Внешэкономбанк получил ту же сумму векселями дочерних компаний «Роснефти», а «Роснефть», в свою очередь, получила ту же сумму на свой счет в Сбербанке, другом государственном банке. Затем «Байкал Финанс Груп», также имевшая счет в Сбербанке, перевела Министерству юстиции оставшиеся 7,6 миллиарда долларов, причитавшиеся за «Юганск». Аналитики говорили, что все выглядит так, будто «Роснефть» перевела средства «Байкал Финанс Груп».

[3] Catherine Belton. Chinese Lend Rosneft $6 Billion for Yugansk // Moscow Times, 2 февраля 2005 г.

Единственным чиновником в Кремле, протестовавшим против продажи, которую он назвал «грабежом средь бела дня»[1], был Андрей Илларионов – экономист-либерал, с первых дней президентства Путина бывший его советником по экономическим вопросам. Финансирование покупки из федерального казначейства, по его словам, обнажило фальшь утверждений, будто все дело в сборе налоговых недоимок. Илларионов, которого широко уважали за принципиальность, испытывал растущее беспокойство. Он не знал, сколько еще сможет оставаться на своем посту, когда страна окончательно отворачивается от любой версии свободного рынка, а нарождающийся государственный капитализм выглядит настолько коррумпированным. Его уже понизили, лишив одной из главных функций, за его критику. Официальные объяснения правовой атаки на ЮКОС, говорил он, «не выдерживают никакой критики». «Речь идет не о существовании налоговой задолженности, потому что в этом деле налоговая задолженность никого не интересовала. Компания начала погашать налоговую задолженность, даже не признав ее… Они были готовы платить даже эти фантастические суммы, но это никого не интересовало». Вся кампания налоговых претензий к ЮКОСу, по его убеждению, была состряпана для того, чтобы захватить его активы. Путинский Кремль «отказался от получения дополнительных налоговых платежей ради того, чтобы получить собственность. Это самое яркое и самое откровенное свидетельство их подлинного интереса в деле ЮКОСа».[2]

В последующие месяцы и годы западные институты склонились перед новым экономическим порядком Путина. Путь в конце концов был расчищен за тысячи километров от Москвы, в зале суда в Хьюстоне, штат Техас, где в феврале 2005 года, через два месяца после продажи, судья наконец отклонил по существу иск ЮКОСа о защите от банкротства после убедительных доводов юристов «Газпрома» – влиятельной техасской юридической фирмы Baker Botts. Хотя временный запрет был вынесен еще до продажи, рассмотрев все доводы, судья постановил, что присутствие ЮКОСа в США недостаточно для получения защиты американских судов.[3] Это решение по существу дало зеленый свет раздроблению остальной части ЮКОСа. Открывался путь для жаждавших урвать свой кусок западных компаний к участию в дальнейшей распродаже активов ЮКОСа в ходе банкротства.

Когда было вынесено это решение, говорит Темерко, «мне стало ясно, что битва окончена, что США не будут стоять на пути».[4] До тех пор, по его словам, Кремль нервничал, опасаясь, что США могут нанести ответный удар. Но хотя Государственный департамент США продолжал тихо осуждать продажу, перспектива нового западного возмущения, на которое надеялись Ходорковский и его партнеры, постепенно сошла на нет. Вместо этого нефтяные гиганты Запада с все большим рвением выстраивались в очередь, чтобы стать частью нового путинского порядка – инвесторами и партнерами заново обогатившейся «Роснефти». Особенно помогали прокладывать путь Deutsche Bank и западные юристы «Газпрома». Ключевым игроком оставался Чарли Райан, глава московской брокерской компании United Financial Group, 40 процентов которой Deutsche Bank купил в конце 2003 года. Он помогал «Газпрому» договориться о западных кредитах, а затем познакомил государственный газовый гигант с Baker Botts, которая от его имени жестко боролась против ходатайства о защите от банкротства в Хьюстоне.

[1] Catherine Belton. Putin Demotes Advisor Illarionov // Moscow Times, 11 января 2005 г.

[2] Интервью автора с Илларионовым, январь 2005 г.

[3] Catherine Belton. Houston Court Rejects Yukos Appeal // Moscow Times, 28 февраля 2005 г.

[4] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

Райан вывел кампанию России по завоеванию одобрения Запада на одну из самых престижных юридических фирм США, находившуюся в самом сердце республиканского истеблишмента. Поддержка, которую Baker Botts оказывала Кремлю и его энергетическим гигантам «Газпрому» и «Роснефти», следовала модели, уже отточенной фирмой во многих авторитарных режимах мира, где она десятилетиями отстаивала интересы крупных американских нефтяных компаний. Главного партнера фирмы, бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера, познакомили с Алексеем Миллером, близким союзником Путина, возглавлявшим «Газпром»[1], и за завтраком в парадном обеденном зале гостиницы «Россия», напротив Кремля, его убедили взяться за защиту «Газпрома». «Я сказал ему, что Ходорковский – убийца, – говорит один из западных посредников, участвовавших в этом процессе. – Бейкер очень искушенный человек». Он сразу все понял.

Привлечь техасскую юридическую фирму помогла толика морального релятивизма. Люди, с которыми они имели дело в России, казались мягкими по сравнению с некоторыми лидерами, с которыми они работали на Ближнем Востоке. «Из всех мест на свете, куда Господь в бесконечной мудрости Своей решил поместить нефть, Россия казалась одним из наиболее цивилизованных регионов по сравнению с галереей негодяев, с которыми они имели дело, – Каддафи и Саддамом Хусейном, – говорит западный посредник. – На фоне этой компании Алексей Миллер выглядел школьником».[2]

Но Миллер – чиновник, работавший в комитете по внешним связям петербургской мэрии, – был не более чем заместителем Путина. Даже если он и выглядел немного школьником, это не имело значения, потому что в «Газпроме» все решал Путин. Для Baker Botts, однако, новые отношения оказались выгодными. Фирма будет тесно работать с «Газпромом», а затем с «Роснефтью» более десяти лет, в конце концов открыв путь для стратегического союза Exxon и «Роснефти» стоимостью 3,2 миллиарда долларов для совместной разведки в Арктике и на Черном море в поисках новых запасов нефти.[3] Она помогала «Роснефти» защищаться от исков, поданных менеджерами ЮКОСа и «Менатепом» в связи с государственной экспроприацией. Электронные письма показывают, что она, по-видимому, даже помогала «Роснефти» подрывать верховенство права, участвуя в подготовке решений, которые юристы «Роснефти» составляли для армянского суда, когда государственный нефтяной гигант защищался от иска, поданного «Менатепом».[4]

Последствия продажи «Юганска» помогли Путину нащупать ключевую брешь в западной броне: в конечном счете финансовые интересы перевешивали озабоченность злоупотреблениями его режима законом и демократией. Это было частью широко распространенного на Западе самодовольства – а в какой-то мере и высокомерия – в убеждении, что Россия больше не представляет никакой опасности, что после распада Советского Союза крах был настолько глубоким, что Западу остается лишь найти способ получить долю в ее энергетических богатствах, а интеграция страны в западные рынки будет означать, что со временем она станет частью глобализации под господством Запада и будет подчиняться тем же правилам, что и другие государства. Но Темерко казалось, что США

[1] Интервью автора с западным посредником, участвовавшим в процессе, январь 2017 г.

[2] Там же.

[3] Isabel Gorst. Exxon and Rosneft Sign Arctic Deal // Financial Times, 30 августа 2011 г.

[4] Эти электронные письма получены автором и фигурируют в продолжающемся судебном разбирательстве в Нидерландах.

согласились на пакт о ненападении с Россией, давший Путину и его людям зеленый свет действовать как им заблагорассудится.

Открывался путь к тому, чтобы Кремль контролировал все большие денежные потоки, которые однажды позволят ему бросить вызов Западу. Захват нефтяного сектора получил еще одну западную печать одобрения летом 2006 года, когда «Роснефть» провела первичное публичное размещение акций на западных рынках на 10,4 миллиарда долларов. К тому времени компанию оценивали почти в 80 миллиардов долларов – огромный рост по сравнению с ее оценкой в 6 миллиардов до приобретения «Юганска». BP купила пакет на 1 миллиард долларов, значительные пакеты приобрели и другие международные нефтяные мейджоры.[1] Инвесторы по всему миру делали ставку на то, что Кремль и дальше будет поддерживать поглощение государственным нефтяным гигантом остальной части ЮКОСа, а также на взлетающие мировые цены на нефть. Все это служило легитимизации путинского режима и позволяло ему дальше интегрироваться в западные рынки, расширяя досягаемость Кремля. Возможности были потенциально безграничны. «Раньше они думали только о кофе и, может быть, немного о салате, – говорит Темерко. – Но когда принесли салат, оказалось, что можно съесть весь шведский стол. Аппетит приходит во время еды», – хмыкнул он.[2]

Когда в 2007 году остальная часть ЮКОСа пошла с молотка на серии аукционов в ходе банкротства, западные нефтяные мейджоры и финансовые институты облегчили этот процесс. Более того, они служили удобным прикрытием для путинских людей. Сначала, в 2006 году, иск о банкротстве ЮКОСа из-за непогашенных кредитов на 482 миллиона долларов подал консорциум западных банков во главе с французским Société Générale – а не российское государство.[3] Хотя иск о банкротстве подали западные банки, у руля стояли «Роснефть» – и Кремль. Лондонский адвокат, представлявший интересы осажденной группы «Менатеп», Тим Осборн, говорил, что, по его мнению, западные банки действовали по указке «Роснефти».[4] И действительно, через три дня после подачи иска «Роснефть» выкупила непогашенный долг у западных банков.[5]

Когда пришло время молотку опуститься на оставшиеся активы ЮКОСа, другой консорциум западных банков предоставил «Роснефти» рекордный кредит в 22 миллиарда долларов[6], а три западных энергетических мейджора придали процессу легитимность, несмотря на протесты «Менатепа», утверждавшего, что эти продажи – откровенная кража. На первой распродаже в рамках банкротства, где выставлялся 9,4-процентный пакет акций «Роснефти», в итоге оказавшийся в собственности ЮКОСа, ТНК-ВР – российское энергетическое совместное предприятие, наполовину принадлежавшее BP, – сошла с дистанции всего через десять минут, позволив «Роснефти» сделать выигрышную ставку.[7] Затем, когда на продажу выставили газовые активы ЮКОСа, итальянские энергетические компании Eni и Enel выиграли торги, предложив 5,6 миллиарда долларов, и тут же передали контроль над активами «Газпрому» в рамках более широкой сделки, заключенной ими с

[1] Catherine Belton. Half of Rosneft IPO Goes to 4 Buyers // Moscow Times, 17 июля 2006 г.

[2] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

[3] Catherine Belton. Banks Want Yukos Ruled Bankrupt // Moscow Times, 13 марта 2006 г.

[4] Там же.

[5] Catherine Belton. Creditor Banks Sell Yukos Loan to Rosneft // Moscow Times, 16 марта 2006 г.

[6] Catherine Belton. Western Banks Fund Rosneft Move on Yukos // Financial Times, 21 марта 2007 г.

[7] Catherine Belton. Analysts Skeptical as BP Quits Yukos Auction at First Stage // Financial Times, 28 марта 2007 г.

государственным газовым гигантом.[1] В обоих случаях рыночные аналитики считали, что иностранные участники добиваются благосклонности Кремля в то время, когда для закрепления в российской энергетике решающее значение имела поддержка государства. «Кремлю хотелось бы, чтобы в этом участвовали такие компании, как Eni и BP, потому что он хочет показать, что, несмотря на ущерб от ЮКОСа… в реальности международные нефтяные компании выстраиваются в очередь, чтобы войти в российский энергетический сектор», – говорил Крис Уифер, тогда главный стратег российского Альфа-банка.[2]

К завершению раздробления ЮКОСа государство взяло под контроль 55 процентов нефтедобычи страны – огромный разворот по сравнению с 80 процентами в частных руках на момент прихода Путина к власти.[3] Некоторым западным юристам и банкирам в частных разговорах было трудно оправдать свое содействие Кремлю в кампании, принесшей такие богатства. «Ходорковский был чрезвычайно агрессивен в налоговых вопросах, – говорил Франк Кейлаарс, тогда возглавлявший глобальное нефтегазовое направление ныне не существующего голландского банка ABN Amro, который руководил финансированием поглощения ЮКОСа «Роснефтью». – Он старался максимизировать доходы, используя каждую лазейку. Это не было незаконно, но было на самой грани».[4]

* * *

Пока западные юристы и банкиры набивали карманы на кремлевском захвате ЮКОСа, реальность, с которой столкнулся Ходорковский, была куда мрачнее. Почти каждый день на протяжении одиннадцати месяцев его в наручниках доставляли в тот же московский зал суда, заставляя часами выслушивать показания, пока Кремль, стремившийся продемонстрировать законность своего дела против него, излагал свои обвинения. Но обвинения были глубоко порочны – что, похоже, признавали даже иностранные банкиры, помогавшие Кремлю в экспроприации. Одна группа обвинений касалась проведенной Ходорковским в 1994 году приватизации «Апатита» – крупного предприятия по производству удобрений на Крайнем Севере России, – а также приобретенного им на следующий год научно-исследовательского института при нем: это были первые крупные приватизации, в которых участвовала группа «Менатеп». Защита Ходорковского утверждала, что эти обвинения не имеют под собой ни фактических, ни правовых оснований, к тому же они касались событий, по которым быстро истекал десятилетний срок давности. Вторая группа обвинений касалась использования ЮКОСом в 1999 и 2000 годах внутренних налоговых убежищ в России, которое обвинение считало незаконным. Но те же схемы широко использовали и другие нефтяные компании, и они соответствовали российским законам того времени. По словам адвокатов, Ходорковского преследовали задним числом и избирательно.

Когда Ходорковскому наконец позволили изложить свою позицию в последнем слове, он обрушился с гневной речью, разбирая обвинения одно за другим. Нет «ни одного документа – подчеркну, ни одного, – который указывал бы на мою противоправную деятельность», – сказал он. «Два года нечеловеческих трудов Генеральной прокуратуры – и нулевой результат!»

---

[1] Catherine Belton. Russian Bargain That Comes at a Price // Financial Times, 5 апреля 2007 г.

[2] Там же.

[3] Catherine Belton. The State's Unsated Appetite // Financial Times, 20 апреля 2007 г.

[4] Catherine Belton. Yukos Finally Expires, Victim of its Battle with the Kremlin // Financial Times, 11 мая 2007 г.

Все дело, утверждал он, было затеяно как показательный процесс, чтобы прикрыть экспроприацию ЮКОСа чиновниками, движимыми алчностью: «Вся страна знает, почему меня посадили в тюрьму: чтобы я не мешал разграблению ЮКОСа. При этом люди, организовавшие мое преследование, лично пытались напугать власть и общество моими мифическими политическими амбициями. Когда говорят, что "дело ЮКОСа" привело к усилению роли государства в экономике, это вызывает у меня горький смех. Те люди, которые сегодня заняты разграблением активов ЮКОСа, на самом деле никакого отношения к российскому государству и его интересам не имеют. Это просто грязные корыстолюбивые чиновники, и не более того».

Он закончил свою страстную речь прямым обращением к чувству справедливости судей, утверждая, что столь «прямой, неприкрытый обман» суда со стороны обвинения, конечно же, не может пройти: «Я верю, что моя страна, Россия, будет страной справедливости и закона. И поэтому суд должен вынести решение на основании справедливости и на основании закона».[1]

Но хотя три судьи, казалось, внимательно слушали, записывая что-то, пока он говорил[2], их приговор был уже предрешен. Появилось свидетельство очевидца, впервые подробно описывающее, как Сечин и один из его заместителей жестко контролировали процесс на каждом шагу.[3] Чтобы исключить всякие сомнения в том, какое решение вынесут судьи, Кремль устроил так, что на время написания приговора их поселили за казенный счет в санатории в пятидесяти километрах от Москвы. В те дни Кремль еще не мог быть полностью уверен в лояльности судей, но именно в этот момент российская судебная система оказалась под властью Кремля. Кремль стремился исключить возможность того, что деловые партнеры Ходорковского подкупят судей, чтобы те вынесли решение в его пользу. А в санатории агенты спецслужб могли пристально за ними следить.

Сечин и его заместитель в администрации президента – суровый бледнолицый генерал ФСБ Владимир Каланда, жена которого, по совпадению, была главным юристом «Роснефти», – пристально следили за ситуацией. Когда одна из судей отказалась ехать в санаторий под охраной полиции, Каланда нанес визит председателю Московского городского суда Ольге Егоровой – решительной блондинке, поднявшейся на вершину судебной системы еще с советских времен, – чтобы та добилась от подчиненной послушания.[4]

Проведя месяц в санатории, три судьи так и не закончили писать приговор: им удавалось написать в соответствии с пожеланиями Кремля лишь малую его часть. Тогда за дело взялась Егорова, велев одной из коллег писать вслепую, отбросив все сомнения. По

[1] Последнее слово Ходорковского, 11 апреля 2005 г. Полный текст: www.freerepublic.com/focus/news/1382298/posts.

[2] Valeria Korchagina. Yukos Trial Ends with Applause // Moscow Times, 12 апреля 2005 г.

[3] Свидетельство очевидца, основанное на документальных материалах. В ответ на просьбу прокомментировать это свидетельство Московский городской суд заявил, что это «вымысел, который не требует никаких комментариев. Законность и обоснованность судебных решений, вынесенных по результатам уголовных дел, проверены всеми судами страны, а также изучены Европейским судом по правам человека. Решения подтверждены как законные». (Однако в январе 2020 года ЕСПЧ постановил, что Ходорковскому было отказано в справедливом судебном разбирательстве в 2009 и 2010 годах, когда он был осужден по второму делу о хищении и отмывании денег. Отказ российского судьи «позволить защите допросить свидетелей обвинения и защиты и представить важные экспертные или оправдывающие доказательства» нарушил права Ходорковского, установил ЕСПЧ.)

[4] Там же.

свидетельству очевидца, коллега сказала ей, что обвинения не имеют смысла, но Егорова с самого начала точно знала, каким должен быть приговор. «Когда я приняла решение, я его никогда не меняю», – сказала она коллеге.[1]

Московский городской суд отверг свидетельство очевидца как не более чем «вымысел», не требующий никаких комментариев. Но когда приговор наконец был оглашен в суде, он мало чем отличался от обвинений, представленных прокурорами, порой выглядя так, будто его просто переписали из материалов обвинения, с кипами дословно приведенных показаний свидетелей обвинения. Судьи отвергли доводы защиты один за другим, за исключением обвинения, связанного с приватизацией комбината «Апатит», по которому истек срок давности. «У меня впечатление, что это то же самое обвинительное заключение, только немножко отредактированное», – качая головой, сказал пожилой отец Ходорковского после первого дня оглашения приговора.[2] «Судья полностью встала на сторону обвинения», – сказал один из ведущих адвокатов Ходорковского.[3]

Приговор, вынесенный судьями после двенадцати долгих дней оглашения решения быстрым монотонным голосом, был суровым. Ходорковский был приговорен к девяти годам заключения по обвинениям в налоговом мошенничестве, примененным задним числом, и по одному эпизоду мошенничества, связанному с приватизацией в 1995 году научно-исследовательского института «Апатита», по которому срок давности еще не истек.[4]

Хотя решение всегда казалось предрешенным, оно все равно стало потрясением. По залу прокатились рыдания, а хрупкая светловолосая жена Ходорковского скрестила руки на груди, изо всех сил стараясь держать себя в руках.[5] Ходорковский тоже побледнел, словно не ожидал этого, словно думал, что кремлевская машина еще может проявить какую-то снисходительность, или даже надеялся, что справедливость каким-то образом восторжествует. Хотя он так и оставался, привалившись к решетке клетки, пока оглашалась остальная часть решения, он собрался с силами, чтобы выразить последний протест. Когда все начали выходить из зала, словно оставляя его на произвол судьбы, он взобрался на скамью, чтобы крикнуть журналисту: «Это беззаконие!» – хотя вооруженная охрана пыталась его остановить. «Для этого нет никаких правовых оснований».[6]

Если Ходорковский еще надеялся на снисхождение, то к моменту рассмотрения его кассационной жалобы всего четыре месяца спустя, в сентябре 2005 года, Кремль закрутил гайки еще туже. Сечин давил на Егорову, требуя форсировать рассмотрение жалобы, поскольку в Кремле опасались, что вот-вот истечет срок давности по оставшемуся обвинению в мошенничестве, связанному с приватизацией научно-исследовательского института «Апатита», за которое грозило до семи лет. По остальным обвинениям, связанным с налоговым мошенничеством, сроки составляли лишь четыре, три и полтора года, и хотя было еще одно обвинение в мошенничестве с семилетним сроком – связанное с использованием векселей в одной из налоговых схем, – Кремль, в те дни еще заботившийся о видимости

[1] Там же.

[2] Valeria Korchagina. So Far, Verdict Appears to be Guilty // Moscow Times, 17 мая 2005 г.

[3] Catherine Belton. Judges Drag Out Verdict for a Second Day // Moscow Times, 18 мая 2005 г.

[4] Lyuba Pronina. Nine Years for Khodorkovsky and Lebedev // Moscow Times, 1 июня 2005 г.

[5] Catherine Belton. Shock and Then Boredom in Court // Moscow Times, 1 июня 2005 г.

[6] Там же.

соблюдения правовых процедур, опасался, что оно далеко не прочно.[1] Дело против Ходорковского должно было выглядеть законным, чтобы укрепить поглощение «Юганска» «Роснефтью». Егорова должна была вынести кассационное определение до истечения срока давности по обвинению, связанному с «Апатитом», иначе Кремль опасался обжалования в Европейском суде по правам человека.

Когда началось рассмотрение жалобы, Сечин каждый день вызывал Егорову к себе в кремлевский кабинет – она бывала там так часто, что охрана знала ее в лицо.[2] Там Сечин и один из его ближайших соратников, Виктор Иванов, кремлевский начальник по кадрам, пристально следивший за делом ЮКОСа, нервно донимали Егорову, добиваясь, чтобы определение по обвинению в мошенничестве было вынесено вовремя. Они боялись, что, если срок давности истечет, придется сократить срок наказания и Ходорковский может выйти на свободу до следующих президентских выборов, назначенных на 2008 год. В таком случае весь захват ЮКОСа мог быть пересмотрен. Они были настолько ошеломлены событиями на Украине в предыдущем году, что опасались собственной «оранжевой революции», если Ходорковский выйдет на свободу вовремя, чтобы организовать восстание. «Через три года, – сказал Сечин Егоровой, согласно свидетельству очевидца, – здесь будет сумасшедший дом. Заключенный должен оставаться в тюрьме».[3]

Нервы Сечина были натянуты до предела в первый день рассмотрения жалобы, 14 сентября, когда никто из защитников Ходорковского не явился. Ходорковский заявил суду, что единственный уполномоченный защищать его адвокат госпитализирован, и Егоровой не оставалось ничего другого, как перенести заседание на следующий понедельник, 19 сентября. Разъяренный Сечин вызвал ее в Кремль и приказал начать процесс без защиты. Когда Егорова уперлась, ее вызвали во второй раз, и Иванов вместе с заместителем генерального прокурора стали давить на нее, требуя ускорить дело. По Москве ходил слух, что Егорова получила от партнеров Ходорковского по «Менатепу» взятку в 1 миллиард долларов за то, чтобы затянуть рассмотрение и добиться отмены приговора.

Свое дело сделали именно слухи и перешептывания. Егорова не могла вынести мысли, что в Кремле ее считают коррумпированной. Хотя она по-прежнему настаивала на праве Ходорковского на защиту, она сказала Сечину и руководителю администрации президента, путинскому соратнику Дмитрию Медведеву, что вынесет приговор в восемь лет – на год меньше, – что бы ни случилось. «Я возьму всю ответственность за это на себя, – сказала она. – А если я вас чем-то разочарую, уйду в отставку. Мне это надоело».[4]

Разбирательство продолжалось на фоне новой напряженности и задержек из-за отсутствия главного адвоката Ходорковского Генриха Падвы, а давление на Егорову росло по мере того, как не утихали разговоры о взятке. «Пусть меня арестуют, – огрызнулась она. – Пусть делают что хотят. Меня никогда так не оскорбляли… Чтобы вы не думали, что я что-то взяла, будет восемь лет», – сказала она Сечину и Медведеву. Когда в самый последний момент Ходорковский согласился заменить Падву другим адвокатом, работавшим по делу, заседание провели в течение одного дня, 22 сентября, чтобы не истек срок давности.

[1] Свидетельство очевидца.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

Защита Ходорковского в ходе заседания неоднократно протестовала против скорости, с которой шло рассмотрение. «Мы имеем дело не с прокурорами и не с судьями, а со всей мощью государственной машины, – сказал его главный адвокат.[1] – Здесь все диктует политическая власть». Протокол первоначального процесса занимал шестьсот страниц, и защита жаловалась, что ей не дали достаточно времени на его изучение. Но судьи неумолимо шли вперед. Когда Ходорковский выступил с последним словом в свою защиту, они попытались прервать его через час. «У нас есть все документы. Мы, собственно, готовы вынести решение», – сказал один из них.[2] Было уже 19:20, давно прошел час, когда суд обычно заканчивал работу. Хотя судьи позволили Ходорковскому говорить еще час, не имело значения, что он скажет. Они уже все решили. Они покинули зал всего на несколько минут и вернулись, чтобы огласить решение: восемь лет – ровно как обещала Егорова. Было девять часов вечера 22 сентября. Срок давности по мошенничеству еще не истек.

Ходорковского и его делового партнера Платона Лебедева должны были отправить в пока не названные исправительные колонии. Бледный и измученный, на этот раз Ходорковский ничего не сказал на прощание, когда его выводили из зала. Его родители, Борис и Марина, со слезами на глазах махали ему вслед. Чуть более трех недель спустя его в вагоне без окон провезли через российскую степь на край земли – в колонию в унылом городе уранодобытчиков Краснокаменске в далекой Читинской области, куда почти двумя веками раньше ссылали политических заключенных царской эпохи – декабристов.[3]

* * *

Этот процесс изменил в путинской России все. Давление, которое Сечин оказывал на судей, скорость рассмотрения кассационной жалобы, бессодержательность обвинений бесповоротно подчинили судебную систему силовикам. Если раньше нищенские зарплаты судей делали их уязвимыми для подкупа со стороны могущественных олигархов, то теперь власть забирал Кремль. «Это было государственное дело», – сказал Путин Егоровой, когда после процесса принял ее в Кремле, чтобы поблагодарить за проделанную работу, согласно свидетельству очевидца.[4] Он оправдывал поспешность, с которой Ходорковского упрятали за решетку, объясняя: «Страной правил иностранный капитал, поэтому и был весь этот хаос». Путин и Кремль оправдывали свой захват власти, изображая Ходорковского и его союзников агентами Запада. Люди Ходорковского приготовили 10 миллиардов долларов, чтобы вмешаться в процесс, сказал он ей. Никто никогда не станет проверять это утверждение. Это была лишь часть изощренной системы лжи, которую выстраивали.

Путинский Кремль быстро утвердил свой контроль. Это было начало того, что стало широко известно как «ручное управление», при котором механика каждого процесса жестко контролировалась людьми Кремля. Путин всегда настаивал на том, что судебное дело ЮКОСа не имеет никакого отношения ни к нему, ни к Кремлю. Но с самого начала за каждым решением, каждым шагом пристально следили. Захват судебной системы начался с обвинений и перешептываний о том, что судьи берут взятки у противников Кремля. Судьи пытались опровергнуть такие обвинения и продемонстрировать свою лояльность, вынося приговоры точно в соответствии с кремлевскими указаниями, – по образцу, восходящему к советским

[1] Valeria Korchagina. Court Rejects Khodorkovsky Appeal // Moscow Times, 23 сентября 2005 г.

[2] Там же.

[3] Nabi Abdullaev. Khodorkovsky Jailed in Polluted Chita // Moscow Times, 21 октября 2005 г.

[4] Свидетельство очевидца.

временам, когда коллеги шпионили и доносили друг на друга, когда все были под подозрением и под пристальным наблюдением.

Эта паранойя никогда по-настоящему не исчезала. И теперь страна скатывалась обратно во времена, когда все делились на «своих» и «чужих», когда боялись внешнего врага, стремящегося разложить систему. Но, по новому повороту сюжета, теперь судей марал сам Кремль. Мужа одной судьи, например, в день рождения у дома забрали сотрудники спецслужб, отвезли в автосалон Subaru и велели выбрать себе машину.[1] Все знали, что такая машина ему не по зарплате. Все знали, кем работает его жена и какое громкое дело она только что вела. Все сочтут это взяткой, сколько бы муж ни возражал, что у него не было выбора. Вот так людей марали, привязывали к Кремлю и держали под контролем. Со временем, по мере того как путинский режим все больше укреплял свою власть, размер этих «подарков» резко рос.

Для Егоровой, жены офицера ФСБ, ставшего генералом, процесс тоже стал поворотным моментом. Ее стали называть «железной леди» российской правовой системы – председателем, установившим жесткую власть над судами и грозившим судьям потерей работы и жилья, если те не будут ходить по струнке.[2]

Страна возвращалась во времена ГУЛАГа. Восстанавливалось советское «телефонное право». Кремль взял под контроль правовую систему. Власть спецслужб укреплялась. Ходорковский, некогда самый богатый человек страны, томился в колонии в Краснокаменске. А Запад был соучастником этого процесса.

[1] Там же.

[2] Kathrin Hille. Business Behind Bars // Financial Times, 10 августа 2018 г.

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 10

Общак

Пока вся Москва летом 2004 года была поглощена атакой на ЮКОС, серия сделок на городской фондовой бирже прошла незамеченной. Акции малоизвестной страховой компании «Согаз», принадлежавшей «Газпрому», были проданы тремя траншами – сначала 49,9 процента, потом еще 26 и затем еще 12.[1] Поначалу это казалось ничем не примечательным. Но выяснилось, что акции со скидкой приобрели три малоизвестные компании, связанные с банком «Россия» – петербургским банком, некогда служившим каналом для средств Коммунистической партии, а затем для связанных с КГБ союзников Путина.

Сделки прошли тихо, вдали от шума правительственных обсуждений и постановлений, которые обычно сопровождают подобные продажи государственных активов. Годами правительство обсуждало, что делать с «Согазом» и другими финансовыми активами, накопленными «Газпромом». Но вместо аукциона с предварительной подготовкой и «раскруткой» активов западными инвестиционными банками, которые обсуждали Касьянов и другие члены его правительства, продажа без всякого шума прошла на бирже. «То, что "Согаз" продали так быстро и так дешево, было чем-то новым, – говорит Владимир Милов, бывший заместитель министра энергетики в правительстве Касьянова. – Мы этого никогда не обсуждали. Увольнение Касьянова открыло дорогу для сделок такого рода… Никогда не стоял вопрос о том, чтобы продать его своим. Все было так неожиданно… Но тогда я не понимал, что продажа "Согаза" – это начало масштабного нового процесса. Это была просто страховая компания, и все».[2]

Продажа «Согаза», как выяснилось, положила начало серии столь же незаметных сделок, в ходе которых финансовые, промышленные и медийные активы «Газпрома» на десятки миллиардов долларов перекачали в банк «Россия» – оплот Юрия Ковальчука, союзника Путина с петербургских времен. Это было начало формирования общака в огромных масштабах – для стратегических и личных нужд Путина. Это также возвестило о возвышении новой касты олигархов – сплошь связанных с КГБ петербургских соратников Путина, а в случае основных акционеров банка «Россия» – по большей части членов путинского дачного кооператива «Озеро».

Пока Путин выдавливал независимость из олигархов ельцинской эпохи, посадив Ходорковского и грозя ликвидировать остальных как класс, Ковальчук находился в центре группы верных союзников из КГБ, быстро поднимавшихся, чтобы занять их место во время второго президентского срока Путина. Сначала тихо, а затем все заметнее они начали извлекать выгоду из инсайдерских сделок. Переводы активов из «Газпрома», например, превратили банк «Россия» из мелкого регионального банка, о котором мало кто в Москве даже слышал, в новую финансовую силу, раскинувшую щупальца по всей России. После 2004 года его активы выросли в сорок раз, достигнув за восемь лет 8,9 миллиарда долларов.[3] Эти переводы привели и к передаче банку «Россия» контроля над третьим по величине банком

[1] Павел Миледин, Анна Щербакова, Светлана Петрова. «"Согаз" продали в Питер. Самый прибыльный в России страховщик достался банку "Россия"» // Ведомости, 21 января 2005 г.

[2] Интервью автора с Владимиром Миловым, октябрь 2011 г.

[3] Catherine Belton. A Realm Fit for a Tsar // Financial Times, 1 декабря 2011 г.

страны – Газпромбанком, финансовым подразделением «Газпрома», владевшим активами на десятки миллиардов долларов.

Ни один из этих переводов не состоялся бы, если бы путинские люди не захватили «Газпром» в начале его президентства. С тех пор как Путин сделал замену руководства компании своими петербургскими союзниками одним из первых приоритетов, ее огромные денежные резервы и финансовые активы открывали перед его ближним кругом богатейшие возможности. Продажи активов никогда не прошли бы и в том случае, если бы в правительстве остались более либеральные наследники ельцинской эпохи, такие как Касьянов и Волошин. «Раньше все должны были согласиться, – говорит Владимир Милов. – Но во второй срок Путина был очень четкий момент, когда петербургская группа забрала то, что московская группа отдавать не хотела». Одного за другим путинских людей ставили во главе целых секторов экономики, а силовики захватывали судебную систему, федеральную налоговую службу и другие ветви власти, прежде им недоступные.

Это было частью процесса, ставшего известным как «Кремль Inc.», в ходе которого Путин во второй срок назначал ключевых преданных людей руководить стратегическими отраслями экономики. Нагляднее всего этот процесс проявлялся в том, что он ставил своих ближайших союзников по КГБ во главе не только подконтрольных государству энергетических гигантов «Газпрома» и «Роснефти», но и целого ряда государственных компаний.[1] Сначала был «Аэрофлот» – авиакомпания, некогда бывшая вотчиной ельцинской «Семьи». Виктор Иванов, путинский товарищ по КГБ из Санкт-Петербурга, к тому времени заместитель руководителя администрации, в конце 2004 года был назначен председателем ее совета директоров. Затем были «Российские железные дороги» – огромная империя с 1,3 миллиона сотрудников и выручкой почти в 2 процента ВВП России, президентом которой в июне 2005 года был назначен Владимир Якунин – грубовато-прямолинейный бывший высокопоставленный офицер КГБ, один из ведущих акционеров банка «Россия» и член дачного кооператива «Озеро».

Андрея Акимова, бывшего советского государственного банкира со связями во внешней разведке, вернули из Вены и поставили курировать Газпромбанк. Андрей Костин, бывший советский дипломат, работавший когда-то в посольстве в Лондоне, возглавил Внешторгбанк, или ВТБ, – прямого наследника советского Банка для внешней торговли. В 2004 году Путин назначил своего ближайшего коллегу по дрезденским годам Сергея Чемезова главой государственного агентства по экспорту вооружений «Рособоронэкспорт».

«Теперь всем заправляют люди из КГБ и финансисты КГБ, – торжествующе говорил один из ведущих участников этого процесса. – Наконец-то они сменяют первый слой капитализма».[2] «Олигархи девяностых перестали быть олигархами и снова стали просто бизнесменами. Теперь у нас чекистская олигархия», – язвительно говорил видный оппозиционный политик Борис Немцов.[3]

Но быстрее и незаметнее всех богатство накапливали акционеры банка «Россия». Среди них какое-то время был и Геннадий Тимченко – державшийся в тени предполагаемый бывший сотрудник КГБ, ставший нефтетрейдером и тесно работавший с Путиным в Санкт-Петербурге.

[1] См. превосходную статью: Neil Buckley, Arkady Ostrovsky. Putin's Allies are Turning Russia into a Corporate State // Financial Times, 18 июня 2006 г.

[2] Интервью автора с видным банкиром, Женева, декабрь 2013 г.

[3] Buckley, Ostrovsky. Putin's Allies are Turning Russia into a Corporate State.

После того как Ходорковского посадили, а сечинская «Роснефть» начала поглощать ЮКОС, Тимченко сосредоточился на своих нефтетрейдинговых операциях. Его новейшее предприятие, Gunvor, пускало глубокие корни в Швейцарии. Тихо, поначалу почти незаметно, оно начало подбирать баррели нефти, которыми прежде торговал ЮКОС Ходорковского.

Акционеры банка «Россия» были элитой ближнего круга Путина. И по мере того как банк рос во время второго президентского срока Путина, росли и резиденции его акционеров. Они целой колонией переселились на утопающий в зелени остров в дельте петербургской Невы, где некогда жили канцлеры царей.[1] Огороженный комплекс дворцовых особняков на Каменном острове был окружен затейливым рвом, широкими каменными мостами и усиленной охраной. Новые обитатели отреставрированного комплекса – финансовые придворные путинского режима – примерили на себя роль современной знати. На тайные вечеринки в дворцовых усадьбах они облачались во фраки, их жены и подруги – в бальные платья эпохи Екатерины Великой. Приглашенным выступать перед ними звездочкам не сообщали, кто их зрители, и расплачивались с ними бриллиантовыми кольцами, наручными часами и иконами – чем угодно ценным, лишь бы не оставалось следов.[2]

Как никакая другая, история стремительного расширения банка «Россия» во время второго срока Путина проливает свет на формирование кремлевского общака, который можно было использовать как для личных нужд Путина, так и для укрепления власти его кагэбэшного клана. Как и в случае с черными кассами, созданными в Лихтенштейне и других убежищах для Путина и его петербургских союзников в начале девяностых, граница между деньгами, взятыми на стратегические и на личные нужды, всегда была размыта. Переводы акций «Согаза», например, положили начало процессу, в ходе которого огромная общенациональная медиаимперия перешла в верные руки Ковальчука, что помогло закрепить стратегическую медиамонополию Кремля. Но они же позволили построить для Путина на Черном море дворец, достойный царя. Часть сотен миллионов долларов, припрятанных в сети компаний, стоявших за банком «Россия», судя по всему, вела прямо к Путину. По словам финансиста, работавшего над этими схемами, они были частью личного состояния Путина.[3]

Человеком, приоткрывшим завесу над тем, как работала система, был Сергей Колесников – член тесного круга финансистов, непосредственно участвовавших в операциях банка «Россия». Его все больше тревожило то, что стремительный рост банка был симптомом все большего отсутствия сдержек и противовесов в путинском режиме. «Когда Путин впервые пришел к власти, я встретил его приход с большой радостью, – говорит он. – Мы все связывали его с наведением порядка в стране. В первые три года я его поддерживал и видел, что все, что он делает, – хорошо, и даже когда он посадил Ходорковского, я думал, что это хорошо. Но потом, после вторых выборов в 2004 году, начало появляться это понимание, что он может править вечно… Они взяли под контроль СМИ, а затем, через дело Ходорковского, и бизнес. Но потом они зачистили политическое поле. Они отменили выборы губернаторов и мэров крупнейших городов. Это была главная задача. У независимых людей не осталось шансов появиться и развиваться».[4]

---

[1] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.; Олег Ролдугин. «Как за Каменным островом. Куда переселился знаменитый путинский дачный кооператив "Озеро"» // Собеседник, 26 февраля 2014 г.

[2] Одна из исполнительниц, выступавших на подобных мероприятиях, позднее описала все это: Наталья Ветлицкая. «Нецензурная сказка» // LiveJournal, 15 августа 2011 г.

[3] Интервью автора с Сергеем Колесниковым, сентябрь 2011 г.

Это был процесс, говорит Колесников, качая головой, в результате которого Путин стал править как царь, возглавляя экономику, становившуюся почти феодальной. Олигархи ельцинской эпохи были запуганы процессом над Ходорковским и боялись, что любого из них может постичь та же участь. Колесников видел, что вместо обещанной Путиным ликвидации олигархов как класса люди, стоявшие за банком «Россия», стали частью новой олигархии.

Колесников и сам был одним из них. Он досконально знал, как работает путинская система. Он жил среди акционеров банка «Россия» на Каменном острове. Но он приходил во все больший ужас, наблюдая, как набирает обороты выкачивание активов из «Газпрома»: «Как только ты получаешь контроль над финансовыми ресурсами, остановиться уже невозможно. Это закон бизнеса».[1] К осени 2010 года он больше не мог этого выносить. Взяв лишь небольшую сумку, в которой среди прочего были флешки с массой документов обо всех сделках, проведенных им для путинских людей, он выскользнул из своего особняка на Каменном острове и поспешил в аэропорт, где купил билет в один конец в Турцию, а оттуда в США. Документы, которые он вывез, были дорожной картой создания президентского общака.

Серьезный Колесников в очках начинал как физик, в советское время работавший в сверхсекретном научно-исследовательском институте, где разрабатывали медицинские и другие приборы.[2] Двое людей, с которыми он впоследствии занялся бизнесом, работали в той же области. Одним из них был Дмитрий Горелов, в то время резидент КГБ в Дании, с которым Путин тесно работал в Дрездене, когда участвовал в операциях по контрабанде технологий в обход западных эмбарго.[3] Другим был Николай Шамалов, петербургский представитель немецкого технологического гиганта Siemens, в который давно проникли советские агенты, стремившиеся поставлять КГБ оборудование двойного назначения[4], – еще один старый друг Путина. «Было ясно, что они знали друг друга еще до девяностых, – говорит Колесников. – Но вдаваться в историю этих вещей было некорректно».[5]

В начале девяностых Колесников, Горелов и Шамалов объединились в бизнесе, создав «Петромед» – компанию по поставкам медицинского оборудования, продававшую технику Siemens больницам Санкт-Петербурга. Они были среди ближайших друзей Путина, особенно Шамалов, вступивший в дачный кооператив «Озеро». Благодаря их деятельности сохранялись старые сети КГБ. «Фрагменты системы остались, – говорит бывший офицер КГБ, работавший с Путиным в Санкт-Петербурге. – Путин и его команда были одним из них».[6]

Когда Путин занял президентский пост, «Петромед» стал центром сбора сотен миллионов долларов так называемых пожертвований – якобы на закупку медицинского оборудования Siemens и General Electric для модернизации петербургской Военно-

[4] Там же; записи на эту тему см. также: Евгения Альбац. «Чисто конкретный кандидат» // The New Times, 26 февраля 2012 г.

[1] Интервью автора, сентябрь 2011 г.

[2] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[3] Там же.

[4] По словам одного бывшего посредника КГБ, а также согласно документам, вывезенным из Советского Союза перебежчиком, офицером КГБ Василием Митрохиным.

[5] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[6] Интервью автора с бывшим офицером КГБ, март 2014 г.

медицинской академии.[1] Но эти «пожертвования» по существу были данью, которую олигархи платили новому русскому царю, входным билетом в ближний круг Путина, и они стали частью черной кассы путинского правления. Значительная часть этих денег шла на финансирование стремительного расширения банка «Россия». Они обеспечили банку «Россия» деньги на приобретение страховой компании «Газпрома» «Согаз» – а Горелову и Шамалову на приобретение долей в банке «Россия». К тому времени председателем совета директоров банка «Россия» стал Маттиас Варниг, бывший офицер Штази, с которым Путин также тесно работал над передачей технологий. Это был знак того, что прежние сети Путина в КГБ не просто сохранялись – они воскресали, а затем получали десятки миллиардов долларов выкачанных из «Газпрома» денег.

История, которую Колесников рассказал мне годы спустя, когда вырвался из всего этого, – все еще с округлившимися глазами от тайн, которые он решался раскрыть, – описывала, как он вместе с Шамаловым и Гореловым прогонял «пожертвования» «Петромеду» через паутину офшорных компаний, протянувшуюся от Лихтенштейна до Британских Виргинских островов и Панамы. Тридцать пять процентов одного такого пожертвования – 203 миллионов долларов от олигарха из ельцинской «Семьи» Романа Абрамовича в июле 2001 года – были переведены компании с БВО Rollins International, а 50 миллионов из них затем перешли к панамской компании Santal Trading, которую Колесников любил называть «сейфом».[2] Это был денежный резерв, финансировавший расширение банка «Россия», а Rollins International финансировала приобретение Гореловым и Шамаловым по 12,6 процента акций банка «Россия» каждым накануне стремительного роста банка. Сначала, по словам Колесникова, Rollins выплатила Горелову и Шамалову дивиденды – 22,3 и 21,8 миллиона долларов соответственно, – и на эти средства они приобрели свои пакеты.[3] Затем, летом 2004 года, Santal тихо перевела 18 и 41 миллион долларов в виде кредитов и гарантий двум малоизвестным компаниям – «Акцепт» и «Аброс», – связанным с банком «Россия», которые использовали эти деньги для приобретения соответственно 13,5 и 51 процента акций «Согаза».[4] Еще 12,5 процента было приобретено через другую инвестиционную группу, «Лирус», которой руководил Колесников.

Эти суммы могут показаться незначительными по сравнению с десятками миллиардов долларов, которыми теперь распоряжается окружение Путина. Но эти переводы были первыми шагами к созданию гораздо более крупного пула активов. Приобретение «Согаза» стало началом удивительного процесса. Как только его приобрели путинские люди, его прибыль начала стремительно расти. Крупнейшие государственные компании страны наперегонки стремились попасть в число его клиентов. Он стал страховщиком не только для «Газпрома», но и для государственной железнодорожной монополии и «Роснефти». Добавляя ему веса как структуре путинского клана, председателем совета директоров «Согаза» поставили сына Сергея Иванова, путинского министра обороны, еще одного близкого союзника из петербургского КГБ. По мере того как приходили клиенты высшего уровня, к 2006 году чистая прибыль компании выросла более чем втрое. Затем, на волне бурного роста

[1] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[2] Согласно документам, предоставленным автору Колесниковым.

[3] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.; документы, предоставленные автору.

[4] Согласно документам, предоставленным автору Колесниковым; «Акцепт» принадлежал одному из родственников Путина, внуку его дяди Михаилу Шеломову, и владел 4,5 процента акций банка «Россия». «Аброс» на 100 процентов принадлежал банку «Россия».

бизнеса, «Согаз» использовали как трамплин для гораздо более крупного приза. В ходе серии сделок в августе 2006 года он приобрел за нераскрытую сумму 75 процентов акций компании с говорящим названием «Лидер»[1], управлявшей активами огромного пенсионного фонда «Газпрома», «Газфонда», – более 6 миллиардов долларов (167,7 миллиарда рублей), одного из крупнейших пенсионных резервов страны, а также 3-процентного пакета акций «Газпрома», стоившего тогда 7,7 миллиарда долларов.[2] Для верности главой «Газфонда» назначили сына Шамалова Юрия.

Когда эти фигуры были расставлены, «Газфонд» использовали для того, чтобы банк «Россия» поглотил более крупную цель – банковское подразделение «Газпрома», Газпромбанк, тогда третий по величине банк страны и, что самое важное, хранилище, в котором «Газпром» держал крупнейшие свои активы на десятки миллиардов долларов. Сделка вновь прошла незаметно, почти не привлекши внимания. Вместо денежного аукциона с конкурирующими заявками и западными инвестиционными банками, который когда-то обсуждало правительство Касьянова, банк передали путем простого обмена активами ближе к концу второго срока Путина.[3] «Газфонд» обменял принадлежавший ему пакет акций московской энергетической компании «Мосэнерго», стоивший тогда 1,8 миллиарда долларов, на контрольный пакет «Газпрома» в Газпромбанке, а затем передал его «Лидеру», принадлежавшему банку «Россия», дав банку «Россия» прямой контроль над третьим по величине банком страны, – почти никто этого не заметил.[4] «"Газпром" отдал все это просто так, ни за что», – говорит Милов, бывший заместитель министра энергетики в правительстве Касьянова.[5]

Казалось, будто контроль над третьим по величине банком страны передали в руки банка «Россия» через набор русских матрешек. Сделка была многослойной и запутанной, словно для того, чтобы скрыть ее конечный результат и привлечь как можно меньше внимания. Позднее «Газпром» утверждал, что сделка по обмену активами соответствовала рыночной оценке, данной Dresdner Bank. Но сам «Газпром» оценил Газпромбанк в 8 миллиардов долларов всего через несколько месяцев после сделки за 1,8 миллиарда – а позднее

---

[1] Алексей Рожков, Ирина Резник, Анна Бараулина, Елена Мязина. «Пристроили 3% "Газпрома". "Согаз" купил компанию, управляющую резервами "Газфонда"» // Ведомости, 23 августа 2006 г.; Belton. A Realm Fit for a Tsar.

[2] С самого начала «Лидер» и «Газфонд» действовали рука об руку. Обе компании занимали одни и те же офисы, а стены конференц-зала «Газфонда» украшал логотип «Лидера». Сведений о том, как управлялись пенсионные средства «Газфонда» в 6 миллиардов долларов, было мало. (Сведений о судьбе пакета акций «Газпрома» стоимостью 7,7 миллиарда долларов, числившегося на балансе «Газфонда», было еще меньше – к 2008 году эти акции, по существу, исчезли без всяких объяснений и отчетов.) «Газфонд», однако, сразу был втянут в орбиту банка «Россия». Николай Шамалов, деловой партнер Колесникова, стоматолог, ставший представителем Siemens, а затем другом Путина, добился назначения своего сына Юрия главой «Газфонда» еще в августе 2003 года, до того как вообще начался процесс переводов.

[3] «Газфонд» накопил 20 процентов акций московской генерирующей компании «Мосэнерго», и в конце 2006 года совет директоров «Газпрома» постановил обменять свой контрольный пакет в Газпромбанке (50 процентов плюс одна акция) на 20-процентный пакет «Газфонда» в «Мосэнерго», стоивший тогда 1,8 миллиарда долларов. Когда вскоре после сделки (в начале 2007 года) вступил в силу новый закон, запрещавший пенсионным фондам владеть более чем 10 процентами акций, не обращающихся на бирже, «Газфонд» передал этот пакет управляющей компании «Лидер», тем самым дав контроль банку «Россия».

[4] Belton. A Realm Fit for a Tsar; см. также: Борис Немцов, Владимир Милов. «Путин и "Газпром"». Независимый экспертный доклад, 2 октября 2008 г.

[5] Интервью автора с Миловым, сентябрь 2011 г.

эта оценка почти удвоилась, поскольку прибыль банка при Путине продолжала стремительно расти.

В рамках этой сделки «Газпром» отдал, ничего не получив взамен, еще и промышленные и медийные активы на десятки миллиардов долларов. Прежде всего это была накопленная «Газпромом» общенациональная медиаимперия, в которую входил и НТВ – некогда яростно независимый телеканал Гусинского. За год до завершения обмена активами «Газпром» продал свои медиаактивы Газпромбанку за 166 миллионов долларов. Едва ли через два года, когда эта медиаимперия прочно оказалась под контролем Ковальчука и банка «Россия», петербуржец Дмитрий Медведев, руководитель администрации Путина, оценил стоимость тех же медиаактивов в 7,5 миллиарда долларов, что превратило Ковальчука в важнейшего медиамагната страны[1], главу крупнейшего в стране так называемого «частного» медиаконгломерата. Империя разрослась, включив некогда принадлежавший Березовскому Первый канал и два менее крупных канала – РЕН ТВ и СТС, – а также одну из самых уважаемых газет страны, «Известия», и ее самый читаемый таблоид, «Комсомольскую правду», и самую любимую интеллигенцией радиостанцию «Эхо Москвы». Постепенно ее деятельность стала важнейшим винтиком кремлевской пропагандистской машины.

Затем был «Сибур» – крупнейшая нефтехимическая компания России, 75 процентов которой принадлежали Газпромбанку, а остальные 25 – «Газфонду». Через год после того, как Газпромбанк за 1,8 миллиарда долларов перешел под контроль банка «Россия», «Сибур» оценивался в 4–5 миллиардов долларов: его выручка составляла 6 миллиардов, операционная прибыль – 1,2 миллиарда. Тем не менее его переход к банку «Россия» прошел незамеченным, без всяких комментариев. В 2011 году Газпромбанк перепродаст «Сибур» за нераскрытую цену двум близким к Путину бизнесменам – Тимченко и Леониду Михельсону. Одновременно Газпромбанк заявил, что оценивает компанию в 7,4 миллиарда долларов.

По оценке Владимира Милова, эта перетасовка акций втихую перекачала из подконтрольного государству «Газпрома» в руки банка «Россия» активы стоимостью до 60 миллиардов долларов, часть которых затем досталась ближайшим путинским дружкам.[2] Однако все это не подвергалось никакому независимому контролю ни со стороны правительства, ни со стороны акционеров, ни со стороны парламента. «Газпром» считался крупнейшей и важнейшей компанией российского государства, его главным источником доходов, однако его раздел прошел без обсуждения, за закрытыми дверями. «Это была полная раздача всех финансовых и прочих активов. А "Газпром" ничего не получил. Фантастическая история», – говорит Милов.[3]

Милов, которому тогда было едва за тридцать, – с густыми темными волосами, открытым и пытливым видом – был одним из самых ярких молодых чиновников в правительстве Путина во время его первого срока. Но он ушел менее чем через год, разочарованный отсутствием реформ по разделению таких монополий, как «Газпром», и стал одним из редких голосов, критикующих правительственную политику. Создав независимый аналитический центр, комментировавший энергетическую политику правительства, он приобрел репутацию проницательного эксперта либеральных взглядов. В 2008 году, когда

[1] Belton. A Realm Fit for a Tsar.

[2] Интервью автора с Миловым, сентябрь 2011 г. В эту оценку входил и 3-процентный пакет акций «Газпрома», принадлежавший «Газфонду», стоимостью 7,7 миллиарда долларов; эту оценку см. также: Немцов, Милов. «Путин и "Газпром"».

[3] Интервью автора с Миловым, сентябрь 2011 г.

путинское правительство все больше напоминало клептократию, Милов присоединился к либеральному оппозиционному движению во главе с бывшим вице-премьером Борисом Немцовым. Он стал соавтором серии докладов, исследовавших провалы путинского режима, в том числе написанного им самим доклада о выкачивании активов из «Газпрома» под названием «Путин и "Газпром"».

В те дни Милов был одиноким смелым голосом, указывавшим на масштабы выкачивания активов. По мере того как путинские люди все больше подчиняли себе все рычаги власти, мало какие инвестиционные банки или инвесторы изучали эти переводы. В разговорах со мной Милов часто упоминал иронию того, что путинские люди утверждали, будто захватили «Газпром», чтобы искоренить выкачивание активов руководителями ельцинской эпохи, – тем циничнее было то, что после установления контроля Путина над газовым гигантом выкачивание активов приобрело еще более грандиозный размах. «Прежнее руководство "Газпрома" раздавало активы, у него были на то какие-то основания, – говорит Милов. – Они отдавали другим по сниженной цене активы, которые "Газпром" не был способен развивать сам. Но когда руководить стали путинские люди, они просто раздавали активы без всякой причины, почти даром».[1]

Сергей Колесников, бежав на Запад, присоединился к тем, кто объяснял, что причина этому проста. Путин превратил «Газпром» в свою личную вотчину, в собственность, которой он распоряжался одновременно как геополитическим инструментом для проецирования кремлевской власти и как источником денег для своего окружения. «Знаете, кто настоящий владелец "Газпрома"? – спросил меня Колесников. – Тот, кто говорит его главе Алексею Миллеру, что делать, кому какой контракт дать и по какой цене, по какой цене работать с "Согазом", кому его продать и кому продать Газпромбанк? Это все Путин».[2]

Колесников был посвящен в крайне деликатную информацию. Он точно понимал, как работает система черных касс, и помимо выкачивания активов из «Газпрома» больше всего его тревожило то, что все больше денег в курируемой им сети стало направляться на личный комфорт Путина. Один из фондов, которыми управлял Колесников, предназначался для того, чтобы направлять часть «пожертвований» на инвестиции в реальную российскую экономику, в том числе в петербургские судоверфи. Поначалу это делало для Колесникова выкачивание «пожертвований» отчасти приемлемым – по крайней мере часть богатства шла на создание рабочих мест и развитие экономики. Другая же часть должна была пойти на строительство роскошного дворца для президента на черноморском побережье. Первоначально проект задумывался как сравнительно скромный дом площадью в тысячу квадратных метров. Но он разросся, словно снежный ком, в дворец в итальянском стиле площадью четыре тысячи квадратных метров с тремя вертолетными площадками, летним амфитеатром, пристанью для яхт и чайным домиком с бассейнами стоимостью 1 миллиард долларов.[3] Когда после финансового кризиса 2008 года Путин распорядился потратить все оставшиеся средства черной кассы «Петромеда» на свой дворец вместо судоверфей и других проектов в реальной экономике, Колесников начал строить планы бегства. «Оказалось, что я пятнадцать лет каждый день по десять часов работал на строительство дворца для царя, – говорит он. – С этим

[1] Там же.

[2] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[3] Там же.

я никогда не мог бы согласиться. Но когда я возражал, мне говорили: "Ты против кого выступаешь? Ты идешь против царя"».[1]

Перенаправление средств на президентский дворец было самым явным признаком того, что сеть компаний, которую помогал курировать Колесников, была тесно связана с личным состоянием Путина – что это черная касса, из которой можно черпать для собственных нужд. Колесников утверждал, что именно Шамалову, ближайшему другу Путина, тот лично поручал тратить на дворец все больше денег вместо инвестиций в реальную экономику. И действительно, дворец принадлежал компании Шамалова.[2] «Шамалов представлял Путина, – говорит один человек из этого круга.[3] – Именно он получал указания, куда должны идти деньги». Эта деятельность ставила интересный вопрос. Если Шамалов представлял интересы Путина при строительстве дворца, то не представляла ли и его доля в банке «Россия» личный интерес Путина? Шамалов от комментариев отказался. Но когда Колесников выступил со своим рассказом, пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков высмеял подобные утверждения как «чушь»: «Путин никогда не имел и не имеет никакого отношения ни к банку "Россия", ни к каким-либо транзакциям или сделкам через какие-либо из упомянутых офшорных компаний или компаний. Он не имеет никакого отношения к росту банка».[4]

Если бы не траты средств на личный комфорт Путина, никакую связь с его собственными интересами проследить было бы невозможно. «Нет никаких документов или бумаг, показывающих, что Путину что-то принадлежит», – говорит Колесников.[5] «Путин – человек, которого специально учили не оставлять следов». Тем, кто управлял сетью банка «Россия», тоже было велено вести дела в тайне. Встречаясь для обсуждения дел, они придумали систему кличек, чтобы в случае прослушки никто не знал, о ком идет речь. Путин был «Михаилом Ивановичем» – по имени всезнающего начальника милиции из классической советской кинокомедии.[6] Ковальчука странным образом прозвали «Косым». «Когда решили всем дать клички, у него болел глаз, поэтому его так и решили назвать», – говорит Колесников.[7] Шамалов выбрал себе кличку «Профессор» – в честь персонажа, ставившего опыты над бродячим псом в сатирической повести Михаила Булгакова о советском человеке «Собачье сердце». Алексей Миллер из «Газпрома» был «Солдатом» – намек на его репутацию верного исполнителя, выполняющего приказы. Близкий союзник Путина Тимченко стал «Гангреной» – потому что в то время его нефтетрейдинговый бизнес разрастался так быстро.[8]

---

[1] Там же.

[2] После того как впервые появились обвинения Колесникова, Шамалов продал свою долю во дворце другому близкому к путинскому Кремлю бизнесмену, Александру Пономаренко. См.: Ринат Сагдиев, Ирина Резник. «Трое из дворца» // Ведомости, 4 апреля 2011 г.

[3] Интервью автора с человеком, знакомым с Шамаловым и Путиным.

[4] Интервью автора с Песковым, ноябрь 2011 г.

[5] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[6] Фильм называется «Бриллиантовая рука». Сергей Пугачев также подтвердил, что за глаза Путина называли Михаилом Ивановичем – по имени начальника милиции из этого фильма.

[7] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[8] Банк «Россия» стал гнездом для всех ближайших путинских дружков. Его ключевые деловые союзники то входили в число акционеров, то выходили из него: неизменным крупнейшим акционером оставался только Ковальчук, которому в начале 2005 года, когда завершилось приобретение акций «Согаза», принадлежало 37,6 процента. Нефтетрейдеру Тимченко International Petroleum Products с 1998 по 2002 год принадлежало 20,7 процента, а другой его трейдер, «Кинэкс», владел этим пакетом до 2003 года. Какое-то время банк был также точкой пересечения с некоторыми интересами организованной преступности, с которыми водил компанию

Бежав за границу, Колесников увез с собой не только документы о сделках, но и записи разговоров между членами этой группы. Одна из них, по-видимому, была записью его встречи с Шамаловым в Санкт-Петербурге. В ней они подсчитывают, чьи деньги чьи в той кассе, которой они управляют в Rollins International, звене сети «Петромеда» на Британских Виргинских островах. «Деньги Михаила Ивановича – 439 миллионов долларов. Это деньги Михаила Ивановича», – говорит Колесников.[1]

Создавалась изощренная система подставных лиц, которые могли действовать от имени Путина и его режима комитетчиков. Если магнаты ельцинской эпохи стремились манипулировать ослабленным Кремлем, чтобы тот раздавал им активы по сниженным ценам, то Путин создавал верную сеть доверенных хранителей, связанных с КГБ. Этот процесс распространялся на запад – в Европу, в Лихтенштейн и Монако, а затем в Панаму и на Британские Виргинские острова. Тимченко давно перебрался со своей петербургской базы и пускал глубокие корни в Женеве. Окруженный заснеженными Альпами и горами Юра, этот город давно был естественным пунктом назначения для российских денег. Будучи частью нейтральной буферной зоны между Востоком и Западом с конца Второй мировой войны, он надежно хранил в своих стенах финансовые тайны мировых держав. «Это было убежище для обоих блоков, – говорит бывший офицер КГБ, работавший там.[2] – Это как ресторан посередине, между Чайнатауном и Маленькой Италией, куда два мафиозных босса могут прийти поесть и обсудить дела. Самый безопасный ресторан в мире». Деньги КГБ давно хранились в сейфах этого города: банкиры шепотом рассказывали, как во времена холодной войны советские бизнесмены с чемоданами, набитыми наличными, звонили им из телефонных будок.[3] То были дни номерных счетов, кодовых слов и дел, которые вершились по одному кивку и подмигиванию. Теперь, когда холодную войну давно объявили законченной, Женева вновь становилась важным форпостом для нефтяных богатств, которыми распоряжались путинские люди из КГБ.

С выгодной позиции на берегу Женевского озера нефтетрейдинговая компания Тимченко Gunvor стала самым непосредственным бенефициаром кремлевского захвата ЮКОСа. Какое-то время ее взлет был одной из великих загадок отрасли. Поначалу мало кто заметил, как после приобретения «Юганскнефтегаза» сечинской «Роснефтью» новый государственный нефтяной чемпион начал перенаправлять бóльшую часть своего экспорта через Gunvor. Затем, когда подконтрольный государству «Газпром» в 2005 году урвал свой кусок нефтяной отрасли, приобретя «Сибнефть» Романа Абрамовича, его нефтяное

Путин. В течение двух лет, в 1998–1999 годах, Геннадию Петрову, одному из лидеров тамбовской преступной группировки, принадлежало 2,2 процента банка, а одному из его деловых партнеров, Сергею Кузьмину, – еще 2,2 процента; это было частью сети тесно переплетенных компаний, которым в то время, по-видимому, принадлежало до 14 процентов. Это было красноречивым признаком союза с организованной преступностью, который путинские люди из КГБ заключили, чтобы управлять городом – а затем и страной – в собственных интересах. Этот союз позднее слишком явно проявился, когда в 2009 году испанская прокуратура арестовала Геннадия Петрова в Испании в рамках масштабного расследования отмывания российских денег через испанскую недвижимость. Дело частично основывалось на прослушке, на которой Петров и его деловые партнеры обсуждали связи на самом высоком уровне кремлевской власти. Все это время жена Петрова оставалась жительницей комплекса на Каменном острове, где жили Колесников, Ковальчук и другие акционеры банка «Россия».

[1] Евгения Альбац. «Чисто конкретный кандидат» // The New Times, 26 февраля 2012 г.

[2] Интервью автора с бывшим офицером КГБ, май 2013 г.

[3] Интервью автора, декабрь 2012 г.

подразделение «Газпромнефть» тоже начало отдавать крупные контракты Gunvor. Запуганные растущей мощью Кремля, другие нефтяные компании, стремясь снискать его расположение, последовали их примеру. За четыре года Gunvor стала торговать 30 процентами всего морского экспорта нефти из России.[1] Ее взлет был настолько стремительным, что его уже нельзя было скрыть: к 2008 году она стала третьим по величине нефтетрейдером мира с выручкой в 70 миллиардов долларов.

Один за другим другие независимые российские нефтетрейдеры, процветавшие в Женеве в ельцинские годы, закрыли лавочку. Когда ЮКОС продавал нефть через свою женевскую компанию Petroval, миллиарды долларов, которые он зарабатывал на разнице между внутренними и мировыми ценами на нефть, были большой проблемой для путинского режима. Но теперь, когда нефтяные потоки перенаправили через трейдера, принадлежавшего одному из ближайших союзников Путина, эта озабоченность, похоже, улеглась. Оставшись без нефти, Petroval, располагавшаяся прямо за углом от Gunvor, на центральной женевской улице Рю-дю-Рон, была вынуждена закрыться.[2] Gunvor «забрала все наши баррели», говорит один бывший трейдер Petroval.[3]

Путинское правительство, казалось, пресекло худшие крайности так называемых схем трансфертного ценообразования девяностых, при которых сырье продавалось через посредников и трейдеров по более низким внутренним ценам, а разница с мировой ценой оседала у них. Но Gunvor никогда не раскрывала свою прибыль, и долгое время ни она, ни ее главный поставщик «Роснефть» не подвергались никакому контролю. До конца 2007 года «Роснефть» не продавала трейдерам ни баррели своего экспорта сырой нефти через открытые тендеры. Поначалу «маржа была невероятной», говорит один человек, участвовавший в торговых операциях Gunvor.[4] Тимченко через своих адвокатов заявил, что все контракты с «Роснефтью» заключались исключительно на основе деловых качеств, отражая «лидирующее положение Gunvor на рынке, глубину ее экспертизы и опыта».

Какое-то время часть структуры собственности Gunvor казалась такой же загадкой, как и ее финансы. На бумаге ею владели Тимченко и его шведский деловой партнер Турбьёрн Тёрнквист, но также и третий акционер, имя которого, по словам нефтетрейдера, раскрыть было нельзя.[5] Из всех близких Путину соратников по КГБ, поднимавшихся теперь в бизнесе, Тимченко держался в тени больше всех. Он действовал в мире, окутанном тайной, курсируя

---

[1] Belton, Buckley. On the Offensive: How Gunvor Rose to the Top of Oil Trading // Financial Times, 14 мая 2008 г.

[2] Там же.

[3] Там же; интервью автора с бывшим трейдером Petroval, май 2007 г. (Gunvor редко раскрывала свои доходы. В 2008 году Тёрнквист сказал лишь, что годовая прибыль, как ожидается, составит «сотни миллионов» при выручке в 70 миллиардов долларов. Но другие нефтетрейдеры говорили, что эта сумма звучит явно заниженной: по одной оценке, Glencore, которая тогда тоже не раскрывала свою прибыль, в 2007 году заработала около 6 миллиардов долларов при выручке в 140 миллиардов.) В 2010 году, когда Gunvor впервые начала публично раскрывать свою прибыль, она сообщила, что чистая прибыль после уплаты налогов составила в том году 299 миллионов долларов при выручке в 96 миллиардов.

[4] Интервью автора, Женева, февраль 2013 г.

[5] Когда я брала интервью у Тёрнквиста в 2008 году, он сказал лишь, что третий акционер – «частный бизнесмен, не имеющий никакого отношения к политике». В 2012 году Роман Шлейнов установил, что третьим акционером был Петр Колбин, еще один петербургский бизнесмен, которого женевские соратники Тимченко называли «близким другом» Путина. См.: Роман Шлейнов. «Таинственным третьим владельцем Gunvor был петербуржец Петр Колбин» // Ведомости, 8 октября 2012 г. Один из бывших ближайших деловых партнеров Тимченко сказал, что сможет рассказать историю о том, кто такой Колбин, лишь «лет через десять».

между Москвой и Швейцарией, где анонимно жил в особняке, окруженном ухоженными садами и высоким охраняемым забором, в фешенебельном пригороде Колоньи с видом на Женевское озеро. Дела, которые он вел, были настолько деликатными, что он никогда не пользовался электронной почтой.[1] Если он и говорил по мобильному телефону, то в полном сознании того, что его слушают.[2] Он не давал ни одного интервью до 2008 года, когда стремительный взлет Gunvor вынудил его выйти на свет.[3] К тому времени существовала лишь одна его фотография.

В первые годы Тимченко оставался почти невидимым даже для самых близких к Путину людей. Сергей Пугачев часто проводил время с такими людьми, как Юрий Ковальчук, но Тимченко видел лишь однажды. «Путин всегда его от меня прятал», – говорит он.[4] Однажды зимним вечером он приехал в подмосковную резиденцию Путина Ново-Огарево и застал Тимченко на кухне. Путин тут же велел Тимченко подождать на улице, на снегу, пока они обсуждают дела. Он словно пытался продемонстрировать Пугачеву, что Тимченко для него не важен. Но Пугачеву это показало, насколько деликатными были отношения между этими двумя людьми.

Причина этой явной секретности стала Пугачеву ясна, когда в конце 2003 года к нему прилетел банкир из Швейцарии. Банкир расспрашивал его о Тимченко и сказал, что ему сообщили, будто тот держит средства президента: «Он сказал мне: "Есть такой парень, Тимченко, и он принес нам огромное количество денег". Он сказал мне, что все это деньги Путина», – говорит Пугачев.[5]

* * *

С тех пор как взлет Gunvor начал порождать домыслы о финансовых связях с Путиным, Тимченко неизменно и решительно отрицал, что успех компании имеет какое-либо отношение к президенту, настаивая, что он обусловлен его собственной деловой хваткой. Когда к концу второго срока Путина политолог с хорошими связями Станислав Белковский осмелился публично заявить, что Путин – один из конечных бенефициаров Gunvor[6], Путин отмахнулся от этих обвинений с еще большим, чем обычно, пренебрежением. Это чушь, сказал он журналистам, которую «просто выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам».[7]

Но для Пугачева деликатность и секретность вокруг Тимченко могли означать только одно: больше, чем кто-либо другой в ближнем круге Путина, в начале путинского президентства именно он был первым деловым союзником, державшим для него средства. Именно поэтому, считает Пугачев, Путин, казалось, был потрясен, когда Пугачев спросил его

[1] Андрей Ванденко. «Геннадий Тимченко: За все в жизни надо платить. И за знакомство с руководством страны тоже» (интервью с Тимченко) // ИТАР-ТАСС, 4 августа 2014 г.

[2] Там же. В интервью Тимченко говорит, что Эдвард Сноуден научил его «аккуратнее пользоваться этой техникой. Нас слушают».

[3] Andrew Higgins, Guy Chazan, Alan Cullison. The Middleman: Secretive Associate of Putin Emerges as Czar of Russian Oil Trading – In First Interview, Gennady Timchenko Denies Ties // Wall Street Journal, 11 июня 2008 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г. Тимченко через своих адвокатов заявил, что любые предположения о некой «секретности» вокруг его отношений с Путиным абсурдны.

[5] Там же.

[6] Luke Harding. Secretive Oil Firm Denies Putin has Any Stake in its Ownership: Company Rejects Claims it Benefits from Kremlin Ties // Guardian, 22 декабря 2007 г.

[7] Russian President Says Claims That He Has Amassed a Personal Fortune Are Nonsense // Associated Press, 14 февраля 2008 г.

о Тимченко после того, как побывал у Березовского, к тому времени жившего в изгнании в Лондоне, и тот сказал ему, что его заклятый враг грозит раздуть скандал с участием Тимченко. «Он стал совершенно белым, – говорит Пугачев. – Он сразу оборвал разговор. Он даже не спросил, что за скандал».[1]

Для двух бывших соратников Тимченко по КГБ и двух близких союзников Путина корни успеха Gunvor могли лежать только в финансовых связях с российским президентом. «Деньги Путина там, конечно, есть, – говорит один из них. – А как, по-вашему, еще Тимченко стал таким миллиардером?»[2] «Когда Gunvor создавалась, это была на сто процентов компания Путина, – говорит российский магнат, близкий к Путину.[3] – Тимченко – просто держатель кошелька, на счету которого 10 миллиардов долларов. Они могут расходиться в том, сколько из этого его, а сколько Путина. Но на самом деле это все одно и то же». Позднее Министерство финансов США прямо заявило, что «Путин имеет инвестиции в Gunvor и может иметь доступ к средствам Gunvor».[4]

Тимченко неоднократно отрицал какую-либо связь Gunvor с Путиным и называл санкции не более чем попыткой оказать давление на российский режим. Но в Женеве сеть финансистов, часть которых работала с Тимченко, тоже оставила след связей, ведущих к российскому президенту. Они же указывали и на более масштабную стратегическую цель. Среди них были потомки белоэмигрантских аристократов, бежавших после большевистской революции, которые мечтали о восстановлении Российской империи и давно были связаны с КГБ. Почти по определению они поддерживали восстановление имперской мощи России, и когда путинские люди взяли под контроль экономику, они поддерживали его на каждом шагу.

Одним из них был банкир, за назначением которого в 2007 году главой российского направления частного банковского обслуживания HSBC в Женеве вскоре последовал приход в число клиентов банка Тимченко и его дочери.[5] По словам двух людей, знакомых с ситуацией,

---

[1] Интервью автора с Пугачевым, январь 2015 г.

[2] Интервью автора с бывшим офицером КГБ и близким соратником Тимченко, май 2014 г.

[3] Интервью автора с российским магнатом, близким к Путину, сентябрь 2014 г.

[4] US Department of Treasury. Treasury Sanctions Russian Officials, Members of the Russian Leadership's Inner Circle, and an Entity for Involvement in the Situation in Ukraine, 20 марта 2014 г., https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl23331.aspx. Министерство финансов США никаких подробностей не привело. Некоторые признаки тесных финансовых отношений между Тимченко и семьей Путина выявило расследование Reuters 2015 года. В 2012 году Тимченко передал за нераскрытую цену право собственности на особняк стоимостью 3,7 миллиона долларов на побережье юга Франции, в Биаррице, человеку, который вскоре стал мужем младшей дочери Путина, – Кириллу Шамалову (Stephen Grey, Andrei Kuzmin, Elizabeth Piper. Putin's Daughter, a Young Billionaire and the President's Friends // Reuters, 10 ноября 2015 г.). Через год после свадьбы Шамалова с младшей дочерью Путина в 2013 году он также приобрел у Тимченко за нераскрытую цену 17 процентов акций крупнейшего в России нефтехимического гиганта «Сибур» с помощью кредита в 1 миллиард долларов от тесно связанного с ними Газпромбанка (Jack Stubbs, Andrei Kuzmin, Stephen Grey, Roman Anin. The Man Who Married Putin's Daughter and then Made a Fortune // Reuters, 17 декабря 2015 г.). (Представитель Тимченко заявил, что передача состоялась по рыночной цене.)

[5] Этот раздел основан на десятках часов интервью, которые автор провела с женевскими соратниками Тимченко в период с декабря 2012 по апрель 2015 года. Признаки банковских связей Гучкова с Тимченко обнаружились в массиве утекших банковских документов HSBC, которыми поделился Международный консорциум журналистов-расследователей. Согласно им, Тимченко и его дочь Ксения открыли счета в частном банке HSBC в Женеве в конце марта 2007 года – всего через шесть недель после того, как HSBC объявил о переходе к нему Гучкова и его команды из Julius Baer, 180-летнего частного швейцарского банка, для руководства российским направлением частного банковского обслуживания. Гучков от комментариев отказался, сославшись на то, что

этот банкир, Жан Гучков, тесно работал с Тимченко в ряде ведущих частных банков Женевы. (Тимченко через своих адвокатов заявил, что знает Гучкова, но деловых отношений с ним не имеет. Он вновь повторил, что никакой связи с Путиным нет.)

Гучков был внуком белоэмигрантского аристократа, возглавлявшего одну из первых Дум и бывшего одним из лидеров октябристов, отчаянно добивавшихся реформ конституционной монархии до того, как к власти пришли большевики.[2] Гучков сохранял величественную осанку своего знаменитого предка. Волосы он зачесывал назад с высокого лба, глаза у него были холодные и голубые. Годами он тесно работал с путинским режимом, с шиком наезжая в Москву и обхаживая богатых российских клиентов, работая сначала в Intermaritime Bank of New York, затем в Julius Baer и потом в HSBC. Но для большинства его коллег в Москве его перемещения оставались загадкой. «Он никогда не говорил, когда бывает в Москве, и никогда не говорил, с кем встречается, – говорит его бывший коллега по HSBC.[3] – Он приезжал и уезжал, не оставляя следов». Знающие его люди говорят, что для секретности были веские основания. «Этот человек находится в нервном центре российской власти», – говорит один из его женевских соратников.[4]

По словам двух его женевских соратников, в девяностые Гучков сыграл ключевую роль в знакомстве Тимченко с его шведским деловым партнером Турбьёрном Тёрнквистом.[5] Тогда Гучков и Тёрнквист работали в деловой империи скандального швейцарского финансиста Брюса Раппапорта, давно ведшего дела с Советами, – Гучков в его Intermaritime Bank, а Тёрнквист в его нефтетрейдинговой компании Petrotrade.[6] (Тимченко утверждал, что познакомился с Тёрнквистом несколькими годами позже, когда швед работал в торговой фирме в Эстонии.) Гучков отрицал, что вообще знаком с Путиным. Но трое его соратников сказали, что после того, как Путин стал президентом, Гучков с ним сблизился.[7] Когда в 2010 году умерла жена Гучкова, он, по словам одного из этих близких соратников, ездил с Путиным и Тимченко в древний монастырь на Ладожском озере, недалеко от границы с Финляндией, – место, издавна почитаемое православными верующими[8], – и затем возвращался туда с ними еще два или три раза. В благодарность за услуги Путин дал Гучкову российский паспорт,

---

швейцарский закон о банковской тайне не позволяет ему этого делать. HSBC также отказался отвечать на вопросы о клиентах Гучкова, но дал понять, что знает о глубине его российских связей, сказав, что нанял его, стремясь расширить присутствие на российском рынке. Через два года после его прихода в частный банк HSBC начал кампанию стоимостью 200 миллионов долларов по расширению присутствия в России, и Гучков вошел в совет директоров HSBC Россия.

[1] Двое людей, имевших непосредственные дела с Гучковым, декабрь 2012 г. и сентябрь 2013 г.

[2] Интервью автора, Женева, декабрь 2012 г. – апрель 2015 г.; см. также интервью Гучкова сайту banki.ru: «Иван Гучков: "Россия – одна из таких стран, куда сейчас выгодно инвестировать"», 30 декабря 2015 г.

[3] Интервью автора с бывшим коллегой по HSBC в Москве, июль 2013 г.

[4] Интервью автора, Женева, май 2013 г.

[5] Интервью автора с двумя женевскими соратниками Гучкова, апрель 2013 г., декабрь 2013 г., январь 2014 г., март 2014 г., январь 2014 г., март 2015 г.

[6] Там же. Petrotrade была той частью империи Раппапорта, которая приносила миллиардеру бóльшую часть денег. Ей принадлежал огромный, изрыгающий дым нефтеперерабатывающий завод в Антверпене, в Бельгии, давно снабжавшийся поставками советской сырой нефти через советскую монополию на нефтяную торговлю.

[7] Интервью автора с одним соратником, сентябрь 2014 г., со вторым в Женеве, декабрь 2013 г., и с третьим, апрель 2014 г.

[8] Интервью автора с женевским соратником, Женева, декабрь 2013 г. Тимченко через своих адвокатов отрицал, что посещал Валаамский монастырь вместе с Гучковым и Путиным.

говорят двое близких к нему людей.[1] Когда одного из женевских соратников Гучкова спросили, распространяется ли дружба Гучкова с Путиным на оказание ему финансовых услуг, тот ответил сдержанно: «Это скорее дружба. Но стратегическая. Если Путину что-то нужно, Гучков может это сделать».[2] Близость Гучкова указывала на то, что, как и в случае Ковальчука и банка «Россия», взлет Тимченко касался гораздо большего, чем личные финансы президента. Речь шла о создании черной кассы для путинского клана КГБ, предназначенной для сохранения и проецирования его власти. Тимченко и Гучков, судя по всему, были частью стратегической сети, которая, подобно подпольным финансовым сетям КГБ, продвигавшим интересы Коммунистической партии в советские времена, должна была управлять средствами и распределять их для стратегических нужд путинского режима. «Конечно, в деятельности Тимченко есть какие-то интересы Путина, – говорит бывший высокопоставленный офицер КГБ, соратник женевских финансистов.[3] – Но это не обязательно в виде каких-то личных денег. Это может быть черный нал для финансирования партийной деятельности или благотворительный фонд, который может влиять на электоральную ситуацию. Это могут быть стратегические ресурсы». «Тимченко реализует то, что необходимо реализовать, – говорит близкий к Путину бывший союзник по КГБ. – Он источник ресурсов для реализации определенной политики в определенных интересах».[4] Двое высокопоставленных американских чиновников сказали, что разделяют эту точку зрения.[5] Такой способ действовать был неотъемлемой частью КГБ – словно тот не умел выживать без непрозрачных финансовых сетей, которые использовал в советские времена для контрабанды запрещенных к вывозу технологий, финансирования кампаний влияния Коммунистической партии и тайных операций за рубежом. Путинские люди воспроизводили управлявшиеся КГБ системы прошлого, в которых экспорт нефти был ключевым источником черного нала. Россия сбросила правила командной экономики и стала полноправным участником мировой рыночной экономики. Но теперь, когда Путин и его люди из КГБ взяли власть, они меняли характер взаимодействия России с ней, осуществляя такую форму государственного капитализма, при которой – как и рекомендовали записки КГБ о переходе к рынку задолго до того – от имени режима действовали доверенные хранители вроде Тимченко. Они были продолжением Кремля, а не независимыми компаниями, руководствующимися лишь принципами собственной выгоды, присущими обычным западным экономикам.

---

[1] Интервью автора с двумя соратниками Гучкова, сентябрь 2014 г., и в Женеве, декабрь 2012 г., а также май 2014 г.

[2] Интервью автора с соратником Гучкова, Женева, декабрь 2013 г.

[3] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, близким соратником женевских финансистов, июнь 2014 г.

[4] Интервью автора с союзником Путина, январь 2017 г.

[5] Один высокопоставленный американский чиновник сказал в интервью в сентябре 2015 года: «Когда в твоем распоряжении миллиарды долларов, не все они могут быть личными». Считалось, что Тимченко – «хранитель частного состояния Путина и счетов типа стратегических черных касс». Другой высокопоставленный американский чиновник сказал тогда в отдельном интервью, что, разрабатывая санкции против деловых союзников Путина, правительство США нацеливалось именно на такого рода богатство. «Мы считаем, что часть богатства его приближенных, особенно Тимченко, но также и… других, переплетена с деньгами Путина. Один из способов, которым он может прятать свои частные активы, – они могут делать это за него: он должен доверить это людям, которым доверяет, чтобы не оставалось бумажного следа. Затем Путин приказывает российским олигархам, и в особенности приближенным, тратить деньги на государственные проекты». Адвокаты Тимченко заявили, что ни Тимченко, ни какие-либо его компании не держат и не управляют и никогда не держали и не управляли какими-либо активами Путина. «Наш клиент и его компании не имеют и не имели никакого отношения к каким-либо активам г-на Путина».

План КГБ предусматривал создание за рубежом компаний, которые будут «участвовать во всех формах информационной и посреднической деятельности: трейдеры, брокерские фирмы, сервисные компании и представительства», «акционерами которых будут доверенные лица». В особенности записки указывали, что такие операции следует базировать «в одной из капиталистических стран с мягким налоговым режимом, например в Швейцарии».[1]

Для путинских людей было вполне логично, что крупнейший и самый стратегический денежный поток страны – от торговли нефтью – должен оказаться в руках близкого союзника. По их мнению, политический вызов, который, как они считали, бросил Ходорковский, доказывал необходимость этого. «Можно сказать, что все деньги [Gunvor] – путинские, – говорит Андрей Панников, бывший офицер КГБ, один из первых партнеров Тимченко по нефтяной торговле. – Но все гораздо сложнее: если рынок в верных руках, значит, есть контроль над ценами. А еще это значит, что прибыль не идет на финансирование терроризма».[2] Панников был первопроходцем в работе через западную финансовую систему.[3] В восьмидесятые он изучал офшорные финансы во Всесоюзной академии внешней торговли – как раз тогда, когда КГБ начинал подготовку к новому этапу борьбы с Западом.

Внебалансовая система, первоначально предложенная КГБ, похоже, вводилась в действие при Путине, и она обходила обычные механизмы современного государственного учета, такие как федеральный бюджет, в котором расходы на разведку, выборы, правовую систему и политику утверждаются парламентом. Вместо этого создавались огромные черные кассы, где полное отсутствие прозрачности и подотчетности устраивало режим, нацеленный на авторитарное правление и восстановление геополитической мощи России.

Жан Гучков вырос в сплоченной белоэмигрантской общине Парижа вместе с еще одним членом группы женевских финансистов. Серж де Пален – высокий сутуловатый человек с густыми властными бровями и высоким лбом – давно был близок к Путину.[4] «Де Пален – один из ближайших друзей Путина. Он из одного из самых знатных родов России», – говорит один женевский соратник.[5]

Когда дед Гучкова поселился в Париже, присоединившись к сотням тысяч бежавших от большевистской революции 1917 года[6], его семья и семья де Пален жили в тесной диаспоре, объединенной скорбью по утраченной империи и преданностью русской культуре и православной церкви. Большинство белых эмигрантов в Париже жили очень скромно: город полнился историями о великих князьях и князьях, водивших такси или прислуживавших официантами. Эту общину всегда раздирали интриги, двойные агенты и заговоры. Многие продолжали ругать большевиков и пытались организовывать оппозиционные ячейки из-за рубежа, а другие стали доносить на соотечественников. Советские спецслужбы давно стремились проникнуть в белоэмигрантскую диаспору – сначала чтобы внедриться в оппозиционные движения, а затем чтобы вербовать агентов для укрепления собственной власти. Для завербованных это был источник крайне нужных денег, а для некоторых – окно в

[1] См. главу 2.

[2] Интервью автора с Панниковым, апрель 2008 г.; см. также: Belton, Buckley. On the Offensive.

[3] Интервью автора, август 2019 г.

[4] Интервью автора с тремя людьми, близкими к де Палену.

[5] Интервью автора, Женева, декабрь 2013 г.

[6] Интервью автора, Женева, май 2014 г., и с Малофеевым, апрель 2014 г.

Российскую империю, в которую они по-прежнему верили, кто бы ни держал бразды правления.

По словам бывшего высокопоставленного офицера российской внешней разведки, Серж де Пален и Александр Трубецкой, сын белоэмигрантского князя, были среди сторонников империи, завербованных КГБ в восьмидесятые.[1] Они стали частью сети, которой руководил Игорь Щеголев, впоследствии путинский министр связи, а тогда работавший под прикрытием КГБ парижским корреспондентом советского государственного агентства ТАСС.[2] В то время, когда контрабанда запрещенных к вывозу технологий достигла пика, Трубецкой работал в Thomson – производителе полупроводников и микроэлектроники, в который давно проникли советские агенты. Де Пален же курсировал между Парижем и Москвой от французской компании, поставлявшей оборудование советским нефтеперерабатывающим заводам, – части сети дружественных фирм, которые, по-видимому, помогали финансировать советские операции влияния. В 1981 году он обзавелся бесценной связью, женившись на Маргерите Аньелли, дочери главы семьи владельцев Fiat[3], и тут же был назначен вице-президентом Fiat по международным связям. С этой позиции он продолжал часто бывать в Москве, водя компанию с партийными бонзами и иностранными банкирами, поддерживавшими советский режим.[4] Fiat всегда был ключевым советским партнером и, по словам двух бывших посредников КГБ, стал через множество дружественных фирм поставщиком технологий двойного назначения.[5] Гучков тем временем работал в Москве, курируя группу французских банков, финансировавших советскую нефтяную промышленность.[6] Оба были частью сети людей, помогавших советскому режиму.

Де Пален впервые встретился с Владимиром Путиным в ноябре 1991 года, когда Путин был вице-мэром Санкт-Петербурга, а де Пален помогал организовать возвращение в Россию последнего наследника царей, великого князя Владимира.[7] Он уже знал петербургского мэра Анатолия Собчака через белоэмигрантскую общину в Париже, и они с Путиным сразу нашли общий язык. Де Пален «выделил Путина», говорит еще один член этой имперски настроенной группы, Константин Малофеев: «Он сказал: "Этот парень думает, как мы"».[8] Ни тот ни другой не мог представить себе Россию иначе как великой державой. Оба были потрясены крахом страны и хаосом, разворачивавшимся после провала августовского путча. Они поддерживали тесную связь: бывая в Париже, Путин всегда навещал де Палена, и Собчак с семьей тоже оставались с ним близки.

---

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером российской внешней разведки, май 2018 г. См. также: Роман Шлейнов. «Как князя Александра Трубецкого завербовали в "Связьинвест"» // Ведомости, 15 августа 2011 г.

[2] Там же; см. также статью Шлейнова. Трубецкой работал там в то время, когда офицер КГБ Владимир Ветров перешел на сторону Запада со списком советских офицеров, занимавшихся контрабандой технологий. Но Трубецкой продолжал работать в Thomson, снабжая Щеголева и ТАСС компьютерами.

[3] Интервью автора, Женева, май 2014 г.

[4] Там же; а также интервью автора с видным западным банкиром, обслуживавшим тогда интересы Политбюро и дружившим с де Паленом, июнь 2014 г.

[5] Интервью автора с бывшими соратниками по КГБ, март 2014 г. и март 2013 г.

[6] Интервью автора, Женева, декабрь 2013 г.

[7] Интервью автора, Женева, май 2014 г., и с Малофеевым, апрель 2014 г.

[8] Интервью автора с Малофеевым, апрель 2014 г.

Когда Путин стал президентом, де Пален сразу же оказал ему поддержку. Накануне своей первой встречи с французским коллегой Жаком Шираком Путин обратился за советом к де Палену.[1] Они ужинали вдвоем в отдельном кабинете парижского ресторана, и де Пален сказал ему, что он должен править тридцать лет – столько же, сколько Екатерина Великая. Только так можно навести порядок, сказал он ему. Только так можно восстановить Россию как мировую державу.

Гучков и де Пален были ведущими членами сети потомков белых эмигрантов, которые помогали Путину в его миссии по восстановлению глобального положения России после распада Советского Союза. Путин черпал идеи из сочинений и философии эмигрантов, писавших об особом пути страны как евразийской империи, о ее предназначении служить противовесом Западу, когда стремился выковать новую российскую идентичность и навести мосты с дореволюционным имперским прошлым. Их слова, похоже, произвели на него глубокое впечатление, и Гучков с де Паленом всецело поддерживали его, когда, став президентом, он стремился обуздать власть олигархов ельцинской эпохи. Они одобряли упор на построение новой системы кремлевских лоялистов. «Когда ты в стратегических отраслях, ты часть государства, – говорит один из женевских соратников. – Нефть, газ, телекоммуникации – это по определению стратегические отрасли. Если ты в этой отрасли, ты служишь. Ты не независим от государства».[2]

У Путина «была священная миссия спасти страну», говорит один близкий к Гучкову человек.[3] Для де Палена, когда мы встретились в его заваленном книгами женевском кабинете, Путин был ключом к возрождению России: «Он остановил распад страны и начал восстановление новой России. Это очень важно для Америки, которая не хочет многополярного мира. Они не хотят сильной России».[4] Приватизации девяностых, по его словам, были «варварскими».

Гучкова и де Палена, похоже, не особенно заботило, что путинские люди из КГБ сами прибегают к варварским методам, попирая законные права в стремлении установить контроль над экономикой. Они говорили себе, что подрыв Кремлем правовой системы – часть исторической миссии по восстановлению российской мощи как противовеса Западу. «Воровали все, – говорит один из их женевских соратников. – Но потом пришел Путин и сказал: "Хватит. Теперь время, когда Россия – великая держава двадцать первого века… Вы много получили от ресурсов России. Теперь пора отдавать". Я понимаю, что с точки зрения верховенства права, может быть, надо было делать по-другому. Но у Путина не было времени. Ему приходилось срезать углы. Может быть, Ходорковский пострадал, но Путин должен был сделать то, что должен был… Патриотизм важнее».[5]

Их, похоже, не особенно заботило и то, что путинские люди из КГБ воруют – и во все больших количествах по мере того, как цены на нефть начали взлетать. Самым важным было восстановление власти Кремля. Неважно, каким путем к этому придут. «Деньги и власть идут рука об руку со времен древних фараонов, – говорит женевский соратник. – Всегда существовала высшая сфера, где встречаются деньги и власть. Люди в России не глупы.

[1] Интервью автора с двумя женевскими финансистами, Женева, май 2014 г.

[2] Интервью автора, Женева, май 2013 г.

[3] Интервью автора, Женева, декабрь 2013 г.

[4] Интервью автора, Женева, май 2014 г.

[5] Интервью автора, Женева, март 2014 г.

Конечно, у Путина есть какие-то личные интересы. Но важно то, что другого столь же популярного лидера нет. Нормальное население хочет иметь холодильник, телевизор, дом, детей, машину. Остальное тебя более или менее не волнует, пока это не затрагивает твое материальное положение». Цель состояла в восстановлении положения России как геополитической державы: «То, что мы видели последние двадцать – тридцать лет с приходом Горбачева, было моментом временной слабости. Какой может быть у любой большой державы… Теперь, когда экономика восстанавливается, Путин хочет вернуть себе сферу интересов».[1] Другой соратник женевских финансистов из КГБ обрушивался на чрезмерное, по его мнению, влияние, которое США имели на Германию со времен окончания Второй мировой войны, и говорил о том, что однажды оно будет сломлено.

Но поначалу об этих целях можно было только мечтать, и во второй срок Путина до них было еще далеко. Усилия по восстановлению российского влияния предстояло начать прежде всего гораздо ближе к дому.

* * *

Шел ноябрь 2005 года, прошел примерно год с тех пор, как «оранжевая революция» выбросила Украину с российской орбиты в объятия Запада, и Олег Рыбачук, руководитель администрации президента Украины Виктора Ющенко, с тревогой направлялся в Москву.[2] Целью его визита были переговоры о новом соглашении о поставках газа из России на Украину, и признаки были недобрыми. Украина зависела от России по большей части своего газа, а ее экономика уже начинала замедляться. С лета кремлевские чиновники предупреждали, что введут значительное повышение цен, а теперь, когда к власти пришел прозападный Ющенко, ясно давали понять, что не хотят фактически субсидировать украинскую экономику, тем более что руководители страны, по их утверждению, «получают зарплату от американцев – явно или скрыто».[3]

Положение «Газпрома» в центре газовой торговли между бывшими советскими республиками, с его огромными запасами газа и разветвленной сетью газопроводов по всей России, давно делало его ключевым рычагом российского влияния на ближайших соседей. Если у центральноазиатских республик были собственные запасы газа, то Грузия, Белоруссия и Украина зависели от поставок «Газпрома» и связанных с ним компаний. По большей части «Газпром» отпускал им газ со значительными скидками, как и в те времена, когда они были частью советской империи. Украина прежде всего выделялась как жизненно важный транзитный коридор для российского газа в Европу, где он покрывал 25 процентов потребностей континента. Но теперь, когда ее руководство повернуло на Запад, Кремль дал понять, что намерен покончить с любыми субсидиями.

Когда Рыбачук приехал в Кремль, Путин ясно изложил свои намерения. Россия хотела существенно поднять цены, и Украине придется согласиться на «определенные условия», иначе газ будет перекрыт.[4] Но на последующей встрече Дмитрий Медведев, тогда руководитель администрации Кремля и председатель совета директоров «Газпрома», приоткрыл окно для компромиссной сделки. Если Украина согласится покупать больше газа через определенного трейдера по выбору Кремля, а не у «Газпрома», то в целом цена может

[1] Там же.

[2] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

[3] Simon Saradzhyan. Russia Rethinks its CIS Policy // Moscow Times, 24 августа 2005 г.

[4] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

остаться низкой. Медведев сказал, что сможет рассказать подробнее, когда Рыбачук заручится полным согласием Ющенко, но для затравки сообщил, что такая сделка будет приносить каждой стороне 500 миллионов долларов в квартал – 2 миллиарда в год, – при сохранении дешевых поставок газа. «Он сказал мне, что это та доля, которая будет нашей – имея в виду украинское правительство», – говорит Рыбачук.[1]

Рыбачук не мог поверить своим ушам. То, что ему предлагали, звучало как схема откатов: «Это была сделка, чтобы коррумпировать все правительство». Газового трейдера, на роли которого посредника настаивали Медведев и Кремль, звали «РосУкрЭнерго», а его структура собственности была окутана тайной.

Медведев описывал новейшее воплощение серии теневых схем, которые Кремль использовал для торговли газом между Россией и Украиной, а также с Туркменистаном. Большие объемы дешевого туркменского газа можно было пропускать через российскую трубопроводную сеть, смешивать с российским газом и затем направлять на Украину, снижая для нее общую цену, даже если Россия поднимала цены на свой газ. Вместо того чтобы торговать газом напрямую через «Газпром» по прозрачной системе ценообразования, его продавали бы через мутного посредника, что открывало путь к выкачиванию миллиардов долларов прибыли – и, возможно, к их раздаче в виде откатов.

Как это делалось, раскрыл уроженец США Уильям Браудер – темноволосый и решительный управляющий крупнейшим иностранным инвестиционным фондом в России Hermitage Capital. Внук многолетнего лидера Коммунистической партии США Эрла Браудера, он был убежденным капиталистом и стал одним из самых напористых борцов за корпоративную прозрачность в России, сделав краеугольным камнем инвестиционной стратегии своего фонда прочесывание отчетности «Газпрома» в поисках признаков выкачивания активов. В конце 2003 года его аналитики наткнулись на малоизвестного трейдера Eural Trans Gas, которому «Газпром» предоставил право транспортировать через свою трубопроводную сеть газ из Туркменистана на Украину на миллиарды долларов – за день до того, как эта компания вообще была создана.[2] По словам Браудера, эта сделка выкачала бы из «Газпрома» почти 1 миллиард долларов прибыли до налогообложения. Eural Trans Gas была зарегистрирована в венгерской деревне, а четверо ее владельцев, казалось, исключительно мало подходили для стоявшей перед ними задачи. Это были трое румын без всякого опыта в бизнесе – актриса, надеявшаяся заработать на оплату телефонного счета, медсестра и программист, – а также израильский адвокат, среди клиентов которого был один из крупнейших российских мафиози. У «Газпрома» не было никаких причин отдавать этот торговый канал какой бы то ни было независимой структуре, говорил Браудер, не говоря уже о той, чьи владельцы явно выглядели подставными.[3] Затем «Газпром» предоставил Eural Trans Gas почти 300 миллионов долларов кредитов и гарантий. Посол США на Украине Карлос Паскуаль открыто выражал обеспокоенность явными связями фирмы с российской организованной преступностью.

В разразившемся скандале «Газпром» тихо свернул Eural Trans Gas, заменив ее «РосУкрЭнерго». Внешне «РосУкрЭнерго» была гораздо респектабельнее своей предшественницы – 50 процентов в ней принадлежали «Газпрому». Но хотя другие 50

[1] Там же.

[2] Catherine Belton. The Mob, an Actress and a Pile of Cash // Moscow Times, 27 ноября 2003 г.

[3] Там же.

процентов держались через австрийский Raiffeisen Bank, их конечный владелец поначалу был неизвестен, а участие компании в торговой схеме с Украиной, по словам Браудера, все равно обошлось «Газпрому» в 2004 и 2005 годах более чем в 1 миллиард долларов недополученной выручки. Какое-то время Браудер обрушивался на «РосУкрЭнерго», рассказывая прессе о явной коррупции, но схема, на которую он нацелился, представляла собой нечто гораздо большее, чем простое снятие сливок ради личного обогащения: он вступал на минное поле попыток России усилить влияние на ближнее зарубежье. «РосУкрЭнерго» по существу была черной кассой, которую можно было использовать как инструмент политического влияния – для подкупа и коррумпирования чиновников, для подрыва демократии в соседних с Россией государствах. Она была ключевым элементом деятельности путинского режима КГБ, в котором заново выстраивалась экономика контрабанды и где движущей силой было влияние, а не только прибыль. Это была первая операция путинских людей с черным налом, ставшая видимой для Запада.

К тому времени, когда Рыбачук направлялся в Кремль на переговоры о новом соглашении о поставках газа, прямота Браудера уже навлекла на него неприятности. Ему запретили въезд в Россию – потому что, как заявило российское Министерство иностранных дел, он представлял угрозу национальной безопасности. Новое прозападное руководство Украины тем временем обещало отказаться от подобных мутных схем торговли газом. «Это всегда был коррупционный механизм, позволявший обеим сторонам брать тонны наличных», – говорит Рыбачук.[1] Он добавил, что за этими трейдерами всегда стоял КГБ и что «РосУкрЭнерго», зарегистрированная в богатом швейцарском городе Цуг, двое из трех директоров которой были бывшими офицерами КГБ, не была исключением.

Но теперь, похоже, Кремль предлагал новую газовую сделку, в которой роль «РосУкрЭнерго» еще больше усиливалась. Рыбачук вернулся в Киев в полной уверенности, что Ющенко, который должен был направить Украину по новому курсу, прочь от мутных сделок прошлого, отвергнет эту схему. К тому же действующий контракт Украины с Россией о поставках газа, устанавливавший низкую цену в 50 долларов за тысячу кубометров, должен был действовать до 2009 года. Когда Рыбачук доложил о результатах, Ющенко попросил его выяснить у западных союзников Украины – Государственного департамента США и Министерства иностранных дел Германии, – смогут ли они обеспечить альтернативные поставки, если Россия перекроет стране газ. В течение двух недель Рыбачук получил заверения в поддержке Запада. «Нам сказали, что на нас не будут давить», – говорит он. Рыбачук с семьей уехал на новогодние каникулы в Словению, убежденный, что руководство не поддастся российскому давлению. В любом случае ему казалось маловероятным, что Россия рискнет пойти на такую крайнюю меру, как прекращение поставок газа.

Но когда он включил телевизор в Новый год, заголовки CNN показали, что разразился кризис. Россия перекрыла поставки газа на Украину. А поскольку Украина была жизненно важным транзитным коридором для российского газа, давление падало и у целого ряда энергетических компаний по всей Европе. Зима в тот год выдалась необычно холодной, и западные лидеры были в шоке. В тот же самый день Россия принимала председательство в «Большой восьмерке» промышленно развитых стран. Это должно было возвестить большой шаг вперед в интеграции страны в мировую экономику, а темой ее председательства должна была стать энергетическая безопасность. Вместо этого прекращение поставок газа в тот день стало первым явным сигналом того, как Россия понимает свою глобальную интеграцию – в

[1] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

собственных интересах, – как она будет стремиться подорвать мировую систему ради своей выгоды, а не приспосабливаться к правилам Запада. Прекращение поставок, заявил Государственный департамент США, «поднимает серьезные вопросы об использовании энергоносителей для оказания политического давления».[1]

Рыбачук все еще ожидал, что Запад вмешается и окажет поддержку. Он знал, что Россия не может держать газ перекрытым дольше трех дней, иначе повредит собственную трубопроводную сеть. Но в три часа дня на следующий день поставки газа внезапно возобновились.[2] Без ведома Рыбачука Ющенко согласился на сделку, на которую намекал Медведев. Ее условия были удивительными. Вместо того чтобы лишиться уже имевшейся у нее доли в торговле, «РосУкрЭнерго» получала монополию на все поставки газа на Украину, а также доступ к половине ее внутреннего рынка распределения газа. Это соглашение позволяло России сохранить лицо и говорить, что она продает газ Украине по резко повышенной цене в 230 долларов за тысячу кубометров. Но этот газ смешивался с более дешевым центральноазиатским газом, что позволяло Украине платить в целом лишь 95 долларов за тысячу кубометров.[3] Ющенко объявил сделку «здоровым компромиссом», а Путин похвалил «взаимовыгодные решения».[4] Но Рыбачуку от нее дурно пахло: «Я не понимал. Было правительство России и правительство Украины. Зачем нам был нужен посредник?»[5] Ничто из этого не согласовывалось с идеалами «оранжевой революции», стремившейся превратить Украину в более прозрачную экономику западного типа. Более того, утверждения «Газпрома», будто он лишь применяет к цене газа рыночную формулу, были чушью, говорит Рыбачук: «"Газпром" никогда не пользовался никакими рыночными формулами. Он всегда использовал политические составляющие для определения цены на газ». Белоруссия по-прежнему платила «Газпрому» 49 долларов за тысячу кубометров газа, а «РосУкрЭнерго» могла уйти с прибылью, исчисляемой, возможно, миллиардами долларов.[6] Рыбачук говорит, что никогда не забудет слов, которые сказал ему посол США на Украине, когда он вернулся в Киев: «Добро пожаловать в клуб коррупционеров».[7] Сделка повергла украинское правительство в хаос, посеяв глубокий раскол между Ющенко и его премьер-министром по «оранжевой революции» Юлией Тимошенко, яростно выступавшей против «РосУкрЭнерго» и ее схем торговли газом. Но Ющенко, его министр топлива и энергетики и глава государственной энергетической компании «Нафтогаз» решительно ее поддерживали. Выяснилось, что еще до того, как отправить Рыбачука в Москву, Ющенко вел собственные переговоры, тайно встречаясь с неким Дмитрием Фирташем – сорокалетним украинским газовым трейдером, которому втайне, с благословения Кремля, принадлежала бóльшая часть других 50 процентов

[1] Andrew Kramer. Russia Cuts Off Gas to Ukraine as Talks on Pricing and Transit Terms Break Down // New York Times, 2 января 2006 г.

[2] Andrew Kramer. Russia Restores Most of Gas Cut to Ukraine Line // New York Times, 3 января 2006 г.

[3] Catherine Belton. Rosukrenergo Emerges as Winner in Gas Deal // Moscow Times, 10 января 2006 г.

[4] Steven Lee Myers. Ukraine's Leader Dismisses Parliament's Vote to Fire Premier // New York Times, 12 января 2006 г.

[5] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

[6] Согласно контракту, «РосУкрЭнерго» должна была закупать 41 миллиард кубометров более дешевого газа в Туркменистане и до 15 миллиардов кубометров в Казахстане и Узбекистане. Лишь 17 миллиардов кубометров предстояло покупать у России по цене 230 долларов за тысячу кубометров, и почти весь этот объем можно было продать в Европу по 280 долларов за тысячу кубометров с немедленной прибылью, поскольку Украине требовалось лишь 60 миллиардов кубометров газа в год.

[7] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

«РосУкрЭнерго».[1] Как именно это произошло, Рыбачук до сих пор не знает, но, похоже, Ющенко каким-то образом был скомпрометирован этой сделкой. Подозрения Рыбачука пали на близкие отношения, которые Фирташ выстроил с братом Ющенко и с сирийским бизнесменом, близким к семье Ющенко: «Доказать мы не можем. Но это единственная логика, по которой эту сделку могли одобрить».[2] Премьер-министр Тимошенко, чей огненный темперамент и крестьянская светлая коса для многих символизировали украинскую революцию, тоже обрушилась на сделку. «Без коррупции подписать такое соглашение было невозможно», – говорила она.[3] С момента подписания сделки прозападная коалиция Украины раскалывалась все сильнее, и страна погрузилась в политический хаос. Парламент выразил недоверие правительству, а с приближением парламентских выборов в марте 2006 года пророссийский кандидат в президенты Виктор Янукович, бывший премьер-министр, свергнутый «оранжевой революцией», и его Партия регионов вновь пошли в гору. Ющенко, и без того ослабленного внутренними распрями и замедлением экономики, еще больше подорвали обвинения в том, что его подкупили в газовой сделке с «РосУкрЭнерго». К августу, после месяцев политической борьбы, человек России Янукович стал премьер-министром.[4] Мечта «оранжевой революции» о более тесных политических и экономических связях с Европой, казалось, закончилась – немногим более чем через год после того, как началась.

Рыбачуку сделка с «РосУкрЭнерго» казалась типичной российской операцией влияния: «Чтобы Украиной не руководил прозападный альянс, они пытались коррумпировать всеми средствами. Ющенко был первым украинским президентом, которого не согласовали с Москвой, и это приводило Путина в ярость. Идея была в том, чтобы расколоть оранжевую коалицию и вернуть пророссийского кандидата».[5]

Сделка также показывала, как путинские люди из КГБ продолжают объединяться с организованной преступностью для проведения своих операций влияния. Фирташ, украинец, тихо владевший почти 50 процентами «РосУкрЭнерго», всегда утверждал, что смог прибрать к рукам туркмено-украинскую торговлю газом, когда путинские люди выгнали боссов ельцинской эпохи, благодаря своей деловой хватке и связям с руководством Туркменистана. Но в действительности он никогда не смог бы этого добиться без поддержки Кремля. «Он был на сто процентов человеком Путина», – говорит один человек, знавший и Фирташа, и Путина. Он никогда не смог бы этого сделать и без помощи крупной фигуры российской организованной преступности, израильский адвокат которой первоначально и регистрировал Eural Trans Gas.

У мафиози, скрывавшегося за Eural Trans Gas, было множество паспортов и две разные даты рождения. Иногда он называл себя «Шимоном», иногда «Сергеем Шнайдером». Но для

---

[1] Там же; см. также: Isobel Koshiw. Dmytro Firtash: The Oligarch who Can't Come Home // Kyiv Post, 26 декабря 2016 г.

[2] Там же; Рыбачук предположил, что сделка была заключена благодаря близким отношениям Фирташа с братом Ющенко Петром. (Вскоре после инаугурации Ющенко Фирташ отвез Петра и других родственников президента в Соединенные Штаты, говорит бывший западный чиновник.) Частью сети Фирташа был также сирийский бизнесмен, тесно связанный с сирийскими и российскими спецслужбами, Харес Юссеф, которого Рыбачук называл «кассиром» семьи Ющенко.

[3] Catherine Belton. Gas Trader Keeps Orange Team Apart // Moscow Times, 24 марта 2006 г.

[4] Andrew Kramer. Ukraine Leader Forced to Name Ex-Rival as Prime Minister // New York Times, 3 августа 2006 г.

[5] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

[6] Интервью автора с российским магнатом, знающим Фирташа и Путина, октябрь 2018 г.

большинства знавших его людей он был «Севой».[1] Его настоящее имя было Семен Могилевич – беспрерывно куривший бывший борец весом под 140 килограммов, отсидевший за поджог, с руками размером с обеденную тарелку и рябым лицом, ставший мозговым центром перевода денег российской организованной преступности на Запад. Он начинал в семидесятые, помогая первой волне еврейских эмигрантов, которым разрешили уехать из Советского Союза, продавать имущество, чтобы оплатить дорогу. По большей части он их обдирал, говорят его бывший соратник и бывший западный чиновник.[2] Позднее он стал главным человеком, к которому обращались российские мафиози для отмывания своих средств на Западе.[3]

Сам Могилевич всегда настаивал, что он не более чем бизнесмен. Он был настолько уверен в себе, что говорил людям, что однажды хотел бы попасть в составляемый Sunday Times список богатейших людей Великобритании.[4] «Он просто страшилка, с которой Запад любит связывать все на свете», – сказал мне его адвокат Зеев Гордон.[5] Но, по данным ФБР и двух его бывших близких соратников, он работал с самой могущественной организованной преступной группировкой, появившейся в те дни. Это была Солнцевская группировка – огромная организация, чьи щупальца протянулись по всей России, а затем на Украину, в Центральную Азию и Венгрию. Возглавлял ее Сергей Михайлов, он же «Михась», – пухлый гангстер с херувимским лицом и ангельской ухмылкой – вместе со своим партнером Виктором Авериным, или «Аверой». Михайлов тоже любил говорить, что он просто бизнесмен. Но этих двоих считали одними из самых опасных людей в России. Первые деньги они заработали на сутенерстве, а затем перешли к торговле оружием и наркотиками. «Кто был Михась? Между нами, он был официантом и сутенером, – говорит один из его бывших соратников.[6] – Как официант он имел доступ к валюте, а как сутенер – к еще большему количеству валюты от шлюх». Михась и Авера славились как свирепые бойцы: некоторые называли их «психопатами».[7] Но они плохо представляли, что делать с долларами, которые быстро зарабатывали. С дипломом экономиста одного из университетов Западной Украины «единственным, кто умел инвестировать, был Сева», говорит бывший соратник. «Авера и Михась давали деньги. Сева занимался логистикой».[8]

Но Могилевич всегда был и связующим звеном между КГБ и организованной преступностью, когда КГБ стремился выводить деньги из советской империи, используя сети

[1] Рассказ основан на интервью автора с бывшими соратниками Могилевича и бывшими западными чиновниками, а также на документе Министерства юстиции США о деятельности Могилевича, копия которого имеется у автора.

[2] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г.; интервью автора с бывшим западным чиновником, сентябрь 2018 г.

[3] Интервью автора с двумя бывшими соратниками Могилевича: с одним в марте 2018 г., с другим в июле 2018 г.

[4] Интервью автора с бывшими соратниками Могилевича, март и апрель 2018 г.

[5] Интервью автора с Гордоном, май 2007 г.

[6] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г. Михайлова широко считают главой Солнцевской группировки. В девяностые ФБР называло Михайлова лидером Солнцевской организации, которую считало самой могущественной евразийской организованной преступной группировкой, причастной к торговле оружием, наркотикам и отмыванию денег. В 1996 году Михайлов был арестован в Швейцарии и два года провел в заключении по обвинению в членстве в преступной организации. Ключевой свидетель был застрелен. Впоследствии присяжные его оправдали, ему присудили компенсацию, и он вернулся в Россию.

[7] Там же.

[8] Там же; второй бывший соратник Могилевича также подтвердил, что Могилевич был для этих группировок главным человеком по организации инвестиций, поскольку сами они не умели этого делать.

организованной преступности в качестве прикрытия. Путин продолжил эту практику, объединившись с тамбовской группировкой в Санкт-Петербурге, и еще больше укоренил ее во время своего президентства. Могилевича завербовал КГБ в семидесятые: «В обмен на доносы на еврейскую общину ему разрешали сбывать ценности эмигрантов», – говорит бывший западный чиновник.[1] По мере того как расширялась его деловая активность с лидерами организованной преступности, расширялось и его сотрудничество с КГБ. «Сева всегда работал на спецслужбы, – говорит один человек, работавший с ним. – Он был криминальной частью российского государства».[2]

Присутствие Могилевича за Eural Trans Gas и в других сделках было полезно Кремлю, говорят знакомые с этим делом люди. Его можно было выводить на сцену в самые жаркие моменты переговоров с Киевом о цене газа: его связи с местными преступными сетями напоминали украинским чиновникам о могуществе людей, с которыми они имеют дело. Кроме того, «его роль заключалась в том, чтобы напоминать украинцам, что в конечном счете их купили», – говорит бывший западный чиновник.[3]

Но открытое участие адвоката Могилевича в регистрации Eural Trans Gas стало для «Газпрома» слишком горячей политической картошкой. Хотя государственный газовый гигант отрицал какую-либо его причастность, его отпечатки пальцев на этой операции стали слишком заметны. В те дни Могилевич значился в списке десяти самых разыскиваемых преступников ФБР: Министерство юстиции США предъявило ему и его соратникам обвинение в мошенничестве с ценными бумагами – в том, что они выманили у американских инвесторов 150 миллионов долларов, ложно представляя бизнес производителя магнитов YBM Magnex, акции которого разместили на американской и канадской биржах.[4] Более того, ФБР утверждало, что он причастен к торговле оружием, заказным убийствам, вымогательству, наркоторговле и проституции в международном масштабе.

Фирташ пришел на замену – как более приемлемое лицо. Он всегда настаивал, что разорвал все связи с Могилевичем, как только взял под контроль туркмено-украинскую торговлю газом, выкупив в 2003 году пакет, принадлежавший жене Могилевича в одной из компаний, над которыми он установил контроль[5], и что никогда не вел никаких дел с самим Могилевичем.[6] Но следы связей в сети компаний, стоявших за «РосУкрЭнерго», остались.[7] Позднее Фирташ признался послу США на Украине, что получил от Могилевича разрешение на создание бизнеса.[8] В те дни, в обстановке взрыва преступности, последовавшего за распадом Советского Союза, невозможно было встретиться с членом украинского

[1] Интервью автора с бывшим западным чиновником, сентябрь 2018 г.

[2] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, июль 2018 г.

[3] Интервью автора с бывшим западным чиновником, сентябрь 2018 г.

[4] FBI Archives: FBI Ten Most Wanted Fugitives, 21 октября 2009 г., https://archives.fbi.gov/archives/news/stories/2009/october/mogilevich_102109.

[5] Gregory L. White, David Crawford, Glenn R. Simpson. Ukrainian Investor Hid Identity to Win Business // Wall Street Journal, 28 апреля 2006 г.

[6] Stefan Wagstyl, Tom Warner. Gazprom's Secretive Ukrainian Partner Tells of Lone Struggle to Build Business // Financial Times, 28 апреля 2006 г.

[7] Подробнее см.: Tom Warner. Disputed Links to an Alleged Crime Boss // Financial Times, 14 июля 2006 г.; доклад Global Witness «It's a Gas: Funny Business in the Turkmen-Ukraine Gas Trade», 25 июля 2006 г. Кроме того, Министерство юстиции США начало расследование связей Фирташа с Могилевичем: см. Glenn R. Simpson. US Probes Possible Crime Links to Russian Natural Gas Deals // Wall Street Journal, 22 декабря 2006 г.

правительства, не соприкоснувшись при этом с фигурами из организованной преступности, говорил он. Но другие говорили, что связи были глубже. «Без Севы Фирташ был бы никем, – сказал мне один из бывших соратников Могилевича. – Все, что есть у Фирташа, у него от Севы».[1]

Подобно российским преступным сетям, которые начали проникать в Европу через Австрию, а затем в США, связка Фирташа и Могилевича была частью изнанки путинских операций влияния. Но по мере того как счета «РосУкрЭнерго» наполнялись деньгами, респектабельность Фирташа росла. Он стал на Украине посредником во власти, чье влияние простиралось по обе стороны политического раскола. Сначала он работал с Ющенко. Затем, когда звезда Ющенко, запятнанного скандалом с газовой сделкой, закатилась, он тесно работал с кандидатом Кремля Януковичем, который почти сразу начал политическое возвращение.[2]

Позднее Фирташ был среди горстки украинских магнатов, работавших с Полом Манафортом – лощеным американским политическим лоббистом, которого привлекли для создания Януковичу имиджа борца с коррупцией.[3]

Деньги, которые группа Фирташа зарабатывала на Украине, хлынули в Европу. «РосУкрЭнерго» отчитывалась о чистом годовом доходе около 700 миллионов долларов, а огромная химическая группа, также принадлежавшая Фирташу, зарабатывала еще миллиарды. Свою империю он разместил в Вене – главных воротах российских денег на Запад еще с советских времен, – зарегистрировав там свою половину «РосУкрЭнерго» в составе более крупной компании, названной им Group DF.

Фирташ обосновывался в городе, полном тайн. Расположение Вены на перекрестке между великими державами, воевавшими во Второй мировой войне, а затем на линии раздела между Востоком и Западом в годы холодной войны давно сделало ее шпионской столицей мира. С 1955 года Австрия была нейтральной страной, и ее законы о шпионаже славились своей мягкостью. Когда-то ее исторические улицы были полны голодных беженцев, готовых выдать секреты своей страны за ломоть хлеба и стакан пива; и по-прежнему здесь жили тысячи шпионов. Но если одни списали политический шпионаж со счетов как неактуальный в дни господства Запада после холодной войны, то многие не заметили российских операций, тихо

[8] WikiLeaks: телеграмма посла США на Украине «Ukraine: Firtash Makes his Case to the USG», 10 декабря 2008 г., https://wikileaks.org/plusd/cables/08KYIV2414_a.html. С тех пор Фирташ пытался отыграть назад некоторые из этих заявлений, сказав журналу Time в 2017 году, что никогда не был партнером Могилевича. «Он украинец… Его знает полстраны. И что? …Знать его не значит отчитываться перед ним».

[1] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г.

[2] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г. Янукович был грубоватым, жестким на язык бывшим губернатором края шахт и металлургических комбинатов Восточной Украины, всегда поддерживавшего тесные связи с Россией. Юношеские годы он провел, то попадая в тюрьму, то выходя из нее, а затем сблизился с крупнейшим стальным магнатом региона Ринатом Ахметовым, собственное прошлое которого было пропитано войнами местных бандитов. Ахметов был крупнейшим спонсором Партии регионов Януковича. Но когда один из ближайших помощников Януковича познакомил его с Фирташем где-то в 2006 году, Янукович обрадовался альтернативе. «Ему сказали: "У тебя будет свой кассир. Теперь ты не будешь зависеть от Ахметова"», – говорит Рыбачук, бывший руководитель администрации Ющенко. «В какой-то момент Фирташ успешно представлял влияние Путина на Януковича. Идея была в том, чтобы по-настоящему его коррумпировать».

[3] Согласно иску, поданному в США бывшим премьер-министром Украины Юлией Тимошенко в 2012 году. «Американского советника президента Януковича вызовут в качестве ответчика по иску Тимошенко к "РосУкрЭнерго"», интервью с адвокатом Тимошенко // Зеркало недели, Gorshenin Weekly, 13 февраля 2012 г.

пускавших корни в Вене, – таких, как связанные с Фирташем через «РосУкрЭнерго» и еще одного теневого газотрейдингового посредника «Газпрома», Centrex. Эти компании находились на передовой политических операций иного рода – возможно, продолжения того, как действовали путинские люди на Украине. На стыке растущей экономической мощи России и стремления Путина восстановить геополитический вес страны они представляли собой слой за слоем непрозрачных структур собственности, в которых широко открывались возможности для выкачивания денег и торговли влиянием.

В Вене Фирташ объединил силы с Андреем Акимовым, одним из главных финансистов путинского режима. Банкир КГБ, финансировавший Геннадия Тимченко, Акимов в 1990 году основал в этом городе инвестиционную компанию IMAG. Акимов, державшийся в тени больше всех путинских людей, оказался связан со многими посредниками, связанными с «Газпромом». Вскоре после прихода Путина к власти его назначили главой Газпромбанка, который владел активами на десятки миллиардов долларов и через передачу банку «Россия» стал финансовым гнездом путинских людей. Доля «Газпрома» в «РосУкрЭнерго» держалась через кипрскую офшорную компанию, связанную с Газпромбанком, а Акимов вошел в координационный комитет «РосУкрЭнерго». Там к нему присоединились Фирташ и его соратники, а также давний заместитель самого Акимова Александр Медведев, к тому времени возглавлявший самое стратегическое подразделение «Газпрома» – «Газэкспорт», контролировавший весь экспорт государственного газового гиганта. Вместе они следили за миллиардами долларов, перетекавшими из казны «Газпрома» в «РосУкрЭнерго», которая начала самостоятельно экспортировать излишки газа с Украины в Европу.

Старые сети времен холодной войны вновь соединялись, по мере того как «РосУкрЭнерго» становилась одним из десятков связанных с «Газпромом» торговых посредников, возникавших по всей Европе. В Берлине была Gazprom Germania, в штате которой работали многие бывшие агенты Штази.[1] Зарубежные операции «Газпрома» всегда были «гнездом российской разведки», говорит видный банкир со связями на самом верху Кремля.[2]

В Вене соратники Акимова и другие люди, стоявшие за «РосУкрЭнерго», пересекались также с еще одним членом старых сетей КГБ и Штази, причем напрямую связанным с дрезденским прошлым Путина. Это был Мартин Шлафф – бывший агент Штази, работавший в Дрездене над контрабандой запрещенных к вывозу технологий с Запада и выкачавший через фиктивные контракты сотни миллионов немецких марок для сохранения сетей Штази после падения Берлинской стены.[3] Шлафф обосновался в Вене как один из самых влиятельных бизнесменов страны. Ко времени прихода Путина к власти ему было за пятьдесят, и он расширил торговлю целлюлозой и бумагой, в которой после распада Советского Союза дал работу Герберту Колеру, начальнику внешней разведки дрезденского Штази.[4] Миллиардер с пристрастием к кубинским сигарам, которые, по имеющимся сведениям, лично привозил ему посланник Фиделя Кастро, он владел казино по всей Центральной и Восточной Европе, а также в Израиле. У него были связи на вершине австрийской банковской системы и глубоко в

[1] Hans-Martin Tillack. A Tale of Gazoviki, Money and Greed // Stern Magazine, 13 сентября 2007 г.

[2] Интервью автора с видным банкиром, август 2013 г.

[3] См. главу 1; по материалам расследования бундестага.

[4] Forster. Auf der Spur, S. 86.

ее политической системе, а связи с российскими преступными сетями, похоже, уходили еще глубже.[1]

Когда «Газпром» через Акимова создал еще одного европейского посредника, Centrex, для поставок газа в Австрию, Швейцарию, Италию и Венгрию, Шлафф и один из его близких деловых партнеров приобрели доли в его венском подразделении Centrex Europe Energy and Gas AG.[2]

Операция Centrex была еще одним форпостом торговой империи «Газпрома», который вскоре стал зарабатывать сотни миллионов евро с помощью мутных торговых схем и непрозрачных структур собственности.[3] Ее учредила та же кипрская офшорная компания, через которую должна была держаться доля «Газпрома» в «РосУкрЭнерго». Однако за 2005 и 2006 годы она не представила никакой финансовой отчетности.[4] Торговые компании были выстроены из византийски сложных слоев – и большинство из них, похоже, обходили «Газпром». Для некоторых экспертов запутанные структуры собственности звучали тревожным звонком. «Отсутствие прозрачности, практика сокрытия имен бенефициаров, использование офшорных компаний-вывесок и секретный характер контрактов "Газпрома" с клиентами не сулят ЕС ничего хорошего, – писал эксперт по энергетике Роман Купчинский в подробном докладе об этих схемах. – Столь изощренные слои… указывают на отмывание денег и возможные откаты чиновникам, причастным к их созданию».[5]

В те дни, похоже, мало кто из политиков обращал на это внимание. Присутствие Шлаффа, однако, указывало на то, что газотрейдинговые схемы, как и «РосУкрЭнерго», касались не только выкачивания денег. Он был представителем сетей холодной войны прошлого, торговцем влиянием, в отношении которого израильская полиция вела расследование по подозрению в подкупе премьер-министра Израиля Ариэля Шарона.[6] Его

[1] В рамках одной сделки 2005 года он приобрел болгарского оператора мобильной связи у Михаила Черного – предполагаемого российского мафиози, которому в девяностые принадлежала значительная часть российской алюминиевой промышленности, – получив почти миллиард евро прибыли, когда вскоре перепродал оператора Telekom Austria.

[2] Близкий соратник Шлаффа Михаэль Хасон вошел в ее совет директоров, а близкому деловому партнеру Шлаффа, нефтетрейдеру Роберту Новиковскому (чья компания Jurimex продавала Белоруссии нефть российской нефтяной компании «Сургутнефтегаз», связанной с близким союзником Путина Геннадием Тимченко), принадлежало 20 процентов. По имеющимся сведениям, в ее создании сыграл роль и другой заместитель Акимова по IMAG, бывший полковник австрийских спецслужб Петер Хенселер: Roman Kupchinsky. The Shadowy Side of Gazprom's Expanding Central European Gas Hub // Eurasia Daily Monitor, Vol. 5, Issue 217, Jamestown Foundation, 12 ноября 2008 г.

[3] Там же. Эта структура пересекалась и с «РосУкрЭнерго»: член совета директоров «РосУкрЭнерго», швейцарский бухгалтер д-р Ханс Баумгартнер, был президентом венского подразделения Centrex и помогал создавать всю группу.

[4] Tillack. A Tale of Gazoviki, Money and Greed; Kupchinsky. The Shadowy Side of Gazprom's Expanding Central European Gas Hub.

[5] Roman Kupchinsky. Gazprom's European Web // Jamestown Foundation, февраль 2009 г.

[6] Gidi Weitz. The Schlaff Saga: Money Flows into the Sharon Family Accounts // Haaretz, 7 сентября 2010 г. Зерноторговая компания, принадлежавшая его близкому соратнику Роберту Новиковскому, в 2002 году перевела 3 миллиона долларов на банковские счета двух сыновей Шарона – как раз когда Шлафф активизировал лоббистскую кампанию за создание плавучего казино у берегов Израиля. Расследование израильской полиции, однако, остановилось на австрийской границе. Когда следователи попытались допросить Шлаффа и его венских соратников, они наткнулись на препятствия. «Шлафф – влиятельный и уважаемый человек в Австрии, которая, хотя и европейская страна, скажем так, не всегда управляется наилучшим образом», – сказал израильской газете

влияние простиралось далеко и глубоко – не только в Австрии, но и по всему Ближнему Востоку, где он обхаживал высокопоставленных израильских и арабских политиков, в том числе палестинского лидера Ясира Арафата, ливийского лидера Муаммара Каддафи и сирийского – Башара Асада.[1] Он, по-видимому, был неотъемлемой частью сети влияния, сохранившейся с советских времен. Лидеры арабского мира, с которыми он выстроил связи, были теми же людьми, которых в годы холодной войны обхаживали агенты советской внешней разведки.

В 2005 году Centrex оказалась в центре скандала, когда итальянский парламент раскрыл ее участие в операции по перекачке средств близкому другу итальянского премьер-министра Сильвио Берлускони. «Газпром» договорился с итальянским энергетическим гигантом Eni продавать газ в Италию через еще одну мутную компанию, 41 процент которой принадлежал Centrex, 25,1 процента – экспортному подразделению «Газпрома» «Газэкспорту», а оставшиеся 33,9 процента – двум компаниям друга Берлускони. Обнаружив эту связь, итальянские законодатели возмутились тем, что часть ожидаемой годовой выручки фирмы в 1 миллиард долларов пойдет этому другу, которого они считали не более чем подставным лицом самого премьера.[2]

Эту конкретную сделку им удалось заблокировать. Но члены политической партии Берлускони позднее говорили послу США в Италии, что, по их мнению, он по-прежнему «щедро» наживается на других, нераскрытых энергетических сделках.[3] Путинские люди вновь опирались на связи, завязанные давно, еще в советские времена, когда Берлускони был одним из посредников, тесно работавших с советским Политбюро.

Первоначально цель таких операций заключалась в создании платформы, с которой Россия могла бы пытаться влиять на европейскую политику, сказал мне бывший руководитель австрийской службы безопасности, когда-то тесно работавший с Акимовым.[4] К 2009 году, например, посол США в Италии жаловался, что пророссийские публичные заявления Берлускони подрывают единство Запада по таким инициативам США в области безопасности, как система противоракетной обороны в Восточной Европе и расширение НАТО. Путинские люди пускали в Европе глубокие корни. Особой мишенью стал Лондон: Фирташ занял место в самом сердце городского истеблишмента, а его главный лондонский подручный направлял солидные пожертвования грандам Консервативной партии. Если поначалу целью было подорвать единство Запада по инициативам в области безопасности, противоречащим российским интересам, то позднее дело приняло более зловещий оборот. Олегу Рыбачуку, бывшему руководителю администрации президента Украины Виктора Ющенко, инвестиции Фирташа в Лондоне казались движением по уже проторенному пути. «Украина была полигоном для подрыва Россией Евросоюза», – говорит он.[5]

Операции с черным налом, которые вела паутина посредников «Газпрома», были лишь началом усилий Путина по восстановлению глобального влияния России. В самой России все

Haaretz один из израильских полицейских следователей.

[1] Там же.

[2] Kupchinsky. Gazprom's European Web.

[3] Телеграмма посла США в Италии Рональда П. Сполли от 26 января 2009 г., обнародованная в составе массива WikiLeaks: https://wikileaks.org/plusd/cables/09ROME97_a.html.

[4] Интервью автора с Михаэлем Зеппе, сентябрь 2013 г.

[5] Интервью автора с Рыбачуком, октябрь 2018 г.

еще шло постепенное преображение: путинские люди из КГБ захватывали все новые сектора экономики. К концу второго президентского срока Путина экономика все больше напоминала феодальную. Для женевского банкира Жана Гучкова и его соратников было вполне естественно, что российские бизнесмены считают, будто всем обязаны современному царю. «Это восточный народ. У них другое понимание жизни, существования, – говорит один из женевских финансистов. – Из-за масштабов территории понимание собственности совершенно другое. Владение людьми было частью этой центральной культуры. Веками ими владели господа, потом ими владела партия. Им нужен хозяин, сильный царь».[1]

Запуганные правовой атакой на Ходорковского, оставшиеся магнаты ельцинской эпохи один за другим начали присягать на верность путинскому режиму. Своевольные медиамагнаты Гусинский и Березовский были изгнаны, их активы забрало государство. По всей промышленности, особенно в секторе стратегических металлов, шла консолидация активов, и все появившиеся новые лидеры склонялись перед мощью Кремля. Но первый и самый откровенный акт верноподданничества совершил Роман Абрамович – нефтетрейдер-миллиардер, прибравший к рукам деловую империю Березовского, влиятельный посредник, которого давно считали хранителем кошелька ельцинской «Семьи».

[1] Интервью автора, Женева, декабрь 2013 г.

ГЛАВА 11

Лондонград

Когда Роман Абрамович отправился губернатором на Чукотку – далекий, скованный льдами край по другую сторону Берингова пролива от Аляски, – шел еще первый год президентства Владимира Путина. Его путь лежал в богом забытое место на краю земли, в шести тысячах километров от Москвы, где почти не растут деревья, а ветры воют с такой яростью, что сбивают собак с ног и швыряют их через улицу. Чукотка всегда была малонаселенной, но после распада Советского Союза жители почти покинули ее. К приезду Абрамовича население сократилось со 153 до 56 тысяч человек, а оставшиеся боролись за выживание, измученные бедностью и пьянством. Он поехал туда, сказал он в одном из редких интервью, потому что ему «надоело» все время делать деньги.[1] Он всегда представлял этот шаг как собственное решение, утверждая, что хотел осуществить «революцию в сторону цивилизованной жизни».[2] Пообещав изменить жизнь к лучшему, он победил на губернаторских выборах в декабре 2000 года, набрав 92 процента голосов.

Местное население Чукотки боготворило Абрамовича. Небритый магнат с застенчивой улыбкой вырос сиротой: его воспитывали дедушка с бабушкой в унылом, суровом северном нефтяном городке. Но теперь он выступал благодетелем жителей края, завезя туда команду менеджеров для работы над повышением уровня жизни. Они построили новые теле- и радиоканалы, боулинг, крытый каток с подогревом и кинотеатр. На все это он потратил десятки миллиардов собственных рублей.[3] Он словно сразу же склонился в акте верноподданничества перед призывами Путина к крупному бизнесу взять на себя больше социальной ответственности после излишеств девяностых.

На самом деле выбора ему особенно не оставили. По словам одного близкого к нему магната, его отправили на Чукотку по приказу Путина[4], потому что Путин хотел, чтобы состояние, которое Абрамович сколотил благодаря своим долям в нефтяной компании «Сибнефть» и в алюминиевом гиганте «Русал», контролировавшем более 90 процентов производства в стране, было в его распоряжении. Недостаточно было того, что благотворительный фонд Абрамовича «Полюс надежды» был готов впоследствии пожертвовать 203 миллиона долларов «Петромеду» – компании по поставкам медицинского оборудования, связанной с банком «Россия».[5] Путин хотел иметь доступ и к остальным деньгам Абрамовича, а законы того времени позволяли легче посадить чиновника, чем бизнесмена. «Путин сказал мне, что если Абрамович как губернатор нарушит закон, он может сразу же посадить его в тюрьму», – говорит соратник Абрамовича.[6] Вложение Абрамовичем больших сумм собственного состояния в Чукотку, похоже, снижало его риски. Но угроза налоговых претензий задним числом, подобных тем, что были предъявлены ЮКОСу,

[1] Andrew Higgins. You Don't Often Find this Kind of Mogul in the Arctic Snow – Russian Tycoon's Whim Drags Baffled Friends, Bodyguards into Aiding Blighted Region // Wall Street Journal, 13 июня 2001 г.

[2] Там же.

[3] По словам пресс-секретаря Абрамовича, магнат вложил в восстановление региона в общей сложности 2,5 миллиарда долларов.

[4] Интервью автора с близким к Абрамовичу магнатом, октябрь 2017 г.

[5] См. главу 10.

[6] Интервью автора с близким к Абрамовичу магнатом, октябрь 2017 г.

казалось, постоянно висела над его «Сибнефтью» – тем более что личные вложения Абрамовича в Чукотку были частью двустороннего процесса, который еще прочнее держал его на кремлевском крючке. Вскоре после того, как он стал губернатором, «Сибнефть» перевела значительную часть продаж нефти через торговые компании, зарегистрированные в этом дальневосточном регионе, которым тут же были предоставлены налоговые льготы на сотни миллионов долларов.[1]

Эти налоговые схемы были поразительно похожи на те, из-за которых Ходорковский оказался в тюрьме, – и они позволяли «Сибнефти» платить еще меньше налогов, чем ЮКОС.[2] Словно в предупреждение, всего через несколько месяцев после вступления в должность губернатора Абрамовича вызвали на допрос в московскую прокуратуру.[3] Предполагаемое налоговое мошенничество казалось сравнительно мелким – недоплата в 350 тысяч долларов. Но три года спустя, в марте 2004 года, сразу после того, как Министерство по налогам и сборам предъявило первое из серии требований об уплате недоимок, которые в итоге обанкротят ЮКОС и приведут к его захвату государством, сумма внезапно выросла. Теперь «Сибнефть» проверяли на предмет недоплаты 1 миллиарда долларов за 2001 год.[4]

В результате расследования ничего не произошло, и «Сибнефть» всегда настаивала, что ее налоговые схемы соответствовали закону.[5] Но постоянная угроза обвинений в налоговом мошенничестве была частью процесса, постепенно превращавшего олигархов ельцинской эпохи в верных вассалов. Абрамович задолго до остальных был среди них первым. Словно подчеркивая это, когда после восьми лет тяжелой службы его губернаторский срок на Чукотке наконец истек, Путин сказал ему, что следующим местом назначения будет еще один нищий и пустынный регион на Дальнем Востоке России. «Он молодой парень. Пусть работает», – сказал Путин.[6] «Он должен был поехать на Камчатку и потратить еще больше своих ресурсов»,

[1] Catherine Belton. Shvidler Questioned Over Taxes // Moscow Times, 14 октября 2003 г.; Chelsea Boss made Millions from Tax Break; Insight // Sunday Times, 14 сентября 2003 г. В 2003 году московский инвестиционный банк «Тройка Диалог» оценивал, что налоговые льготы, предоставленные регионом, принесли нефтяной компании с 2000 года сверхдоход в 400 миллионов фунтов (640 миллионов долларов). Налоговые схемы действовали до 2005 года.

[2] В 2001 году эффективная налоговая ставка «Сибнефти» составляла всего 9 процентов, тогда как у ЮКОСа – 13 процентов.

[3] Igor Semenenko. Abramovich Questioned in Sibneft Fraud Case // Moscow Times, 31 мая 2001 г.

[4] Catherine Belton. Sibneft Hit with $1 Billion Tax Claim // Moscow Times, 3 марта 2004 г.

[5] Пресс-секретарь Абрамовича позднее заявил, что налоговые льготы предоставлялись как способ финансирования проекта восстановления Чукотки. По его словам, региональная администрация приняла закон, согласно которому не менее 50 процентов налоговых льгот должно было реинвестироваться в регион.

[6] Запись разговора между Юмашевым и Пугачевым. В интервью автору в ноябре 2017 года близкий соратник Абрамовича утверждал, что Абрамович действительно хотел сделать что-то хорошее для Чукотки и изменить там жизнь. Он впервые увидел «весь ужас» региона, когда в декабре 1999 года был избран от него депутатом Госдумы, и «после того как все это увидел, решил, что сможет больше помочь в качестве губернатора». Но он признал, что в какой-то мере это стало ловушкой и что Путин потом просил его поехать работать на Камчатку, но тот отказался. «Он был измотан Чукоткой. Это была абсолютно неблагодарная и тяжелая задача, и он действительно устал. Физически было очень тяжело, потому что, чтобы туда добраться, нужно десять часов сидеть в самолете, а потом бывали периоды, когда три-четыре недели нельзя было вылететь из-за погоды, – даже если в Москве были срочные дела. Это была тяжелая работа. И когда его срок закончился, он был рад, что они с командой смогли многое сделать. Они кардинально изменили там социальную структуру. Построили много школ и домов, привозили культурные мероприятия, вывозили детей самолетами на юг и так далее. И на это ушло много сил и денег. И он проработал там четыре или пять лет – не помню, – но когда пришел конец, он сказал: "Все. У меня больше нет сил, и я ухожу". Владимир Владимирович пытался уговорить его работать дальше, но он сказал:

– говорит один близкий к Абрамовичу человек. Лишь в конце концов, и только после долгого торга, Абрамовича наконец отпустили с крючка.

После процесса над Ходорковским российские бизнесмены слишком хорошо понимали, что против них в любой момент может быть возбуждено уголовное дело, в котором – виновны они или нет – шансы с самого начала будут против них. Возрождалась феодальная система, при которой владельцы крупнейших компаний страны, особенно в стратегическом сырьевом секторе, начинали действовать как наемные менеджеры, работающие от имени государства. Они были не более чем хранителями и сохраняли свой бизнес по милости Кремля.

Корни такого мышления уходили в царскую систему, в убеждения таких людей, как Жан Гучков и Серж де Пален. Путинские люди из КГБ были новыми имперскими правителями страны, законными владельцами ее ресурсов, а ее активы предстояло раздавать кремлевским фаворитам, которые будут работать на государство и, разумеется, платить дань своим хозяевам. «К 2003 году первый этап российского перехода – этап олигархического капитализма – закончился, и начался второй – этап государственно-дружественного капитализма», – говорит Евгений Ясин, влиятельный экономист, бывший одной из ведущих фигур этого перехода. Пришедшие к власти люди из КГБ, по его словам, считали, что имеют полное право рассматривать богатства страны как свои: «Они считают, что удержали страну от полного распада. Но на самом деле они просто захватили власть, и страна управляется ради сохранения правящей элиты».[1]

* * *

Эти признаки должны были бы вызывать тревогу. Но долгое время Запад, похоже, не понимал глубины преображения России. Возвышение путинских людей из КГБ было очевидно, когда они устанавливали контроль над стратегическим энергетическим сектором страны и советами директоров крупнейших государственных компаний. Но западному взгляду остальной бизнес страны все еще казался в основном независимым. Магнаты ельцинской эпохи вроде Абрамовича воспринимались как символы модернизирующих, прозападных сил в российской экономике. А главное, впервые, казалось, экономика переживала бум, и росли надежды на то, что нарождающийся средний класс однажды потребует большего участия в политическом процессе.[2]

С тех пор как Путина назначили преемником Ельцина, цены на нефть взлетели, подпитывая восстановление экономики. К 2005 году они утроились, и катастрофический дефолт России по долгам на 40 миллиардов долларов и девальвация рубля 1998 года казались далеким воспоминанием. К тому времени у страны было 150 миллиардов долларов валютных резервов – пятые по величине в мире.[3] Под руководством либерально настроенного министра финансов Алексея Кудрина правительство создало стабилизационный фонд из сверхдоходов от налогов на нефть, которые оно получало после изменения налогового кодекса, так сопротивлялись которому нефтяные бароны. В 2005 году этот фонд, призванный служить буфером для экономики на случай резкого падения цен на нефть, составлял 30 миллиардов

"Владимир Владимирович, я отработал. Отпустите меня"».

[1] Интервью автора с Ясиным, май 2013 г.

[2] Интервью автора с бывшими западными государственными чиновниками, сентябрь и октябрь 2018 г.

[3] Neil Buckley. Rich Rewards for Riding Rollercoaster – A New Model for Participation by Foreign Companies has Been Seen in Recent Months, Driven by Political Priorities // Financial Times, 11 октября 2005 г.

долларов.[1] К следующему году он достиг 70 миллиардов, а валютные резервы взлетели до 260 миллиардов.[2] Цены на нефть к тому времени поднялись выше 60 долларов за баррель против 17,4 доллара в 1999 году, когда Россия едва выходила из очередного экономического кризиса, а Ельцин назначил Путина своим преемником. Взлет цен на нефть изменил все. Экономические потрясения, которые помогли убедить ельцинскую «Семью» уступить власть силовикам, казались чем-то бесконечно далеким.

Пока Роман Абрамович трудился над повышением уровня жизни на Чукотке, в Москве и других региональных столицах шло более стихийное преображение. Сначала медленно, а затем все быстрее в центрах городов строились яркие торговые центры в европейском стиле. Mango, Benetton, Diesel и Adidas пришли на смену унылым продуктовым магазинам и универмагам советского образца недавнего прошлого.[3] Шикарные рестораны в городах в глубине Сибири подавали новозеландскую баранину, австралийскую телятину и французское вино.[4] Потребительские расходы стремительно росли. В России внезапно начал формироваться средний класс. У людей наконец появились деньги, которые можно было тратить, после десятилетия, за которое их сбережения дважды исчезали в одночасье. При растущих ценах на нефть экономический рост в годы после избрания Путина президентом составлял в среднем 6,6 процента, а средняя месячная зарплата выросла вчетверо.[5]

То были дни изобилия и стабильности. И хотя подпитывавший их рост цен на нефть не имел к нему никакого отношения, именно в эти дни утвердился богоподобный статус Путина как царя, спасшего Россию. Это было частью неписаного договора, который народ России, казалось, заключил со своим президентом. Люди предпочитали не замечать растущей государственной коррупции, растущего произвола ФСБ и всех правоохранительных органов в отношении крупного и мелкого бизнеса. Их не волновало подавление свободы СМИ, пока росли их доходы, пока наконец была стабильность. Они начинали жить как их европейские соседи. Путин и его люди из КГБ, казалось, могли сажать кого угодно, лишь бы нарождающийся средний класс мог позволить себе ежегодный отпуск где-нибудь в Турции.

В любом случае рассказы о захвате КГБ вершины власти, о выкачивании активов и подрыве правосудия не доходили до бóльшей части населения, поскольку путинский Кремль захватил СМИ и уничтожил всякую политическую конкуренцию. Захват Кремлем всех рычагов власти означал, что население было отчуждено от политического процесса. Но в рамках того, что один аналитик, Маша Липман, позднее назвала «пактом о неучастии» россиян[6], они были довольны тем, что Кремль монополизировал принятие политических и экономических решений, пока он не вторгался в их собственную жизнь. Это была модель, совершенно отличная от советской. Тогда всепроникающая власть партии и КГБ вторгалась почти во все аспекты повседневной жизни. Теперь же, пока интересы спецслужб не затрагивались, они держались в стороне. Бóльшая часть населения охотно приняла новую систему, которая еще больше закрепляла способ правления, господствовавший в России со

[1] Там же.

[2] Arkady Ostrovsky. Economy: New Found Wealth Starts to Spread // Financial Times, 10 октября 2006 г.

[3] Neil Buckley. Russia's Middle Class Starts Spending // Financial Times, 30 октября 2006 г.

[4] Ostrovsky. Economy: New Found Wealth Starts to Spread.

[5] Buckley. Russia's Middle Class Starts Spending.

[6] Masha Lipman. Russia's Non-Participation Pact // Project Syndicate, 30 марта 2011 г.

времен царей. Это был, писала Липман, «извечный российский порядок – доминирующее государство и бессильное, раздробленное общество».[1]

Связанные с КГБ бизнесмены, с которыми я беседовала, часто ссылались на эту психологию, оправдывая свои действия и свое правление. Трагедия России, говорили они, в том, что ее народ не хочет участвовать в политике – более того, не умеет этого делать. Это глубоко укоренилось в национальной психологии с самого начала России, говорили они, печально качая головами. Но на самом деле они лишь хватались за удобный предлог, чтобы убедить себя в правильности того, что не позволяют народу участвовать в демократии. КГБ хорошо усвоил уроки советского прошлого. Вместо всевластного государства инструментом, позволявшим им действовать как вздумается, стал капитализм. Более того, они считали, как цинично выразился женевский соратник Жана Гучкова, что люди довольны, если у них есть «холодильник, телевизор, дом, дети, машина. Остальное тебя более или менее не волнует, пока это не затрагивает твое материальное положение».[2]

Некоторые западные политики, однако, продолжали верить в иную мечту для растущего российского среднего класса. Они надеялись, что в конце концов, по мере роста доходов и возможностей ездить в западные страны, люди потребуют больше политических прав.[3] Ободренный кажущейся победой в холодной войне и расширением Европейского союза на страны бывшего Восточного блока, Запад верил в глобальную интеграцию России и все шире открывал для нее свои рынки. Вера в силу глобализации, в свободные рынки и демократию была в зените. Расширение Европы на восток было «важнейшим вкладом в мир, стабильность и процветание Европы за последние годы», говорил еврокомиссар по вопросам расширения Гюнтер Ферхойген в упоительные дни 2004 года.[4]

Российские компании наперегонки размещали свои акции на западных биржах, в особенности в Лондоне. Только в 2005 году они привлекли в Лондоне более 4 миллиардов долларов от продажи акций – против 1,3 миллиарда на всех рынках за тринадцать лет после распада Советского Союза.[5] На Западе твердо верили, что эти компании и стоящие за ними магнаты, в основном ельцинской эпохи, олицетворяют будущее России. Несмотря на опасения, вызванные захватом ЮКОСа государством, господствовало убеждение, что растущее число размещений – признак того, что Россия взрослеет как рыночная экономика.

Компании, направлявшиеся в Лондон, для допуска к листингу на Лондонской фондовой бирже должны были иметь за плечами три года отчетности, проверенной аудиторами по международным стандартам, а также не менее шести месяцев обращения акций в Москве.[6] Многие в западном политическом мире считали, что чем больше российских компаний разместится на Западе, тем больше им придется приспосабливаться к западным правилам прозрачности и управления. «Считалось, что олигархи, проводящие листинг, должны будут соблюдать правила корпоративного управления, что они станут частью глобальной системы», – говорит Найджел Гулд-Дэвис, бывший экономический атташе британского посольства в

[1] Там же.

[2] Интервью автора, Женева, март 2014 г.

[3] Интервью автора с бывшими западными чиновниками, сентябрь и октябрь 2018 г.

[4] Stefan Wagstyl. Challenge of Change Faces Old and New: The Citizens of All EU Member States Must Adapt to the Fulfilment of a Dream // Financial Times, 27 апреля 2004 г.

[5] Arkady Ostrovsky. Equity Offerings Signal Maturity // Financial Times, 11 октября 2005 г.

[6] Astrid Wendlandt. Russian Executives Become Hooked on Lure of London // Financial Times, 4 февраля 2004 г.

Москве, впоследствии посол Великобритании в Белоруссии.[1] Вместо агрессивного поведения переходного периода девяностых, по его словам, «они изменят свое поведение, потому что будут вынуждены». Листинг в Лондоне считался также дополнительным слоем защиты от нападок путинских силовиков и ценным символом респектабельности.

Западные банкиры и политики возлагали надежды на то, что растущая армия российских компаний в Лондоне будет и дальше способствовать росту российского среднего класса. Считалось, что формирующееся поколение бизнесменов однажды заставит путинское правительство либерализовать политическую и экономическую среду. «Велики шансы, что дела будут и дальше идти в правильном направлении – благодаря изменениям в обществе, – говорил Стивен Дженнингс, уроженец Новой Зеландии, глава одного из крупнейших московских инвестиционных банков, "Ренессанс Капитал". – В какой-то момент эти условия потребуют гораздо более либерального и модернизирующего лидера. Мы просто не знаем, будет ли это следующий лидер или тот, кто придет после него».[2]

Западные банкиры толпами слетались в Москву в погоне за комиссионными – некоторые в твердом убеждении, что делают «богоугодное дело», принося рынки людям и освобождая их от тяжелой руки государства. Делегации из лондонского Сити регулярно прилетали в Москву в поисках клиентов, подчеркивая преимущества лондонского «мягкого регулирования».[3] В то время, когда развивающиеся рынки по всему миру переживали бум – прежде всего в Китае и Индии, – Россия стала крупнейшим источником международных размещений на Лондонской фондовой бирже.[4]

Возможно, именно потому, что лондонский Сити был так очарован потоком денег, банкиры и инвесторы часто предпочитали не беспокоиться о том, что следующая волна российских размещений была совсем иной. В Лондон теперь шли в основном новые колоссы путинского государственного капитализма, совершенно не заинтересованные в либерализации российской экономики. Сити предпочитал не замечать и того, что в прозрачности структур собственности и финансовой отчетности некоторых из этих компаний зияли большие пробелы. Одна из причин, по которым российские компании толпами устремлялись в Лондон, заключалась в том, что требования к листингу там были гораздо мягче, чем в Нью-Йорке. В США правила требовали, чтобы генеральные и финансовые директора компаний, добивающихся листинга, подписывались под достоверностью финансовой отчетности.[5] Если что-то оказывалось неправдой или вводило в заблуждение, это рассматривалось как уголовное преступление. «Ни одна российская компания не была к этому готова. Нам нужно было еще лет пять, чтобы навести порядок, а может, и больше», – говорит Дмитрий Гололобов, российский юрист, работавший над листингом глобальных депозитарных расписок ЮКОСа в США, от которого компания отказалась из-за рисков.[6] В Лондоне же компании, размещавшие глобальные депозитарные расписки, встречала система,

[1] Интервью автора с Найджелом Гулд-Дэвисом, октябрь 2018 г. См. также: Nigel Gould-Davies. Russia's Sovereign Globalisation – Rise, Fall and Future. Chatham House research paper, январь 2016 г.

[2] Buckley. Rich Rewards for Riding Rollercoaster.

[3] Интервью автора с Гулд-Дэвисом, октябрь 2018 г.

[4] Ostrovsky. Equity Offerings Signal Maturity.

[5] Wendlandt. Russian Executives Become Hooked on Lure of London.

[6] Интервью автора с Гололобовым, август 2018 г.

допускавшая гораздо более низкий уровень проверки и возлагавшая на инвесторов ответственность за то, чтобы проверить, верна ли предоставленная компанией информация.[1]

Лондонская Financial Times иронически заметила, что в проспекте эмиссии одного из предстоящих лондонских размещений – Новолипецкого металлургического комбината – «больше драмы, чем в сюжете Достоевского».[2] Проспект обнажал дебри инсайдерских сделок и непрозрачных операций. Десятки миллионов фунтов выдавались беспроцентными займами малоизвестным компаниям, впоследствии приобретенным контролирующим акционером НЛМК. Еще миллионы выплачивались тому же лицу в виде «консультационных вознаграждений». А главное, приватизация НЛМК прошла в дарвиновских условиях дикого российского Востока девяностых, и компания признавала, что ее права собственности и права на любую другую приобретенную ею компанию могут быть оспорены в любой момент. И все же инвесторы валили толпой. Правительство Тони Блэра, похоже, дало Лондону команду распахнуть двери для российских денег, каким бы ни было их происхождение.

Российские размещения приносили Лондону огромный поток доходов для целых армий банкиров, юристов, консультантов и пиар-фирм. Город был наводнен российскими деньгами. Но вместо того чтобы Россия менялась благодаря интеграции в западные рынки, это Россия меняла Запад. Магнаты, приезжавшие в Лондон, которые, как надеялся Запад, станут независимой движущей силой перемен, вместо этого становились все более зависимыми от Кремля. Они были вассалами все более авторитарного и клептократического путинского государства. Вместо того чтобы подчинить Россию своей системе, основанной на правилах, Запад медленно развращался сам. Словно в него впрыскивали вирус.

* * *

Путь, похоже, отчасти был расчищен, когда летом 2003 года Роман Абрамович купил лондонский футбольный клуб «Челси». Покупка за 150 миллионов фунтов (240 миллионов долларов) стала своего рода пиар-триумфом. Лондонские газеты восхищались частным «Боингом-767» Абрамовича, на котором он прилетал в Лондон осматривать свой новый клуб. Они посвящали обильные колонки его роскошным яхтам, в том числе крупнейшей в мире – Eclipse, 168-метровому плавучему дворцу с двумя вертолетными площадками и собственной подводной лодкой. Скрытного небритого олигарха, просто одетого в джинсы, превозносили, пока он щедро тратил деньги на покупку всемирно известных игроков для «Челси» и модернизацию стадиона «Стэмфорд Бридж». Мало кто спрашивал, откуда у него деньги. «Это очень хорошая реклама, – говорит один бывший соратник Абрамовича. – С "Челси" он получает три страницы в конце газет, и ничего плохого. Никто не задает ему вопросов».[3]

Путинский Кремль точно рассчитал, что путь к признанию в британском обществе лежит через главную любовь страны – ее национальный спорт. По словам Сергея Пугачева, с самого начала эта покупка была нацелена на создание плацдарма для российского влияния в Великобритании.[4] «Путин лично рассказывал мне о своем плане приобрести футбольный клуб "Челси", чтобы усилить свое влияние и поднять престиж России не только среди элиты, но и

[1] Joanna Chung, Sarah Spikes. Rosneft Follows the Road to London // Financial Times, 24 июня 2006 г.

[2] Kate Burgess, Joanna Chung, Arkady Ostrovsky, Helen Thomas. Dicey Russian Flotations challenge London Investors' Appetite for Risk // Financial Times, 6 декабря 2005 г.

[3] Интервью автора с бывшим соратником Абрамовича, июнь 2017 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2017 г.

среди простых британцев», – говорит он.[1] Путин поручил Абрамовичу купить клуб, утверждают российский магнат и бывший соратник Абрамовича. «Это была отличная операция. Никаких вопросов не задавалось». Покупка мгновенно сделала Абрамовича знаменитостью в Великобритании. Приглашение посмотреть матч из его частной ложи стало одним из самых желанных билетов в городе.

Приход Абрамовича в футбол Премьер-лиги был также нацелен на усиление веса России в ФИФА, Международной федерации футбола, которая впоследствии выбрала Россию хозяйкой чемпионата мира 2018 года. «Путин попросил Романа пойти в футбол, – говорит бывший соратник Абрамовича. – Он считал, что им надо это сделать, чтобы получить влияние в ФИФА, которая была известна как коррумпированная организация».[2] «Через "Челси" он получил входной билет в мир футбола, – говорит российский магнат. – Он смог использовать это для лоббирования чемпионата мира, который много значил для Москвы. Они хотели получить право проведения, чтобы показать людям, что Россия не в изоляции. Для них это было очень важно».[3]

Близкий к Абрамовичу человек отрицал, что магнат действовал по указанию Кремля, покупая клуб.[4] Но какова бы ни была правда, выбор Абрамовичем «Челси» стал символом российских денег, хлынувших в Великобританию, а легкость, с которой его приняли, помогла российским деньгам стать частью ткани лондонской жизни. «Это был также входной билет в британское высшее общество. Это был вход в Палату лордов, – говорит бывший деловой партнер. – Он специально создал для этого клуб при "Челси"».

Мало кто задавал вопросы об Абрамовиче отчасти потому, что на первый взгляд он не имел никакого отношения к путинским людям из КГБ. Он продолжал поддерживать тесные связи с ельцинской «Семьей» – с Валентином Юмашевым и с Александром Волошиным, руководителем администрации ельцинской эпохи. Его считали приемлемым лицом российского бизнеса, представителем более либерального крыла российской элиты, с которым Великобритания так стремилась наладить отношения. Но это восприятие на самом деле было лишь удобно Путину. «Путину нравится, когда такие люди, как Абрамович и Юмашев, ездят по миру и рассказывают людям, что он не такой уж крокодил, – говорит Александр Темерко, бывший акционер ЮКОСа, к концу 2004 года бежавший из России в Великобританию. – Ему нужно, чтобы они делали это для него. Они его добровольные бесплатные послы».[5]

Хотел он того или нет, Абрамович стал частью путинской машины, одним из доверенных хранителей Кремля. Он играл неотъемлемую роль в создании кагэбэшного капитализма, который набирал обороты, распространяя свое влияние на Запад, пока цены на энергоносители продолжали расти. Его нефтяная компания «Сибнефть» была частью этого

[1] Там же; по словам Пугачева, Путин впервые заговорил с ним об этом за год до того, как Абрамович купил «Челси», предложив ему, Пугачеву, купить клуб как способ усилить влияние России. «Еще до сделки Путин сказал мне, что это лучший способ проникнуть в Англию, – говорит он. – Он сказал, что это то же самое, что скупить все пабы. "Мы получим такую глубину"».

[2] Интервью автора с бывшим соратником Абрамовича, июнь 2017 г.

[3] Интервью автора с российским магнатом, май 2018 г.

[4] Близкий к Абрамовичу человек сказал, что магнат сначала присматривался к клубам в Италии и Испании, но все они были «проблемными», а также к четырем разным клубам в Великобритании, прежде чем остановиться на «Челси», поскольку это был «проблемный актив». Однако этот человек признал, что Абрамович, скорее всего, поговорил с президентом, прежде чем согласиться на сделку.

[5] Интервью автора с Темерко, август 2018 г.

преображения. В сентябре 2005 года ее тоже поглотило государство, продолжавшее наступление ради контроля над стратегическим энергетическим сектором. Но вместо того чтобы оказаться в тюрьме, как Ходорковский, а его компания – обанкроченной многомиллиардными налоговыми претензиями задним числом, Абрамович смог продать «Сибнефть» государству за 13 миллиардов долларов – наличными. Но едва ли что-то из этих доходов могло считаться его собственным. Вместо того чтобы слить «Сибнефть» с ЮКОСом и продать компанию американской Exxon или Chevron, как когда-то планировали они с Ходорковским, Абрамович склонился перед новым кремлевским порядком. И вновь выбора у него было немного. Продажа «Сибнефти» «Газпрому» в конце 2005 года стала еще одним этапом процесса, в ходе которого кремлевский захват энергетики обретал международную легитимность, еще больше подстегивая бум на российском фондовом рынке. Это был момент, когда богатство Абрамовича еще прочнее, чем прежде, срослось с Кремлем.

Сделка проходила в несколько этапов, начавшихся едва ли через две недели после того, как в мае 2005 года московский суд наконец вынес Ходорковскому обвинительный приговор. Именно тогда российское правительство попыталось поднять настроение иностранных инвесторов с помощью высшей приманки, объявив, что займет у международных банков 7 миллиардов долларов, чтобы довести свою долю в «Газпроме» до контрольных 51 процента.[1] Этого шага иностранные инвесторы давно ждали. Могло показаться парадоксальным, что усиление государственного контроля над «Газпромом» пойдет им на пользу, но годами они были лишены возможности свободно торговать акциями крупнейшего в мире производителя газа, потому что российскому правительству официально не принадлежал контрольный пакет. Фактически государство, конечно, контролировало газовый гигант, но на бумаге ему принадлежало лишь 38 процентов, и правительство опасалось, что без ограничений на объем принадлежащих им акций иностранные инвесторы могут захватить самую стратегически важную компанию России. Годом раньше, объявляя о планах слияния «Газпрома» с «Роснефтью», правительство поманило перспективой того, что сможет довести свою долю до контрольной и снять ограничения, создав тем самым крупнейшую в мире энергетическую компанию, доступную иностранным инвесторам. Но эти планы рухнули, когда ЮКОС подал свой последний отчаянный иск о защите от банкротства в Хьюстоне и «Юганскнефтегаз» из-за правовых рисков приобрела не «Газпром», а «Роснефть». Поглощение «Роснефтью» «Юганска» подстегнуло амбиции ее председателя Игоря Сечина построить собственного государственного энергетического гиганта, независимого от «Газпрома», и грызня между двумя государственными титанами похоронила план слияния.

Теперь, когда пыль улеглась, правительство объявляло о гораздо более простой сделке. Оно займет у международных банков 7 миллиардов долларов, чтобы купить акции, необходимые для увеличения его доли в «Газпроме», и купит их у самой компании. Это объявление вызвало волну воодушевления на фондовом рынке после изнурительного дела Ходорковского. Теперь, когда процесс над Ходорковским закончился, инвесторы считали, что перелом пройден. Снятие так называемого «забора» – ограничений на иностранное владение – всегда рассматривалось как способ для Кремля купить расположение иностранных инвесторов после токсичной принудительной продажи «Юганска». Теперь иностранные инвесторы надеялись, что приговор Ходорковскому положит конец наступлению государства, что его процесс был единичным случаем и Кремль больше не будет захватывать активы. Фондовый рынок пошел вверх, индекс РТС удвоился за полгода. Рост, приостановившийся во время дела

[1] Arkady Ostrovsky. Moscow Offers Gazprom $7 Billion for Stake // Financial Times, 15 июня 2005 г.

Ходорковского, полностью восстановился за счет акций «Газпрома», взлетевших более чем на 100 процентов.[1] Это было частью намеренной слепоты к растущей экспансии государства: она не имела значения, пока курсы акций росли.

«Газпром», в свою очередь, объявил, что использует деньги, полученные от правительства за свои акции, для собственного приобретения: вместо того чтобы обанкротить «Сибнефть» Абрамовича и затем захватить контроль, он ее купит. Это был компромисс в разгар грызни с Сечиным, дававший «Газпрому» собственное нефтяное подразделение. В итоге «Газпром» купил «Сибнефть» у Абрамовича за 13 миллиардов долларов – сделка, которая, казалось, подчеркивала, насколько судьба Абрамовича отличалась от судьбы Ходорковского.[2] Сделка передала еще одну нефтяную компанию из частного сектора в руки путинских людей. Но Абрамович, похоже, ушел со справедливой рыночной ценой за свою компанию, без принудительной продажи, банкротства и налоговых претензий задним числом, как в деле Ходорковского, – несмотря на то что эффективная налоговая ставка «Сибнефти» была даже ниже, чем когда-либо у ЮКОСа. Ее превозносили как крупнейшую сделку по поглощению в истории России, а рынок воспринял ее как знак того, что Кремль оставил дело ЮКОСа позади и новых экспроприаций не будет.

Но на самом деле это была лишь очередная ступень эволюции нарождающегося кагэбэшного капитализма, в котором ничто не было тем, чем казалось. Ходили слухи, что Абрамовичу пришлось разделить львиную долю полученных 13 миллиардов долларов с путинскими людьми. «Я давно говорю, что Путин – деловой партнер Абрамовича, – сказал тогда его бывший деловой партнер Борис Березовский. – У меня нет сомнений, что прибыль от продажи "Сибнефти" будет поделена между Абрамовичем и Путиным, а также еще несколькими людьми».[3]

«Это не только его деньги, – говорит российский магнат, когда-то близкий к Абрамовичу.[4] – Он представитель Путина». «Никто не знает, сколько у него на самом деле», – говорит другой бывший соратник.[5] Еще один российский магнат рассказывал, что Абрамович как-то жаловался ему, что ему пришлось потратить больше своей доли денег от продажи «Сибнефти» на выполнение поручений Путина – на строительство футбольных стадионов в России, на инвестиции в Чукотку и на другие стратегические операции в интересах Кремля.[6]

Складывалась система, в которой любой бизнес сколько-нибудь значимого масштаба зависел от доброй воли Кремля, где магнатам приходилось служить государству, чтобы сохранить положение и богатство. Но это была и система, которая исподволь получала все большее международное признание и легитимность. Если Запад сразу принял тех, кого считал

[1] Neil Buckley. Watchdog Alarmed at Russia's Market Growth // Financial Times, 16 февраля 2006 г.

[2] Catherine Belton. Gazprom Scoops Up Sibneft for $13 Billion // Moscow Times, 29 сентября 2005 г.

[3] Catherine Belton. Fortunes Go to Kremlin Favourites // Moscow Times, 23 сентября 2005 г. На утверждения о том, что Абрамович может быть держателем средств российского президента и что он поделился с Кремлем выручкой от продажи «Сибнефти», пресс-секретарь Абрамовича ответил, что «никогда не видел никаких доказательств этого».

[4] Интервью автора с российским магнатом, май 2018 г.

[5] Интервью автора с бывшим соратником Абрамовича, июнь 2017 г. Структура собственности холдинговой компании Millhouse Capital, через которую Абрамович якобы владел своей деловой империей, всегда была мутной. Она никогда не раскрывала, кто ее конечные бенефициары: единственным акционером, указанным в корпоративных документах, была зарегистрированная на Кипре Electus Investments, и на этом след обрывался.

[6] Интервью автора с российским магнатом, апрель 2015 г.

либерально мыслящими магнатами вроде Абрамовича, то он начал примиряться и с новым кремлевским энергетическим порядком. На следующий год, летом 2006-го, он отмахнулся от озабоченности фактической конфискацией главного добывающего подразделения ЮКОСа «Юганска» и позволил «Роснефти» провести первичное публичное размещение на Лондонской фондовой бирже. Именно тогда был нанесен первый настоящий удар по целостности западных рынков.

Продажу акций сечинской «Роснефти» в тот год приветствовали как одну из крупнейших в мире. Первоначально компания говорила, что планирует привлечь 20 миллиардов долларов – сумму, которая побила бы рекорды.[1] Хотя позднее она уменьшила эту сумму вдвое, объем все равно был головокружительным для западных банкиров, бросившихся урвать кусок от 120 миллионов долларов комиссионных.[2] IPO, ставшее все равно третьим по величине в мире в тот год, по существу было референдумом инвесторов по кремлевскому захвату российского энергетического сектора. Западные менеджеры, продолжавшие из изгнания управлять остатками ЮКОСа, протестовали против продажи, утверждая, что она будет равносильна пособничеству в продаже краденого, и обратились к британскому регулятору рынков, Управлению по финансовым услугам, с просьбой ее остановить.[3] Все в поглощении «Роснефтью» «Юганска», утверждали они, было незаконным – от избирательных налоговых претензий задним числом, приведших к принудительной продаже, до самой продажи по заниженной цене в нарушение временного запрета хьюстонского суда.

Для тех, кто чуть больше года назад с ужасом наблюдал, как путинские люди из КГБ извратили правосудие, чтобы захватить «Юганск», этот листинг поднимал глубокие моральные и этические вопросы. Джордж Сорос, миллиардер-инвестор, ставший филантропом, написал в Financial Times, задаваясь вопросом, следует ли вообще допускать это IPO: «Утверждать, что оно повысит прозрачность, – значит игнорировать тот факт, что "Роснефть" – инструмент государства, который всегда будет ставить политические цели России выше интересов акционеров».[4] Другим защитникам ЮКОСа казалось, что успешное IPO будет воспринято Кремлем как печать одобрения рынка. «Западные лидеры должны трезво и с дальним прицелом оценить последствия умиротворения русских в таких вопросах, как фундаментальные права человека и верховенство права, – писал Роберт Амстердам, адвокат Ходорковского, который к тому времени уже почти год провел в колонии на Дальнем Востоке России. – Иначе нынешние правители России воспримут западные двойные стандарты как лицензию на безнаказанность. Отрицать, отметать или преуменьшать тяжесть последствий – значит закрывать глаза на уроки истории».[5]

Хотя написанное Амстердамом сегодня звучит как предупреждение о грядущем, путинские люди точно рассчитали, что для Запада деньги перевесят все прочие соображения. «В конечном счете все хотят заработать, и Кремль это знает», – говорил Харви Савикин, глава нью-йоркского хедж-фонда Firebird Management.[6] Несмотря на все протесты и угрозу исков,

[1] Neil Buckley, Arkady Ostrovsky. Rosneft Looks to US Banker to head IPO // Financial Times, 15 марта 2006 г.

[2] Joanna Chung. Bankers to Reap $120 Million on Rosneft IPO // Financial Times, 27 июня 2006 г.

[3] Catherine Belton. Yukos Asks London to Halt IPO // Moscow Times, 26 июня 2006 г.

[4] George Soros. Rosneft Flotation Would Spur Putin on // Financial Times, 26 апреля 2006 г.

[5] Robert Amsterdam. Rosneft IPO Represents Nothing But the Syndication of the Gulag // Financial Times, 1 мая 2006 г.

[6] Gregory L. White. Capital Gains: Flush with Oil, Kremlin Explores Biggest Ever IPO // Wall Street Journal, 18 апреля 2006 г.

IPO состоялось и было преподнесено как триумф Путина, принимавшего тем летом в Санкт-Петербурге «Большую восьмерку» развитых стран. «Роснефть» оценили в 80 миллиардов долларов – огромное преображение по сравнению с периодом до покупки «Юганска» всего за 9,4 миллиарда[1], когда «Роснефть» оценивали не более чем в 6 миллиардов. Взлетевшая оценка свидетельствовала о могуществе путинской когорты из КГБ и об уверенности в том, что их поддержка «Роснефти» гарантирует ее будущую экспансию: поддержка Кремля означала, что она наверняка за бесценок подберет остальные активы ЮКОСа на предстоящих аукционах в ходе банкротства.

Но на самом деле это IPO вовсе не было IPO. Скорее оно напоминало частное размещение. Иностранные нефтяные компании, в том числе BP, малайзийская государственная нефтяная компания Petronas и Китайская национальная нефтегазовая корпорация, стремясь снискать расположение Кремля, скупили почти половину всего предложения, а связанный с КГБ Газпромбанк купил акций на 2,5 миллиарда долларов.[2] Широко сообщалось, что Кремль, который не мог допустить провала продажи, давил на таких магнатов, как Абрамович, чтобы те приняли в ней участие. Сообщалось, что Абрамович купил акций на сумму до 300 миллионов долларов – еще одно указание на то, что он действовал по указке Кремля.[3] BP не скрывала, что стремится использовать размещение, чтобы купить себе расположение Кремля, что для нее это упражнение в «выстраивании отношений». «Мы считаем, что это хорошая стратегическая инвестиция для нашего положения в России и наших отношений с российской нефтяной отраслью и российскими властями», – сказал представитель компании.[4] Но другие инвесторы жаловались, что продажа была типичной операцией КГБ, а американские инвесторы и нефтяные компании держались в стороне, опасаясь правовых рисков. «Это было масштабное вымогательство, – говорил один управляющий фондом, утверждая, что цена продажи была сильно завышена. – Они давили на инвесторов в лучших традициях КГБ, чтобы размещение прошло успешно».[5]

Но инвесторов, похоже, мало заботило то, что они легитимизируют государственный захват, осуществленный путинскими людьми из КГБ. Не беспокоило их, судя по всему, и то, что привлеченные средства пойдут мимо российского бюджета – на погашение кредита в 7 миллиардов долларов, который мутная государственная компания специального назначения «Роснефтегаз» взяла у международных банков, когда годом раньше государство увеличивало свою долю в «Газпроме». Это было частью того, что бывший заместитель министра энергетики Владимир Милов назвал «наперстком», нацеленным исключительно на то, чтобы избежать прозрачности, обычно требуемой при государственной приватизации: «Это очень характерно для нынешнего режима. Они работают через непрозрачные схемы, где путинские люди лично являются бенефициарами и могут делить деньги между собой, ни перед кем не отчитываясь».[6]

Для Андрея Илларионова, советника Кремля по экономическим вопросам, который к тому времени ушел в отставку, возмущенный происходящими переменами, продажа акций

[1] Catherine Belton. Half of Rosneft IPO Goes to 4 Buyers // Moscow Times, 17 июля 2006 г.

[2] Там же; а также: Joanna Chung. Yukos Challenges Rosneft $10 Billion Flotation // Financial Times, 17 июля 2006 г.

[3] Chung. Yukos Challenges Rosneft $10 Billion Flotation.

[4] Belton. Half of Rosneft IPO Goes to 4 Buyers.

[5] Там же.

[6] Catherine Belton. An IPO Built on Greed and Ambition // Moscow Times, 7 июля 2006 г.

«Роснефти» была «преступлением против российского государства и российского народа».[1] Участвуя в ней и содействуя ей, говорил он, «западные компании фактически выстраивают долгосрочные отношения с теми силами в России, которые разрушают самые основы современного общества: рыночную экономику, уважение к частной собственности, демократию».[2] Но для людей из КГБ, стоявших за преображением «Роснефти», это была печать одобрения, ради которой они работали, и она позволила им еще глубже проникнуть на международные рынки. Пока «Роснефть» подбирала оставшиеся активы ЮКОСа на аукционах в ходе банкротства, западные инвесторы все активнее вливались в кремлевский порядок. Два других колосса кремлевской государственной системы быстро последовали тем же путем с не менее огромными размещениями акций. Но ни один из них не был маяком прозрачности. Скорее они олицетворяли быстро складывающуюся систему, в которой Кремль господствовал во всем. Сначала, в феврале 2007 года, последовало размещение государственного Сбербанка на 8,8 миллиарда долларов, привлекшее как иностранных, так и отечественных инвесторов.[3] Хотя инвесторов тревожила прозрачность, банк рассматривался как способ вложиться в бурно растущую потребительскую экономику России, а государственный контроль над ним считался преимуществом. Ему никогда не дадут обанкротиться. Затем, всего три месяца спустя, второй по величине банк России, ВТБ – бывший советский внешнеторговый банк, тоже принадлежавший государству, – отправился в Лондон на первичное публичное размещение на 8,2 миллиарда долларов, крупнейшее в мире в тот год.[4] Репутация ВТБ как карманного банка для кремлевских «спецпроектов», тесно связанных с КГБ, мало охладила энтузиазм инвесторов. Его добродушный глава Андрей Костин, бывший советский дипломат в Лондоне, не проявлял особых банкирских талантов, если не считать умения добывать для банка миллиарды долларов государственной поддержки. Всего за два года до того бывший руководитель Центрального банка назвал ВТБ «тонущим "Титаником"».[5] Но когда той весной банк вышел на биржу, спрос инвесторов на акции в восемь раз превысил предложение. 2007 год стал годом, когда интерес мировых инвесторов достиг пика. Цены на нефть приближались к рекордным 70 долларам за баррель, и даже председатель Goldman Sachs Ллойд Бланкфейн, титан Уолл-стрит, написал Путину с просьбой о встрече – факт, с гордостью выставленный на всеобщее обозрение на сайте Кремля.[6] Привлеченные миллиардами долларов, плескавшимися в сделках, глобальные инвестиционные банки вновь толпами устремлялись в Москву – некоторые впервые после того, как обожглись на кризисе августа 1998 года. Объем слияний и поглощений только в 2006

[1] Там же.

[2] Stephen Fidler, Arkady Ostrovsky. Yukos Case Highlights Role of Foreign Banks // Financial Times, 24 марта 2006 г.

[3] Catherine Belton, Joanna Chung. Sberbank Issue to Fall Short of Russian Record // Financial Times, 22 февраля 2007 г. Сбербанк был крупнейшим сберегательным банком России. На него приходилось 60 процентов розничных вкладов страны, и на волне экономического бума, вызванного взлетом цен на нефть, его акции за предыдущие три года выросли более чем на 1020 процентов. Был, впрочем, небольшой вопрос инсайдерских сделок, в ходе которых подконтрольный государству банк выдал миллиарды долларов кредитов связанному с Кремлем магнату, который на эти средства собрал крупный пакет акций самого банка.

[4] Catherine Belton, Joanna Chung. VTB Sets Price for $8.2 Billion Offering // Financial Times, 11 мая 2007 г.

[5] Catherine Belton. VTB Chief Hopes Offering will Seal Bank's Independent Future // Financial Times, 2 мая 2007 г. Александр Хандруев, бывший заместитель председателя Центрального банка, сказал мне: «Это банк для государственных спецпроектов. Он дает кредитные линии и гарантии там, где риски высоки».

[6] Catherine Belton. Risks Brushed Aside in Race to Take Part // Financial Times, 20 апреля 2007 г.

году достиг 71 миллиарда долларов.[1] Но магнаты, с которыми иностранные инвесторы кутили во все более шикарных московских клубах и ресторанах, к тому времени часто были доверенными лицами кремлевских интересов. Был, например, сорокаоднолетний Сулейман Керимов, ртутно-подвижный уроженец Дагестана, неспокойного региона по соседству с Чечней. Впервые он попал в заголовки в 2006 году, когда разбил свой Ferrari о дерево на Английской набережной в Ницце и едва не умер от ожогов[2], после чего удалился в полумрак и кондиционированную прохладу своего кабинета на верхнем этаже тщательно охраняемого московского особняка, защищая обожженные руки тонкими перчатками без пальцев. Оправившись, он вновь прославился своими роскошными вечеринками, где на его вилле на мысе Антиб для высокопоставленных банкиров Morgan Stanley и Goldman Sachs пели такие звезды, как Бейонсе. К началу 2007 года Forbes оценивал его состояние в 14,4 миллиарда долларов, что делало его вторым богатейшим человеком России после Абрамовича.

Керимов принадлежал к новому поколению финансовых магнатов, выросших из путинского кагэбэшного капитализма, чьи состояния полностью зависели от доступа к ресурсам государства.[3] Если магнаты ельцинских девяностых изначально сколачивали состояния, держа в своих банках казначейские счета правительства, а затем переходили к захвату крупнейших промышленных активов страны, то богатство Керимова было почти целиком бумажным. В 2004 году он получил от Сбербанка кредиты на 3,2 миллиарда долларов, на которые собрал 6-процентный пакет акций самого Сбербанка, а также 4,2 процента «Газпрома».[4] Когда стоимость Сбербанка выросла в десять раз, а «Газпрома» – в шесть, состояние Керимова быстро достигло 17,5 миллиарда долларов. Торгующиеся на мировых рынках акции «Газпрома» и Сбербанка позволили Керимову превратить свое состояние в глубокие связи на западных финансовых рынках, собрав значительные пакеты в Morgan Stanley, Lehman Brothers, Fortis, Credit Suisse и других.[5]

Проблема была в том, что никто не был уверен, можно ли действительно назвать собранное им состояние его собственным. Керимов всегда действовал в мутной сфере, тесно связанной с интересами российской внешней разведки.[6] Прежде он был малоизвестен, но теперь, когда он вышел на свет благодаря миллиардным кредитам государственного банка,

[1] Там же.

[2] Catherine Belton. The Secret Oligarch // Financial Times, 11 февраля 2012 г.

[3] Другим примером этого нового поколения был Алишер Усманов, уроженец Узбекистана, ставший одним из богатейших людей России. Усманов сумел превратить высокую должность в «Газпроме» в передачу себе металлургических активов «Газпрома», построив металлургическую империю и собрав 1,5 процента акций самого «Газпрома». Стремительный рост курса акций государственного газового гиганта помог удвоить его состояние в 2005–2006 годах. Усманова тоже считали доверенным лицом кремлевских интересов.

[4] Belton. The Secret Oligarch.

[5] Там же.

[6] Первоначально Керимов был совладельцем авиакомпании «Внуковские авиалинии» вместе с Сергеем Исаковым, российским бизнесменом, который, как и Керимов, выстроил глубокие связи в Ираке Саддама Хусейна. В конце девяностых Керимов купил последнюю оставшуюся часть бывшего советского монопольного нефтетрейдера «Нафта-Москва», унаследовав тем самым финансовую сеть, некогда тесно связанную с КГБ. Семья Штудхальтер, руководившая перешедшей к нему швейцарской холдинговой компанией, переводила деньги для КГБ со времен распада Советского Союза. Затем они управляли средствами Seabeco Бориса Бирштейна и полковника КГБ Леонида Веселовского, автора записок Коммунистической партии о способах пережить переход к рыночной экономике. Затем Керимов перешел к торговле нефтью в рамках программы Саддама Хусейна «Нефть в обмен на продовольствие» – операции, которой в значительной мере управляла из ООН российская внешняя разведка.

даже работавшие с ним западные банкиры не были до конца уверены, с кем имеют дело. «Бывали моменты, когда я задавался вопросом, не подставное ли он лицо Кремля», – говорит один из них.[1] «Никто бы не удивился, если бы так и было», – говорит другой.[2] «Всегда ходят домыслы, что он хранитель кремлевских денег, – говорит третий. – Но как это доказать? Настоящих денег нет, так что и управлять нечем. Сплошной кредитный рычаг».[3]

Состояния, сколачиваемые при Путине, были во много раз больше, чем в ельцинские годы, и способ, которым магнаты строили богатство, был совсем иным. Все диктовал Кремль. Деловые возможности зависели от Путина, о котором магнаты и их подчиненные говорили шепотом – «папа» или «первый», – указывая пальцем в потолок. (Много раз на встречах меня просили оставить телефон на столе за дверью кабинета человека, у которого я брала интервью, – так велик был страх, что все прослушивается.) Одновременно боясь и благоговея перед Путиным, они зависели от его благосклонности в получении кредитов государственных банков или государственных контрактов – к тому времени главных способов зарабатывать деньги в России. Это была мафиозная система, в которой дела делались на основе неформальных «понятий», подобных тем, что правили мафиозными группировками. Когда вся система построена на коррупции, откатах и доступе, каждого участника можно контролировать. У Путина и его людей был компромат на всех – от бизнесменов до берущих взятки государственных чиновников. Это был способ держать всех на крючке, в полном осознании того, что в любой момент, если они выйдут из повиновения, они могут сесть в тюрьму. Государственная власть превратилась в большой бизнес, и от каждого государственного чиновника ожидали, что он будет использовать свое положение для заработка, говорят двое бывших людей из кремлевского круга.

Олег Дерипаска, молодой металлургический магнат, вышедший на вершину алюминиевой промышленности страны после жестоких войн девяностых за контроль над ней, первым публично признал изменившийся климат. «Если государство скажет, что нам надо отдать, мы отдадим, – сказал он мне в 2007 году, имея в виду свой алюминиевый гигант "Русал". – Я не отделяю себя от государства. У меня нет других интересов».[4]

Зависимость от путинского Кремля еще больше укоренилась, когда грянул финансовый кризис 2008 года. Крах Lehman Brothers срикошетил по российскому фондовому рынку, стерев только за сентябрь и октябрь того года 230 миллиардов долларов из его капитализации в 300 миллиардов.[5] Российские миллиардеры активно занимали у западных банков для финансирования быстрого расширения своих деловых империй. Широко распространилась практика маржинального кредитования, при которой магнаты закладывали пакеты акций своих компаний в обеспечение многомиллиардных кредитов. Теперь, когда стоимость этих акций обрушилась, иностранные банки требовали погашения кредитов. Значительные пакеты «Русала» Дерипаски и «Вымпелкома» Михаила Фридмана, второго по величине оператора мобильной связи страны, рисковали оказаться в руках западных банков.[6]

---

[1] Интервью автора с видным западным банкиром, осень 2011 г.; см. также: Belton. The Secret Oligarch.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Catherine Belton. I Don't Need to Defend Myself: An Old Dispute Returns to Haunt Rusal's Deripaska // Financial Times, 13 июля 2007 г.

[5] Catherine Belton. Close to the Wind // Financial Times, 25 октября 2008 г.

[6] Там же; Catherine Belton. Court Freezes Tycoon's Stake in Vimpelcom // Financial Times, 27 октября 2008 г.

Вмешавшись, чтобы спасти миллиардеров страны, путинское правительство не стало национализировать их активы. Велась более тонкая игра. Вместо того чтобы забрать акции государству, такие государственные банки, как Сбербанк, ВТБ и Внешэкономбанк, предоставили попавшим в беду магнатам многомиллиардные кредиты на спасение, еще прочнее посадив их на крючок режима.[1] Бесчисленное множество других спасли государственные банки, согласившись пролонгировать кредиты на миллиарды долларов, которые им задолжали бизнесмены. «Это была очень продуманная политика, – говорит один магнат, спасенный в ходе одной из государственных операций. – Путин хотел, чтобы люди были ему благодарны. Он спас такие большие компании. Если правительство дало тебе 2 или 3 миллиарда долларов кредитов, а потом тебе звонят из Кремля и просят дать миллиард на какой-то проект, ты не можешь просто отказать. Ты должен подчиниться».[2]

Это стало краеугольным камнем политики путинского режима. «Путин видит это так, – говорит магнат. – "Я дал тебе кредиты. Ты должен быть мне лоялен". Это очень восточный подход. Это феодальная система». Круг кремлевских хранителей расширялся далеко за пределы петербургских союзников Путина.

* * *

Для западных банкиров, так усердно трудившихся над интеграцией российских миллиардеров в мировую экономику, зависимость от Кремля всегда казалась второстепенным вопросом. Их ослепил поток денег, хлынувший в лондонский Сити из бывшего Советского Союза, и они все больше от него зависели, особенно когда западная банковская система неслась к финансовому кризису 2008 года. Один видный западный банкир рассказывал мне, как в те дни он и его коллеги заказывали отчеты о благонадежности новых клиентов, которые удобным образом самоуничтожались на их компьютерах после прочтения, стирая все, что могло бы вызвать тревогу.[3] Вдобавок выросла целая индустрия фирм корпоративных расследований, готовивших справки, удобно обелявшие пеструю историю российских магнатов.

Данных об общем притоке российских денег в Лондон мало. Бóльшая их часть поступает в Сити через офшорные компании-пустышки на Кипре, Британских Виргинских островах и в Панаме или через британские коронные владения Джерси, Гернси и остров Мэн, хорошо известные тем, что скрывают конечных владельцев за слоями непроницаемости. Один из женевских финансистов описал мне, как большинство российских клиентов сначала направляли средства на Кипр или в Австрию – обе страны имели с Россией соглашение об избежании двойного налогообложения.[4] Оттуда они шли в Великобританию, а затем в анонимный траст в Панаме. Эта система использовала лазейку между континентальной и англосаксонской налоговыми системами, почти полностью устранявшую налогообложение. Происхождение большей части денег, хлынувших в Лондон за последние десять с лишним лет, неизвестно. Например, только во втором квартале 2009 года три коронных владения

[1] Catherine Belton. Moscow to Lend $50 Billion to Indebted Businesses // Financial Times, 30 сентября 2008 г.; Catherine Belton, Charles Clover. Moscow Dictates Rescue of Oligarchs // Financial Times, 14 октября 2008 г.; Catherine Belton. Too Big to Fail // Financial Times, 28 июля 2009 г.

[2] Интервью автора с российским магнатом, май 2015 г.

[3] Интервью автора с видным западным банкиром, декабрь 2011 г.

[4] Интервью автора, Женева, январь 2015 г.

обеспечили лондонскому Сити 332,5 миллиарда долларов чистого финансирования.[1] Считалось, что значительная часть этих средств – иностранные деньги, первоначальное происхождение которых установить невозможно. Но лондонские риелторы прекрасно знали, что их крупнейшие клиенты, выкладывавшие миллионы за лучшую недвижимость столицы, были из бывшего Советского Союза, а городские юристы и банкиры выстраивались в очередь, чтобы обслуживать миллиарды долларов, которыми распоряжались российские магнаты. Происхождение этих денег и то, кто на самом деле их контролирует, мало кого волновало.

Запад тогда не знал, что, например, Абрамович, покупая «Челси», возможно, действовал по указанию Кремля. Мало кто сознавал, что британские лорды, получавшие щедрые вознаграждения за места в советах директоров российских компаний, почти не имели возможности контролировать их корпоративную деятельность. «В Лондоне деньги правят всем, – говорит один российский магнат. – Кого угодно и что угодно можно купить. Русские приехали в Лондон, чтобы коррумпировать британскую политическую элиту».[2] «Русские прекрасно знают, как играть в эту игру, – говорит бывший видный лондонский банкир со связями на вершине кремлевской власти. – Они манипулируют множеством людей с помощью денег. Здесь есть человек пятьдесят, которых я мог бы назвать. Как вы думаете, что все эти лорды делают в советах директоров российских компаний? Им платят по 500 тысяч фунтов в год».[3]

По мере того как Лондон стал известен как Лондонград, или «Москва-на-Темзе», двое из богатейших российских миллиардеров – Роман Абрамович и Алишер Усманов, уроженец Узбекистана, металлургический магнат, бизнес которого всегда шел рука об руку с российским государством, – поселились в городе и заняли почетные места в первой десятке списка богачей Sunday Times. Одному российскому магнату этот процесс напоминал старый советский анекдот.[4] В те дни, когда Советский Союз катился к банкротству, КГБ готовился отправить агента в США. Агент придумал себе привлекательную легенду: он приедет в Америку богачом, с флотилией яхт и престижным особняком. К нему потянется все американское высшее общество. Он рассказал начальнику, насколько эффективным будет этот план, и тот всецело его одобрил. Но когда дело дошло до согласования с финансовым управлением КГБ, концепцию пришлось изменить. Агенту сказали, что денег на такую схему нет. Вместо этого ему придется ехать в США бездомным без гроша в кармане. «Такова была ситуация, – говорит магнат. – А теперь мечта сбылась. У них есть большие яхты и частные самолеты. И здесь у них большие дома. Есть футбольный клуб "Челси". Это не только Абрамович – это целая группа, которая высадилась на Западе. Проникновение в Великобританию удалось».

[1] Nicholas Shaxson. A Tale of Two Londons // Vanity Fair, 13 марта 2013 г.

[2] Интервью автора с российским магнатом, июль 2015 г.

[3] Интервью автора с бывшим видным западным банкиром, август 2015 г.

[4] Интервью автора с российским магнатом, май 2018 г.

ГЛАВА 12

Начало сражения

Все это не имело бы значения, если бы люди из КГБ, управлявшие Россией, стремились использовать богатства страны для укрепления рыночных и демократических институтов, а не для сохранения и проецирования собственной власти. Это не стало бы проблемой, если бы непримиримые силовики вокруг Путина видели в Западе возможного партнера, а не все больше – врага, намеренного ослабить Россию как мировую державу.

Но они происходили из мира, в котором холодная война по-настоящему так и не закончилась, где единственное, что имело значение, – это восстановление геополитической мощи России. Это был мир, в котором с самого начала перехода России к рынку отдельные группировки КГБ видели в капитализме инструмент, который однажды позволит поквитаться с Западом, мир, в котором Путин верил, что может купить кого угодно. Для путинских людей продвижение Запада через НАТО все ближе к границам России было экзистенциальной угрозой, а демократические движения, свергнувшие пророссийские правительства на Украине и в Грузии, воспринимались как революции, оплаченные США, а не как выражение свободной воли народа.

Эти паранойи родились из краха империи, коренились в горьком поражении коммунистической системы. Проблема была в том, что их разделяла группа людей из КГБ, становившихся все более беспощадными в погоне за властью.

Яснее всего Путин обозначил свою позицию, когда впервые выступил перед мировыми лидерами на ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Многие считали, что это последний год его президентства. Вскоре должен был закончиться его второй срок, и по конституции ему предстояло уйти. Но он сразу начал с воинственного предупреждения, что кому-то может не понравиться то, что он скажет. Следующие двадцать минут он обрушивался на мироустройство после холодной войны, в котором господствовали США как единственная сверхдержава: «Соединенные Штаты перешагнули свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывают себя другим государствам. Ну кому это понравится? Кому это понравится?» – сказал он.[1]

Он обрушился на расширение НАТО на страны бывшего Варшавского договора. Запад, сказал он, растоптал гарантии, которые давал Советскому Союзу после падения Берлинской стены. Но больше всего он осудил американские планы создать систему противоракетной обороны в Польше и Чехии. США утверждали, что она нужна для защиты Европы от ракет Ирана и Северной Кореи, но Россия давно считала, что щит может быть нацелен только на подрыв ее потенциала ядерного удара. Ни Северная Корея, ни Иран не способны достать до Европы, полагали в России, и даже если бы Северная Корея попыталась запустить ракеты по США, они не полетели бы через Европу. «Это явно противоречит законам баллистики», – сказал Путин. Строительство системы ПРО у границ России, пригрозил он, приведет лишь к новой гонке вооружений.

Свою гневную речь Путин закончил предупреждением Западу. Холодная война оставила после себя минное поле, которое еще предстоит разминировать, сказал он.

[1] «Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности», 10 февраля 2007 г., www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034.

Идеологические стереотипы, двойные стандарты, шаблоны «блокового мышления» – все это сохранилось, а однополярный мир, в котором во всем господствуют США, обречен на провал: «Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри». Мир, негромко заметил он, быстро меняется. Так называемые страны БРИК – развивающиеся рынки Бразилии, России, Индии и Китая – стремительно растут и бросают вызов экономикам развитого мира.

Но в те дни у Запада были другие заботы. Он все еще боролся с последствиями терактов 11 сентября и своих военных вторжений в Ирак и Афганистан. Угроза терроризма по-прежнему нависала над ним. Меньше всего он хотел слышать, как Россия-выскочка заявляет претензии на место на вершине глобальной архитектуры безопасности. Господствовало твердое убеждение, что те дни давно миновали и Россия как мировая держава кончилась. Это отношение емко выразил тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс, который, услышав речь Путина, вздохнул: «Одной холодной войны вполне достаточно».[1]

Вместо этого к концу того года Запад возлагал надежды на человека, которого Путин назначил своим преемником на посту президента: Дмитрия Медведева – тихого, невысокого юриста, служившего его заместителем еще с петербургских времен. С темными кудрявыми волосами и скованной, натянутой манерой, Медведев объявлял себя либералом. Он вырос в пригороде Ленинграда книжным мальчиком, стоявшим в очередях за томами классики и подпольными записями западного рока. Сорокаоднолетний Медведев начал президентскую кампанию с громкого заявления о том, что «свобода лучше, чем несвобода», и пообещал сократить роль государства в экономике. Запад надеялся, что с его президентством Россия вернется на путь превращения в нормальную рыночную экономику, а дальнейшая интеграция страны в глобальную систему поможет развитию политически активного среднего класса. Назначение Медведева воспринималось как обнадеживающий знак того, что верх берет более либеральное крыло путинской администрации и что худшие крайности силовиков – в том числе захват судебной системы и усиливающееся подавление политической оппозиции – будут обузданы. Россия, надеялись на Западе, будет следовать тем же правилам, что и все остальные. Вскоре после того, как в январе 2009 года к власти пришла администрация Обамы, США объявили о «перезагрузке» отношений – даже после военного конфликта России с ее западнически настроенным бывшим советским соседом, Грузией, в августе 2008 года.

В начале того месяца столкновения между грузинскими военными и сепаратистами отколовшейся республики Южная Осетия, применявшими тяжелое российское вооружение, переросли в пятидневную войну. Грузинские танки обстреляли сепаратистов, которые вели огонь по грузинским селам, а затем вошли в региональную столицу Цхинвал, где погибли десятки, а возможно, и сотни мирных жителей.[2] Россия и Грузия обвиняли друг друга, пока боевые действия выходили из-под контроля. Российские самолеты бомбили позиции грузинских войск, а российские танки вошли на грузинскую территорию. Президент Грузии Михаил Саакашвили утверждал, что приказал наступать на Цхинвал лишь после того, как узнал, что российские войска вторглись через Рокский тоннель с российской территории на

[1] Carl Schreck. Putin Castigates US Foreign Policy // Moscow Times, 12 февраля 2007 г.

[2] Charles Clover, Catherine Belton, Dan Dombey, Jan Cienski. Countdown in the Caucasus: Seven Days that Brought Russia and Georgia to War // Financial Times, 26 августа 2008 г.; Peter Finn. A Two-Sided Descent into Full-Scale War // Washington Post, 17 августа 2008 г.; см. также: Dan Bilefsky, C. J. Chivers, Thom Shanker, Michael Schwirtz. Georgia Offers Fresh Evidence on War's Start // New York Times, 16 сентября 2008 г.

севере, а Россия утверждала, что ее войска вошли только после начала грузинского нападения. Правда, казалось, тонула в тумане войны. Но несколько независимых военных экспертов считали, что Россия давно расставила Саакашвили ловушку, намеренно подстегивая военные действия сепаратистов и заранее планируя вторжение.[1] Противостояние привело к тому, что от Грузии был оторван большой кусок территории, и положило конец всяким надеждам на ее вступление в НАТО, переговоры о членстве в котором велись в начале того же года. Россия в одностороннем порядке признала независимость Южной Осетии, превратив ее в зону «замороженного конфликта». Мало кто сомневался, что агрессивная реакция России свидетельствует о новой напористости в стремлении к контролю над ближним зарубежьем. «Россия заявляет претензию на совершенно новую роль, и это будет иметь последствия повсюду, – говорил Дмитрий Тренин, тогда политолог Московского центра Карнеги. – Россия начнет активнее противостоять США по всему миру. Месяц назад такого настроя не было – теперь мы в другой обстановке. Россия хочет утвердить региональную гегемонию».[2]

Несмотря на эту агрессию, новая американская администрация Барака Обамы дала понять, что хочет начать отношения с Россией с чистого листа. Препирательствам должен был прийти конец; вместо них упор делался на взаимодействие, сотрудничество и партнерство. Свою роль в этом сыграл и Медведев, приветствовавший избрание Обамы как создающее «очень хороший шанс» для построения «хороших отношений сотрудничества»[3] и сигнализировавший о желании России глубже интегрироваться в мировую финансовую систему, изложив план реформирования международных финансовых рынков: «Россия готова к работе в полном взаимодействии с государствами – членами ЕС и другими партнерами и хотела бы участвовать в создании новой мировой финансовой архитектуры». Одной из главных тем его президентства стали усилия по превращению Москвы в «международный финансовый центр». Он предложил свернуть планы размещения в российском анклаве Калининград, зажатом между Польшей и Литвой, ракет «Искандер», способных нести ядерный заряд, в ответ на американскую систему ПРО.[4] Ведущие американские внешнеполитические стратеги, такие как Строуб Тэлботт, заместитель госсекретаря при Клинтоне, считали, что мировой финансовый кризис ослабил Россию и она больше не представляет опасности как «нефтяная сверхдержава».[5] Тэлботт верил и в будущее, в котором дальнейшая интеграция России в глобальную систему заставит ее следовать «международному порядку, основанному на правилах».

Начались взаимные похлопывания по плечу между Медведевым и Обамой, который хвалил российского президента как «вдумчивого, устремленного в будущее человека».[6] Начались переговоры о замедлении реализации американских планов ПРО в обмен на помощь России в пресечении способности Ирана создавать ракеты большой дальности.[7] Были достигнуты «совместные понимания» о сокращении ядерных арсеналов обеих стран,

[1] Clover, Belton, Dombey, Cienski. Countdown in the Caucasus.

[2] Charles Clover. The Message from Moscow: Resurgent Russia Bids to Establish a New Status Quo // Financial Times, 12 августа 2008 г.

[3] Stefan Wagstyl. Medvedev Signals He will Meet Obama Soon // Financial Times, 13 ноября 2008 г.

[4] FT Reporters. Russia Halts Missile Plans for Eastern Europe // Financial Times, 28 января 2009 г.

[5] Strobe Talbott. A Russian Reset Button Based on Inclusion // Financial Times, 24 февраля 2009 г.

[6] Stefan Wagstyl. Obama Signals Backing for Medvedev // Financial Times, 6 июля 2009 г.

[7] Charles Clover, Daniel Dombey. Russia Hails New US Tone on Missiles // Financial Times, 3 марта 2009 г.

заключены соглашения об укреплении сотрудничества в Афганистане.[1] Во время первого визита Обамы в Москву в 2009 году между ним и Медведевым, казалось, возникла взаимная симпатия. А когда на следующий год Медведев отправился в США с ответным визитом, упор делался на углубление деловых связей. Он стремился представить себя модернизатором, совершенно новым российским президентом, крутящим в руках iPad и пишущим в твиттер. Он подчеркнуто посетил Кремниевую долину, выразив надежду на сотрудничество, которое поможет России в высокотехнологичном развитии.[2] Атмосфера благодушия сохранялась: Обама и Медведев вместе посетили любимую бургерную американского президента.[3] США делали большую ставку на Медведева в надежде, что он поведет Россию к дальнейшей интеграции.

Но, уйдя с поста президента, Путин занял место Медведева на посту премьер-министра и за кулисами по большей части продолжал всем заправлять. Медведев почти не принимал самостоятельных решений, а его реформы по сокращению роли государства в экономике были немногим больше показухи. Во многих отношениях он был не более чем пустым местом. Путин выбрал его преемником именно потому, что из всего ближнего круга он меньше всех мог когда-либо обрести вес, достаточный, чтобы бросить ему вызов. С самого начала план состоял в том, чтобы Путин вернулся на президентский пост после того, как Медведев отбудет один срок. «Вы понимаете, что вся эта история с Медведевым строилась на поиске способа для его возвращения», – говорит Сергей Колесников, бывший физик, один из связанных с банком «Россия» финансистов путинского режима.[4] Одним из первых шагов Медведева на посту президента стало продление срока полномочий его преемника с четырех до шести лет – словно в рамках подготовки к возвращению Путина.[5]

Вместо того чтобы смягчить политический климат, попытки США обхаживать Медведева лишь углубили подозрительность Путина к Западу и позднее вызвали гораздо более жесткое подавление инакомыслия. Когда в сентябре 2011 года Путин объявил, что все-таки будет вновь баллотироваться в президенты, надежды Запада на свою политику получили почти смертельный удар. Эксперимент с Медведевым, казалось, закончился – если он вообще когда-либо начинался.

И все же той зимой на мгновение показалось, что Россия может оказаться у поворотной точки, поскольку ненадолго ожили надежды на то, что президентство Медведева все-таки оставило след. Когда Путин объявил о возвращении на президентский пост, он впервые с момента своего стремительного прихода к власти столкнулся с настоящей политической отдачей. Первые признаки неблагополучия появились вскоре после этого объявления, когда его освистали, едва он вышел на ринг поздравить победителя транслировавшегося по телевидению поединка смешанных единоборств.[6] Свист и улюлюканье толпы были первыми, с которыми он столкнулся почти за двенадцать лет у власти – восемь лет президентом и почти четыре премьер-министром. Хотя поединок шел в прямом эфире, редакторам

[1] Stefan Wagstyl. Obama and Medvedev Agree Arms Deal // Financial Times, 6 июля 2009 г.

[2] «Медведев надеется, что его визит в Кремниевую долину подстегнет российский бизнес» // РИА Новости, 24 июня 2010 г.

[3] Obama Tries Burger Diplomacy with Medvedev // Agence France-Presse, 24 июня 2010 г.

[4] Интервью автора с Колесниковым, сентябрь 2011 г.

[5] Catherine Belton. Medvedev Plan could See Putin's Return // Financial Times, 5 ноября 2008 г.

[6] Charles Clover. Putin is Booed at Martial Arts Fight // Financial Times, 20 ноября 2011 г.

государственного телеканала удалось приглушить звук. Но когда шесть недель спустя, 10 декабря 2011 года, десятки тысяч протестующих с плакатами «Россия без Путина» направились на небольшой остров на Москве-реке, требуя покончить с его режимом, их крики было уже гораздо труднее вырезать.

Демонстрация в тот день была крупнейшей со времен распада Советского Союза. Под падавшим на Болотную площадь снегом протестующие, выкрикивавшие такие лозунги, как «Путин – вор!» и «Вор должен сидеть в тюрьме!», находились всего в ширине реки от красных стен Кремля. Непосредственным поводом для демонстрации стали массовые фальсификации, выявленные на парламентских выборах неделей раньше.[1] Все более активные представители московского гражданского общества поймали Кремль с поличным на вбросах бюллетеней и подтасовке результатов в пользу «Единой России», которую к тому времени широко презирали как массу серых бюрократов, чья лояльность путинскому государству объяснялась не чем иным, как коррупцией и стремлением к личному продвижению. Но за криками возмущения выборами стояло гораздо более глубокое недовольство, разделявшееся теми, кто освистал Путина на поединке. Люди чувствовали себя обманутыми возвращением Путина к власти. Хотя большинство и признавало Медведева частью его клана, четыре года его более либеральной риторики действительно пробудили надежды на политическую оттепель, особенно среди московской городской элиты. Они почувствовали себя осмеянными. Путин держал всю страну в напряжении, гадая, останется ли Медведев на второй срок или вернется он сам. Но объявив свое решение на съезде «Единой России» в сентябре, он дал понять, что они с Медведевым решили это между собой много лет назад. Словно Путин вышел и сказал им, что все, что они слышали четыре года, было уловкой. Его решение «по-настоящему, по-настоящему унизило страну», говорит Евгения Альбац, главный редактор The New Times, одного из немногих независимых журналов, критиковавших Кремль.

Банкиры и бизнесмены вместе с пенсионерами и подростками выражали возмущение и разочарование, левые анархисты смешивались с либералами и ультранационалистами. По мере того как демонстрации продолжались в глубь московской зимы, российская оппозиция наконец обрела харизматичного лидера, впервые после выступления Бориса Ельцина против советской системы объединившего ее, – Алексея Навального, обаятельного, немного долговязого тридцатипятилетнего бывшего юриста, давно искавшего путь в политику. Во время президентства Медведева он приобрел большую аудиторию в интернете как блогер, разоблачавший коррупцию, и многие находили в нем более чем мимолетное сходство с молодым Ельциным. Он был одним из немногих смельчаков, обличавших крупнейшие государственные корпорации страны в подтасовке контрактов и откатах. Но во время протестов той зимой он обрел наэлектризованную харизму рок-звезды, выкрикивая: «Кто здесь власть? Мы здесь власть!» – и толпы ревом отвечали ему теми же словами. Он произносил пламенные речи, обличая коррупцию путинского режима, который он окрестил властью «жуликов и воров». По мере того как протесты продолжались после Нового года и вплоть до президентской кампании в марте, пошли даже разговоры о борьбе между более либеральными и жесткими силами в Кремле.[2] Для некоторых наиболее прогрессивных представителей российского крупного бизнеса известие о возвращении Путина стало ударом.

[1] Charles Clover, Courtney Weaver, Catherine Belton. Tens of Thousands Protest Against Putin // Financial Times, 10 декабря 2011 г.

[2] Catherine Belton. Prokhorov Pushes to Exploit Shift in Mood against Putin // Financial Times, 29 февраля 2012 г.

«Это как если бы кто-то из родственников был неизлечимо болен, – говорил один из них. – Когда он умирает, ты знал, что это случится, но это не мешает тебе горевать».[1]

Но хотя какое-то время лихорадочная атмосфера той зимы создавала ощущение, что есть надежда на политическую весну, в действительности у протестующих никогда не было шансов. Они были небольшим городским меньшинством, а путинские люди из КГБ контролировали все правоохранительные органы. Путин обращался к российской глубинке, к так называемому «молчаливому большинству» страны – рабочим, ценившим стабильность превыше всего и по-прежнему превозносившим Путина за то, что он покончил с хаосом, омрачавшим ельцинские годы. А главное, Путин не мог поверить, что волна протестов была подлинным выплеском досады и разочарования оттого, что все обещания Медведева о большей открытости оказались лишь шарадой. Вместо этого он видел руку Государственного департамента США. Как иначе, думал он, могли бы выйти на марш протеста толпы почти в сто тысяч человек? Для Путина, если раньше США пытались разжечь восстания на Украине и в Грузии, то теперь они вмешивались в дела самой России.

«Мы не допустим, чтобы кто-то вмешивался в наши внутренние дела! – говорил он на заполненном до отказа стадионе на предвыборном митинге в феврале. – Мы не допустим, чтобы кто-то навязывал нам свою волю, потому что у нас есть своя воля!.. Мы народ-победитель! Это у нас в генах, в нашем генетическом коде! Это передается у нас из поколения в поколение! И мы и сейчас победим!»[2]

Это послание находило отклик у большинства населения, все еще уязвленного распадом советской империи и столь же глубоко подозрительного к Западу. Оно помогло Путину переизбраться, набрав 64 процента голосов.[3] Но когда в ночь выборов он вышел на сцену, чтобы объявить о победе перед сторонниками, собравшимися у Кремля, Путин не смог сдержать слез. Хотя помощники утверждали, что это всего лишь ветер, его словно преследовал призрак «арабской весны», свергнувшей авторитарные режимы по всему Ближнему Востоку в 2010–2011 годах. Кремль был так же убежден в причастности США к спонсированию тех продемократических движений, как и в их присутствии за московскими протестами. (Вряд ли помогло и то, что той зимой Джон Маккейн, сенатор-республиканец и заклятый критик Путина, поддел его в твиттере: «Дорогой Влад, "арабская весна" приближается к твоим краям».[4]) Казалось, его захватили эмоции собственной, самим же объявленной битвы за восстановление глобального положения России, словно он искренне верил, что сумел разгромить американский заговор.

С момента возвращения Путина на президентский пост началось политическое закручивание гаек, подчеркнувшее бессилие российской либеральной элиты. Сначала, накануне инаугурации Путина, десятки участников демонстрации, переросшей в столкновения, были арестованы и посажены по обвинению в участии в массовых беспорядках и нападении на полицию. Затем в домах оппозиционных лидеров, в том числе Навального, прошли обыски, а через месяц Навальному было предъявлено обвинение в хищении в особо

[1] Интервью автора с российским магнатом, февраль 2012 г.

[2] Charles Clover. Putin Turns up Nationalist Rhetoric // Financial Times, 23 февраля 2012 г.; см. также: Charles Clover, Catherine Belton. I Will Transmit This to Vladimir // Financial Times, 5 мая 2012 г.

[3] Neil Buckley, Charles Clover, Catherine Belton. Tearful Putin Claims Election Victory // Financial Times, 4 марта 2012 г.

[4] Charles Clover. Protestors Defy Troops on Moscow Streets // Financial Times, 6 декабря 2011 г.

крупном размере, грозившее лишением свободы на срок до десяти лет.[1] Был принят новый закон, вводивший значительные ограничения для любых некоммерческих организаций, получающих иностранное финансирование. Эффект был леденящим. Вместо ослабления контроля над политической системой в ходе широко обещанной медведевской оттепели путинские люди из КГБ сохранили – и усилили – хватку на власти. Они по-прежнему контролировали судебную систему и все правоохранительные органы. Они могли посадить любого, кто встанет у них на пути. Даже если бы захотели, магнаты ельцинской эпохи не смогли бы противостоять новой траектории страны. Они слишком глубоко в ней увязли. «Все они зависят от первого, – говорит близкий соратник одного из них. – Россия – единственное место, где они делают деньги. Так что все они зависят от кивка Путина».[2] «Как мы можем работать против них, когда у них вся власть?» – говорит один из миллиардеров.[3]

А вместо разрекламированной медведевской либерализации из его четырехлетнего правления на самом деле вышла система, при которой хватка государства на экономике стала сильнее прежнего. Дело было не только в государственных спасательных операциях, избавивших магнатов от западных кредиторов после финансового кризиса 2008 года, но и в том, что при президентстве Медведева миллиарды государственных долларов вливались во флагманские государственные проекты во имя модернизации экономики. Сначала была «Роснано» – корпорация, созданная как инкубатор для развития нанотехнологий, области, которую путинские люди определили как ключевую для соперничества с западными достижениями в военных технологиях и искусственном интеллекте. Было «Сколково» – высокотехнологичный центр, созданный Медведевым в 2010 году для стимулирования технологических стартапов. Оба проекта превратились в огромные черные дыры для государственных денег, практически без контроля и прозрачности в их расходовании. Когда «Роснано» вложила более 1 миллиарда долларов в американские технологические фирмы, а «Сколково» углубило сотрудничество с Кремниевой долиной и Массачусетским технологическим институтом, американские правоохранительные органы встревожились, что Россия возвращается к старым методам холодной войны. ФБР предупредило руководителей технологических компаний в Бостоне, что в действительности российские государственные проекты – изощренное прикрытие для получения доступа к американским технологиям двойного назначения и военным технологиям.[4]

Сближение с США в президентство Медведева и стабильный приток западных инвестиций, который оно поощряло, лишь помогли людям из КГБ удержать власть. «Запад был очень наивен», – говорит Лилия Шевцова, политолог Chatham House. Помощь, оказанная администрацией Обамы, по ее словам, была для существующей путинской системы финансовой и технологической «виагрой».[5] Дополнительной поддержкой стали вновь выросшие цены на нефть. К возвращению Путина на президентский пост они подскочили почти до 100 долларов за баррель – почти втрое выше 35 долларов, сопровождавших

[1] Catherine Belton. Navalny Charged with Large-Scale Embezzlement // Financial Times, 31 июля 2012 г.

[2] Интервью автора с бывшим близким соратником Абрамовича, июнь 2017 г.

[3] Интервью автора с российским миллиардером, июль 2018 г.

[4] Lucia Ziobro, помощник ответственного специального агента бостонского отделения ФБР. FBI's Boston Office Warns Business of Venture Capital Scams // Boston Business Journal, 4 апреля 2014 г.; Kyle Alspach, Michael B. Farrell. FBI Warns of Russian Investors; Tells State Tech Firms that Venture Capitalists May Seek to Give Sensitive Data to Military // Boston Globe, 8 апреля 2014 г.

[5] Peter Baker. Medvedev Aims to Lift Ties with US Business // New York Times, 23 июня 2010 г.

финансовый крах 2008 года. Валютные резервы России вновь превысили 500 миллиардов долларов – четвертые по величине в мире.

Феодальная система, при которой богатство зависело от кремлевских милостей, лишь углубилась. Несмотря на все разговоры Медведева о борьбе с коррупцией, двое видных западных банкиров утверждали, что несколько миллиардеров выступали его подставными лицами, а по меньшей мере один магнат придумал сделку, которая одновременно требовала одобрения Кремля и предусматривала, чтобы Медведев получил свою долю. Медведев ранее отвергал обвинения в коррупции. Даже когда он проповедовал сокращение роли государства в экономике, богатство ближайших деловых союзников Путина стремительно росло.[1]

* * *

Пока состояния путинской когорты из КГБ росли, такие люди, как Сергей Пугачев, оказывались не у дел. Пугачев стал анахронизмом, символом иной эпохи – ельцинских лет и перехода к Путину, когда бизнес был гораздо свободнее. После атаки на Ходорковского Пугачева постепенно отодвигали в сторону. «После этого захвата власти КГБ я больше не мог ни на что влиять, – говорит он.[2] – Они нахлынули, как цунами». Где-то во второй срок Путина он отказался от своего кабинета в Кремле. Он, казалось, был ему больше не нужен и слишком бросался в глаза. В какой-то мере он оставался близок к Путину и летом 2007 года помог организовать для него и князя Монако Альбера отдых в сибирской глуши Тувы – региона у границы с Монголией, который Пугачев представлял как сенатор. Там, среди великолепия сибирских гор, они рыбачили на Енисее, и Путин впервые, ставшим знаменитым образом, позировал с обнаженным торсом, изображая мачо-героя в одних лишь защитного цвета брюках и с удочкой в руках.

Но Пугачев не умел пресмыкаться перед Путиным, как окружавшие его поддакиватели. Всегда непочтительный, он часто говорил ему, что думает. Между ними всегда существовало трение, словно Путину было неприятно сознавать, что он в долгу перед Пугачевым за помощь в приходе к власти. И постепенно трение нарастало. Еще до того, как грянул финансовый кризис и Медведева назначили преемником Путина на посту президента, над деловой империей Пугачева, включавшей две крупнейшие судоверфи страны в Санкт-Петербурге, огромное месторождение коксующегося угля в Сибири и девелоперские проекты, сгущались тучи.

Пугачев ушел с поста председателя совета директоров Межпромбанка вскоре после прихода Путина к власти в 2001 году, передав банк в собственность новозеландского траста. Но, несмотря на личную непочтительность к Путину, Пугачев финансировал все, о чем тот просил. Его по-прежнему называли банкиром Кремля.[3]

В первый год президентства Медведева Путин попросил Пугачева профинансировать возвышение другого магната, считавшегося более лояльным и более близким к Путину. По мере того как Россия приближалась к мировому финансовому кризису 2008 года, магнатов с

[1] К концу президентства Медведева Тимченко, например, взлетел в ежегодном рейтинге богачей Forbes с состоянием, оцениваемым в 14,1 миллиарда долларов. Богатство, которым он распоряжался, выросло отчасти благодаря приобретению им после финансового кризиса 2008 года второго по величине производителя газа в России, «Новатэка».

[2] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[3] Один из примеров относится к 2004 году, когда, по словам Пугачева, Путин попросил у него экстренно 100 миллионов долларов на финансирование строительства квартир для военных.

доступом к деньгам становилось все меньше. Но Пугачев все еще был среди них. Летом 2008 года ему позвонил Путин и попросил выложить 500 миллионов долларов кредитов, чтобы помочь его другу Аркадию Ротенбергу. «Он сказал мне: "Это только кредит. Тебе его вернут через полгода"», – говорит Пугачев.[1] В тот год Пугачев часто встречался с Ротенбергом, который рос вместе с Путиным, дерясь на улицах Ленинграда, а затем тренируясь в одной секции дзюдо. Хотя деловые интересы Ротенберга расширились после того, как Путин стал президентом, и вместе с братом Борисом он создал в Санкт-Петербурге банк СМП, широкой известностью он не пользовался. Но Пугачев помогал готовить его к расширению роли его банка как еще одного финансиста путинского режима, а Ротенберг стоял в очереди на сделку, сулившую ему государственные контракты на миллиарды долларов. Той весной Ротенберг приобрел у «Газпрома» ряд строительных компаний[2], и всего через несколько недель «Газпром» отдал созданной Ротенбергом холдинговой компании «Стройгазмонтаж» многомиллиардный контракт на строительство российского участка крупного нового стратегического газопровода по дну Балтийского моря в Германию.[3] Проблема была лишь в том, что к лету Ротенберг так и не смог найти денег, чтобы заплатить «Газпрому» за строительные компании.[4] Тогда-то Путин и позвонил Пугачеву, который, по его словам, с готовностью помог. Но прямая заинтересованность Путина в этом деле ясно показала Пугачеву, кто на самом деле стоит за строительным бизнесом Ротенберга. «Путин хотел привести Ротенберга, потому что действительно мог его контролировать, – говорит Пугачев. – Он был абсолютно его». В отличие от других деловых союзников Путина из Санкт-Петербурга, «у Ротенберга до этого не было настоящего бизнеса».[5] Сделка превратила Ротенберга в миллиардера. Ротенберг отрицал, что его растущее состояние имеет какое-либо отношение к дружбе с Путиным. Но он быстро встал в один ряд с Тимченко, Сечиным и Ковальчуком как один из близких союзников Путина, прибиравших к рукам все новые сектора российской экономики.[6]

Это была последняя услуга, которую Пугачев оказал Путину, прежде чем внезапно оказался выброшен на мороз. Когда всего через несколько месяцев после того, как он одолжил Ротенбергу деньги, финансовый кризис прокатился по российской банковской системе, Межпромбанк, соучредителем которого он был (но, по его словам, уже не был прямым владельцем), как и многие другие российские банки, оказался в глубоком минусе. Но по сравнению с другими банками, перегруженными долгами, Центральный банк был менее склонен пролонгировать или реструктурировать выданные ему для поддержания жизни спасительные кредиты. Поначалу он быстро вмешался, как и во всей пострадавшей от кризиса российской банковской системе, предоставив 2,1 миллиарда долларов кредитов на спасение

[1] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.

[2] Елена Мазнева. «Назвал хозяина. Один из крупнейших подрядчиков "Газпрома" "Стройгазмонтаж" раскрыл владельца» // Ведомости, 9 декабря 2009 г.; интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.

[3] Газопровод получил название «Северный поток». «"Стройгазмонтаж" выиграл тендер на строительство участка "Грязовец – Выборг (597–917 км)" Северо-Европейского газопровода» // AK&M, 26 мая 2008 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, март 2015 г.; документальные свидетельства.

[5] Там же. Ротенберг не ответил на просьбу о комментарии.

[6] «Стройгазмонтаж» стал крупнейшим подрядчиком «Газпрома». В 2011 году на него приходилась почти шестая часть всей инвестиционной программы «Газпрома» в 53 миллиарда долларов, а критики указывали, что стоимость строительства газопроводов у государственного газового гиганта во много раз выше, чем у любого из его европейских аналогов.

Межпромбанка.[1] Но к лету 2010 года, когда Межпромбанк так и не погасил поддержку ЦБ, непогашенный долг стал механизмом, с помощью которого путинское правительство попыталось захватить контроль над двумя верфями Пугачева – Северной верфью и Балтийским заводом.

Несмотря на воодушевленные заявления Медведева о сокращении роли государства в экономике, Путин хотел создать государственную судостроительную корпорацию во главе с Игорем Сечиным – близким союзником по КГБ, организовавшим государственную атаку на ЮКОС. Верфи Пугачева, расположенные через пристань от петербургского морского порта, должны были стать ключевыми активами. Северная верфь и Балтийский завод были крупнейшими военными верфями России, производившими для российского флота фрегаты и корветы. Пугачев вложил значительные средства в модернизацию производства, и верфи были главными претендентами на получение новаторского контракта между Россией и Министерством обороны Франции на строительство для российского флота двух французских кораблей класса «Мистраль». Когда Путин впервые посетил верфи – на спуске первого российского атомного ледокола «50 лет Победы», – он не мог поверить своим глазам. «Я помню его изумление, – говорит Пугачев. – На борту были бассейн, сады, оранжерея. Это был ледокол стоимостью больше миллиарда долларов. Но для него это было непостижимо. По его представлениям, частный владелец может печь булки, но не может строить ледоколы и военные корабли». Путин словно впервые понял, чем занимается Пугачев. «Путина не устраивало, что мне принадлежит военная верфь. Он не считал, что я должен ею владеть. Он советский человек, чекист. Думаю, тогда он и решил, что отберет ее у меня».[2]

Когда в ноябре 2009 года Путин вызвал Пугачева на встречу и сказал, что правительство собирается создать государственную судостроительную корпорацию, Пугачев сразу понял, что с его судостроительным бизнесом покончено. Путин сказал, что возглавит ее Сечин. «Он сказал мне: "Смотри, у тебя с ним будут большие проблемы. Может, продашь?"» Но в те дни Пугачев верил, что сможет договориться. Верфи стоили дорого. У них были государственные контракты на десятки миллиардов долларов. Он запросил 10 миллиардов. Но после некоторого торга министр финансов Алексей Кудрин сказал ему, что правительство может заплатить 5 миллиардов, не больше. Пугачев согласился.

Но где-то по ходу дела, по его словам, Сечин решил забрать верфи за малую долю их стоимости. Шел год после кризиса, и у вновь созданной государственной судостроительной корпорации не было денег. Хотя Пугачев утверждал, что больше не имел никакого отношения к управлению Межпромбанком, он, по его словам, согласился передать свои пакеты в верфях в залог по кредитам ЦБ на спасение на 2,1 миллиарда долларов. Независимые аудиторы BDO оценили их в 3,5 миллиарда долларов, а японский инвестиционный банк Nomura – в сумму от 2,2 до 4,2 миллиарда. Их продажа должна была с лихвой покрыть долг.[3]

Но вместо того чтобы продолжить подготовку к продаже, в октябре 2010 года Центральный банк внезапно отозвал лицензию Межпромбанка после того, как тот пропустил процентный платеж. Затем он подал иск об изъятии пакетов в верфях, запустив цепь событий, которая привела к их принудительной продаже в 2012 году. Разбирательство пошло по тому же пути, что и принудительные продажи активов ЮКОСа. Московский суд за закрытыми

[1] Catherine Belton. Businessmen are Serfs in Putin's Russia, Warns Sergei Pugachev // Financial Times, 8 октября 2014 г.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.; судебные документы.

дверями согласился на продажу Северной верфи и Балтийского завода за малую долю их стоимости – они ушли подконтрольной государству сечинской Объединенной судостроительной корпорации за 415 миллионов и всего 7,5 миллиона долларов соответственно.[1]

Вместо того чтобы выручить достаточно средств для погашения долгов Межпромбанка, государство приобрело верфи Пугачева за ничтожную долю их стоимости. И вновь судебная система была жестко поставлена под контроль ради приобретения стратегических активов для путинских людей. «Когда у Межпромбанка отозвали лицензию, это превратилось в рейдерский захват моего бизнеса, и дальше было возможно все», – говорит Пугачев.[2] Словно на него открыли охотничий сезон, Пугачев вскоре столкнулся с экспроприацией остальных своих активов. Его проект застройки по адресу Красная площадь, 5 – одного из самых престижных московских объектов, права на освоение которого Путин передал ему годами раньше, – просто вернули Управлению делами президента без какой-либо компенсации. Затем соперники взялись за созданную им угольную компанию ЕПК. Хотя Пугачев считал, что договорился продать ее за 4 миллиарда долларов консорциуму во главе с Русланом Байсаровым, близким союзником президента Чечни (покупатели даже объявили о сделке в российской прессе), после того как он продал первый транш компании за 150 миллионов долларов, российское правительство отозвало у ЕПК лицензию на разработку огромного Элегестского месторождения коксующегося угля и передало ее новой компании, принадлежавшей Байсарову.

Даже когда Медведев проповедовал необходимость ослабить хватку государства на экономике и призывал правоохранительные органы перестать «кошмарить» бизнес, Путин и Сечин развернули тщательно скоординированную атаку.[3] Это был пример того, насколько изощренными стали путинские государственные захваты. Вместо того чтобы выручить от продажи верфей достаточно средств для погашения долга Межпромбанка перед ЦБ, Пугачева обвинили в крахе банка. Вскоре против него возбудили уголовное дело по обвинению в том, что он довел Межпромбанк до банкротства, переведя в разгар кризиса 2008 года 700 миллионов долларов собственных средств со своего счета в банке на швейцарский счет.[4]

Человек, который маневрировал, чтобы привести Путина в Кремль, стал не нужен. Пугачев больше не вписывался в цели режима; его больше не считали достаточно лояльным. КГБ слушал и наблюдал, как он встречается в столовой своего московского офиса с Юмашевым, Петром Авеном, министром финансов Алексеем Кудриным и главами крупнейших государственных банков России. Они слышали его непочтительный тон, когда он обсуждал Путина и то, как теперь работает система. «Он стал жертвой собственного языка», – говорит другой магнат.[5] Больше всего жестких кагэбэшников раздражали попытки Пугачева получить гражданство Франции, где у него с начала девяностых была вилла и куда он впоследствии бежит.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] «Президент России призвал перестать "кошмарить" малый бизнес» // РИА Новости, 31 июля 2008 г.

[4] Belton. Businessmen are Serfs in Putin's Russia.

[5] Интервью автора с российским магнатом, июнь 2015 г.

* * *

Когда мы встретились, был уже сентябрь 2014 года, и мы сидели в офисе Пугачева в Найтсбридже – богатом районе Лондона, ставшем площадкой для развлечений российских богачей. По соседству находился Mandarin Oriental – дворцовая гостиница, где двумя годами раньше Игорь Сечин, к тому времени прославившийся как жесткий человек Кремля, выступил со своей первой речью перед мировыми инвесторами накануне очередного вторжения «Роснефти» в то, что осталось от частного нефтяного сектора России. Через дорогу была утопающая в зелени Лаундс-сквер, где Роман Абрамович скупил два оштукатуренных особняка за углом от двух самых эксклюзивных универмагов Лондона, Harrods и Harvey Nichols. Чуть дальше, на Итон-сквер, находилась резиденция стоимостью 25 миллионов долларов Олега Дерипаски – металлургического магната, женившегося на дочери Валентина Юмашева, зятя Ельцина, а затем публично присягнувшего на верность путинскому государству. Пугачев говорил, что жалеет, что вообще снял здесь офис. «Это отвратительно», – сказал он. Концентрация российских денег на квадратной миле вокруг него была горьким напоминанием о том, насколько глубоко Россия проникла в лондонскую элиту.

К тому времени Пугачев боролся с решением Высокого суда Лондона о заморозке его активов, поскольку Кремль расширял против него правовую кампанию. Казалось, не имело значения, что из двух главных свидетелей против него один – бывший президент Межпромбанка – бесследно исчез, а другой – бывший председатель правления банка Александр Диденко – заключил с прокуратурой сделку, по которой в обмен на показания против Пугачева ему сокращали срок. (Позднее Диденко получит работу в банке, которым руководило то самое государственное ведомство, преследовавшее Пугачева.) Кремль преследовал Пугачева из-за перевода 700 миллионов долларов, но сам Пугачев видел в этом деле лишь часть более широкой кампании путинского режима по захвату его деловой империи. В коробках с документами о действиях правительства против него была записка Сечина, обсуждавшая, как забрать верфи, копия которой была направлена в ФСБ, в Следственный комитет и в Московский арбитражный суд, с указанием конкретного уголовного дела, которое предстояло возбудить против Пугачева.[1]

Как показывает записка Сечина, Кремль не гнушался прямыми указаниями правоохранительным органам страны ради захвата актива. Но захват актива не всегда был лучшим способом по-настоящему укрепить государственную мощь – или эффективную экономику. По мере того как путинские люди расширяли свою экспансию, российская экономика начала буксовать. После того как сечинская судостроительная корпорация забрала верфи Пугачева, производство военных кораблей там остановилось.[2] Новых руководителей одного за другим арестовывали по обвинениям в коррупции и хищениях по мере того, как обострялась грызня за денежные потоки.[3] А после того как союзник президента Чечни Руслан Байсаров прибрал к рукам угольный проект ЕПК, всякое освоение прекратилось. Когда проект принадлежал Пугачеву, добыча составляла десять миллионов тонн и полным ходом шла

[1] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[2] Интервью автора с Константином Макиенко, заместителем директора Центра АСТ, июнь 2015 г. Данные об общем спаде в судостроении см. также: Егор Попов, Иван Сафронов, Яна Циноева. «Каков флот, таков и приход» // Коммерсант, 5 марта 2015 г.; Егор Попов. «Судостроение ушло в глухую оборону» // Коммерсант, 1 марта 2016 г. Газета отмечает падение производства судов на 41 процент в 2014 году и еще на 23 процента в 2015-м.

[3] См., например: Александр Шварев. «Суд изучит хищения на Северной верфи» // Росбалт, 28 ноября 2014 г.

работа над планами строительства железной дороги стоимостью 1,5 миллиарда долларов от месторождения до Китая. Теперь там не добывали ничего.

То же самое происходило и в сечинской «Роснефти». После того как в конце 2004 года государственный нефтяной гигант поглотил «Юганскнефтегаз», добыча по большей части стояла на месте. Рост добычи «Роснефти» почти целиком основывался на ее скупке активов, а ее долг взлетел выше 80 миллиардов долларов.[1] Руководители в частных разговорах жаловались, что Сечин стремится вмешиваться в каждое решение – вплоть до утверждения командировок менеджеров.

Все это указывало на более широкую проблему. Экономический рост первых двух сроков Путина, который ненадолго восстановился после кризиса в годы Медведева, начал выдыхаться. В первые два срока Путина взлетевшие цены на нефть обеспечивали средний рост в 6,6 процента, но в 2013 году он замедлился до 1,3 процента, и многие экономисты прогнозировали рецессию. Первородный грех путинского режима – подрыв судебной системы ради захвата ЮКОСа – наконец его настиг. Страх перед рейдами властей душил инвестиции. Путинские люди безнаказанно злоупотребляли правовой системой, захватывая бизнес, а государственные колоссы, которые они строили, становились такими огромными, что они не знали, что с ними делать. «Дело ЮКОСа стало дополнительным импульсом для коррупции в правоохранительных органах, – говорит один бывший высокопоставленный кремлевский чиновник. – После этого они стали расширяться, поняв, что получили карт-бланш на активное вторжение в экономику. Все были напуганы и сократили инвестиции».

Экономические беды подтачивали и рейтинги Путина, опустившиеся до 47 процентов – самого низкого уровня с тех пор, как он стал президентом.[2] Его режим, казалось, шел в никуда, и единственным способом запустить рост было бы начать реформы, чтобы распутать государственный захват экономики – и власть путинского окружения, – душивший инициативу. Процветала лишь коррупция.

Но к тому времени, когда мы с Пугачевым сидели в его офисе в Найтсбридже, пытаясь понять, как все зашло так далеко, Путин, вместо того чтобы взяться за экономические проблемы, резко сменил повестку. Исчезли назойливые тревоги об экономике и собственной падающей популярности, преследовавшие его бóльшую часть первых двух лет после возвращения на президентский пост. Страх перед протестами полностью улетучился.

Вместо этого Путин ставил все на новую фазу имперского возрождения России. Он затеял огромную рискованную игру, чтобы вновь утвердить место страны в мировом порядке. В марте того года Россия аннексировала Крым – украинский полуостров на черноморском побережье, где у России давно была военно-морская база. Впервые после окончания холодной войны Россия вторглась на территорию другой страны и захватила ее, мгновенно ввергнув путинский режим в углубляющееся противостояние с Западом.

В Лондоне западные банкиры, помогавшие тому, что они считали глобальной интеграцией России, пытались понять, как все пошло не так. События, казалось, вышли из-под контроля. Но отдельные элементы военной операции, похоже, разворачивались с точностью часового механизма. Мало кто сомневался, что Россия и Запад давно шли к столкновению из-за будущего Украины – быть ли ей ближе к Европейскому союзу или в общем евразийском

[1] См.: Alexander Burgansky. Rosneft: Paradigm Shift // Renaissance Capital, 3 октября 2017 г.

[2] Support for Putin Sinks to Lowest Point in 12 Years, Poll Says // Moscow Times, 4 декабря 2013 г. См. также: Pollster Says Approval for Putin at 12-Year Low // Moscow Times, 25 января 2013 г.

экономическом пространстве России. Но не «сдул ли Путин пыль со старого плана», как предположил один видный западный банкир? «Ему нужно было что-то сделать, чтобы перехватить инициативу. Единственным способом подстегнуть экономику была бы децентрализация власти. Но когда дошло до дела, потребность контролировать и удержаться у власти взяла верх… То, что мы видим сейчас, похоже на часть вековой стратегии: отвлечь от проблем и мобилизовать поддержку».[1] Могли ли собственные экономические трудности России сделать путинских людей еще более решительными в стремлении подчинить себе Украину, запустив кризис, который привел к аннексии Крыма? Когда и как это началось?

* * *

Впервые Кремль дал понять, что Россия может идти к глубокому конфликту с Украиной, гораздо раньше – в сентябре 2013 года. К тому времени прокремлевский Виктор Янукович – при помощи Фирташа и Пола Манафорта – взлетел на пост президента Украины, после того как коалиция «оранжевой революции» и президентство Ющенко потерпели крах в результате конфликтов и обвинений в коррупции после газовой сделки 2006 года. С момента прихода к власти в 2010 году Янукович набирал независимость и богатство. Несмотря на прокремлевские симпатии, под влиянием других независимо мыслящих украинских олигархов он вел переговоры о подписании с ЕС соглашения о торговле и сотрудничестве, которое укрепило бы политические и экономические связи Украины с Западом. Эти переговоры пробудили давний страх России, и время для них было как нельзя более щекотливым. Любой шаг Украины на Запад, особенно так скоро после политической отдачи, встретившей возвращение Путина, представлял серьезную угрозу для путинских людей из КГБ. Он ставил под угрозу всю модель государственнического развития России при Путине и мог укрепить решимость его либеральных противников. Янукович должен был подписать соглашение с ЕС в ноябре, и по мере приближения этой даты путинский режим все сильнее на него давил. В сентябре того года горячий кремлевский эмиссар Сергей Глазьев публично предупредил, что Украину ждет катастрофа, если она подпишет соглашение, поскольку Россия введет карательные пошлины, которые обойдутся ей в миллиарды долларов и могут привести к дефолту по кредитам на 15 миллиардов.[2] Более того, бушевал Глазьев еще более зловеще, это может привести к краху украинского государства, поскольку Россия больше не будет обязана соблюдать договор о разграничении границы с Украиной. Кремль сможет вмешаться, если пророссийские регионы Украины обратятся напрямую к Москве. «Подписание этого договора приведет к политическим и социальным волнениям, – говорил Глазьев. – Уровень жизни резко упадет… будет хаос».[3]

Янукович отнесся к угрозам Глазьева настолько серьезно, что в ноябре внезапно отказался от подписания соглашения с ЕС. Но хотя события примут совсем иной оборот, предупреждение Глазьева о действиях России окажется леденяще пророческим. Отступление Януковича взорвало пороховую бочку. Давно лелеемые ожидания того, что Украина наконец повернула на Запад, вновь рухнули, вызвав проевропейские протесты, переросшие в выход на улицы сотен тысяч людей. Студенты при поддержке украинских олигархов, уставших от низкой коррупции режима Януковича, вновь разбили палаточный городок на символической киевской площади Майдан, где в 2004 году прошло прозападное восстание, приведшее к

[1] Интервью автора с видным западным банкиром, август 2014 г.

[2] Russia Issues Dark Warning to Ukraine against EU Trade and Cooperation Deal // Associated Press, 21 сентября 2013 г.

[3] Ukraine's EU Trade Deal will be Catastrophic, says Russia // Kazakhstan Newsline, 23 сентября 2013 г.

«оранжевой революции».[1] Почти три месяца ядро протестующих держалось там во льду и снегу, время от времени сталкиваясь с ОМОНом, когда власти пытались зачистить площадь. Насилие обострилось, когда Янукович ввел драконовские законы, запрещавшие демонстрации и грозившие протестующим крупными штрафами и тюремными сроками.[2] В знак неповиновения протестующие захватывали автобусы, один подожгли, а другие направили на колонны ОМОНа. Некоторые разбирали металлические ограждения и использовали прутья как оружие против полиции. В ряды протестующих проникала все более организованная радикальная правая сила во главе с националистическими группами, удерживавшими баррикады вокруг площади. Вооруженные даже катапультами, они были на передовой столкновений с ОМОНом.[3] Протесты, казалось, балансировали на лезвии ножа, готовые выйти из-под контроля. И однажды вышли.

Рано утром 20 февраля 2014 года раздались выстрелы снайперов. По сей день никто точно не знает, как это началось и откуда прозвучали первые выстрелы. За два часа погибли сорок шесть протестующих.[4] К концу дня число погибших достигло семидесяти, а Янукович вел кризисные переговоры о своем политическом выживании с министрами иностранных дел Франции, Германии и Польши. Переговоры закончились тем, что украинский лидер согласился до конца года провести президентские выборы и изменить конституцию страны, ограничив президентские полномочия. Но Россия продолжала наращивать риторику. Один высокопоставленный российский чиновник сказал в тот день Financial Times, что если Украина продолжит крен на Запад, Россия готова воевать за Крым, чтобы защитить свою военную базу и этническое русское население. «Мы не позволим Европе и США отобрать у нас Украину, – сказал чиновник, занимающийся внешней политикой. – Они думают, что Россия все еще так же слаба, как в начале девяностых, но это не так».

22 февраля мир проснулся от новости о том, что Янукович среди ночи бежал, бросив свою администрацию, несмотря на договоренности о досрочном уходе от власти, которых он, казалось, достиг. Похоже, он считал, что больше не в безопасности. Президентская охрана его покинула, а наиболее радикальные лидеры оппозиции отказались признать его компромиссную сделку, пообещав продолжать протесты, пока он не уйдет. В образовавшемся вакууме власть взяло временное проевропейское правительство.

Но менее чем через неделю очевидный прорыв для Украины принял новый оборот. Россия исполнила свои угрозы. До рассвета 27 февраля вооруженные люди в масках и без знаков различия штурмом взяли здание крымского парламента и подняли над этим зданием советской постройки российский флаг, а экстренная сессия назначила нового главу регионального правительства и объявила референдум о присоединении к России.[5] Тем временем у украинской границы сосредоточились 150 тысяч российских военных. События разворачивались с невероятной скоростью, почти точно так, как предупреждал Глазьев.

[1] Roman Olearchyk. Ukraine Students: 'Youth of the Nation… for Euro Integration' // Financial Times, 28 ноября 2013 г.

[2] Roman Olearchyk. Kiev Streets Erupt in Clashes with Police // Financial Times, 19 января 2014 г.

[3] Simon Shuster. Exclusive: Leader of Far-Right Ukrainian Militant Group Talks with TIME // Time Magazine, 4 февраля 2014 г.; см. также: Neil Buckley, Roman Olearchyk. Fringe and Extremist Groups Carve Role in Ukraine Protests // Financial Times, 30 января 2014 г.

[4] Neil Buckley, Roman Olearchyk. Ukraine Commemorates Bloody Events that Led to War // Financial Times, 20 февраля 2015 г.

[5] FT Reporters. Ukraine Crisis: Pretext and Plotting Behind Crimea's Occupation // Financial Times, 7 марта 2014 г.

Позднее западные чиновники удивлялись тому, насколько тщательно подготовленной казалась операция.[1]

Запад был ошеломлен дерзостью путинского режима. Россия оправдывала свои действия, утверждая, что была вынуждена отреагировать, защищая свои интересы, на поддержанный США переворот в Киеве. «Мы являемся свидетелями огромной геополитической игры, цель которой – уничтожение России как геополитического противника США или глобальной финансовой олигархии», – говорил Владимир Якунин, близкий союзник Путина по КГБ еще с петербургских времен. Америка, сказал он мне, когда мы встретились в разгар военной напряженности, продолжает следовать доктрине, которую ЦРУ проводит с шестидесятых годов, – отделению Украины от России.[2] Бывший советник США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский писал в 1996 году, что с Украиной Россия – великая держава, а без нее – нет. «Это не новая идея, – говорит Якунин. – Больше сорока лет назад, когда США разрабатывали планы уничтожения Советского Союза, в документах ЦРУ говорилось, что это должно сопровождаться отделением Украины от России. Где-то на полках у руководителей ЦРУ лежат такие папки с этими проектами, и они активируют их, может быть, раз в три года».[3]

Не представляя никаких доказательств, российские чиновники и государственные СМИ развернули беспрецедентную пропагандистскую кампанию, утверждая, что за протестами, сотрясавшими режим Януковича, стоят США. Протестами руководили «неонацисты», говорили они, – несмотря на то что подавляющее большинство протестующих были теми же западнически настроенными образованными украинцами, которые в 2004 году возглавили «оранжевую революцию», а бóльшая часть украинской элиты устала от коррупции, отличавшей режим Януковича.[4] По словам русских, именно неонацистские «вооруженные боевики» стреляли в тот роковой февральский день, когда на Майдане погибли более семидесяти человек.[5] Ничего не говорилось о том, что бойцы «Беркута» – подразделения украинских силовых структур, стоявшего в тот день у баррикад, – затем по большей части бежали в Россию или в подконтрольные России районы Украины, а их оружие позднее нашли на дне озера.[6] В «Беркут», как было хорошо известно, проникли российские агенты, особенно во время правления Януковича; позднее украинская прокуратура заявит, что к убийствам были причастны российские спецслужбы.[7] После криминалистического анализа видеозаписей прокуратура обвинила одетое в черное элитное подразделение «Беркута» в убийстве тридцати девяти протестующих. Сотрудник прокуратуры и источник в Службе безопасности Украины

[1] Kathrin Hille, Neil Buckley. Vladimir Putin, Strongman of Russia Gambling on Western Weakness // Financial Times, 7 марта 2014 г.

[2] Интервью автора с Якуниным, март 2014 г.; Catherine Belton. Putin Ally Accuses US of Trying to Destroy Russia // Financial Times, 7 марта 2014 г.

[3] Интервью автора с Якуниным, март 2014 г.

[4] Интервью автора с видным банкиром, близким к Кремлю, март 2014 г.; см. также: Neil Buckley, Roman Olearchyk. Crimea Tensions Echo Georgia of 2008 // Financial Times, 1 марта 2014 г.; Roman Olearchyk, Jan Cienski, Neil Buckley. Russia Wages Media War on Ukraine // Financial Times, 4 марта 2014 г.; Belton. Putin Ally Accuses US of Trying to Destroy Russia.

[5] Belton. Putin Ally Accuses US of Trying to Destroy Russia.

[6] Mattathias Schwartz. Who Killed the Kiev Protestors? A 3-D Model Holds the Clues // New York Times Magazine, 30 мая 2018 г.

[7] Buckley, Olearchyk. Ukraine Commemorates Bloody Events that Led to War // Financial Times, 20 февраля 2015 г.

сказали Financial Times, что стрельбу спровоцировала неустановленная сила, открывшая огонь и по протестующим, и по полиции с крыш вокруг Майдана.[1]

Но ничто из этого не вписывалось в российскую пропаганду, заполонившую эфир. Когда Янукович бежал через два дня после расстрела, это, опять же согласно российской государственной пропаганде, произошло из-за поддержанного США переворота, а вовсе не потому, что его покинула собственная охрана.

Российские чиновники настаивали, что последней каплей, побудившей их к действиям, стала поспешная отмена украинским парламентом закона о языках 2012 года, расширявшего права русскоязычных на Украине.[2] Но наспех сформированное западнически настроенное новое украинское правительство быстро признало это ошибкой и наложило вето на этот шаг. Российская кампания, однако, продолжалась как ни в чем не бывало.

Когда я встретилась с Якуниным, Путин еще больше нагнетал напряженность, призывая к вводу российских войск на Украину. Якунин сказал, что надеется, что эта угроза станет «холодным душем» для западных лидеров: «Было бы здорово, если бы они поняли, что неприлично топтаться в сапогах в чужом доме».

Риторика и государственная пропаганда, сопровождавшие военную операцию, по-видимому, отражали глубокую паранойю, преследовавшую Путина и его людей со времен «оранжевой революции» 2004 года – и задолго до того, с тех пор как Путин наблюдал, как рушится вокруг него советская империя, со своего наблюдательного пункта на вилле КГБ над Эльбой в Дрездене, – паранойю о том, что они окружены западным заговором, цель которого – подорвать мощь России. Но это казалось и не более чем уловкой для оправдания действий Кремля. Словно все разговоры о глобальной интеграции России, о необходимости привлекать прямые иностранные инвестиции, модернизировать экономику и договариваться с США были отброшены, и путинский режим внезапно показал свое истинное лицо. Один бывший помощник последнего советского лидера Михаила Горбачева говорил, что атмосфера в те дни была такой, словно кто-то распахнул двери кремлевских подвалов и оттуда вылетели призраки и смрад советского прошлого.[3]

Для Путина аннексия Крыма стала моментом, чтобы торжественно объявить о новом мировом порядке после холодной войны, моментом, когда Россия демонстративно начала разворачивать ситуацию против США, отказываясь склоняться перед их господством. После того как Крым подавляющим большинством проголосовал за присоединение к России, собравшиеся под сводами и золотыми люстрами Георгиевского зала Кремля чиновники встретили Путина восторженной овацией стоя. «Происходящее на Украине отразило ситуацию, которая складывалась во всем мире, – сказал он. – После того как распался мир двух сверхдержав, США решили, что могут проводить политику силы. Они уверовали в свою избранность и исключительность».[4] Запад веками пытался загнать Россию в угол и сдержать ее, сказал он. «Но всему есть предел… Если до предела сжать пружину, она когда-нибудь с

[1] Там же.

[2] Интервью автора с видным банкиром, близким к Кремлю, и с бывшим высокопоставленным кремлевским чиновником, март и апрель 2014 г.

[3] Интервью автора с бывшим помощником Горбачева, март 2014 г.

[4] «Обращение Президента Российской Федерации», 18 марта 2014 г., www.kremlin.ru/events/president/news/20603.

силой разожмется… Россия, как и другие страны, имеет национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать».[1]

К концу его речи одни чиновники утирали слезы гордости, другие скандировали: «Россия! Россия!» Путин затрагивал глубоко укоренившуюся тоску по дням славы советского имперского прошлого, которую разделяли многие россияне. Это была та же ностальгическая тоска, что трижды помогла избрать его – «кандидата-резидента», кагэбэшника в Кремле. Только теперь, в глазах многих россиян, ее наконец претворяли в действие. Крым был потерян за много лет до краха советской империи, в 1954 году, когда тогдашний руководитель Коммунистической партии Никита Хрущев передал его Украине. Но большинство россиян винили Бориса Ельцина в том, что он это закрепил, когда в декабре 1991 года одним росчерком пера он и руководители других советских республик подписали упразднение Советского Союза, оставив Крым в пределах украинских границ.

Когда Советский Союз распался и Крым оказался в другой стране, «Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили, – сказал Путин собравшимся в тот день чиновникам. – Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках… А Россия? Россия опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду».[2]

Теперь, когда он впервые делал шаги к восстановлению Российской империи, популярность Путина взлетела выше 80 процентов. Ему так и не пришлось представлять никаких доказательств причастности США к народному восстанию против Януковича – пропаганда слишком хорошо ложилась на душу населения, по-прежнему убежденного в унижении России после распада Советского Союза. Достаточно было показать снимки помощника госсекретаря США Виктории Нуланд, раздающей печенье проевропейским демонстрантам на морозе на киевском Майдане. Позднее пропаганда становилась все изощреннее. Кибер-подразделения, работавшие на российскую военную разведку, ГРУ, наводнили Facebook и одну российскую социальную сеть фальшивками, оправдывавшими вторжение России и клеймившими революцию как возглавляемую неонацистами, утверждая при этом, что Украина стала рассадником чеченских террористов.[3] Когда конфликт перекинулся на восток Украины, российское телевидение транслировало утверждения о том, что украинская армия устроила «геноцид», и даже сообщало, будто солдаты распяли трехлетнего ребенка.[4] Постепенно непрерывная канонада промыла мозги большинству.

Западу приходилось просыпаться перед лицом российской напористости так, как ему не пришлось во время короткой победоносной войны Москвы против Грузии в 2008 году. Опасались, что российская война чужими руками может перекинуться на Европу. Никто не понимал, как далеко зайдет Путин. Его маневры на Украине ставят «под вопрос весь мирный европейский порядок», говорила канцлер Германии Ангела Меркель.[5]

---

[1] В этом контексте Путин сказал также: «В случае с Украиной наши западные партнеры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально. Они ведь прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей… Россия оказалась у рубежа, от которого не могла уже отступить».

[2] «Обращение Президента Российской Федерации», 18 марта 2014 г., www.kremlin.ru/events/president/news/20603.

[3] Dana Priest, James Jacoby, Anya Bourg. Russian Disinformation on Facebook Targeted Ukraine Well Before the 2016 US Election // Washington Post, 28 октября 2018 г.

[4] Neil Buckley. Russia Relies on Destabilisation to Achieve Strategic Ends in Ukraine // Financial Times, 15 июля 2014 г.

[5] Neil Buckley, Stefan Wagstyl, Peter Spiegel. How the West Lost Putin // Financial Times, 3 февраля 2015 г.

По всей Европе и в США правительства лихорадочно искали ответ. Когда в марте Кремль провел в Крыму референдум о присоединении к России, правительство США ответило экономическими санкциями, нацеленными на ближайшее окружение Путина. В число двадцати россиян, против которых вводились заморозка активов и запрет на въезд, вошли высокопоставленные фигуры администрации: Сергей Иванов, бывший министр обороны, а теперь руководитель администрации Путина, Виктор Иванов – усатый бывший заместитель руководителя администрации, еще один бывший союзник по КГБ из Санкт-Петербурга, входивший теперь в Совет безопасности России, – а также начальник военной разведки Игорь Сергун.[1] В черный список попали и союзники, ставшие широко известными как ближайшие деловые партнеры Путина, доверенные хранители в системе кремлевских подставных лиц: нефтетрейдер Gunvor Геннадий Тимченко, основной акционер банка «Россия» Юрий Ковальчук и Аркадий Ротенберг – бывший партнер Путина по дзюдо, которому всего четырьмя годами раньше Пугачев одолжил 500 миллионов долларов, чтобы сделать его подрядчиком «Газпрома» со сделками на миллиарды долларов.

Впервые правительство США публично называло этих людей кассирами Путина. Путин, говорилось в заявлении, «имеет инвестиции в Gunvor и может иметь доступ к средствам Gunvor», а Ковальчук – «личный банкир высокопоставленных должностных лиц Российской Федерации, включая Путина».[2] Ротенберг, говорилось далее, получил государственные контракты на миллиарды долларов, в том числе недавно – строительные проекты к зимним Олимпийским играм 2014 года в Сочи на 7 миллиардов долларов. Правительство США предавало огласке систему ближайших путинских подставных лиц. Один высокопоставленный представитель администрации сказал, что они не смогут пользоваться никакими финансовыми услугами в США и им будет трудно проводить операции в долларах: «Возможности этих лиц и дальше действовать в мировой экономике каким бы то ни было образом будут серьезно ограничены».[3]

Европейский союз тоже ввел санкции против членов российского парламента и недавно поставленных российских руководителей Крыма, а затем, вдобавок к оскорблению, Европа вместе с США приостановила членство России в «Большой восьмерке» развитых стран, к которому страна так стремилась как к признаку своей интеграции в мировую экономику. Но после того как отступили опасения еще более жестких экономических мер, подобных тем, что подорвали иранскую экономику, российский фондовый рынок вскоре отыграл потери, а российские войска, ничуть не смущаясь, продолжали сосредоточиваться у украинской границы.

Конфликт обострялся. Бойцы-посредники – которых Россия упорно называла «добровольцами» – начали проникать на восток Украины, где объединялись со значительным контингентом местных пророссийских боевиков, вооруженных российской военной техникой. К апрелю они захватывали администрации в восточноукраинских областях – Донецкой, Луганской и на какое-то время в Славянске.[4] Западным правительствам и украинской власти

[1] US Department of Treasury. Treasury Sanctions Russian Officials, Members of the Russian Leadership's Inner Circle, and an Entity for Involvement in the Situation in Ukraine, 20 марта 2014 г., https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl23331.aspx.

[2] Там же.

[3] Richard McGregor, Peter Spiegel, Jack Farchy. US Targets Vladimir Putin's Inner Circle // Financial Times, 20 марта 2014 г.

ситуация казалась удивительно похожей на то, как неопознанные российские подразделения захватили и аннексировали Крым.

Угроза гораздо более жестких экономических санкций предотвратила полномасштабное вторжение на восток Украины. Но вместо него развернулась гибридная война, в которой российские ставленники сражались с пестрой украинской армией, пока правительство в Киеве с трудом отбивалось от вторжения на свою территорию. Российские войска, по-прежнему стоявшие десятками тысяч на границе, служили средством психологической войны для запугивания украинской армии, а российская тяжелая техника и так называемые «российские добровольцы» продолжали беспрепятственно проникать на восток Украины.[1]

В июле США и ЕС нанесли ответный удар новыми санкциями, пытаясь заставить Россию отступить. На этот раз США нацелились на крупнейшие российские государственные компании, отрезав титанов государственного банковского сектора – в том числе Газпромбанк Андрея Акимова, ВТБ Андрея Костина и Внешэкономбанк – от долгосрочного американского финансирования.[2] В черный список попали и гордость России, государственный нефтяной чемпион «Роснефть», а также газодобывающая компания Тимченко «Новатэк», что ограничило их доступ к средствам. Через две недели ЕС последовал их примеру с аналогичными мерами. Противостояние еще больше обострилось после того, как 17 июля над территорией, удерживаемой пророссийскими сепаратистами, был сбит пассажирский самолет Malaysia Airlines и погибли все 298 человек на борту.[3]

По мере того как Россия продолжала разжигать опустошавшую восток Украины войну чужими руками, западные правительства медленно начинали осознавать, что обнадеживающая политика, которую они проводили со времен распада Советского Союза, – убеждение, что Россия неизбежно сблизится с западным миром, – была не более чем иллюзией.[4] Им приходилось иметь дело с режимом, который, казалось, агрессивно преследовал свои интересы, невзирая на последствия для своего положения в глазах Запада. Путинский режим был режимом, для которого восстановление глобального положения страны было единственным приоритетом. Россия не желала быть частью порядка под господством Запада. Она хотела устанавливать собственные правила.

Западу становилось ясно, что это режим многих масок, готовый прибегать к уловкам, чтобы добиться своего. Эта тактика наконец стала очевидна, когда Путин сначала отрицал присутствие российских войск в Крыму, а затем, когда процесс аннексии завершился, признал, что неопознанные военные, ставшие известными как «зеленые человечки», все-таки были российскими. Это был режим, для которого погоня за империей становилась всепоглощающей, какие бы санкции ни ставил на его пути западный мир. К тому времени, когда в сентябре 2015 года было достигнуто шаткое перемирие, война России чужими руками унесла более восьми тысяч жизней, а пророссийские сепаратистские оплоты в Донецке и

[4] Andrew Jack, Roman Olearchyk. Pro-Russia Separatists Strengthen Grip // Financial Times, 14 апреля 2014 г.; Neil Buckley, Roman Olearchyk, Andrew Jack, Kathrin Hille. Ukraine Crisis: "Little Green Men" Carefully Mask their Identity // Financial Times, 16 апреля 2014 г.

[1] Neil Buckley. Russia Relies on Destabilisation to Achieve Strategic Ends in Ukraine // Financial Times, 15 июля 2014 г.

[2] Geoff Dyer, Peter Spiegel, Kiran Stacey. US Sanctions Target Major Russian Companies // Financial Times, 17 июля 2014 г.

[3] Peter Spiegel, Geoff Dyer. EU and US Toughen Sanctions on Russia // Financial Times, 30 июля 2014 г.

[4] Buckley, Wagstyl, Spiegel. How the West Lost Putin // Financial Times, 3 февраля 2015 г.

Луганске остались на месте.[1] России удалось расколоть Украину, и, несмотря на так называемое перемирие, спорадические бои продолжаются по сей день: погибли уже 13 тысяч человек, более четверти из них – мирные жители.[2]

Возможно, мы никогда точно не узнаем, как все началось, кто сделал первый выстрел. Но, похоже, Россия давно готовилась к нескольким вариантам развития событий. Если реванш хоть как-то планировался, то основа для него была заложена задолго до того – в те дни, когда КГБ тихо готовил свое выживание, сохраняя сети и дружественные фирмы и выкачивая деньги в последние годы перед падением Советского Союза. Этот процесс усилился, когда Путин занял президентский пост, позволив людям из КГБ захватить стратегические денежные потоки – начиная с ЮКОСа и затем по всей остальной экономике.

Если у кого-то из олигархов ельцинской эпохи еще оставались сомнения в том, могут ли они действовать независимо, то окончательный сигнал они получили вскоре после аннексии Крыма. Тогда даже один из самых лояльных магнатов, Владимир Евтушенков, был вынужден отдать государству свою нефтяную компанию «Башнефть». Его арестовали, а его контрольный пакет «Башнефти» сначала национализировали, а затем передали сечинской «Роснефти».

Это был признак того, что рыночная экономика России – не более чем имитация. На самом деле за кулисами шел непрерывный дележ денежных потоков. Средства предстояло направлять в общую кремлевскую кассу, общак, и каждую сделку, почти независимо от ее размера, нужно было согласовывать с первым. «Евтушенков думал, что "Башнефть" его и что он заплатил за нее деньги, – говорит высокопоставленный кремлевский чиновник. – Но оказалось, что она не его и что в любую секунду ее могут у него забрать. Для российского бизнеса сегодня абсолютно ясно, что Кремль может забрать все у любого из них. Собственность в России сегодня не священна, особенно собственность, полученная в девяностые. Ее защищает только авторитет Путина».[3]

Российская экономика теперь была переведена на военные рельсы, все подчинено воле Кремля, говорит Пугачев: «Теперь есть только Путин и его лейтенанты, которые выполняют его приказы. Все генерируемые деньги ставятся на баланс Путина. Страна в состоянии войны. Крупный бизнес не может жить как раньше. Он должен жить по законам военного времени».[4]

Почти вся экономика теперь находилась в распоряжении Путина, и он мог использовать ее как считал нужным. «Это все деньги Путина, – говорит один видный банкир со связями в спецслужбах. – Когда он пришел к власти, он начинал с того, что говорил, будто он всего лишь наемный менеджер. Но потом он стал контролирующим акционером всей России. Сначала ему дали долю, а потом он взял контроль. Это акционерное общество закрытого типа».[5] «Путин – царь, император всея земли», – соглашается другой магнат.[6]

Для одного из ближайших союзников Путина, Владимира Якунина – бывшего офицера КГБ, одного из первых акционеров банка «Россия», возглавлявшего теперь «Российские

[1] Roman Olearchyk. Weapons Withdrawal Agreement raises Hopes of End to 18 Months of Bloodshed // Financial Times, 2 октября 2015 г.

[2] Death Toll Up to 13,000 in Ukraine Conflict, Says UN Rights Office // Radio Free Europe, 26 февраля 2019 г.

[3] Интервью автора с кремлевским чиновником, ноябрь 2017 г.

[4] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[5] Интервью автора с видным банкиром со связями в спецслужбах, февраль 2016 г.

[6] Интервью автора с российским магнатом, сентябрь 2015 г.

железные дороги», – попадание в американский санкционный список было знаком отличия. Но, на его взгляд, правительство США отстало от жизни, утверждая, что кассирами Путина являются только Тимченко и Ковальчук: «Российский президент имеет доступ к средствам всей страны», – сказал он.[1]

Эту же мысль, в качестве предупреждения, высказал еще один близкий бывший партнер Тимченко. Когда мы встретились одним дождливым днем в ноябре 2014 года, он предупредил меня, что американские санкции, возможно, слишком слабы и слишком запоздали. К тому времени огромная паутина финансистов и магнатов выступала подставными лицами путинского режима. «Пришлось бы ввести санкции против каждого из них», – сказал он.[2]

Хотя в декабре 2014 года рубль рухнул под давлением санкций и отсутствия рефинансирования российского корпоративного долга, в конечном счете экономика страны оказалась устойчивой. Правительство приостановило правила нормальной рыночной экономики. Государственные банки не требовали погашения кредитов, когда российские компании нарушали условия. Большинство долгов пролонгировали и реструктурировали – это было частью бесконечной пирамиды рефинансирования. Правительство залезло в часть стабилизационного фонда, который бóльшую часть предыдущего десятилетия копило из сверхдоходов от нефти, чтобы спасти связанные с государством компании, больше всего нуждавшиеся в рефинансировании. А главное, с улыбкой сказал мне один российский финансист, Запад недооценил масштабы неформальной российской экономики – огромной паутины черных касс, не учитываемых на балансе и не отражаемых в официальных данных о ВВП, в которых хранились крупные резервы наличных.

Пока Запад продолжал грозить новыми санкциями, если Россия не согласится на перемирие, Путин требовал переписать правила глобальной архитектуры безопасности, отведя России более заметную роль. Ангела Меркель покинула один из раундов переговоров, заявив, что Путин оторван от реальности.[3] Но для бывшего экономического советника Путина Андрея Илларионова оторван от реальности был как раз Запад: «Люди на Западе думают, что Путин иррационален или безумен. На самом деле он очень рационален по своей собственной логике и очень хорошо подготовлен».[4]

Признаки силы российских денег, хлынувших в Европу за предыдущее десятилетие, проявлялись в трещинах, возникших между странами Европейского союза по вопросу о том, как далеко должны заходить экономические санкции. В Великобритании чиновника Министерства иностранных дел сфотографировали с аналитической запиской, в которой утверждалось, что Британия не должна «закрывать лондонский финансовый центр для русских», а лоббистская группа юридических фирм предупреждала о возможном ущербе для статуса Лондона как центра урегулирования правовых споров.[5]

Для Пугачева опасность была очевидна. Система черного нала для подкупа и коррумпирования чиновников давно вышла за пределы первых хранителей путинского

[1] Интервью автора с Якуниным, март 2014 г.

[2] Интервью автора с бывшим партнером Тимченко, ноябрь 2014 г.

[3] Hille, Buckley. Vladimir Putin, Strongman of Russia Gambling on Western Weakness.

[4] Там же.

[5] Kiran Stacey, Peter Spiegel. No 10 Denies Putting City's Interests First // Financial Times, 4 марта 2014 г.; Caroline Binham. Sanctions Proposals Threaten London's Role as Global Legal Hub // Financial Times, 10 апреля 2014 г.

режима – Тимченко, Ковальчука и Ротенберга – и распространилась на всех российских миллиардеров, выступающих подставными лицами по указанию Кремля. «Им всем звонят и просят прислать деньги на то и на это. Все они говорят: "Дадим. Что еще нужно?" Это система. Все зависит от первого лица, потому что у него неограниченная власть. Все готовы работать по этим правилам. А те, кто не готов, либо в тюрьме, либо за границей».[1]

Если Советский Союз проводил операции влияния глубоко на Ближнем Востоке и в Африке, то теперь путинский кагэбэшный капитализм проник глубоко в Европу. «Этот черный нал – как грязная атомная бомба, – говорит Пугачев. – В каком-то смысле он есть, в каком-то – его нет. Сегодня его гораздо труднее отследить».[2]

Для украинского правительства то, что Кремль делал с их страной, было предупреждением о том, что Россия может попытаться распространить свою деятельность на дестабилизацию и раскол Запада. «Россия пытается создать турбулентность в ЕС, поддерживая ультраправые политические движения, – говорил в начале 2015 года прозападный премьер-министр Украины Арсений Яценюк. – Это копия того, что они сделали на Украине».[3]

[1] Интервью автора с Пугачевым, апрель 2015 г.

[2] Там же.

[3] Alex Barker, Peter Spiegel. Ukraine PM Warns EU Against Putin's Divide and Conquer Tactics // Financial Times, 19 марта 2015 г.

ГЛАВА 13

Черный нал

Когда таинственный информатор, назвавшийся «Джоном Доу», слил беспрецедентный объем данных панамской юридической фирмы, мир смог вблизи заглянуть в работу одной из черных касс путинского режима.[1] Этот массив данных стал известен как «Панамское досье», и он открыл окно в тайный мир. Там были офшорные номинальные директора, слои компаний-пустышек, протянувшиеся через Сейшелы, Британские Виргинские острова и Панаму, тайная система кодовых имен, придуманных для клиентов, чтобы скрыть их богатство.[2] Утечка из четвертого по величине в мире поставщика офшорных услуг, Mossack Fonseca, обнажила механизм финансовой системы, действующей поверх законов, которым подчиняется большинство.

Среди гигабайтов данных, изученных Международным консорциумом журналистов-расследователей (ICIJ), были документы, касавшиеся россиянина по имени Сергей Ролдугин. С 2005 года он был акционером банка «Россия» – петербургского банка, принадлежавшего связанным с КГБ союзникам Путина, который Министерство финансов США назвало «личным банком высокопоставленных должностных лиц Российской Федерации, включая Путина».[3] Документы показывали, что Ролдугин играл центральную роль в сети связанных с банком «Россия» компаний, протянувшейся от Британских Виргинских островов до Панамы. С 2009 по 2012 год через нее прошло более 2 миллиардов долларов.[4]

Ролдугин был далеко не одним из серых безликих офшорных дельцов, на которых по большей части пролил свет этот массив документов. Он был прославленным виолончелистом, ведущим солистом петербургского Мариинского театра. Он был ректором Санкт-Петербургской консерватории. Он был одним из ближайших друзей Путина. Впервые они познакомились в конце семидесятых, когда брат Ролдугина Евгений служил вместе с Путиным в КГБ. Они вместе колесили по Ленинграду на крошечном потрепанном советском «Запорожце» в те дни, когда даже иметь машину считалось роскошью. Вместе пели песни и ходили в театр. Иногда ввязывались в драки. А когда Ролдугин начал встречаться со стюардессой «Аэрофлота» из Калининграда, он познакомил Путина с одной из ее коллег – светловолосой Людмилой с глазами лани. После долгих ухаживаний Людмила стала женой Путина. Когда родился их первый ребенок, Мария, Ролдугин стал ее крестным отцом.

Эта черная касса, по-видимому, была одной из наиболее личных среди раскрытых «Панамским досье». Из всех близких союзников Путина, владевших акциями банка «Россия», Ролдугин дольше всех оставался незамеченным – еще долго после того, как остальных,

---

[1] Наиболее полный рассказ о том, как произошла утечка, см.: Bastian Obermayer, Frederik Obermaier. The Panama Papers: Breaking the Story of how the Rich and Powerful Hide Their Money. One World, 2016.

[2] Luke Harding. Mossack Fonseca: Inside the Firm that Helps the Super-Rich Hide Their Money // Guardian, 8 апреля 2016 г.

[3] Регистрационные документы банка «Россия», загруженные из ЕГРЮЛ, показывают, что Ролдугин стал акционером банка «Россия» в ходе дополнительной эмиссии 2005 года, приобретя 3,96 процента акций за 375 миллионов рублей; см. также: Елена Виноградова, Иван Васильев, Ринат Сагдиев. «Миллионер от музыки» // Ведомости, 4 апреля 2016 г.

[4] Наиболее полный рассказ о выводах ICIJ, касающихся Ролдугина, см.: Luke Harding. Sergei Roldugin, the Cellist Who Holds the Key to Tracing Putin's Hidden Fortune // Guardian, 3 апреля 2016 г.; Roman Anin, Olesya Shmagun, Dmitry Velikovsky. The Secret Caretaker // Organised Crime and Corruption Reporting Project, 3 апреля 2016 г.

Шамалова, Горелова, Тимченко и Ковальчука, разоблачили как тесно связанных с Путиным. Он был и самым неуместным в этом ряду – профессиональный музыкант, у которого, в отличие от остальных, не было собственного бизнеса. Он служил, по словам одного близкого к Путину магната, одним из подставных лиц президента на крайний случай.[1] Он был частью «золотого парашюта Путина».[2]

До своего разоблачения Ролдугин редко сталкивался с вопросами о том, как стал акционером банка «Россия». Когда в 2014 году New York Times впервые спросила его об этом, он туманно ответил, что взял пакет, потому что ему «нужно было иметь какие-то деньги». «На искусство нигде не было денег», – сказал он, добавив, что сумел найти средства на акции, взяв кредиты и с помощью «множества манипуляций».[3] Но он так и не раскрыл, когда именно приобрел свой пакет и сколько тот стоил. Позднее были опубликованы документы банка «Россия», показавшие, что он получил его лишь в 2005 году в ходе дополнительной эмиссии за 13,5 миллиона долларов.[4] Так и осталось неясным, откуда у виолончелиста мог быть доступ к таким деньгам. К 2014 году пакет Ролдугина стоил почти 350 миллионов долларов. Однако он всегда настаивал, что живет скромно. «Смотрите, даже виолончель у меня подержанная», – сказал он одному журналисту после разоблачений «Панамского досье».[5]

Сеть, раскрытая «Панамским досье», показывала, что связанные с Ролдугиным офшорные компании получали сотни миллионов долларов косвенных платежей от близких к Путину магнатов.[6] Связанные с Ролдугиным офшоры также получали выгоду от серии сделок с акциями задним числом, которые, судя по всему, приносили десятки миллионов рублей в день.[7] Одна из компаний, зарегистрированная на Кипре Sandalwood Continental, получила необеспеченную кредитную линию в 650 миллионов долларов от кипрской «дочки» ВТБ – государственного банка для «спецпроектов», которым руководил бывший советский дипломат.[8] Кипрское подразделение ВТБ было печально известно среди банкиров и магнатов как канал для откатов, а сам ВТБ после лондонского IPO 2007 года стал местом работы для сыновей высших чинов российских спецслужб.[9]

---

[1] Интервью автора с близким к Путину магнатом, апрель 2016 г.

[2] Там же.

[3] Steven Lee Myers, Jo Becker, Jim Yardley. It Pays to be Putin's Friend // New York Times, 28 сентября 2014 г.

[4] См.: Елена Виноградова, Иван Васильев, Ринат Сагдиев. «Миллионер от музыки» // Ведомости, 4 апреля 2016 г.

[5] Anin, Shmagun, Velikovsky. The Secret Caretaker.

[6] Это были магнаты Аркадий Ротенберг и Сулейман Керимов. Там же. «Панамское досье» показало, что Ролдугин был владельцем двух офшорных фирм: Sonette Overseas (2007–2012) на БВО и International Media Overseas (IMO) в Панаме. В обеих его представляли два петербургских бизнесмена, связанных с высшим руководством банка «Россия», – Олег Гордин и Александр Плехов. Плехов и Гордин также владели долями в двух других компаниях на БВО, связанных с сетью, – Sandalwood Continental и Sunbarn Ltd. Связанная с Ролдугиным Sandalwood получила права на 4 миллиарда рублей (59 миллионов долларов) и 200 миллионов долларов в ходе двух сложных сделок за плату всего в 2 доллара от компаний, принадлежавших магнату Сулейману Керимову; документы показывали, что Sunbarn Ltd должна была получить от близкого союзника Путина Аркадия Ротенберга кредит в 185 миллионов долларов на десять лет под 2 процента. В материале OCCRP говорилось, что неясно, было ли это соглашение когда-либо исполнено, поскольку других относящихся к нему документов не было.

[7] Там же; Harding. Sergei Roldugin, the Cellist Who Holds the Key to Tracing Putin's Hidden Fortune.

[8] Anin, Shmagun, Velikovsky. The Secret Caretaker.

[9] Сын союзника Путина и директора ФСБ Николая Патрушева Дмитрий Патрушев в 2007 году был назначен старшим вице-президентом ВТБ. Согласно его официальной биографии, за год до этого он окончил Академию ФСБ. Сын преемника Патрушева на посту главы ФСБ Александра Бортникова, Денис Бортников, в 2007 году был

Одной из компаний Ролдугина – International Media Overseas S.A., или IMO, – втайне принадлежало 20 процентов крупнейшего в России агентства телевизионной рекламы «Видео Интернешнл» с годовой выручкой более 800 миллионов долларов.[1] В документах, утекших в составе массива, Ролдугин значился бенефициаром IMO – положение, дававшее ему доступ к активам в виде наличных на 19 миллионов фунтов (26,6 миллиона долларов).[2]

Разоблачения «Панамского досье» сорвали с Ролдугина маску и обнажили офшорную схему на 2 миллиарда долларов. Позднее Путин показал, насколько недоволен утечками, заявив, что это заговор, устроенный «оппонентами», чтобы дестабилизировать Россию сфабрикованными обвинениями в коррупции. «Они пытаются раскачать нас изнутри, чтобы мы были более сговорчивыми», – сказал он.[3] Другие российские чиновники высказывались прямее, утверждая, что в ICIJ работают бывшие сотрудники Государственного департамента США и ЦРУ. Схема, раскрытая ICIJ, на первый взгляд позволяла вблизи увидеть одну из черных касс приближенных, ставших эндемичными для путинского режима, – денежную машину, через которую магнаты платили «пожертвования», или дань, в путинский общак, иногда в обмен на сделки.[4]

Документы показывали также, как часть денег в этой сети направлялась на проекты для комфорта Путина и его людей. Журналисты ICIJ раскрыли, как миллионы долларов переводились российской компании, владевшей любимым горнолыжным курортом Путина «Игора» неподалеку от дачного комплекса «Озеро», откуда начинали он и акционеры банка «Россия». Связанная с Ролдугиным Sandalwood Continental в 2011 году выдала российской компании «Озон», непосредственно перед тем как та приобрела курорт, 3 миллиона долларов практически беспроцентных займов.[5] Вскоре после этого «Озон» начал строить в «Игоре» роскошный гостиничный комплекс с ультрасовременным спа и ледовым дворцом.[6] К 2013 году некогда захудалый курорт превратился в место проведения очень особого события – пышной свадьбы, все гости которой поклялись хранить тайну.[7] Невестой, умчавшейся в тот день в запряженных лошадьми санях, была Катерина, вторая дочь Путина. Она вышла замуж за Кирилла, сына Николая Шамалова, акционера банка «Россия», самого близкого к Путину. Через год после свадьбы Кирилл получил 17 процентов акций крупнейшей нефтехимической компании России «Сибур» от ближайшего союзника Путина Геннадия Тимченко. В приобретении ему помог кредит в 1 миллиард долларов от дружественного Кремлю Газпромбанка.[8]

назначен заместителем председателя правления ВТБ Северо-Запад.

[1] Luke Harding. Revealed: The $2 Billion Offshore Trail that Leads to Vladimir Putin // Guardian, 4 апреля 2016 г.

[2] Harding. Sergei Roldugin, the Cellist Who Holds the Key to Tracing Putin's Hidden Fortune.

[3] Vladimir Soldatkin. Putin Says Panama Papers Leaks are Attempt to Destabilise Russia // Reuters, 7 апреля 2016 г.

[4] Harding. Sergei Roldugin, the Cellist Who Holds the Key to Tracing Putin's Hidden Fortune. Например, кредиты Ротенберга на 231 миллион долларов одной из компаний, связанных с банком «Россия» и Ролдугиным, были выданы вскоре после того, как Ротенберг получил государственный контракт на строительство части газопровода стоимостью 40 миллиардов долларов, связывавшего Россию через Черное море с Болгарией, Сербией и Венгрией.

[5] Anin, Shmagun, Velikovsky. The Secret Caretaker.

[6] Звонок автора на стойку регистрации «Игоры», ноябрь 2018 г.

[7] Jack Stubbs, Andrei Kuzmin, Stephen Grey, Roman Anin. The Man who Married Putin's Daughter and then Made a Fortune // Reuters, 17 декабря 2015 г.

[8] Там же. За год до свадьбы Тимченко также передал Кириллу за нераскрытую сумму богато украшенную виллу стоимостью 3,7 миллиона долларов на вершине утеса над пляжем в Биаррице.

Схема, прослеженная по «Панамскому досье», походила на офшорную систему «пожертвований», впервые описанную Сергеем Колесниковым. Компании, которые курировал Колесников, дали начальный капитал для расширения банка «Россия», позволив его акционерам сказочно разбогатеть, а позднее стали источником средств для строительства роскошного путинского дворца на Черном море. Панамские данные показали следующий этап эволюции черных касс, по мере того как близкие союзники Путина получали выгоду от направляемых в их сторону все больших финансовых потоков. Была создана огромная паутина офшорных компаний гораздо более изощренного и сложного масштаба.

Офшорная система, раскрытая «Панамским досье», была не только способом накопления личного богатства: она была связана и с более широкой системой черного нала – черной кассой, ставшей настолько огромной, что она могла перейти на следующий этап и использоваться для покупки влияния за рубежом. В зарослях информации сотен тысяч документов были следы более широкой игры. Выяснилось, что один из двух швейцарских юристов, управлявших значительной частью связанных с Ролдугиным и банком «Россия» компаний, имел побочное занятие, связанное с чешской политикой. Этому юристу, Фабио Дельку, принадлежала цепочка компаний в Чехии, сотрудники которых обеспечивали более половины всех пожертвований политической партии президента Чехии Милоша Земана, давно считавшегося близким союзником Путина.[1]

Черная касса Ролдугина была показателем более широкого процесса. По всей России масштабы бегства капитала на западные банковские счета стали ошеломляющими. Согласно одной оценке американского Национального бюро экономических исследований, среди авторов которой был французский экономист Тома Пикетти, после распада Советского Союза в офшорах было припрятано 800 миллиардов долларов – больше, чем богатство всего населения России в самой стране.[2] Этой системой пользовались не только преступники, но и обычные бизнесмены, искавшие более надежных убежищ для своего богатства, – признак глубоких внутренних рисков в экономике. Высокие цены на нефть и растущая стабильность при Путине должны были бы замедлить отток капитала из страны, но во второй половине правления Путина поток денег, уходивших из страны, многократно превысил темпы ельцинских лет.[3]

Этот отток снижал налоговые поступления, ослаблял валюту и бил по инвестициям во всей экономике. Но Путин почти ничего не сделал, чтобы его остановить. Он начал кампанию, а затем подписал законы, призывавшие бизнесменов вернуть свое богатство на родину. Но в действительности эти меры не имели реальной силы. Напротив, круг его доверенных хранителей был неотъемлемой частью выкачивания. Это была система, при которой люди из КГБ, правившие Россией, использовали головокружительный набор офшорных фирм, чтобы скрыть свое богатство, и в которой систематическое разграбление государственных компаний и откаты позволяли им не только жить как новая российская знать, но и создавать стратегические запасы черного нала для подрыва западных демократий. Даже офшорными

[1] «Zemanovce sponzorovala pavučina firem napojená na Putinova právníka» // iDNES.cz, 3 ноября 2018 г.

[2] Filip Novokmet, Thomas Piketty, Gabriel Zucman. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of Economic Research, август 2017 г., http://www.nber.org/papers/w23712. Центральный банк России зафиксировал отток в 534 миллиарда долларов с тех пор, как начал собирать данные в 1994 году.

[3] Там же. Ускорилось и неравенство между богатыми и бедными в России. По данным Credit Suisse, к 2014 году имущественное неравенство в России было самым высоким в мире: на верхние 10 процентов приходилось 85 процентов богатства домохозяйств (против 75 процентов в Соединенных Штатах).

богатствами магнатов ельцинской эпохи можно было распоряжаться по команде людей из КГБ.

Поначалу для западного взгляда это выглядело банальным кумовством и клептократией. Дворцы строились не только для Путина, но и для его придворных. Был дворец по образцу великолепия царского Петергофа, с декоративными садами и величественным каналом, якобы построенный для главы «Газпрома» Алексея Миллера.[1] Было семидесятигектарное поместье под Москвой с мраморным особняком, пятидесятиметровым бассейном, гаражом на пятнадцать машин и шубохранилищем, по-видимому принадлежавшее Владимиру Якунину – бывшему высокопоставленному офицеру КГБ и акционеру банка «Россия», с 2005 года возглавлявшему «Российские железные дороги», государственную монополию с годовой выручкой в 42 миллиарда долларов, почти 2 процента ВВП.[2]

Доступ к миллиардам долларов раздутых государственных контрактов стал еще одним новым путем к обогащению – зарезервированным почти исключительно для путинских людей. Это подчеркнулось, когда Россия взялась за серию показательных инфраструктурных проектов. Среди них были зимние Олимпийские игры в Сочи, стоимость которых почти впятеро выросла – с 12 миллиардов долларов, впервые объявленных в 2007 году, до более чем 50 миллиардов к моменту их проведения в начале 2014 года, – что сделало их самой дорогой Олимпиадой в мире, превзошедшей 40 миллиардов, которые Пекин потратил на летние Игры 2008 года. Бóльшая часть контрактов досталась ближайшим союзникам Путина.[3] Самым дорогим было строительство сорокавосьмикилометровой совмещенной автомобильной и железной дороги от главного Олимпийского парка у черноморского побережья Сочи, вьющейся через тоннели и мосты высоко в горы к горнолыжному комплексу. Она обошлась в астрономические 9,4 миллиарда долларов – сумма, которая, как указывал оппозиционный политик Борис Немцов, в три с половиной раза превышала стоимость проекта NASA по отправке марсохода на Марс.[4] Одна из главных компаний, получивших без тендера право на строительство железной и автомобильной дорог, «СК Мост», стала частично принадлежать близкому союзнику Путина Геннадию Тимченко, когда тот в 2012 году расширил бизнес на строительство.[5] Бывший партнер Путина по дзюдо Аркадий Ротенберг получил строительные

[1] Татьяна Лиханова. «Человек, похожий на Миллера, строит дачу, похожую на дворец в Петергофе» // Новая газета, № 39, 9–15 июня 2009 г., http://novayagazeta.spb.ru/articles/5210/. «Газпром» яростно отрицал, что дворец имеет какое-либо отношение к Миллеру, но в 2009 году местные журналисты нашли свидетельство связи: объявление на заборе вокруг стройки называло строителем дворца одного из крупнейших подрядчиков «Газпрома», «Стройгазконсалтинг». Фирма была одной из компаний приближенных, ежегодно получавших от «Газпрома» контракты на строительство газопроводов на десятки миллиардов долларов. Ее совладелицей была дочь еще одного из ближайших товарищей Путина, Александра Григорьева, бывшего начальника петербургского УФСБ. По словам Колесникова (интервью автора), другой совладелец «Стройгазконсалтинга», иорданец Зияд Манасир, тоже был кассиром путинского режима.

[2] Роман Анин. «"Дача Якунина" ушла в офшоры» // Новая газета, 17 июня 2013 г. Анин, журналист-расследователь независимой «Новой газеты», раскопал документы о собственности на участок, занятый особняком, и обнаружил, что Якунин владел им с 2007 по 2011 год. Затем участок перешел к кипрской компании, собственность которой было трудно проследить, но которая была напрямую связана с компанией, которой руководил сын Якунина. Стоимость особняка оценивалась в десятки миллионов долларов, тогда как официальная зарплата Якунина оценивалась в 1,5–2,5 миллиона долларов в год.

[3] Борис Немцов, Леонид Мартынюк. «Путин. Итоги. Зимняя Олимпиада в субтропиках». М., 2013, https://www.putinitogi.ru/zimnyaya-olimpiada-v-subtropikax/.

[4] Там же.

проекты на 235 миллиардов рублей, или 7,2 миллиарда долларов.[1] Магнаты ельцинской эпохи, напротив, вместо многомиллиардных государственных контрактов несли убытки. Таким людям, как Олег Дерипаска, Владимир Потанин и Виктор Вексельберг, когда-то бывшим среди крупнейших победителей приватизаций девяностых, Кремль велел вместо этого вложить миллиарды долларов собственных денег.[2]

Ближайших деловых союзников Путина возвышали над всеми. «Люди из ближнего круга живут на другой планете, – говорит видный российский банкир. – У них свои банки. Они даже ездят по другим дорогам, чем мы. Есть дороги для всех остальных, и когда те нарушают правила, их ловят. Но у таких людей, как Ротенберги, свои дороги, и правила там они нарушить не могут».[3] Бывшие кагэбэшники, достигшие этого богатства, считали, что получили не более чем заслуженное. Они говорили себе, что спасли Россию от распада и от хватки магнатов ельцинской эпохи, что возрождают страну как силу, противостоящую Западу. Они награждали себя медалями в признание своих заслуг. Ротенберг, который в девяностые едва сводил концы с концами, даже заказывал себе фамильный герб.[4]

Но захват денежных потоков путинскими людьми достиг таких масштабов, что не мог быть мотивирован одним лишь самообогащением. Возрождалась экономика контрабанды, на которой всегда строились операции КГБ. Доступ к деньгам раздутых государственных контрактов был одним из способов формирования параллельных бюджетов, далеких от всякого демократического контроля, которые можно было использовать для влияния на выборы, для подкупа чиновников дома и за рубежом, говорят участники этого процесса. Это был механизм авторитарного контроля внутри страны и подрыва институтов на Западе.

Молдавская прачечная

Когда в марте 2012 года российского банкира расстреляли на улице, когда он собирался войти в свой дом в тени лондонского Кэнэри-Уорф, одна из этих схем начала выходить наружу. Банкир, Герман Горбунцов, был совладельцем сети банков, через которые крупные подрядчики государственных «Российских железных дорог» Якунина выкачали миллиарды долларов контрактных денег, а затем отмыли их.

---

[5] Там же; Александра Мерцалова. «Малое кольцо построит компания Тимченко» // Известия, 9 июня 2012 г.; «Сочи-2014: Дорога в список» // Forbes, 18 февраля 2013 г.; «Тимченко опровергает получение подряда по дружбе» // РИА Новости, 5 февраля 2014 г.

[1] Борис Немцов, Леонид Мартынюк. «Путин. Итоги. Зимняя Олимпиада в субтропиках». М., 2013; Ilya Arkhipov, Henry Meyer. Putin Buddy Gets $7 Billion of Deals for Sochi Olympics // Bloomberg, 19 марта 2013 г.

[2] Arkhipov, Meyer. Putin Buddy Gets $7 Billion of Deals for Sochi Olympics; «Бенефициары Олимпиады. Рейтинг-2014», https://www.rospres.net/finance/13802/, 30 января 2014 г.

[3] Интервью автора с видным российским банкиром, 27 января 2018 г.

[4] Жена и дочь Тимченко были награждены орденом Дружбы «за укрепление дружбы и сотрудничества с Россией». Якунин был увешан целым арсеналом наград: он получил медаль Петра Столыпина, реформатора царской эпохи, за работу по «решению стратегических задач социально-экономического развития страны»; медаль «За безупречный труд и отличие» I степени за «вклад в развитие транспортной системы России»; орден Александра Невского – русского великого князя, канонизированного за отражение немецких и шведских захватчиков – за помощь в подготовке Олимпийских игр; орден Дружбы и множество других. Ротенберг получил орден Сергия Радонежского, одного из самых почитаемых святых России, за помощь в восстановлении собора; орден Дружбы; и почетную грамоту за подготовку спортсменов к Олимпийским играм 2012 года в Лондоне. О желании Ротенберга обзавестись личным гербом мне рассказал российский магнат (интервью автора, март 2015 г.).

Горбунцов попал под перекрестный огонь между влиятельными государственными чиновниками и преступными группировками, воевавшими из-за денег, пропавших во время финансового краха 2008 года.[1] Он выжил после покушения. Но история, которую он начал рассказывать, когда в конце концов вышел из искусственной комы, вела к огромной схеме отмывания денег, ставшей известной как «Молдавская прачечная», через которую с 2010 по 2014 год более 20 миллиардов долларов были незаконно выведены из России через молдавские, латвийские и эстонские банки в офшорные гавани на Западе.[2] Денежный поток, прошедший через «Молдавскую прачечную», был связан с той же группой подрядчиков РЖД во главе с Андреем Крапивиным, близким соратником Якунина с девяностых, и Валерием Маркеловым.[3] Утверждая, что именно они стоят за покушением на него, Горбунцов передал Скотленд-Ярду базу данных о части операций.[4]

В 2014 году молдавская прокуратура начала расследование схемы. Прошло еще четыре года, прежде чем ее начали изучать российские правоохранительные органы: к тому времени подрядчики пали жертвой враждующих кремлевских группировок. Когда конкурирующая группа в российских правоохранительных органах провела обыск в квартире полковника МВД, в ней обнаружили специально оборудованное хранилище с более чем 124 миллионами долларов наличными, рассованными по винным коробкам и пластиковым пакетам, – отчасти это были выплаты железнодорожных подрядчиков за то, чтобы он закрывал глаза на аферу.[5] Показания полковника полиции вывели на более чем 3 миллиарда долларов, которые эти люди выкачали из РЖД и затем отмыли через молдавскую схему на Западе.[6]

Эти 3 миллиарда долларов были спрятаны среди слоев гораздо более крупных незаконных оттоков денег – в основном от российских бизнесменов, использовавших схему, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин или налогов. Банкиры, стоявшие за молдавской схемой отмывания, придумали остроумный способ выводить средства из России, создав паутину зарегистрированных в Великобритании компаний-пустышек, которые заключали между собой крупные фиктивные договоры займа.[7] Эти фиктивные займы гарантировались отдельной паутиной российских компаний и граждан Молдовы, которых затем вынуждали выплачивать деньги британским компаниям после того, как банкиры подстраивали против них решения с помощью соучаствовавших судей в молдавских судах. Таким образом более 20 миллиардов долларов были выкачаны из России в офшорные гавани, прежде чем молдавская прокуратура раскусила схему и закрыла ее. Поскольку деньги, украденные у РЖД, смешивались с еще более крупными оттоками от предпринимателей, стремившихся увести

[1] Интервью автора с тремя людьми, знакомыми с ситуацией, май 2013 г., январь 2018 г., октябрь 2018 г.

[2] Дмитрий Великовский, Олеся Шмагун, Роман Анин. «Из страны вывели 700 миллиардов рублей. "Новая газета" отвечает на вопрос: кому досталась эта грандиозная сумма» // Новая газета, 19 марта 2017 г.; Luke Harding, Nick Hopkins. How Dirty Money from Russia Flooded into the UK – and Where it Went // Guardian, 20 марта 2017 г.

[3] Интервью автора с видным банкиром, январь 2018 г.; Юрий Сенаторов. «Следы двух миллиардов вывели на хищения» // Коммерсант, 15 августа 2019 г.; Илья Рождественский. «Обыски у крупнейшего подрядчика РЖД» // Ведомости, 15 августа 2019 г.

[4] Jack Stubbs, Andrey Kuzmin, Stephen Grey, Roman Anin. Russian Railways Paid Billions of Dollars to Secretive Private Companies // Reuters, 23 мая 2014 г.

[5] Irina Reznik, Evgeniya Pismennaya, Gregory White. The Russian Banker Who Knew Too Much // Bloomberg, 20 ноября 2017 г.

[6] Илья Рождественский. «Обыски у крупнейшего подрядчика РЖД» // Ведомости, 15 августа 2019 г.

[7] The Russian Laundromat // Organised Crime and Corruption Reporting Project, 22 августа 2014 г., https://www.reportingproject.net/therussianlaundromat/russianlaundromat.php.

свои деньги от длинной руки российского государства, отследить их было почти невозможно: бóльшая их часть затерялась в паутине офшорных компаний, реальные владельцы которых были скрыты.

Все это было частью гораздо более крупного оттока средств, выведенных из-под досягаемости российского государства и вложенных в роскошные квартиры и предметы роскоши. «Совокупное бегство капитала покрывает торговлю. Нужно уменьшить таможенные и налоговые платежи, – говорит видный банкир. – Каждый день в Москву ввозится огромное количество товаров. Возьмем для примера телевизор. Чтобы уменьшить пошлины и налоги, он может ввозиться с искусственно заявленной стоимостью в 100 долларов. А себестоимость его – 300 долларов. Значит, 100 долларов платятся прямо в России, а остальные 200 – за пределами России, за границей. Чтобы оплатить товар, средства нужно вывести из России. Вот из этого и состоит весь поток. Главные клиенты – торговцы». Но молдавская прокуратура, расследовавшая схему, опасалась, что в ней был спрятан и черный нал, связанный с российскими спецслужбами, – для операций влияния за рубежом, для финансирования крайне левых и крайне правых политических партий с целью дестабилизации и подрыва институтов на Западе.[1] Сопротивление, с которым прозападная молдавская прокуратура столкнулась со стороны российских спецслужб, начав расследование схемы, указывало на то, что у нее было покровительство на самом верху. Когда один из молдавских следователей в 2017 году поехал в Россию расследовать аферу, его задержали и обыскали на границе, а российская прокуратура игнорировала просьбы о помощи.[2] Еще одним признаком того, что за переводами стояло нечто гораздо большее, чем просто выкачивание денег, было то, что сеть российских банков, стоявших за схемой, вела к Игорю Путину, двоюродному брату российского президента, а также к высокопоставленным сотрудникам спецслужб.[3]

Журналисты Проекта по расследованию организованной преступности и коррупции (OCCRP) проследили один из переводов прямо до небольшой польской некоммерческой организации, которой руководил прокремлевский политический активист Матеуш Пискорский, публично призывавший к «деамериканизации» Европы и поддерживавший другие ключевые пункты российской повестки.[4] Позднее Пискорский был арестован за шпионаж в пользу России и получение платежей. Позже, в 2018 году, когда российские правоохранительные органы наконец начали задерживать некоторых участников аферы, высокопоставленный чиновник, причастный к контрактам РЖД, признался мне, что выкачивание было способом создать параллельный бюджет черного нала для стратегических операций Кремля. Без правил и контроля, сказал этот человек, было легко размыть границы между стратегическим и личным. Но это была и система, при которой, если ты попадал в немилость, тобой в любой момент могли заняться российские правоохранительные органы: «То, что раньше было разрешено и одобрено, вдруг перестает быть таковым», – сказал он.[5]

---

[1] Harding, Hopkins. How Dirty Money from Russia Flooded into the UK.

[2] Дмитрий Великовский, Олеся Шмагун, Роман Анин. «Чьи 700 миллиардов рублей выводили из России через Молдавию» // Новая газета, 19 марта 2017 г.; Matthias Williams. Moldova Sees Russian Plot to Derail Money Laundering Probe // Reuters, 15 марта 2017 г.

[3] «Двоюродный брат премьер-министра РФ Владимира Путина Игорь Путин вошел в совет директоров Русского земельного банка» // РИА Новости, 16 апреля 2012 г.

[4] The Russian Laundromat Exposed // Organised Crime and Corruption Reporting Project, 20 марта 2017 г., https://www.occrp.org/en/laundromat/the-russian-laundromat-exposed/.

[5] Интервью автора с высокопоставленным российским чиновником, октябрь 2018 г.

Один из главных российских банков, прогонявших деньги через молдавскую схему, указывал на еще более масштабную игру. Русский земельный банк, или РЗБ, частично принадлежал и контролировался задиристым бывшим боксером со связями в организованной преступности – петербургским бизнесменом Александром Григорьевым. Долгое время у него была защита с самого верха.[1] Когда в начале 2012 года он и его люди приобрели РЗБ, председателем совета директоров стал двоюродный брат тогдашнего премьер-министра Игорь Путин.[2] Позднее в том же году, после возвращения Владимира Путина на президентский пост, Григорьев и Игорь Путин вместе с еще одним банкиром, Алексеем Куликовым, вошли в совет директоров другого среднего банка, Промсбербанка, который вскоре запустил еще одну крупную схему незаконного перевода денег.[3]

Зеркальные сделки

Промсбербанк был частью паутины финансовых учреждений, которые та же тесно сплоченная сеть сотрудников спецслужб и организованной преступности использовала, чтобы наводнять Запад незаконными деньгами. С 2011 по 2014 год он стал главным каналом вывода из России более 10 миллиардов долларов.[4] Эти средства прогонялись через то, что должно было казаться идеальным прикрытием: одно из крупнейших финансовых учреждений Запада, Deutsche Bank. И в этих переводах не было мошеннических судебных решений, как в Молдове, – была система сделок с акциями. С 2011 года взаимосвязанная сеть российских компаний и брокерских фирм начала размещать заказы на сделки с ценными бумагами в московском подразделении Deutsche Bank. Они размещали заказы на покупку крупных пакетов «голубых фишек» российского рынка за рубли, а в то же время, казалось бы, не связанные с ними компании, базирующиеся в Великобритании или в офшорных зонах вроде БВО, размещали через Deutsche Bank в Лондоне заказы на продажу того же количества тех же акций. За акции им платили в долларах или евро.[5] Позднее регуляторы установили, что многие из этих компаний были связаны общими директорами, адресами или владельцами. Эти сделки, ставшие известными как «зеркальные», были нужны не для зарабатывания денег, а для обхода российских правил вывода средств из страны.

---

[1] The Russian Laundromat Exposed; Harding, Hopkins. How Dirty Money from Russia Flooded into the UK; Великовский, Шмагун, Анин. «Чьи 700 миллиардов рублей выводили из России через Молдавию».

[2] «Двоюродный брат премьер-министра РФ Владимира Путина Игорь Путин вошел в совет директоров Русского земельного банка» // РИА Новости, 16 апреля 2012 г. Григорьев и Игорь Путин уже были партнерами в более раннем предприятии – строительной компании СУ-888, получавшей государственные контракты на миллиарды рублей в Москве и на Дальнем Востоке России. Впервые они сошлись, когда Игорь Путин возглавлял трубопроводно-строительную компанию, работавшую ключевым субподрядчиком компаний, принадлежавших ближайшим деловым союзникам президента, Геннадию Тимченко и Аркадию Ротенбергу.

[3] «У Промсбербанка сменились акционеры, а в совет директоров вошел кузен Путина» // banki.ru, 24 октября 2012 г.

[4] Татьяна Алешкина. «Зеркальные сделки Deutsche Bank связали с выводом денег через Промсбербанк» // РБК Daily, 16 декабря 2015 г.; Ed Caesar. Deutsche Bank's $10 Billion Scandal // New Yorker, 29 августа 2016 г.; Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much; интервью автора с видным банкиром, январь и июнь 2018 г.

[5] Описание схемы см. в выводах Департамента финансовых услуг штата Нью-Йорк, оштрафовавшего Deutsche на 425 миллионов долларов за зеркальные сделки: https://www.dfs.ny.gov/reports_and_publications/press_releases/pr1701301.

Многие брокерские фирмы, проводившие сделки, были так или иначе связаны с Промсбербанком. Была ИК «Финансовый мост», акционер Промсбербанка, ставшая одним из главных игроков, размещавших заказы на акции в московском Deutsche.[1] Была Lotus Capital, еще одна московская брокерская фирма, которая, по данным ЦБ России, платила за акции с рублевого счета в Промсбербанке, а хранила их через депозитарий «Ларос Финанс», тоже принадлежавший Промсбербанку. Один из владельцев Промсбербанка, Алексей Куликов, согласно его более поздним показаниям, встречался с руководителями Deutsche Bank в Москве, чтобы убедить их продолжать эти схемы.

Банкиры, похоже, нашли идеальный канал. Московское подразделение Deutsche Bank всегда поддерживало особые отношения с путинским режимом. Бóльшую часть двухтысячных оно было вотчиной Чарли Райана – американского банкира, впервые встретившегося с Путиным еще в петербургские времена и затем ставшего одним из основателей United Financial Group, московской брокерской компании, которую в итоге купил Deutsche Bank. Оно всегда обслуживало деликатных клиентов высшего уровня из путинского режима. Игорь Ложевский, сменивший Райана, когда тот ушел с поста главы Deutsche в Москве, имел не менее хорошие связи. Он занимал руководящие посты в российских государственных банках и какое-то время сменял ближайшего союзника Путина из Штази Маттиаса Варнига на посту главы Dresdner Bank в Москве. Считалось, что он тесно связан с российской внешней разведкой.

Молодые западные банкиры, работавшие в Deutsche в Москве, вели беззаботную жизнь экспатов. Это был мир, где ночные клубы были полны проституток, а деньги лились рекой, словно из крана. Трейдеры по акциям почти не испытывали сомнений и не задавали вопросов, проводя зеркальные сделки. «Половина ежедневного объема торгов приходилась на зеркальные сделки, – говорит один трейдер, работавший тогда с ними. – Ничего особенного. Об этом открыто говорили».[2]

Но их мир рухнул, когда сотрудник службы комплаенса в Москве наконец решил, что сделки подозрительны и требуют более тщательной проверки.[3] У некоторых российских структур, размещавших заказы, отозвали лицензии за нарушение законов о ценных бумагах и о противодействии отмыванию денег, а в феврале 2015 года московская полиция посетила офис Deutsche Bank в рамках расследования мошенничества одной из брокерских фирм.[4] Внутреннее расследование, начатое в результате Deutsche Bank, возложило вину целиком на плечи сравнительно рядового сотрудника – Тима Уисуэлла, опрятного и общительного тридцатишестилетнего главы отдела торговли акциями. Возможно, удобно для более высокопоставленных руководителей Deutsche, на офшорном банковском счете жены Уисуэлла обнаружили 3,8 миллиона долларов неучтенных средств – и 250 тысяч из них поступили от компании, участвовавшей в зеркальных сделках.[5] Некоторые коллеги Уисуэлла были потрясены. Разумеется, более высокопоставленные руководители знали о сделках. «Нельзя просто так вывести 10 миллиардов долларов в офшоры, чтобы никто не знал, что происходит. Да еще за четыре года, – говорит один из них. – Тим много говорил об этих

[1] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much.

[2] Интервью автора с коллегой Уисуэлла, январь 2017 г.

[3] Интервью автора с бывшим видным банкиром Deutsche, сентябрь 2015 г.

[4] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much.

[5] New York State Department of Financial Services: https://www.dfs.ny.gov/reports_and_publications/press_releases/pr1701301.

ребятах с Лондоном… Все знали, что эти ребята будут звонить, и они покупали и продавали каждый день четыре года. Такое довольно трудно сохранить в тайне. Человек в Лондоне – даже если он утверждает, что ничего об этом не знал, – должен был знать, кто эти клиенты, если четыре года они входили в первую пятерку клиентов».[1]

Когда московские регуляторы наконец пресекли схему, они тоже остановились на игроках нижнего уровня. Куликова, худощавого книжного акционера Промсбербанка, пытавшегося организовать часть сделок с Deutsche, судили за якобы хищение 3,3 миллиарда рублей у Промсбербанка, а Григорьеву, владельцу и Промсбербанка, и РЗБ, позднее предъявили обвинение в руководстве преступным сообществом за его роль в молдавской схеме.[2] Но и Куликов, и еще один видный банкир, хорошо знакомый со схемой, давали понять, что настоящие организаторы находятся гораздо выше.[3] Молдавская схема и зеркальные сделки были взаимосвязаны и имели такой масштаб, что не могли бы осуществляться без надзора и участия ФСБ. «Это была операция промышленного масштаба», – говорит бывший банкир Deutsche Роман Борисович.[4] «В таком масштабе это не могло бы произойти без участия ФСБ», – говорит другой видный банкир Deutsche Bank со связями в спецслужбах.[5]

Выкачанные деньги попадали в подставные компании в Лондоне и США через схемы такой многослойной сложности, что никто не понимал, на что они тратились. Бывшему видному банкиру Deutsche схема зеркальных сделок, например, казалась не операцией для уклонения от налогов или пошлин, а схемой создания запасов черного нала для подкупа чиновников – будь то дома, в России, или за рубежом.[6] С помощью процесса, известного как обналичивание, деньги с баланса компаний превращались в неотслеживаемый черный нал.[7] «В девяностые, – говорит банкир, – обналичивание использовалось для ухода от налогов. Теперь оно используется для коррупции, для покупки государственных чиновников. Оно нужно только преступникам и ФСБ».[8]

После того как Куликова судили по обвинению в хищении, он и еще один руководитель Промсбербанка указали на еще одного скрытого акционера – Ивана Мязина, худощавого человека за пятьдесят, любившего дорогую одежду, который находился в центре связки между организованной преступностью и ФСБ, прогонявшей незаконные деньги.[9] Мязин, по их словам, был настоящим организатором и «Молдавской прачечной», и схемы зеркальных сделок Deutsche Bank. «Это очень интересный персонаж, – говорит видный российский банкир, хорошо знакомый с обеими схемами. – Это реальный человек, который разработал эти схемы. Он дружит с очень уважаемыми людьми в ФСБ».[10]

---

[1] Интервью автора с бывшим трейдером отдела торговли акциями Deutsche Bank в Москве, май 2017 г.

[2] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much.

[3] Там же; интервью автора с бывшим видным российским банкиром, январь 2018 г.

[4] Интервью автора с Романом Борисовичем, апрель и июнь 2017 г.

[5] Интервью автора с видным российским банкиром со связями в спецслужбах, май 2017 г.

[6] Интервью автора с бывшим видным банкиром Deutsche, май 2017 г.

[7] Зеркальные сделки превращали рублевые деньги в доллары таким образом, что они исчезали с баланса компаний, становясь неотслеживаемым черным налом, – в России этот процесс известен как обналичивание.

[8] Интервью автора с бывшим видным банкиром Deutsche, май 2017 г.

[9] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much.

[10] Интервью автора с видным российским банкиром, январь 2018 г.

Но за Мязиным стоял еще один уровень, уходивший еще выше – к вершине ФСБ и российской организованной преступности.[1] Когда в 2018 году арестовали и Мязина – еще одну жертву ожесточенной грызни внутри российских спецслужб и МВД, – эти игроки более высокого уровня снова ускользнули. Указанием на могущественную группу, стоявшую за ним, была былая дружба Мязина с одним из самых печально известных российских мафиози, Вячеславом Иваньковым, иначе известным как «Япончик». Невысокий и тощий, с клочковатой бородой и ледяными глазами, Япончик восполнял недостаток роста свирепой энергией. Его широко боялись за буйный нрав, и какое-то время в начале девяностых он жил в Нью-Йорке, руководя там операциями крупнейшей российской преступной группировки – Солнцевской. ФБР называло его «одним из самых могущественных международных евразийских криминальных боссов».[2] В 1995 году американские правоохранительные органы предъявили ему обвинение в вымогательстве 3,5 миллиона долларов у двух российских бизнесменов, угрозах их жизни и организации жестокого нападения на отца одного из них, повлекшего его смерть.[3] Но для Мязина он был «тихим, умным, простым человеком», с которым он «вместе с семьями» встречал Новый год.[4]

Сидя в американской тюрьме, Япончик завел очень близкого друга – Евгения Двоскина, российского бандита с Брайтон-Бич, отбывавшего срок за мошенническую схему с торговлей топливом.[5] Оказалось, что он племянник Япончика. Когда в 2004 году оба вернулись в Москву, Двоскин – благодаря связям Япончика и близкой дружбе, которую затем завязал с Иваном Мязиным, – стал движущей силой многих крупнейших схем отмывания денег[6], теневым банкиром, которого стали называть королем российского черного нала.[7] «Оказалась вот такая связка: Мязин, Япончик и Женя, – говорит бывший видный российский банкир, работавший со всеми тремя. – И вместе они решили захватить мир».[8]

В 2009 году Япончика застрелили в Москве. Но Двоскин был живучим и всегда каким-то образом выходил сухим из воды при расследованиях схем отмывания денег. Он обзавелся мощной защитой, тесно работая с генералом ФСБ Иваном Ткачевым, ставшим начальником всесильного Управления «К» спецслужбы.[9] Этот департамент якобы занимался расследованием экономических преступлений, но по существу делал почти противоположное:

---

[1] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much; интервью автора с видным российским банкиром, январь и июнь 2018 г.

[2] Grant D. Ashley, Assistant Director, Criminal Investigative Division, Federal Bureau of Investigation. Выступление в подкомитете Сената по европейским делам, Вашингтон, 30 октября 2003 г., https://archives.fbi.gov/archives/news/testimony/eurasian-italian-and-balkan-organized-crime.

[3] Подробнее о деле Иванькова см. заявление Роберта А. Левинсона (бывшего агента ФБР, специализировавшегося на международной организованной преступности) в окружном суде США по округу Делавэр, https://www.deepcapture.com/wp-content/uploads/Ivankov-Case.pdf.

[4] Reznik, Pismennaya, White. The Russian Banker Who Knew Too Much.

[5] Интервью автора с видным российским банкиром, январь и июнь 2018 г.

[6] Там же.

[7] См., например: Леонид Никитинский. «Who is мистер Двоскин?» // Новая газета, 22 июля 2011 г.

[8] Интервью автора с бывшим видным российским банкиром, январь 2018 г.

[9] Интервью автора с бывшим следователем МВД, сентябрь 2012 г.; интервью автора с видным российским банкиром, знакомым с Двоскиным, январь и июнь 2018 г.; Анастасия Стогней, Роман Баданин. «Федеральный резерв: расследование о том, как ФСБ крышует банки» // Проект, 1 августа 2019 г.

он надзирал и контролировал крупнейшие российские каналы отмывания денег на Запад, по словам двух видных российских банкиров, непосредственно знакомых с этим делом.[1]

Первый намек на то, насколько системными стали эти схемы для путинского правления – и насколько глубоко в них были вовлечены спецслужбы, – прозвучал, когда бывший председатель Центрального банка России Сергей Игнатьев осмелился публично на это намекнуть. В прощальном интервью газете «Ведомости» в 2013 году худощавый и серьезный Игнатьев говорил о 49 миллиардах долларов, незаконно покинувших страну только за предыдущий год.[2] Он сказал, что более половины этой суммы, по-видимому, было выведено фирмами, связанными друг с другом: «Создается впечатление, что все они контролируются одной организованной группой лиц». Бывший офицер ФСБ и видный российский банкир оба сказали, что уверены: Игнатьев говорил о ФСБ.[3]

Позднее Игнатьев жаловался одному коллеге, что всякий раз, когда он пытался закрыть эти схемы, он наталкивался на сильное противодействие ФСБ: «Он сказал мне, что давно бы их все закрыл, если бы ФСБ не приходила, не стучала ему в дверь и не пыталась его остановить», – говорит этот человек.[4]

Банк «Дисконт»

У Игнатьева были все основания для осторожности. Через две недели после того, как в 2006 году бескомпромиссный первый заместитель председателя ЦБ Андрей Козлов попытался прикрыть раннюю версию этих схем выкачивания денег, отозвав лицензию у российского банка «Дисконт», его застрелили на улице.[5] Незадолго до этого Козлов срочно посетил своих коллег в Эстонии, предупредив руководителя тамошнего ведомства по борьбе с отмыванием денег, что эстонское отделение Sampo Bank отмывает миллиарды рублей грязных российских денег, и потребовав закрыть несколько счетов.[6] По сообщению журнала The New Times, последующее расследование российской полиции по делу о гибели Козлова установило, что схема отмывания денег была связана с высокопоставленными кремлевскими чиновниками и заместителем директора ФСБ.[7] Но связи с кем-либо из власть имущих быстро замяли, и официально след – и ответственность за убийство – остановились на банкире более низкого уровня из Москвы, которого посадили за убийство.[8] Другие лица, причастные к созданию схемы отмывания денег, были связаны с Двоскиным и Мязиным, но они вновь вышли сухими из воды.[9] Пока австрийская и российская прокуратуры закрывали схему «Дисконта», на ее

[1] Интервью автора с бывшими видными российскими банкирами, июль 2019 г. и июнь 2018 г.

[2] Ольга Плотонова. «11% организаций не платят налогов» – Сергей Игнатьев, председатель Банка России // Ведомости, 20 февраля 2013 г.

[3] Интервью автора с бывшим офицером ФСБ, июнь 2014 г.; интервью автора с видным российским банкиром со связями в спецслужбах, май 2016 г.

[4] Интервью автора с видным российским банкиром со связями в спецслужбах, май 2016 г.

[5] Catherine Belton. Austria Link to Moscow Bank Killing // Financial Times, 27 мая 2007 г.

[6] Murdered Russian Central Banker's Visit to Estonia. Телеграмма посольства США, часть массива WikiLeaks, https://wikileaks.org/plusd/cables/06TALLINN1009_a.html; см. также: Nico Hines. Russian Whistleblower Assassinated After Uncovering $200 Billion Dirty Money Scandal // Daily Beast, 10 октября 2018 г.

[7] Наталья Морарь. «Высшие чиновники уводят деньги на Запад» // The New Times, 21 мая 2007 г.

[8] Catherine Belton. Austria Link to Moscow Bank Killing // Financial Times, 27 мая 2007 г.

[9] Схема банка «Дисконт» была устроена проще. Сотни миллионов долларов уходили в офшоры из паутины российских подставных компаний через корреспондентский счет «Дисконта» в австрийском Raiffeisen Bank.

место пришли другие, а маршрут российского черного нала через Эстонию лишь расширился. Когда в 2007 году датский Danske Bank поглотил эстонский Sampo Bank, он, несмотря на неоднократные предупреждения ЦБ России, стал одним из центральных каналов, по которым деньги «Молдавской прачечной» и зеркальных сделок Deutsche уходили на Запад.[1] Всего, как позднее установили следователи, через счета Danske прошло более 200 миллиардов долларов черного нала. Через тот же банк были выведены и 200 миллионов долларов фиктивных налоговых возвратов, предоставленных российским налоговым ведомством, – части отдельной аферы 2007 года, раскрытой российским налоговым юристом Сергеем Магнитским, который умер в московской тюрьме после того, как предал ее огласке.[2] Дальнейшие расследования показали, что всего с 2006 по 2010 год с помощью части той же паутины компаний и банков из страны было выведено более 800 миллионов долларов в виде мошеннических налоговых возвратов.[3] Количество общих знаменателей между всеми этими схемами – фиктивными налоговыми возвратами, «Молдавской прачечной» и зеркальными сделками – было поразительным, а для одного банкира, оказавшегося в их центре, оно стало смертельным. Александр Перепиличный был одним из владельцев ИК «Финансовый мост», в свою очередь акционера Промсбербанка и крупного заказчика сделок в московском Deutsche Bank в рамках аферы с зеркальными сделками. После того как он начал делиться со следователями информацией о некоторых переводах в рамках схем с мошенническими налоговыми возвратами, в которых он тоже участвовал, он при подозрительных обстоятельствах умер от сердечного приступа во время пробежки в парке под Лондоном.

Хотя все эти схемы в итоге закрыли, после того как они привлекли слишком много внимания, каждый раз это было слишком мало и слишком поздно. К тому времени, когда за них брались российские регуляторы, на Запад уже незаконно уходили десятки миллиардов долларов. Двоскин и его высокопоставленные кураторы в ФСБ оставались безнаказанными, надежно возвышаясь над схваткой. В случае «Молдавской прачечной» и зеркальных сделок Deutsche двоюродный брат президента Игорь Путин уходил из советов директоров причастных банков незадолго до того, как регулятор принимал меры, а каналы отмывания денег просто воспроизводились через других банкиров в других банках. Когда закрыли схему зеркальных сделок, например, ее сменили другие механизмы перемещения денег – через мошеннические судебные решения или аферы с перестрахованием. «Объектом можно пользоваться лишь определенное число раз, – говорит видный российский банкир, знакомый со схемами. – Нельзя, например, смотреть один и тот же телевизор сто лет. С банками то же самое. Когда есть рамки и участники начинают выходить за их пределы, они начинают все подрывать. Их начинают замечать».

Мязин, например, по его словам, «любил хорошо одеваться и путешествовать с шиком. Это не соответствовало его положению. В России есть два типа схем. Есть такие, как у Вани Мязина, у которого связи со всеми группами и которые слишком громко разговаривают. А

Министерство внутренних дел Австрии начало собственное расследование и установило, что более 112 миллионов долларов от трех офшорных компаний были переведены через счет «Дисконта» в Raiffeisen еще пятидесяти офшорным фирмам в течение четырех дней незадолго до того, как счет был заморожен. Алексей Френкель, банкир, отбывающий 19-летний срок за убийство Козлова, утверждает, что Двоскин и Мязин сделали его козлом отпущения. См.: Сергей Хазов-Касся. «Письмо из Лабытнанги. Банкир Френкель обвиняет генерала ФСБ» // Радио Свобода, 7 августа 2019 г.

[1] Luke Harding. Russian Millions Laundered via UK Firms, Leaked Report Says // Guardian, 26 февраля 2018 г.

[2] Bruun & Hjejle. Report on the Non-Resident Portfolio at Danske Bank's Estonian Branch, 19 сентября 2018 г.

[3] Catherine Belton. Tax Scam Points to Complicity of Senior Russian Officials // Financial Times, 13 апреля 2012 г.

есть структуры полувоенные, которые работают с дисциплиной и о которых никто не знает». Схемы постоянно видоизменялись. Как только закрывался один канал, открывался новый. «Ту схему, которую вы видели, – вы ее не отследите. Деньги берутся и перемешиваются. Отслеживать бесполезно», – говорит видный российский банкир.[1]

Bank of New York

Первый признак того, что российские спецслужбы и организованная преступность глубоко вовлечены в перекачку миллиардов долларов на западные рынки, появился еще летом 1999 года. Когда стало известно, что американские следователи проверяют, не отмыл ли один из столпов американской банковской системы, Bank of New York, более 7 миллиардов долларов российских денег, возможно связанных с мафией, громко зазвонили тревожные колокола. Поначалу скандал казался ошеломляющим: как мы видели, заголовки на первых полосах помогли ускорить передачу власти Ельциным Путину, после того как расследование грозило распространиться на счета ельцинской «Семьи». Весь Вашингтон был в состоянии повышенной тревоги из-за потенциально разъедающей силы российского черного нала. Двухдневные слушания в Конгрессе перебирали возможные связи между операцией по отмыванию денег, организованной преступностью и КГБ.[2] Конгрессмены заслушали бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси, а также других бывших специалистов ЦРУ по России. Юрий Швец, бывший высокопоставленный офицер КГБ, работавший в Вашингтоне, прямо говорил об истоках всего этого: «Масштабное проникновение российской организованной преступности в западную финансовую систему началось прямо накануне распада Советского Союза… Главными игроками в этой игре были высокопоставленные функционеры КПСС, высшее руководство КГБ и главные боссы преступного мира».[3]

Операция через Bank of New York поражала дерзкой простотой. Она была гораздо менее изощренной, чем более поздние молдавская схема и зеркальные сделки. Два российских банкира из малоизвестных средних банков переводили средства для российских клиентов – часто через офшорные компании-пустышки и банк-пустышку Sinex Bank, зарегистрированный на Науру, – на счета двух малоизвестных компаний, Benex и Becs, в Bank of New York.[4] Затем средства мгновенно переводились на счета третьих лиц. Следователи установили, что по счету Benex в среднем проходил «один электронный перевод каждые пять минут, днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки, в течение восемнадцати месяцев».[5] К 1998 году объемы достигали 200 миллионов долларов в месяц.[6]

Больше всего американских и британских следователей тревожило то, что часть операций Benex вела к одному из самых печально известных российских мафиози – Семену

[1] Интервью автора с видным российским банкиром, июнь 2018 г.

[2] Полный текст: Russian money laundering: hearings before the Committee on Banking and Financial Services, US House of Representatives, One Hundred Sixth Congress, first session, September 21, 22, 1999.

[3] Там же.

[4] Andrew Higgins, Ann Davis, Paul Beckett. Money Players: The Improbable Cast of Capitalist Converts Behind BONY Scandal // Wall Street Journal, 30 декабря 1999 г.; Robert O'Harrow Jr. 3 Firms Links to Russia Probed // Washington Post, 21 октября 1999 г.; Paul Beckett, Ann Davis. Fourth Firm, Sinex Bank, Called a Focus in Laundering Inquiry // Wall Street Journal, 15 октября 1999 г.

[5] Показания Джонатана М. Вайнера, бывшего заместителя помощника госсекретаря США, в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей США, 9 марта 2000 г.

[6] Higgins, Davis, Beckett. Money Players.

Могилевичу. Британские следователи впервые наткнулись на Benex, перебирая коробки документов по другому делу – расследованию мошенничества с акциями подставной компании Могилевича.[1] Затем ФБР обнаружило, что связанное с Benex туристическое агентство оформляло приглашения для получения американских виз ряду известных соратников Могилевича.[2]

Западные правоохранительные органы начали подозревать, что Могилевич может быть организатором всей схемы отмывания. Одна эта связь имела «ошеломляющие последствия», говорил бывший заместитель помощника госсекретаря по международным правоохранительным вопросам Джонатан Вайнер, давая показания Конгрессу по этому делу: «Это всерьез указывало на возможность того, что Benex – многомиллиардный бизнес по отмыванию денег, которым управляет пара русских, в том числе один инсайдер в крупном американском банке денежного центра, и что Benex, помимо прочего, отмывает в Нью-Йорке средства некоторых из худших элементов российской мафии. Когда мне передали эту информацию, у меня буквально отвисла челюсть».[3]

Могилевич – беспрерывно куривший мафиози весом под 140 килограммов с рябым лицом, которого путинские люди из КГБ использовали как посредника в теневых схемах торговли газом между Туркменистаном, Россией и Украиной, – всегда был связан с российскими спецслужбами.[4] Даже когда он начинал бизнес в семидесятые, помогая еврейским эмигрантам уехать из Советского Союза – и часто попутно обдирая их, – он работал с КГБ.[5] Университетское экономическое образование помогло ему стать главным человеком по перекачке средств российской организованной преступности на Запад[6], и, по словам трех бывших соратников Могилевича и согласно досье ФБР на него, теснее всего он работал с Солнцевской группировкой, ставшей самой могущественной в России и выстроившей тесные связи с московским правительством.[7] «У них было много валюты, и они не знали, что с ней делать… Сева инвестировал за них», – говорит один бывший соратник. «Он их банкир, – говорит другой. – Они делают деньги, но не знают, что с ними делать».[8]

ФБР считало, что Могилевич давно перешел к руководству собственной преступной империей, включавшей сутенерские сети, контрабанду оружия и наркотиков.[9] Его операции

---

[1] Bonner, O'Brien. Activity at Bank Raises Suspicions of Russia Mob Tie. Люди Могилевича искусственно взвинтили курс акций компании, подавая фиктивную отчетность, и позднее Могилевичу и его ближайшим соратникам предъявили обвинение в мошенничестве с инвесторами.

[2] Timothy L. O'Brien, Raymond Bonner. Career Singed in Global Bank Fires // New York Times, 23 августа 1999 г.; показания Джонатана М. Вайнера в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей США, 9 марта 2000 г.

[3] Показания Джонатана М. Вайнера в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей США, 9 марта 2000 г.

[4] См. главу 10.

[5] По словам бывшего западного чиновника и бывшего соратника Могилевича.

[6] Интервью автора с тремя бывшими соратниками Могилевича, март и апрель 2018 г.

[7] Там же; а также доклад ФБР об империи Могилевича, полученный автором.

[8] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, апрель 2018 г.

[9] Доклад ФБР об империи Могилевича. Могилевич всегда настаивал, что он не более чем бизнесмен. Он был настолько уверен в себе, что даже говорил соратникам, что однажды хотел бы попасть в список богачей Sunday Times. «Он просто страшилка, с которой Запад любит связывать все на свете», – сказал мне адвокат Могилевича Зеев Гордон.

всегда шли рука об руку с КГБ. «Половина бизнеса Севы всегда была со спецслужбами, – говорит один бывший соратник. – Он всегда на них работал. КГБ никогда не обернется против него. Он – криминальная часть российского государства».[1] Афера с переводами денег через Bank of New York, похоже, ничем от этого не отличалась. Она казалась продолжением процесса, в ходе которого незадолго до распада Советского Союза КГБ объединился с организованной преступностью, чтобы начать перекачивать богатства Коммунистической партии на счета за границей. Ни один из оттоков через Benex на счета в Bank of New York не был бы возможен без координации с ФСБ и Службой внешней разведки – а нью-йоркская прокуратура считала, что российская организованная преступность все больше использует изощренные офшорные механизмы, которыми раньше пользовались кокаиновые наркоторговцы, в том числе манипуляции с акциями публичных компаний, говорит Джонатан Вайнер.[2]

Хотя бóльшая часть архитектуры схемы, похоже, управлялась союзом КГБ с организованной преступностью, пользовался ею всякий, кто хотел перевести деньги из России в надежную гавань на Западе. Как и в более поздних российских схемах черного нала, таких как «Молдавская прачечная» и зеркальные сделки Deutsche Bank, бóльшая часть денег, проходивших через Benex, принадлежала российским бизнесменам, стремившимся уйти от таможенных пошлин и налогов. Но среди бенефициаров были и мафиози, и итальянская организованная преступность, и, по-видимому, члены ельцинской «Семьи». Финансисты КГБ и организованной преступности работали в свободной связке: они создавали схемы, а затем продвигали их среди всех желающих. «Когда у тебя есть такой инструмент, ты его продаешь», – говорит Марк Галеотти, эксперт по российским схемам черного нала. Это как ходить в продуктовый магазин, говорит Джонатан Вайнер: «Можно ходить в один и тот же магазин десять раз в неделю. Это не значит, что ты часть организации». Люди, стоявшие за схемой, были частью сети ситуативных «подрядчиков». «Они собираются вместе, чтобы перемещать деньги, – говорит Вайнер. – Это люди, которые умеют делать дела. Но никто из них не является сотрудником».[3]

Хотя поначалу тревожные колокола по поводу схемы Bank of New York звонили громко, шум начал стихать, когда выяснилось, что далеко не все операции были связаны с организованной преступностью. Вместо полномасштабного расследования скандал замазали, и вскоре он был забыт. Двое американских граждан – оба русские, эмигрировавшие в США, – Люси Эдвардс, возглавлявшая восточноевропейское подразделение Bank of New York, и ее муж Питер Берлин, управлявший Benex из небольшого офиса в Куинсе, – были осуждены за отмывание денег.[4] Но никто из более высокопоставленных лиц в Bank of New York никаких последствий не понес. В конце концов банк урегулировал дело с прокуратурой, согласившись заплатить 38 миллионов долларов штрафов.[5] Для Юрия Швеца это было роковой ошибкой: «Расследование никуда не пошло. Его заблокировали. У [президента] Клинтона не было на это времени. Он знал, что Ельцин сукин сын. Но они считали, что главное – что это их сукин сын.

[1] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, июль 2018 г.

[2] Показания Джонатана М. Вайнера в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей США, 9 марта 2000 г.

[3] Интервью автора с Вайнером, декабрь 2018 г.

[4] Timothy L. O'Brien, Raymond Bonner. Banker and Husband Tell of Role in Laundering Case // New York Times, 17 февраля 2000 г.

[5] Tom Hays. Bank of New York to Pay $38 million in Fines // Washington Post, 8 ноября 2005 г.

США давали России деньги, а их разворовывали. Но им было все равно. Клинтон просто давал еще. У него было слишком много других дел. А дело Bank of New York было операцией, которую российская внешняя разведка проводила через Могилевича. Это была абсолютно операция российских спецслужб, и США так этого и не признали. В результате мы получили то, что имеем сейчас. В США у нас Трамп, а в Великобритании то же самое».[1]

Прокладывался путь для более поздних схем, в том числе молдавской и зеркальных сделок Deutsche Bank, по которым на Запад перекачивались десятки миллиардов долларов российского черного нала. Часть этих денег шла на покупку роскошных квартир и особняков или на частные банковские счета. Часть возвращалась в Россию для реинвестирования. Но часть средств, по-видимому, вкладывалась через паутину связанных с организованной преступностью фондов и брокерских фирм в американский фондовый рынок.[2] Создавались черные кассы, которые однажды можно было бы использовать для покупки влияния. И у корней всего этого стоял Могилевич. В начале девяностых он работал с КГБ, добиваясь досрочного освобождения из российской тюрьмы Япончика – грозного вора в законе, который позднее объединил силы с Евгением Двоскиным, помогая ему создавать новое поколение более изощренных схем отмывания после того, как Могилевич засветился в скандале с Bank of New York, а также в газовых схемах. В те дни Могилевич стал слишком заметен. В 2007 году, когда путинские силовики утверждали свое главенство, он ненадолго сел в тюрьму и, по словам одного бывшего соратника, одновременно был вынужден передать часть своего бизнеса ФСБ.[3] «Двоскин – определенно часть нового поколения, – говорит Марк Галеотти, эксперт по российской мафии. – Ему вполне могли передать часть счетов, с которыми имел дело Могилевич».[4]

После скандала с Bank of New York и терактов 11 сентября США ввели более жесткие банковские правила, которые на первый взгляд затрудняли путь российского черного нала в Америку. Эти меры – часть «Патриотического акта» – требовали от американских банков устанавливать конечных владельцев счетов и запрещали использование банков-пустышек. Простые схемы вроде той, что использовала Benex, больше не будут такими легкими. Но более изощренные схемы вскоре нашли пути. В Лондоне двери для российских денег распахивались все шире. «Молдавская прачечная», зеркальные сделки Deutsche и афера с Danske Bank показали, что российские теневые банкиры особенно активно пользовались формой британской компании, называемой товариществом с ограниченной ответственностью (Limited Liability Partnership, LLP), которая почти не давала прозрачности.[5] Британские LLP были созданы в начале двухтысячных, после скандала с Enron и краха Arthur Andersen, как способ

[1] Интервью автора с Юрием Швецом, май 2018 г. Связи Могилевича с российской внешней разведкой упоминались даже в разговорах президента Украины Леонида Кучмы с главой украинской службы безопасности, которые были записаны, а затем преданы огласке после того, как сделавший записи украинский офицер бежал в США. В одном из разговоров, датированном 10 февраля 2000 года, глава украинской службы безопасности Игорь Смешко рассказал Кучме, что Могилевич был «специальным агентом КГБ, из первого управления, ПГУ [внешней разведки]». Он рассказал, как «когда Советский Союз распался, еще до того, как в КГБ создали управление "К" [подразделение спецслужб, надзиравшее за коррупцией и банковскими операциями, – и фактически игравшее большую роль в содействии переводам черного нала], когда один полковник… попытался арестовать Могилевича, ему дали по голове и сказали: "Не лезь туда! Это верхушка ПГУ"».

[2] Показания Джонатана М. Вайнера в Комитете по банковским и финансовым услугам Палаты представителей США, 9 марта 2000 г.

[3] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г.

[4] Интервью автора с Галеотти, октябрь 2018 г.

для партнеров «большой четверки» аудиторских фирм избежать личной ответственности по долгам своих компаний.[1] Похоже, никто не понимал, что их создание может иметь далеко идущие последствия. Но к середине двухтысячных британские LLP стали излюбленным инструментом отмывателей денег, а Лондон приобрел репутацию мировой прачечной, ежегодно отмывающей сотни миллиардов фунтов грязных денег, по оценкам британского Национального агентства по борьбе с преступностью.[2] LLP не только позволяли компаниям-пустышкам получить ярлык зарегистрированных в Великобритании, не ведя в Британии никакой деятельности, но и давали возможность подавать полностью фиктивную отчетность. LLP не облагались налогом, поэтому не было никакого способа проверить, достоверна ли отчетность, поданная в официальный британский реестр Companies House. Владели такими компаниями в основном через печально известные непроницаемые офшорные юрисдикции вроде Маршалловых островов или Сейшел. «Мы понятия не имеем, что происходит с деньгами дальше», – говорит Грэм Барроу, независимый эксперт по отмыванию денег.[3] Западные банки становились все более уязвимыми по мере того, как надвигающийся финансовый кризис 2008 года заставлял финансовые учреждения отчаянно нуждаться в денежном потоке.

Глубину проблемы осознали, лишь когда было уже слишком поздно. Бесстрашная журналистка Дафна Каруана Галиция, прославившаяся расследованиями коррупции на своей родной Мальте, предупреждала о возможных последствиях, беседуя с британским членом парламента незадолго до того, как в 2017 году погибла при взрыве бомбы. «Она пришла ко мне в кабинет, – говорит этот депутат, – и сказала, что российские и азербайджанские деньги купили все [мальтийское правительство] и что они отправляют все это в Лондон. Она сказала: "На Лондон надвигается стена наличных". Но я не стал вмешиваться. Я семейный человек. У меня дети».[4]

Во многих отношениях западное «мягкое регулирование» создало механизм собственного разрушения. Был открыт путь для того, чтобы КГБ создал огромную паутину черного нала, гораздо более масштабную и изощренную, чем сети, которые он использовал для тайных операций и торговли влиянием в битве за империю советских времен. Эти сети были сохранены, когда КГБ готовился к переходу к рыночной экономике в сумерках Советского Союза. Но они стали настолько сложными, что западные правоохранительные органы, недофинансированные и испытывающие нехватку кадров, до сих пор с трудом пытаются отследить хотя бы какие-то из них.

Для одного бывшего высокопоставленного офицера КГБ, годами изучавшего офшорные системы, в операциях с черным налом Россия создала оружие более мощное, чем все, чем она когда-либо обладала: «Ядерное оружие нельзя применять каждый день, а этот черный нал можно использовать каждый день. Его можно применить, чтобы разобрать западную систему изнутри».[5]

---

[5] Caroline Binham. Trail of Dirty Money from Danske Bank leads to London Laundromat // Financial Times, 3 октября 2018 г.

[1] Интервью автора с независимым экспертом по отмыванию денег Грэмом Барроу, ноябрь 2018 г.

[2] Binham. Trail of Dirty Money from Danske Bank Leads to London Laundromat.

[3] Интервью автора с Грэмом Барроу, ноябрь 2018 г.

[4] Интервью автора с британским членом парламента, сентябрь 2018 г.

[5] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, август 2019 г.

Высокопоставленный российский чиновник, руководивший РЖД в то время, когда контрактные деньги выкачивались через молдавскую аферу, давно был активен на Западе, создавая сеть аналитических центров и альянсов, дотянувшуюся высоко в спецслужбы Германии, в британский парламент и в высшие круги французской политики. Владимир Якунин, бывший высокопоставленный офицер КГБ из ближнего круга Путина, ушел с поста главы РЖД за два года до того, как на банковских счетах сына его близкого союзника Андрея Крапивина обнаружили 277 миллионов долларов из «Молдавской прачечной».[1] Якунин утверждает, что ничего не знал ни о каких финансовых махинациях.

[1] Roman Anin. The Russian Laundromat Superusers Revealed // Organised Crime and Corruption Reporting Project, 20 марта 2017 г.

ГЛАВА 14

«Мягкая сила в железном кулаке»

«Я называю их православными талибами»

Операции влияния начались на Украине тихо – задолго до того, как российские агенты проникли в региональные администрации на востоке страны, помогая пророссийским сепаратистам без труда их захватить. Украинские политики к тому времени давно предупреждали о разъедающей силе российского черного нала, влияние которого ощущалось в теневых схемах торговли газом, которые, как считалось, коррумпировали и подорвали целый ряд украинских президентов. Его присутствие ощущалось и в растущих вложениях России в деятельность Русской православной церкви, исторические корни которой глубоко уходили в Украину. Задолго до того, как регион захватили прокремлевские боевики, русские православные священники во время молитв призывали Москву спасти «Святую Русь» – так называли колыбель Российской империи, основанную столетия назад в Киеве и объединявшую Россию, Украину и Белоруссию. Русское православие все активнее продвигалось как противовес западным либеральным ценностям, а его экспансию финансировали богатые православные олигархи – сначала на Украине, а затем все глубже на Западе.

Среди этих православных олигархов были Владимир Якунин, бывший кагэбэшник и глава РЖД, и Константин Малофеев – херувимоподобный соратник женевской сети финансистов, протеже Сержа де Палена и Жана Гучкова, имперски настроенных женевских белых эмигрантов, близких к Путину и его союзнику-нефтетрейдеру Геннадию Тимченко.

Когда в тусклом призрачном свете петербургского Петропавловского собора он впервые встретил де Палена, Малофееву было семнадцать лет, и он был монархистом.[1] Последний прямой наследник русских царей, великий князь Владимир Кириллович, впервые молился у места погребения своих предков, а Советский Союз вступал в последний месяц своего существования. Отношения, которые Малофеев завязал с высоким сутуловатым де Паленом в тот серый ноябрьский день 1991 года, как и у Путина до него, оказались прочными. Де Пален «сыграл большую роль в моей личной судьбе», говорит Малофеев. «Он уникальный человек. Через него протекает вся русская история».[2] Малофееву предстояло стать неотъемлемой частью сети людей из КГБ и имперцев, стремившихся восстановить имперскую мощь России после прихода Путина к власти. Его сторонники любили хвастаться, что он российская версия Джорджа Сороса – финансиста-миллиардера, посвятившего значительную часть своего состояния поощрению либерализма в странах бывшего советского блока. Но, разумеется, Малофеев был и его антиподом.

В 2005 году, в нежном возрасте тридцати одного года, Малофеев основал инвестиционный фонд Marshall Capital, который быстро нарастил активы до более чем 1 миллиарда долларов в телекоммуникациях, производстве детского питания, гостиницах и

[1] Интервью автора с Малофеевым, 23 апреля 2014 г.

[2] Там же.

недвижимости.[1] Он никогда не раскрывал, кто его инвесторы[2], но примерно в то же время вместе с де Паленом, вошедшим в правление, он учредил православный благотворительный фонд Святителя Василия Великого – якобы для поддержки распространения православных ценностей и консервативных идеалов на Украине, в Европе, а затем и в США.[3] Вскоре он заручился высокой поддержкой ближнего круга путинских людей из КГБ, а к 2009 году получил место изнутри – независимого директора в советах директоров государственных телекоммуникационных гигантов «Связьинвест» и «Ростелеком», как раз когда те проходили масштабную реструктуризацию.[4] Пока партнер Малофеева по Marshall Capital занимал пост президента «Ростелекома»[5], подконтрольный банку «Россия» Газпромбанк начал тихо скупать для Малофеева 7 процентов акций «Ростелекома».[6] Это было ползучее поглощение, которое помогло близким партнерам Малофеева – как и Якунину – наживаться на миллиардах рублей российских государственных контрактов. «Ростелеком» раздал контрактов на сумму более 12 миллиардов рублей – более 80 процентов от общего объема – компании, которую возглавлял еще один союзник Малофеева из Marshall Capital.[7] «Малофеев стал центром выкачивания денег из "Ростелекома"», – говорит Евгений Юрченко, бывший глава «Связьинвеста», впоследствии влитого в «Ростелеком».[8]

Государственная поддержка быстро превратила Малофеева в миллиардера, а средства под управлением его Marshall Capital росли еще быстрее. Выяснилось, что на это была причина. Фонд Святителя Василия Великого Малофеева должен был стать неотъемлемым участником растущего политического проекта Кремля по расширению российского влияния, а Малофеев – подставным лицом в битве России за империю против Запада. Он был частью процесса, начавшегося вскоре после прозападного поворота Украины в ходе «оранжевой революции», когда Кремль начал создавать сеть российских некоммерческих организаций и государственных групп-посредников, которые сначала стремились закрепиться на Украине, а затем распространились на Запад. Их миссия состояла в противодействии финансируемым США некоммерческим организациям, таким как Национальный фонд в поддержку демократии, Freedom House и «Открытое общество» Джорджа Сороса, которое Путин и его

[1] Севастьян Козицын. «На вольные хлеба. Автор IPO "Иркута" покинул МДМ-банк ради своего бизнеса» // Ведомости, 15 февраля 2005 г.; Бела Ляуб. «Marshall вложится в отели» // Ведомости, 18 апреля 2006 г.; Анастасия Голицына. «Сборщик контента. Marshall Capital Partners скупает провайдеров» // Ведомости, 25 июня 2007 г.

[2] Гюзель Губейдуллина, Мария Дранишникова. «"Акционерная стоимость "Нутритека" улетучилась" – Константин Малофеев», интервью // Ведомости, 7 июня 2010 г.

[3] Состав правления см. на сайте фонда: www.fondsvv.ru/about#about_directora.

[4] Олег Салманов, Игорь Цуканов. «Независимые на связи. Государство меняет чиновников в советах госкомпаний на независимых директоров» // Ведомости, 12 января 2009 г.

[5] Тимофей Дзядко, Игорь Цуканов. «Директор Гостелекома. Руководителем "Ростелекома", на базе которого объединяются крупнейшие государственные телекоммуникационные компании, будет бывший инвестбанкир из Marshall Capital» // Ведомости, 14 июля 2010 г.

[6] Тимофей Дзядко, Ирина Резник, Игорь Цуканов. «Как купили телекомы. Стать крупнейшим миноритарием "дочек" "Связьинвеста" Газпромбанку, возможно, помог сам "Ростелеком"» // Ведомости, 20 сентября 2010 г.; Владимир Лавицкий, Инна Ерохина. «"Ростелеком" зафиксировал нового акционера» // Коммерсант, 7 сентября 2010 г.

[7] Интервью автора с Юрченко, июнь 2014 г.; см. также: Игорь Цуканов, Тимофей Дзядко. «Евгений Юрченко против маршалов связи» // Ведомости, 15 сентября 2010 г.

[8] Интервью автора с Юрченко, июнь 2014 г.

дружки презирали больше всего.[1] Путинские люди из КГБ считали, что эти группы вступили в сговор с Государственным департаментом США, чтобы ослабить российское влияние на Украине. В глазах Кремля их сосредоточенность на правах человека, гражданских свободах и поддержке демократии была лишь циничным предлогом, чтобы втянуть на орбиту Запада бывшие советские государства, которые Москва всегда считала своим задним двором.

В отличие от Сороса, публичной фигуры, Малофеев действовал в тени. Он никогда не раскрывал свой бюджет и то, чем занимается. И вместо либеральной открытости, которую стремилось продвигать «Открытое общество» Сороса, путинские люди хотели продвигать идеологию, основанную на общих славянских ценностях русского православия, проповедовавшую почти противоположное западным либеральным ценностям терпимости. Русское православие считало себя единственной истинной верой, все остальное считалось ересью. Права личности, проповедовало оно, должны быть подчинены традиции и государству, а гомосексуальность – грех. Путинские люди из КГБ выбрали для стремления к восстановлению Российской империи идеологическое обоснование, которое находило отклик у тех, кто чувствовал себя выброшенным на обочину в круговерти глобализации, а также у примитивных врожденных предрассудков. Они обратились к некогда маргинальным философам вроде Александра Дугина – длиннобородого политического мыслителя, словно сошедшего со страниц романа Достоевского, – чтобы пропагандировать теории о предназначении России как евразийской империи, которая займет по праву принадлежащее ей место единственной подлинной мировой державы, Третьего Рима. Они искали идеологию, которая объединила бы их союзников против либерального Запада, а Путин давно обсуждал эти идеи, как и идеи других имперцев из белой эмиграции, с де Паленом и другими женевскими финансистами. Их слова, похоже, произвели на него глубокое впечатление. «Нам очень повезло с этой группой, – говорит Малофеев. – Этот цивилизационный проект возник благодаря их происхождению и пониманию прошлого и будущего страны. Путин много с ними разговаривал».[2] КГБ заигрывал с российскими ультраправыми националистическими и имперскими группами со времен распада Советского Союза. Но после «оранжевой революции» на Украине в конце 2004 года их постепенно, поначалу почти незаметно, начали втягивать с обочины, и они постепенно получили доступ к стабильному потоку финансирования.

Малофеев и Якунин – через основанный им православный благотворительный фонд Андрея Первозванного, названный в честь апостола Андрея, – были далеко не единственными, кто мобилизовывался. Растущее официальное и неофициальное богатство России означало, что все больше денег вливалось в паутину государственных агентств, созданных для продвижения российской «мягкой силы» за рубежом. В их числе были Россотрудничество и «Русский мир», созданные соответственно в 2008 и 2007 годах.[3] Они вели культурные и языковые программы для российской диаспоры и не только, вкладывая миллионы в продвижение кремлевской версии событий. Как выражался «Русский мир», они предоставляли «объективную информацию» о современной России и ее гражданах. Но их бюджеты всегда были мутными, и, по словам бывшего высокопоставленного офицера советской внешней

[1] См. превосходную работу: Orysia Lutsevych. Agents of the Russian World: Proxy Groups in the Contested Neighbourhood. Russia and Eurasia Programme, Chatham House, апрель 2016 г., www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-04-14-agents-russian-world-lutsevych.pdf.

[2] Интервью автора с Малофеевым, 23 апреля 2014 г.

[3] Lutsevych. Agents of the Russian World.

разведки, они по существу были прикрытием для российской разведки.[1] Ни Россотрудничество, ни «Русский мир» никогда не публиковали финансовых отчетов, и хотя государственная поддержка подобных операций в 2015 году оценивалась (по данным правительственного сайта государственных контрактов) примерно в 130 миллионов долларов, эта цифра не отражала общего объема финансирования, поскольку поддержку Кремль добывал и у олигархов.[2]

В действие пришел и бесчисленный ряд других организаций-посредников. Российские казачьи группы проводили военизированные молодежные лагеря. Пестрая банда байкеров, известная как «Ночные волки», служившая попеременно то пропагандистской, то военизированной группой, заручилась открытой поддержкой Путина. За четыре года до того, как его «зеленые человечки» появились, чтобы захватить Крымский полуостров, Путин триумфально въехал в Крым вместе с бандой «Ночных волков» в кожаных куртках и банданах на огромном трехколесном Harley-Davidson, поднимая клубы пыли под рев моторов.[3] Никому так и не удалось подсчитать общий объем финансирования таких групп. «Ночные волки», например, получили в 2014 году от Кремля 18 миллионов рублей – один из крупнейших подобных грантов – на «патриотическое воспитание молодежи».[4] Но поскольку Кремль – и в особенности ФСБ – могли обратиться за поддержкой к любому бизнесмену или незаконной черной кассе, неофициальные источники денег тоже всегда были под рукой.

Операция на Украине начиналась почти незаметно. Когда в 2005 году, вскоре после «оранжевой революции», пестрая группа пророссийских сепаратистов создала на востоке Украины политическое движение «Донецкая республика», никто не воспринял их всерьез. Их лидеров считали «тремя сумасшедшими»[5], и ни одна из их биографий, похоже, ничего особенного собой не представляла: один из них, Андрей Пургин, коренастый русский националист с жесткой бородой, по-видимому, сменил семьдесят разных работ, в том числе успел поработать в цирке, прежде чем остановился на жизни сепаратиста.[6] Группа проводила малолюдные митинги с призывами предоставить Донецку особый федеральный статус, сближающий его с Россией. Они раздавали жалкого вида листовки, клеймившие украинских националистов как фашистов. И они начали завязывать свободные связи с вновь созданными спонсируемыми Кремлем русскими националистическими группами, посещая кремлевские молодежные лагеря и вступая в «Евразийский союз молодежи», основанный Александром Дугиным, с которым работал и Малофеев.[7] Какое-то время прозападное правительство Украины запрещало «Донецкую республику», но она продолжала действовать в подполье. «Они ездили в Москву и участвовали в программах Россотрудничества, – говорит Константин Батозский, помощник одного из бывших губернаторов Донецкой области и ведущих промышленников Сергея Таруты. – Их никогда не воспринимали всерьез».[8] Даже прокремлевская администрация Виктора Януковича по большей части их игнорировала.

---

[1] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером советской внешней разведки, май 2018 г.

[2] Lutsevych. Agents of the Russian World.

[3] https://www.youtube.com/watch?v=gQ-fXZbV9_4.

[4] Lutsevych. Agents of the Russian World.

[5] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

[6] Валерий Литонинский. «Назвали себя властью: новые начальники Донецка» // korrespondent.net, 19 мая 2014 г.

[7] Борис Гонт. «Донецкая республика 2005 и ДНР 2014: от фашистов к МММщикам» // Буквы, 16 мая 2015 г.

[8] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

Но в какой-то момент все изменилось. К 2012 году у движения «Донецкая республика» было уже достаточно средств, чтобы открыть собственное «посольство» в штаб-квартире дугинского «Евразийского союза молодежи» в Москве, где они выдавали никем не признанные паспорта «Донецкой республики».[1] А затем, по словам Батозского, однажды, когда Украина в январе – феврале 2014 года на волне протестов на Майдане скатывалась в хаос, в самопровозглашенном посольстве появились несколько неизвестных россиян и сказали лидерам «Донецкой республики», что теперь им пора работать и что за ними будет стоять Россия.[2]

Когда вскоре после расстрела на Майдане Янукович бежал, политические цели маргинальной группы стали реальностью. Они участвовали в штурме административных зданий Донецка, ненадолго подняв российский флаг.[3] Хотя их первая попытка самопровозглашенной Донецкой народной республики продержалась всего несколько дней, прежде чем их вытеснил ОМОН, они были на переднем крае того, что Кремль любил называть «Русской весной», – первого настоящего ответа России продемократическим движениям по всему миру. Движение «Донецкая республика» возглавило демонстрации, которые быстро выросли с нескольких сотен человек в первые дни марта 2014 года до тысяч, по мере того как через границу хлынули присоединявшиеся к ним русские националисты.[4] Украинские чиновники утверждали, что часть из них привозили автобусами под видом туристов, и среди них были офицеры военной разведки, провозившие оружие.

К апрелю демонстрации переросли в вооруженный мятеж: сотни вооруженных людей в масках штурмовали и захватывали правительственные здания по всей Украине.[5] Хотя местная общественная поддержка, похоже, по-прежнему исчислялась лишь сотнями, каким-то образом к маю, пока украинские войска сражались за возвращение контроля над региональными органами власти, то, что начиналось как протест нескольких десятков «сумасшедших», превратилось в армию внезапно очень хорошо организованных и очень хорошо вооруженных прокремлевских сепаратистов.[6] Лидеров движения «Донецкая республика» не забыли: Андрей Пургин, никогда прежде не способный удержаться на работе, стал первым вице-премьером самопровозглашенной Донецкой народной республики[7], а прибывшие из Москвы военные руководители присоединились к ним, чтобы взять в руки бразды правления новой сепаратистской республикой.[8] Российское правительство настаивало, что все они

[1] «В Росії видають паспорти громадян Донецької республіки» // tsn.ua, 1 марта 2012 г., https://tsn.ua/politika/v-rosiyi-vidayut-pasporti-gromadyan-doneckoyi-respubliki.html.

[2] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

[3] Jan Cienski. Oligarch Tries to Stamp Kiev Authority on Restive East // Financial Times, 7 марта 2014 г.

[4] Roman Olearchyk. Ukraine Tensions Rise as Two Die in Donetsk Clashes // Financial Times, 14 марта 2014 г.; Jan Cienski. Russian-Speaking Activists Demand their Own Referendums // Financial Times, 17 марта 2014 г.; Neil Buckley. Ukraine's Ousted President Demands Regional Referendum // Financial Times, 28 марта 2014 г.

[5] Roman Olearchyk. Turchynov Blames Russia for Unrest in East Ukraine // Financial Times, 7 апреля 2014 г.

[6] John Reed. Donetsk Governor Plays Down Rebel Threat // Financial Times, 25 апреля 2014 г.; John Reed. Mob Storms State Security HQ in Donetsk // Financial Times, 3 мая 2014 г.; Guy Chazan. Separatists Urge Russia to Annex Donetsk // Financial Times, 13 мая 2014 г.

[7] Дарья Асламова. «Вице-премьер Донецкой народной республики Андрей Пургин: Украина поставила на Донбассе крест. Ей люди здесь не нужны» // Комсомольская правда, 8 июля 2014 г.

[8] Courtney Weaver. Donetsk Chaos Leads to Split in Separatist Ranks // Financial Times, 31 мая 2014 г.

добровольцы, но связи некоторых из них с прокремлевскими олигархами были давними и глубокими.

Война на Украине, унесшая более 13 тысяч жизней и ставшая крупным кризисом для Запада, никогда бы не случилась без российского черного нала. Часть его была продуктом сложных схем отмывания, часть – простого выкачивания. Он был ключевым элементом войны чужими руками, в которой все было неофициальным: от руководивших боями российских военных до оружия, которое они провозили контрабандой. Все должно было быть отрицаемым. Ничто не должно было оставлять следов. Часть денег на мятеж прокремлевских сепаратистов той весной, по-видимому, перебрасывали через границу на Украину сами мятежники. Между Украиной и Россией всегда велась масштабная неофициальная торговля, между двумя странами существовала значительная теневая экономика, а граница была чрезвычайно проницаемой, что делало любые попытки отследить перемещение денег почти невозможными. «Это все был черный нал. Его привозили в чемоданах, – говорит Батозский. – Мы никого не смогли поймать за руку».[1] Украинские чиновники считали, что значительную часть первоначального финансирования восстания привезли российские спецслужбы, прибывшие в регион вскоре после аннексии Крыма.

Малофеев был в самой гуще всего этого. Его офис в центре Москвы был не только местом хранения обширной коллекции старинных икон и редких царских карт, но и местом работы людей, ставших лидерами тайного российского вторжения на Украину: бывший начальник службы безопасности Малофеева, офицер военной разведки с усиками в ниточку, известный то как Игорь Стрелков, то как «Стрелок», то как Игорь Гиркин[2], возглавил прибывавшие на восток Украины из Крыма импровизированные российские силы; его дюжий советник по связям с общественностью стал новым руководителем Донецкой народной республики.[3] В ноябре 2013 года, еще до начала боев, Малофеев обналичил свой пакет в «Ростелекоме», продав его обратно государственной компании за 700 миллионов долларов, чтобы сосредоточиться на «гуманитарных проектах».[4] Начальник службы безопасности Малофеева Игорь Стрелков прежде воевал за Россию в тайных войнах в Чечне и Боснии[5], а министр внутренних дел Украины в итоге заклеймил его как «чудовище и убийцу».[6] За месяц до того, как ситуация на Украине скатилась в хаос, он сопровождал Малофеева в триумфальном турне, организованном им для Русской православной церкви: из православного монастыря в Греции в Москву, затем в Киев и далее в Крым везли Дары волхвов.[7] Формально Стрелков отвечал за безопасность древних золота, ладана и смирны, к которым стекались тысячи православных верующих. Но в Крыму у них была и другая миссия. Там они встретились с Сергеем Аксеновым, которому через месяц предстояло стать новым

[1] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

[2] Aleksandr Vasovic, Maria Tsvetkova. Elusive Muscovite with Three Names Takes Control of Ukraine Rebels // Reuters, 15 мая 2014 г.

[3] Arkhipov, Meyer, Reznik. Putin's Soros Dreams of Empire as Allies Wage Ukraine Revolt // Bloomberg, 16 июня 2014 г.

[4] Там же.

[5] «Маршал Малофеев. Как российский рейдер захватил юго-восток Украины» // The Insider, 27 мая 2014 г. (со ссылкой на автобиографию Стрелкова из электронной переписки, взломанной группой, называющей себя «Анонимный интернационал»).

[6] Vasovic, Tsvetkova. Elusive Muscovite with Three Names Takes Control of Ukraine Rebels.

[7] Arkhipov, Meyer, Reznik. Putin's Soros Dreams of Empire as Allies Wage Ukraine Revolt.

пророссийским руководителем Крыма.[1] Лидера крошечной промосковской партии «Русское единство» вознесли из безвестности почти так же внезапно, как на полуострове появились российские войска без опознавательных знаков.[2] «На этих выставках Малофеев и Стрелков хорошо узнали друг друга, – говорит Батозский. – Свидетелей того, что произошло потом, нет».[3] По крайней мере один бывший деятель Русской православной церкви считал, что турне со святынями было лишь прикрытием для разведывательной миссии, подготовившей все последующее. «Дары привезли в Крым, чтобы подготовить почву и собрать разведданные», – говорит Валерий Отставных, впоследствии ушедший из церкви, потому что опасался, что ее используют как инструмент путинского государства.[4] Считалось, что Малофеев был ключевым звеном в перекачке денег прокремлевским сепаратистам, действуя через сеть благотворительных организаций, связанных с его фондом Святителя Василия Великого. Позднее украинские спецслужбы обнародовали, по их словам, перехваченные телефонные разговоры между ним и Стрелковым, в которых они обсуждали успехи в боях с украинской армией. Согласно стенограмме одного из разговоров, Стрелков говорит Малофееву: «С нашей стороны ни одна позиция не сдана. Все позиции в Краматорске удержаны. Но, Константин Валерьевич, не подскажете, кого именно мы сбили?» Малофеев отвечает, что передаст известие об успехах Стрелкова крымскому руководителю Аксенову, который находится у него в гостях.[5]

Малофеев отрицал какое-либо участие в конфликте, кроме финансирования помощи беженцам, спасавшимся от боев, и говорил, что его связи с лидерами мятежников – не более чем «совпадение».[6] Но даже ЕС установил, что он замешан по самую шею, введя против него санкции за связи с сепаратистами[7], а украинское правительство возбудило уголовное дело, утверждая, что он финансировал террористов.[8]

Для Кремля, однако, Малофеев был идеальным прикрытием. Его участие давало российскому правительству возможность все отрицать. Можно было утверждать, что он горячий имперец, действующий самостоятельно. Разумеется, в интервью Малофеев часто не мог удержаться. «Простите за неполиткорректность, – сказал он Bloomberg, – но Украина – часть России… Это искусственное образование на руинах Российской империи».[9] «Для России это битва за историческое выживание, – сказал он мне. – Россия по своей природе империя. Когда США только рождались, она уже была империей. И в другом качестве мы существовать

[1] Там же.

[2] Courtney Weaver, Kathrin Hille, Neil Buckley. Pretext and Plotting Behind Crimea's Occupation // Financial Times, 7 марта 2014 г.

[3] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

[4] Дмитрий Волчек. «Операция "Дары волхвов". Как РПЦ стала отделом администрации Путина» // Радио Свобода, 10 марта 2018 г.

[5] «Маршал Малофеев. Как российский рейдер захватил юго-восток Украины» // The Insider, 27 мая 2014 г.; издание приводит телефонные разговоры Стрелкова и Малофеева, перехваченные украинскими спецслужбами.

[6] Интервью автора с Малофеевым, 23 апреля 2014 г.; Arkhipov, Meyer, Reznik. Putin's Soros Dreams of Empire as Allies Wage Ukraine Revolt; Courtney Weaver. Oligarch Emerges as Link Between Russia and Rebels // Financial Times, 25 июля 2014 г.

[7] Санкции ЕС от 30 июля 2014 г., Council Implementing Regulation (EU) No. 826/2014.

[8] Weaver. Oligarch Emerges as Link Between Russia and Rebels.

[9] Arkhipov, Meyer, Reznik. Putin's Soros Dreams of Empire as Allies Wage Ukraine Revolt.

не можем».[1] Но за кулисами его связи с верхушкой Кремля были давними и глубокими. Помимо дружбы с де Паленом, он выстроил связи с Путиным через православного священника, ставшего духовником президента, – все более влиятельного Тихона Шевкунова.[2]

Пока Малофеев помогал распространять российское влияние на восток Украины, связанные с КГБ женевские финансисты, работавшие за кулисами с Путиным и Тимченко, взирали на это одобрительно. «Это на самом деле религиозная война, – говорит один из них. – Люди из Донецка и Харькова, если посмотреть на их предков, всегда были русскими. Они русские испокон веков».[3]

С самого начала операции Малофеева казались связанными с российской разведкой. Сектор телекоммуникаций, в котором он сколотил бóльшую часть своего состояния, всегда был вотчиной военной разведки. Поддержка Кремлем ультраправых русских националистических групп, стремившихся расколоть Украину и не допустить ее вступления в ЕС, начинала выглядеть как возврат к советским дням Путина в Дрездене. Тогда КГБ (в том числе, по словам двух бывших соратников, с которыми мы уже встречались, и Путин) внедрял агентов глубоко в немецкие неонацистские группы и в ультралевую «Фракцию Красной армии», убивавшую американских военных и титанов западногерманской промышленности, чтобы сеять хаос и нестабильность.[4] Вылазка Кремля на Украину казалась страницей, вырванной из старого учебника КГБ: раскалывать и дезорганизовывать, перебрасывать оружие и деньги через цепочку подставных лиц и посредников – как в те времена, когда экономика стратегических операций строилась на контрабанде, а советских руководителей, казалось, не заботило ничего, кроме проецирования силы и борьбы за превосходство над Западом. Путинские люди сдували пыль с тактики, которую применяли тогда, когда Россия, как и сейчас, была не способна вести прямую наземную войну и должна была прибегать к обманным маневрам, посредникам, агентам влияния и подставным организациям, к пропаганде и откровенной лжи, чтобы вывести противника из равновесия и подорвать его изнутри.

В советские времена такая тактика называлась «активными мероприятиями». И к 2014 году, когда Россия завершила переход к собственной искаженной версии государственного капитализма, Кремль был готов вновь бросить вызов Западу. Часть тактики, отточенной на Украине, быстро распространялась сначала на Восточную Европу, а затем дальше на Запад. Пробуждались старые сети, в игру вводились новые подставные структуры.

Украинцы первыми предупредили, что возрождающаяся Россия стремится посеять раздор на Западе. «Все думали, что русские просто воруют, – говорит Константин Батозский, помощник бывшего донецкого губернатора. – Но они работают над созданием собственного круга коррумпированных политиков. Это идет уже давно, и Россия подорвет Европу. Россия закладывает огромную бомбу в фундамент Европейского союза. Россия ищет уязвимые точки, чтобы расколоть Европу. Это гигантский риск сегодня. Российские НКО работают очень активно, раздавая гранты ультралевым и ультраправым группам».[5]

[1] Интервью автора, 23 апреля 2014 г.

[2] www.fondsvv.ru/about#about_directora.

[3] Интервью автора с женевским финансистом, 5 мая 2014 г.

[4] См. главу 2.

[5] Интервью автора с Батозским, январь 2015 г.

На Западе некоторые эксперты тоже все больше осознавали, что операции влияния России с помощью черного нала не ограничиваются Украиной. «Россия финансирует Национальный фронт во Франции, "Йоббик" в Венгрии, Лигу Севера, а также "Движение пяти звезд" в Италии, – сказал мне в сентябре 2015 года Майкл Карпентер, тогда советник вице-президента США Джо Байдена по России. – Они финансировали СИРИЗА в Греции, и мы подозреваем, что и Левую партию в Германии. Они работают со всеми этими антиистеблишментскими партиями слева и справа. В этом отношении они абсолютно неразборчивы, и делают они это с помощью этих черных касс. Их цель – воздействовать на европейские страны, чтобы ослабить ЕС и разрушить консенсус по санкциям. Это очень серьезно. Они потратили на это много времени и денег». Но такие опасения тонули среди других угроз, казавшихся более непосредственными и реальными политикам, хуже разбиравшимся в России. «Нам говорили, что у нас профессиональная предвзятость, – говорит Карпентер. – Нам говорили: "Вы занимаетесь Россией, поэтому, конечно, считаете, что Россия – угроза"».[1]

Измотанный украинским конфликтом, нарастающими раздорами на Ближнем Востоке и растущим потоком беженцев, Запад в массе своей не верил, что путинская Россия способна проникнуть в его политические и экономические институты. Несмотря на явный успех в расколе Украины, Запад по большей части считал это пирровой победой. Экономику России давно считали безнадежной, а ее внешнюю разведку – выхолощенной после распада Советского Союза. Деньги, хлынувшие на Запад, воспринимались лишь как краденые деньги, а не как огромная черная касса, которую можно использовать для любой стратегической повестки.

Но по всей Европе воскресали старые сети КГБ. Пока Константин Малофеев еще ребенком рос в подмосковном пригороде, Серж де Пален работал под прикрытием на КГБ в Париже в составе сети, которую вел Игорь Щеголев[2], и вместе с Жаном Гучковым работал на дружественные фирмы, помогавшие оснащать советскую промышленность[3], а еще один близкий союзник из белой эмиграции, Александр Трубецкой, входил в сеть Щеголева, снабжавшую Советы французской компьютерной техникой.[4] Теперь все они поддерживали Малофеева: де Пален входил в правление фонда Святителя Василия Великого, а Гучков – в совет директоров связанной с Малофеевым компании.[5] В 2011 году Трубецкой был назначен председателем совета директоров «Связьинвеста» – государственного телекоммуникационного гиганта, впоследствии влитого в «Ростелеком», частично принадлежавший Малофееву.[6] Он также входил в правление фонда Святителя Василия

[1] Интервью автора с Карпентером, сентябрь 2015 г.

[2] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером российской внешней разведки, май 2018 г.; см. также: Роман Шлейнов. «Как князя Александра Трубецкого завербовали в "Связьинвест"» // Ведомости, 15 августа 2011 г.; Щеголев работал под прикрытием корреспондента российского государственного агентства ИТАР-ТАСС.

[3] Интервью автора с женевскими финансистами, декабрь 2012 г. – апрель 2015 г.; см. главу 12.

[4] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером российской внешней разведки, май 2018 г.; см. также: Шлейнов. «Как князя Александра Трубецкого завербовали в "Связьинвест"».

[5] Гучков входил в совет директоров «Инфра Инжиниринг» – компании, получавшей более 80 процентов контрактов «Ростелекома». Владислав Новый. «Связисты подключили дипломатический канал. Экс-глава МИД Игорь Иванов вошел в совет директоров "Инфра Инжиниринг"» // Коммерсант, 7 августа 2012 г.

[6] Шлейнов. «Как князя Александра Трубецкого завербовали в "Связьинвест"».

Великого, а Щеголев как путинский министр связи присматривал за деловыми успехами Малофеева.

Без их покровительства Малофеев, возможно, никогда бы ничего не добился. Поначалу они, казалось, держались на расстоянии, пока его фонд Святителя Василия Великого расширялся в Восточную Европу. В Чехии Малофеев, похоже, вел хаотичную кампанию по обхаживанию антизападных политиков любой политической окраски, выдав по меньшей мере 100 тысяч евро уроженцу Белоруссии, политическому посреднику, пытавшемуся организовать приход к власти там пророссийских групп, согласно утекшей переписке между ними.[1] Но утечки обнажили лишь поверхность уже изощренной операции, в которой Малофеев был лишь одним из множества игроков. Якунин, например, обхаживал политика Милоша Земана задолго до его избрания президентом Чехии в 2013 году, а Мартин Нейедлы, глава чешского подразделения «Лукойла» – крупной российской нефтяной компании, лояльной Кремлю, – был ключевым советником Земана и одним из основателей политической партии, финансировавшей президентскую кампанию Земана.[2] Сотрудники компаний, принадлежавших одному из швейцарских юристов из черной кассы банка «Россия» и Ролдугина, тоже были крупными спонсорами Земана[3], ставшего последовательным сторонником путинского Кремля: он одним из первых лидеров ЕС публично призвал отменить санкции ЕС против России.

В Венгрии интересам Кремля способствовал стремительный взлет ультраправой партии «Йоббик», судьба которой преобразилась с тех пор, как в 2005 году она с трудом держалась на обочине. Утекшая переписка показала, что политический посредник Малофеева работал и с «Йоббиком».[4] Но катализатором, превратившим ее в крупнейшую оппозиционную партию Венгрии, стало появление, казалось бы, из ниоткуда загадочного венгерского бизнесмена Белы Ковача, который после многих лет работы в России вступил в партию и тут же спас ее от банкротства.[5] Ковач настаивал, что выручил ее собственными средствами, но в 2014 году венгерская прокуратура начала расследование того, не является ли он агентом КГБ, и Европейский парламент был настолько в этом убежден, что лишил его депутатской неприкосновенности. Расследование, однако, ни к чему не привело: премьер-министр Венгрии Виктор Орбан тоже стал близким союзником Кремля.

Поддерживая политические группы как на крайне левом, так и на крайне правом фланге, Кремль подхватывал и раздувал растущую волну недовольства в Восточной Европе. Теперь, когда бывшие страны Восточного блока почти десятилетие были членами ЕС, блеск Запада и либерализма начинал тускнеть. Тяга к потребительским товарам после дефицита плановой экономики давно была удовлетворена, и Восточная Европа была полна сверкающих торговых центров и новейших моделей iPhone. Но последствия вступления в либеральный

[1] Andrew Higgins. Foot Soldiers in a Shadowy Battle Between Russia and the West // New York Times, 29 мая 2017 г.

[2] См.: Neil MacFarquhar. How Russians Pay to Play in Other Countries // New York Times, 30 декабря 2016 г.; «Martin Nejedlý: Zemanovci voliči jedí gothaj, foie gras je pro jiné», интервью с Нейедлы // denik.cz, 4 октября 2014 г.

[3] «Zemanovce sponzorovala pavučina firem napojená na Putinova právníka» // iDNES.cz, 3 ноября 2018 г.

[4] Higgins. Foot Soldiers in a Shadowy Battle Between Russia and the West; Ondřej Soukup. «Hackeři odhalili "otce" proruských akcí v Česku. Na organizaci demonstrací ve střední Evropě dostal 100 tisíc eur» // Hospodářské noviny, 13 марта 2017 г.

[5] Andrew Higgins. Out to Inflame EU, Russians Stir up Fringe // New York Times, 25 декабря 2016 г.; подробнее см.: Dezső András. A Glorious Match Made in Russia // Index, 28 сентября 2014 г., https://index.hu/english/2014/09/28/a_glorious_match_made_in_russia/.

порядок ЕС со свободой передвижения ощущались глубоко, а призраки советского прошлого – сеть агентов, когда-то работавших с КГБ, – по-прежнему пронизывали общество.

Когда Россия, только что помогшая расколоть Украину, ввязалась в дела Ближнего Востока, начав в 2015 году бомбардировки в Сирии, чтобы защитить режим давнего союзника Кремля Башара Асада, проблемы Европы лишь углубились. Бомбардировки еще больше подстегнули и без того значительный поток сотен тысяч беженцев, искавших убежища в Европе. В 2015 году из Сирии в Европу бежали более миллиона человек. Для путинского Кремля это была возможность разжечь волнения, ненависть и противодействие правящему либеральному порядку. Тактика Кремля нашла особенно благодатную почву в Восточной Европе, где экономическое благосостояние распределялось крайне неравномерно, а консервативный призыв Русской православной церкви против либеральных свобод Запада находил готовых слушателей.

В Женеве близкий к Тимченко швейцарский банкир Жан Гучков открыто мечтал о создании славянской Европы, которая объединила бы Польшу, Чехию и Болгарию с Россией и Украиной, распространилась бы на Венгрию и откололась от ЕС, где господствуют Франция и Германия.[1] В мае 2014 года, в разгар украинского кризиса, Гучков утверждал, что Европейский союз обречен, а французские и немецкие лидеры хотят создать новую Европу без доставляющих хлопоты новых членов с востока. Это было лишь началом процесса, который, как надеялись путинские люди, расколет ЕС.

Расширяя тактику, начатую на Востоке, Кремль начал вкладывать ресурсы глубоко на Западе. Женевские финансисты, например, давно выстроили связи на вершине французской элиты, особенно с аристократией. Когда Геннадий Тимченко начал выстраивать отношения с важнейшей энергетической компанией Франции, Total, открылся путь к дальнейшему укоренению российского влияния на вершине французского общества. В 2009 году Ален Бьонда, добродушный женевский юрист, тесно работавший с Гучковым и Тимченко, угощал вином и ужинами двух высших руководителей Total как раз тогда, когда Тимченко входил в капитал второго по величине производителя газа в России, «Новатэка», а в начале 2013 года Гучков присутствовал на завтраке с Франсуа Олландом во время его первого визита в Москву в качестве президента Франции.[2]

При помощи женевских соратников Тимченко закрепил эти связи, продав Total за 4 миллиарда долларов 12 процентов своего «Новатэка» и 20 процентов проекта компании по сжиженному природному газу. Два года спустя Тимченко был награжден высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. Его также избрали председателем экономического совета Франко-российской торгово-промышленной палаты – торговой организации, которая вскоре заполнилась высшими французскими промышленниками, а также верхушкой путинского кагэбэшного капитализма, в том числе Андреем Акимовым, связанным с КГБ главой Газпромбанка, и Сергеем Чемезовым, путинским товарищем по КГБ со времен Дрездена, возглавлявшим теперь российскую государственную оружейную монополию.[3]

[1] Интервью автора с женевским финансистом, 5 мая 2014 г.

[2] Интервью автора с женевским финансистом, 19 декабря 2013 г. и 21 июля 2014 г.; второй женевский финансист подтвердил роль Бьонды в организации сделки, а также его первоначальную роль в знакомстве Total с Тимченко (20 декабря 2013 г.); эту историю подтвердил и третий женевский соратник, март 2014 г. Total от комментариев отказалась.

[3] См. сайт Экономического совета Франко-российской торгово-промышленной палаты: https://www.ccifr.ru/ekonomicheskij-sovet/sostav/.

Когда после вторжения в Крым Запад ввел санкции против России, Тимченко и Акимов, несмотря на американские санкции, не попали в санкционный список ЕС, а Чемезов каким-то образом остался в совете палаты, несмотря на санкции ЕС. Total призвала просто отменить санкции.

Усилия России не сводились лишь к налаживанию деловых связей или попыткам расколоть единство Запада по санкциям. Через государственные агентства вроде Россотрудничества и «Русского мира» в Париже начала пускать корни сеть аналитических центров. В 2008 году на тихой улице в 7-м округе открылся российский Институт демократии и сотрудничества. Он должен был стать российским ответом американскому Фонду Карнеги за международный мир, противодействуя негативным западным представлениям о России и покончив, по словам одного из его основателей, с «западной монополией» на определение прав человека и того, как Россия их соблюдает. Это было частью пиар-наступления, начавшегося, когда путинское правительство создало Russia Today – глобальную англоязычную телесеть, призванную бросить вызов гегемонии таких западных каналов, как CNN и BBC.[1] Но на величественном каменном здании, которое якобы занимал институт, не было ничего, что указывало бы на его присутствие, а возглавлял его едва скрываемый агент российской разведки – высокопоставленный бывший советский дипломат при ООН Наталия Нарочницкая, которая, по словам одного бывшего высокопоставленного офицера российской разведки, работала на КГБ еще с советских времен. Элегантная, похожая на птицу брюнетка была протеже руководителя разведки Евгения Примакова в Институте мировой экономики в Москве во времена перестроечных реформ.[2] Пропагандируя картину мира путинских людей из КГБ, ее институт попутно занимался выявлением и вербовкой будущих агентов влияния.[3] Его финансирование было туманным – один из основателей смог сообщить послу США в Москве лишь то, что его будут поддерживать среди прочих «десять бизнесменов».[4]

Нарочницкая была близка к Владимиру Якунину, который через свой православный благотворительный фонд Андрея Первозванного и аналитический центр «Диалог цивилизаций» выстраивал связи глубоко в европейских политических кругах, в том числе на вершине французской Республиканской партии, с которой был связан и Серж де Пален. В мае 2014 года мы беседовали с де Паленом в его женевском кабинете, на столе которого лежало несколько книг возглавляемого им издательства (за которым стоял непроницаемый инвестиционный фонд). Он сказал мне, что дни гегемонии США прошли. «Мягкая сила США терпит крах, – сказал он, кроткий великан, склонившийся над столом. – Ее у них уже нет. Времена, когда они господствовали в ЕС, прошли. Теперь Россия большая, как и Китай. У США сегодня нет доверия. То, что они сделали в Ливии, они то же самое делают сейчас на Украине. Может быть, Америке непонятно, что она держава в упадке». Когда я спросила, не пытается ли он воссоздать европейские сети влияния советского прошлого, он недоверчиво посмотрел на меня, а затем расплылся в широкой улыбке. «Если вы говорите о лоббировании, то да. Все этим занимаются».[5]

---

[1] См. телеграмму посла США в Москве Уильяма Бёрнса о создании института: https://wikileaks.org/plusd/cables/08MOSCOW375_a.html.

[2] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером российской внешней разведки, май 2018 г.

[3] Там же.

[4] https://wikileaks.org/plusd/cables/08MOSCOW375_a.html.

[5] Интервью автора с де Паленом, 12 мая 2014 г.

Как Советский Союз во времена холодной войны финансировал политических союзников и партии по всей Европе через сеть дружественных фирм, стремясь подорвать единство Запада, так и Москва теперь развертывала новую паутину подставных лиц и посредников для финансирования политических партий на крайне левом и крайне правом флангах по всему Западу. Часть старых сетей и некоторые из финансистов, Гучков и де Пален среди них, сохранились и теперь получали новый приток денег. Во Франции Москва сосредоточилась главным образом на финансировании ультраправых партий. Хотя она нашла готового сторонника на крайне левом фланге в лице Жана-Люка Меланшона (он и без особых понуканий Москвы был открыто настроен против США и НАТО), она быстро открыла кредитные линии для Национального фронта Жан-Мари Ле Пена и его дочери Марин. Это финансирование вновь шло через посредников, чтобы Кремль мог правдоподобно все отрицать, но некоторых из них становилось все легче распознать. В ноябре 2014 года, например, выяснилось, что Национальный фронт занял 9,4 миллиона евро в чешском банке, связанном с Геннадием Тимченко.[1] (Адвокаты Тимченко заявили, что он не играл никакой роли в решении банка, никогда не участвовал в его управлении и никогда не был его бенефициаром.) Константин Малофеев тем временем помог организовать еще одну сделку – кредит Жан-Мари Ле Пену на 2 миллиона евро.[2] В другом случае французский документалист снял, как Ле Пен входит в московский офис малофеевского Marshall Capital, а позже выходит с алюминиевым кейсом. Предполагалось, что тот был набит наличными, – обвинение, которое Ле Пен (и Малофеев) горячо отрицали.[3]

Активность становилась головокружительной. Москва давно заручалась поддержкой по всей Европе. В Германии у Путина был верный союзник в лице бывшего канцлера Герхарда Шрёдера, щедро вознагражденного за труды по защите действий Путина на Украине и в Сирии и его расправы с демократией внутри страны. Вместе с Маттиасом Варнигом, близким союзником Путина из Штази, Шрёдер входил в совет директоров консорциума газопровода «Северный поток» – возглавляемого Россией проекта стоимостью 14,8 миллиарда евро по экспорту газа напрямую из России по дну Балтийского моря в обход Украины. В Италии у Путина давно был друг – Сильвио Берлускони. Они вместе отдыхали на Сардинии, а Берлускони часто гостил в сочинской резиденции Путина. Берлускони был также членом финансовой сети и сети влияния, существовавшей еще в советские времена. В конце восьмидесятых его издательский дом Fininvest получил от советской Гостелерадио эфирное время для показа итальянских фильмов.[4] Он также тесно работал с банкиром Антонио Фаллико, хорошо знавшим зарубежные финансовые операции Коммунистической партии, чей

[1] Кредит выдал Первый чешско-российский банк – чешский банк, контрольный пакет которого на момент выдачи кредита (2014 г.) принадлежал россиянину Роману Попову, ранее работавшему заместителем начальника финансового управления «Стройтрансгаза» – российской трубопроводно-строительной компании, приобретенной Тимченко в 2007 году. По словам представителя «Стройтрансгаза», банк оставался главным финансовым учреждением, обслуживавшим счета «Стройтрансгаза», после приобретения компании Тимченко в 2007 году и до конца 2014 года (уже после выдачи кредита) (Андрей Красавин. «Радикальные связи» // Компания, 28 марта 2016 г.). Попов сохранял пост главы банка, а президенту «Стройтрансгаза» Виктору Лоренцу (и до, и после приобретения компании Тимченко) принадлежало 25 процентов чешского банка. Адвокаты Тимченко заявили, что он не играл никакой роли в решении банка выдать кредит Национальному фронту.

[2] Karl Laske, Marine Turchi. The Third Russian Loan of Le Pen // Mediapart, 11 декабря 2014 г.

[3] Agathe Duparc. Les casseroles de Konstantin Malofeev, oligarque russe soutien du Front National // Mediapart, 21 февраля 2016 г.

[4] Интервью автора с Антонио Фаллико, июнь 2014 г.

банк Intesa оставался крупным финансовым спонсором путинского кагэбэшного капитализма. Когда итальянский парламент раскрыл явную попытку связанного с «Газпромом» посредника направить деньги в сторону Берлускони, политики как из партии Берлускони, так и из оппозиции говорили послу США в Риме, что, по их мнению, это была не единственная кремлевская схема в личных интересах Берлускони.[1]

Хотя об этих отношениях было давно известно, деятельность России на Западе явно вступала в гораздо более активную фазу. По всей Европе Малофеев продвигал правопопулистскую повестку – бунт против либерального истеблишмента. В июне 2014 года он провел в Вене конференцию правых сил, на которой племянница Марин Ле Пен Марион общалась с лидерами австрийской правой Партии свободы и болгарской ультраправой партии «Атака», а также с Сержем де Паленом.[2] Малофеев всегда настаивал, что продвигает религиозную повестку – как сторонник и защитник христиан, – а не политическую.[3] Но отпечатки пальцев его союзников были повсюду и при взлете СИРИЗА, радикальной левой партии, пришедшей к власти в Греции в январе 2015 года: утекшая переписка показала, что евразиец Александр Дугин, работавший с Малофеевым, помогал ей со стратегией и пиаром. Малофеев выстроил также тесные связи с правыми «Независимыми греками» во главе с Паносом Камменосом, пламенным националистом, ставшим министром обороны Греции.[4] Камменос часто бывал в Москве, завязав тесную дружбу с Малофеевым, а его афинский Институт геополитических исследований подписал «меморандум о взаимопонимании» о сотрудничестве с влиятельным Российским институтом стратегических исследований, который тесно работал и со структурой Наталии Нарочницкой в Париже и по существу был подразделением российской внешней разведки.[5]

Ничто из этого не прекратилось, когда в марте 2014 года США и Европа ввели санкции против России. Напротив, Россия лишь ускорила и усилила свои попытки расколоть Запад. Углублялись союзы, например, в Италии, где еще один соратник Малофеева тесно работал с Джанлукой Савоини, ближайшим помощником лидера ультраправой партии «Лига Севера» Маттео Сальвини.[6] Вместе они создали культурную ассоциацию «Ломбардия – Россия», которая начала продвигать дружественные Кремлю правые взгляды, а затем нацелилась на то, чтобы «изменить всю Европу».[7] Попутно Савоини изучал связанные с Кремлем нефтяные

[1] Телеграмма WikiLeaks: https://wikileaks.org/plusd/cables/09ROME97_a.html.

[2] Интервью автора с де Паленом, 12 мая 2014 г.; Bernard Odehnal. Gipfeltreffen mit Putins fünfter Kolonne // Tages-Anzeiger, 3 июня 2014 г.

[3] Интервью автора с Малофеевым, июнь 2015 г.

[4] James Marson. Deepening Ties Between Greece and Russia Sow Concerns in the West // Wall Street Journal, 14 февраля 2015 г.; Sam Jones, Kerin Hope, Courtney Weaver. Alarm Bells Ring over Syriza's Russia Links // Financial Times, 28 января 2015 г.

[5] Robert Coalson. New Greek Government has Deep, Longstanding Ties with Russian Eurasianist Dugin // Radio Free Europe, 28 января 2015 г.

[6] Соратник Малофеева – Алексей Комов, представитель России в американском консервативном движении «за семью» – Всемирном конгрессе семей – и правая рука Малофеева в благотворительном фонде Святителя Василия Великого. См.: Антон Поспелов. «Мировые элиты. Беседа с послом Всемирного конгресса семей в ООН Алексеем Комовым» // Православие.ру, 5 сентября 2013 г.; Tiziano di Giovanni, Stefano Vergine. 3 Million for Salvini // L'Espresso, 28 февраля 2019 г.; Alberto Nardelli, Mark di Stefano. The Far-Right Bromance at the Heart of Italy's Russian Oil Scandal // BuzzFeed, 12 июля 2019 г.

[7] Di Giovanni, Vergine. 3 Million for Salvini; Nardelli, di Stefano. The Far-Right Bromance at the Heart of Italy's Russian Oil Scandal.

сделки для финансирования избирательной кампании «Лиги Севера», сначала обсуждая продажи через малоизвестную нефтяную компанию «Авангард», которая, согласно расследованию итальянского журнала L'Espresso, по совпадению имела тот же адрес, что и офис Малофеева в центре Москвы.[1] Затем Савоини обсуждал сделку по перекачке десятков миллионов евро партии через продажи нефти «Роснефти» итальянской Eni через посредника.[2] Эти сделки должны были быть выстроены так же, как давние сделки по зарубежному финансированию Коммунистической партии под руководством КГБ. Нефть предстояло продавать через посредника со скидкой, позволяя ему оставлять себе разницу и направлять выручку (около 65 миллионов долларов за год) в казну «Лиги Севера», сообщал BuzzFeed. «Это точно такие же финансовые сделки, какие мы проводили через дружественные фирмы», – говорит один бывший высокопоставленный офицер КГБ, участвовавший в нефтяных сделках советской эпохи.[3]

Сальвини отрицал, что сделка когда-либо состоялась. Но, согласно стенограмме переговоров, опубликованной BuzzFeed, его помощник Савоини ясно дал понять, что союз, складывающийся в результате предлагаемой сделки, должен стать опорой пророссийской коалиции по всей Европе. «Новая Европа должна быть близка к России, потому что мы хотим иметь свой суверенитет, – говорил он. – Мы не должны зависеть от решений, которые принимают иллюминаты в Брюсселе или в США. Сальвини – первый человек, который хочет изменить всю Европу… Вместе с нашими союзниками», – продолжал он, перечисляя другие ультраправые прокремлевские партии, такие как австрийская Партия свободы, «Альтернатива для Германии» и «Национальное объединение» Марин Ле Пен во Франции. «Мы действительно хотим иметь большой союз с этими партиями, которые настроены пророссийски».[4]

Вместо того чтобы пытаться добиться отмены санкций, подчиняясь западному порядку, основанному на правилах и господстве либералов, путинская Россия собиралась откупиться от них. Но цель уходила и гораздо глубже. Путинские люди стремились выковать собственный блок внутри Европы и перевернуть политический ландшафт всего континента. А политики из многих ультраправых групп были только рады получать кремлевский черный нал и влияние. В Австрии лидер Партии свободы Хайнц-Кристиан Штрахе был вынужден уйти в отставку после того, как утекло видео пьяной встречи на вилле на Ибице, где он добивался политической поддержки у женщины, назвавшейся племянницей российского газового магната.[5] Штрахе предлагал выгодные государственные контракты в обмен на поддержку на выборах, в том числе через поглощение россиянами крупнейшей газеты Австрии Kronen Zeitung. Все возражения против бунта России со стороны западнически настроенных магнатов Путин и его люди подавили задолго до того. Сразу после мартовских санкций 2014 года Путин встретился за закрытыми дверями с ведущими титанами российской промышленности. Один

[1] Di Giovanni, Vergine. 3 Million for Salvini.

[2] Впервые о сделке сообщили журналисты L'Espresso. Вслед за ними Альберто Нарделли из BuzzFeed опубликовал аудиозапись разговора Савоини в октябре 2018 года, в котором обсуждалась сделка: см. Revealed: The Explosive Secret Recording that Shows how Russia Tried to Funnel Millions to the "European Trump" // BuzzFeed, 10 июля 2019 г.

[3] Интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером КГБ, август 2019 г.

[4] Nardelli. Revealed: The Explosive Secret Recording that Shows how Russia Tried to Funnel Millions to the "European Trump".

[5] Sam Jones, Valerie Hopkins. Austrian Vice-Chancellor Filmed Seeking Covert Deals // Financial Times, 18 мая 2019 г.

из них попытался почтительно объяснить ему, что такие санкции в то время, когда Россия живет в глобальном мире, – не лучший исход. В ответ на это мнение по столу ударили кулаками. Путин сказал им, что ему все равно, нравится им это или нет. «Так будет», – сказал он, по словам женевского соратника одного из присутствовавших олигархов.[1] Магнаты, возможно, были лично разочарованы, но им не оставалось ничего другого, как это принять. В эйфории, последовавшей за захватом Крыма, патриотизм был превыше всего.

Тимченко, например, по словам друзей, был опустошен, оказавшись в американском санкционном списке. Он всегда мечтал быть международным бизнесменом. Он собрал вещи в Женеве, оставив свой богато украшенный особняк в фешенебельном пригороде Колоньи на берегу озера. Опасаясь того, что он называл «провокациями» со стороны США, а возможно, и ареста – по сообщениям, Министерство юстиции начало расследование деятельности Тимченко по подозрению в отмывании денег[2], – он не решался выезжать из России на запад, в Европу, хотя и не попал в санкционный список ЕС. Вместо этого он полетел на восток, в Китай, где при помощи Алена Бьонды, женевского юриста, работавшего с Тимченко и Гучковым, начал налаживать связи с руководством.[3] Его частный Gulfstream из-за санкций оказался прикован к земле, поскольку был американского производства. (Его пилоты не могли пользоваться встроенными навигационными картами, а американская корпорация Gulfstream расторгла контракт на обслуживание самолета.)[4] Но в остальном дела по большей части шли как обычно.

Досягаемость Тимченко в западных политических кругах была такова, что он, по-видимому, мог узнать об американских санкциях заранее. За несколько дней до их объявления небольшая группа людей допоздна работала в офисе Бьонды в финансовом квартале Женевы, срочно реструктурируя холдинговую компанию одного из российских клиентов Бьонды. «Здесь была вся команда, – говорит один из присутствовавших. – Комната была полна сигарного дыма. Один из клиентов очень беспокоился из-за санкций. Ему сказали, что он в расширенном списке».[5] Бьонда отрицал, что эта деятельность имела какое-либо отношение к Тимченко, но когда на следующий день санкции были объявлены, нефтетрейдер Тимченко Gunvor был готов. Он объявил, что Тимченко продал свою долю в компании шведскому деловому партнеру Турбьёрну Тёрнквисту, что позволило Gunvor продолжать работу, несмотря на санкции. По словам одного из соратников Бьонды, эта сделка была «операцией прикрытия»: «Банки остановили все кредитные линии, пока они не сделали объявление.

[1] Интервью автора с женевским соратником, 23 марта 2014 г.

[2] В ноябре 2014 года сообщалось, что Министерство юстиции США начало расследование по подозрению в отмывании денег – на предмет того, переводил ли Тимченко средства от коррупционных сделок в американскую финансовую систему: Christopher M. Matthews, Andrew Grossman. US Money Laundering Probe Touches Putin's Inner Circle; Federal Prosecutors Investigating Financial Transactions Involving Billionaire Gennady Timchenko // Wall Street Journal, 5 ноября 2014 г. Расследование, по-видимому, никаких результатов не дало. В интервью российскому государственному агентству ИТАР-ТАСС Тимченко сказал, что не может ездить в Европу, потому что у него есть «серьезные основания опасаться провокации со стороны американских спецслужб. Поверьте, это не выдумка, а абсолютно конкретная информация, подробности которой я по понятным причинам рассказать не могу»: Андрей Ванденко. «Геннадий Тимченко: За все в жизни надо платить. И за знакомство с руководством страны тоже» // ИТАР-ТАСС, 4 августа 2014 г., https://tass.ru/top-officials/1353227.

[3] Интервью автора с женевским соратником, 21 июля 2014 г.; 1 октября 2014 г.; 9 декабря 2014 г. Тимченко заявил, что Бьонда не имеет никакого отношения ни к какой его деятельности в Китае.

[4] Ванденко. «Геннадий Тимченко: За все в жизни надо платить. И за знакомство с руководством страны тоже».

[5] Интервью автора с женевским соратником, 19 марта 2014 г.

Проблема была в том, что вся их торговля – в долларах. Но как только они объявили, что продали долю, проблемы исчезли».[1] (Тимченко заявил, что Бьонда не имел к сделке никакого отношения и что переговоры о продаже начались «задолго» до объявления санкций. Любые предположения о том, что продажа была лишь «операцией прикрытия», полностью ложны, сказал он.)

Санкции осложнили жизнь. Открывались банковские счета в Китае и Гонконге. Проводились реструктуризации. Жан Гучков тихо ушел в отставку с поста руководителя частного банковского обслуживания Société Générale в Женеве, по-видимому опасаясь пристального внимания к своим связям с Тимченко.[2] «Сегодня такого рода связи ставят тебя под удар», – говорит один из его соратников.[3] Но санкции не остановили ни бизнес, ни торговлю влиянием женевских финансистов. Бьонда, например, всегда любил обхаживать титанов мировой энергетики через долю одной из его компаний в команде «Формулы-1» Lotus. «Если вы в Шанхае или Сингапуре, нефтяным руководителям прекрасно приехать туда с любовницами. В этом отношении это хорошо», – говорит один из женевских финансистов.[4] После санкций один из знакомых Бьонды направил деньги британской Консервативной партии.

Благодаря связям с Тимченко и Гучковым Бьонда давно находился на стыке российских денег и власти. Из своего офиса на площади Пор, 1, у входа в финансовый квартал Женевы, он владел долей в компании Genii Energy. Его партнером в Genii, а также в команде «Формулы-1» Lotus был испанец Херард Лопес, заработавший свой первый миллиард на инвестициях в Skype, а затем ставший близким другом российского президента: он проводил с ним время в его летней резиденции, кормил яблоками его питомцев и слушал фортепианную музыку.[5] Другая компания, в которую инвестировал Лопес, Rise Capital, вскоре начала получать российские государственные контракты на миллиарды долларов. Когда Великобритания неслась к референдуму о членстве в ЕС в июне 2016 года, Лопес сделал неожиданное пожертвование Консервативной партии в 400 тысяч фунтов. Никаких вопросов никто не задал.[6]

Это было частью потока российских денег, хлынувшего в британскую политику, в том числе от двух видных людей с тесными связями с КГБ, которые тоже щедро жертвовали партии тори. Одним из них был Александр Темерко – словоохотливый бывший акционер ЮКОСа, начинавший бизнес на вершине российской государственной оборонной промышленности. Оставшись в России вести переговоры с Кремлем, пока остальные

[1] Интервью автора с другим женевским соратником, 28 марта 2014 г.

[2] Интервью автора с женевским соратником, 16 марта 2015 г.

[3] Интервью автора с другим женевским соратником, 28 марта 2014 г.

[4] Интервью автора с женевским соратником, 25 февраля 2013 г.

[5] Jesús Rodríguez. Gerard López, manual para hacerse millonario // El País, 27 декабря 2015 г.

[6] Через принадлежавшую ему компанию Sunray Energy Бьонда давно владел долей в команде «Формулы-1» Lotus. Разбитый бампер, который он держал в своем кабинете (другая половина хранилась за тысячи километров к востоку, в спортзале Путина), был сувениром с одной из гонок. Машиной управлял Виталий Петров, сын российского делового партнера Ильи Трабера – предполагаемого российского мафиози, тесно работавшего с Путиным, когда тот контролировал петербургский порт и нефтяной терминал, – когда она врезалась в ограждение на Гран-при Монако. Молодой Петров был настолько близок к путинскому режиму, что, когда в 2010 году в Санкт-Петербурге впервые проводилась гонка «Формулы-1», Путин тоже прокатился на его машине. В каком-то смысле Петров был частью семьи. Группа Genii, через которую Бьонда держал свою долю в команде «Формулы-1» Lotus, была основана Лопесом.

акционеры ЮКОСа бежали, он в 2011 году получил британское гражданство и влил в казну тори более 1 миллиона фунтов. Изображая себя диссидентом и критиком путинского режима, в частных разговорах он продолжал хвалить высокопоставленных представителей российского силового истеблишмента, в том числе могущественного секретаря Совета безопасности Николая Патрушева. Он угощал грандов партии тори, завязав тесные отношения с Борисом Джонсоном, возглавившим кампанию за выход из ЕС. Публично он заявлял, что выступает против брексита, но в частных разговорах время от времени превозносил его как «революцию против бюрократии», а все его ближайшие союзники были ведущими сторонниками брексита. Бывшие деловые партнеры говорили, что у него давние связи с российскими спецслужбами. Леонид Невзлин, бывший ведущий акционер ЮКОСа, говорил, что Темерко изначально привлекли в ЮКОС за связи с «Федеральной службой безопасности и Министерством обороны», добавив, что Темерко «хорошо» знает Патрушева.[1]

Но в основном российская активность, похоже, была направлена на британских бизнесменов, появившихся из ниоткуда, чтобы возглавить финансирование кампании за выход Великобритании из ЕС. Одним из них был Аррон Бэнкс – самоуверенный миллионер, сколотивший первоначальное состояние в страховом бизнесе, а затем расширившийся на алмазные рудники в Южной Африке. Жена Бэнкса приехала в Великобританию в конце девяностых молодой россиянкой по студенческой визе и едва избежала депортации после того, как подозрения вызвал ее первый брак – с моряком торгового флота в отставке, вдвое с лишним старше ее.[2] (После недолгого расследования Особого отдела она купила автомобильный номер «XMI5 SPY».) Бэнкс был крупнейшим спонсором кампании Leave.EU, пожертвовав 8,4 миллиона фунтов. Но парламентский комитет, расследовавший референдум, заявил, что он так и не прояснил, откуда взялись эти деньги. Избирательная комиссия передала дело в Национальное агентство по борьбе с преступностью, считая, что имеются разумные основания полагать, что Бэнкс не был «подлинным источником» средств. Но NCA вернулось ни с чем, заявив, что не нашло никаких доказательств нарушения каких-либо законов.[3] Бэнкс привлек средства, заняв 6 миллионов фунтов у компании с острова Мэн Rock Holdings Ltd, контрольный пакет которой принадлежал ему, – заем, который, по заявлению NCA, Бэнкс по закону имел право взять. Но и Избирательная комиссия, и Transparency International раскритиковали расследование как демонстрирующее «слабость» британских законов, открывающую путь для иностранного финансирования британской политики.[4] Бэнкс неоднократно и решительно отрицал какие-либо деловые связи с Россией. Домыслы впервые поползли после того, как утекшая переписка показала, что в месяцы перед референдумом он

[1] Catherine Belton. In British PM Race, a Former Russian Tycoon Quietly Wields Influence // Reuters, 19 июля 2019 г. После публикации этой статьи адвокаты Темерко заявили, что она «неточна» и «клеветническая». Reuters заявило: «Мы отстаиваем этот материал». В статье приводятся слова Темерко о том, что его отношения с людьми в российских спецслужбах были «формальными», а не «личными». Он отрицал наличие каких-либо продолжающихся связей с российскими спецслужбами.

[2] Будущую жену Бэнкса, Екатерину Падерину, спас местный депутат Майк Хэнкок, который почти десять лет спустя оказался втянут в скандал, когда выяснилось, что одну из его парламентских помощниц, тоже молодую россиянку, депортировали из Великобритании, потому что MI5 подозревала ее в шпионаже в пользу России.

[3] Публичное заявление о расследовании NCA предполагаемых нарушений на референдуме о членстве в ЕС, 24 сентября 2019 г.

[4] Adam Ramsay. National Crime Agency Finds "No Evidence" of Crimes Committed by Arron Banks's Brexit Campaign // OpenDemocracy, 25 сентября 2019 г. Кроме того, Transparency International UK ответила в твиттере: «Уже давно ясно, что правила о политических пожертвованиях дают слабую защиту от средств из-за рубежа, но толкование, принятое правоохранительными органами в этом деле, сводит ее к нулю».

встречался с высокопоставленными российскими дипломатами и ему предлагали ряд выгодных российских деловых сделок, которые, по словам Бэнкса, он так и не осуществил.[1] Хотя конечный источник денег Rock Holdings, возможно, так и останется неустановленным, у ближайшего делового партнера Бэнкса были собственные связи. Джим Меллон, совладелец вместе с Бэнксом разросшейся Manx Financial Group (принадлежавшей Бэнксу через Rock Holdings), был одним из основателей инвестиционного фонда, заработавшего в девяностые сотни миллионов долларов на инвестициях в российский фондовый рынок. В последнее время Меллон продолжал владеть почти 20 процентами другого ориентированного на Россию фонда, Charlemagne Capital, который вплоть до конца 2016 года тесно работал как соинвестор с кремлевским суверенным фондом.[2]

Ставки на раскол делались в то время, когда Европа вступала в самый бурный период со времен окончания холодной войны.

* * *

Когда мы встречались – в Санкт-Петербурге и Москве, а позднее в Лондоне, где его сын получил британское гражданство, – Владимир Якунин любил изображать себя и путинский режим борцами за консервативные ценности, от которых Запад отказался в погоне за глобализацией. Он был добродушным патриотом, который просто не соглашается с бóльшей частью Запада.

Одна из наших первых встреч состоялась в июне 2013 года, сразу после того, как подконтрольный Кремлю российский парламент принял закон, запрещающий распространение среди несовершеннолетних «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Закон вызвал широкую критику в Европе за то, что укреплял и без того глубокую гомофобию в России: геев регулярно избивали, а позднее в Чечне их будут хватать, сажать за решетку и пытать. Но Якунин гордился этим законом и утверждал, что многие европейские политики в частных разговорах говорили ему, что хотели бы подобного законодательства. «Представители французских общественных организаций, которые выходили на демонстрации против закона об однополых браках, говорили мне, что смотрят на Россию как на единственный оплот, способный остановить этот разврат, – говорил он. – Они не рассчитывали, что их слова передадут Путину. Они не рассчитывали ни на какое вознаграждение. Они просто говорили о своем отчаянии. Я очень часто бываю в Греции. Сегодня практически нет ни одного грека, который, узнав, что ты русский, не сказал бы: "Мы рассчитываем на вас с точки зрения защиты православия". А когда я встречаюсь с западными партнерами и политиками, они говорят: мы объективно понимаем, что сегодня Россия – ведущая позитивная сила, способная удержать человечество от падения в пропасть. Это не лесть Путину. Это просто констатация факта».[3]

---

[1] Caroline Wheeler, Richard Kerbaj, Tim Shipman, Tom Harper. Revealed: Brexit Backer's Golden Connection // Sunday Times, 10 июня 2018 г.

[2] Фонд Charlemagne Capital вошел в избранную группу иностранных инвесторов, участвовавших вместе с Российским фондом прямых инвестиций в выгодном размещении акций государственной алмазной монополии «АЛРОСА» через месяц после британского референдума о выходе из ЕС. Акции «АЛРОСА» были проданы со скидкой в ходе размещения, проведенного с молниеносной скоростью. Регуляторная отчетность показывает, что на момент сделки Меллону принадлежало 19,4 процента фонда (Charlemagne Capital Limited OPD – Charlemagne Capital – Replacement // Regulatory News Service, 30 сентября 2016 г.). Меллон оставил пост неисполнительного директора фонда в конце 2016 года, когда фонд был слит с зарегистрированной на Каймановых островах Fiera Capital (Charlemagne Capital Limited Scheme Effective // Regulatory News Service, 14 декабря 2016 г.).

Эта так называемая защита «семейных» ценностей от терпимости и либерализма Запада становилась лейтмотивом путинского режима, укреплявшего поддержку среди ультраправых националистов и консерваторов в России, Европе и США. Якунин одним из первых среди близких Путину людей из КГБ демонстративно обратился в православие, проведя бóльшую часть своей карьеры на защите официально атеистического советского государства. Его фонд Андрея Первозванного щедро тратил деньги на восстановление православных монастырей и форпостов церковной империи. Константин Малофеев тоже утверждал, что защищает христианские ценности от западного разврата, и в сентябре 2014 года они с Якуниным объединили усилия, проведя в Москве мероприятие Всемирного конгресса семей – малоизвестной американской антигейской организации, налаживавшей тесные связи с влиятельным евангелическим движением Америки.[1] Малофеев сказал собравшимся – встреча прошла, несмотря на новый режим американских санкций, и в ней участвовали видные члены французского Национального фронта и австрийской ультраправой Партии свободы, – что мир наблюдает «беспрецедентный триумф православия» и что Россия – бастион, защищающий христианские ценности от секуляризма Запада.[2]

Бóльшая часть этого новообретенного религиозного рвения была на самом деле лишь прикрытием. Внутри России сращивание церкви и государства было еще одним элементом размывания любых остатков демократии; поворот правящей элиты к православию позволял ей еще жестче расправляться с любым, кто действовал вне их системы. «Я называю их православными талибами, – говорит Людмила Нарусова, вдова бывшего наставника Путина Анатолия Собчака. – Это возврат в какое-то Средневековье. Они используют религию, чтобы подорвать конституцию и основные права российских граждан».[3]

Для Якунина и других из ближнего круга Путина эта тактика была давно привычной. Когда Якунин начинал службу в КГБ, он пришел в подразделение, боровшееся с диссидентами, с геями, со всеми, кто думал иначе.[4] Теперь та же тактика применялась для проникновения в западную политику. Связь со Всемирным конгрессом семей была одним из инструментов, позволивших путинским людям совершить прыжок к американским консервативным правым. Якунин также налаживал тесные связи с Даной Рорабахером, конгрессменом-республиканцем, ставшим известным своими пропутинскими взглядами[5], а Малофеев и Серж де Пален через движение против абортов выстраивали отношения с Рэндом Полом – сенатором-республиканцем, отец которого, либертарианец Рон Пол, вдохновлял «Движение чаепития».[6]

---

[3] Интервью автора с Якуниным, июнь 2013 г.

[1] См.: Josh Craddock. Russia Positions Herself as "Light to the World" During Pro-Family Conference // Aleteia (католическое онлайн-издание), 23 сентября 2014 г.; Anton Shekhovtsov. A Rose by Any Other Name: the World Congress of Families in Moscow, http://antonshekhovtsov.blogspot.com/2014/09/a-rose-by-any-other-name-world-congress.html?m=1. Всемирный конгресс семей в последний момент снял свое название с мероприятия из-за режима американских санкций, но все его руководители тем не менее приехали. См. также: Casey Michel. How Russia Became the Leader of the Global Christian Right // Politico, 9 февраля 2017 г.

[2] Craddock. Russia Positions Herself as "Light to the World" During Pro-Family Conference.

[3] Интервью автора с Нарусовой, июнь 2014 г.

[4] Интервью автора с Якуниным, ноябрь 2016 г.

[5] Там же.

[6] Интервью автора с Малофеевым, апрель 2014 г.

Эта тактика вновь была позаимствована из учебника советских времен, когда КГБ внедрялся в американское антиядерное движение и в протесты против войны во Вьетнаме. Но теперь союзники Путина обращались к примитивному популизму, к предрассудкам против иммигрантов и меньшинств. Это было соблазнительное послание для многих, кто чувствовал себя брошенным в гонке глобализации и мультикультурализма и тосковал по, казалось бы, более простым временам, – а число таких людей росло с тех пор, как финансовый крах 2008 года увеличил разрыв между богатыми и бедными.

Но даже Якунину приходилось признавать, что то, что он называл «битвой цивилизаций», на самом деле было лишь новым идеологическим прикрытием все той же старой геополитической борьбы за превосходство, которую Россия вела против Запада с начала холодной войны: «Если раньше это была битва двух идеологий – коммунистической против капиталистической… то сегодня это конфликт идей гуманистического общества традиций против абсолютного потребительства. Не буду с вами спорить, – сказал он, – что эта битва используется Россией для восстановления своего глобального положения. Конечно, битва идей – это всегда форма государственной политики и должна преследовать конкретную цель. Но я должен вернуться к мюнхенской речи Путина», – сказал он, не удержавшись от упоминания момента в 2007 году, когда Путин впервые перечислил глубокие обиды своего кагэбэшного клана на Запад: расширение НАТО к границам России, систему ПРО в Румынии и Польше и череду «цветных революций», развернувших бывшие советские республики на Запад. «Путин тогда открыто сказал, что беспокоит Россию. Он этого не скрывал. Он никуда не посылал российские спецслужбы… Он вышел и сказал: "Ребята, вот что нас беспокоит. Это несправедливо". И после этого его сделали изгоем. Его отвергли. Понимаете?»[1]

В этом и состояло объяснение растущей активности России, мотив кремлевских усилий по расколу и дезорганизации Запада, по разрушению порядка, сложившегося после холодной войны. Путин просил для России место за главным столом глобальной безопасности и чувствовал, что его демонстративно проигнорировали. Пока Барак Обама делал шаги навстречу Дмитрию Медведеву во время его президентства, американская администрация держалась на расстоянии от Путина и его силовиков, словно надеясь отправить их в прошлое. Путин считал, что США приложили руку к разжиганию протестов против него, когда он вернулся к власти.

В мюнхенской речи Путин предупреждал, что Западу следует обратить внимание на подъем развивающихся экономик России, Индии и Китая. Запад всегда считал российскую экономику безнадежной сырьевой экономикой, не способной на рост производительности западного уровня. Но смотреть на Россию через эту призму значило упускать из виду краткосрочные амбиции путинских силовиков. Их не особенно заботило экономическое благополучие народа их страны – лишь бы экономика была достаточно прочной, чтобы позволить им удерживать власть и проецировать силу по всему миру. ВВП России теперь составлял 1,6 триллиона долларов, а у путинских людей из КГБ на офшорных банковских счетах было припрятано вдвое меньше этого или больше.

Якунин любил время от времени высказывать эту мысль, хотя и старался делать это несколько тоньше. Он рассказывал, как в начале президентства Путина он и его ближний круг встретились со Збигневом Бжезинским, советником США по национальной безопасности времен холодной войны, который, огорченно покачав головой, упомянул о миллиардах

[1] Интервью автора с Якуниным, февраль 2017 г.

долларов, которые российская элита держит на зарубежных счетах. Бжезинский спросил: если все эти деньги на счетах на Западе, то чья же это тогда элита? – намекая, что она теперь под контролем Запада. Русские пришли в ярость от таких слов ветерана холодной войны. Но теперь, тихо сказал Якунин, «фон изменился».[1] Эти деньги теперь по большей части находились под контролем путинских людей.

Некоторые комментаторы предполагали, что утечка «Панамского досье» с подробностями о банковских счетах путинских приближенных стала причиной, по которой Путин начал вмешиваться в западную политику. Но это значит упускать главное. Битва путинских людей из КГБ с Западом назревала задолго до того. Ее готовили еще до распада Советского Союза, когда части КГБ стремились сохранить свои сети после перехода к рыночной экономике, помогая группировкам, которые впоследствии будут плести интриги и способствовать восхождению Путина к власти.

«Буш объявил о победе в холодной войне, и все, – говорит Якунин. – Раз они победители, они решили, что могут диктовать. Но вдруг оказалось, что не все готовы жить по этому порядку. Усилия Путина были с ходу отвергнуты. Теперь мы все пожинаем плоды этой недальновидной политики Запада». Санкции, введенные Западом после вторжения России на Украину, лишь углубили и ускорили противостояние, сказал он. «Вы хорошо знаете русских. Мы можем быть ленивыми, можем быть пьяными. Можем колоть себя до крови. Но как только появляется внешняя угроза, это записано в нашем генетическом коде, независимо от того, молоды мы или стары: мы даем отпор. Санкции сделали для объединения российского общества больше, чем любая информационная кампания Кремля. С какой стати нам просто сидеть и утираться, когда в нас плюют? Введение санкций было как объявление войны».[2]

* * *

По мере того как Россия все глубже погружалась в противостояние с Западом, некоторые в администрации Обамы все больше тревожились по поводу возможностей путинского режима. Одним из самых громких голосов в то время был вице-президент Джо Байден, предупреждавший, что Кремль обрел способность направлять лояльных олигархов на проведение геополитических стратегических операций и использует коррупцию как силу для подрыва демократических режимов. «Коррупция – новый инструмент внешней политики, – говорил Байден. – Никогда еще она не была столь удобна и полезна в руках государств, стремящихся дестабилизировать, и олигархов, которые им подчиняются. Она – как криптонит для функционирующей демократии… Ставки стратегические, а не только экономические, потому что Россия и другие используют коррупцию и олигархов как инструменты принуждения».[3]

Для западных экспертов по России наступало постепенное прозрение. В Министерстве юстиции США и ФБР первые настоящие сигналы тревоги о подлинной природе путинского режима прозвучали в ноябре 2006 года, когда в Лондоне мучительной смертью от отравления полонием умер Александр Литвиненко – бывший офицер ФСБ, близкий к Борису Березовскому, – а затем в ходе расследования в отношении российской мафии в Испании, над которым работал Литвиненко. Там при его помощи прокуратура накрыла российскую сеть по

[1] Интервью автора с Якуниным, ноябрь 2016 г.

[2] Интервью автора с Якуниным, февраль 2017 г.

[3] Joseph Biden. Brookings Hosts Vice President, Joe Biden, for Remarks on the Russia–Ukraine Conflict // Brookings Institution, 27 мая 2015 г., https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2015/05/20150527_biden_transcript.pdf.

отмыванию денег, в которой участвовали ведущие члены тамбовской преступной группировки, с которой Путин тесно работал в петербургские годы. То, что они обнаружили, в том числе из прослушки телефонных разговоров мафиози, ошеломляло. Главари группировки, среди которых был Геннадий Петров, бывший акционер банка «Россия», постоянно контактировали с руководящими представителями российских правоохранительных органов. Один звонок им мог отвести российское расследование, подобравшееся слишком близко, другой – помочь надавить на таможенников, чтобы те пропустили грузы через петербургский морской порт, по-прежнему остававшийся воротами для поставок наркотиков в Европу. Платежи высокопоставленным силовикам позволяли арестовывать соперников и удалять компрометирующие данные из государственных баз, а Петров регулярно общался с российским министром обороны, тоже петербуржцем.[1]

Россия, сказал своим коллегам из Министерства юстиции США испанский прокурор, возглавлявший расследование, – это «фактически мафиозное государство».[2] Союз, зародившийся в петербургской мэрии, распространил свою власть на всю Россию, а организованная преступность переплелась с высшими уровнями спецслужб. Деятельность тамбовской группировки в Испании включала наркоторговлю и контрабанду оружия: ее форпост там, по словам бывшего офицера военной разведки Антона Сурикова, был ключевым для контроля над черными каналами продажи оружия в Сирию и Иран.[3]

Растущая тревога по поводу сращивания российской организованной преступности с высшими эшелонами власти совпала с растущим осознанием деятельности российской разведки на Западе. В 2010 году ФБР задержало десять россиян, обвинив их в работе на российскую внешнюю разведку, в том числе огненно-рыжую роковую женщину Анну Чапман, которая вела в Нью-Йорке онлайн-бизнес по продаже недвижимости, все это время пытаясь выйти на политические контакты высшего уровня. Восьмерых из них обвинили в работе под глубоким прикрытием в качестве «нелегалов», живших под вымышленными именами и внешне обычной американской жизнью. Многие комментаторы отмахнулись от деятельности шпионской сети как от свидетельства лишь того, насколько деградировали возможности российской внешней разведки после окончания холодной войны. Но для бывших западных разведчиков эта история была знаком того, что сети российской внешней разведки далеко не мертвы. Задержанная группа была лишь «верхушкой айсберга», говорит один из них.[4] «Число российских разведчиков в США гораздо выше, чем кто-либо думал», – говорит другой.[5]

Но администрация Обамы, по-прежнему нацеленная на «перезагрузку» отношений с Россией, начатую в президентство Медведева, предпочла отмахнуться от многих опасений экспертов. «Был реальный интерес к перезагрузке, – говорит Фрэнк Монтойя-младший,

[1] Согласно стенограммам прослушанных разговоров, полученным автором и входящим в материалы дела испанской прокуратуры. См. также: Анастасия Кириленко. «Перехваченные звонки раскрывают связи тамбовской группировки с главой Службы экономической безопасности ФСБ и прокурором Санкт-Петербурга» // The Insider, 8 января 2019 г. Для Майкла Карпентера, тогда помощника Байдена по России, это расследование стало настоящим переломным моментом в понимании того, как устроена путинская Россия. «Это был ключевой момент, подчеркнувший сращивание российской организованной преступности со структурами государства» (интервью автора, январь 2018 г.).

[2] См. телеграмму WikiLeaks о Гринде: https://wikileaks.org/plusd/cables/10MADRID154_a.html.

[3] Интервью автора с Антоном Суриковым, сентябрь 2009 г.

[4] Интервью автора, январь 2018 г.

[5] Интервью автора с бывшим высокопоставленным западным разведчиком, октябрь 2016 г.

тогдашний глава контрразведывательного подразделения ФБР. – Отчасти он основывался на мысли, что можно попытаться влиять через Медведева и мир будет другим».[1]

К тому времени, когда в 2015 году прозвучало предупреждение вице-президента Байдена, миру вскоре предстояло обнаружить, что угроза единству Запада гораздо глубже, чем он предполагал. Слабости западной политической системы оставили глубокий отпечаток в обществе. Растущее неравенство и политика жесткой экономии, последовавшая за финансовым кризисом 2008 года, сделали Запад широко открытым для агрессивной новой тактики России по подпитке ультраправых и ультралевых. «Мы видели новую дерзость в Грузии, Крыму и Прибалтике, – говорит Монтойя. – Было много опасений, что они могут обернуться против нас. Но от этого отмахивались, потому что они никогда такого не делали. А потом вдруг все взорвалось».

Когда 24 июня 2016 года Великобритания проснулась от ошеломляющего результата референдума, на котором большинство высказалось за выход из Европейского союза, порядок после холодной войны вступил на неизведанную территорию. В США предстоящие президентские выборы тоже превращались в референдум о существующем порядке. Широко распространенное ощущение того, что правящая элита бросила и забыла американскую глубинку и рабочий класс, открыло путь к тому, чтобы ведущим кандидатом от республиканцев стал магнат недвижимости и знаменитость. «Если Дональд Трамп победит, он похоронит ЕС, – говорил Александр Темерко, бывший российский оружейный магнат, выстроивший тесные связи с ведущими деятелями кампании за выход в Великобритании. – Это будет конец трансатлантического союза».[2]

[1] Интервью автора с Фрэнком Монтойей-младшим, июль 2019 г.

[2] Интервью автора с Темерко, июнь 2016 г.

ГЛАВА 15

Сеть и Дональд Трамп

«Вы на Западе думаете, что играете с нами в шахматы. Но вы никогда не выиграете, потому что мы не играем ни по каким правилам».

Российский мафиози – своему адвокату

«Однажды советского агента послали в Великобританию, и у него кончились деньги. Его ввели в круг игроков в покер, и он решил играть, чтобы поправить свое положение. Он заметил, что когда играешь в покер в Великобритании, карты обычно не проверяют и не показывают. Тебе верят на слово, как джентльмену. Он начал выигрывать, потому что никто не проверял его карты. Он выигрывал большие деньги. Здесь та же ситуация».

Российский магнат, бывший среди первой волны нелегалов, отправленных на Запад в годы перестройки

Когда Шалва Чигиринский впервые встретил Дональда Трампа в казино «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити в ноябре 1990 года, он прожил на Западе уже больше трех лет.[1] Он уехал из России еще до падения Советского Союза: правительство разрешило ему воссоединиться с женой, испанской гражданкой, выросшей в Советском Союзе, а затем отпущенной на родину в волне репатриации начала восьмидесятых. Но этот якобы брак, по собственному признанию Чигиринского, был фикцией. Задолго до отъезда из Советского Союза он подружился с двумя светилами советской внешней разведки. Он рассказывал людям, что КГБ так преследовал его за бизнес на черном рынке, что пять лет он вообще не пользовался телефоном. Но на самом деле руководитель российской разведки Евгений Примаков был ему как отец, а бывшего руководителя советской военной разведки в Соединенных Штатах Михаила Мильштейна он называл «Профессором» и часто бывал у него дома. «Он был генералом, и он был также моим другом, – говорил мне Чигиринский. – Он меня очень любил, а я любил спорить с ним об истории».[2]

Чигиринский, этнический грузин с густой гривой темных волос и благородной осанкой, выучился в Москве на врача, но его бизнесом была контрабанда антиквариата: он продавал на Запад старинные иконы, картины и другие ценности. Пока одно подразделение КГБ преследовало его за деятельность на черном рынке, лучшие умы внешней разведки поощряли и опекали его, а затем помогли отправить на Запад. Эта раздвоенность отражала более широкий раскол в советских спецслужбах, когда, начиная со времен бывшего председателя КГБ Юрия Андропова, прогрессисты продвигали переход к рынку и готовились к нему как к единственному способу выжить в соперничестве с Западом, а старая гвардия сопротивлялась любым признакам перемен. Прогрессисты выращивали сеть агентов на черном рынке и через них выводили антиквариат, а затем сырье. Они обратились к сетям организованной преступности, которые с волной эмиграции, разрешенной в конце семидесятых и начале восьмидесятых, отправили своих представителей, открывших торговые фирмы в Австрии и Швейцарии, а затем и дальше на Западе. Такие силовики, как Примаков в московском Институте мировой экономики и Михаил Мильштейн в Институте США и Канады,

[1] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[2] Там же.

возглавляли продвижение реформ.[1] Когда Советский Союз рухнул под неистовым напором перемен и потоком активов на Запад, прогрессисты из КГБ были в какой-то мере готовы. Их агенты уже были внедрены, а созданные ими денежные сети – по крайней мере отчасти – все еще оставались под их контролем.

Чигиринский никогда прямо не признавал, что был частью этого процесса. Но история о том, что он уехал из России к жене, была не более чем легендой, а то, с какими людьми он водил знакомство, прокладывая себе путь в бизнесе по ту сторону железного занавеса, указывало на высокопоставленную поддержку.[2] Он утверждал, что первые месяцы после отъезда из Советского Союза в 1987 году жил в бедности: «Я два месяца спал на полу в квартире друга».[3] Но в том же году он создал одно из первых советских совместных предприятий со своей базой в Западном Берлине, по другую сторону Стены, через которую он начал сновать туда-обратно, переправляя сигареты и алкоголь на советские военные базы на Востоке. Он снимал маленькую квартиру над казино, которым управляли советские эмигранты, рядом с Курфюрстендаммом, главной улицей Западного Берлина, и вскоре стал завсегдатаем парадных залов отеля «Бристоль», рядом с которым открыл офис. В западной части Берлина у него была высокопоставленная защита: он подружился с советским консулом Рудольфом Алексеевым. В год падения Стены Чигиринский вместе с Алексеевым и другими советскими официальными лицами присутствовал на праздновании Дня Победы 9 мая в берлинском Шпандауском замке.[4]

К тому времени, когда в ноябре 1990 года он встретил Дональда Трампа, Чигиринский уже преуспел. Созданное им совместное предприятие – почти в точности следуя запискам КГБ о переходе к рыночной экономике – расширилось на торговлю компьютерами, а затем на строительство. Его контракт на строительство первого в Москве бизнес-центра для иностранных компаний, где должна была разместиться французская энергетическая компания Elf Aquitaine, заставил глаза его партнеров в советском МИДе увлажниться от радости. Они могли не только пристально следить за своими иностранными арендаторами, но и получать от них огромные суммы. Чигиринский был уже достаточно богат, чтобы считаться тем, кого в индустрии казино называют «хайроллером», и, войдя в трамповский «Тадж-Махал» в Атлантик-Сити, он остался доволен увиденным. «Тадж-Махал» был огромным тридцатидевятиэтажным дворцом, увешанным люстрами и золотом, увенчанным луковичным куполом. Там были сотни игровых столов, элегантные лаунджи, рестораны и бары. «Я впервые увидел его около трех часов ночи, – вспоминал Чигиринский. – Вдруг появился Трамп, а вокруг него человек сорок. Мы были там три-четыре дня, и каждую ночь он появлялся в три-четыре часа утра. Это был неповторимый проект. Огромная операция. Он потратил на это огромные деньги. Трамп был таким привлекательным человеком. Очень лощеный и полный

[1] «В узком кругу они были откровенны и работали над путями реформ. Трещины были уже видны. Это было очень интересное время», – говорит Чигиринский.

[2] Он познакомился в Женеве с Брюсом Раппапортом, швейцарским банкиром, через которого проходило столько советских нефтяных денег. Он встречался с Марком Ричем, скандальным металлотрейдером, с которым Советы тоже имели дела в последние годы Советского Союза, и был представлен Альфреду Таубману, владельцу аукционного дома Sotheby's, с которым крепко подружился. Чигиринский также говорил, что устроил на подмосковной даче Мильштейна историческую первую встречу между новым послом Израиля в России, легендарным генералом Хаимом Бар-Левом, первым советским послом в Израиле Александром Бовиным и своим наставником Михаилом Мильштейном, бывшим руководителем советской военной разведки.

[3] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[4] Интервью автора с Чигиринским, июль 2018 г.

энергии. Мы играли в казино. У нас к тому времени уже были деньги. Большие деньги. Трамп показал нам "Тадж-Махал" – где кассовая комната, где сейф, где компьютеры и все остальное. Он жил там, и вокруг него было много красивых девушек».[1]

Отношения, которые Чигиринский начал выстраивать с Трампом в ту ночь, станут корнями сети российских разведчиков, магнатов и людей, связанных с организованной преступностью, вращавшейся вокруг Трампа почти с тех пор. Среди людей, связанных с Чигиринским, были грузин Тамир Сапир, его деловой партнер Сэм Кислин и азербайджанец Арас Агаларов, создавшие одни из первых советско-американских совместных предприятий и американских торговых операций еще до падения Советского Союза. Они были частью взаимосвязанной паутины фигур, ставшей свидетельством неувядающей силы сетей черного нала, созданных в последние годы коммунистического режима. Некоторые из них позднее присоединились к Трампу в проектах в сфере недвижимости, помогая выручить его, когда он оказывался в финансовых трудностях, и маня перспективой выгодных строительных сделок в Москве, а Агаларов организовал для него в 2013 году конкурс «Мисс Вселенная» в Москве. Они были среди тех, кто, по словам Юрия Швеца, позднее помог «спасти Трампа от банкротства».[2]

Денежные потоки, проходившие через часть этой сети в бизнес Трампа, еще предстоит полностью раскрыть – они остаются в центре правового противостояния между Trump Organization и Конгрессом по поводу того, какие документы могут быть раскрыты. Но некоторые контуры влияния Москвы на Трампа проследить можно. Чигиринский, Агаларов, Сапир и его деловой партнер Кислин были среди тех, кто стоял в авангарде первых экспериментов КГБ по перекачке денег на Запад. Они действовали в полутьме между российскими спецслужбами и мафией, где каждая сторона использовала другую в своих интересах. О Чигиринском ходили слухи, что он связан с Солнцевской преступной группировкой, которая в конце восьмидесятых становилась самой могущественной в России, имела связи на вершине московского правительства и с которой работал Семен Могилевич, перекачивая деньги на Запад для КГБ и мафии.[3] Чигиринский всегда отрицал какие-либо связи с организованной преступностью («Нет такой вещи, как организованная преступность, – говорил он. – Есть просто группа людей, которые поддерживают и защищают друг друга»). Но он признавал, что знал Могилевича, а также еще одного из его близких соратников.[4] Другие члены той же сети тоже были тесно связаны с группировкой.

Чигиринского пригласил познакомиться с Трампом в тот вечер один из ведущих игроков индустрии казино Атлантик-Сити – юрист Мартин Гринберг, который в начале восьмидесятых составлял законы о казино штата Нью-Джерси, а затем стал президентом одного из крупнейших казино штата, Golden Nugget.[5] Гринберг впервые встретился с Чигиринским годом раньше, в 1989 году, как раз когда прогрессисты во внешней разведке КГБ форсировали планы перевода богатств Коммунистической партии в убежища за рубежом.[6] Вместе с Альфредом Лучани, помощником генерального прокурора, тоже работавшим над

[1] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[2] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.

[3] О предполагаемых связях Лужкова с Солнцевской группировкой говорилось в телеграмме посольства США в Москве от 12 февраля 2010 года, обнародованной WikiLeaks: https://wikileaks.org/plusd/cables/10MOSCOW317_a.html.

[4] Интервью автора с Чигиринским, октябрь 2019 г.

[5] Интервью автора с Чигиринским, апрель 2019 г.

законами о казино Нью-Джерси, а затем ставшим исполнительным вице-президентом Golden Nugget, Гринберга привлекли к деловым разговорам с Чигиринским слухи о легендарных богатствах Коммунистической партии.[1] Все трое встретились в увядающем великолепии советского курорта Ялта на Крымском полуострове и обсуждали возможные инвестиции, в том числе, возможно, строительство там советского казино. Но американцы также «искали инвестиции в свои казино», говорит Чигиринский. «Они слышали миф о партийных деньгах и решили, что казино будут для них хорошим пристанищем».

Чигиринский отрицал, что переговоры привели к каким-либо инвестициям. («Американский бизнес слишком прозрачен. Ничего нельзя сделать», – говорил он.) Но вскоре после этого он приехал в Атлантик-Сити с одним из своих друзей из внешней разведки, и Гринберг отвел его в «Тадж-Махал» и представил Трампу.[2] К тому времени Чигиринский вступил в деловое партнерство с сыном человека, которого он называл «Профессором», – бывшего руководителя российской военной разведки в США Михаила Мильштейна, обучившего целые поколения будущих разведчиков. Его сын Вадим официально был экономистом[3], но он создал и бюро переводов, похожее на прикрытие, среди деловых партнеров которого были бывший боец элитного спецподразделения КГБ «Альфа» и бывший советский представитель при ООН.[4]

В то время, когда он встретил Чигиринского, Трамп вложил в строительство «Тадж-Махала», который он любил называть «восьмым чудом света», столько денег – более 1 миллиарда долларов, – что был по уши в долгах и стоял на пороге банкротства.[5] Чигиринский вспоминал, как тот говорил, что бизнес казино – «борьба в гору». Позднее Трамп рассказал журналу New York, что в 1990 году его долг составлял 5 миллиардов долларов, из них 980 миллионов – по личным гарантиям. «Я стоил минус 900 миллионов», – сказал он. Рынок недвижимости вошел в спад, и он рассказывал журналу, как, гуляя со своей тогдашней женой Марлой Мейплз, гламурной блондинкой, победительницей конкурсов красоты, показал на слепого нищего у Tiffany в Нью-Йорке и сказал ей: «Как тебе понравится узнать, что сегодня он стоит на 900 миллионов больше меня?»[6]

Но к 1992 году Трамп добился поразительного разворота. Он сократил свои личные гарантии до 115 миллионов долларов, распродав ряд яхт и самолетов, и каким-то образом договорился о реструктуризации остальных долгов.[7] В июле 1991 года «Тадж-Махал» вступил в процедуру заранее согласованного банкротства, но Трампа выручили держатели облигаций,

---

[6] Там же; интервью автора с женой Мартина Гринберга, май 2019 г., которая подтвердила, что ее муж ездил в Советский Союз с Альфредом Лучани и что оба работали над составлением правил для казино Атлантик-Сити: Гринберг впоследствии стал президентом Golden Nugget. Интервью автора с Гаем Майклсом, бывшим коллегой по юридической фирме, подтвердившим, что Гринберг впоследствии представлял держателей облигаций при реструктуризации «Тадж-Махала». Лучани не ответил на просьбу о комментарии.

[1] Интервью автора с Чигиринским, апрель 2019 г.

[2] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[3] Там же; официальное подтверждение их партнерства см.: Николай Сергеев. «Умер глава "Евихона"» // Коммерсант, 11 апреля 2014 г.

[4] Официальные регистрационные данные бюро переводов ООО «Линкон» показывают, что Чигиринский тоже был партнером.

[5] Chapter 11 for Taj Mahal // Reuters, 18 июля 1991 г.

[6] Julie Baumgold. Fighting Back: Trump Scrambles off the Canvas // New York Magazine, 9 ноября 1992 г.

[7] Там же.

согласившиеся отсрочить выплаты по его долгам, если он отдаст им 50 процентов казино.[1] В этом процессе ему помогли два титана Уолл-стрит: владелец хедж-фонда Карл Айкан и Уилбур Росс, возглавлявший подразделение банкротств инвестиционного банка N. M. Rothschild.[2] По сообщениям, вместе они помогли загнать держателей облигаций в сделку. Связь здесь была и у того самого Мартина Гринберга, который познакомил Чигиринского с Трампом: он представлял держателей облигаций при реструктуризации; Чигиринский, со своей стороны, признавал, что знает Айкана.[3]

Участвовал ли Чигиринский в пакте держателей облигаций «Тадж-Махала», мы, возможно, никогда не узнаем. (Он настаивал, что никогда не инвестировал в «Тадж-Махал», но в какой-то момент, когда мы говорили о финансовых трудностях, с которыми казино столкнулось в то время, он говорил о бизнесе почти как о своем собственном. «Мы никогда не занимались этим бизнесом, – сказал он. – Мы тогда не все понимали в этом бизнесе».[4]) Как бы то ни было, дела в «Тадж-Махале» вскоре вновь пошли в гору. К сентябрю 1992 года Трамп хвастался рекордной прибылью заведения три месяца подряд: только за два предыдущих месяца было получено более 80 миллионов долларов.[5] Российские эмигранты валили туда толпами почти с самого открытия, привлеченные блеском, именем Трампа и выступавшими там российскими поп-звездами. Российские хайроллеры выкладывали по 100 тысяч долларов за визит и получали особое обращение, предназначенное для привилегированных клиентов[6], – роскошные гостиничные номера, бесплатную еду и выпивку, услуги шофера на лимузинах или даже вертолетах. «Тадж-Махал» был также местом, где мало кто задавал вопросы, и он стал излюбленной площадкой для отмывания денег. Позднее Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов США установила, что казино регулярно не сообщало о подозрительных операциях и не подавало отчеты, которые было обязано подавать всякий раз, когда клиент проигрывал более 10 тысяч долларов за двадцать четыре часа.[7]

Оно стало излюбленным местом Вячеслава Иванькова, или «Япончика», – наводившего страх соратника Солнцевской группировки с ледяными глазами и буйным нравом, который в марте 1992 года прибыл в Нью-Йорк после того, как Могилевич в партнерстве с КГБ помог ему досрочно выйти из российской тюрьмы, где он отсидел десять лет за подделку документов и

[1] Taj Mahal is Out of Bankruptcy // New York Times, 5 октября 1991 г.; подробнее о реструктуризации см. судебное обсуждение соглашения о заранее согласованном банкротстве в Комиссии по контролю над казино штата Нью-Джерси: https://www.washingtonpost.com/wp-stat/graphics/politics/trump-archive/docs/trump-financial-stability-hearing–vol-iv-6-18-1991.pdf.

[2] Josh Kosman. Icahn, Ross Saved Trump Brand from Taj Mahal Casino Mess // New York Post, 25 ноября 2016 г.; о роли Айкана см. также указанное выше слушание.

[3] О представительстве держателей облигаций Мартином Л. Гринбергом см. судебное обсуждение соглашения о заранее согласованном банкротстве в Комиссии по контролю над казино штата Нью-Джерси: https://www.washingtonpost.com/wp-stat/graphics/politics/trump-archive/docs/trump-financial-stability-hearing–vol-iv-6-18-1991.pdf.

[4] Интервью автора с Чигиринским, апрель 2019 г.

[5] Baumgold. Fighting Back.

[6] Robert I. Friedman. Red Mafia. Little, Brown, 2000, pp. 132–133; см. также: The Tri-State Joint Soviet-Émigré Organized Crime Project, https://www.state.nj.us/sci/pdf/russian.pdf.

[7] Jose Pagliery. Trump's Casino was a Money Laundering Concern Shortly After it Opened // CNN, 22 мая 2017 г.; см. также документы Министерства финансов об урегулировании между FinCEN и Trump Taj Mahal Associates, полученные CNN: https://assets.documentcloud.org/documents/3727001/Responsive-Docs-for-17-205-F-Pagliery.pdf; хорошо об этом также: Seth Hettena. Trump/Russia: A Definitive History. Melville House, 2018, pp. 25–27.

наркоторговлю.[1] ФБР считало, что Япончик руководит международной преступной организацией со своей базы на Брайтон-Бич, занимаясь наркотиками, вымогательством и убийствами и курируя американские интересы Солнцевской группировки.[2] В конце концов агенты выследили его в роскошной квартире в Trump Tower на Манхэттене, а затем в «Тадж-Махале», который он посетил девятнадцать раз за время наблюдения в марте – апреле 1993 года, проиграв там 250 тысяч долларов.[3]

Трамп пережил первую угрозу банкротства, и русские были среди тех, кто ему в этом помог. «Тадж-Махал» стал таким популярным местом у российских эмигрантов, что там снимали часть российского фильма – комедии, в которой фигурировало казино, принадлежащее русской мафии.[4]

Пока Трамп выбирался из почти-банкротства, Чигиринский держался рядом. Он сблизился с владельцем Sotheby's Альфредом Таубманом и его зятем Луисом Дюбином, нью-йоркским девелопером, дружившим с Трампом.[5] Он нанял одну из высших руководителей Трампа, Луизу Саншайн, бывшую исполнительным вице-президентом Trump Organization, и едва не купил Мар-а-Лаго – дворцовое поместье Трампа в Палм-Бич во Флориде: по его словам, он отказался, потому что Таубман предупредил, что там слишком много низко летающих самолетов. Он водил знакомство со Стивом Уинном, владельцем казино Golden Nugget, бывшим сначала соперником, а затем близким другом Трампа.

Сотни миллионов долларов, заработанные обаятельным и непринужденным Чигиринским по мере расширения его бизнеса в Москве, открыли ему легкий доступ в американское высшее общество.[6] Он работал в тесном сотрудничестве с московским правительством Юрия Лужкова и даже делил офис с высокопоставленными чиновниками нового городского строительного департамента. Вместе с Мильштейном и Еленой Батуриной, женой московского мэра, он стал совладельцем Московского нефтеперерабатывающего завода, снабжавшего бóльшую часть города и области по выгодному контракту с ВР.[7] Завод по контракту должен был продавать экспорт нефтепродуктов на сумму не менее 800 миллионов долларов через загадочного соотечественника и соратника Чигиринского, грузина Тамира Сапира в Нью-Йорке.[8]

Сапир эмигрировал из Советского Союза в Нью-Йорк в 1975 году и стал первопроходцем первых поддерживаемых КГБ операций по торговле нефтью.[9] Сначала он работал таксистом, а затем снабжал избранную клиентуру из советских чиновников и

[1] Доклад ФБР об империи Могилевича, полученный автором.

[2] Аффидевит Лестера Макнолти, специального агента ФБР, в Окружном суде США по Южному округу Нью-Йорка, 31 марта 1995 г.

[3] См.: Hettena. Trump/Russia, p. 27; фрагмент документа ФБР о визитах Иванькова в «Тадж-Махал» см. в блоге Хеттены: https://trumprussia.com/2017/10/06/the-russian-gangster-who-loved-trumps-taj-mahal/.

[4] Фильм «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди» можно найти в интернете на Yandex.ru.

[5] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[6] В 2008 году Forbes оценивал его состояние в 2,5 миллиарда долларов.

[7] Екатерина Дранкина. «Московская нефтяная выходит на рынок» // Эксперт, 24 апреля 2000 г.

[8] Matthew Swibel. The Boomerang Effect: Billionaire Tamir Sapir Earned a Bundle Exploiting Russia. Now Crony Capitalism is Getting the Better of Him // Forbes, 17 апреля 2006 г.

[9] Motoko Rich, William Neuman. $40 Million Buys Ex-Cabby His Own Corner of 5th Avenue // New York Times, 10 января 2006 г.; Dan Morrison. A Man of Many Interests // Newsday, 31 декабря 2000 г.

офицеров КГБ новейшей американской электроникой. В те годы он работал из магазина Joy Lud в центре Манхэттена, среди покупателей которого были министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и Евгений Примаков. Но магазин стал прикрытием для гораздо более крупной операции, принесшей Сапиру выгодные лицензии на торговлю большими объемами советских удобрений и нефтепродуктов. Вскоре он стал миллиардером. Его партнером по бизнесу был Сэм Кислин – широкогрудый эмигрант из украинского портового города Одессы, торговавший также металлами с Михаилом Черным, одним из первых предполагаемых мафиози, перекачивавших советские богатства через связанные с КГБ фирмы. Ни тот ни другой не смог бы вести такие операции из Нью-Йорка без явной поддержки и участия КГБ.[1] Кислин, по его более поздним словам, познакомился с Трампом еще в семидесятые, когда дал Трампу кредит на семьсот телевизоров.[2]

Позднее Сапир и деловой партнер Кислина, бывший советский чиновник внешней торговли Тевфик Ариф, объединят силы, чтобы профинансировать строительство Trump Tower в манхэттенском Сохо как раз тогда, когда Трамп больше всего нуждался в деньгах. Кислин же завязал тесные отношения с мэром Нью-Йорка Руди Джулиани, впоследствии личным адвокатом Трампа.

Агаларов

Московский миллиардер, который позднее пригласит Трампа провести в Москве конкурс красоты «Мисс Вселенная» 2013 года – и организует роковую встречу Трампа с загадочным московским адвокатом, обещавшим компромат на кандидата в президенты Хиллари Клинтон, – был протеже Чигиринского, строительный магнат Арас Агаларов. Представительный бывший партийный работник, родившийся в советском Азербайджане, Агаларов был выбран для создания еще одного из первых советских совместных предприятий в соответствии с записками КГБ о переходе к рыночной экономике. Он был среди немногих, кому КГБ разрешил выехать в США, где в 1989 году основал советско-американское совместное предприятие Crocus International. «Он мой ученик, – говорит Чигиринский. – Я давно его знаю».[3] Чигиринский тут же поспешно пояснил, что имел в виду: он научил Агаларова всему, что знал о строительном бизнесе. Но бóльшую часть девяностых, прежде чем заняться строительством в Москве, Агаларов оставался в США, руководя экспортно-импортным бизнесом из небольшого офиса в центре Манхэттена, а затем в Нью-Джерси.

Агаларов, по словам Юрия Швеца, по-видимому, был еще одним из агентов, завербованных КГБ в последние годы Советского Союза для перекачки денег на Запад.[4] «В те дни любое советско-американское совместное предприятие могло быть создано только с одобрения КГБ, – говорит Швец. – Мой профессиональный анализ с точки зрения методов

[1] Черный сказал мне в интервью в мае 2007 года, что им всегда приходилось сотрудничать с элементами КГБ – иначе в бизнесе тогда было не пробиться: «Тебя заставляли продавать через государственные структуры. Приходилось платить государственному рэкету. Что тогда был черный рынок? Это был просто серый бизнес. Я был вне системы, но всегда ходил по краю закона».

[2] В интервью российскому государственному телеканалу НТВ в сентябре 2019 года Кислин хвастался дружбой с Трампом, утверждая, что несколько раз кормил его борщом, и рассказывал, как в семидесятые дал Трампу кредит на 700 телевизоров. www.ntv.ru/video/1771880.

[3] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[4] Интервью автора с Юрием Швецом, бывшим высокопоставленным офицером внешней разведки КГБ, май 2018 г. Агаларов от комментариев отказался.

работы российских спецслужб показывает, что он был завербован». Как и многие руководители совместных предприятий того времени, Агаларов и его партнеры начинали с ввоза в Советский Союз остро необходимой компьютерной техники. Затем, после распада Советского Союза, они расширились на ввоз в Россию потребительских товаров, в том числе из Китая.[1] Агаларов приобрел также долю в крупнейшем в Европе открытом рынке – Черкизовском, огромном лабиринте фанерных павильонов на окраине Москвы, прославившемся как Мекка китайского импорта и контрабандных товаров и как «государство в государстве» со своими «полицией, таможней и судами» и легионами трудовых мигрантов.[2] Совладельцами рынка вместе с Агаларовым были и другие азербайджанские соратники Тевфика Арифа – бывшего советского чиновника внешней торговли, впоследствии финансировавшего строительство Trump Tower в Сохо.[3]

По мере того как в девяностые рос американский экспортно-импортный бизнес Агаларова, один из его ближайших партнеров в США оказался объектом расследования по делу об отмывании денег. Американские официальные лица начинали осознавать, что в страну хлынул российский черный нал, и подозревали в причастности к этому Ираклия Кавеладзе. По словам Юрия Швеца, щеголеватый этнический грузин был «нелегалом» – агентом, которого российские спецслужбы стремились внедрить в Америку, где ему предстояло получить американское гражданство.[4] Если поначалу КГБ сосредоточивал усилия в основном на разработке изощренной программы, позволявшей его оперативникам-«нелегалам» присваивать украденные личности реальных западных граждан, то с ростом эмиграции из Советского Союза с семидесятых годов он стремился вербовать агентов и среди эмигрантов. Кавеладзе был одним из них, говорит Швец. В 1989 году, в двадцать восемь лет, окончив престижный Московский финансовый институт, он получил разрешение выехать в США, где сблизился с одной американской семьей в Геттисберге, штат Пенсильвания. Через два года он получил американское гражданство: по-видимому, его «усыновила» мать этой семьи, Джудит Шоу. (Когда она умерла в 1993 году в возрасте сорока девяти лет, в некрологе Кавеладзе был назван ее «приемным сыном».[5]) «Его отправили туда по эмиграционной линии, – говорит Швец. – Советская разведка всегда завидовала китайцам и Моссаду. Куда ни поедешь, там всегда большой контингент китайской и еврейской диаспоры. Они всегда могли обратиться к своим соотечественникам. Перед распадом Советского Союза была огромная волна

[1] Один из деловых партнеров Агаларова позднее говорил, что другая часть его бизнеса в девяностые напрямую связывала Агаларова с «квазигосударственными структурами в России». Агаларов организовывал торговые конференции на территории бывшего Советского Союза, что, по словам партнера, было «деликатной смесью политики, переговоров и денег».

[2] «Лейла и Эмин» // Известия, 6 февраля 2006 г. – где Агаларов назван акционером Черкизовского рынка; превосходное описание Черкизовского рынка и того, как он работал, см.: Andrew E. Kramer. Huge Profits Spell Doom for a 400-Acre Market // New York Times, 28 июля 2009 г.

[3] Одного из главных владельцев Черкизовского рынка, Тельмана Исмаилова, видели в оживленной беседе с Арифом, когда того арестовали в Турции в 2010 году за вечеринку на яхте с несовершеннолетними проститутками: «Тельман Исмаилов попал в скандальную историю в Турции» // Trend, 4 октября 2010 г. Газета сообщала, что Исмаилова вызвали в полицию для дачи показаний по делу. На яхте были также казахстанские деловые партнеры Арифа – «тройка» казахстанских бизнесменов во главе с Александром Машкевичем, стоявших за ENRC.

[4] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

[5] Jon Swaine, Shaun Walker. Trump in Moscow: What Happened at Miss Universe in 2013 // Guardian, 18 сентября 2017 г.

эмиграции, находившаяся под контролем КГБ. Кавеладзе отправили как эмигранта».[1] (Сам Кавеладзе не ответил на просьбы о комментарии.)

Почти десять лет Кавеладзе служил инструментом перевода на американские банковские счета более 1,4 миллиарда долларов российского и восточноевропейского черного нала.[2] После окончания института его быстро взяли вице-президентом совместного предприятия Агаларова Crocus International, а в октябре 1991 года только что полученное американское гражданство позволило ему начать открывать сеть американских банковских счетов. Он создал собственную компанию, International Business Creations, имевшую общий адрес в центре Манхэттена с другими структурами Агаларова, и через нее, как позднее установили американские следователи, открыл счета более чем ста подозрительным российским клиентам в одном из столпов американской финансовой системы, Citibank, и еще сотне – в Commercial Bank of San Francisco, частично принадлежавшем латышу, которого тоже подозревали в связях с КГБ.[3] Позднее Citibank признал следователям, что Кавеладзе открывал эти счета без того, чтобы его российские клиенты когда-либо являлись лично или представляли доказательства своей деловой деятельности.[4] Кавеладзе также зарегистрировал в Делавэре около двух тысяч корпораций для российских клиентов, о которых, по его словам, почти ничего не знал – даже их подлинных имен.[5]

По словам бывшего кремлевского чиновника, часть этого денежного потока исходила из многомиллиардной черной кассы, созданной структурой, известной как Национальный фонд спорта[6], которой в середине девяностых Ельцин дал право беспошлинно ввозить в Россию алкоголь и табак. Фонд стал черной дырой для контрабанды и был связан с высокопоставленными силовиками ельцинской эпохи, в том числе с телохранителем Ельцина Александром Коржаковым. Больше всего одного из американских следователей, изучавших созданные Кавеладзе счета, тревожило то, что через некоторые из них не прошло ни цента, а другие компании использовались для переводов лишь однажды. Словно создавались ячейки для будущих операций, говорит человек, знакомый с расследованием. «Он создавал чертову уйму корпораций. Он пользуется ими, когда они ему нужны, – как одноразовыми телефонами».[7]

---

[1] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

[2] См.: United States General Accounting Office. Suspicious Banking Activities: Possible Money Laundering by US Corporations Formed for Russian Entities, октябрь 2000 г. Письмо главного юрисконсульта Citigroup Майкла А. Росса в Главное контрольно-финансовое управление США от 28 ноября 2000 года подтверждает, что именно Кавеладзе направлял эти подозрительные денежные потоки. В нем говорится, что Citigroup не выявил незаконной деятельности на связанных с Кавеладзе счетах, которые тот начал открывать с октября 1991 года, но с тех пор закрыл их все, указав на недостатки в процедурах банка, не позволившие выявить «сомнительную деятельность»; см. также: Raymond Bonner. Laundering of Money Seen as "Easy" // New York Times, 29 ноября 2000 г.

[3] Пресс-релиз: Levin Releases GAO Report on Vulnerabilities to Money Laundering in US Banks, 29 ноября 2000 г.; о связях латвийского банкира с КГБ см.: Knut Royce. San Francisco Bank Linked to Laundering Probe at Bank of New York // Center for Public Integrity, 9 декабря 1999 г.

[4] Письмо главного юрисконсульта Citigroup Майкла А. Росса в Главное контрольно-финансовое управление США, 28 ноября 2000 г.

[5] Там же.

[6] Интервью автора с бывшим кремлевским чиновником, июнь 2018 г.; интервью автора с бывшим высокопоставленным офицером российской разведки, май 2018 г.

[7] Интервью автора с человеком, знакомым с делом, май 2018 г.

Счета Кавеладзе были лишь верхушкой айсберга. Выяснилось, что часть переводов через Commercial Bank of San Francisco связана с гораздо более крупной операцией – скандалом с отмыванием 7 миллиардов долларов через Bank of New York.[1] По существу, средства, которыми распоряжался Кавеладзе, были частью потока российского черного нала, хлынувшего в США еще до распада Советского Союза, – и бóльшая часть архитектуры системы переводов, похоже, управлялась КГБ и русской мафией.

Денежный канал Bank of New York был связан с российским мафиози Семеном Могилевичем, которого Швец называл «особо важным агентом российской внешней разведки» и который давно перекачивал деньги на Запад для Солнцевской группировки и КГБ. Но после того как летом 1999 года схема была раскрыта, скандал вскоре забыли. Настоящего уголовного расследования не было, а схему отмели как в основном уклонение обычного российского бизнеса от налогов и пошлин. Связи организаторов схемы с Могилевичем и российскими спецслужбами замазали, как и возможные связи с американскими брокерскими фирмами и аферами с акциями. Для Швеца это было роковой ошибкой. Запад ослепило то, что он считал своей победой в холодной войне: «Они думали, что с Россией покончено навсегда… Воровство их не волновало, лишь бы не слишком бросалось в глаза. Когда Буш-старший сказал, что холодная война окончена и начинается новая эра сотрудничества, на этом все и кончилось. Но русские использовали сотрудничество, чтобы обманывать США. Американцы – они как дети. Если сотрудничаешь – значит, сотрудничаешь. И все, никаких вопросов, даже если русские держат за спиной кирпич».[2]

Путь для российских спецслужб и их партнеров из организованной преступности к поиску иных способов перекачки денег в США оставался открытым. Позднее новое поколение теневых банкиров, связанных с той же мафией и КГБ, изобретет «Молдавскую прачечную» и схемы зеркальных сделок. Но до того, по словам Швеца и одного бывшего соратника Могилевича, одним из каналов, на которых они, похоже, сосредоточились, стал бизнес Дональда Трампа.[3] «Им нужно было найти более тонкие способы отмывать деньги через бизнес, а не напрямую через американские банки, – говорит Швец. – А тут был Трамп со своими финансовыми проблемами – это решение пришлось как нельзя кстати».[4]

Нет никаких доказательств того, что Трамп знал о каких-либо возможных проблемах с бывшими советскими бизнесменами, которые в начале двухтысячных начали выстраиваться в

[1] Royce. San Francisco Bank Linked to Laundering Probe at Bank of New York; Sam Zuckerman. Russian Money Laundering Scandal Touches S.F. Bank // San Francisco Chronicle, 23 сентября 1999 г.; Robert O'Harrow Jr. 3 Firms Links to Russia Probed // Washington Post, 21 октября 1999 г.; Andrew Higgins, Ann Davis, Paul Beckett. Money Players: The Improbable Cast of Capitalist Converts Behind BONY Scandal // Wall Street Journal, 30 декабря 1999 г.: 8 миллионов долларов были переведены через Benex со счетов в Bank of New York на счета в Commercial Bank of San Francisco. Кроме того, у зарегистрированного на Науру Sinex Bank, через который многие платежи Benex впервые переводились из России, был корреспондентский счет в банке Сан-Франциско.

[2] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.

[3] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.; интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г., который сказал: «После того как Министерство юстиции закрыло схему Bank of New York, они начали отправлять деньги через организацию Трампа. У организации Трампа были каналы, которые никогда не могли быть открыты для русских или Севы в то время… Деньги, к которым имели доступ русские, к тому времени были гораздо больше, чем у любого американского инвестора… Русским было плевать, в сохранности ли деньги. Трамп мог дать им доступ, который не мог дать никто другой. Для Михася и Севы пара сотен миллионов долларов – не такие уж большие деньги. А для Трампа – это огромные деньги. Чертовски огромные деньги». Алан Гартен, главный юрисконсульт Trump Organization, не ответил на просьбу о комментарии.

[4] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.

очередь, предлагая ему выгодные деловые сделки. Главный юрисконсульт Trump Organization Алан Гартен сказал, что у него никогда не было оснований сомневаться в источнике средств.[1] Но в те дни Трамп по-прежнему увяз в долгах. В начале девяностых ему уже удалось избежать личного банкротства, но пришлось продать такие ценные объекты, как отель «Плаза» и престижный девелоперский проект в Верхнем Вест-Сайде Манхэттена, а также часть казино «Тадж-Махал».[2] Структура собственности остальной его огромной империи недвижимости была в лучшем случае мутной, и он все еще боролся с облигационным долгом почти в 2 миллиарда долларов своей группы казино и отелей Trump Hotels and Casino Resorts.[3] Западные банки – кроме Deutsche Bank – стали опасаться давать ему деньги. Вместо этого к нему один за другим приходили бывшие советские бизнесмены с предложениями построить целую серию Trump Tower. Впервые Трампу предлагали солидные лицензионные и управленческие вознаграждения просто за честь разместить его имя на зданиях. По крайней мере в одном случае он должен был получить 18 процентов капитала, не вкладывая вообще ничего. Сделки не могли бы быть для Трампа более счастливыми. И вопросов задавалось мало. «Дональд не проводит проверку благонадежности», – говорил позднее бывший высокопоставленный руководитель Trump Organization Эйб Уоллак.[4]

Большинство бизнесменов, приходивших тогда к Трампу, были связаны с той же связкой финансистов, связанных с КГБ, некоторые – с Солнцевской группировкой. Был грузинский соратник Шалвы Чигиринского Тамир Сапир. Был Тевфик Ариф, бывший советский чиновник внешней торговли, связанный с Арасом Агаларовым, за которым стояла тройка казахстанских металлургических магнатов, ранее занимавшихся бизнесом вместе с предполагаемым соратником Солнцевской группировки. Был Алекс Шнайдер, металлотрейдер, зять предполагаемого соратника Солнцевской группировки, выводившего деньги Коммунистической партии в последние годы советского режима.

Это наступление обаяния и денег началось с сына соратника Семена Могилевича, выросшего на Брайтон-Бич – нью-йоркском анклаве, где жили российские эмигранты и мафиозные банды.

Сатер

Когда Феликс Сатер впервые вышел на Дональда Трампа где-то в 2001 году, он уже прожил несколько жизней и, по его собственному признанию, давно работал с высокопоставленными фигурами российской разведки.[5] Задиристый бывший биржевой брокер с лицом боксера уехал из Советского Союза с семьей в восемь лет, в составе волны

[1] Гартен сказал FT в связи с Bayrock: «Проводя проверку благонадежности, вы действуете добросовестно и пытаетесь изучить все относящиеся к делу материалы, но изучить можно лишь до определенной степени. Можно сделать как можно больше, но вы ограничены публичными источниками». Tom Burgis. Dirty Money: Trump and the Kazakh Connection // Financial Times, 19 октября 2016 г.

[2] Timothy L. O'Brien, Eric Dash. Is Trump Headed for a Fall? // New York Times, 28 марта 2004 г.

[3] Там же.

[4] Timothy L. O'Brien. Trump, Russia and a Shadowy Business Partnership // Bloomberg, 21 июня 2017 г.

[5] Интервью автора с Сатером, май 2018 г. Он туманно говорил о том, когда состоялась эта первая встреча с Трампом, – сначала назвал 2000 год, затем 2001-й. В показаниях от 23 января 2008 года по судебному делу New York Times он сказал, что его первая встреча с сотрудниками Trump Organization состоялась в 2001 году или «скорее всего, в начале 2002-го». Более поздние иски Джоди Крисса, бывшего финансового директора Bayrock, утверждали, что Сатер пришел в Bayrock в 2002 году.

еврейской эмиграции, разрешенной в начале семидесятых. Они обосновались на Брайтон-Бич, где, по словам двух бывших соратников Могилевича, отец Сатера Михаил Шеферовский стал «силовиком», отстаивавшим там некоторые интересы Могилевича.[1] Сатер вырос в мире, где бандитские перестрелки и войны мафиозных групп за территорию были обычным делом. Это был также мир, в котором российская организованная преступность расширялась в сферу беловоротничковой преступности, заключая союзы с итальянскими мафиозными семьями – сначала для продажи бензина в обход налогов, затем в алмазную промышленность Сьерра-Леоне, затем в манипуляции с акциями, мошенничество и изощренные схемы торговли сырьем, не говоря уже о более привычной торговле оружием и наркотиками.

Сатер утверждал, что никогда ни в чем подобном не участвовал. Но когда мы разговаривали, он не мог скрыть гордости за свое происхождение. «Я и мои друзья выросли в Бруклине, и страх был не тем, что в первую очередь приходило в голову, – говорил он мне, выпятив грудь. – Я бы сказал, это довольно уникальная группа людей».[2] Вскоре после того, как он начал работать брокером в ряде фирм Уолл-стрит, у него возникли проблемы с законом. В 1991 году он на пятнадцать месяцев попал в тюрьму за то, что ударил товарного брокера в лицо и шею отбитой ножкой бокала для коктейля. Затем он избежал обвинений в организации мошеннической схемы «накачки и сброса» акций на 41 миллион долларов в сговоре с членами итальянских мафиозных семей Гамбино и Дженовезе – связи, которые он завел через знакомства отца.[3] Через две нью-йоркские брокерские фирмы, соучредителем которых он был, Сатер и его партнеры тайно скупали крупные пакеты акций, а затем искусственно взвинчивали их цену, подкупая брокеров, распространявших ложные заявления, и пуская в ход силу итальянских мафиозных семей.[4] Некоторые из причастных брокерских фирм проверялись на предмет связей со схемой отмывания денег через Bank of New York.[5] Когда в 1996 году эта схема рухнула, Сатер уехал из Нью-Йорка в Москву, где брайтонские связи помогли ему завести друзей на вершине российской разведки. Он утверждал, что поехал в Россию консультантом американской телекоммуникационной компании AT&T, чтобы договориться о сделке на 100 миллионов долларов по аренде трансатлантического кабеля в Соединенные Штаты, и что именно благодаря этой предполагаемой сделке он вошел в контакт с высокопоставленными офицерами российской военной разведки, контролировавшей телекоммуникации страны.[6] Но он никогда не получил бы такого доступа так быстро, если бы

[1] Интервью автора с двумя бывшими соратниками Могилевича, март и июль 2018 г.

[2] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[3] United States v. Felix Sater, Criminal Docket No. 98 CR 1101, письмо Министерства юстиции, поданное под грифом секретности судье И. Лео Глассеру, 27 августа 2009 г.

[4] См. также судебные документы, связанные с обвинениями против Сатера: United States of America against Felix Sater, подписано Закари Картером, прокурором США по Восточному округу Нью-Йорка; стенограмма вынесения приговора Сатеру (названному там Джоном Доу, а в стенограмме – «Феликсом Слейтером») перед достопочтенным И. Лео Глассером, старшим окружным судьей США, 23 октября 2009 г.; Complaint and Affidavit in Support of Arrest Warrants, Leo Taddeo Affidavit, апрель 1998 г.; пресс-релиз прокуратуры США по Восточному округу Нью-Йорка «19 Defendants Indicted in Stock Fraud Scheme that was Protected and Promoted by Organised Crime», 2 марта 2000 г., https://www.washingtonpost.com/wp-stat/graphics/politics/trump-archive/docs/press-release-doj-howard-safir-bayrock.pdf.

[5] Подробнее о схеме с упоминанием участия A. R. Baron см.: United States of America against Frank Coppa et al.; о связи со схемой Bank of New York/Benex см.: Glenn R. Simpson, Paul Beckett. UK Probe Possible Link Between Russian Case, A.R. Baron // Wall Street Journal, 24 сентября 1999 г.

[6] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

не его связи в российской организованной преступности. В числе этих связей был Могилевич, сотрудничавший с российской внешней разведкой, по словам Юрия Швеца и одного бывшего близкого соратника Могилевича, знавшего тогда Сатера.[1]

В январе 1998 года, вскоре после того, как ФБР в Нью-Йорке обнаружило массив документов, раскрывавших его участие в мошеннической схеме с акциями, Сатер связался с сотрудниками американской разведки в Москве и предложил сотрудничество.[2] Он будет поставлять первоклассную информацию о деятельности талибов и Северного альянса в Афганистане, где давно были активны российские разведчики и организованная преступность. Для Сатера – и для российской разведки – это было началом прекрасной дружбы. Сначала Сатер предоставил информацию о пропавших ракетах «Стингер», которые американское правительство давно пыталось отследить, сообщив даже их серийные номера и передав, что они находятся в руках Северного альянса, который теперь хочет их продать.[3] Затем, предоставив дальнейшую информацию, в том числе координаты лагерей «Аль-Каиды» и, по его словам, пять номеров спутниковых телефонов, принадлежавших Усаме бен Ладену, он вернулся в США и сдался. По прибытии он заключил с ФБР сделку, позволившую ему избежать обвинений – и возможного двадцатилетнего срока – по делу о мошенничестве с акциями. Вместо этого он заслужил похвалы за то, что стало десятью годами плодотворного сотрудничества с ФБР.[4]

Но Сатер следовал и давней традиции. Еще с советских времен соратники русской мафии с Брайтон-Бич предлагали себя в осведомители ФБР в обмен на снятие уголовных обвинений.[5] Но связи Сатера в организованной преступности и российской разведке должны были бы вызвать тревогу. Он даже помог ФБР раскрыть схему мошенничества с акциями, оставив массив документов в банковской ячейке, за которую перестал платить, а затем помогая агентам их расшифровать.[6] Когда мы встретились в мае 2018 года, он сказал мне, что его контакты в российской разведке, в том числе в военной разведке, ГРУ, согласились снабжать его информацией, потому что отчаянно нуждались в деньгах. «ГРУ тогда не беспокоилось о шпионаже против Америки. Их беспокоило только, как заработать денег. Они были не слишком подкованы в финансах, а я был человеком, работавшим на Уолл-стрит, свободно говорившим по-русски и по-английски и понимавшим финансы, – и я говорил с ними о сделке, которая принесет 100 миллионов долларов». Эта сделка так и не состоялась, и Сатер не смог объяснить, какие деньги он им платил, если вообще платил.

По словам Юрия Швеца, высокопоставленные контакты Сатера в российской разведке следовали давней традиции, восходящей к советским временам, – передавать информацию через ценный источник, чтобы поднять его вес и влияние. Сатер никак не мог получить доступ к такой информации без активного сотрудничества и помощи высокопоставленных представителей российской разведки и организованной преступности. Швец говорил, что, по его мнению, связи Сатера проистекали из союза с Могилевичем и Шабтаем Калмановичем,

[1] Интервью автора со Швецом, май 2018 г.; интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г.

[2] United States v. Felix Sater, Criminal Docket No. 98 CR 1101, письмо Министерства юстиции, поданное под грифом секретности судье И. Лео Глассеру, 27 августа 2009 г.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Friedman. Red Mafia, pp. 55–57.

[6] United States v. Felix Sater, Criminal Docket No. 98 CR 1101.

еще одним связанным с КГБ соратником Солнцевской группировки, которого израильтяне в восьмидесятые посадили за шпионаж в пользу Советов: «Калманович все решал за Сатера».[1] Могилевич и Калманович находились в центре империи контрабанды оружия, торговавшей со всеми сторонами – и с талибами, и с их противниками из Северного альянса, – и выполнявшей задания российской разведки. По словам бывшего соратника Могилевича, знавшего тогда Сатера, тот никогда не ступал на землю Афганистана, а информация о телефонных номерах бен Ладена и пропавших «Стингерах» «скорее всего, пришла от Севы».[2]

С самого детства Сатер был частью жестокого мира, где выжить значило вести двойную или даже тройную игру, меняя маски в зависимости от обстоятельств. «У каждого много лиц, и нам очень трудно понять, какое из них настоящее, а какое нет, – говорит еще один бывший соратник Могилевича. – Им приходилось быть такими, чтобы выжить».[3] Это был мир закулисных сделок и подпольной экономики, действовавшей в тени еще с советских времен, где один неверный шаг мог обернуться пожизненным сроком или, что вероятнее, пулей в голову.

Сатер настаивал, что никогда не имел никаких контактов с Могилевичем и что мафиози никогда не помогал ему в его поисках оружия и лагерей «Аль-Каиды» для ФБР. О любых предположениях о его связи с Могилевичем он говорил так: «Говорю вам, это полная и абсолютная чушь. Это полное, мать его, вранье. Я бы его не узнал, если бы он подошел и сел рядом с нами».[4] Однако он не мог удержаться и похвастался, что его связи уходят выше: «Любые утверждения, что я связан с Могилевичем, в какой-то мере оскорбительны. Я действую на гораздо более высоком уровне, чем он».[5]

На самом деле связи Сатера распространялись на новое поколение российских мафиози, которые прибрали к рукам часть незаконных схем перевода черного нала после того, как Могилевич засветился в скандале с Bank of New York. Его ближайшим другом с детства был Евгений Двоскин – теневой банкир, который в тесном сотрудничестве с высокопоставленным генералом ФСБ стал архитектором многих новых схем отмывания денег двухтысячных – «Молдавской прачечной» и зеркальных сделок Deutsche Bank, – по которым на Запад незаконно ушли десятки миллиардов долларов.[6] Они выросли вместе в одном квартале Брайтон-Бич, на Брайтон-Двенадцатой улице.[7] «Я его очень хорошо знал, – говорит Сатер. – Я знал его первую жену, потом знал вторую. Я вырос с ним. Это мой старый и дорогой друг».[8] Сатер гордился своей связью с Двоскиным, который, по его словам, «даже не помочился бы на Могилевича, если бы тот горел». Он рассказывал, как Двоскин тесно работал с Дедом Хасаном, еще одним могущественным российским мафиози, которого впоследствии застрелили у московского ресторана. Когда я наивно спросила, не тревожился ли он, когда его

[1] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.; Калманович был убит в ноябре 2009 года. Примерно в то же время Сатер прекратил сотрудничество с ФБР.

[2] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, март 2018 г.

[3] Интервью автора с бывшим соратником Могилевича, июль 2018 г.

[4] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[5] Там же.

[6] См. главу 13. В 2018 году Мязин был осужден за хищение средств Промсбербанка, связанного с молдавской схемой и схемой Deutsche Bank, а Двоскин остался на свободе. См. также: Леонид Никитинский. «Who is мистер Двоскин?» // Новая газета, 22 июля 2011 г.

[7] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[8] Там же.

лучший друг вел дела с Дедом Хасаном, Сатер презрительно фыркнул: «Посмотрите, что случилось с Дедом Хасаном. Это им надо было тревожиться, ведя дела с [Двоскиным]».[1]

* * *

К тому времени, когда в 2001 году он встретил Дональда Трампа, Сатер объединился в бизнесе с бывшим советским чиновником внешней торговли Тевфиком Арифом.[2] Ариф заработал деньги на торговле казахстанским хромом в качестве агента металлотрейдера Михаила Черного TransWorld Group. Затем он завязал тесное партнерство с группой казахстанских металлургических магнатов, известных как «тройка», во главе с Александром Машкевичем, который начинал в бизнесе, работая на Бориса Бирштейна, предполагаемого соратника Солнцевской группировки.[3] (Машкевич не ответил на просьбы о комментарии.) Ариф «вел дела с Машкевичем. Они знают друг друга двадцать или тридцать лет, – говорит Сатер. – Это был TransWorld… и Михаил Черный. В начале он работал с Черным».[4]

Сатер утверждал, что знал Арифа всего три месяца, прежде чем согласился вести с ним бизнес. Они познакомились, по его словам, потому что Ариф был его соседом в Сэндс-Пойнте – эксклюзивном анклаве на Лонг-Айленде, где когда-то жили Уильям Рэндольф Херст и Гуггенхаймы и который послужил прообразом Ист-Эгга в «Великом Гэтсби».[5] Вместе они создали девелоперскую компанию Bayrock Group и въехали в офис этажом ниже штаб-квартиры Trump Organization в Trump Tower на Пятой авеню, 725, где работали «бросающиеся в глаза» женщины из Восточной Европы.[6] Один из менеджеров Трампа начал к ним заглядывать, и вскоре он устроил Сатеру знакомство с Трампом.[7] По рассказу Сатера, встреча была спонтанной и по его инициативе: «Я вошел в его кабинет и сказал ему: "Я стану крупнейшим девелопером в Нью-Йорке". Он рассмеялся. Думаю, ему понравился мой трамповский подход. Мы сразу же начали работать вместе».[8]

Сатер и Ариф предложили Трампу сделку, от которой он едва ли мог отказаться. Bayrock Group брала на себя финансирование и строительство серии роскошных объектов, выплачивая Трампу лицензионное вознаграждение за честь использовать его имя.[9] В конце 2003 года был объявлен роскошный курорт с кондоминиумами и отелем в Форт-Лодердейле во Флориде.[10] Был Trump International Hotel and Residence в Финиксе, Аризона, стоимостью 200

[1] Там же.

[2] Ариф был связан и с Арасом Агаларовым – через азербайджанских совладельцев Черкизовского рынка, бывших его соратниками.

[3] Машкевич начинал в бизнесе в конце восьмидесятых вице-президентом Seabeco – торговой фирмы, созданной Борисом Бирштейном, которого ФБР и швейцарская разведка называли соратником Солнцевской группировки. (Один бывший соратник Могилевича утверждал, что тройка продолжала работать с солнцевскими.)

[4] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[5] Там же.

[6] Andrew Rice. The Original Russia Connection // New York Magazine, 7 августа 2017 г.

[7] Там же; показания Феликса Сатера от 1 апреля 2008 г. по делу Trump v. O'Brien.

[8] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[9] O'Brien. Trump, Russia and a Shadowy Business Partnership.

[10] Первым материалом об интересе Трампа и Bayrock к проекту была статья: Tom Stieghorst. Trump Eyes Oceanfront Land Aventura Firm to Market Project in Lauderdale // South Florida Sun-Sentinel, 12 декабря 2003 г. Трамп в ней назван девелопером, а Bayrock упомянута лишь как партнер. Но позднее, когда все пошло прахом, правда вышла наружу: Трамп был там лишь ради лицензионного вознаграждения и девелопером не был: Michael Sallah, Michael Vasquez. Failed Donald Trump Tower Thrust into GOP Campaign for Presidency // Miami Herald, 12 марта

миллионов долларов, купленный Bayrock примерно в то же время.[1] Затем, в 2005 году, Bayrock купила участок на набирающей популярность улице манхэттенского Сохо, где появится Trump SoHo – сорокашестиэтажная стеклянная башня роскоши и излишеств стоимостью 450 миллионов долларов, с кондоминиумами, отелем и мебелью Fendi.[2] Трамп должен был получить 18 процентов капитала проекта и стабильный поток управленческих вознаграждений, не вкладывая ни цента.[3] Сделки не могли прийти для Трампа в лучший момент. К 2004 году подразделение казино и отелей его империи подавало заявление о защите от банкротства по главе 11 и очередной сделке о реструктуризации.[4]

Этот союз сулил возможные выгоды и Bayrock. Девелоперские проекты позволяли обойти более жесткие американские банковские правила, введенные после скандала с Bank of New York и терактов 11 сентября. «Они больше не могли легко ввозить деньги через компании-пустышки, – говорит Джек Блюм, вашингтонский юрист, специализирующийся на беловоротничковых финансовых преступлениях. – Но затем деньги потекли в недвижимость Майами, Нью-Йорка и Лондона. Недвижимость была освобождена от любых обязательств сообщать о подозрительной деятельности. И вдруг повсюду начали расти эти роскошные кондоминиумы. Никто не спрашивал, откуда деньги. Если я жулик и ищу, кто бы помог все прикрыть, то вся сделка сводится к тому: давай я вложусь в твою недвижимость. "Я построю здание, а ты обеспечишь прикрытие. Ты даже на этом заработаешь". Это стало моделью для Trump Organization по всему миру».[5]

Понадобилось почти два десятилетия, чтобы чиновники Министерства финансов США предупредили, что элитная американская недвижимость становится инструментом для коррумпированных иностранных чиновников и транснациональных преступников, отмывающих грязные деньги. Расследование Министерства финансов в 2018 году показало, что каждый третий покупатель элитной недвижимости за наличные вызывает подозрения, а большинство сделок на верхнем сегменте рынка проходят через компании со скрытыми владельцами.[6] И даже если стоявшие за схемами продавали квартиры в убыток, говорит один американский следователь, они могли получать прибыль, беря комиссию за отмывание денег.

2016 г. (Bayrock купила землю за 40 миллионов долларов, а затем получила еще 139 миллионов кредита на строительство.)

[1] Glen Creno, Catherine Burrough. Trump Raises Stakes: Camelback's Glitzy Boom Continues // Arizona Republic, 13 ноября 2003 г.; из показаний Сатера от 1 апреля 2008 года по делу Trump v. O'Brien, с. 60, также ясно, что Финикс и Форт-Лодердейл были первыми проектами, предложенными Bayrock Трампу. «Вопрос: Вы сказали, что представили определенные возможности г-ну Фликеру и г-ну Ризу [руководителям Trump Organization]. Какие это были возможности поначалу? Ответ: Форт-Лодердейл и Финикс. И мы в целом обсуждали, в какие регионы страны и мира Trump Organization заинтересована расширяться и какие есть возможности для совместной работы над этими различными возможностями».

[2] Michael Stoler. Parking Lots and Garages go the Way of the Dinosaurs // New York Sun, 16 февраля 2006 г.; подробнее о проекте – в проспекте Bayrock 2007 года.

[3] Трамп раскрывает принадлежащие ему 18 процентов в Trump SoHo в показаниях 2007 года по делу Donald J. Trump v. Timothy L. O'Brien. См.: assets.documentcloud.org/documents/2430267/trumps-lawsuit-on-networth.pdf. См. также: O'Brien. Trump, Russia and a Shadowy Business Partnership.

[4] Копия заявления Trump Casino Holdings LLC о банкротстве по главе 11, поданного 21 ноября 2004 г.

[5] Интервью автора с Блюмом, декабрь 2018 г. Алан Гартен, главный юрисконсульт Trump Organization, не ответил на просьбу о комментарии.

[6] Tom Burgis. Tower of Secrets: The Russian Money Behind a Donald Trump Skyscraper // Financial Times, 12 июля 2018 г.

Для бывшего финансового директора Bayrock Джоди Крисса источник финансирования компании стал тревожным вопросом. Позднее в иске к Bayrock о рэкете он утверждал, что среди ее спонсоров были «скрытые интересы в России и Казахстане» и что компания была не более чем прикрытием для отмывания денег. «Уклонение от налогов и отмывание денег – основа бизнес-модели Bayrock», – говорилось в первоначальной версии иска Крисса.[1] Bayrock, утверждал он, была «в значительной мере принадлежащим мафии и управляемым ею бизнесом», имевшим «доступ к денежным счетам хромового завода в Казахстане».[2] Bayrock эти утверждения отрицала.

Завод, о котором говорил Крисс, – это раскинувшийся Актюбинский завод хромовых соединений, второй в мире производитель химических веществ на основе хрома, изрыгавший дым над унылой казахской степью и сбрасывавший токсины в местные источники воды, сделав ее непригодной для питья.[3] Он принадлежал Арифу и его брату, занимавшему в девяностые высокий пост в казахстанском министерстве промышленности. Признаком тесных связей, скреплявших эту сеть, было то, что хромовый рудник, снабжавший завод, принадлежал казахстанским металлургическим магнатам, известным как «тройка», или, официальнее, Eurasian Natural Resources Corporation (ENRC).

Окружавший завод городок был не более чем нищим пристанищем трудовых мигрантов. Очевидно, вся прибыль уходила куда-то еще. А у самой Bayrock, казалось, никогда не кончались деньги. Ариф и Сатер, утверждал Крисс, находили средства «месяц за месяцем, два года подряд, а на деле и чаще – всякий раз, когда у Bayrock кончались деньги».[4] Каждый раз, когда денежный поток начинал иссякать, говорилось в иске, владельцы «волшебным образом появлялись с переводом "откуда-то" ровно такого размера, чтобы компания продолжала работать».[5] Но Трамп, казалось, никогда не задавал вопросов. Более того, позднее в ходе судебного разбирательства он признал, что «так и не понял толком, кому принадлежит Bayrock».

В то же время Трамп начал подписывать аналогичные сделки с целым рядом других бывших советских структур. В начале 2002 года израильский эмигрант из Советского Союза Майкл Дезер и его сын Гил подписали с Трампом лицензионное соглашение на строительство Trump Grand Ocean Resort and Residences стоимостью 600 миллионов долларов на участке

[1] Jody Kriss and Michael Ejekam v. Bayrock Group LLC et al., Окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка. Первоначальная версия иска Крисса о рэкете доступна: www.documentcloud.org/documents/3117825-Qui-Tam-Complaint-With-Exhibit-a-and-Attachments.html#document/p1. См. также: Andrew Rice. The Original Russia Connection // New York Magazine, 7 августа 2017 г. Впоследствии иск дважды изменялся, и некоторые из этих конкретных утверждений были из него удалены. В феврале 2018 года Bayrock урегулировала иск. См.: Trump-Linked Real Estate Firm Settles Suit by Ex-Employee // Bloomberg, 23 февраля 2018 г.

[2] Там же; Marc Champion. How a Trump SoHo Partner Ended Up with Toxic Mining Riches from Kazakhstan // Bloomberg, 11 января 2018 г. Утверждение о доступе Bayrock к денежным счетам хромового завода в Казахстане также было позднее исключено из иска после заявлений, что оно было получено ненадлежащим образом.

[3] Craig Shaw, Zeynep Sentek, Stefan Candea. World Leaders, Mobsters, Smog and Mirrors // Football Leaks, The Black Sea, 20 декабря 2016 г.

[4] Jody Kriss and Michael Ejekam vs Bayrock Group LLC et al., Окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка. Первоначальная версия иска Крисса о рэкете доступна: www.documentcloud.org/documents/3117825-Qui-Tam-Complaint-With-Exhibit-a-and-Attachments.html#document/p1; O'Brien. Trump, Russia and a Shadowy Business Partnership.

[5] Там же.

элитного пляжа в Санни-Айлс под Майами.[1] По оценке расследования Reuters, Трамп заработал на этой сделке, в которой Дезеры взяли на себя все расходы и риски, десятки миллионов долларов.[2] Всего россияне купили в семи роскошных башнях на юге Флориды под брендом Трампа недвижимость более чем на 98,4 миллиона долларов. Шесть из них построили Дезеры. Треть из более чем двух тысяч квартир в семи зданиях Трампа была куплена через анонимные структуры – компании с ограниченной ответственностью. Ряд политически связанных российских бизнесменов второго и третьего эшелона – «миниолигархов», в том числе трое бывших государственных чиновников, – выложили миллионы долларов за квартиры в объектах Трампа.[3]

Был еще Алекс Шнайдер, тридцатишестилетний металлотрейдер российского происхождения, сколотивший состояние в 2 миллиарда долларов, приобретя украинский металлургический комбинат, а затем расширившись по Восточной Европе – в Сербию, Черногорию и Армению, где ему принадлежала электросеть страны.[4] Сложенный как боксер, коротко стриженный, с квадратным волевым подбородком, Шнайдер по совпадению был зятем Бориса Бирштейна, который, по данным ФБР, был соратником Солнцевской группировки.[5] В 2003 году компания Шнайдера Midland Resources стала девелопером Trump International Hotel and Tower в Торонто стоимостью 500 миллионов долларов – шестидесятипятиэтажного блока кондоминиумов и гостиничных номеров за сверкающим стеклянным фасадом.[6] В советские времена его тесть создал Seabeco – сырьевого трейдера, входившего в первую волну структур, созданных КГБ для перекачки коммунистических богатств на банковские счета на Западе.[7] Попутно он стал и ключевым оперативником Солнцевской группировки. Согласно докладу ФБР, в октябре 1995 года Бирштейн принимал у себя в офисе в алмазном центре Тель-Авива встречу боссов Солнцевской группировки.[8] Среди них были Семен Могилевич и глава солнцевских Сергей Михайлов. Предметом обсуждения, сообщало ФБР, был «раздел интересов на Украине».

ФБР было не единственным подразделением западных правоохранительных органов, изучавшим эти связи. Швейцарская разведка в докладе 2007 года тоже упоминала «тесные связи» Бирштейна с Солнцевской группировкой[9], а швейцарская полиция отмечала, что когда

[1] Robyn A. Friedman. Trump Puts Stamp on Project; Father and Son Add Famous New Yorker as Partner to Build Sunny Isles Towers // South Florida Sentinel, 30 января 2002 г.

[2] Nathan Layne, Ned Parker, Svetlana Reiter, Stephen Grey, Ryan McNeill. Russian Elite Invested Nearly $100 Million in Trump Buildings // Reuters, 17 марта 2017 г.

[3] Там же.

[4] Хорошие рассказы о карьере Шнайдера см.: Tony Wong. Meet the Man Behind Trump Tower // Toronto Star, 4 декабря 2004 г.; Heidi Brown, Nathan Vardi. Man of Steel: Alex Shnaider Became a Billionaire in the Dimly Lit Steel Mills of Eastern Europe. How Will He Handle the Glare of the Western World? // Forbes, 28 марта 2005 г.; Michael Posner. The Invisible Man; But for the Car, it Might Be // Globe and Mail, 27 мая 2005 г.

[5] Доклад ФБР 1995 года об империи Могилевича, полученный автором.

[6] Проспект Bayrock 2007 г.

[7] См. главу 2.

[8] Доклад ФБР об империи Могилевича.

[9] В докладе швейцарской разведки, полученном автором и датированном июнем 2007 года, отмечаются «тесные связи» Бирштейна с Солнцевской организованной преступной группировкой. (В иске, поданном в 2005 году в Онтарио сыном Бирштейна Алоном, утверждается, что в 1995 году, когда Бирштейн проживал в Бельгии, он стал объектом международного уголовного расследования. «Российская, американская, швейцарская и бельгийская полиция подозревали, что ответчик является членом Солнцевской мафии… Они считали его сообщником

Бирштейн позднее, в девяностые, ушел из Seabeco, чтобы создать собственное предприятие в Антверпене, в Бельгии, он учредил там по меньшей мере одну компанию, MAB International, вместе с Михайловым.[1] Бирштейн, однако, через адвоката отрицал, что когда-либо работал с Солнцевской группировкой.[2] Он установил также тесную связь с тройкой казахстанских металлургических магнатов, тесно работавших с Арифом и Bayrock. Один из членов тройки, Патох Шодиев, в 1991 году основал отделение Seabeco в Брюсселе, а другой, Александр Машкевич, начинавший в конце восьмидесятых вице-президентом Seabeco, также создал еще одну брюссельскую компанию вместе с другим соратником по Seabeco.[3] Шнайдер утверждал, что отдалился от тестя, но его ближайший деловой партнер показал в Высоком суде Лондона, что тот обязан своей карьерой отношениям с Бирштейном.[4]

Вскоре Трампа обхаживали и другие, кто помог бы ему расшириться еще дальше. В 2005 году ливанский экспортер-импортер без опыта в сфере недвижимости Роджер Хафиф обратился к нему с предложением построить Trump Ocean Club International Hotel and Tower в Панаме.[5] Сверкающее семидесятиэтажное здание должно было принести Трампу 75 миллионов долларов вознаграждений. Брокером, которого Хафиф привлек для продажи квартир в башне, был бразилец, бывший продавец автомобилей Алешандре Вентура Ногейра, которому позднее предъявят обвинение в отмывании денег.[6] Ногейра, которого бывший деловой партнер записал на пленку, когда тот говорил об отмывании «наркоденег», в свою очередь тесно работал над продажей квартир в Trump Ocean Club с двумя бывшими советскими эмигрантами из Канады, Александром Альтшулем и Станиславом Коваленко, несмотря на то что канадские правоохранительные органы обвиняли обоих в связях с организованной преступностью.[7] Альтшулю было предъявлено обвинение в участии в схеме ипотечного мошенничества, а Коваленко обвиняли в похищении людей и сутенерстве с участием российских проституток.[8] В обоих случаях обвинения впоследствии были сняты.

Алан Гартен, главный юрисконсульт Trump Organization, сказал Reuters, что никто в компании не может припомнить никаких дел с Ногейрой или какого-либо участия в продаже квартир. Трамп, по его словам, лишь лицензировал свой бренд и оказывал управленческие услуги. Но для Трампа, кто бы и что бы за ними ни стояло, эти сделки казались беспроигрышными. Они стали тотемом, символизировавшим его финансовое здоровье. Когда

печально известного российского гангстера Сергея Михайлова», – говорится в копии иска.)

[1] Charles Clover. Questions over Kuchma's Advisor Cast Shadows // Financial Times, 29 октября 1999 г.

[2] Mark MacKinnon. Searching for Boris Birshtein // Globe and Mail, 29 декабря 2018 г. Когда я дозвонилась до Бирштейна, он отказался от каких-либо дальнейших комментариев. Адвокат Бирштейна, упомянутый в материале Globe, Гэвин Тай, сказал, что больше не представляет интересы г-на Бирштейна, когда автор связалась с ним для дальнейших комментариев.

[3] Alain Lallemand. Coordination. Des retards, des délais dépassés, des incohérences // Le Soir, 18 января 2017 г.

[4] Burgis. Tower of Secrets.

[5] Ned Parker, Stephen Grey, Stefanie Eschenbacher, Roman Anin, Brad Brooks, Christine Murray. Ivanka and the Fugitive from Panama // Reuters, 17 ноября 2017 г.

[6] Там же.

[7] Там же. В интервью Reuters Ногейра сказал, что не помнит, чтобы делал какие-либо из заявлений на записи, и отрицал, что отмывал деньги через проект Трампа или имел дело с наркоденьгами.

[8] Там же. Уголовное дело против Альтшуля об ипотечном мошенничестве было прекращено через год; дело против Коваленко также прекратили в 2005 году после того, как главные свидетели – предполагаемые проститутки – не явились в суд.

в конце 2007 года США неслись к кредитному кризису, Трамп размахивал ими как доказательством того, что его империя прочно держится на плаву. «В условиях, когда ни один девелопер не получает финансирования для своих проектов, – писал он в письме в Wall Street Journal в ноябре 2007 года, – мы за последние три месяца успешно обеспечили финансирование нашего Trump International Hotel & Tower в Торонто, Trump SoHo и Trump International Hotel & Tower в Панаме. Эти факты – свидетельство силы имени и бренда Трампа в финансовом сообществе».[1]

Люди, присоединившиеся тогда к бизнесу Трампа, были все связаны между собой, и к тому времени, когда он писал письмо в WSJ, они действительно предприняли шаги для привлечения дополнительного финансирования. В 2006 году Тамир Сапир, обитатель мира нью-йоркской недвижимости, сколотивший состояние на торговле советской нефтью, присоединился к Bayrock в строительстве Trump SoHo. А в начале 2007 года казахстанская тройка через свою холдинговую компанию ENRC официально вошла в Bayrock в качестве стратегических партнеров, способных обеспечить финансирование капитала.[2] Без доступа к финансам Bayrock неясно, какое финансирование они могли предоставить, если вообще предоставили. Но сеть складывалась окончательно. Среди них был и Шалва Чигиринский. Он, Машкевич, Сапир, Ариф и Сатер были друзьями и соратниками. Они бывали на свадьбах детей друг друга[3], и все в какой-то момент вели дела с Трампом.

По мере приближения финансового кризиса Bayrock продолжала искать поддержку. В мае 2007 года она подписала «соглашение о займе» на 50 миллионов долларов с мутной исландской финансовой компанией FL Group. Этот заем должен был превратиться в контрольный пакет в новом совместном предприятии, включавшем доли Bayrock в четырех ее проектах, в том числе в Trump SoHo, – как раз перед тем, как проекты, по ожиданиям, должны были выплатить акционерам более 500 миллионов долларов прибыли в течение следующих двух лет.[4] На самом деле, согласно первоначальной версии иска о рэкете, позднее поданного финансовым директором Bayrock Джоди Криссом, эта схема задумывалась как способ для FL Group, Сатера и Арифа «снять» с проектов сотни миллионов долларов прибыли, оставив других кредиторов ни с чем.[5] Но позднее это утверждение было отозвано, и неясно, были ли переведены в новое предприятие деньги и активы, превратив основную девелоперскую компанию Bayrock в пустую оболочку, и получил ли Трамп какую-либо долю этой прибыли от предоставленных ему 18 процентов в Trump SoHo. Собственность исландской компании была частью запутанной паутины компаний, о которых упорно ходили слухи, что они связаны с путинским Кремлем, и которые вскоре рухнули во время финансового кризиса на фоне обвинений в финансовых преступлениях. Джоди Крисс, бывший финансовый директор Bayrock, позднее показал, что Ариф и Сатер говорили ему, что FL Group «близка к Путину». Но правда, похоже, оказалась погребена под финансовым крахом.[6]

[1] Donald Trump. Mr. Trump Strongly Defends his Good Name // Wall Street Journal, 28 ноября 2007 г.

[2] Проспект Bayrock 2007 г.

[3] Интервью автора с Чигиринским, июль 2018 г.

[4] Jody Kriss and Michael Ejekam v. Bayrock Group LLC et al., Окружной суд США по Южному округу Нью-Йорка.

[5] Там же.

[6] В Исландии FL Group обанкротилась. Но в Делавэре одно из ее подразделений по недвижимости, FLG Property I, продолжало работать, как показывают документы, полученные автором.

Когда денежный кризис еще больше обострился, на горизонте появился еще один российский магнат, готовый выручить Трампа. В июле 2008 года, накануне кризиса, магнат-удобренщик Дмитрий Рыболовлев согласился купить у Трампа особняк в Палм-Бич за 95 миллионов долларов – более чем вдвое дороже, чем Трамп изначально за него заплатил. (Рыболовлев так и не жил в этом доме. В конце концов он снес особняк и разделил землю на участки для продажи.)

А когда после финансового кризиса многие из этих проектов лопнули, это, похоже, никого из них особенно не взволновало. Сначала на грань банкротства зашатался объект Bayrock в Форт-Лодердейле, на строительство которого было потрачено более 140 миллионов долларов.[1] В 2009 году, когда башня все еще представляла собой пустую бетонную коробку, Трамп снял с проекта свое имя, а Bayrock оставила ни с чем десятки покупателей, внесших миллионы долларов задатков, а также главный банк-кредитор. К тому времени, во всяком случае, Bayrock, судя по всему, по существу передала контрольную долю в этом и других проектах новому предприятию при поддержке FL Group.[2] Блестящий проект, обещанный Bayrock в Финиксе, Аризона, так и не сдвинулся с места, застряв в конфликте с местным инвестором, утверждавшим, что Феликс Сатер снимал с него деньги.[3] Trump SoHo открылся с большой помпой в 2010 году, но Bayrock и Трамп столкнулись с исками покупателей, утверждавших, что их обманом заставили покупать квартиры с помощью искусственно завышенных показателей продаж.[4] Через три года Trump SoHo лишился права выкупа заложенного имущества.[5] Через четыре года после открытия в 2012 году Trump Tower Алекса Шнайдера в Торонто все еще пустовал на три четверти. К 2016 году он обанкротился, а девелоперская компания, созданная Шнайдером для его строительства, обанкротилась в 2015 году, не выплатив кредит в 300 миллионов долларов Raiffeisen Bank – австрийскому банку, известному тесными связями с правящей кремлевской элитой, а ранее – переводами черного нала с участием банка «Дисконт».[6]

Если все это и было миражом, Трамп тем не менее извлек огромную выгоду из нераскрытых лицензионных платежей и управленческих вознаграждений, а такие структуры, как Bayrock и компании Шнайдера, смогли прогнать деньги через проекты и, возможно, все равно сорвать куш. «Во многих местах банкротство было очень прибыльным, – говорит юрист по беловоротничковым преступлениям Джек Блюм. – Ты берешь у банков деньги на проект, а потом отправляешь его в банкротство. Строительные деньги все равно уходят с тобой».[7]

Приманка

Даже пока складывались американские сделки с недвижимостью, та же сеть манила Трампа серией предложений построить грандиозный Trump Tower в Москве, где Трамп опять

[1] Sallah, Vasquez. Failed Donald Trump Tower Thrust into GOP Campaign for Presidency // Miami Herald, 12 марта 2016 г.

[2] Согласно документам, полученным автором.

[3] O'Brien. Trump, Russia and a Shadowy Business Partnership.

[4] Ben Protess, Steve Eder, Eric Lipton. Trump Organization will Exit from Its Struggling SoHo Hotel in New York // New York Times, 22 ноября 2017 г.

[5] Gary Silverman. Trump's Russian Riddle // Financial Times, 14 августа 2016 г.

[6] Cribb, Chown, Blackman, Varnham O'Regan, Maidenberg, Rust. How Every Investor Lost his Money on Trump Tower Toronto (but Donald Trump Made Millions Anyway) // Toronto Star, 21 октября 2017 г.

[7] Интервью автора с Блюмом, декабрь 2018 г.

получил бы солидный процент за то, что одолжит свое имя, не вкладывая ничего в строительство. Ни одна из этих сделок так и не сдвинулась с места, но их было достаточно, чтобы поддерживать интерес Трампа – и чтобы он и его семья продолжали ездить в Москву. В 2005 году Сатер через Bayrock обещал Trump Tower на месте старой карандашной фабрики на Москве-реке.[1] Земля принадлежала двум банкирам, один из которых входил в совет директоров банка «Дисконт» – того самого московского банка, который был в центре скандала с отмыванием денег, приведшего к убийству первого заместителя председателя ЦБ Андрея Козлова.[2] Сделка развалилась, когда после скандала банкир бежал из России, утверждая, что его заставляли проводить финансовые операции под угрозой со стороны спецслужб.[3] Но к тому времени Сатер уже сопровождал в поездках в Москву дочь Трампа Иванку и его старшего сына Дональда-младшего. Однажды, в ледяной серости московской зимы, в феврале 2006 года, он использовал свои связи, чтобы устроить для Иванки экскурсию по кремлевскому кабинету Путина.[4]

Вскоре в дело вступил Чигиринский. Бизнесмен грузинского происхождения часто проводил время с Иванкой и Дональдом Трампом-младшим в Москве и в лондонском Мейфэре и предложил построить в формирующемся московском финансовом квартале изящный стеклянный небоскреб по проекту Нормана Фостера – он должен был стать самым высоким в Европе и стоить 2–2,5 миллиарда долларов.[5] Он говорил, что готов отдать Трампу 20 процентов прибыли просто за честь использовать его имя. Этот проект рухнул во время финансового кризиса 2008 года, когда обрушилась деловая империя Чигиринского, перегруженная долгами до предела.

Арас Агаларов, бывший партийный работник, протеже Чигиринского, быстро перехватил эстафету. К тому времени Агаларов давно вырос из своих корней руководителя одного из первых советско-американских совместных предприятий и стал одним из крупнейших строительных магнатов Москвы, известным огромным роскошным торговым центром и концертным залом «Крокус Сити», построенным им на окраине Москвы. В ноябре 2007 года он пригласил Трампа на «Миллионерскую ярмарку» – ежегодную выставку предметов роскоши, которую он там проводил. Формально Трамп приехал на этот праздник расточительства и блеска, где продавались роскошные яхты, мобильные телефоны, инкрустированные бриллиантами, и целые острова, чтобы продвигать запуск своей водки «24K Super Premium Vodka» под брендом Трампа в бутылке, украшенной 24-каратным золотом. Эта попытка запустить водочный бизнес в Москве была примерно так же успешна, как попытка возить в Тулу самовары, но, похоже, в лице Агаларова Трамп обрел новое и роковое знакомство.

В ноябре 2013 года Агаларов вновь принимал Трампа в Москве – на этот раз на принадлежавшем Трампу конкурсе красоты «Мисс Вселенная». Агаларов славился своим гостеприимством – и, по словам одного западного банкира, красивыми девушками, работавшими на него. Трамп провел две ночи в пентхаусе роскошного московского отеля «Ритц-Карлтон» с видом на Красную площадь и вышел оттуда сияющим. То, что ему не

[1] Показания Феликса Сатера от 1 апреля 2008 г. по делу Trump v. O'Brien.

[2] Там же.

[3] «Испания вернет России хранителя компромата» // Росбалт, 10 июня 2013 г.

[4] Интервью автора с Сатером, май 2018 г.

[5] Николай Михайлев. «Россия уменьшилась в размерах» // РБК Daily, 14 марта 2012 г.

удалось встретиться с Владимиром Путиным, на что он надеялся, ничуть не омрачило его настроения. «Я прекрасно провел выходные в Москве с вами и вашей семьей», – написал он Агаларовым в твиттере. «TRUMP TOWER – МОСКВА – следующий». Проект Trump Tower в Москве возродился, и Агаларов заговорил о планах крупного нового девелоперского проекта. Переговоры вел Ираклий Кавеладзе, который вместе с Агаларовым открывал сотни американских банковских счетов. Планировалось построить двенадцать объектов рядом с «Крокус Сити Молл» – проект должен был называться «Манхэттен», с двумя башнями в центре: одна названа в честь Трампа, другая – в честь Агаларова.[1] Финансирование должен был обеспечить российский государственный Сбербанк.

Это был еще один проект, который так и не осуществился. Тем не менее, пока Агаларов углублял отношения с Трампом, он быстро поднимался в Москве. Путинское правительство выбрало его для ряда престижных государственных инфраструктурных проектов: сначала для контракта на 73 миллиарда рублей на строительство нового университета на Дальнем Востоке, а затем для строительства двух футбольных стадионов к чемпионату мира 2018 года – по 18 миллиардов рублей каждый.[2]

В 2015 году, когда Трамп решил баллотироваться в президенты США, Шалва Чигиринский был рядом. Он рассказал мне, что вскоре после объявления этого решения был вместе с близким другом и союзником Трампа Стивом Уинном – владельцем казино, ставшим крупным спонсором предвыборной кампании Трампа, а затем председателем финансового комитета Республиканской партии. Чигиринский помнит, как качал головой от радости, но и от недоверия: «Уинн сказал мне: "Шалва, это продлится максимум два месяца, потом с ним будет покончено. Он сам это знает". Но и через три месяца он не сдался. Он становился все популярнее, выступал с речами по всей Америке. В нем было столько энергии. Когда я с ним говорил, меня поражали его решимость, энергия и уверенность в себе».[3]

Даже когда Трамп активизировал борьбу за президентский пост, та же российская сеть активизировала ухаживания за ним. Феликс Сатер вновь появился на сцене почти сразу после объявления решения. Он начал работать с личным адвокатом Трампа Майклом Коэном, с которым был близок еще с юношеских лет на Брайтон-Бич и чей тесть Ефим Шустерман, уроженец Украины, владелец таксопарка, поддерживал тесные связи на вершине московского правительства.[4] Вместе они начали добиваться еще одного проекта московского Trump Tower – на этот раз еще более грандиозного, чем все прежние предложения. Сатер хвастался, что башня – стоэтажный обелиск в стеклянной оболочке, который станет самым высоким в Европе, – принесет Трампу по лицензионному соглашению 100 миллионов долларов.[5] В письме Коэну в октябре 2015 года он обещал задействовать все свои кремлевские связи, чтобы осуществить проект: «Я подключу к этой программе Путина, и мы добьемся избрания Дональда, – писал он. – Мы оба знаем, что никто другой не знает, как провернуть это так, чтобы не помешали глупость или жадность… Я заставлю всю команду Путина в этом

[1] Alan Cullison, Brett Forrest. Trump Tower Moscow? It was the End of Long, Failed Push to Invest in Russia // Wall Street Journal, 30 ноября 2018 г.

[2] Ирина Грузинова. «Миллиардер Арас Агаларов: "Я не умею зарабатывать на государственных стройках"» // Forbes Россия, 11 марта 2015 г.

[3] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[4] Интервью автора с видным московским банкиром, январь 2017 г.

[5] Anthony Cormier, Jason Leopold. Trump Moscow: The Definitive Story of How Trump's Team Worked the Russia Deal During the Campaign // BuzzFeed, 17 мая 2018 г.

участвовать».[1] За финансированием Сатер обратился к ВТБ, государственному банку для кремлевских спецпроектов, а затем к Генбанку – малоизвестному крымскому банку под санкциями, частично принадлежавшему и управлявшемуся его другом детства Евгением Двоскиным, теневым банкиром, стоявшим за столькими схемами черного нала. Словно все соображения о возможном конфликте интересов были выброшены на обочину. Но для Сатера – и для российской разведки – возможно, в этом и был смысл. С этой точки зрения, им нужно было продолжать компрометировать кандидата. Словно подчеркивая это, Сатер даже предложил подарить Путину пентхаус в башне стоимостью 50 миллионов долларов. У этого предложения не было ни единого шанса осуществиться, но оно было из тех, что компрометируют будущего президента США. Письма о предполагаемой башне еще летали туда-сюда в июне 2016 года, когда Трамп был официально объявлен кандидатом в президенты от Республиканской партии.

Пока Майкл Коэн и Сатер строили планы, Агаларов разрабатывал другое направление. Он устроил встречу близкого ему московского адвоката Натальи Весельницкой с Дональдом Трампом-младшим. Встречу предложил сын Агаларова Эмин, ставший известной поп-звездой на всем постсоветском пространстве, через своего пиарщика Роба Голдстоуна – коренастого бывшего журналиста с севера Англии, который сообщил Дональду Трампу-младшему, что Весельницкая предлагает компромат на соперницу Трампа от демократов Хиллари Клинтон. Подробности встречи, состоявшейся в Trump Tower в Нью-Йорке 9 июня 2016 года, стали известны после того, как Пол Манафорт – связанный с Кремлем американский лоббист, какое-то время возглавлявший кампанию Трампа и присутствовавший на встрече, – дал показания следователям Конгресса США. Утекшая переписка позднее показала, что Голдстоун написал Дональду-младшему, смело заявив, что Арас Агаларов встретился с «главным прокурором России» и предлагает «предоставить кампании Трампа некоторые официальные документы и информацию, которые изобличат Хиллари и ее дела с Россией и будут очень полезны вашему отцу… Это часть поддержки г-на Трампа Россией и ее правительством – при содействии Араса и Эмина».[2] «Если это то, что вы говорите, мне это нравится», – ответил Дональд-младший.[3]

Если верить рассказам большинства присутствовавших, встреча, однако, оказалась пустышкой. Весельницкая лишь лоббировала отмену «акта Магнитского» – пакета карательных санкций против российских силовиков за нарушения прав человека, проведенного через Конгресс американским инвестором-активистом Биллом Браудером после гибели в московской тюрьме его юриста Сергея Магнитского. Единственным компроматом на соперницу Трампа в борьбе за президентский пост, который, похоже, был у Весельницкой, оказались документы, показывавшие, что спонсор хедж-фонда Браудера пожертвовал несколько миллионов долларов на кампанию Клинтон. Даже Голдстоуну, похоже, было неловко за эту встречу. Но на следующий день у Голдстоуна было новое послание от Агаларовых для Трампа: он сообщил помощнице Трампа, что у Эмина и Араса Агаларовых «есть довольно солидный подарок на день рождения для Трампа», день рождения которого был через несколько дней, 14 июня. Вскоре была доставлена картина с запиской, которую,

[1] Matt Apuzzo, Maggie Haberman. Trump Associate Boasted that Moscow Business Deal "Will Get Donald Elected" // New York Times, 28 августа 2017 г.

[2] Read the Emails on Donald Trump Jr. // New York Times, 11 июля 2017 г.

[3] Jo Becker, Adam Goldman, Matt Apuzzo. Russian Dirt on Clinton? "I Love it," Donald Trump Jr. Said // New York Times, 11 июля 2017 г.

похоже, никто, кроме Трампа, не читал.[1] Несколько дней спустя стало известно, что компьютерные серверы Национального комитета Демократической партии были взломаны еще весной, по-видимому российской группой, называвшей себя «Guccifer 2.0».[2]

Остальное – история. За месяц до выборов WikiLeaks начал публиковать серию писем, взломанных русскими из почты Джона Подесты, председателя предвыборного штаба Клинтон. Эти утечки сегодня кажутся пустяком по сравнению с тем, что стало известно о работе Trump Organization. Но окружавшая их подача подкрепляла популистские утверждения Трампа о том, что Вашингтон – болото, откуда Соединенными Штатами управляет и ради собственной выгоды кучка инсайдеров. Накануне утечек близкий союзник Трампа Роджер Стоун дважды написал в твиттере, что WikiLeaks вот-вот уничтожит Клинтон.[3]

Когда в ноябре 2016 года Трамп победил на президентских выборах, поначалу русские, казалось, не могли поверить своей удаче. Сцены в российском парламенте были бурными: когда депутат вбежал на заседание в то утро, выкрикивая новость о победе Трампа, весь зал вскочил на ноги под шумные аплодисменты. Вечером лилось шампанское. «Сегодня ночь Трампа для всех американцев и для всего мира, – объявил Борис Чернышов, член националистической ЛДПР. – Сегодня вечером мы можем повторить вместе с г-ном Трампом лозунг: "Да, мы сделали это"», – сказал он, перефразируя лозунг Барака Обамы 2008 года.[4] «Это великий день для американской демократии, – ликовал Сергей Марков, один из главных идеологов Кремля. – Мы должны уважать американскую демократию». Находившийся в Нью-Йорке якобы на шахматном турнире пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков с трудом скрывал восторг. Путин и Трамп, сказал он, «излагают одни и те же главные внешнеполитические принципы, и это невероятно. Феноменально, насколько они близки друг другу в концептуальном подходе к внешней политике».[5]

* * *

Провернула ли Россия грандиозную операцию, чтобы посадить своего человека в Белый дом? Если нет, то в чем был смысл всего этого обхаживания, всех этих приманок в виде сделок со стороны людей, связанных с российской разведкой, накануне стремительного прихода Трампа к президентству? Было ли все это тщательно спланировано или это был чистый оппортунизм? Могли ли они действительно держать его на крючке? По словам Юрия Швеца, Трамп давно представлял интерес. Подходы к нему делались в июле 1987 года, когда он впервые посетил Москву по приглашению Юрия Дубинина, тогдашнего советского посла в США.[6] Его поразили впечатляющая архитектура, щедрое гостеприимство и в особенности женщины. «Его интерес к русским девушкам, к славянским девушкам, всегда был, без сомнения, очень большим», – посмеиваясь, сказал мне один бывший высокопоставленный офицер КГБ, близкий к Путину.[7]

---

[1] Там же.

[2] Philip Bump. A Timeline of the Roger Stone–Wikileaks Question // Washington Post, 30 октября 2018 г.

[3] Там же.

[4] David Filipov, Andrew Roth. "Yes We Did": Russia's Establishment Basks in Trump's Victory; Russians Couldn't Help Gloating a Bit Over Trump's Win // Washington Post, 9 ноября 2016 г.

[5] Andrew Osborn. Donald Trump's Foreign Policy "Almost Exactly the Same as Putin", Kremlin Says // Reuters, 10 ноября 2016 г.

[6] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.

[7] Интервью автора с высокопоставленным российским чиновником, февраль 2017 г.

По словам Швеца, КГБ по крайней мере считал, что тогда завербовал Трампа. Знал ли Трамп обо всем этом – другой вопрос. Но вскоре после возвращения из Москвы он разместил в трех американских газетах объявление на всю полосу, излагая свое мнение о том, что Америка должна прекратить поддержку и защиту ключевых стратегических союзников в Японии и Персидском заливе. «Пришло время покончить с нашим огромным дефицитом, заставив платить Японию и других, кто может себе это позволить, – писал он. – Наша защита по всему миру стоит этим странам сотни миллиардов долларов, а их заинтересованность в собственной защите гораздо больше нашей». Это была политика, словно специально призванная расшатать положение США как мировой сверхдержавы. И, по словам Швеца, «это был полный набор взглядов и интересов, продвигаемых КГБ».[1]

Возможно, мы никогда не узнаем, снабжала ли Россия Трампа деньгами еще в те давние годы. Сам Трамп неизменно отрицал, что когда-либо получал средства российского происхождения. «Я НЕ ИМЕЮ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ – НИКАКИХ СДЕЛОК, НИКАКИХ КРЕДИТОВ, НИЧЕГО!» – написал он в твиттере в январе 2017 года. Но ясно одно: с тех пор как в 1990 году в «Тадж-Махале» впервые появился Чигиринский, его окружала сеть финансистов, связанных с Москвой и Солнцевской группировкой, и разведчиков, и после 2000 года, когда на сцене появилась Bayrock, они активизировали деловые связи.

Соглашение о московском Trump Tower так и не было окончательно заключено. Но было неважно, скрепил ли Трамп сделку там или нет: достаточно было постоянно держать ее у него перед глазами как приманку. Денежный поток вместо этого обеспечивали американские сделки с недвижимостью, организованные той же сетью связанных с Солнцевской группировкой бывших советских бизнесменов. Тот же принцип действовал и в случае встречи в Trump Tower в Нью-Йорке в июне 2016 года. Для русских было достаточно того, что Дон-младший во весь голос одобрил идею получить компромат на соперницу отца от человека, присланного «главным прокурором», то есть представителем российского правительства. По мнению Юрия Швеца, вся эта встреча была разведывательной игрой. К тому времени она стала возможностью еще больше скомпрометировать будущего президента.

Мы до сих пор не знаем, сколько Trump Organization могла заработать на лицензионных сделках и 18 процентах капитала Trump SoHo и были ли у Трампа какие-либо другие скрытые доли в девелоперских проектах Bayrock или в торонтском Trump Tower Алекса Шнайдера. В одних показаниях 2008 года Сатер говорил, что Trump Organization получала от Bayrock «текущие» ежемесячные платежи за «девелоперские услуги» по Trump Tower в Финиксе, хотя этот проект так и не сдвинулся с места.[2] Но он не раскрыл, на какие суммы были эти платежи, кроме одного перевода в 250 тысяч долларов за «оказанные услуги».[3] Без доступа к финансовой документации Трампа пока невозможно узнать, сколько заплатила ему Bayrock.

[1] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.; Donald Trump. Open Letter: There's Nothing Wrong with America's Foreign Defense Policy that a Little Backbone Can't Cure // Washington Post, 2 сентября 1987 г. Доступно: https://assets.documentcloud.org/documents/4404425/Ad-in-The-Washington-Post-from-Donald-Trump.pdf.

[2] Показания Сатера от 1 апреля 2008 г. по делу Trump v. O'Brien.

[3] Там же. Сатер сказал, что Bayrock заплатила Trump Organization 250 тысяч долларов за проект Trump Tower в Финиксе, «чтобы запустить контракт с ними за оказанные услуги», а также вносила «текущий ежемесячный» платеж за девелоперские услуги, – хотя, по его словам, он не помнит, каким был этот платеж. Гартен, главный юрисконсульт Trump Organization, не ответил на просьбу прокомментировать, сколько Trump Organization получила таких вознаграждений от Bayrock и действовали ли аналогичные договоренности по проектам Bayrock в Форт-Лодердейле и Trump SoHo.

В интервью американской телесети ABC Сергей Миллиан – бывший советский эмигрант, говоривший, что работал агентом по продаже объектов Трампа во Флориде, привлекая российских покупателей, и что попутно встречался с Трампом и Майклом Коэном, – утверждал, что знает некоторые ответы. Он сказал, что Трамп вел «значительный бизнес с русскими» и получил «сотни миллионов долларов в результате взаимодействия с российскими бизнесменами». Больше всего он говорил о Тамире Сапире, бизнесмене грузинского происхождения, партнере Bayrock по финансированию Trump SoHo. Некоторые из русских, с которыми имел дело Трамп, по словам Миллиана, потеряли в результате «десятки миллионов долларов». Но пока они теряли, «Дональд Трамп заработал много денег, ведя дела с русскими».[1]

Не утихали слухи о дальнейшей финансовой поддержке из Москвы через Deutsche Bank, который в годы после личного банкротства Трампа в начале девяностых предоставил ему кредитных обязательств и возможных облигационных размещений на сумму более 4 миллиардов долларов. Немецкий банк стал для Трампа кредитором последней инстанции, когда другие банки Уолл-стрит сторонились его как слишком большого финансового риска. После 2011 года его подразделение частного банковского обслуживания выдало проектам Трампа более 300 миллионов долларов кредитов, в том числе на Trump International Hotel and Tower в Чикаго и гольф-курорт Doral во Флориде. Это вызвало в банке большие споры, поскольку Трамп уже допустил дефолт по платежу в 334 миллиона долларов по кредиту в 640 миллионов, выданному коммерческим подразделением Deutsche на Trump Tower в Чикаго. Deutsche всегда поддерживал особые отношения с путинским Кремлем. При Чарли Райане, впервые встретившемся с Путиным в Санкт-Петербурге в начале девяностых, в его московском подразделении находились корпоративные счета ближайших союзников Путина – Тимченко, Ротенберга и Ковальчука, – а сам банк выстроил тесные отношения с могущественным российским государственным банком ВТБ, взяв на работу сына его главы Андрея Костина. Тогдашний глава Deutsche Bank Йозеф Аккерман водил дружбу с Костиным и часто с ним советовался. Позднее Deutsche Bank в Москве стал инструментом незаконного перевода более 10 миллиардов долларов через схему зеркальных сделок, одним из архитекторов которой был близкий друг Феликса Сатера Евгений Двоскин.

Поначалу бизнес Трампа был, вероятно, не более чем удобным инструментом для перекачки средств в США. «Не думаю, что это была давно спланированная стратегическая операция», – говорит Юрий Швец.[2] Но в какой-то момент Трамп стал политической возможностью.

Месть КГБ

Путинские силовики упивались победой Трампа. Многим она казалась местью за распад Советского Союза. «Пока Запад играл в Джеймса Бонда… мы занялись тем, чтобы нас уважали, – говорит Константин Затулин, видный российский депутат. – Когда Запад решил, что соперничество холодной войны закончилось, он перестал уважать противника. Теперь он снова к этому просыпается».[3] Когда пыль давно улеглась, Путин не смог удержаться от выражения своего восторга. Популистские лидеры поднимались и по всей Европе, и с

[1] Стенограмма полного интервью Миллиана ABC News, июль 2016 г.

[2] Интервью автора со Швецом, август 2019 г.

[3] Интервью автора с Затулиным, октябрь 2016 г.

избранием Трампа и надвигающимся выходом Великобритании из ЕС порядок, сложившийся после холодной войны, распадался. «Либеральная идея изжила себя. Она вступила в конфликт с интересами подавляющего большинства населения», – сказал Путин Financial Times в июне 2019 года. Либералы, по его словам, «не могут никому ничего диктовать, как они пытались делать это в последние десятилетия». Еще до победы Трампа Владимир Якунин, например, пытался проводить параллели между растущей волной популизма на Западе и требованиями демонтажа политической монополии коммунистов, возвестившими распад Советского Союза. На самом деле эти два процесса совершенно различны, но Якунин пытался доказывать, что западная элита почти так же постарела и оторвалась от населения, как советская элита в последние дни. «Брексит и Трамп должны быть полезны тем, что вызовут беспокойство у политической элиты и покажут ей, что она слишком зажралась, – говорил он летом перед избранием Трампа. – Она утратила способность реагировать на политические ситуации и отделилась от масс… Это естественный процесс. Когда элита стареет, на смену ей приходят новые силы».[1] После избрания Трампа Якунин наслаждался тем, что считал поражением либерального мирового порядка: «Неоконы, которые думали, что контролируют весь мир, что держат весь мир за яйца, вдруг получили такой удар в лицо, что у них все затряслось. Эта система, которую они построили, не способна существовать, когда есть альтернатива. Самое страшное для них – альтернатива. Путин – альтернатива. Появление Трампа – альтернатива. Шатающаяся Европа – альтернатива».[2] В конце концов он признал, что Россия, как и любая другая мировая держава, использовала свои спецслужбы, чтобы воспользоваться существующими слабостями Запада. «Все спецслужбы проводят активные мероприятия, – сказал он. – Я знаю, о чем говорю. Конечно, когда есть конфликты, каждая сторона пытается найти преимущество. Немцы это делают. Французы это делают. Русские это делают. Цели повлиять на кого-то никогда не было. Была цель поднять Россию с колен. Этого можно добиться, проводя независимую политику… Для этого нужно иметь круг друзей». Это, по его словам, был процесс, не так уж непохожий на времена холодной войны, когда Советы финансировали движение за мир на Западе. «Когда был Советский Союз, вы помните, каким мощным было движение за мир. Советский Союз финансировал это движение. Сейчас у нас абсолютно другая конфигурация. Проблема в том, что наши политики еще не поняли, что в этой битве победителей не будет», – размышлял он, медленно качая головой.[3]

Такие «активные мероприятия» вызвали ответную реакцию. В США расследовались обвинения в том, что Россия приложила руку к возвышению Трампа. Неосторожное признание одного из внешнеполитических советников Трампа в том, что он заранее знал, что у русских есть доступ к электронной почте Хиллари Клинтон, побудило ФБР начать расследование, а увольнение Трампом директора ФБР Джеймса Коми лишь обострило ситуацию. Оно привело к назначению специального прокурора для расследования попыток России вмешаться в выборы, в том числе того, не воспрепятствовал ли Трамп правосудию, уволив Коми, и возможного сговора между Россией и предвыборным штабом Трампа. Американское разведывательное сообщество подавляющим большинством пришло к выводу, что российская военная разведка взломала серверы Национального комитета Демократической партии и пыталась склонить общественное мнение в пользу Трампа с помощью кампании в социальных сетях, – выводы, побудившие наиболее ястребиных членов администрации Трампа вводить все более жесткие

[1] Интервью автора с Якуниным, июль 2016 г.

[2] Интервью автора с Якуниным, ноябрь 2017 г.

[3] Там же.

санкции против российской экономики и ее магнатов. Более двух лет обвинения в причастности России господствовали в заголовках. Десятилетия операций медленно распутывались.

Для Юрия Швеца кампания путинского режима была катастрофой – топорной, неуклюжей и оппортунистической операцией, которая, как он презрительно фыркнул, была примерно так же тонка, как колхоз. «Какой же это успех? – восклицал он. – Они превратили всю Россию в мирового изгоя!»

* * *

Но, несмотря на новые санкции, введенные его администрацией, Трамп по-прежнему был президентом, отвечавшим многим мечтам путинских людей из КГБ. Им двигали собственные давние представления в духе «Америка прежде всего», а также его хаотичный стиль принятия решений. Но он также сразу ясно показал свое почтение к Путину и его окружению. На беспрецедентной встрече в Овальном кабинете в начале своего президентства он сказал министру иностранных дел России Сергею Лаврову и послу России в США Сергею Кисляку, что его не беспокоят утверждения американского разведывательного сообщества о российском вмешательстве в президентские выборы, поскольку Америка делает то же самое в других странах.[1] Вскоре он начал расковыривать западный порядок, стабильные союзы, господствовавшие с конца холодной войны. Во время кампании он утверждал, что НАТО устарело, и намекал, что может признать аннексию Крыма Россией. После избрания он активно подталкивал премьер-министра Великобритании Терезу Мэй – а затем ее преемника Бориса Джонсона – углубить разрыв Великобритании с Европой, угрожая отказать в торговом соглашении с США, если они этого не сделают. Он постоянно донимал страны – члены НАТО жалобами на то, что они не платят положенного. Его отношения с канцлером Германии Ангелой Меркель, оплотом глобального либерального порядка, были в лучшем случае натянутыми, и он критиковал ее иммиграционную политику. В 2019 году он выведет американские войска из Сирии – разрушительный шаг, бросивший курдского союзника США и оставивший России и Ирану заполнять образовавшийся вакуум власти. Он был сумбурным, непредсказуемым, и каждое его заявление, казалось, подрывало американское лидерство. При нем размывались демократические институты США, а американское общество становилось все более расколотым. Внешняя политика использовалась как инструмент торговли собственными политическими интересами Трампа. Бывший посол США на Украине, отозванная со своего поста Трампом, говорила, что Государственный департамент «атакуют и выхолащивают изнутри».[2] К 2019 году Трамп даже публично лоббировал возвращение России в «Большую восьмерку».

Шалва Чигиринский, например, был в восторге от эффективности Трампа. «Все, что он обещал, он делает», – сказал он, когда мы встретились в мае 2018 года. Ему было почти невозможно удержаться от злорадства. Старая советская мечта о том, что Европа, оставшись без американской военной поддержки, растворится в борьбе между своими национальными государствами, могла даже стать реальностью. «Тогда ничего не останется, кроме как прийти русским и забрать всех женщин», – смеялся он.[3]

---

[1] Shane Harris, Josh Dawsey, Ellen Nakashima. Trump Told Russian Officials in 2017 He Wasn't Concerned About Moscow's Interference in US Election // Washington Post, 28 сентября 2019 г.

[2] Sharon LaFraniere, Nicholas Fandos, Andrew E. Kramer. Ex-Envoy to Ukraine Testifies "False Claims" Propelled Ouster // New York Times, 12 октября 2019 г.

Чигиринский, остававшийся на связи с высокопоставленными фигурами российской внешней разведки, такими как бывший министр иностранных дел Игорь Иванов, конечно, казалось, шутил. Но в его смехе была острота. Мир внезапно оказался в диссонирующей новой реальности, где все, казалось, перевернулось с ног на голову. Когда Трамп наконец встретился с Путиным на их первом саммите в Хельсинки в июле 2018 года, многие из тех, кто отмахивался от утверждений о том, что путинский режим как-то держит его на крючке, как от газетной шумихи, столкнулись с суровой картиной. Перед всем миром стоял президент США, по-видимому расшаркивавшийся перед Путиным, рассыпавшийся в похвалах тому, как тот провел только что завершившийся чемпионат мира по футболу, кланявшийся российскому лидеру как «хорошему конкуренту». Трамп прямо противоречил выводам собственных спецслужб о российском вмешательстве в президентские выборы 2016 года, предпочитая то, что он назвал «чрезвычайно сильным и мощным» отрицанием Путина.[1] Перед переполненным пресс-залом улыбающийся, а временами ухмыляющийся Путин задавал тон почти во всем. На вопрос о попытках России повлиять на американские выборы он отмахнулся, назвав их действиями «частных лиц», указав в особенности на обвинение, предъявленное американской прокуратурой его близкому союзнику, бывшему ресторатору по прозвищу «повар Путина» Евгению Пригожину и его компании «Конкорд Менеджмент». Пригожина обвиняли в руководстве интернет-фабрикой троллей, стоявшей за масштабной онлайн-кампанией по склонению американских избирателей к поддержке Трампа. «Они не представляют российское государство, – утверждал Путин. – Это частные лица, а не государство… У вас много людей, в том числе с миллиардными состояниями, г-н Сорос, например, и они вмешиваются везде. Это позиция американского государства? Нет. Это позиция частного лица. Вот и здесь то же самое».[2]

Путин лукавил. Использование термина «частные лица» было типичной тактикой КГБ, позволявшей правдоподобно отрицать любую причастность Кремля, и это касалось самой сути того, как действовал путинский режим. К тому времени при его кагэбэшном капитализме все значимые так называемые «частные» бизнесмены России стали агентами государства. После ареста Михаила Ходорковского в 2003 году их независимость все больше у них отнимали. Финансовый кризис 2008 года углубил этот процесс: многие миллиардеры страны зависели от государственных спасательных кредитов. В 2014 году, когда Россия шла к противостоянию с Западом, они получили окончательный сигнал: даже лояльного миллиардера заставили отдать свой бизнес государству. Магнаты, некогда известные как могущественные олигархи, теперь были вассалами путинского Кремля: за каждым их шагом пристально следили, большинство их телефонов прослушивалось. Сбор компромата, чтобы держать их на коротком поводке, стал для правоохранительных органов большим бизнесом. Многие магнаты стремились оставаться в милости у Путина, выполняя его поручения. «Это кошки, которые любят приносить в Кремль дохлых мышей», – говорит Марк Галеотти, эксперт по путинским операциям влияния из Института международных отношений в Праге.[3] Одобрение Путина было им нужно, чтобы продвигаться в бизнесе, а также чтобы пережить

[3] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[1] Стенограмма пресс-конференции Трампа и Путина, Хельсинки, 16 июля 2018 г., www.kremlin.ru/events/president/news/58017.

[2] Там же.

[3] Интервью автора с Галеотти, февраль 2018 г. См. также: Simon Shuster. How Putin's Oligarchs got Inside the Trump Team // Time, 20 сентября 2018 г.

атаки правоохранительных органов и соперничающих олигархов. «Все они зависят от первого, – говорит близкий соратник одного миллиардера. – Россия – главное место, где они делают деньги, и для этого все они зависят от кивка первого».[1] Они стали частью феодальной системы, в которой роль Путина как высшего арбитра между соперниками, борющимися за бизнес, была источником его власти. Почти любая сделка выше определенного уровня – некоторые говорили, свыше 50 миллионов долларов, – требовала одобрения Путина, хотя один видный западный банкир говорил, что иногда тот вмешивался и в сделки меньшего размера: «Что меня совершенно сразило – так это то, что Путин вмешался в сделку порядка 20 миллионов долларов». В том конкретном случае речь шла о бизнесмене, который хотел все продать и уехать из страны. «Но ему сказали, что никуда он не поедет и должен оставить компанию за собой», – говорит банкир.[2] При такой системе нетрудно представить себе российских бизнесменов, добровольно обхаживающих иностранных политиков от имени Кремля в обмен на кивок Путина насчет участка земли или лицензии на застройку – или просто чтобы не сесть в тюрьму. И это была система, в которой, особенно после аннексии Крыма, путинские люди дали ясный сигнал о том, куда они хотят направить дела. «Идея очень ясная, – говорит один видный российский бизнесмен. – Запад собирается уничтожить Россию, потому что мы православные… У нас есть запасы, которые они хотят у нас отнять. У нас самые талантливые спортсмены, артисты и балерины, и нам завидуют. У нас самые продвинутые люди, самые умные. Теперь каждая часть механизма занимается своим делом, и машина работает сама по себе. Каждый делает что может».[3] Путин и его люди из КГБ зашли далеко. Сети, созданные накануне распада Советского Союза для перекачки активов на Запад, были сохранены и наполнены новыми деньгами. Предполагаемые соратники организованной преступности вроде Бориса Бирштейна по-прежнему были активны и в пределах досягаемости, а внешне более респектабельные бизнесмены, последовавшие за ними, такие как Шалва Чигиринский, тоже по-прежнему были глубоко связаны с российским государством. Если на короткий период при Ельцине существовал риск, что некоторые из этих сетей выйдут из-под контроля, то при Путине спецслужбы вновь утвердили свое главенство. В случае Чигиринского, например, у путинских силовиков был на него рычаг. Его брат Александр остался в Москве после того, как Чигиринский вновь уехал из России после финансового кризиса 2008 года. Чигиринский всем говорил, что живет в изгнании и больше не разговаривает с братом, с которым поссорился. Но он показал мне переписку, которой они недавно обменялись, – в ней были фотографии церемонии проводов на пенсию высокопоставленного московского чиновника, на которой присутствовал Александр, – а девелоперский бизнес Александра почти целиком зависел от поддержания хороших отношений с Кремлем.[4] Сети черного нала, проложенные так давно через Могилевича и его соратников, через Солнцевскую группировку и через Сэма Кислина, Тамира Сапира, Араса Агаларова и Чигиринского, по-прежнему использовались. Такие сети спецслужб, говорит Томас Грэм, директор по России в Совете национальной безопасности США при Джордже Буше-младшем, «никогда не бросают. Они всегда остаются на месте».[5]

[1] Интервью автора с бывшим близким соратником российского миллиардера, июнь 2017 г.

[2] Интервью автора с видным западным банкиром, май 2013 г.

[3] Интервью автора с видным российским бизнесменом, март 2017 г.

[4] Интервью автора с Чигиринским, май 2018 г.

[5] Интервью автора с Грэмом, май 2018 г.

Даже помимо этой сети московских финансистов, расширившейся за счет нового поколения с Брайтон-Бич (Сатер и Двоскин), у Путина появились и другие рычаги влияния. Был Дмитрий Рыболовлев, магнат-удобренщик, переплативший за особняк Дональда Трампа в Палм-Бич. Был Роман Абрамович, бывший нефтяной магнат, в последние годы переключивший внимание с Лондона на Нью-Йорк, где его вторая жена (до их развода в августе 2017 года) купила особняк из бурого песчаника, и они принимали у себя дочь Трампа Иванку, ее мужа Джареда Кушнера и его брата. «Я знаю, что Путин послал туда Абрамовича продолжать кампанию влияния», – говорит один бывший близкий соратник.[1] Был также Виктор Вексельберг – похожий на мандарина глава высокотехнологичного центра «Сколково», потративший часть состояния, сколоченного на российской нефти, на скупку американских активов, в том числе контроля над CIFC, одним из крупнейших в США управляющих обеспеченными кредитными обязательствами, распоряжавшимся частным долгом на 14 миллиардов долларов, что делало его инструментом потенциально безграничного рычага и влияния на задолжавших американских бизнесменов. «Каждый из десяти ведущих российских бизнесменов что-то делает, – говорит бывший близкий соратник одного российского миллиардера. – У них столько денег. Они могут купить кого угодно. США красовались тем, что у них есть Билл Гейтс и Марк Цукерберг, а тут пришла Россия и просто разрушила [эту иллюзию]. Русские всегда хитрее. С холодной точки зрения Путин делает для России фантастическую работу. Любым способом, каким можно обойти правила, они его обходят. У них всегда три или четыре разные версии, а потом все просто теряется в шуме». Путинские люди, по его словам, давно действовали на многих уровнях. «Для них это не большие деньги – дать 3 миллиона долларов Айдахо на медицинский центр и помочь избрать какого-нибудь парня. Это дешево».[2]

[1] Интервью автора с бывшим близким соратником Абрамовича, май 2017 г.

[2] Интервью автора с бывшим близким соратником российского миллиардера, июнь 2017 г.

ЭПИЛОГ

Система

Если за пределами своих границ путинская Россия представляла все большую угрозу западному либеральному порядку, то внутри страны система кагэбэшного капитализма, похоже, костенела и, возможно, становилась нежизнеспособной. Мафиозная система жесткого контроля и коррупции проникала в каждую щель общества, в каждое политическое решение и каждую деловую сделку. После разгрома ЮКОСа и Михаила Ходорковского власть силовиков расширилась до такой степени, что у ФСБ появились рычаги давления почти на каждого бизнесмена и каждого регионального политика, сколь бы низко в пищевой цепочке он ни находился. Это была система враждующих кланов – включая даже разные ветви правоохранительных органов, – сражавшихся за куски национального богатства, система, в которой выжить означало сотрудничать. Те, кто бунтовал, оказывались в тюрьме. История одного сравнительно мелкого чиновника служит образцом того, как работала эта система. В отличие от тысяч других, бесследно исчезнувших после заключения под стражу до суда, этот чиновник опубликовал разоблачительные документальные свидетельства, показавшие коррупционное переплетение спецслужб и организованной преступности, определявшее даже самые мелкие вопросы региональной власти. След, который он раскрыл, вел к генералу ФСБ, работавшему над схемами черного нала с другом Феликса Сатера Евгением Двоскиным.

Александр Шестун был главой Серпуховского района – небольшого клочка сельской местности примерно в ста километрах к югу от Москвы. В бурном российском капитализме девяностых его успех как прожженного торговца стройматериалами сделал его одним из богатейших бизнесменов района – большой рыбой в маленьком пруду.[1] С момента избрания главой района в 2003 году он всячески старался демонстрировать свою преданность путинскому государству. Он вступил в прокремлевскую партию «Единство» и тесно работал с ФСБ. Шестун был тем, кого в ФСБ называли «торпедой». Он согласился тайно записывать разговоры с местными бизнесменами и чиновниками, чтобы снабжать ФСБ компроматом, способным потопить их соперников. Это было почти повторением советской системы осведомителей, когда граждане доносили на соседей, чтобы оставаться в ладу с властями и не попасть в тюрьму, – только теперь она стала в сто раз изощреннее.

Работа Шестуна оказалась для ФСБ чрезвычайно ценной: он помог ей сохранить превосходство, сдав группу региональных прокуроров, крышевавших подпольный игорный бизнес.[2] Но когда в 2013 году был назначен новый влиятельный губернатор Московской области, его дни на посту главы района были сочтены. Новый губернатор был бывшим заместителем министра обороны Сергея Шойгу. Близкий союзник Путина Геннадий Тимченко вкладывал деньги в бизнес его семьи, и он хотел заполучить себе лакомый кусок недвижимости, которым распоряжался Шестун. Когда срок Шестуна на посту главы района подходил к концу, ФСБ возбудила уголовное дело в связи с покупкой им земли, на которой он построил свой дом. Но вместо того чтобы смириться с неизбежным, Шестун уперся. Когда Иван Ткачев, генерал ФСБ, с которым он прежде сотрудничал, начал шантажировать его этим делом, Шестун записал их разговоры, а позднее выложил часть из них на YouTube.

[1] Лучший рассказ о том, что произошло с Шестуном, см.: Arkady Ostrovsky. A Russian Tale: The Rise and Fall of Alexander Shestun // The Economist, 22 декабря 2018 г.; подробности о его деловой карьере в девяностые см. также в официальной биографии Шестуна: cyclowiki.org/wiki/Aleksandr_Vyacheslavovich_Shestun.

[2] Ostrovsky. A Russian Tale.

Ткачев был начальником влиятельного Управления «К» ФСБ, которое формально должно было расследовать финансовые преступления, а на деле курировало многие схемы черного нала. По словам бывшего видного банкира, знавшего Евгения Двоскина, он тесно работал с Двоскиным и Иваном Мязиным, управляя многими схемами перевода черного нала.[1] Шестун позднее говорил, что часто видел Ткачева в компании Двоскина, а также еще одного банкира, руководившего связанными схемами отмывания денег, по которым на счета на Западе ушли десятки миллиардов рублей.[2] Ткачев также использовал свое положение, чтобы не допустить расследования МВД в отношении некоторых из этих схем. Когда в 2014 году двое полицейских следователей, Денис Сугробов и Борис Колесников, подобрались слишком близко, Ткачев организовал их арест. Колесников, находясь под стражей, выпал с балкона и разбился насмерть.

На одной из записей, выложенных Шестуном, Ткачев и высокопоставленный чиновник администрации Кремля упоминали судьбу полицейских, пытаясь вынудить Шестуна уйти с поста. «Тебя не оставят в покое, – угрожал Ткачев. – Вопрос доведен до президента. Директор ФСБ, руководитель администрации президента – все об этом говорили. Будешь дергаться – тебя переедут катком. Ты не видел, что с Сугробовым случилось?.. Тебе зачем это надо? Зачем тебе, жене, детям такие проблемы? Тебя все равно посадят, и будешь сидеть, сколько будут держать. Ты должен это понимать». Затем он рассказал ему, что уже посадил целый ряд гораздо более могущественных губернаторов, упиравшихся, когда их меняли, и перечислил их одного за другим. «Покажи мне Удмуртию – он там был царь и бог. Покажи мне Марий Эл – тоже царь и бог. Сахалин, Владивосток – вот он был самый крутой, а я его голыми руками вынес. Я со всеми губернаторами работал, со всеми главами регионов».[3]

Ткачев сказал Шестуну, что у него было бы больше шансов выжить, если бы он конфликтовал с организованной преступностью, а не с путинским государством: «Ты нормальный парень. Ты не предатель. Ты всегда умел держать удар. Но сейчас ты реально попал под каток. Лучше бы ты с бандитами связался».[4] Во всяком случае, сказал он ему, Путин поддерживает связь с главой одной местной преступной группировки, Сергеем Лалакиным, иначе известным как Лучок. «Президент с ним разговаривает. Он медаль получил. Как же с ним не разговаривать? Жизнь такая, понимаешь».[5]

Это была система, которая, по словам одного человека из кремлевского круга, становилась нежизнеспособной.[6] Успехи внешнеполитических авантюр Путина давно вознесли президента высоко над остальным ближним кругом. Но среди путинских силовиков обострялась грызня. Экономический спад, вызванный западными санкциями, вел ко все более ожесточенной борьбе за контроль над ресурсами и богатством. Игорь Сечин, шепотом сообщал человек из кремлевского круга, стремительно набирал силу. Быстро и без шума он

[1] Интервью автора с видным российским банкиром, июнь 2018 г.

[2] Анна Красноперова. «Арестованный Александр Шестун рассказал о коррупции в ФСБ» // The Insider, 26 июня 2018 г., https://theins.ru/news/107934.

[3] «Тебя переедут катком – генерал ФСБ угрожает в Администрации президента» // pasmi.ru, 20 апреля 2018 г., https://pasmi.ru/archive/208765/ (с аудио- и видеозаписью).

[4] «ФСБ считает губернатора Воробьева опаснее бандитов» // pasmi.ru, 11 ноября 2018 г., https://pasmi.ru/archive/223752/ (также с аудиозаписью).

[5] Там же. Лалакин был главой подольской группировки в Московской области, с которой бывший глава Промсбербанка Александр Григорьев и Иван Мязин работали над молдавской схемой и зеркальными сделками.

[6] Интервью автора с человеком из кремлевского круга, февраль 2017 г.

получил одно из высших званий в ФСБ – генерал-полковника – и назначил на руководящие посты в ФСБ своих людей, выполнявших его приказы. Некогда всемогущий бывший глава РЖД и близкий союзник Путина Владимир Якунин, например, похоже, переживал трудные времена. Его близких соратников задерживали и арестовывали. Один российский магнат предполагал, что им оставалась лишь одна подпись до показаний против самого Якунина.[1] В то же время коррупция пронизывала все уровни системы – вплоть до сделок приближенных по завышенным ценам на поставки колбасы и других продуктов питания для элитной личной охраны Путина, Росгвардии.[2]

В обстановке обостряющейся борьбы и растущей изоляции России «те, кто раньше беспокоился о том, что подумает Запад, давно об этом забыли, – говорит один российский магнат. – Теперь это только битва за выживание». Одна высокопоставленная московская судья, когда-то заботившаяся хотя бы о видимости соблюдения законности, давно была поглощена системой. Ее дочь получала огромную зарплату в «Роснефти», государственном нефтяном чемпионе, и она не стала бы делать ничего, что поставило бы это под угрозу. «Эти люди изменились, – говорит магнат. – Она как будто крови напилась. Она полностью часть системы. Теперь они думают только о том, как быть жестче и безжалостнее остальных».[3]

Российских чиновников после санкций, похоже, так мало заботили западные инвестиции, что в феврале 2019 года они даже арестовали одного из немногих оставшихся в России западных инвесторов, Майкла Калви, заморозив активы его фонда, готовые к захвату путинскими силовиками.

Но санкции, грызня и почти монопольная экспансия путинских людей непрерывно тормозили экономику. До крымской кампании, иронически заметил один западный юрист, Россия шла к тому, чтобы к 2020 году стать пятой экономикой мира.[4] Теперь, по его словам, ей повезет, если она окажется тринадцатой, и, похоже, это никого не волновало. Рост застыл на уровне чуть больше 1 процента. Если раньше большинство его клиентов были частными бизнесменами, то теперь все они, похоже, в том или ином качестве действовали от имени путинского государства, сказал он.

«Вот что бывает, когда к власти приходит КГБ. Все, что они умеют, – это проводить тайные операции», – говорит бывший высокопоставленный государственный чиновник.[5]

Всплеск патриотизма и гордости после аннексии Крыма продержался ровно столько, чтобы обеспечить Путину переизбрание в марте 2018 года с 77 процентами голосов. Но вскоре после этого общественная поддержка Путина внутри России наконец начала падать. Неписаный договор, позволявший ему и его окружению править как вздумается, пока росли доходы, расползался по швам.

---

[1] Интервью автора с российским магнатом, февраль 2017 г.

[2] Алексей Навальный. «Кто объедает Росгвардию» // ФБК, 23 августа 2018 г.

[3] Интервью автора с российским магнатом, сентябрь 2019 г.

[4] Интервью автора с западным юристом, сентябрь 2019 г. До Крыма Путин неоднократно обещал сделать Россию к 2020 году пятой экономикой мира. Казалось, она шла к этому. В 2011 году Центр экономических и деловых исследований прогнозировал, что к 2020 году Россия займет четвертое место (см.: Philip Inman. Brazil passes UK to Become World's Sixth Largest Economy // Guardian, 26 декабря 2011 г.). В 2013 году, по данным МВФ, Россия была восьмой экономикой мира. В 2019 году – одиннадцатой.

[5] Интервью автора с бывшим высокопоставленным государственным чиновником, апрель 2019 г.

Как и в советские времена, путинская Россия сосредоточивалась на операциях влияния и восстановлении веса страны за рубежом, пренебрегая развитием внутренней экономики. Путинское правительство все более открыто наращивало расходы на демонстрацию военной мощи на Ближнем Востоке и на политическую поддержку дружественных стран, стремясь расколоть западные союзы. По данным независимого телеканала «Дождь», расходы страны на военную кампанию в Сирии составили 3 миллиарда долларов, еще 1 миллиард был обещан на восстановление сирийской инфраструктуры.[1] В то же время Россия выкатывала новые поколения ракет. Развивающимся странам раздавались кредиты – Венесуэла получила более 20 миллиардов долларов – в надежде, что они поддержат дело России против либерального Запада. И все это – помимо неисчислимых сумм черного нала, выкачиваемых из страны на тайные операции по покупке иностранных политиков и влияния.

Но в то же время в 2018 году правительство сообщило населению, что средств на выплату пенсий становится все меньше и придется повысить пенсионный возраст. «Люди понимают, что у режима много денег, – говорит бывший заместитель министра энергетики, а ныне оппозиционный политик Владимир Милов, – и на этом фоне правительству говорить, что у нас нет денег на пенсии, – большая ошибка. Пенсии – одна из главных гарантий, которые государство должно давать населению. Люди выстраивали вокруг этого всю свою жизненную стратегию. Кремль думал, что поддержка Путина народом безусловна, как великого царя. Но ему не простят всего».[2]

По мере того как Москва приближалась к местным выборам в сентябре 2019 года, появились первые признаки того, что однажды может наступить критическое противостояние между царем и его народом. Тем летом ОМОН силой задерживал сотни протестующих, вышедших на улицы против недопуска оппозиционных кандидатов, некоторым грозили пятнадцатилетними сроками по новым драконовским законам, а лидеров оппозиции хватали и неделями держали под арестом. Жесткая реакция на мирные протесты означала только одно: в путинских силовиков вселялся страх. Доверие общества к Путину упало до минимума в 31,7 процента – пока Кремль спешно не распорядился пересмотреть методику опросов.

Волнения вскоре улеглись, и, подкрепляемые постоянной дозой государственной пропаганды и бюджетных подачек, рейтинги Путина снова начали расти. Но Путин и его силовики отнеслись к тревожным сигналам серьезно. Путин вскоре должен был вновь упереться в конституционное ограничение своей власти: на этот раз в 2024 году – в конце его второго подряд президентского срока после возвращения в 2012 году, – когда по конституции он должен был уйти. Растущая неопределенность в вопросе о том, кто его сменит, уже обостряла грызню среди элиты, а путинские люди слишком остро понимали опасности любой передачи власти. Они видели, какой угрозе подвергалась ельцинская «Семья», вступая в последний год правления Ельцина. А с каждым годом собственного двадцатилетнего правления Путина потенциальные угрозы, с которыми лично мог столкнуться он – или любой из его силовиков, – выходили далеко за пределы всего, что угрожало ельцинской «Семье». Любая передача власти, даже внутри правящей элиты, была чревата опасностью. Были взрывы жилых домов, захват театра на Дубровке, то, как был проведен штурм в Беслане, разгром

[1] «Коротко о том, сколько миллиардов и на какие страны тратит Россия» // Телеканал «Дождь», 15 ноября 2018 г. См. также: Andrei Biryukov, Evgeniya Pismennaya. Russia Dips into Soviet Playbook in Bid to Buy Allies Abroad // Bloomberg, 23 октября 2019 г. К 2022 году Россия, как сообщал Bloomberg, должна была удвоить ежегодное экспортное кредитование иностранных государств до 6 миллиардов долларов – возврат к советской практике.

[2] Интервью автора с Миловым, сентябрь 2018 г.

некогда самого богатого человека России, а затем подрыв правовой системы и экономики страны и сотни миллиардов долларов, над которыми они взяли контроль, укрепляя собственную власть, а затем проецируя ее за рубеж. Невозможно было предсказать, куда может привести ответный удар. То, как далеко они зашли, выковывая собственную крепость власти, так глубоко втянуло Путина и его силовиков в паутину компромата и преступлений, что единственным способом обезопасить свое положение было найти способ продлить правление Путина – или по меньшей мере способ затянуть переходный период.

Они уже настолько укрепили свою хватку на политической системе страны, что любой вызов извне казался отдаленной возможностью. Но неопределенность и грызня в их собственных рядах создавали уязвимости, а падающая поддержка правящей кремлевской партии «Единая Россия» представляла все больший риск. 15 января 2020 года Путин выступил с неожиданным заявлением: он предлагал изменения в конституцию, которые оставили бы ему возможность сохранить хватку на политической системе. Полномочия парламента расширялись, давая ему больший контроль над правительством, но, что важнее, расширялись и полномочия президента. Будущие президенты смогут по своему усмотрению увольнять судей, министров и премьер-министра. А главное, заявление оставляло Путину возможность остаться президентом, если растущее общественное недовольство или нарастающая грызня сделают невозможным для него безопасный уход от власти. По новой конституции он мог баллотироваться еще на два президентских срока, что по существу позволяло ему править Россией пожизненно. Или же предложенные поправки позволяли Путину продолжать направлять политику с большой высоты – в роли своего рода отца нации, возглавляющего наделенный новыми полномочиями Государственный совет. Поначалу этот путь казался более вероятным, но в конце концов, похоже, был отвергнут. Его можно было избрать, только если бы Путин счел безопасным начать постепенно отходить от более активной политики. Путин, однако, стал ясно давать понять, что так не считает, представляя конституционные поправки как необходимые для стабилизации страны во времена «чрезвычайной турбулентности».

Одним махом Путин, казалось, стремился упредить любой возможный политический вызов. Никогда прежде он не решался всерьез задумываться о формальной перекройке конституции страны. Хотя по существу его люди давно попирали ее содержание, ее всегда оберегали как основу стабильности страны. Более того, словно предвидя возможные внешние угрозы, Путин смело заявил также, что Россия больше не будет подчиняться решениям международных судов, еще больше углубляя изоляцию страны – на этот раз по собственному выбору режима.

Правление его людей, казалось, костенело. Но теперь, когда он открыл ящик Пандоры конституционных изменений, оно с каждым днем рисковало становиться и все более хрупким.

Расплата

Когда в декабре 2013 года Владимир Путин согласился на досрочное освобождение Михаила Ходорковского после десяти лет в сибирской колонии, это был последний широкий жест великодушного царя. Шел канун зимних Олимпийских игр в Сочи – в мире, который теперь кажется совсем другим. Это было время до санкций, до того, как мир осознал разъедающую силу российского черного нала и возрождение глобальных амбиций России. Но уже тогда, словно символ всего, что должно было произойти, освобождение Ходорковского было эхом обмена заключенными времен холодной войны.

Десять лет Ходорковский жил на жидкой баланде и картошке, собирая бумажные папки в огромном продуваемом ангаре на скованном льдом севере России, пока над его головой жужжали камеры наблюдения, следившие за каждым его движением. Без предупреждения его затолкали в тюремный фургон, который, громыхая, провез его через заснеженный лес к маленькой обледенелой взлетной полосе, где его ждал двухмоторный самолет. Его доставили в Шёнефельд – унылый аэропорт к югу от Берлина, бывший когда-то самым западным форпостом советской власти, где его встретил Ханс-Дитрих Геншер, бывший министр иностранных дел Германии, некогда находившийся в центре переговоров об объединении Германии. На следующее утро, после короткого отдыха и трогательной встречи с родителями, он отправился в музей «Чекпойнт Чарли» на месте печально известного пограничного перехода времен холодной войны между Востоком и Западом.

Там он поздоровался с избранной группой журналистов, которых знал до заключения. Со своей легкой улыбкой, безупречно выбритый, в отглаженном костюме Armani, он на первый взгляд выглядел так, будто только что вышел из зала заседаний совета директоров. Но бледно-серый цвет лица и тревожный взгляд выдавали изнурительный путь, приведший его сюда. Волосы были аккуратно подстрижены, но за прошедшие годы стали белыми. «Большинство из вас я последний раз видел десять лет назад, – сказал он. – Для меня эта встреча – своего рода мост к свободе. Я хочу сначала поговорить с людьми, которых знаю». Он отвечал на вопросы о времени в заключении и о событиях, которые к нему привели. Больше всего его заставил задуматься вопрос о реакции Запада на его арест. Он запнулся с ответом, покраснел и сказал, что был разочарован действиями некоторых.

Когда мы разговаривали почти четыре года спустя в уютном кабинете его лондонского офиса на Ганновер-сквер, вопрос об участии западных банков и энергетических мейджоров в захвате ЮКОСа и их содействии ему все еще глубоко его задевал. Я спросила, не подготовил ли Запад этими действиями в какой-то мере почву для последующих попыток России подорвать западные институты. «Стратегической ошибкой некоторых западных институтов было думать, что можно жить без принципов, – ответил он. – Они думали, что это здорово: "Мы будем работать с Путиным, потому что на этом можно заработать". Но оказалось, что это не такая уж хорошая идея. Это отсутствие принципов привело Запад к тем последствиям, которые он сейчас переживает. Это постоянное изменение того, что считать хорошим, а что плохим, привело к тому, что общество само утратило эти принципы. И теперь у нас ситуация, когда к власти приходят популисты. Все переворачивается с ног на голову. Они указывают на пример Путина и говорят: "Смотрите, он всех обманул, но все равно добился политического успеха"».[1]

Хотя Ходорковский не святой и не слишком похож на борца за свободу, поддержка Западом захвата Кремлем его компании и узурпации им верховенства права облегчила господство путинских силовиков и способствовала их дальнейшей интеграции в западные финансовые рынки. Слабость западной капиталистической системы, в которой деньги в конечном счете перевешивали все прочие соображения, оставила ее широко открытой для кремлевских манипуляций.

В России охотное соучастие Запада помогло создать кагэбэшную имитацию нормальной рыночной экономики. Институты власти и рынка, которые должны были быть независимыми, на деле были не более чем кремлевскими ширмами. Решения российских судов

[1] Интервью автора с Ходорковским, июль 2016 г.

на бумаге выглядели так, будто могли быть законными. В деле Ходорковского нефтяной магнат прошел через более чем два года судебных заседаний и два комплекса уголовных обвинений, второй из которых обвинял его в хищении всей нефти, когда-либо добытой ЮКОСом, – той самой нефти, с которой его прежде обвиняли в уклонении от уплаты налогов. Но в действительности решения суда были не решениями, а кремлевскими директивами. Судебная система была не судебной системой, а рукой Кремля. То же касалось парламента, выборов и олигархии. Путинские люди из КГБ контролировали все это. Это была призрачная система призрачных прав – и для частных лиц, и для бизнеса. Любого, кто перешел дорогу Кремлю, в любой момент могли посадить по подтасованным или сфабрикованным обвинениям. Права собственности зависели от верноподданничества Кремлю.

В системе, где воровство было повсеместным, где собственность постоянно переделялась по кивку и за взятку нужному человеку в Кремле и правоохранительных органах, у путинских людей был компромат на всех. Страна вернулась во времена осведомителей. Все записывали друг друга. Все знали, что все прослушивается. В декабре 2017 года министр экономического развития Алексей Улюкаев, снятый на камеру при получении взятки в 2 миллиона долларов от Сечина в ходе операции, которую организовал сам Сечин, чтобы устранить политического соперника, был приговорен к восьми годам заключения. Братья Магомедовы, некогда видные олигархи на вершине стратегической портовой отрасли, были посажены в марте 2018 года – формально за организацию преступного сообщества и хищение государственных средств. Но их настоящим преступлением, по словам видного российского банкира, было то, что они загостились: «Они зашли слишком далеко. Все очень просто: когда фильм кончается, надо выходить из кинозала. Не остаешься ждать следующего сеанса».[1] «Теперь они могут заставить исчезнуть кого угодно, – говорит другой магнат. – Олигархов, министров. Никто не знает, что происходит в деле братьев Магомедовых. Это были супер-олигархи, а теперь никто не знает, где они».[2]

Заложниками системы были все, в том числе посредники во власти ельцинской эпохи, открывшие путь к власти путинским силовикам. Бывшие кремлевские чиновники, такие как Александр Волошин и бывший премьер-министр Михаил Касьянов, никогда не будут свободны говорить или действовать свободно. Путин ясно дал им понять, когда они уходили от власти, что знает, где их деньги.[3]

Крепче всех к системе были привязаны сами Путин и его силовики. После всего, что они сделали ради укрепления собственной власти, они не могли доверять никому, даже в собственном кругу, а Путин, неуклонно устраняя всех политических соперников и сосредоточивая власть в своих руках, загнал себя в такой угол, что выхода у него почти не осталось.

Даже те, кто бежал из России, как Сергей Пугачев, знали, что по-настоящему уйти от досягаемости системы им никогда не удастся. Для Пугачева его маневры и манипуляции, помогшие двадцать лет назад привести Путина к власти, теперь – постоянный источник раскаяния и сожалений. «Я усвоил важный урок, – сказал он, когда мы беседовали в его доме во Франции на фоне очередного правового наступления на него. – А именно: власть священна. Когда ты считаешь, что народ глуп и что если не действовать, то он проголосует за

[1] Интервью автора с видным российским банкиром, июнь 2018 г.

[2] Интервью автора с российским магнатом, январь 2019 г.

[3] Интервью автора с видным российским банкиром, январь 2019 г.

коммунистов, – это большая ошибка. Мы все думали, что народ не готов, и поставим Путина. Но власть от Бога. А если власть от Бога, то и вмешиваться не нужно… Народ ничего не знал о Путине. И за три месяца он стал президентом. Конечно, мы думали, что это круто. Мы думали, что спасли страну от коммунистов, от Примакова и Лужкова. Но теперь неясно, какой исход был бы хуже. Лучше бы к власти пришел Примаков. Его бы через год свергли. Когда я уехал из России, я думал, что оставил все это позади. Но это по-прежнему преследует меня повсюду. Моя судьба привязана к судьбе Путина… Мы привязаны друг к другу, что бы ни было».[1]

В спешке, стремясь привести своего человека к власти и спасти ельцинскую «Семью» от ареста, Пугачев пренебрег предупреждениями Бориса Березовского о том, что назначить кого-то из КГБ – значит «войти в порочный круг. Они ничего не могут изменить». Он пренебрег потрясенной реакцией бывшего наставника Путина Анатолия Собчака, который, услышав, что Путина назначат премьер-министром, сказал: «Не пугайте меня!» «Я думал, может быть, он ревнует, – говорит удрученный Пугачев, у которого до сих пор краснеют щеки при этом воспоминании. – Но он, конечно, все знал. Я сам теперь в ужасе».[2]

Но во многих отношениях новейшая история России была написана задолго до него. Жребий был уже брошен. КГБ по-прежнему был повсюду в правящей элите России. Идею люстрации – запрета на государственные должности для всех, кто работал с КГБ, – поднимал Ельцин, но ее быстро отложили высокопоставленные чиновники его администрации, все до одного кагэбэшники разного опыта и ранга. «Они сказали ему, что это невозможно, – говорит Пугачев. – Некому будет работать. Это ударило бы по 90 процентам правящей элиты. Людей, которые так или иначе не сотрудничали, было очень мало».[3]

Российская революция совершила полный круг. Реформаторы, почти тридцать лет назад с такими большими надеждами объявившие миру, что страна вступила на новый рыночный путь к глобальной интеграции, либо вскоре оказались скомпрометированы, либо все это время работали с КГБ над переходом России. Те, кто верил, что внедряет свободный рынок, недооценили неувядающую силу силовиков. «Это трагедия России двадцатого века, – говорит Пугачев. – Революция так и не была завершена». С самого начала силовики пускали корни для реванша. Но с самого начала, похоже, они были обречены повторить ошибки прошлого.

[1] Интервью автора с Пугачевым, июль 2015 г.

[2] Интервью автора с Пугачевым, сентябрь 2014 г.

[3] Интервью автора с Пугачевым, январь 2019 г.